

Космический маразм

Предисловие	2
Часть 1	3
Глава 0. Зарождение	3
Глава 1. Гибель Конотопа	19
Глава 2. Как утонул Конотоп	26
Глава 3. Пожар	29
Глава 4. Посреди океана	34
Глава 5. Эгозон	35
Глава 6. Протокультура	45
Глава 7. Е-761	54
Глава 8. Конгресс	62
Глава 9. Мудрость Соломона	73
Глава 10. Противостояние	76
Глава 11. Не в своей тарелке	80
Глава 12. Свято место пусто не бывает	97
Глава 13. Верхний торец Седьмой Плиты	120
Часть 2	141
Глава 1. Белый дом	141
Глава 2. Кузбассы и другие	157
Глава 3. Строевая подготовка-5	166
Глава 4. Открытая добыча каменного угля	171
Глава 5. Последний самолёт на Балеарские острова	177
Глава 6. Чемодан	187
Глава 7. Посреди океана	197
Глава 8. Ретурн	214
Часть 3	227
Глава 1. Взлёт	227
Глава 2. Парк культуры и отдыха	239
Глава 3. Тамара и демон	252
Глава 4. Остров погибших обезьян	259
Глава 5. Сколько воды утекло	275
Глава 6. Грудью проложим себе	284
Глава 7. Свой среди своих	298
Глава 8. Истинный маразм	309
Глава 9. Зарождение	314

Предисловие

Эта книга создавалась непростительно долго, примерно двадцать два года. Это не значит, что я писал непрерывно, просто было несколько попыток и не очень много возможностей писать. За это время многое поменялось в мире, и некоторые идеи, возможно, устарели. К примеру, я знаю одну шутку, которую за это время уже придумали независимо от меня. Я не стал убирать её из текста, потому что она мне нравится, и я не чувствую себя виноватым из-за того, что идеи носятся в воздухе.

Я также хочу подчеркнуть, что все персонажи – вымышленные. Даже если некоторые из них получились похожими на конкретных людей, это сделано не намеренно. Просто я тоже живу в реальном мире и черпаю идеи из того, что меня окружает, так что в некотором смысле любой описанный мной образ – собирательный. Исключение составляет глава об интернате, большинство героев которой имеет реальных прототипов. Но даже в этом случае то, что написано – это вымысел, отчасти гипербола и гротеск. Если я написал, что такой-то персонаж подумал то-то и то-то, это совершенно не значит, что реальный человек в жизни думал то же самое. Если кого-то обидит упоминание в этой главе, заранее приношу свои извинения.

Предвижу много критических замечаний. Наверняка скажут, что вот в этом месте написано коряво, здесь глупо, а здесь не смешно. Но прошу поверить мне – я потратил достаточно времени на написание, перечитывание и правку этого текста, чтобы быть уверенным, что теперь он выглядит именно так, как я хочу. Если какой-то фрагмент кажется странным, значит, он так и задуман. Если вы хотите, можете написать то же самое, но лучше, я не имею ничего против, только это будет уже совсем другая книга, не моя.

Теперь о тех, без кого этой книги бы не было. В первую очередь это Владимир Тен и Константин Соколюк, с которыми мы когда-то давно задумали и написали первую версию этого текста. Очень многие идеи принадлежат им или были придуманы совместно. Некоторые моменты я сознательно сохранил из первоначальной задумки, хотя и было бы проще и логичнее всё написать совсем не так, просто я до сих пор испытываю некоторый священный трепет перед тем, старым, «Космическим маразмом». Ради справедливости, впрочем, надо признать, что теперешняя книга ушла от него очень далеко. Ещё я очень благодарен моей жене, которая с пониманием относилась к моей потребности периодически сидеть за компьютером и мучить этот текст, несмотря на постоянное наличие более срочных и важных дел. Спасибо моим бывшим одноклассникам, которых я нагло использовал для этой книги, а также Сергею Леонидовичу Катречко, Маргарите Славиной, Владимиру Семёнову, Ирине Горюновой, Агате Кристи, Жюлю Верну, игрушечному и многим другим людям, животным и предметам, которые разными способами повлияли на этот текст.

Я знаю, что эта книга по большей части полный бред, но не считаю это недостатком. Писал я её для себя. Если кто-то ещё получит от неё некую пользу или удовольствие, я буду рад, хотя моей целью это не являлось.

Приятного чтения!

Часть 1

Глава 0. Зарождение

Когда начинаешь рассказывать длинную и запутанную историю, всегда сложно выбрать, с чего именно начать. Та история, которую хочу рассказать я, может быть, и не самая длинная — это сказать пока трудно — но уж точно одна из самых запутанных, какие мне только встречались. Если же принять во внимание, что эту историю я не вычитал в книге или на сайте с анекдотами, а непосредственно в ней участвовал, то получается, что в моей жизни это однозначно самая запутанная история.

Итак, с чего бы начать? Обычно говорят — начни сначала. Это довольно мудрый совет, только вот у многих историй начала нет. Где начало кольца? Очевидно, вне этого кольца, поскольку наверняка это кольцо было кем-то либо придумано, либо изготовлено.

Так что начну я с того, что, на первый взгляд, никакого отношения к данной истории не имеет. Со сна.

Я был точкой. Просто точкой — хочется сказать «материальной», но в данном случае это слово плохо подходит. Я висел то ли в пространстве, то ли во времени, а может, сразу внутри двух этих ипостасей, если такое вообще возможно. Впрочем, было ли тогда время, это большой вопрос. Похоже, оно только начиналось.

Я существовал, и этим ограничивалось то, что я мог тогда делать. Я не думал, не чувствовал, не видел. Но тут словно бы включили свет, так что как раз появились чувства.

Передо мной, или, вернее, с одной стороны от меня, ведь трудно сказать, где у точки зад, а где перед, висели огромные чёрные сгустки тьмы. Близкие по форме к параллелепипедам, они напоминали надгробные плиты, по неведомой причине парящие в пространстве. Они казались одновременно и полупрозрачными, и плотными, массивными, и в то же время невесомыми. Плиты были покрыты множеством экранчиков, рычажков, клавиш и Бог знает каких ещё крохотных элементиков, которые словно бы ждали своего часа, и, похоже, этот час приближался. Плит было много, то есть больше одной — ведь тогда я мог оперировать только числами «ноль», «один» и «много».

Плиты располагались полукругом, в центре которого таким же чудесным образом висело существо. Оно походило на человека, но человеком не являлось — слишком много ног, глаз и рук, морщинистая блестящая кожа желтоватого оттенка, короткий загнутый книзу клюв... Хотя я не очень уверен, можно ли это назвать клювом — я мог различить на нём улыбку, а это, как правило, для клювов не характерно.

Существо зашевелилось и протянуло все свои руки к плитам. Из одного этого жеста мне сразу стало ясно, что произойдёт дальше. Вот представьте себе рояль. Подходит человек во фраке, откидывает фалды, садится на поворотный стульчик, поднимает крышку... Вы же знаете, что должно случиться?

Собственно, это и произошло. Многорукий пианист начал играть на плитах. Его пальцы ощупывали грани, нажимали кнопки, щелкали рычажками, и по экранам побежали надписи, а индикаторы заморгали, как гирлянды на новогодней ёлке. Трудно сказать, было ли это *andante* или *allegro con spirito*, но я почувствовал музыку. Я ощущал, как она протекает сквозь меня, придавая мне массу, смысл и сознание. Я видел, как внутри плит рождается нечто, готовое набухнуть, взорваться, разлететься во все стороны ярким потоком... И взорвалось.

Меня несло прочь от плит, кружа в разноцветном вихре, и я успел только рассмотреть, как улыбающийся пианист тоже растворяется в струях музыки, разваливаясь на

части. Я летел и летел прочь, всё больше набирая вес, вокруг меня появлялись знакомые объекты, образы и звуки вроде тиканья часов на стене.

Короче говоря, я осознал, что зовут меня Владимир Каллистратович Ясоний, что я лежу в тёплой смятой постели - как и обычно, в одиночестве - и только что видел один из своих бестолковых снов, навеянный очередной порцией прочитанной и просмотренной фантастики.

Надо сказать, что сны мне снились часто, особенно про космос. Обычно - просто чёрное небо, усеянное помигивающими звёздами, иногда причудливой формы корабли на фоне этого неба, а иногда... Ну, в общем, некогда мне было рассуждать о снах, поскольку меня ждал Фёдор.

Я откинул одеяло, встал и решил, что не нужно делать зарядку, потому что времени нет, да и лень. Умылся и побрился, заглотил стакан подозрительно пахнущего кефира, параллельно натягивая футболку и джинсы. Обулся, вернулся в комнату за сумкой, остановился возле раскрытой книги Хайнлайна, прочитав несколько строк, затем заметил листочек, на котором были записаны дела на сегодня:

1. Лекции
2. Тамара
3. Соль

Я вообще всегда любил составлять списки. Мне казалось, что если выстроить в ряд несколько единиц чего бы то ни было, да ещё и пронумеровать, это придаст мыслям чёткость и ясность. Ну и глупый же я тогда был. Впрочем, извиняет меня то, что я почти никогда этим спискам не следовал.

В тот раз я, усмехнувшись, вычеркнул из списка Тамару, и, вполне удовлетворённый, вышел из квартиры.

Да. Ну, так вот. О той истории, которую я начал рассказывать. Я тут подумал, а не является ли она заодно и самой длинной историей в моей жизни. Дело в том, что начала у неё, собственно, нет, а конца пока нет, и вообще он вряд ли предвидится. Можно даже сказать, что сейчас я нахожусь прямо в середине этой истории... Впрочем, я забегаю вперёд.

Я скакал по лестнице вниз – примерно так же, как скачут все молодые люди двадцати одного года, вовсе необязательно такие высокие худощавые блондины, как я. Разглядывал надписи на стене, наполненные ужасно ценной информацией типа «Лысый – лох», «Ташюсь от эмо» и даже «Fсак ую» - что бы это ни означало. Пробежал мимо стареньких почтовых ящиков и заметил, что в моём что-то белеет.

Это оказалось письмо от родителей. Вот уже год как они уехали преподавать русский язык в Свазиленд, так что я был предоставлен сам себе, чем и пытался пользоваться на все сто процентов. Единственным минусом в отсутствии предков я находил нехватку чистых носков и глаженных рубашек, впрочем, и от этого не особо страдал.

Засунув письмо в сумку, я вышел из подъезда и зашагал в сторону проспекта, где и запрыгнул в отъезжающий автобус с цифрами «7», «6» и «1» в номере. На ходу я пытался достать из кармана мобильник, который с завидным упорством уже с минуту исполнял «Имперский марш».

- Привет, - донёсся из туманной дали телефонного эфира знакомый голос Фёдора. – Ты где?

- Я тута, - отозвался я. – Привет. Еду.
- Когда будешь? – уточнил Фёдор.
- Минут через пятнадцать.
- Ладно. Жду возле 14-08.
- Хорошо.

Я подумал, что «четырнадцать-ноль-восемь» - это совсем не 761, и это мне не понравилось. Я любил число 761, и оно попадалось мне по нескольку раз в день. Я много раз пытался подсчитать, какова вероятность того, что одна и та же комбинация трёх цифр попадает так часто.

Вот сколько всего разных цифровых последовательностей встречается за день? Номера машин, квартир, домов, длинные цепочки знаков на денежных купюрах и лотерейных билетах, телефоны и факсы, размеры одежды, показания приборов и слова считалочек...

Меня отвлекли от размышлений утыканные деревьями зелёные холмы, мимо которых проезжал автобус. Вам не казалось когда-нибудь, что Земля – живое существо? Что она дышит, думает, молчит, что деревья, которыми она тянется к небу – это не то пальцы, не то антенны, которыми она общается с космосом?

Кстати, про общение... Я достал из сумки конверт, вскрыл его и пробежал глазами текст. Типичное письмо от родителей, как и следовало ожидать. «Как дела?», «Остались ещё деньги?», «Не заболел?» и прочие риторические вопросы. Мои родители всегда были людьми прошлого века. Писали до сих пор письма на бумаге, фотографировали плёночным фотоаппаратом... На приложенном к письму снимке они стояли в окружении группы белозубых негритят, а отец держал на руках забавную обезьянку. Надпись на обороте гласила «Свази и мы». Я решил, что это имя обезьянки.

Автобус тряхнуло на колдобине, я опомнился и стал протискиваться к выходу. Вырвавшись на свежий воздух из железной коробки, заполненной густыми ароматами пота и перегара, я порадовался жаркому дню, полюбовался дырой в голубом небе, сквозь которую на Землю лился обжигающий поток электромагнитного излучения, а потом засмотрелся на студентку в лёгком сарафанчике. Этому, однако, мешало пятно на моей сетчатке, оставшееся от неосторожного рассматривания Солнца, так что я зашагал в сторону главного здания МГУ.

Оно самодовольно вздымалось впереди, протыкая небо шпилем с огромной звездой, распластав по земле крылья общежитий, громоздя друг на друга этажи, покрытые множеством окон-бойниц, и, казалось, готово было взлететь, как ракета.

Я тут же принялся считать, а способно ли оно взлететь при достаточном количестве реактивных двигателей. «Если не учитывать шпиль, высота здания метров сто пятьдесят», – думал я. – «Можно для упрощения принять его за куб ребром сто метров. Плотность бетона составляет около тысячи килограммов на метр кубический...» Но тут полицейский на входе потребовал предъявить пропуск, и цифры в голове мгновенно осыпались.

Я проследовал мимо пустующих гардеробов, кинотеатра и книжных киосков. Здание строилось в те времена, когда ещё грезили о коммунах, поэтому его создатели позаботились о быте основательно. Люди, которые жили в главном здании МГУ, могли вообще никогда не выходить на улицу. Магазины, парикмахерские, столовые, буфеты, библиотеки, музеи, уже упомянутый кинотеатр и даже бассейн – это малая часть того, что существовало внутри. Это был целый мир или, по меньшей мере, город с населением в несколько тысяч человек. А если вспомнить ещё и легенды о катакомбах внизу, скрывающих гигантскую статую Сталина, и о подземном ходе под Москвой-рекой, то город этот представлялся ничуть не менее значительным, чем Урюпинск или даже Электросталь.

Тем временем я оказался в холле, и меня уже заносило толпой студентов в прибывший лифт. Я дотянулся до кнопки четырнадцатого этажа, и, прижатый к стенке, почувствовал, как кабина плавно тронулась вверх.

- А у меня в детстве «Цирикс» был, – донёсся до меня обрывок чужого разговора. – Грелся, спуко, как батарея, и цэпэуайди на нём глючило.

- Что глючило? – переспросил другой голос, принадлежащий девушке, притиснутой ко мне сзади.

- Ну, это команда такая... – неуверенно начал парень, но тут двери раскрылись, и я, не дослушав, выбрался наружу.

Фёдор подждал меня, сидя на подоконнике, увлечённый чтением толстой потрёпанной книги, которую при моем появлении быстро захлопнул и убрал в портфель.

- Двадцать четыре минуты, – сказал он, и по губам блуждала его всегдашняя неопределённая улыбка, хотя в интонации чувствовался упрёк.

- Извини, - ответил я. – Не рассчитал малость.

- Бывает, - Фёдор прыгнул с подоконника и аккуратно извлёк из портфеля тетрадь с лекциями. Он всегда всё делал аккуратно, да и выглядел так же – коротко стриженный, подтянутый, в чёрной отглаженной рубашке. Единственное, что казалось немного неуместным - если не знать Фёдора, конечно – это фрагмент электрической принципиальной схемы, содержащий транзистор, конденсатор и катушку индуктивности, который был нарисован ручкой на штанине его светло-голубых джинсов – впрочем, тоже весьма аккуратно.

- Держи, - он протянул мне тетрадь.

- А ты-то как? – спросил я. - Сдал?

- Пять, - ответил Фёдор, изобразив на лице лёгкое недоумение по поводу моего вопроса.

- А вообще он это... Сильно лютует?

- Тургенев-то? Ну как ты можешь так думать? Добрейший человек. Двоек поставил много, это да.

Я вздохнул:

- Правильно я не пошёл. До пересдачи хоть подготовлюсь. Я учебник начинал читать – вообще ничего общего с билетами.

- А что на лекции не ходил? – поинтересовался Фёдор.

- Да как-то не получалось... То неохота, то лень.

- Странно, - Фёдор пожал плечами и почесал колено. – Такие хорошие лекции. Жаль, что закончились. Теория вероятностей – одна из немногих областей математики, которую легко наблюдать в реальности. Чистый мир платоновский идей.

- А геометрия? – спросил я наобум – так, чтобы разговор поддержать, хотя тема меня не особенно увлекала.

- В рамках школьной программы – да, отчасти. Только где ты видел в природе идеальный треугольник? Неевклидовость или многомерность уже хуже согласуется с повседневным опытом, а уж доказательство теоремы Гаусса-Бонне ты наяву и вовсе вряд ли встретишь.

- А субмартингалы валяются на каждом шагу? – вспомнил я умное слово.

- Ты удивишься, - сказал Фёдор, улыбнувшись чуть шире обычного, - но так оно и есть.

- Ладно, - я махнул рукой, решив-таки прервать беседу. – Когда лекции вернуть?

- Да хоть осенью. Ну, удачи тебе. Мне в учебную часть надо – зачётку закрыть.

- Пока.

Мы пожали друг другу руки, и я направился в туалет, поскольку чувствовал позывы в нижней части живота – должно быть, сказывался утренний кефир.

Заняв место в свободной кабинке, я задумался. До экзамена оставалось полтора дня. Вроде не так мало времени, но я по опыту знал, как тяжело переваривать математическую дребедень, напичканную формулами, кванторами и словечками типа «допустим», «легко видеть», «отсюда следует»... Мне было совсем не легко видеть, почему из одной кракозябры следует другая, поэтому многие места я пропускал, говоря про себя как раз «допустим».

Я и сейчас не знаю, как относиться к учёбе. С одной стороны, те сведения, которыми наполняется голова, несомненно, имеют ценность. С другой стороны, то, что могло бы оказаться на их месте, имеет ценность ничуть не меньшую. А с третьей стороны, жизнь даёт для того, чтобы её проживать, и небольшая порция мучений – неизбежная плата за всё, что в ней есть хорошего и интересного. Впрочем, тогда я ничего этого ещё не понимал.

Я смыл за собой, щёлкнул шпингалетом, толкнул дверь и похолодел. Она не открывалась. Толкнул сильнее, но безрезультатно. Постучал.

- Фёдор! – крикнул я. – Это ты, что ли, прикалываешься?

Ещё сильнее навалился на дверь, но она не поддавалась. Это меня взбесило, и я полез карабкаться наверх. Поцарапав руку и чуть не уронив сумку в унитаз, я выбрался из кабинки

и спрыгнул на кафельный пол. Два молодых человека у писсуаров глядели на меня испуганно. «Так-то вот!» - пронеслось в моей голове. - «А то, небось, думали, что я не выберусь...» Я посмотрел на дверь, чтобы понять, что же с ней всё-таки не так. И понял.

Легонько толкнув дверь рукой, я увидел, как она распахивается внутрь кабинки.

- Ага... – пробормотал я, краснея. – Так, значит? Понятненько...

Я пулей вылетел из туалета, в первую секунду сгорая от стыда, а начиная с третьей или четвертой уже давясь от смеха. Я проследовал по коридору, отделанному толстыми деревянными панелями, к лифтам и, нажав на кнопку, принялся разглядывать паркет. На высоте сантиметров десяти от пола на стене красовалась надпись шариковой ручкой «Вся наша жизнь – сплошной Уимблдон». Я не вполне понял смысл, но готов был согласиться.

Подъехал полупустой лифт. Я вошёл и пристроился справа.

- Подождите! – раздался крик из-за угла, сопровождаемый топотом бегущих ног. Я машинально придержал дверь, хотя через миг уже испытал по этому поводу сожаление – в лифт запрыгнули Дима Савенков и Тамара.

- Привет, - бросила она мне и отвернулась. Дима меня проигнорировал. Двери закрылись, лифт пополз вниз.

- Привет, - прошептал я.

Тамара стояла всего в полуметре от меня – в чёрной водолазке, черных брюках, русые волосы были собраны в хвост при помощи красной резинки. Полоска кожи на шее белела нестерпимо, вызывая в памяти моё единственное с Тамарой рукопожатие пару лет назад.

- Чего? – сказала она тогда. – Ну, руку-то я тебе, так и быть, пожму.

Дальше следовали непередаваемые ощущения от прикосновения её пальцев к моей ладони, усиленные бешено трепыхающимся сердцем в левой части моей груди...

Моргнул свет, кабина дёрнулась и замерла. Опять вздрогнула и очень медленно поползла дальше.

- Лифт доедет с вероятностью одна двадцать вторая, - сумничал Димка.

- Мне плевать, с какой вероятностью он доедет, - отозвалась Тамара. – Лишь бы доехал.

«Зачем они в этом лифте?» - подумал я. – «Ведь начал забывать уже».

Да, всё это было уже слишком давно, чтобы переживать по этому поводу. Да и о чем, собственно, переживать? Ну, влюбился на первом курсе, ну, понятно, что не вышло ничего, потому что я – олух неотёсанный, а она вон какая...

Лифт раскрыл двери, и Тамара с Димой, держась за руки, зашагали в сторону выхода. Я побрёл туда же. Учить теорию вероятностей не было никакого настроения. Хотелось растечься по полу, набить кому-нибудь морду, проломить стену головой или хотя бы просто прогуляться, что я и выбрал как наиболее реалистичный вариант.

Солнце стояло высоко, листья на деревьях еле шевелились, разморённые жарой, и жадничали отбрасывать тень. Я вырулил на Университетский проспект, затем на Ленинский, и остановился около палатки купить эскимо.

Тамару надо было выбить из головы. Ну что меня с ней связывало? В общем-то, ничего. Просто желание быть рядом, общаться и чувствовать её уважение. Зачем мне это нужно? А чёрт его знает. Когда я её долго не видел, не думал о ней совершенно. Но иногда, после таких внезапных встреч, вдруг накатывало.

Я разорвал обёртку, надкусил мороженое и уронил его с палочки на асфальт. Постоял с минуту в растерянности, запоздало разозлился и быстрым шагом двинулся к центру.

В конце концов, всё было не так уж плохо. Я был свободен во всех смыслах, молод и полон сил, погода стояла замечательная, по улице ходили чудесные люди. Добродушный толстячок не спеша выгуливал таксу на поводке. Такса хромала, бедняжка. Проехал навстречу парень на скейте. Девушка – симпатичная, в короткой светлой шубке, с розовым зонтиком над головой, грациозно проследовала мимо и даже, кажется, мне улыбнулась. Парень на скейте проехал в другую сторону... Стоп!

Я обернулся. Какая, к чёрту, шубка, какой зонтик? На улице плюс тридцать пять!

Как и следовало ожидать, девушки не было. Только толстяк с таксой удалялся вдоль по проспекту в сторону Президиума Академии наук. Но я же отчётливо помнил, как шевелился мех на шубке, как поблёскивали на солнце глаза и губная помада...

Я потрогал голову. Не очень горячая. Ну да, мне же повезло – я блондин, а светлые предметы нагреваются медленнее, поскольку отражают электромагнитные волны. Мысленно пожав плечами, я продолжил путь.

Ленинский проспект, хотя и являлся самой длинной улицей в Москве, всё же довольно скоро закончился. Спустившись в переход, я оказался перед турникетами станции метро «Октябрьская».

Турникеты – изобретение человека с ярко выраженными садистскими наклонностями, гильотина в миниатюре, слегка модернизированная в эпоху расцвета капитализма. Мало того, что они больно били людей по ногам и не пропускали их вопреки человеческой натуре, нуждающейся в свободе передвижения не меньше, чем в воздухе или еде, так они ещё и требовали денег за работу. В те времена уже, правда, не использовались ни монеты, ни жетоны. В ходу были так называемые карточки «Ультралайт» на разное количество поездок – прямоугольные кусочки пластика, снабжённые индивидуальными номерами, которые нужно было прикладывать к жёлтому глазку турникета, чтобы он милостиво сообразовал разрешить проход в метро.

Карточек у меня было две, одна израсходованная, вторая почти новая. Их легко было различить – на новой номер был больше. Я приложил новую, с опаской миновал турникет, и выбросил старую в чёрную цилиндрическую урну перед эскалатором. Ещё раз посмотрел на карточку, оставшуюся в руке. Номер начинался на «30761». У выброшенной было «29176», так что я всё сделал правильно, хотя в голове что-то не складывалось, и я пребывал в состоянии необъяснимой озадаченности.

Возможно, я и зря сейчас так подробно рассказываю про оплату проезда, но всё же хочу подчеркнуть – да, в ту эпоху турникеты ещё не слушались мысленных приказов, как это ни противостоит...

- Извините, - сказали рядом. - А вы не подскажите, как проехать на станцию «Парк культуры»?

Я поднял глаза. Передо мной стоял молодой человек примерно моего роста, тоже худой и светловолосый, даже слегка похожий на меня, если не считать курного носа, глуповатого выражения лица и ушей трубочкой. Его окружало ещё несколько человек, не менее странного вида: полноватый мужчина в пиджаке, надетом прямо поверх засаленной майки советского образца, трясущийся старичок с клюкой и орденой планкой, невероятно толстая женщина, сжимающая в руках журнал «Красота и здоровье», дебиловатый подросток с магнитолой на плече, небритый маленький мужик в допотопной драной телогрейке и девушка в чудовищно огромных очках.

- Вам в эту сторону, - махнул я рукой. – Одну остановку.

- Спасибо, - ответил с улыбкой молодой человек, и я уже собрался идти дальше, как вдруг меня схватила за запястье тётка, представлявшая собой полтора центнера красоты и здоровья.

- Вы уверены в своём ответе?! – рявкнула она.

- Уверен, - ответил я, безуспешно пытаясь вырвать руку из её цепких жирных пальцев.

- Мы туда уже ездили! – выкрикнула она с нескрываемой злобой. – Там всё время «Октябрьская»!

- Не всё время, - тихо поправил её старичок. – Иногда там вообще ничего нет.

«Они сбежали из сумасшедшего дома», - внезапно дошло до меня. – «Или это флэш-моб какой-нибудь».

- Попробуйте ещё раз, - сказал я, освободив, наконец, руку. – Вот увидите – там «Парк культуры».

Подходил поезд. Я зашёл в вагон, и, к моему ужасу, вся безумная компания последовала за мной. Они встали вокруг, уставившись на меня немигающими глазами,

словно я вот-вот должен был превратиться в кактус. У меня от этих взглядов побежали по коже мурашки, и появилось отчётливое желание выйти из вагона или хотя бы переместиться в дальний его конец.

- М-меня Володей зовут, - сказал молодой человек.

- Меня тоже, - машинально ответил я.

Двери вагона захлопнулись. Потух свет. Потом снова загорелся. Мне вдруг показалось, что я уже переживал подобное совсем недавно - в другой жизни, во сне или в фантастическом мире внутри прочитанной, но забытой книги. В воздухе висела напряжённость, которую разрядила фраза из динамика, произнесённая машинистом:

- По техническим причинам поезд дальше не идёт. Пожалуйста, освободите вагоны.

Я вышел на перрон и с облегчением заметил, что Володя и его компания, перекинувшись парой слов, двинулись к поезду, следующему в противоположном направлении. Должно быть, решили проехать до «Парка культуры» через всё кольцо. «Туда им и дорога», - мрачно подумал я и зашёл во вновь подошедший состав.

Я пытался прикинуть вероятность встречи в одной точке пространства сразу семи лиц с психическими отклонениями, но мне не хватало статистики. Да и что, в конце концов, такое «психическое отклонение»? Отклонение от среднего? Так ведь нет среднего среди всего разнообразия человеческих личностей. И разве может себя считать нормальным хоть один человек в мире? Каждый из нас хотя бы раз в жизни совершал какое-нибудь безумие, не говоря уже о том, что безумием является сама жизнь как ограниченно устойчивая форма существования белковых тел...

Опомнися я на выходе из станции «Парк культуры». Семь ополоумевших белковых тел умудрились мне внушить свою навязчивую идею добраться сюда, хотя делать мне здесь было абсолютно нечего. И вот я стоял на улице рядом с театральным киоском, схватившись за голову, и тихо хихикал, понимая, что со стороны выгляжу таким же безумным, как они. Но что уж тут поделаешь...

- Привет ещё раз.

Я обернулся. Передо мной стоял Фёдор, довольный как слон, со своим дурацким аккуратным портфельчиком.

- Привет, - буркнул я.

- Удивительно, не правда ли?

- Что именно? - не понял я.

- Мы с тобой встретились посреди огромного города, в случайном месте. Такое редко бывает. Ты не считаешь, что в этом есть нечто знаменательное?

Я пожал плечами:

- Я вообще не должен был здесь оказаться.

- Этого не может быть. Раз оказался, значит, должен был.

М-да. Я и забыл, как любит Фёдор точные формулировки.

- Ну, так скажем, в мои планы это не входило. Метро перепутал.

- Здорово. А я вышел из МГУ и пошёл так, чтобы мне солнце в затылок светило.

- Зачем?

Лицо Фёдора изобразило возвышенную мечтательность.

- Искал отдохновения своим мыслям и, более того, чувствам. Последовательность людей, зданий и других зрительных образов, поочерёдно сменяющих друг друга - разве это не прекрасно?

Он взмахнул руками, чем-то напомнив мне Христа.

- Не знаю. Мне, наверно, к экзамену готовиться надо. Теория вероятностей.

- Я помню, - Фёдор как-то неожиданно насупился. - Ну, дерзай.

- Пока.

Я снова зашёл в метро. Приложил карточку к глазку турникета. Загорелся красный огонёк - железный страж пускать меня не хотел. Я попробовал ещё раз, с тем же результатом. Похоже, на этой карточке поездок не осталось. Как это могло быть? Я не

понимал. «Будешь задумываться о деталях – с ума сойдёшь», - промелькнуло в голове, и я не мог вспомнить, откуда взялась эта фраза. Однако мысль была дельной, и я поплёлся покупать новую карточку.

Оставшаяся часть пути до дома прошла, в общем, без приключений. Войдя в квартиру, я разулся, бросил на стол ключи и заметил листочек со списком дел. Соль купить я, конечно, забыл. Но идти на улицу уже не хотелось. Нашёл в холодильнике три сосиски, две из них разогрел в микроволновке, потому что варить было лень, и съел. Попил воды из чайника. Потом вернулся в комнату, лёг на диван и раскрыл тетрадь Фёдора. Повествование начиналось заголовком «Пространство элементарных событий». Звучало интригующе, и я приступил к чтению.

Если вдуматься, чтение – один из самых бестолковых способов усвоения информации. Вот появилась у одного человека новая идея. Он захотел поделиться с другими. Что он делает? Берет примитивное орудие письма и царапает на бумаге каракули, которые имеют некоторое отношение к его идее, преодолевая при этом эссенциальный тремор, дисграфию, отсутствие воображения, поверхностное знание языка или просто патологическое косноязычие. Написание книги может занять годы. Другой человек, желающий воспользоваться сохранённой идеей, идёт в библиотеку, ищет книгу, открывает, читает в течение нескольких дней и пытается переварить многостраничную тарабарщину, несмотря на его, в свою очередь, отслоение сетчатки, аллергию на бумажную пыль, дислексию, опять-таки отсутствие воображения, слабую эрудицию и врождённую безграмотность. И в результате в его мозгу, возможно, зарождается идея, которая, с некоторой вероятностью, имеет отношение к первоначальной. На радостях он пишет свою книгу и пошло-поехало.

И почему, спрашивается, просто не хранить идею в чистом виде, в баночке на кухне, и не вкладывать её в голову готовой по мере необходимости, не тратя своё и чужое время, электроэнергию на освещение и трудновоспроизводимые природные ресурсы на производство бумаги?

Проснулся я рано. Постель была залита тёплым светом из окна. В шкафах поблёскивали корешки книг. Выключенный компьютер обиженно молчал, и с ним был солидарен потухший телевизор. На стене тикали часы, показывая, что мне остался ещё целый день подготовки к экзамену, а за окном щебетали птицы.

Я потянулся, ощущая приятный хруст косточек, повалялся ещё минут пять, потом встал. Сходил в туалет, почистил зубы, помахал для проформы руками, вяло изображая зарядку, соорудил несолёную яичницу с использованием засохшей сосиски и дряблой луковицы и не без удовольствия съел.

Вернувшись в комнату, я набросал новый список из двух пунктов:

1. Учиться.
2. Соль.

Затем подошёл к окну.

На улице всё было наполнено предчувствием жары. Вдали, в лёгкой утренней дымке, возвышалось здание университета. Чуть ближе, между зелёных холмов, покрытых разросшимся кустарником, причудливо вилась Сетунь. Деревья выпускали из ветвей в небо невидимые позывные. А совсем рядом, за забором из толстых металлических прутьев, белело старое пятиэтажное здание, известное мне под названием «восемнадцатый интернат».

Казалось бы, обычный ветхий дом, построенный по типовому проекту, как и многие школы в Москве, покрашенный белой краской, облупившийся и подмазанный ещё раз, вызывал у меня страх. Должно быть, сказывались детские воспоминания. Играя с дворовыми ребятами в войну, мы обходили этот дом стороной, а на вопросы о нём мне навевающим ужас шёпотом рассказывали, что в интернат свозят со всей страны умных детей и ставят над ними опыты. Говорили, что многие сходят с ума или даже умирают, и что призраки мёртвых учеников бродят ночью по коридорам здания и пугают новичков.

В те времена загадочную школу окружал бетонный полуразвалившийся забор, возле ворот которого на столбе было намалёвано красной краской, похожей на запёкшуюся кровь:

«КРЕМЕНЧУГ-СЯ 17». Потом, после реконструкции, забор сменился на более солидный, металлический, а надпись - на менее зловещую «Специализированный учебно-научный центр им. А.Н.Колмогорова».

Кстати, о Колмогорове. Мне давно было пора перестать пялиться в окно и продолжить учить теорию вероятностей.

Перво-наперво я сверился со списком билетов, чтобы оценить, какую часть я прошёл вчера. Прогресс не впечатлял – четыре вопроса из тридцати восьми, да и то усвоенные условно. Я уселся на диван, разложил вокруг учебники и конспекты – ущербный мой, состоящий из полутора вкривь и вкось записанных лекций, и добротный Фёдора, набитый данными под завязку, снабжённый иллюстрациями, сносками и словариком сокращений - и продолжил чтение.

Итак, теорема Чебышёва. Если последовательность независимых случайных величин... Я зевнул и снова вспомнил Фёдора. Как же, чистый мир платоновских идей! Ну и где эти независимые случайные величины в реальном мире? Вот, предположим, едет поезд из пункта А в пункт Б. С какой вероятностью он доедет? А чёрт его знает! Если даже учесть скорость, массу, все дефекты состава, незакрученные болтики на стыках рельсов, перемещения груза в вагонах и рассчитать, что вероятность, предположим, одна вторая, то кто гарантирует, что не начнётся война и какой-нибудь чукотский террорист не пальнёт по паровозу из «Стингера»? Да что там террорист – какова вероятность того, что машинист не уснёт в пути, а помощник не напьётся с горя? А как оценить вероятность, что в точке перед конечным пунктом вдруг не схлопнется пространство, и поезд не ухнет во временную воронку, чтобы не доехать уже никогда? Перед глазами промелькнула вчерашняя компания в метро, лифт в университете, Тамара... Чёрт! Я помотал головой и попытался сосредоточиться.

Через час я начал уставать. Греческие буквы скакали передо мной в причудливом танце. Большая «омега» подбочивалась, «кси» шла вприсядку, «фи» крутилась на одной ножке, а «пи» просто придуривалась, косолапя и прищуривая глаз. Они смотрели на меня, а я смотрел на них, и они для меня переставали быть текстом – просто нарисованные уродцы, не несущие в себе никакого смысла.

Мне нужно было немного расслабиться, поэтому я включил телевизор и принялся бездумно щелкать с канала на канал. «В здешних лесах жители неоднократно встречали реликтового гоминоида», - вещал диктор, а по экрану, неуклюже наклонившись вперёд, перемещался слева направо человек, одетый в шкуры. Камера в руках оператора тряслась, отчего у положения человека в телевизоре имелась ненулевая дисперсия. Следующая кнопка... Показывали «Гостью из будущего». Коля Наумов, в фильме превратившийся в Герасимова, произнёс: «Нет, я всем говорил, что я из Конотопа». Слово «Конотоп» напомнило мне старые материалы съезда КПСС, где в списке участников значился некто В.И. Конотоп, обведённый траурной рамочкой. К чему это я? А, проехали... «Популяция амурских тигров стремительно сокращается». К чёрту тигров... На очередном канале транслировали заседание Государственной думы. Я вздохнул, включил видак и вставил наугад один из эпизодов «Звёздных войн».

Несколько минут я смотрел фильм, находясь в лёгкой прострации, потом почувствовал в себе силы вернуться к чтению. Сумма, сигма, корень, предел, интегралы. N независимых опытов. Вероятность наступления события. Тем временем в далёкой-далёкой галактике на фоне чёрного-чёрного космоса с большой-большой скоростью пронеслось звено имперских истребителей. Так как «кси и-тое» может принимать только два значения: 0 и 1, то для любого «и» имеем...

На последующей формуле я подвис и понял, что голова имеет конечный объем.

Трудно оспорить большую прикладную ценность теории вероятностей. К примеру, можно попить воды из-под крана, а можно купить в бутылке, оплатив при этом меньшую вероятность наглотаться болезнетворных бактерий. А можно купить не просто воду, а воду известной, уважаемой марки, заплатив больше денег, но ещё сильнее снизив вероятность

заражения. Вот только когда именно в твоей бутылке дорогой воды ты обнаруживаешь плесень, ты понимаешь, что эта вероятность для тебя не значит ровным счётом ничего.

Зачем мне всё это было нужно? Зачем я впихивал в себя громоздкие формулы, смысла которых не понимал? Зачем я вообще поступил на мехмат МГУ? Чтобы получить отсрочку от армии? Чтобы повысить вероятность последующего устройства на хорошую работу?

Мне стало тоскливо. Я не понимал, кто я такой и зачем живу. Коля спасал Алису от космических пиратов, Люк Скайуокер – империю, а я сидел в маленькой комнатке пятиэтажного дома по Кременчугской улице и готовился к передаче предмета, на который мне было абсолютно наплевать.

Вот мой отец, к примеру. Воспитывался он в детском доме. Мало того, директор-шутник, который любил придумывать всем имена и фамилии, назвал ребёнка Каллистратом Евграфовичем Ясонием. И ничего – отец смог поступить на филологический факультет, защитить диссертацию, получить квартиру в Москве, жениться на красивой девушке – моей матери – которая заканчивала МГИМО, а теперь жил в своё удовольствие, мотался по заграницам и, похоже, ничуть не жалел о том, как сложилась судьба.

От отца мне досталось отчество, из-за которого в школе меня дразнили Кастратычем, худосочное телосложение и пренебрежительное отношение к частной собственности. Ни везения, ни деловой жилки, ни любви к науке в генах не передалось. Зато примешались мамино увлечение книгами и фильмами, способность мало есть и – возможно, как следствие – неумение нормально готовить. Оставалось только понять, для чего такое сочетание качеств, дополненное моим личным раздолбайством и ленью, может пригодиться.

Нет, в моей жизни было много хорошего. Хайнлайн, Саймак, Гаррисон, Стругацкие, Лукьяненко, «Звёздные войны» и «Властелин колец». Но жить мне предстояло в реальном, не фантастическом мире, а я не очень представлял, как.

Раскрытая тетрадь с лекциями вызывала отвращение. Мне нужно было сейчас совсем не это – может быть, поддержка и сочувствие, или просто разговор ни о чем... Я не успел толком закончить мысль, как уже набрал на мобильнике номер Тамары.

- Да, - прозвучал в трубке её голос – звенящий, нежный... – Кто это?

Я внезапно сообразил, что нужно не только слушать, но и говорить.

- Привет, - пробормотал я. – Это я, Володя.

Она вздохнула.

- Привет.

- Как у тебя дела?

- Нормально, - она слегка картавила, и это жутко мне нравилось.

- Э... А я вот на экзамен завтра иду.

- Ну, молодец. А что вовремя не сдал?

- Не пошёл. Боялся.

- Ясно. А что звонишь-то?

- Ну, это... А ты не хочешь за меня замуж?

- Нет, - похоже, она усмехнулась.

- Э... Ну да... А может, в кино как-нибудь сходим?

- Может быть. Когда-нибудь... Давай потом обсудим, а то у меня в одной руке вилка, а в другой сосиска.

- Э... Ладно. Пока.

- Пока.

Она положила трубку. Я трясущимися руками опустил телефон на диван и закрыл глаза, прокручивая в голове каждое слово. «Когда-нибудь», - сказала она, и, значит, у меня была надежда. Вот только одного я не понял - зачем нужно держать в одной руке вилку, а в другой сосиску? Мне представилось, как Тамара лихорадочно кромсает сосиску вилкой, вымещая на ней злобу за то, что я достал её своими бестолковыми звонками.

- Почему я такой идиот? – спросил я вслух. Вопрос остался без ответа.

Часы тикали, тетрадь была прочитана наполовину, возможность угодить в армию казалась всё более реальной, и я начинал впадать в панику. Я пытался решить, что делать, и вдруг вспомнил, что обычно люди с горя пьют. Я не был вполне уверен в том, горе ли у меня и какое именно, да и алкоголя никогда раньше не пробовал, но идея несколько воодушевила, так что через минуту я уже спускался на улицу.

Погода, как ни странно, стояла просто прекрасная. Солнце палило всё так же, но лёгкий ветерок, поигрывая листиками и травинками, приносил свежесть. Не спеша ползли по улочке автомобили, чинно прогуливались люди, и ничто не напоминало о проклятой теории вероятностей.

Человеческое сознание – странная штука. Если бы меня до того дня спросили, есть ли рядом с моим домом ларёк, торгующий пивом, я бы уверенно ответил «нет». А сейчас оказалось, что он есть, стоит совсем неподалёку, на улице Артамонова, именно тогда, когда мне впервые в жизни понадобилось пиво. Честно сказать, я не очень представлял к тому моменту, чем можно напиться, но пиво мне казалось наиболее подходящим выбором. Приблизившись к ларьку, я понял, что забыл взять с собой деньги. Правда, в кармане завалилась большая куча мелочи, так что я высыпал всё на ладонь и принялся считать, при этом бормоча в окошечко:

- Э... Дайте, пожалуйста, «Балтику» номер три. Три бутылки... Нет, четыре... Нет, пять.

Растерянно прижав охапку бутылок к животу, я подумал, что не помешал бы ещё и пакет, но мелочь уже закончилась, так что мне оставалось только поплестись обратно к дому, чувствуя себя кретином.

- Нет, ну в кого я такой уродился? – горестно лепетал я. – Отец у меня умный, у матери два высших образования, а я пиво не умею покупать...

Вдруг мне показалось, что над травой вдоль дорожки скользит небольшой прозрачный предмет, похожий на тонкую стеклянную коробочку. Я успел заметить его боковым зрением, и не был уверен до конца в том, что мне не померещилось, но повернул голову в ту сторону, благодаря чему споткнулся и полетел лицом на асфальт, хороня под собой бутылки.

Когда звон, хруст и бульканье уже затихли в моих ушах, я приподнялся с тротуара и осмотрел себя. Рубашка пропиталась вонючим пивом, пуговица на джинсах оторвалась, из носа капала кровь. Единственная чудом уцелевшая бутылка подкатилась к моим ногам, и я, подобрав её, направился к дому в окончательно испорченном настроении.

А навстречу мне, вывернув из-за угла, двигалась небольшая, но шумная процессия. Грязная драная одежда, обрюзгшие небритые лица, недобрые взгляды, плакаты, написанные от руки фломастерами на листах бумаги и картона: «Нет дешёвой стеклотаре!», «Бомжи – санитары помоек!», «Грабёж!» и даже «Даёшь два рубля!» производили ужасающее впечатление. Некоторые демонстранты орали примерно те же лозунги, что на плакатах, громко бряцали баулами пустых бутылок, и это усиливало эффект. Я поспешно сошёл с дорожки, встал у дерева, чтобы не бросаться в глаза, и оторопело наблюдал за происходящим, закапывая кровью траву.

- Это что же получается? – кричал, блестя лысиной, один из бомжей. – Водка дорожает, а бутылки дешевеют? Больше рубля уже и в тошнилровке не дают!

- Разврат устрою, сволочи! – вопила, поддерживая своего коллегу, пьяная тётка с двумя огромными фингалами на лице.

Со стороны Аминьевского шоссе к ним приближался полицейский «Форд». Голос из динамиков проверял на всю улицу:

- Граждане бомжи, приказываю разойтись! Ваше шествие не санкционировано администрацией!

- А обираловка ваша санкционирована?! – сипло выкрикнул лысый демонстрант. В машину полетели пустые бутылки. Разбились обе фары, побежала трещина по лобовому стеклу. «Форд» притормозил, помешкал немного и стал неуклюже разворачиваться,

подставляя для атаки теперь уже заднюю часть.

Я вдруг осознал, что и сам, пожалуй, здорово похож в своём теперешнем виде на бомжа и могу попасть под горячую руку. Поэтому, тенью проскользив меж деревьев, я поспешил к двери в свой подъезд. Начал тыкать в кнопки домофона, путаясь и не понимая, что происходит.

- Ключи забыл, сосед? – слышалось сзади.

Я обернулся. За мной стоял накачанный бритый наголо мужчина в спортивном костюме и кроссовках. Звали его Шура, он жил напротив меня, и я здоровался с ним, встречаясь на лестнице. Кажется, раньше он служил офицером, а сейчас работал в охране. В руке Шура держал оранжевый кирпич.

- Да нет, - пробормотал я. – Здравствуйте. Я это того...

Наконец я сообразил достать из кармана магнитную «таблетку» и открыл дверь. Шура буркнул нечто вроде «Ну, ты даёшь», а я помчался по лестнице наверх.

Войдя в комнату, я содрал с себя рубашку, швырнув её на стул, сел на диван и устался на бутылку пива в руках. Нужно было открыть. Я рассеянно достал из кармана складной ножик, повертел и с удивлением обнаружил, что в нём есть открывашка. Откупорив бутылку, я приложился к горлышку и сморщился – жидкость оказалась горькой, противной, похожей на слюну. К тому же из носа снова закапала кровь. Я приложил бутылку к носу и запрокинул голову.

Периодически отхлёбывая пиво, я раскрыл тетрадь и попытался читать дальше. Мысли ворочались вяло, словно разморённые жарой отъевшиеся крысы на пляже. Формулы складывались в причудливые узоры, а текст – в скучную невнятную белиберду. Бутылка скоро закончилась, кровь остановилась, а до конца тетради было ещё далеко.

Так я просидел до позднего вечера, тупо листая лекции взад-вперёд, позёвывая и посматривая на время. Похоже, единственным результатом опьянения оказалось размягчение мозга, поскольку я не мог даже толком осознать, запоминая я то, что читаю, или нет. В конце концов, я разобрал кровать и лёг.

В первые минуты сон не шёл. Прокручивались в голове теоремы, определения, доказательства, собственный голос, непрестанно бубнящий «Не сдам, не сдам», и второй – тоже, по-видимому, мой - жалобно попискивающий «А может, повезёт?». Затем реальность размазалась, и поползли туманные образы сепарабельных множеств, функций распределения и интегралов Стильеса. Я то погружался, распадаясь на точки, в бесконечную бездну канторовского множества, то проваливался в каверну кишечнорастворимого гиперболоида, по стенкам которого текла кислота, разъедающая мне руки.

- Рядовой Ясоний! - кричали мне.

- Я!

- Два шага вовнутрь через плечо равняйся!

- Ураааа! – орал я, выворачиваясь наизнанку и пролетая сквозь n-мерное банахово пространство, где меня ждала Тамара с огромной плотоядной сосиской в руке. Увернувшись от её клацающих челюстей, я наткнулся на металлическую букву «кси», которая вкручивалась мне в ногу, словно штопор, и пыталась оттяпать кусочек моего розовенького мяса, создавая на коже разрыв первого рода...

Я лежал в обнимку с пропитанной потом простыней, уставившись в потолок красными глазами, воткнутыми в глазницы разгорячённого тяжёлого черепа. Меня окружало что-то белое, прозрачное, яркое, тёплое... Я никак не мог понять, что это.

Это наступило утро.

Один мой знакомый, вернее, отец знакомого, солидный мужчина лет сорока пяти, рассказывал, что плохо спит каждый год в январе и июне. Ему снятся кошмары о том, что завтра нужно сдавать экзамен, а он забыл подготовиться. Он говорит, что нет ничего страшнее, чем в такие ночи проснуться и начать лихорадочно соображать, сон это или нет. Мне кажется, что теперь, когда я видел нечто пострашнее, чем экзамены, мне такие кошмары не грозят, но зарекаться не буду.

...Всё в этой аудитории было деревянным – отделка стен, столы, доска, ступени, ведущие к месту экзаменатора. Он сам – стареющий крепыш в роговых очках, с огромной лысиной, которую пересекали несколько волосков, имитирующих причёску – тоже чем-то походил на дерево. Скорее всего, смугловатой морщинистой кожей, напоминающей изъеденную насекомыми кору.

Ряды деревянных скрипучих столов взбегали ввысь, словно трибуны, полупустые с самого начала экзамена, а сейчас и вовсе осиротевшие. Кроме меня, оставалось человек пять. С билетом мне не повезло. Первый вопрос – характеристики случайных величин – проблем не предвещал, но вот второй – эргодичность и перемешивание – у меня не вызывал никаких ассоциаций. Поэтому я сидел на своём месте, царапал ручкой невнятные узорчики на листе бумаги и никак не мог решиться пойти сдавать.

Девушка возле экзаменатора вдруг резко встала, с грохотом отодвинув стул, улыбнулась и взяла зачётку. Судя по всему, пятёрка. Везёт же людям...

Профессор поднял глаза прямо на меня:

- Ясоний, сколько можно сидеть? Подходите, отвечайте.

Я хотел возразить, но понял, что это ничему уже не поможет, и смиренно поплёлся по ступеням вниз. В помещении сильно штормило, и стены скрипели от качки. Я унял дрожь в коленях и опустил на стул.

- Что-то плохо вы, Владимир, на лекции ходили, - сказал профессор. – Болеете часто?

- Э... Как когда, - ответил я, при этом сиюсь вспомнить имя и отчество профессора Тургенева.

- Ну ладно, давайте. Рассказывайте первый вопрос.

Я начал рассказывать. Профессор вяло кивал, и у меня сложилось впечатление, что он едва не засыпает. Внезапно он остановил меня:

- Ну, хорошо, достаточно. Что там по второму вопросу?

- Эргодичность.

- Хорошо. Какое преобразование называется эргодическим?

В моей голове начался истерический мыслительный процесс. Если есть преобразование, то оно что-то во что-то преобразует. Что-то – значит, множество. То есть одно множество в другое.

- Э... Ну, это такое преобразование, которое, во-первых, преобразует множество...

- Так-так... Какое множество?

«О Боже, - подумал я. - Какие вообще бывают множества?»

- Интер... Инвариантное? – сам не знаю, из каких глубин моего сознания выплыло это слово.

- Хорошо. Только начните сначала. Определите инвариантное множество, про меру нужно какие-то слова сказать...

Он явно хотел мне помочь. Но это было бесполезно.

- Множество называется инвариантным, если преобразование «тэ»...

- На чем действует преобразование?

- На вероятностном пространстве.

- Хорошо. Что такое вероятностное пространство?

И пошло-поехало. Я не понимал, что происходит. Он задавал мне вопросы один за другим, не давая ответить. Я путался, говорил какие-то слова, смысла которых не понимал, и, наконец, услышал:

- Ну, хорошо. Чувствую, что читали, но даже не знаю, что вам ставить. Как-то всё у вас неуверенно. Последний вопрос. Чему равна вероятность неизбежного события?

- Нулю! – с облегчением выпалил я, обрадовавшись простому вопросу.

Профессор уставился на меня, не моргая.

- Как? Чему?

- Нулю... - пробормотал я. - Если оно неизбежно, нет у него никакой вероятности...

Профессор хрюкнул, покраснел, размашисто черкнул что-то в зачётке и сунул её мне.

- А может, «пи»? – спросил он, не скрывая злобы. - Может, бесконечности?
- Может... - кивнул я.
- ЕДИНИЦЕ, молодой человек. Зарубите себе на носу! ЕДИНИЦЕ! До свидания, -
сказал он, уже успокаиваясь.

Я встал. Кровь отлила от головы, в глазах потемнело. До выхода из аудитории добрался почти на ощупь, затем лестница, солнечный свет, свежий воздух...

- Ничего. Не я первый, не я последний. Сдам осенью. Впереди ещё целое лето. Куча времени, за которое можно как-нибудь умудриться выучить эти тридцать восемь билетов, а если надо, то и семьсот шестьдесят один. Ничего. Всё в порядке, - от разговора с самим собой меня отвлекла полненькая кореянка, которая на выходе из университета попыталась всучить мне брошюрку «Как правильно верить в Бога». Я отшвырнул книжечку в сторону и по перепуганному лицу миссионерши понял, что сделал это чересчур злобно. Нервы... Я взял себя в руки и зашагал прочь.

Автобус уносил меня от каменного многоэтажного склепа, набитого прогнившей древесиной, и я постепенно приходил в себя. Два с лишним месяца начинали казаться достаточным сроком для подготовки к последней пересдаче. Кроме того, теперь я хоть немного представлял себе, что такое эргодичность, да и в целом теория вероятностей уже не выглядела страшной бредятиной.

В конце концов, каждый человек находится в вероятностном пространстве и сам является своим математическим ожиданием. Но, кроме того, у него имеется некоторое среднеквадратичное отклонение, поэтому человек постоянно колеблется вокруг себя, будучи флуктуацией пространственно-временного континуума.

Добравшись до дома, я залез в холодильник, нашёл там кусок чёрствого хлеба, съел, запил водой из-под крана и, доплетаясь до неубранной постели, свалился спать.

Разбудило меня яркое тёплое солнышко, бьющее прямо в окно. Я сел на кровати и понял, что об экзамене уже можно не думать. Меня ждали два с лишним месяца беззаботной жизни. Хотелось: поиграть в кучу компьютерных игр, прочитать пару десятков книжек, усовершенствовать свой английский, а заодно поизучать французский и итальянский, посмотреть в десятый раз «Звёздные войны», убратся в квартире, постирать все носки, попрограммировать, погулять, порисовать чёртиков, послушать музыку, купить, наконец, соль, позвонить Тамаре, помыться, побриться, поесть, покататься на метро, узнать последние известия, написать письмо родителям, научиться печатать слепым десятипальцевым методом, собирать кубик Рубика, не дышать три минуты и ещё много чего. Короче, всем этим я и собирался сегодня заняться.

Включился компьютер, игра запустилась, и я взлетел с авианосца. Это подтверждала надпись на мониторе: «take off» - взлёт то бишь. Я опустил глаза в книгу и, пока автопилот выравнивал самолёт, прочитал пару абзацев «Звёздного десанта», краем глаза посматривая в раскрытый и лежащий рядом самоучитель французского. Телевизор тем временем демонстрировал магистра Йоду, который поднимал из болота увязший там космический корабль.

Ко мне спереди приближались две ракеты. Я накренился влево и сманеврировал, развернувшись перпендикулярно их курсу. «Поэтому не получается у тебя» - сказал Йода. Эль фэ дё ля жимнастик. Эль э маль а ля тет. Я уклонился от ракет, перевернул страницу самоучителя и отхлебнул кетчупа из бутылки. Динамики магнитолки извергали «I'm losing my favorite game», а мне пора было обстреливать радар. Жизнь начинала казаться не такой уж плохой, тем более что в ванной стирались носки, а завтра должен был начаться ещё один свободный день, ничуть не хуже сегодняшнего.

Миссия была выполнена, я возвращался на базу. Вив ля Франс!

«Ну вот», - скажет кое-кто из читателей. – «Шла нормальная глава, а тут вдруг, откуда ни возьмись, три козявки». И будет ждать объяснений. А я не мастер насчёт объяснений... Ой, нет, это не мои слова. В общем, начиная именно с этого момента, характер моего повествования несколько меняется, но если я начну вдаваться в подробности, то получится, что я опять же забегаю вперёд. Так что лучше я не буду ничего объяснять, а продолжу. В конце концов, захотелось мне козявок, вот и поставил, и ровно три штуки, потому что такая уж у меня прихоть, или, если хотите, авторское право.

Много говорят сейчас об авторских правах, законов разных напридумывали, а, на мой взгляд, у автора есть только одно неотъемлемое право – писать, что он хочет, и надеяться, что его поймут.

Итак... Ровно как и вчера, я нежился в уютной тёпленькой постели, под лёгким ласковым одеялом, а из окна снова светило летнее озорное солнце. И на мгновение я засомневался, новый ли это день, или я забыл пережить вчерашний.

Я сел в кровати и осмотрелся. Компьютерный стол, покрытый слоем нетронутой пыли и обшарпанный на углах, стенка с ровными рядами книг и старым лупоглазым телевизором, коричневые шторы, которые отползли в сторону, открыв свету путь через прозрачные стекла, кровать, журнальный столик на тонких ножках, увенчанный магнитолой и кипой журналов, кресло с гнутыми подлокотниками, дверь, снова компьютер - я видел это сотню, нет, сотню тысяч раз, но сейчас всё выглядело по-другому. Нет, определённо вокруг за ночь произошли неувлимые изменения, я готов был поклясться в этом на томике Хайнлайна, но не мог определить, какие именно.

А может быть, я сам стал новым, не таким, как вчера? Я осторожно поднялся с кровати. Прислушался к себе. Внутри бежала кровь, билось сердце, урчал желудок. Всё, как и обычно. Подойдя к окну, я увидел, что по-прежнему нахожусь на пятом этаже своего дома. Впереди за деревьями виднелось мрачноватое здание школы-интерната, за ним – Сетунь, а дальше – университет. Над шпилем МГУ медленно плыл флаер. Солнечный свет заливал всю улицу, просачиваясь сквозь листву, и ложился на асфальт пёстрым узором, а под окном сонно ходили люди.

Я зевнул, почесал затылок, потом решил, что размышлять тут не о чем, и сделал короткую, но энергичную зарядку. Проследовал в ванную, взглянул на себя в зеркало. Я бы не удивился, если бы увидел там нечто необычное, но, конечно же, в очередной раз это оказалось моё собственное отражение. Слегка припухшее ото сна лицо, взлохмаченные волосы... Я напрягся и пригляделся к лицу человека в зеркале, улавливая в себе смутное беспокойство, но так и не понимая причины. Может быть, кожа стала свежее и чище? Может быть, взгляд немного увереннее? Может быть, я просто выспался лучше, чем обычно? Ладно, проехали...

Почистив зубы и умывшись, я пришёл на кухню и принялся шарить в холодильнике, довольно скоро обнаружив, что у меня не осталось абсолютно ничего съедобного. Полная опись содержимого холодильника сводилась к пустой банке из-под огурцов, сгнившей картофелине и заплесневелой горбушке хлеба.

- Так жить нельзя, - произнёс я и быстро собрался в магазин, взяв из книги в комнате тысячную купюру.

Стены подъезда, всё так же покрытые надписями, сегодня выглядели чуть более шершавыми и не такими влажными, как прежде, и это тоже показалось мне необычным. А в почтовом ящике опять угадывался белый конверт.

Это меня насторожило уже окончательно. Не могли родители писать мне письма два раза в неделю. Нахмурившись, я открыл ящик, взглянул на конверт и понял, что это не от родителей. На нём вообще не было обратного адреса.

Собственно, и адрес получателя, то есть мой, был обозначен весьма условно – «Планета Земля, Ясонию», так что совершенно непонятным становилось, как письмо вообще добралось до моего ящика, учитывая качество работы нашей почты. Повертев конверт,

однако, я не нашёл и традиционного почтового штемпеля, только маленький красный в углу, где мелким шрифтом по кругу было написано «П/О Эгозона-1».

Поразмыслив, я дал этому два возможных объяснения: либо надо мной пытались подшутить, либо в конверте лежали споры сибирской язвы. Подняв конверт над глазами и посмотрев на просвет, я увидел только исписанную сложенную пополам бумажку, так что решил рискнуть здоровьем и вскрыть письмо.

Шутки бывают разные. Помнится, мне рассказывали, как один парень в общежитии никак не мог понять, что случилось с его электрической плиткой. Вставляет в розетку – свет вырубается, все вокруг орут, надо бежать в конец коридора и щелкать пробками. Он несколько раз перебрал плитку по винтикам, но не нашёл никакого замыкания. Опять вставляет в розетку – снова крики на весь этаж. Потом догадался разобрать вилку и увидел, что её ножки обмотаны толстой медной проволокой. Чуть соседа по комнате не убил за такую шутку.

Достав листочек из конверта, я понял, что если это и была шутка, то довольно специфическая. На бумажке ужасно корявым почерком было написано: «Каранзима ременди трапсканци убывлато городису крах мнеторвалы...» и в таком же духе две страницы. Единственное слово, имеющее смысл – «крах» - повторялось в письме раз семнадцать, а заканчивалось послание подписью «К.Рах» и длинным заковыристым росчерком.

Я погадал с минуту, кто бы мог подбросить мне подобное письмо. Друзей у меня не было. Одногоруппников я вряд ли интересовал настолько, чтобы они специально сочинили этот бред, приехали ко мне и положили конверт в почтовый ящик. Кто-то из соседских детей? Возможно, хотя это тоже плохо укладывалось в голове. Я махнул на всё рукой и продолжил путь, прихватив дурацкое письмо с собой.

Огибая угол дома, я всё ещё думал, что иду в магазин. Но на улице моё сознание вдруг посетила странная уверенность, что мне туда не нужно. Ни к чему это. Ничего там, в магазине, не было хорошего. С чего я взял, что должен туда идти?

Я топтался на месте напротив автобусной остановки с табличкой «Интернат» и пытался собраться с мыслями. Наконец я понял. Моя цель - старый белый дом за забором. Определённо. Стопудово. Непременно. Я направил шаги туда - сначала неуверенно, потом чуть быстрее. Решётка забора приближалась. Я подумал, что меня всё равно не пустит охрана, однако беспрепятственно минул калитку и начал спускаться по длинной дорожке вниз. Охранника то ли не было, то ли он не обратил на меня внимания.

Интернат полз навстречу. Я впервые находился так близко, хотя и прожил по соседству больше двадцати лет. В нём было четыре этажа. Высокие узкие окна. Рамы старые, деревянные, перекрашенные много раз. Здание состояло из нескольких корпусов – кажется, трёх – соединённых переходами. Угол одного из них, главного, я сейчас обходил, приближаясь к ступеням крыльца. Я уже видел впереди коричневатую двустворчатую дверь, к которой меня буквально тянуло...

Я медлил, предчувствуя нехорошее, и никак не решался подойти к двери, как вдруг она распахнулась сама, и из здания стремительным прыжком вырвался – ну кто бы мог подумать! – огромный тигр. Я ойкнул от неожиданности и шарахнулся в сторону. Тигр же, гигантский, мощный, грациозный – хотя тогда мне такие эпитеты бы и в голову не пришли - остановился в каких-то нескольких метрах от меня, так что я мог видеть, как шевелится на ветру его полосатый длинный мех, как вздуваются его ноздри, как морда поворачивается в мою сторону...

Моё сердце готово было выпрыгнуть наружу. Я не мог решить, то ли бежать, то ли наоборот, стоять неподвижно. Я чувствовал, как по лицу заструился ручеек пота. Мне вдруг показалось, что всё это не совсем реально, и тигр – не настоящий, а просто очередная компьютерная графика... Он смотрел на меня пару секунд своими щелевидными зрачками, затем усмехнулся и засеменил мимо меня к калитке. Я был уверен, что он именно усмехнулся, хотя и не знал, усмеваются ли тигры вообще.

В оцепенении я стоял ещё минуту или две. Мне определённо не померещилось. Но я обязан был найти для себя объяснение. Возможно, тигр сбежал из зоопарка. Или из цирка. Или его привезли из Африки богатые торговцы алмазами, поигрались немного и отпустили на волю, когда он надоел. Тигра вполне могла привлечь эта школа, полная молодого мяса... Хотя нет, вряд ли, каникулы же.

Я встряхнул головой, приходя в себя. Ну ладно – тигр, какие вопросы к животному, но я-то что здесь делаю? Был один способ это выяснить. Я поднялся на крыльцо и решительно открыл дверь. Затем другую дверь – у здания оказался тамбур.

Я очутился в холле. Пол был выложен кафельной плиткой, на стене висели стенды из деревянных реечек, а слева, со стороны лестницы, ко мне приближался подтянутый пожилой человек с жидковатой седой бородкой, одетый в элегантный белоснежный костюм и такого же цвета шляпу, надвинутую на лоб. Несмотря на улыбку и доброжелательный прищур в глазах, похоже, он был слегка растерян.

- Здравствуйте, - сказал я машинально.

- Вам кого? – спросил старик со странной утвердительной интонацией, при этом протягивая ко мне руку.

- Да мне, собственно... - начал мямлить я.

- Э... Кхм... – пробормотал он нерешительно, затем вдруг опустил глаза, заметил в моей руке конверт и отчего-то рассердился. – Знаете что? Отдайте-ка это!

Он вцепился в письмо рукой и потянул к себе. Я ничего не понимал, но автоматически стиснул пальцы и заскользил на кафеле. Две секунды продолжалось бессмысленное перетягивание конверта, а затем с головы старика свалилась шляпа, и тут я чуть не умер от ужаса.

Я много раз видел подобное в фильмах. Но одно дело – экран телевизора, и совсем другое, когда в полуметре от тебя стоит живой человек, у которого во лбу зияет огромная дыра с неровными краями, и за ней ничего нет, кроме чёрной бездонной пустоты... Впрочем, в ту же секунду из дыры вылетел маленький розовый шарик.

Я, кажется, поймал его на лету, отчего выронил конверт. Ноги сами вынесли меня из интерната, и я помчался прочь, едва не врезавшись в дерево.

- Володя! Куда же вы? – послышалось сзади, и факт, что старик знает моё имя, подхлестнул меня ещё сильнее. Дорога, подъезд, лестница пролетели мимо за пару секунд. Оказавшись в квартире, за запертой дверью, я почувствовал, что можно отдышаться.

Мои руки мелко тряслись. Я только тогда заметил, что всё ещё сильно, до боли в костяшках, сжимаю пальцами шарик - просто сферический кусок розовой пластмассы, на котором было написано черным маркером: «К. Рах».

Но это могло означать только одно – я схожу с ума. Я выронил шарик из рук и в шоке опустился на пол.

Глава 1. Гибель Конотопа

Человечество пока ещё не умеет лечить болезни. Ну, разве что самые примитивные, вроде насморка или ангины, которые и лечить-то не нужно. Всем ведь известно, что лучшее лекарство от насморка – подышать ледяной водой, а от боли в горле – симхасана, так что никакие медикаменты не требуются. Люди так и не умеют бороться ни с раком, ни со СПИДом, ни с диабетом, и так называемое лечение зачастую сводится к удалению поражённого органа либо насыщению его ядами в надежде на то, что в нём усилится иммунитет.

Поэтому люди довольно неплохо приспособились с недугами уживаться. Человеку без ноги помогает протез, близорукому – очки, начинающему диабету – манинил,

подхлестывающий умирающую поджелудочную железу. Если у вас плохая память, вы носите с собой блокнот, если плохой слух – слуховой аппарат, а в случае фобии вы можете просто избегать источника своих страхов.

Хуже дело обстоит с серьезными душевными заболеваниями. Во-первых, больной может о своей болезни не знать или же не верить, что он болен. Во-вторых, к душевной болезни очень сложно приспособиться, потому что не знаешь, чего от неё ждать. А в-третьих, невозможно становится доверять самому себе.

Я сидел на полу возле двери и пытался понять, что из того, что я видел – правда, а что мне только почудилось. Если я сходил с ума, то насколько? И что мне стоило делать дальше – смириться, попытаться жить с этим, идти к врачу или сразу наложить на себя руки?

Наверно, мне грозило в скором времени провозгласить себя Наполеоном, начать ходить в туалет, не снимая штанов, а если бы вернулись из Африки родители, я бы застрелил их, приняв за вампиров... На этой мысли я немного успокоился, так как вспомнил, что у меня нет ни пистолета, ни серебряных пуль.

Начал я с того, что поднялся с пола, прошёл в комнату и отыскал на полке потрепанный медицинский справочник. Полистав его, я убедился, что у меня присутствуют симптомы сразу всех форм шизофрении. Галлюцинации – есть, неадекватные эмоции – есть (я же испугался несуществующего тигра), ступор и интенсивное возбуждение, пожалуй, тоже бывают, а уж слова «поведение больного неправильное» – это просто писалось с меня.

Но с чего я вдруг заболел? В роду, насколько я знал, душевнобольных не было, хотя наверняка сказать это было трудно из-за детдомовского прошлого отца. Психологических травм я не переносил – не считать же травмой разговор с Тamarой или проваленный экзамен. Может быть, всё дело в том, что я уже пару недель практически не ел? Может быть, меня просто глючило с голодухи?

Я встал. Кровь стучала в голове, перед глазамиплыли чёрные шершавые круги, похожие на автомобильные покрышки. Розового шарика на полу видно не было. Одно из двух – либо он куда-нибудь закатился, либо его не существовало в реальности. Ну что же, критический взгляд на своё душевное здоровье – это первый шаг к выздоровлению. А второй – это правильное питание. В конце концов, до магазина я ведь так и не дошёл.

Я только сейчас почувствовал, как хочу есть. Чёртова теория вероятностей, будучи лженаукой, всё-таки умудрилась притупить моё восприятие действительности до такой степени, что я забыл о своих важнейших физиологических потребностях.

Надо было идти в магазин. Но решиться на это стало теперь намного сложнее. Там, в мире за дверью, прятались ухмыляющиеся тигры и старики с дырами во лбу, а может, и кто пострашней...

Я посмотрел в глазок. Ни души. Осторожно повернул ручку замка и приоткрыл дверь. На площадке было пустынно и тихо. Я выскользнул наружу и начал спускаться вниз.

Лестницы. Ряд упорядоченных в пространстве плоских поверхностей, предназначенных для подъёма и спуска человекоподобных существ. По ним удобно передвигаться в вертикальном направлении, если у тебя две ноги и ты среднего роста. Если бы люди рождались преимущественно с колёсами вместо ног, то место лестниц заняли бы пологие спуски, а если бы умели летать, то лестниц бы и вовсе не существовало. Но, поскольку человечество в своём большинстве ходит на задних конечностях и не имеет надёжных когтей, чтобы цепляться за наклонную плоскость, лестницы остаются лестницами.

Вот и моя тоже. Я спускался по ней, должно быть, уже несколько тысяч раз, и она практически не менялась, всё так же отзываясь лёгкой вибрацией на стук моих шагов. Кое-где, конечно, стирались углы ступеней, на стенах по пути моего следования появлялись новые надписи, но, в общем и целом...

Я похолодел. Совсем недавно на том месте, куда уставился мой озадаченный взор, располагалась корявая надпись «Лысый – лох», исполненная в классической технике выпарапывания на штукатурке. Теперь же я видел только гладкую девственно чистую стену, и пытался понять, как же такое возможно.

Очевидно было, что стену никто не красил, а другого способа бесследно удалить нацарапанные буквы не существовало. Значит, я что-то путал. К примеру, раньше надпись располагалась на третьем этаже, а я сейчас был... На каком?

Я приблизился к перилам и бросил взгляд вниз, отчего моментально закружилась голова. Лестница уходила вниз бесконечной угловатой спиралью, теряясь в сумрачной пугающей бездне.

- Это сколько же этажей? - произнёс я вслух. - Сто?

Я вцепился в перила и попытался успокоиться. Всё это могло иметь объяснение. Например, это не мой дом. Или у меня не все дома. Или... Нужно было просто идти дальше.

Я медленно спускался вниз. Рука скользила по стене. Мне показалось, что стало темнее. Наверно, на улице солнце зашло за тучу. Лестница подрагивала под моими шагами, и я ощущал, как эта дрожь отдаётся в бетоне, заставляя покачиваться пространство вокруг.

Я старался не смотреть вниз. Просто шёл, погружаясь всё дальше и дальше в темноту и стараясь сдерживать всё ускоряющееся биение сердца. Мне казалось, что, внизу, в глубине, меня ждёт огромное и страшное чудовище, готовое сцапать меня за ногу своей зубастой пастью...

Я вздрогнул, услышав рядом с собой тихое сопение. Остановившись, прислушался. Тишина. Должно быть, это дышал я сам. Но тут же из-за стены послышался сдавленный, недобрый смех. И на штукатурке прямо перед моими глазами проступила надпись, размашисто процарапанная гвоздём или когтем: «Варгнаттубогариттул - лох».

Это было уже слишком. Я быстро понёсся по лестнице вниз, делая виток за витком по спирали. Почтовые ящики. Дверь. Улица. Мне в глаза ударил яркий свет. Я отбежал от подъезда и обернулся назад. Обычная серая хрущёвка, в которой я жил много лет. Никаких дополнительных этажей, никаких телескопических подвалов или раздвигающихся крыш.

Я огляделся. Пара прохожих, спешащих по своим делам. Пустая алюминиевая банка возле корней пёстрой берёзки. Гул машин, проезжающих за соседним домом. Всё так, как и должно было быть. Но я уже понимал, что мир только кажется привычным и безопасным.

Обойдя свой дом, я поднялся на крыльцо магазина. Боковым зрением заметил, что школа-интернат по-прежнему находится на месте. Вошёл в магазин. Приблизился к витрине.

Подход к выбору продуктов у меня всегда был простой. Я покупал то, что легко приготовить. Конечно, правильнее употреблять пищу, полезную для здоровья. Но когда ты молод и ещё не очень почувствовал, что означает это самое здоровье, то выбирать трудно. Углеводы ведут к ожирению, орехи засоряют кишечник, свинина забивает жиром сосуды, молоко может вызвать расстройства желудка, перец разрушает печень и только глютамат натрия безопасно выводится из организма. Так что я не очень обо всем этом задумывался.

- Слушаю вас, - сказала полная женщина, стоящая по ту сторону прилавка.

- Э... Пельменей вот этих полкило. Сосисок штук десять. Рис. Кетчуп. Макароны такие спиральками. Соль. Хлеб чёрный.

- Соли нет, - отрезала продавщица.

- Нет? А вместо неё ничего... То есть... Ну ладно, - я положил перед ней тысячную бумажку.

- Не знаю, наберу ли сдачи... - пробормотала она, и стала толстыми пальцами, похожими на гнилую морковь, копать в ящиках кассы. Я тем временем складывал всё в пакет, думая про себя, что сегодня необычный день, который явно добром не кончится.

- Вот, держите. Можете не пересчитывать.

Я поднял глаза. Передо мной на прилавке стоял огромный полиэтиленовый пакет, набитый мелочью. Насколько я мог видеть, преимущественно рублями.

- Что это? - спросил я упавшим голосом.

- Сдача. Семьсот шестьдесят один рубль, - продавщица улыбалась и смотрела прямо мне в лицо своими заплывшими жиром озорными глазками.

- Э... А покрупнее... Ну ладно... Спасибо.

Я уложил пакет с мелочью поверх сосисок и поплёлся восвояси. Добрался до квартиры, на кухне рассовал продукты по углам, мелочь в пакете оставил на столе и подумал, что всё-таки нужно раздобыть соль.

Я вышел на площадку, не запирая дверь, и позвонил соседу напротив. Первую минуту никто не открывал, потом я услышал приближающиеся шаги и шорох.

- Кто там? – спросил голос Шуры из-за двери.

- Это я, Владимир. У вас нет случайно соли?

Клацнул замок. Дверь приоткрылась. В щель высунулась бритая голова. Шура некоторое время меня разглядывал, словно пытаясь узнать, потом открыл дверь пошире и сказал:

- Ну, проходи, сосед. Как нос?

- Нормально, - ответил я, ещё не успев вспомнить, при чём тут, собственно, нос, и вошёл. Вернее, протиснулся, потому что прихожая до самого потолка была заставлена ровными рядами красного кирпича.

- Ремонт делаете? - ляпнул я почему-то.

- Нет, кирпичи коплю. По несколько штук в месяц. Хочу дом построить, - ответил Шура, не оборачиваясь. Он, одетый в тёмно-синий спортивный костюм, двигался на кухню. Я шёл за ним. Мы миновали вход в комнату, и я увидел, что она вся сплошь забита кирпичами, не считая маленького пространства возле стены, где стояла железная койка.

- А не проще деньгами копить? – поинтересовался я.

- Деньги я пропью. Или украдут. Кирпичи унести труднее.

Мы оказались на кухне. Шура пролез между двумя стопками кирпичей, вынул пару штук из ряда и просунул в отверстие руку. Через мгновение он извлёк оттуда килограммовую пачку соли.

- На, держи. Только отдашь обязательно. Можно солью. Можно кирпичами.

Он посмотрел на меня кислым взглядом, словно спрашивая: «Ну, чего тебе ещё надо?»

- Спасибо. Отдам, конечно. Просто в магазине нет... - пяясь, я продвигался к выходу из квартиры.

- Не за что.

Дверь захлопнулась. Я вернулся к себе. Прошёл на кухню, пристроил соль в шкаф. Поставил воду под пельмени. Задумался.

Неужели мозг человека настолько ненадёжная и хрупкая субстанция, что может выдавать абсолютно ложные данные только потому, что получает недостаточно энергии? А где же диагностика, сообщения об ошибках? Неужели нельзя у сумасшедшего на лбу зажигать специальное предупреждение: «Словам и действиям данного индивидуума в текущий момент доверять нельзя, системные сбои». Я сразу вспомнил старика с дырой в голове и поморщился.

Выловив всплывшие и вдоволь побултыхавшиеся в воде пельмени на тарелку, я с удовольствием заглотил их один за другим и попытался понять, стало ли мне лучше. Осмотрелся и с удовлетворением отметил, что никаких аномалий вокруг не наблюдается – обычная газовая плита, холодильник, мойка, стол, на котором стоит пустая тарелка, измазанная кетчупом, и пакет мелочи. Кстати, надо было её пересчитать.

Я развязал пакет и стал раскладывать монетки столбиками. Кроме рублей, там оказались ещё полтинники, двух- и пятирублёвки, копеечки и десятикопеечные монеты, то есть практически полный ассортимент металлических кружочков, находящихся в денежном обращении.

Раскладывание монеток меня успокоило и привело в расслабленно-мечтательное состояние. Всё было хорошо. Если я и сходил с ума, то не в данный момент. Вот лежит себе столбик рублей и лежит, никуда не девается. Я водрузил сверху ещё один рубль и увидел, как он соскользнул на стол. Должно быть, криво положил. Поднял его со стола и вернул на место. Монетка упала вновь. Я осторожно, сосредоточенно взял её двумя пальцами и

положил на вершину столбика. Столбик рассыпался, и монетки раскатились по столу. Это была уже полная чертовщина.

Я начинал злиться. Снова собрал рубли в горсть и стал укладывать один на другой. Нижний в столбике рубль вдруг подпрыгнул, и остальные снова свалились с него на стол. Затем подпрыгнул и развалился соседний столбик – с двухрублёвками. Тут же раскатились полтинники. Зашевелился пакет с оставшейся мелочью, и из него выпрыгнуло несколько монеток. Через мгновение по столу уже скакало несколько десятков безумных блестящих кусков металла, а я пытался поймать их и уложить обратно.

Мне подсунули сумасшедшие деньги. Недаром мне не понравилась продавщица. Сколько живу, а ни разу её в этом магазине не видел. Точно. Это она всё подстроила.

Я встал. Монетки танцевали на столе замысловатый танец, кружась, катаясь, звеня и подпрыгивая. Я вышел с кухни и закрыл за собой дверь. Услышал, как с той стороны об неё ударились несколько монет, словно бы брошенных чьей-то рукой.

Я зажал себе уши, закрыл глаза. Постоял немного, повторяя про себя: «Этого не может быть, этого просто не может быть». Открыл глаза. Убрал руки от ушей. Прислушался. Тишина. Направился в комнату. Нет, я не мог просто так свихнуться. Надо было взять в себя в руки и найти всему объяснение.

- Этого не может быть, - произнёс я ещё раз на пороге комнаты и замер как вкопанный.

На моём диване, поджав под себя лапы, лежал огромный амурский тигр – похоже, тот самый, которого я видел вчера. Он смотрел на меня и довольно улыбался. Его хвост спускался с дивана на ковёр и был неподвижен, за исключением белого мехового кончика, который слегка покачивался то вправо, то влево. Я уже собирался было страшно перепугаться, но тигр опередил меня, раскрыв пасть и произнеся молодым человеческим голосом:

- Можете и в меня не верить. Я вам обещаю, что в ближайшие дни здесь будет твориться совершеннейший бред.

Конечно, учитывая опыт всей моей предыдущей жизни, разумнее всего было предположить, что тигр не мог быть настоящим. Но я видел, как колыхается от дыхания его брюхо, как блестят зрачки и шевелятся усы, и всё это вместе выглядело настолько реально, что я боялся тигра. Ему достаточно было совершить всего один прыжок, и я бы оказался в его когтистых лапах... Но... Он же ещё и говорил!

- Меня зовут Василий Иннокентьевич, - произнёс тигр. - Да не тряситесь вы так, не собираюсь я вас есть. И в квартиру я вошёл только потому, что вы дверь забыли закрывкрыкыкыкык...

С тигром что-то произошло. Некоторое подобие нервного тика пробежало по его телу, вздыбливая шерсть. Хвост внезапно задымился и скрючился, изобразив перевёрнутый знак вопроса. Тигр зажмурился на секунду, потом продолжил:

- Не обращайтесь внимания на то, что я говорю – у меня неисправности в устройствах ввода-вывода. Меня зовут Конотоп Рах, если я, конечно, не ошибаюсь.

- Вы... Я... - заговорил я, наконец. - Это же невозможно!

- Ой, заладили... Запомните – возможно всё, что вы можете себе представить, и даже то, что вы представить пока ещё не можете, но... О чем, бишь, я? А, да...

Тигр вдруг привстал и потянулся, как кошка, отчего диван жалобно скрипнул. Затем он спрыгнул на пол и сделал шаг по направлению ко мне. Я мысленно напрягся, но пока ещё оставался стоять на месте.

- Я всего лишь хочу, чтобы вы произнесли одно слово, - продолжал тигр. - Ничего страшного, просто одно непонятное вам слово из девятнадцати букв...

- За... чем? – выговорил я.

- Ну, какая вам разница-ца-ца-ца-ца-ца-ца, - его, похоже, опять заклинило, и он замолк на пару секунд. - Так надо, уверяю вас. Если вы не произнесёте его вовремя, очень много плохого может произойти.

Тигр сделал ещё один шаг ко мне, и я почувствовал, что из его пасти пахнет несвежей рыбой. Я отодвинулся к шкафу и начал потеть.

- И что же за слово? – уточнил я.

- «Естрементеракориндо», - сказал тигр. - Видите, как просто – я могу его произнести.

А вы?

В моей голове вертелась сотня разных мыслей. Во-первых, я думал о том, что этого не может быть. Во-вторых, что это розыгрыш дрессировщика-чревовещателя. В-третьих, что это голограмма. В-четвёртых, что этого всё-таки не может быть. А в-пятых, кажется, я нащупал стакан.

Я резко метнул стакан в тигра, надеясь, что он пролетит сквозь него, и я пойму, что тигр – всего лишь призрак... Стакан врезался прямо ему в лоб и превратился в брызги воды, которая тут же потекла по его морде и закапала на пол.

- Слушайте, - произнёс тигр поникшим голосом. - Я сейчас обижусь... Я всё-таки известный учёный, а не мусорное ведро...

- Простите, - пролепетал я. Его мокрая морда и правда вызывала жалость.

- Не надо никаких «простите», - ответил тигр. - Скажите лучше «Естрементеракориндо», и я вам всё прощу.

Я раскрыл рот, чтобы произнести это заковыристое слово, но вдруг подумал, что, должно быть, выгляжу сейчас странно, стоя посреди пустой квартиры с перепуганным видом, ведь никакого тигра на самом деле нет. И ещё глупее слушаться его просьб и говорить тарабарщину только потому, что мне показалось, будто бы воображаемый тигр с идиотским именем Конотоп Рах этого хочет.

- Ну, что же вы? – Конотоп поднял на меня морду, и его щелевидные зрачки напряжённо сузились. – Чего вам стоит? Вы же в день произносите сотни слов – «мама», «папа», «динамит», «реструктуризация», «Тьмутаракань». Что вам стоит немного напрячься и добавить к этому бессмысленному ряду ещё одно, настолько же бессмысленное, слово?

Я слушал тигра рассеянно, потому что увидел, что на полу возле самой моей ноги стоит прислонённый к шкафу топор.

- Скажете? – с надеждой в голосе спросил тигр.

- Нет, - ответил я.

- Эх... Ну почему Вам Кого выбрал именно вас?

Он вздохнул и опустил взгляд в пол, предоставляя мне шанс, который я не мог упустить.

Молниеносно схватив топор, я замахнулся и резко обрушил его на затылок тигра. Череп, покрытый полосками разноцветной шерсти, звонко хрустнул, и брызнула кровь. Тигр издал короткий всхлипывающий звук, его тело покачнулось и шлёпнулось на пол, словно набитая костями шкура. Серая густая жидкость вытекла из раны на голове и слилась с узорами ковра.

Я выпустил из рук топор, отвернулся и, покачиваясь, пошёл в ванную.

Снял рубашку, покрывшуюся спереди красными мелкими точками. Открыл кран. Кровь с моих рук стекала в сливное отверстие вместе с тёплой водой. Я посмотрел в зеркало. Несколько капелек крови остались на лбу и щеке. Я вытер их, и теперь вроде бы ничто не напоминало о происшедшем. Кроме того факта, что в моей комнате лежал окровавленный топор и труп тигра.

Стоп. Я замер и нахмурился. Откуда в моей комнате взялся топор? Ну, вроде бы был у отца топор, зарытый глубоко в кладовке, но ведь я его сто лет не видел...

Я сбрызнул лицо холодной водой и уставился на своё отражение. Нашёл тоже чему удивляться – топору. Тигры тоже обычно не говорят. И слова «естрементеракориндо» в русском языке не существует.

Я опустил взгляд на бак с грязным бельём. Сверху лежала моя рубашка. Я взял её в руки, развернул. На ней не было видно никаких следов крови.

- Так я и думал, - сказал я вслух. - Я схожу с ума.

Я осторожно двинулся в сторону комнаты. Если бы там снова оказался тигр, я бы не выдержал и, наверно, бросился бежать, куда глаза глядят, пока меня не остановят и не отвезут на белой машине с красным крестом в психиатрическое отделение...

Ковёр был девственно чист. Никакого намёка на труп тигра. Даже запаха рыбы я больше не чувствовал. Я сел на диван и задумался о том, что же мне теперь делать. На стене тикали часы. Большая стрелка на двенадцати часах, маленькая на шести. Правда, не такая уж она и маленькая. У неё был точно такой же размер, как и у большой. Никогда не замечал, что на моих часах две большие стрелки.

Я бросил взгляд на электронные часы на руке. Они показывали «27:61». Это не вызвало у меня удивления, скорее досаду.

Я вздрогнул от звонка в дверь. Пошёл открывать. Замок заело, я провозился с минуту. Открыв дверь, я увидел невысокого молодого парня с животиком, одетого в просторную серую футболку и странного покроя черные брюки. Лицо выглядело добродушным, но было мне абсолютно не знакомо.

- Вам кого? – спросил я и осёкся, вспомнив, что эти слова сегодня уже слышал.

- За что же вы его так? – произнёс парень.

- Кого?

- Да братца-то моего дурного, Конотопа. А если б я вам топором по башке?

Нехорошо, честное слово...

Я секунду смотрел на его широкую улыбку. Потом резко захлопнул дверь, чувствуя, как меня охватывает ужас.

- Это никогда не кончится, - прошептал я.

Из-за двери послышался грохот, словно по лестнице скатывался набитый камнями мешок. Я постарался успокоиться и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Заглянул в комнату родителей, убедившись, что там никто не прячется. Пошёл снова к себе. Потоптался возле шкафа, глядя на ряды книг. Уставился на сорок седьмой том Хайнлайна, смутно припоминая, что пару дней назад их было всего двадцать пять.

Сел на диван, взял в руку телефон и набрал номер Тамары.

- Да, - ответила она. Голос был недовольным и сонным.

- Привет.

- О Боже... Ты знаешь, сколько сейчас времени?

- Нет, - честно ответил я. - У меня все часы взбесились. А что, сейчас ночь?

- Вообще-то да, - ответила она.

- Прости...

Я покосился в окно. С улицы лилось яркое летнее солнце.

- Ну, чего ты хотел?

- Слушай... Я не знаю, что мне делать... Я схожу с ума.

Она некоторое время помолчала.

- Из-за меня, что ли?

- Не знаю... Нет... Со мной происходит что-то странное... Сегодня я говорил с тигром...

- Ну и что? Я вот с деревьями иногда разговариваю. Это нормально.

- Нет, ты не понимаешь. Он был тут, у меня дома. Он говорил со мной... И деньги прыгали по столу. Сами собой. И ещё я видел человека без мозгов...

- Ну, это-то не редкость... - отозвалась Тамара. - Извини. Честно говоря, я спросонья мало что понимаю. Но вообще сходи к психоаналитику, - кажется, она зевнула.

- А чем он мне поможет?

- Ну, не знаю. Хуже-то не будет...

- Ну да... Куда уж хуже... - вздохнул я.

- Я знаю одного, - вспомнила Тамара. - Неверов фамилия. Хороший дядечка такой, бородатый, интеллигентный. Сходи, поболтай с ним.

- А это где? И сколько стоит?

Она продиктовала адрес.

- Недорого совсем. Не волнуйся, он тебя не укусит...

Я услышал звук громкого чиха. Или мне опять почудилось?

- Будь здоров, - сказала Тамара.

- Спасибо. Хотя вообще-то я не чихал. А ты тоже это слышала?

- Ага. Ну ладно. Я спать очень хочу. Сходи обязательно. Давай.

- Пока. Спокойной ночи.

Она повесила трубку. Я тоже. У меня появилась надежда. В конце концов, есть же всякие методы. Гипноз там, аутотренинг... Я встал и пошёл на кухню, чтобы ещё чего-нибудь поесть. Всё-таки Тамара, несмотря на всю свою неприступность, была хорошим человеком.

Настроение у меня стало намного лучше.

Глава 2. Как утонул Конотоп

Не зря народная мудрость говорит, что утро вечера мудренее. Наутро я чувствовал себя свежим, отдохнувшим и уверенным в себе. Всё казалось до смешного просто. Я пойду к психоаналитику. Если я болен, он поможет мне вылечиться. Если не болен, то не поможет. Я на секунду задумался о том, как назвать такой подход – диалектикой или метафизикой, но, в конце концов, решил, что это неважно, лишь бы он работал.

С другой стороны, если каждое последующее утро мудренее предыдущего вечера, то вечер должен быть тупее утра, иначе мудрёность будет постоянно расти и превысит предельно допустимую для конкретного человека. Хотя, кто знает - может быть, именно поэтому жизнь ограничена во времени?

Возле метро меня попыталась остановить корейка – неужели та же самая? Да нет, скорее всего, просто похожа.

- Вы верите в Бога? – с надеждой спросила она.

- Я теперь во всё верю, - насупившись, ответил я и увернулся от протянутой брошюры.

Мокрый асфальт поблёскивал на солнце и отражал дрожащие стены домов. Я ёжился от промозглого ветра и двигался вперёд, глядя себе под ноги. Я не помнил, когда прошёл дождь. Скорее всего, его просто не было, как не было и этих луж, норовивших просочиться в мои кроссовки и пропитать водой штанины джинсов. Возможно, не было и меня, который брёл по тротуару мимо влажных стен под серым недружелюбным небом. А может быть, и этого неба не было?

Я надеялся, что это скоро узнаю. Доктор Неверов должен был мне объяснить, что есть на самом деле, а что только кажется. Если, конечно, он сам существовал, а не являлся плодом моего больного воображения.

Я на мгновение замер перед старинной дубовой дверью с золотой табличкой «А.В. Неверов, психоаналитик. 1953 – 2008». Собрался с духом и вошёл внутрь. Поднялся по узкой лестнице с деревянными перилами. Вошёл ещё в одну дверь. Увидел девушку в роговых очках, которая сидела за столом и что-то писала.

- Здравствуйте, - сказал я. – А можно мне поговорить с доктором?

- Да, конечно, - ответила она. - Он свободен. Только оплатите консультацию. Две тысячи семьсот рублей.

Я положил на стол перед ней две бумажки и водрузил сверху огромный пакет мелочи.

- Только вы осторожнее, - предупредил я. – Они прыгучие. - И, не обращая внимания на её вопросительный взгляд, вошёл в кабинет.

Там было пусто. Два кожаных кресла, одно за столом, другое перед ним. Слева кушетка. На стене репродукция картины, изображающей лестницу, ведущую то ли вверх, то ли вниз. Справа вдоль стены – красная пластиковая ширма. Из-за неё раздался хрипловатый мужской голос:

- Присаживайтесь.

Я с лёгким недоумением опустился в кресло.

- Не волнуйтесь, - продолжил голос из-за ширмы. - Вы не будете меня видеть, но я вас внимательно слушаю. Это мой метод. Я считаю, что человеку проще излагать свои проблемы, когда он не видит собеседника, а говорит как бы сам с собой. Итак – что привело вас ко мне?

- Э... - сказал я. – Не знаю, с чего начать... Я вижу такие вещи, которые раньше не видел...

- Например?

- Например, лестницу, которая никак не кончается... Или деньги, которые прыгают по столу... Я понимаю, что всё это нереально, но всё равно вижу, и это меня пугает...

- И это всё? – я уловил в голосе то ли раздражение, то ли нетерпение.

- А этого недостаточно? Представьте себе, что вы идёте по лестнице вниз с пятого этажа, а она всё продолжается и продолжается...

- Вы не хотите мне рассказать ещё что-нибудь? О том, что вы видели?

- Ну... - я замялся, потому что почувствовал в себе сомнение – а не зря ли я сюда пришёл? – Ещё я видел тигра...

- Тигра? На Земле? Забавно... - невидимый доктор рассмеялся, и это ещё больше насторожило меня. - Но с этого момента прошу вас быть подробнее. Что он говорил?

- Откуда вы знаете, что он вообще говорил?

- Это моя работа. Продолжайте, пожалуйста.

Какой всё-таки у доктора был противный голос... Как он мог понравиться Тамаре, утончённой и интеллигентной, с таким хриплым и скрипучим голосом?

- Э... Он просил меня произнести одно слово.

- Какое слово?

- Естременте... - начал я.

- Стоп! – вскричали за ширмой, и послышался стук упавшего предмета.

- Что-то случилось? – поинтересовался я спокойно.

- Чуть не случилось, - произнёс доктор, и в голосе звучало волнение. – Ни в коем случае не произносите это слово. Если вы будете идти на поводу у своих галлюцинаций, вы больше никогда не сможете излечиться.

- Я и не пошёл на поводу. Я убил этого тигра.

- Замечательно! Просто здорово! Вы хоть понимаете, что тигры не говорят?

- Да, понимаю.... Поэтому я и пришёл, собственно...

- Хорошо. Что ещё вы видели?

- Видел старика с дырой в голове.

- В белом костюме? – голос словно бы куда-то спешил. - Что он вам говорил?

- Доктор, ну какое это имеет значение? – я начал злиться. – Ведь это всё нереально...

- Именно поэтому это важно. Меня интересует то, что происходит в вашем мозгу.

Иначе как я смогу вас вылечить?

- Правда... Простите. Он ничего не успел мне сказать. Я убежал. Он только назвал меня по имени и спросил: «Вам кого?» А может, это просто был сторож?

- Владимир, не волнуйтесь. Конечно, нам нужно продолжить наши встречи, но уже сейчас мне ясно, что вы переутомились. Вам нужно уехать подальше отсюда, в безлюдное место, и пожить там некоторое время...

Я вдруг понял, что здесь что-то не так. Откуда доктор знал моё имя? Откуда знал, что старик был в белом костюме? Я повернулся к ширме и попробовал проникнуть взглядом сквозь неё.

- И не верьте тому, что говорят голоса в голове и ваши видения, - продолжал голос. Странно. Это всё было странно. Если Тамара тоже разговаривала с Неверовым через ширму, откуда она знала, что у него борода?

Я встал и тихо, на цыпочках, приблизился к краю ширмы.

- Лучше всего вообще ничему не верить. На всякий случай, - говорил голос.

Я заглянул за ширму. Передо мной, развалившись в кресле, сидела большая лохматая обезьяна, одетая в строгий серый костюм. За ней, на полу, лежал связанный толстой белой верёвкой бородастый человек с кляпом во рту.

- Ну, какого чёрта, Ясоний? – спросила обезьяна. – Что вы тут забыли? Почему не могли сидеть на месте, как нормальный пациент?

В её лапе блеснул пистолет, дуло которого уставилось на меня.

- Может быть, теперь вы честно скажете, что наплёл вам этот старый маразматик с дыркой в голове? Или вы предпочитаете быструю смерть?

- Что происходит? – спросил я.

- Ничего не происходит, - ответила обезьяна, поправляя красный в белую полоску галстук. - Сейчас я вас просто пристрелю.

- Но... За что? – я прикинул расстояние до двери и понял, что у меня нет шансов.

- За большие заслуги перед Империей Седьмой Плиты...

«Эта обезьяна – псих» - понял я.

- С другой стороны, - сказала она, поднимаясь с кресла, - пристрелить вас я всегда успею, а вот выяснить, что задумала эта дырявая башка... Есть более эффективное оружие...

И обезьяна достала из кармана мобильный телефон. При этом дуло пистолета опустилось, и я прыгнул на дверь. Она с грохотом раскрылась, выпуская меня в коридор.

- Спасите! – услышал я слева от себя.

Секретарша при помощи папки отбивалась от атакующих её прыгающих монет.

Я кое-как сбежал вниз по лестнице, вылетел на улицу и понёсся прочь, не разбирая пути. «Интересно, - подумалось мне, - произошло бы всё это со мной, если бы я как следует выучил теорию вероятностей?» Я споткнулся о кошку, зацепился за пакет с грушами, который нёс длинноволосый кавказец, и свалился на асфальт. Вскочил снова. Посмотрел назад. Погони не было. Или не было вообще ничего? Я отдышался и постарался прийти в себя.

Так. Нужно было рассуждать логически. Я пошёл к психиатру, потому что не верю, что тигры говорят. Но ведь в говорящих обезьян я тоже не верю. Значит, психоаналитика, с которым я только что разговаривал, не существовало. И за мной никто не гнался.

Сразу стало легче. Я зашагал вперёд, насвистывая гимн то ли России, то ли Советского Союза – сейчас уже и не вспомню. Путь мой лежал через величественный Крымский мост, и я тут же вспомнил, что стропы, на которых он подвешен, образуют вовсе не параболу, как многие думают, а цепную линию, у которой совсем другое уравнение в декартовых координатах.

Я встал возле перил моста и посмотрел вниз. Подо мной протекала тёмная река, покрытая рябью. В воде плавали каменные берега Москвы, дома, стоящие рядом, другие мосты, облака и серые тучки, и мне хотелось туда же, к ним. Хотя нет... Ещё пару дней назад я рассуждал, какая монотонная и скучная у меня жизнь. А сейчас, когда в ней случилась такая невероятная флуктуация, я вдруг испугался.

Тут я почувствовал, что стало темнее. В воде подо мной отразилась огромная чёрная тень, размытая рябью в колышущиеся пятна. Я отшатнулся от перил и посмотрел вверх. В облаках прямо над моей головой висел огромный чёрный треугольник. Он быстро снижался, заслоняя всё большую часть неба, и скоро я начал различать отдельные плиты обшивки, смотрящие на меня дула орудий, вырастающие из днища, открывающийся в брюхе прямоугольный люк... Чёрт побери, да это был космический корабль!

Из люка высунулась чёрная труба, изрыгающая короткий факел оранжевого пламени. В моей голове со скоростью света или даже быстрее понеслись мысли. Если корабль завис

надо мной, это было не случайно. И если бы я замешкался хоть немного, то, скорее всего, из орудия, которое поворачивалось сейчас ко мне чёрным отверстием дула, извергся бы огромный сноп огня, в мгновение ока превративший бы меня в пепел...

Ещё не осознав толком, что делаю, я легко перемахнул через перила моста и, охваченный потоком холодного влажного воздуха, полетел вниз, к сверкающей водной глади. Я успел подумать, что это, видимо, и есть конец. Ведь наверняка мне всё померещилось: и корабль, и орудие, и обезьяна-психиатр, а реальны только мост, вода и смерть...

Больно ударившись о твёрдую зеркальную поверхность, я потерял способность понимать, что происходит вокруг, и только спустя некоторое время ощутил себя в толще холодной мутной воды, беспомощно машущим руками и ногами. Я отбивался от неё, наступающей со всех сторон, и глотал, думая, что кричу. Вода щекотала нос, затекала в рот и в лёгкие, и я опускался всё глубже, чувствуя, как погибаю.

Мои ноги вдруг коснулись чего-то мягкого, скользкого, что поднималось из глубины, и я обхватил это ногами, оказавшись верхом на мокром покрытом шерстью существе, которое поднимало меня вверх. Секунда, другая, и моя голова поднялась над поверхностью воды, и я смог, прокашлявшись, вдохнуть немного воздуха.

Я вцепился пальцами в мокрую шерсть и приник к ней.

- Полегче, - сказал Конотоп. – Мне не очень нравится, когда меня дёргают за волосы. Он плыл к берегу, усиленно работая лапами.

- Спасибо, - сказал я. - Я уж думал, что погиб.

- Ну, это теперь вряд ли случится, - отозвался тигр, сплёвывая воду. – Тем более что я не допущу.

- Странно, - произнёс я, чихнув. – Почему-то я думал, что тигры не умеют плавать.

- Да? – интонация Конотопа была испуганно-смущённой. – Может быть, и не умеют...

Я точно не знаю... Не очень знаком с предметом...

Я вдруг понял, что он погружается.

- Помогите, - заговорил он, захлёбываясь. – Похоже, я тону...

Его спина уходила вниз. Я попытался ухватиться за шерсть на его шее, но она выскользнула, и тигр пошёл на глубину, словно свинцовое грузило, оторвавшееся от лески.

Я некоторое время истерично барахтался, беспорядочно дёргаясь и чихая, затем поплыл, как мог, в сторону набережной. Подобравшись к краю парапета, я увидел возвышающегося на нём человека. Это был тот самый парень, который представился братом Конотопа. В руке он держал оружие, похожее на гарпунное ружье.

- Ну что вы за человек такой? - злобно произнёс он. – Вас надо казнить за жестокое обращение с животными. За что вы его утопили?

Я уже карабкался на парапет. С меня текла вода, и ветер пронизывал до костей.

- Я не топил... - промямлил я. В воздухе сверкнул металл, и я почувствовал, как в моё плечо вонзилась острая игла.

Я хотел подняться на ноги, но голова закружилась, и мир завертелся вокруг, словно картинки в пьяном калейдоскопе. Я падал на бетонную плиту, но чужие мягкие руки подхватили меня, и я отключился.

Глава 3. Пожар

Издалека доносился звук забиваемых в землю свай. Внизу, в темноте, поскрипывали доски. Пространство ходило ходуном, и я всё никак не мог заставить себя раскрыть глаза, потому что не знал, что меня ждёт там, снаружи моей головы.

Наконец веки разлепились, я увидел свет. Я долго не мог сфокусировать зрение – видимо, действовало то, что мне вкололи. Когда картинка стала более или менее чёткой, я понял, что сижу на пыльном чердаке деревянного дома. Попытался пошевелиться, но не смог. Толстая грязная верёвка обхватывала моё туловище, ноги и руки, крепко прижимая меня к металлическому ржавому креслу. Огромный узел находился на запястье моей правой руки, и конец верёвки, напоминающий поникшую змеиную голову, свисал с подлокотника очень близко к моим пальцам. Я попытался его ухватить, но ничего не выходило – слишком туго была притянута к железке рука.

Я огляделся, благо мог свободно вертеть головой. Деревянный пол был покрыт толстым слоем пыли, на котором отпечатались следы ботинок и, похоже, тигриных лап. Справа на полу среди кучи грязного тряпья валялась металлическая труба. Она бы могла мне пригодиться в драке, но для этого мои руки надо было сначала освободить.

Слева в крыше я видел небольшое отверстие, из которого пробивался свет, но, сколько ни приглядывался, не мог рассмотреть, что за ним. На одной из стропилин стояло перевёрнутое ведро, заполненное водой. Поверхность воды спокойно себя чувствовала под углом градусов шестьдесят к горизонту. Ведро, которое давно должно было упасть вниз, на пол, тоже не собиралось этого делать. Я зажмурил глаза, потом снова открыл. Вода по-прежнему не выливалась. Чёрт с ней, пора было уже привыкнуть ко всем этим странностям.

В дальнем конце чердака в полу виднелся прямоугольный люк. И как только я его заметил, в нём показалась голова человека. Это был тот самый странноватый парень с детским лицом, который выстрелил в меня иглой. Он поднялся из люка и с улыбкой направился ко мне, неся в руке маленький металлический чемоданчик.

- Пришли в себя? – произнёс он. – Отлично. Конотоп, иди сюда! Он очухался, – и, уже снова обращаясь ко мне: - Хотите узнать новости?

- Какие новости? - спросил я. Мой собственный голос звучал тихо и хрипло.

Парень придал своему лицу совершенно дикое выражение, два раза неуклюже подпрыгнул на месте и заорал:

- Северной Америки больше нет!

Со стороны люка к нам приближался тигр.

- Прекрати, Кентел, он не понимает твоего юмора. Впрочем, как и я.

Кентел отошёл в сторону. Конотоп приблизился ко мне и посмотрел мне в глаза:

- Ну что же, Ясоний, продолжим наши попытки?

- Может быть, вы развяжете меня?

- Потом – возможно. Сначала «Естрементеракориндо».

Я безуспешно попытался ослабить верёвки.

- Может быть, вы хотя бы объясните, что происходит? Тогда мне будет проще решиться.

Тигр издал звук, похожий на смешок.

- Я не мастер насчёт объяснений. Так что буду краккра... - он сглотнул что-то и скривил морду. - Короче, времени в обрез, поэтому перейдём на «ты». Всё, что тебе нужно знать – Земля в опасности. Есть два способа спасти её. Первый – сделать её безумной. Что, как видишь, уже происходит. Второй – «Естрементеракориндо».

Он улёгся возле моих ног, не отводя от меня взгляда.

- Слушайте... - пробормотал я. - Но ведь этого же всего нет... Ведь не бывает говорящих тигров, обезьян и стариков с дыркой в голове.

- Бывает, - ответил Конотоп. - И я могу тебе это доказать. Хочешь, я откушу тебе ногу?

Несмотря на то, что я был крепко привязан к креслу, я умудрился подпрыгнуть от неожиданности.

- Нет... - сказал я. – Не надо...

- Тогда просто скажи «Естрементеракориндо».

- Но что это значит? Зачем я должен это говорить?

Конотоп вздохнул.

- Ты слишком много думаешь. Зачем все эти вопросы? За тебя всё давно придумали, и тебе нужно только следовать указаниям... Кентел, дай ему ... р-р... лекарство.

Кентел, до сей поры с отсутствовавшим взглядом сидевший на горе тряпок, открыл чемоданчик, что-то достал из него и приблизился ко мне.

- Откройте рот, пожалуйста.

- Зачем? – спросил я, и он проворно сунул мне в рот маленькую пилюлю.

- Что это? – я нащупал таблетку языком и придвинул к губам.

- Это нужно, чтобы ты стал послушнее, - ответил Конотоп.

Я изо всей силы выплюнул таблетку изо рта. Она выпорхнула в воздух и неторопливо полетела по спирали к потолку. «Сильное магнитное поле», - подумал я.

- Нет, ну что за идиот! – возмущённо выкрикнул Конотоп. - Кто же плюётся лекарствами? Кентел, тащи лобзик. Будем вводить таблетку внутривенно.

- Слушаюсь, господин фельдфебель! – бодро выкрикнул Кентел. Он направился быстрым шагом к люку и исчез в нём.

Через мгновение сарай сотрясло сильным ударом, словно в нижний этаж кто-то с большой скоростью въехал на грузовике.

- Что за чёрт? – недоумённо спросил Конотоп. - Никуда не уходи, - он в два прыжка достиг люка и просочился в него вместе с хвостом.

Сарай вздрогнул ещё раз. Затем наступила тишина. Я пару раз дёрнулся, пытаюсь ослабить верёвки. Безрезультатно. Вообще-то оказаться на чердаке сарая связанным собственными глюками – это чересчур даже для сумасшедшего. Боже мой, неужели никто не сможет мне внятно объяснить, что происходит? Тигр говорил что-то о том, что Землю пытаются сделать безумной. Может быть, это правда? Уж не знаю, что это значит и как это возможно, но ведь могут существовать какие-то секретные военные технологии... А если тигр не врал, то, может быть, действительно стоит произнести это странное бессмысленное слово? Ну, куда они делись? Я уже готов...

Снизу, под полом, что-то тихо потрескивало. Словно шуршала жёсткая сухая бумага, или невидимые ноги топтались по еловым веткам, или... О Боже... Я почуял запах гари.

- Конотоп! – заорал я. - Кентел! Мы горим!

Никто не ответил. А может, они специально подожгли сарай? Может, они хотят, чтобы я сгорел здесь? Но зачем? Наверно, они просто сумасшедшие. Ну да, надо было мне сразу догадаться... Хотя какая теперь разница? Надо выбираться отсюда!

Я напрягся и задвигал рукой, стараясь расшатать ржавый подлокотник. Пружины подо мной скрипели в такт моим судорожным ёрзаниям, но это был единственный заметный результат. Попробовал другой рукой, потом ногами. Кресло было прочным.

Тем временем чердак начал заполняться дымом. Я чувствовал жар разгорающегося снизу огня. Похоже, для меня дыхание смерти оказалось горячим.

Чёрт побери, я же совсем молодой ещё! Я ещё совсем не жил. Не завёл семью, детей, не сделал ничего полезного для человечества... Я не хотел умирать!

Тяжело дыша, я извивался, словно уж. Верёвка впивалась в кожу. На запястье выступила кровь. Я вспотел – то ли от огня, то ли от волнения, то ли от активных попыток встать с кресла. Пот как смазка теоретически мог бы мне помочь, но у меня всё равно не хватало сил вырваться из пут.

Я устал и безвольно расслабился. Пусть. Я не мог ничего сделать. Если уж суждено умереть, от этого никуда не уйти. Пол в дальнем конце чердака медленно чернел и покрывался язычками пламени, сначала маленькими, затем всё больше. Огонь побежал вверх по стропилам, а дым лез в нос и глаза, и мне становилось тяжело дышать. Я уже представил себе, как корчусь в пламени, которое пожирает мою кожу и мясо, причиняя нестерпимую боль, как лопаются мои глаза и чернеют ногти...

Огонь окружал меня со всех сторон, приближаясь по доскам пола к моим ногам. Дым заполнял помещение так плотно, что я мог видеть метрах в трёх, не больше. Было жарко, мне

казалось, что я плавлюсь. Вот сейчас.... Сейчас ближайший ко мне огненный ручей дотечёт до моих кроссовок, набросится на них, и начнётся последняя в моей жизни попытка...

Внезапно зашевелился узел верёвки на запястье моей правой руки. Он приподнялся, качнулся пару раз из стороны в сторону, и я вдруг понял, что это голова. Она смотрела на меня своими маленькими чёрными глазками, напоминающими капли смолы, и словно бы пыталась понимать, что творится вокруг.

- Что такое? – прошипела верёвка тихим тоненьким голосом. - Почему так жарко? - Голова завертелась, оглядываясь вокруг. – Чёрт!!! – По верёвке пробежала волна судорог. - Вы что? Изверги! Я же сгорю!

Верёвка напряглась, ослабляя узел, и с усилием вытащила голову из петли, а затем, быстро заскользив кольцами по мне, стала уползать вниз, в отверстие в полу.

Я, не веря своему везению, вскочил с кресла, сбросив с себя её хвост. Надо было пробраться к люку, но впереди вставала стена пламени. Я приблизился, готовясь прыгнуть сквозь него, но на меня пахнуло таким горячим воздухом, что у меня заслезились глаза, и я понял - это нереально.

- Боже... - пробормотал я. – Но ведь должен быть выход...

И тут вода, которая стояла в перевернутом ведре прямо над моей головой, вылилась на меня освежающим душем. Я закрыл глаза и метнулся вперёд, сквозь огонь. Дыхание перехватило, жар заставил стиснуть зубы, по коже пронеслись струи горячего воздуха. Я споткнулся и, похоже, полетел в люк. Всё ещё с закрытыми глазами я упал на что-то мягкое и обжигающее, подпрыгнул от боли и, вскочив, понёсся наобум сквозь застилающий всё дым. Наверно, с момента, когда на меня пролилась вода, прошло секунд пять, а я уже вылетел через ворота наружу, хлопывая руками по тлеющей рубашке. Упал на траву. Стащил дымящиеся кроссовки. Отдышался. Вроде бы цел.

Присев, я осмотрелся. Сарай полыхал вовсю, и дым поднимался над ним чёрным густым рукавом. За ним вставал лес. Слева простиралась холмистая местность, утыканная кустиками, а вдаль, возле другого клочка леса, виднелась деревня. Справа... Я вздрогнул.

Невдалеке от меня на траве стояло огромное чёрное сооружение в виде распластанного по горизонтали треугольника на тонких металлических ножках. Я узнал космический корабль, который атаковал меня сегодня на мосту. В длину он достигал метров пятисот, если не больше. Блестящий, гладкий, покрытый тонким узором из угловатых линий, он казался каменным. Я не видел в нём окон, зато видел, что снизу и с боков он утыкан огромным количеством трубок, в которых легко было угадать стволы неизвестного оружия. Не к добру он здесь появился... Я спешно натянул кроссовки и поднялся, приготовившись бежать.

За моей спиной послышался шум. Я обернулся и увидел такое, от чего волосы на коже встали дыбом. На меня по воздуху плыло существо. Оно состояло из стопки никак не соединённых между собой вращающихся дисков. Над верхним из них висела сероватая тушка с двумя плавниками и длинной шеей. Шея заканчивалась маленькой узкой головкой с большими мутными глазами, которые смотрели прямо на меня. Существо раскрыло рот, и я увидел в нём частокол из острых шевелящихся зубов. Из рта раздалось шипение и клёкот, похожий на птичий.

Я попятился и почувствовал, что сзади тоже что-то приближается. Обернулся. С разных сторон ко мне летело около десятка подобных существ. За одним из них, словно тележка за вагоном, плыло нечто вроде пылесоса, шланг которого был зажат под мышкой. Из раструба на конце шланга струился небольшой фонтан пламени.

Я завертелся на месте, выискивая в кольце левитирующих монстров брешь, но меня окружили уже слишком плотно. Со всех сторон крутились серые мясистые диски, приковывающие взгляд убегающим в бесконечность узором синеватых прожилок.

Одно из чудовищ оказалось совсем близко ко мне, я поднял глаза и увидел его жилистую острую морду сантиметрах в двадцати от своего лица. Я встретился с ним взглядом. В его водянистых глазах, напоминающих капли болотной мути, плавали чёрные

бездонные зрачки, в которые я тут же провалился своим сознанием. Я не мог отвести взгляда от их колыхающейся бездны, и всё вокруг меня расплылось в сплошную неясную дымку. Я почувствовал, как внутри моей головы что-то шуршит, словно взгляд страшного существа шарит по ней невидимой рукой. Эта рука сжалась, и я понял, что меня тянут за собой.

Ноги понесли меня за монстром, который плыл прочь задом наперёд, не отрывая от меня своих жидких глаз. Я смутно осознавал качающиеся вокруг дерева, проплывающую подо мной траву и приближающуюся треугольную чёрную тень, которая постепенно заслоняла собой небо. Затем сознание полностью оставило меня.

Открыв глаза, я ощутил себя лежащим на полу в маленькой низенькой комнатке. Всё здесь – стены, пол, потолок – было сделано из материала, похожего на чёрный мрамор. В середине потолка располагалась круглая вставка из другого, синеватого, камня, который слегка светился, позволяя мне осмотреться.

Я привстал. Дверей в комнате не было. Но как-то я должен был сюда попасть, значит, наверняка существовал и выход. С другой стороны, стоило ли выходить, если снаружи меня караулила толпа летающих зубастых существ, которые только и ждали, когда я приползу к ним в лапы? Хотя нет, лап у них не было.

Я встал на ноги и понял, что в полный рост перемещаться не могу – слишком низкий потолок. Пригнувшись, я обошёл комнатку по периметру, оглядывая стены. Никакого намёка на дверь. Причудливо изогнув шею, осмотрел потолок. Ага – вот тут, в углу, было что-то похожее на люк. Камень был подогнан плотно, почти без щелей. Я попытался надавить на него – никакого эффекта. Поцарапал ногтями края, думая подцепить крышку – тоже не получилось. Похоже, я отсюда просто так выйти не мог.

Я сел на корточки и задумался. Что вообще происходило? Я уже не верил, что просто схожу с ума. Слишком уж отчётливо я видел этих летающих тварей. Слишком ясно ощущал холод, исходящий из чёрного пола в мои пальцы... А это ещё что?

Я нащупал в полу прямо под собой какую-то неровность. Ну да, это был ещё один люк. Прямоугольная крышка немного выступала из пола, а рядом с ней располагалось небольшое углубление, прикрытое чёрной пластинкой из пластмассы.

Я уцепился пальцами за край крышки и попробовал приподнять. Не помогло. Встал на неё ногами и немного попрыгал, надеясь выдавить. Она не двинулась с места. Да уж, надёжно строили эти безрукие летающие ломтики. Впрочем, у всех есть свои слабые места.

Я надавил рукой на пластмассовый щиток. Он хрустнул и рассыпался. Запустив руку в углубление, я нащупал пучок проводов, обоими концами уходящий внутрь камня. На некоторых из проводов прощупывались загадочные чёрные утолщения – может быть, аналоги наших радиоэлементов.

Не зря это углубление располагалось рядом с люком. Это мог быть, к примеру, замок, или устройство для контроля двери. Был смысл рискнуть.

Я осторожно отделил пальцами один из проводов и дёрнул на себя. Провод довольно легко порвался, и я почувствовал слабенький разряд тока. Слава Богу, здесь не тысяча вольт, а то бы я уже обуглился. Впрочем, такие тоненькие провода этого бы и сами не выдержали. Я взялся за второй провод и тоже рванул.

Подо мной щёлкнуло, и я понял, что люк, на котором я сидел, проваливается вниз. Я даже не успел ни за что ухватиться, как он раскрылся, а я оказался в воздухе. Я падал вниз из отверстия в днище огромного чёрного корабля, с огромной скоростью летящего над морем. Мокрый ветер подхватил меня и завертел так, что я потерял ориентацию, успев только подумать, что мне конец. Я зажмурил глаза и ощутил сильный удар боком о какие-то мокрые ветви, потом ещё один, уже спиной, потом ещё и ещё. Похоже, я врезался в верхушки деревьев и теперь падал на землю сквозь густые заросли.

Открыв глаза и получив пару раз мокрыми еловыми сучьями по морде, я заскользил по одной из веток вниз и через мгновение довольно-таки тяжело приземлился в песчаный холм.

С минуту я лежал на нём, ожидая, пока перестанут гудеть от удара спина и голова. Мысленно ощупал тело. Ноги и руки были на месте.

Я перекатился на бок и увидел уходящую за горизонт бесконечную гладь моря.

Глава 4. Посреди океана

Слегка прихрамывая, я брёл по песчаному побережью и думал о превратностях судьбы. Стоило ли мне радоваться тому, что моя жизнь внезапно изменилась таким причудливым образом? За последние дни я разговаривал с тигром, познакомился с обезьяной-психиатром, ловил прыгающую мелочь, чуть не сгорел, видел живую верёвку, человека без мозгов, летающую таблетку и составленных из кусочков инопланетян. А теперь я шёл по берегу неизвестного мне моря и рассматривал пальмы... Или то были ёлки?

Ближайшая ёлка внезапно облысела и в одно мгновение отрастила на макушке пальмовые листья. Вот, к моим новым знакомым надо было теперь добавить ещё и дерево-трансформер. Нет, приключения – это довольно неплохо, иногда нужна и встряска, но чтобы такое... В конце концов, я хотел домой! Я есть хотел, с удовольствием повалялся бы в постели, посмотрел бы телевизор. Мне к экзамену надо было готовиться...

Я споткнулся и посмотрел себе под ноги. Это была моя кепка. Я поднял её и надел себе на голову. По берегу я шёл всё время в одну сторону, примерно часа полтора. Значит, это был остров. Причём совсем небольшой.

- Странно, - произнёс я задумчиво. - У меня же не было кепки...

Впрочем, всё это казалось теперь не таким уж важным. Надо было смириться и постепенно приспосабливаться к жизни здесь. Я снял кепку и метнул её в море. Она летела долго и, в конце концов, превратилась в маленькую чёрную точку на горизонте.

Насколько я мог судить из моей непродолжительной прогулки, я был единственным обитателем острова. Значит, рассчитывать можно было только на растительную пищу. Я осмотрелся. Справа ёлки. Несъедобные. Слева пальмы. На них висели огромные синие груши. Но уж больно высоко... Можно было попробовать сбить.

Я поднял с песка небольшой камешек и метнул в грушу. Не попал. Кинул другой. Опять мимо. Третий, наконец, попал. Груша лопнула и сдулась, как воздушный шарик.

Нет, это были неправильные груши, и есть их, скорее всего, было небезопасно. Так что я вздохнул и направился по узенькой тропинке вглубь острова. Пальмы, ёлки и берёзки двигались вокруг меня в хаотичном порядке, настраивая на романтический лад...

«Интересно, - думал я. - Если здесь никто не живёт, то откуда взялась тропинка? Чтобы её протоптать, много ног должно пройти...» Внезапно тропинка закончилась, и я упёрся в заросли высокой травы. Развернулся. Сзади тоже была трава. Ну да, конечно. Не могло быть на необитаемом острове никакой тропинки. А трава могла быть. И кустики. На ближайшем кустике висели красные ягоды. Был только один способ проверить, съедобные они или нет. Я отправил одну из ягод в рот и чуть не сломал зуб. Чёрт... Это был камень. Кругленький, красный, на кустике рос. Иначе и быть не могло. Я брёл наобум, раздвигая руками траву, и думал о том, что уже сильно хочу есть. И, наверно, если дело пойдёт так дальше, то просто помру с голоду... Господи, пошли мне немного еды!

Внезапно прямо в траве передо мной вырос огромный белый холодильник. У меня мелькнула мысль, что, пожалуй, я так скоро начну верить в Бога. Я сглотнул слюну и потянулся к блестящей ручке на двери. Дверца, однако, раскрылась сама, и из холодильника вышел старик в белом костюме. Тот самый. Только дыра, которая врезалась мне в память, на этот раз снова была прикрыта белой шляпой.

- Володя! – воскликнул он. - Наконец-то я вас нашёл! Здравствуйте, - он улыбнулся, и я вдруг почувствовал к этому человеку доверие. Добродушные и живые глаза, забавная

бородка, одет прилично. Вот только татуировка на щеке несколько смущала. Кажется, «Пейте соки». Что за бред?

- Здравствуйте, - сказал я. – А вы кто?

- Меня зовут Вам Кого. Я - представитель Галактического Конгресса. Мне столько нужно вам рассказать... Пойдёмте, тут есть одно подходящее местечко, я через коробочку видел.

Он раздвинул руками траву, и я увидел симпатичную полянку, утыканную пеньками. Видимо, на этом острове заготавливали лес. Всё было очень логично.

Вам Кого тем временем извлёк из холодильника бутылку водки и пакет – похоже, с закуской, а потом направился на полянку. Я покорно поплёлся за ним.

Мы присели на два пенёк. На третьем, побольше, Вам Кого расстелил газетку, разложил на ней сало, помидоры, зелёный лук, хлеб и солёные огурцы. Он распечатал бутылку и начал разливать водку в пластиковые стаканчики.

- Я вообще-то не пью, - сказал я.

- Разрешите мне в этом усомниться, Володя, - Вам Кого шутливо погрозил мне пальцем. - Я видел, как вы недавно покупали пиво.

- Э... Ну да. Но это было первый раз в моей жизни....

- Всё когда-нибудь бывает в первый раз. Предлагаю отметить встречу. По чуть-чуть.

- Ну, хорошо... - Я принял предложенный стаканчик, на дне которого бултыхалось немного прозрачной жидкости. Мы чокнулись. Я опрокинул стаканчик в себя. Поморщился от горечи, быстро зажевал огурцом.

- Вам Кого... - сказал я. - Знаете, я ничего не понимаю. Вы можете мне объяснить, что происходит?

- Попробую. Не возражаете, если я сниму шляпу? Жарко.

- Конечно.

Он стащил шляпу с головы, и я снова уставился на отверстие в его лбу.

- Это вас ранило чем-то? - спросил я наобум.

Он усмехнулся и сунул в рот перо лука.

- Да, можно так выразиться. Но мы отклонились от темы. Дело в том, что Земле угрожает серьёзнейшая опасность.

- Что-то такое я уже слышал... - вспомнил я.

- От Конотопа? – спросил Вам Кого.

- Ну да.

- Прошу вас, будьте с ним осторожны... Хм. Но всё по порядку. Вашу цивилизацию в достаточно отдалённом прошлом создали лаки. Это существа...

- Из летающих дисков? – перебил я.

- Да. Откуда вы знаете?

- Они схватили меня и увезли на своём корабле, но я убежал.

Вам Кого нахмурился.

- Скверно. Очень скверно. Откуда они могли узнать, ума не приложу... Ну, да Бог с ними. Давайте по второй. За успех нашего предприятия!

Я выпил ещё немного и почувствовал, как растекается по моему телу живительная энергия. Мир вокруг стал ярче, и всё было просто здорово. Вам Кого начал рассказывать, и постепенно в моей голове выстраивалась сложная картина происходящего. Рассказывал он сухо, коротко, но я словно бы уже знал всё это, а может быть, моя фантазия дорисовывала остальное, и постепенно я погрузился в новый необыкновенный мир.

Глава 5. Эгозон

Представьте себе, мой читатель, что вы сидите в мягком уютном кресле, в тёпленькой комнате на семнадцатом этаже огромного здания. Возле вас окно во всю стену, открывающее прекрасный вид на современный большой город. Внизу суeta. Бегают разноцветные человечки размером не более пшеничного зёрнышка, ездят маленькие машинки, которые разве что двумя пальчиками можно ухватить, блестят крохотные оконца, хлопают непрестанно дверцы, звук которых не долетает до вас то ли потому, что его не пропускает стекло, то ли потому, что дверцы эти чересчур ничтожны, и до них вам нет никакого дела.

Вы представляете себя почти что Богом. Вы огромны, могущественны, полны энергии. Вы можете раздавить любого человечка-букашку внизу, а если захотите, то кинете им хлебную крошку, и вся толпа будет питаться ей месяц, непрестанно благодаря вас за щедрость.

Но вот вы поднимаете взгляд и видите уходящие вдаль вереницы одинаковых серых зданий, и осознаёте, что ваша комната – не единственная, что в здании их много, и соседние ничуть не меньше, а может быть, даже чуть теплее и уютнее вашей. А в каждой многоэтажке, которую вы видите из окна – тысячи комнат, и в них люди, и каждый может чувствовать себя не менее значительным, чем вы.

Здания образуют города, их скопления убегают далеко за горизонт, и ваша комната растворяется среди них, словно та самая хлебная крошка, вылетевшая из окна. Что бы вы ни делали в своей комнате, это будет настолько мелко и незаметно, что не стоило и стараться.

Потом вы смотрите вверх, и тогда наступает прозрение. Там, в небе, за слоем плотных облаков, есть звезда. И другая, и третья. И масштабы расстояний между ними несравнимы с размерами городов и уж тем более с вашей микроскопической комнатой. И вы внезапно чувствуете, что ваша планета и ваша цивилизация, которая только что вас поглотила, как незаметную крупинку - тоже всего-навсего маленькая точка на фоне неба, состоящего из миллиардов звёзд. А потом вы мысленно видите со стороны свою галактику, и через пропасти в сотни тысяч световых лет - другую, третью... Эти галактики в вашем сознании образуют скопления и метagalaktики. Но когда вы, наконец, по-настоящему поймёте, что и они - такие же ничтожные крупинки где-то в глубине бесконечной Вселенной, вы начинаете сходить с ума...

Тройная планета Эгозон находится в той же галактике, что и Земля. Её иногда называют Галактикой Млечный Путь, потому что с Земли, как и с Эгозона, она выглядит белёсой полоской звёзд, пересекающей небо. Звезды кажутся расположенными так плотно, что сливаются воедино, и эта полоска становится похожей на разлитое по небу молоко.

Галактика представляет собой диск, более толстый в центре и более тонкий к краям. Этот диск состоит из миллиардов звёзд и медленно вращается вокруг своего центра, отчего в нём образуются завихрения и спиралевидные полосы. На расстоянии примерно одной трети от центра диска находится Солнечная система. С другой стороны от центра, почти симметрично ей, расположена звезда Зон. Это звезда-карлик класса G2, по спектру излучения и размерам она очень похожа на Солнце, но с Земли не видна, поскольку в этом районе неба - гигантское скопление звёзд, заслоняющих её собой. Вокруг звезды Зон обращается всего одна планета - Эгозон, но она настолько уникальна, что о ней стоит рассказать особо.

Планета Эгозон состоит, на самом-то деле, из трёх планет, находящихся на равном расстоянии друг от друга в вершинах правильного треугольника. Если сквозь центр этого треугольника провести прямую, перпендикулярную его плоскости, она через сто с лишним миллионов километров как раз воткнётся в центр звезды Зон. Вокруг этой прямой треугольник и вращается. Кроме того, каждая из составляющих его планет также вращается вокруг своей оси.

Земные учёные считают, что тройных планет не существует, так как подобная система неустойчива, и, едва образовавшись, разрушается – через некоторое время одна планета либо падает на другую, либо улетает в космос.

Учёные Эгозона также не могут внятно объяснить феномен существования тройной планеты. Чтобы разрешить эту проблему, они заявляют, что, кроме сил гравитации, между планетами существуют некие информационные взаимодействия, удерживающие их в устойчивом положении. Природа этих взаимодействий не изучена, но, видимо, они существуют - иначе бы тройной планеты давно не стало. Постепенно понятие информационного поля обросло многочисленными маловразумительными и ничего не объясняющими теориями и заняло своё место даже в детских учебниках.

Планеты, составляющие Эгозон, имеют порядковые номера. Эгозон-3 чуть больше размером, чем две другие, но имеет меньшую плотность и представляет собой огромную каплю синей тягучей жидкости со сложным химическим составом. На планете живёт несколько тысяч человек, занятых в основном переработкой данной жидкости в полезные химические соединения - например, лекарства - и отправкой их в разные концы Галактики.

Эгозон-2 - твёрдая планета зеленоватого оттенка, имеющая довольно плотную ядовитую атмосферу. Население её также довольно мало - в основном персонал различных научных лабораторий. Впрочем, планета считается перспективной для дальнейшего освоения.

Что же касается Эгозона-1, то его освоение уже произошло, и очень давно. На планете не было растительности, почти не было водоёмов, нет здесь и коренного населения. Жизнь привнесена сюда искусственно. При объединении нескольких могущественных государств в Империю Седьмой Плиты возникли споры, где поместить её столицу. Чтобы не разжигать вражду между различными областями Империи, решено было построить столицу на пустынной планете, равноудалённой от её внешних границ. Так на Эгозоне-1 появился город, снабжённый современными системами очистки воздуха, синтеза воды и органической пищи, появились небольшие парки, фонтаны и даже огромное искусственное море. Город, не мудрствуя лукаво, назвали Эгозоном, как и планету. Постепенно место стало популярным. В столице жили обеспеченные люди - конгрессмены, члены правительства, учёные, поэтому со временем здесь развилась всякого рода торговля, индустрия развлечений, да и просто индустрия, в смысле, промышленность - армию правителей и понаехавших в Эгозон бизнесменов надо было кормить, одевать и снабжать расходными материалами. В конце концов, Эгозон стал столицей в полном смысле этого слова. Сейчас это центр не только государственного управления, но и науки, культуры, предпринимательства. Если вы жили в границах Империи Седьмой Плиты и были хоть капельку одарённым человеком, вы неизбежно рано или поздно попадали на Эгозон. Впрочем, сюда ехали и те, кто не имел особых талантов, а просто хотел доказать, что на что-то способен. Многие из таких людей оказывались вовлечены в политику, и некоторые из них становились впоследствии членами Галактического Конгресса.

Несколько раз в Конгрессе поднимался вопрос о том, что высокая концентрация стратегических ресурсов государства на одной небольшой планете опасна, и предлагались меры по рассредоточению важных служб в разные части Галактики, по ограничению пролёта на Эгозон, но такие законопроекты либо не находили поддержки большинства, либо оставались на бумаге, фактически не исполняясь. Город рос и уже покрывал около 10 процентов поверхности планеты, не считая окружавшие его со всех сторон площадки для парковки космических кораблей.

«Чем больше город, тем меньше я сам по сравнению с этим городом», - думал молодой человек, сидящий возле большого стеклянного окна в уютной тёплой комнате на семнадцатом этаже здания Галактического Конгресса. У него было гибкое худое тело, непропорционально большая голова, выпуклые глаза, красные от недосыпа, и оттого выделяющиеся на фоне бледного плоского лица, и суховатые руки

с тонкими длинными пальцами, которыми он сейчас стискивал мягкие подлокотники чёрного кресла. Молодого человека звали Конотоп Рах.

За окном из дымки проступали очертания соседних зданий, похожих на высокие величественные памятники. Конотоп не мог видеть верхних этажей из-за тумана, и от этого дома казались бесконечными, уходящими своими вершинами в небо. Впереди, через пару кварталов, виднелось громадное, устремлённое ввысь здание университета, а чуть правее, вдалеке, можно было разглядеть полупрозрачный храм Креста-Смесителя. Между домами сновали флаеры, боты, катера и тарелки, а внизу шлялись неторопливые мелкие люди. Город являл собой грандиозное зрелище, не сравнимое ни с чем другим во всей Галактике.

- Вот бы всё это взорвать... - произнёс Конотоп.

Ему казалось чудовищной несправедливостью, что он, постигший десятки абсолютных истин и узнавший, как на самом деле устроен мир, сидит в маленькой комнате малюсенького здания жалкого Галактического Конгресса на убогой никому не нужной планетке и представляет из себя ничтожно малую песчинку в безграничных просторах Вселенной.

Со стороны донёсся шум.

- Кентел, прекрати, - сказал Конотоп машинально.

Однако шум не смолк. К нему прибавился голос Кентела:

- Всех порублю! - и ещё пара слов, менее разборчиво.

Конотоп вспомнил, что М-камера пропускает звуки только наружу, но не внутрь. Он вздохнул, положил на подоконник розовый шарик, который вертел в руке, и, встав, резко направился к ней.

М-камера представляла собой тёмно-синий блестящий эллипсоид, опутанный проводами. Именно из неё и доносились звуки. Конотоп щёлкнул рубильником на стенке эллипсоида и распахнул дверцу. Из камеры вывалился полноватый молодой человек с абсолютно бессмысленным выражением лица. Это был брат Конотопа, Кентел Рах.

- Тебе вредно там долго находиться, - сказал Конотоп.

Кентел встал и, пошатываясь, направился к своему компьютеру.

- Я всех... порубил... - пробормотал он, устало опускаясь в кресло.

Конотоп закрыл камеру и задумчиво пошевелил бровями. Кентел, разумеется, был психом и раньше, но М-камера странно на него действовала. На работе это вроде бы пока не сказывалось, однако разговаривать с ним стало намного труднее. Впрочем, Конотоп немного даже завидовал брату – от него веяло пусть безумным, но всё-таки оптимизмом.

- Что-нибудь новое видел? - спросил Конотоп.

- Угу, - Кентел начал лихорадочно стучать пальцами по клавиатуре.

- Что именно?

- Цвета, не связанные с предметами. Прозрачное дерево. Супервизора видел.

- А что такое супервизор?

- Не знаю. Но кусается больно, - Кентел продемонстрировал руку, на которой остались следы маленьких зубов, при этом второй рукой продолжая набирать текст.

Конотоп приблизился к своему компьютеру, стоящему бок о бок с машиной брата и, открыв документ со своими заметками, впечатал: «Супервизор больно кусается». Многолетнее общение с Кентелом приучило его к тому, что в самых нелепых фразах мог оказаться смысл.

- Ещё что? - спросил Конотоп.

Кентел минуту молчал. Потом стал напевать что-то вроде "Пойдём за Империю биться, она нам уже не нужна..." Видимо, это значило, что по существу дела Кентелу добавить было больше нечего.

Конотоп вернулся в кресло возле окна, погружённый в свои мысли. Его взгляд машинально обшаривал комнату. Стены были сплошь завешаны изображениями всяческого древнего оружия - Кентел увлекался мечами, топорами и арбалетами – и рисунками земной фауны и флоры, которыми, в свою очередь, заразился в последнее время Конотоп. Помимо двух огромных компьютеров с гудящими мощными вентиляторами, научную направленность помещения выдавали макеты недоделанных приборов и особенно М-осциллятор, представляющий из себя раскрытый чемодан, напичканный электроникой и переплетением стеклянных трубок.

Гениальность и простота М-осциллятора удивляла и восхищала самого Конотопа не меньше, чем угнетал тот факт, что его невозможно применить. Впрочем, он подумал об этом не более чем мгновение, поскольку его озарила новая идея.

- Так... – пробормотал он, встал и размашистым шагом заходил взад-вперёд по комнате. – Если замкнуть контур самоидентификации на инициатор среды и усилить обратную связь... Надо попробовать.

Он решительно подошёл к М-камере, произвёл пару манипуляций на пульте, переткнул несколько разъёмов и, открыв дверцу, уселся внутрь.

- Кентел! – попросил он. - Если буду кричать или долго не вылезу, отрубай питание.

- Парадигма в лотосе застряла! – весело отозвался Кентел, не отрываясь от монитора. Похоже, он услышал и всё понял.

- Ага, - поддакнул Конотоп мрачно. - Феерически.

Он закрыл дверцу, исчезнув внутри эллипсоида. Пару секунд Кентел всё так же сидел за компьютером, просматривая длинный текст, исписанный формулами. Затем встал с места, ловко перекувыркнулся и завис вверх ногами, стоя на одном вытянутом указательном пальце руки. При этом было похоже, что он не предпринимает абсолютно никаких усилий – на лице оставалось блаженно-расслабленное выражение довольного жизнью ребёнка. Затем он мягко опустил на ноги, вернулся в кресло и, подобрав со стола несколько леденцов на палочках, разом воткнул их в рот, отчего стал выглядеть словно хомяк, проглотивший дикобраза.

Скоро дверца М-камеры открылась, и наружу вылез Конотоп, уставший, мрачный и молчаливый.

- Фо ты фам фефал? – спросил Кентел.

- Я не понимаю, что ты говоришь, - проворчал Конотоп.

Кентел извлёк изо рта леденцы и произнёс поучительным тоном:

- Значит, у тебя неисправности ввода-вывода.

- Тялавакарудтитавхлетнекежулатсод! – выкрикнул Конотоп, отмахнувшись, и застыл на месте. Его передёрнуло, он рыгнул, испустив изо рта колечко сизого дыма, прослезился и прошептал, испуганно взглянув на Кентела: - Что это было?

- Я уже говорил, - ответил Кентел.

- Постой... – пробормотал Конотоп. – Неужели? Но я хотел добиться совсем другого эффекта... А ну-ка, скажи ещё что-нибудь про меня.

- У тебя рука тяжёлая, - сказал Кентел, отвернувшись.

Конотоп вдруг почувствовал, как его правая кисть немеет, а, бросив на неё взгляд, заметил, как кожа до локтя покрывается матовым металлическим блеском. Его повело в сторону – рука заметно перевешивала.

- О Боже! – Конотоп забеспокоился. – Что делать? Да нет, не верю! Это же невозможно. Обычная у меня рука!

К руке вдруг вернулась гибкость, блеск исчез, и Конотоп вздохнул облегчённо. Он подошёл к М-камере, снова начав колдовать с пультом, при этом говоря сам с собой:

- Это сюда... А это сюда... Назовём это автомаразматизмом... Интересный какой эффект, в самом деле...

Внезапно дверь раскрылась, и в комнату ворвался взлохмаченный худой старик в белом костюме и с седой бородой.

- Добрый день, - сказал он быстро, окидывая помещение слегка насмешливым взглядом. - Замечательно, что вы здесь. Чем занимаетесь?

- Как и всегда - маразмом, - мрачно сказал Конотоп, обернувшись. - Здравствуй, Вам Кого.

- Между прочим, я уже давно хотел поинтересоваться, - вспомнил Вам Кого, - почему ты назвал это явление маразмом? Более подходящего слова не нашлось?

- Маразм, - поучительным тоном произнёс Конотоп, - это состояние, к которому стремится мозг разумного существа в своём пределе. Информационное поле в пределе стремится к максимуму энтропии. То есть мой маразм и тот, который обычно называется маразмом - вещи довольно близкие.

Вам Кого сел в свободное кресло, стоящее напротив Конотопа.

- Хм... Ну, да ладно. Я, собственно, зачем пришёл... На завтра у меня назначена встреча с Председателем Конгресса. Формально повод пустяковый - он встречается со всеми лидерами фракций, чтобы обсудить их позиции перед выборами. Но, боюсь, Так Его начнёт задавать вопросы и по поводу твоей работы.

- С ней всё в порядке.

- Да, я не сомневаюсь. Просто хотелось бы его заинтересовать, чтобы у него не возникло желания прикрыть нашу лавочку... У тебя есть какие-то заметные результаты?

Конотоп усмехнулся.

- Что ты называешь заметными результатами? Разработана теория маразматических пространств. Изучены основные свойства маразма. Создана действующая модель. Есть установка для создания маразматического пространства. Тебе мало?

- Это всё прекрасно, Конотоп, но мне хотелось бы увидеть практическое применение.

- Ну, не знаю, Вам Кого... Я не очень силен в... политическом маркетинге, но подумай сам - ведь это концепция, которая, по сути, проясняет устройство мира.

- Каким же образом?

Конотоп подскочил на месте.

- Вот те на! Ты разговариваешь со мной в сотый раз, предоставляешь мне помещение, спонсируешь проект, и, как выясняется, ни черта в нём не понимаешь?! Ты что, не понимаешь, что мы с тобой тоже в некотором роде живём в маразматическом пространстве?

- Хм... Признаться, нет.

- М-да... Ну ладно. Придётся мне всё объяснять с самого начала, - Конотоп встал, заложив руки за спину, и принялся ходить по сложной траектории между креслом и стеной. - Как ты, должно быть, знаешь, все окружающие нас вещества состоят из микроскопических частиц.

- Ага, - Вам Кого зевнул. - Клетки там, бактерии...

Конотоп поперхнулся.

- Ну, не совсем. В этом стекле, к примеру, нет никаких клеток. Оно представляет собой аморфное твёрдое тело, состоящее из беспорядочно расположенных молекул, те, в свою очередь, из атомов, и так далее. Науке известно на данный момент порядка трёхсот различных частиц - к примеру, электроны, мюоны, бозоны и нейтрино. И количество открытых частиц постоянно растёт, хотя их существование ничего, по сути, не объясняет. Достаточно распространена точка зрения, что все частицы представляют собой всего лишь волновые функции или, что в некотором смысле то же самое, суперпозицию нескольких базовых полей. Соответственно, управляя этими полями, можно полностью контролировать частицы и материю в целом. Логика

взаимодействий во многом определяется одним из этих полей, которое я называю информационным. Пока понятно?

- Да, - кивнул Вам Кого. – А что такое суперпозиция? То есть, в каком же смысле «супер»?

- Гротеск и порнография! – возопил Кентел и хлопнул в ладоши, продолжая пялиться в свой монитор.

Конотоп почесал голову.

- Важно здесь то, что поля взаимодействуют друг с другом, порождая частицы. Условно говоря, одно из полей придаёт частицам массу, другое энергию, третье смысл, и так далее. Законы взаимодействия основываются на прошлом состоянии поля и некоторых параметрах системы. Понимаешь?

- Ну, это я изучал в школе. Седьмой закон термодинамики, сумма углов параболы и всё в этом роде...

- И коты полумёртвые, - подтвердил Кентел, не оборачиваясь. Хотя Конотоп и так мог вообразить себе выражение его лица.

- Короче говоря, - продолжил Конотоп, - материя есть порождение некоторых полей, которые являются, по сути, абстракцией, то есть воплощением идеи, а сама идея и заключается в материи. То есть материя порождается сама собой, являясь собственным сознанием. Идеальное состояние, в котором находится такая система, я называю маразмом.

- Кхе, - сказал Вам Кого. - Это всё я понял, умом не обделён. Но почему ты говоришь, что мы все в маразме?

Конотоп тяжело вздохнул, извлёк из-под клавиатуры лист бумаги и повесил его на стену поверх фотографии причудливой секиры. Потом взял карандаш и стал чертить на листе кружки, линии и стрелочки.

- Вот. Это некоторый предмет. К примеру, камень, дерево или ты, Вам Кого, собственной персоной. Это окружающий мир. Это информационное поле. Оно пронизывает весь мир и осуществляет связи между объектами и субъектами. Сигналы распространяются по нему мгновенно, так что само понятие сигнала становится довольно расплывчатым... Есть некий образ мира, который создаётся в твоей голове путём восприятия его через глаза, уши, ноздри и... ну, через всякие части тела. Это понятно?

- Да, разумеется.

- Существует несколько слоёв твоего сознания, в которые откладывается информация о мире. Один из глубоких слоёв - условно назовём его подсознанием - соединён с информационным полем и взаимодействует с ним, таким образом изменяя окружающие тебя объекты и субъекты.

- Изменяя? - переспросил Вам Кого.

- Информационное поле и сам мир тесно связаны. По сути, это одно и то же с разных точек зрения. Ну, как предмет и идея этого предмета. Понимаешь?

- Приблизительно.

- Поэтому твоё подсознание отображается на реальность. То есть в следующее мгновение мир становится другим под влиянием твоего подсознания. Ты его снова видишь, он снова в тебе раскладывается по полочкам, и так далее. То же происходит и в камне, и в дереве, только без помощи глаз и ушей. Понял?

- Нет, - покачал головой Вам Кого. - Вот теперь – решительно ничего не понял. Ты что, хочешь сказать, что мир субъективен?

- Нет, я не это хочу сказать. Это совершенно не важно, субъективен мир или нет. Важно, что мир зависит от субъекта, а субъект от мира, и законы этого взаимодействия определяются тем, как сознание субъекта воспринимает мир, и как воспринятые субъектом идеи предметов взаимодействуют в его сознании.

- Ну, предположим, - сказал Вам Кого. - Хотя всё равно не могу взять в толк. Я помню то, что ты рассказывал о маразматическом пространстве. Я полагал, что это чисто теоретическое построение, и что оно никакой связи с реальностью не имеет. Ты ведь говорил тогда о законах маразматического пространства... Дай припомнить. Ну, что в нём происходят всяческие случайности, что нет понятия времени, что недостижим никакой заранее известный результат...

- Да, - сказал Конотоп, - ты прав. В маразматическом пространстве всё это так. Есть и другие законы.

- А теперь ты говоришь, что мы живём в маразматическом пространстве. Хм... Здесь-то результат достижим, да и понятие времени есть.

- Я рад, что ты это понял. Дело в том, что маразматическое пространство - действительно вещь абстрактная. Мир постепенно стремится к этому состоянию, но на данный момент он не является маразматическим пространством в чистом виде.

- Тогда о чём ты мне только что рассказывал? То бишь, какое это имеет отношение к тому, что есть на самом деле?

- Прямое. Просто в нашем мире процесс отображения подсознания на реальность довольно ограничен. Происходит это в основном из-за того, что сознание связано стереотипами, которые оно наследует от окружающего информационного поля. Субъект не может поверить в совершенно невероятные вещи, поэтому они не могут произойти. Постепенно эти стереотипы ломаются, и маразм становится всё ближе к идеальному.

- М-да, - сказал Вам Кого. - Жаль. А я-то думал, что твоя теория имеет практический смысл.

- Имеет, - сказал Конотоп. - Во-первых, сам процесс отображения никто не отменял, и многие закономерности всё же из неё следуют. А во-вторых, нам никто не мешает создать маразматическое пространство в полном смысле этого слова. Нужно только немного подправить параметры поля.

- Да? Как же?

- С помощью вот этой установки, - Конотоп махнул рукой в сторону М-осциллятора. - Стереотипы кроются на самом деле не в нас, а в информационном поле. То есть наше мышление также определяется не нами, а окружающим миром. Существуют параметры информационного поля, которые влияют на уровень стереотипов. Я называю главный из них степенью маразматичности, или просто силой маразма. Эта установка позволяет изменять степень маразматичности.

- Ты хочешь сказать, что можешь просто вот так создать здесь это своё маразматическое пространство?! - изумился Вам Кого.

- Теоретически. На самом деле - нет. Чтобы изменить параметры информационного поля, надо подключиться к нему не напрямую, а через субъекта, которому даны права администратора поля... И я, кажется, догадываюсь, как дать такие права, но мне от этого не легче.

- Почему?

Конотоп вздохнул и опустился в кресло.

- Вам Кого, чтобы продолжить работу, мне нужна Седьмая Плита.

Вам Кого закашлялся.

- М-да, Конотоп, ты замахнулся... Вряд ли тебе удастся подобраться к Плите. Впрочем, если тебе нужно использовать какой-то пароль Плиты, я могу помочь. Я же член Конгресса, у меня есть доступ...

- Нет, Вам Кого, дело не в паролях. То есть не только в них.

- Тогда это невозможно. К Плите имеет доступ только Председатель Конгресса.

- Я знаю. И ещё я знаю, что известно достаточно мало паролей Плит. Часть из них известна, но засекречена. Ты сам-то, Вам Кого, много паролей знаешь?

- Немного... Десять... Нет, девять...

- Как насчёт "Естрементеракориндо"?

Вам Кого вскочил.

- Как ты узнал?! Это строго секретный пароль. Я три года работал в Конгрессе, прежде чем услышал о нём.

- Всё очень просто, Вам Кого. Я изучал архивы. Сейчас это секретная информация, а десять веков назад она не была такой уж секретной. И в архиве нашёлся один манускрипт, где описываются многие функции Плит, причём не только пароли, но и кнопки, и даже консольные команды... Правда, всё в зашифрованном виде и довольно запутано. Из этого манускрипта я заключил, что Седьмую Плиту можно использовать для подключения к информационному полю. Там это, конечно, прямо не сказано, но я неплохо знаю протоязык, и... Короче, я понял, что мне нужны именно Плиты номер 7 и 17.

Вам Кого покачал головой.

- М-да... Надеюсь, Конотоп, ты никому не проговоришься. Ты хоть понимаешь, что означает Плита для нашей Империи?

- Да, теперь понимаю. Не беспокойся, я никому не скажу. Плита нужна мне чисто с научной точки зрения. Кстати, а как насчёт Семнадцатой Плиты?

- Она находится в свободном доступе. В хранилище заполнишь анкету, и тебя пустят к ней, если надо. А зачем она тебе? Она же не имеет никаких полезных функций.

- Так считается, - усмехнулся Конотоп, - но зачем нужно было создавать Плиту, которая не способна исполнять ни одной команды? На самом-то деле у неё есть одна полезная функция - инициализация параметров информационного поля, если я, конечно, правильно понял манускрипт.

- И что это значит?

- Не знаю, зачем этим пользовались в древности, но для меня это имеет смысл. С помощью Семнадцатой Плиты можно ликвидировать маразм.

В этот момент Кентел громко заорал: "Отечество в опасности!", и начал гоняться за каким-то насекомым с клавиатурой в руках.

- Ладно, - сказал Конотоп. - Что-то я, смотрю, чересчур тебя загрузил.

- Да уж, - подтвердил Вам Кого, вставая.

- Не хочешь побывать в маразме? В виртуальном, конечно.

- Что ж, я бы полюбопытствовал. Так для этого служит твоя М-камера?

- Да. Правда, предупреждаю - могут быть побочные эффекты.

- О, нет. Я виртуальными болезнями не болею.

- Ну, смотри...

Конотоп подвёл Вам Кого к М-камере. Мимо пронёсся Кентел с диким воплем.

- Я включу сначала стандартную степень маразматичности - один Рах, а потом, когда ты освоишься, скажи что-нибудь, и я подниму уровень до трёх Рахов.

Вам Кого сел в камеру.

- Здесь всё просто, - сказал Конотоп. - Звуки снаружи не проникают.

Изображение проецируется на внутренние стенки. Осязание подавляется с помощью излучателя, который висит над твоей головой и воздействует на определённые участки мозга. То, что ты увидишь - декодированные образы твоего подсознания. Ну, поехали.

И он закрыл дверцу.

Вам Кого оказался в полной темноте. Через мгновение он осознал, что совершенно ничего не чувствует, даже своего тела. Стояла абсолютная тишина. Вам Кого стало не по себе, и захотелось вырваться из кабины. Но тут накатило приятное тепло, тьма рассеялась, и Вам Кого успокоился. Постепенно изображение стало резким. Вам Кого понял, что сидит за столиком небольшого кафе. Рядом плескалось

море, и горизонт был чистым, как капля воды. Судя по растительности вокруг, это была Земля.

Вам Кого любил Землю и чувствовал себя здесь, как дома. Откуда-то слева подплыл неясно прорисованный официант.

- Чего изволите? - спросил он, улыбаясь.

- Сосиску, - сказал Вам Кого. - Нет, две сосиски. И бутылку водки.

Вам Кого вдруг осознал, что произнёс эту фразу вслух, и, скорее всего, Конотоп услышал её. Значит, сейчас должен был усиливаться маразм. Однако ничего необычного не происходило. Официант принёс поднос, на котором стояла тарелка с двумя сосисками и капелькой горчицы, рюмка и бутылка "Посольской", которую он и открыл в присутствии Вам Кого. Вам Кого выхватил у официанта бутылку, быстро налил себе полную рюмку и, поднеся к губам, произнёс тост:

- За оппозицию!

Опрокинув рюмку в рот, он почувствовал, как растекается по мозгу опьянение. Закрыв глаза, он представил себе ночную Москву, полную огней. Мимо мчались автомобили, шли люди, в небе парили щиты с рекламой бытовой техники, соков и автомобилей. Да, кстати... Вам Кого встрепенулся и открыл глаза. Он налил вторую рюмку, но вспомнил, что не закусил первую. Надавил вилкой на сосиску и заметил, как она вдруг дёрнулась. Вам Кого замер. Сосиска продолжала извиваться.

- Официант! - крикнул Вам Кого. - Официант! Конотоп!

Последнее было выкрикнуто, так как Вам Кого испугался, что его может стошнить.

В ту же секунду кафе исчезло, и Вам Кого ощутил себя в кресле М-камеры. Дверца открылась. Вам Кого вышел наружу.

- М-да, - пробормотал он. - Впечатляет...

И заметил, что на него как-то странно смотрят Конотоп и Кентел Рахи.

Кентел просто нагло ржал, держась за живот. В ответ на удивлённый взгляд Вам Кого Конотоп подал ему небольшое зеркало. Лицо Вам Кого исказилось от ужаса: в его лбу зияло огромное чёрное отверстие. Кроме того, на щеке появилась татуировка отвратительного фиолетового цвета: "Пейте соки!"

- Что это? - спросил Вам Кого упавшим голосом.

- Я же предупреждал, - сказал Конотоп, - что могут быть последствия. В принципе, я думаю, механизм твоих ассоциаций понятен... Ты подсознательно боишься пить водку и считаешь, что она плохо воздействует на твой мозг. Короче, в душе ты за здоровый образ жизни.

- Но что же мне теперь делать? Жуть какая... Как это могло произойти?

- Не знаю, - ответил Конотоп. - Возможно, ты сильно поверил в происходящее, и отображение из твоего подсознания пошло в реальный мир. Вообще, это интересная идея...

- Боже мой, - растерянно причитал Вам Кого, глядя в зеркало на отверстие в голове. А где же то, что было внутри? И как я могу без этого жить?

- Да кому нужен этот хлам? - спросил Конотоп. - Зато теперь можно хранить там что-то полезное.

В доказательство он засунул в дырку в голове Вам Кого маленький розовый шарик. Вам Кого, совершенно раздавленный, рухнул в кресло, плохо понимая, что происходит вокруг.

- Это что, - сказал Конотоп. - Я сегодня добился очень интересного эффекта. Мне случайно удалось выработать в себе свойство автомаразматичности. Вот если Кентел сейчас скажет, что моя рука – тяжёлая...

К Вам Кого постепенно возвращалось восприятие окружающего пространства.

- Дурак ты, Конотоп! - выкрикнул он, вскакивая и выбегая из комнаты. - Дурак, и всё!

Конотоп смотрел ему вслед, и улыбка постепенно сходила с его лица.

- Ну, уж в то, что я дурак, я никогда не поверю, - хмуро сказал он.

- А я муху убил, - вставил Кентел.

- Убийство мух законом не запрещено, - произнёс Конотоп. - Во всяком случае, пока.

Он плюхнулся на диван и в очередной раз крепко задумался.

Глава 6. Протокультура.

Вам Кого проснулся в своей комнате, на полу, в одежде. Рядом валялись две пустые бутылки - "Старка" и "Столичная". Одну из них он помнил, вторую - нет. Вам Кого потрогал дырку в голове. Она была на месте.

- Что за ерунда... - проворчал он. - И болеть-то уже нечему, а болит... - Он пытался сообразить, какой частью тела он теперь думает, но мысли всё уплывали в туман, и Вам Кого оставил их в покое.

Он встал. Прошёл в ванную и прополоскал рот зубной жидкостью. Умылся. Татуировка тоже была на месте.

- Ну и ладно, - сказал Вам Кого. - Вон на Цуркане вообще уроды живут, и ничего. Да и в Конгрессе всяких разных навалом...

Ещё он подумал, что можно носить шляпу, чтобы прикрывала дыру. У него даже где-то было несколько белых шляп... Вам Кого дрожащей рукой причесался, немного подстриг жидкую бороду и вернулся в комнату.

- Надо было привезти с Земли огурчиков, - сказал он себе. - Водки целый склад, а огурчика ни одного...

Он отодвинул дверцу шкафа, за которой висели на плечиках одинаковые белые костюмы, взял один из них и переоделся, а старый швырнул в угол.

- Белый цвет – символ чистоты и невинности, - промурлыкал Вам Кого, разглядывая себя в зеркале. Потом дыхнул в пригоршню и понюхал результат.

- М-да... Нехорошо... - сказал он. - Перед встречей с Так Его - так нажрался.

Вам Кого уважал Председателя Конгресса. Не за должность - до Так Его Председателями часто оказывались всякие проходимцы. Просто Так Его был настоящим человеком. Вам Кого ему верил, хотя и постоянно критиковал за половинчатые и, как ему казалось, недостаточно решительные действия.

Так Его прилетел на Эгозон уже состоявшимся, хотя и малоизвестным, политиком вместе с соратниками по движению "Плотность", которое поддерживало тогдашнего Председателя Конгресса, Центури. Хотя Центури был уже не очень популярен, особенно после скандала с созданием Энергетического фонда, движение постепенно набирало сторонников. В то время приближались очередные выборы в Конгресс. Руководство движения решило, что набрать необходимые голоса сможет только в том случае, если встанет в оппозицию существующей власти, и суетливо начало перекрашиваться. Так Его сразу же вышел из «Плотности» с небольшой группой единомышленников и организовал новое движение, "За Центури". В результате получилось, что оппозиционеров было много, а центристов - ни одного, кроме нового движения. "Плотность" не выдержала конкуренции с "Оппозицией" Вам Кого и "Независимым Конгрессом" Свази, которые набрали свои традиционные 20-25 процентов. Оставшиеся 50 триумфально завоевал Так Его, во многом благодаря своей последовательной и вразумительной линии поведения. Правда, вскоре после выборов в Конгресс срок полномочий Центури истёк, Председателем был избран Так Его, а движение "За Центури", хотя и сохранило своё название и некоторую поддержку

избирателей, стало редеть на глазах. Часть конгрессменов пыталась формировать какие-то свои мелкие группы, другая переметнулась к Свази. В результате после новых выборов в Конгресс фракция Свази заняла 36 процентов мест, "Оппозиция" - 17, "За Центури" - 13, а остальное примерно поровну поделили "Неформалы", "АнтиДиктат", "Партия конструктивных бюрократов" и, как ни странно, "Плотность", которая всё же сумела разобраться со своей идеологией и выбрала позицию неприсоединения, хотя в целом поддерживала политику Так Его.

Политика же эта была довольно простой - полное отсутствие всякой политики. Свою задачу Так Его видел в том, чтобы примирять враждующие группировки, не допускать скандалов и следить за соблюдением закона и порядка. Реально же этого было мало. Ущербность позиции Так Его понимали все, что и давало почву для создания всяческих оппозиционных движений. Вам Кого неоднократно выступал в Конгрессе с предложениями увеличить поддержку фундаментальной науки, бороться с лоббированием и коррупцией в Конгрессе, ввести более жёсткие меры по отношению к территориям, выражающим намерение отделиться, и вообще, вести более активную деятельность. Так Его, однако, был непоколебим в своём убеждении, что политика - это умение не вдаваться в крайности, и не хотел сдаваться. Отчасти он был прав, так как необдуманные шаги могли обострить и без того непростую ситуацию, но бездействие не могло продолжаться вечно.

Вам Кого в последний раз взглянул на себя в зеркало, вздохнул и направился на встречу. Он пробежал вверх два длинных лестничных пролёта, быстро прошёлся по Г-образному коридору, свернул влево, спустился по узкой лестнице, хватаясь на поворотах за перила, преодолел ещё один коридор и оказался в приёмной, у двери в рабочий кабинет Так Его.

- Здравствуйте, Цирикс, - сказал Вам Кого. - Он у себя?

Секретарша задвинула ящик стола, в котором что-то старательно искала, и заметила Вам Кого.

- Что это вы подкрадываетесь, как грабитель? - сказала она. - Здравствуйте. Вы ко мне или к Председателю?

- Для вас я слишком стар, - улыбнулся Вам Кого.

Цирикс хмыкнула:

- Уж если вы старый, то кто же тут молодой? У него Свази. Что-то они разговорились. Подождите.

Вам Кого послушно сел на диван. От нечего делать стал разглядывать Цирикс, которая снова выдвинула ящик и продолжила свои изыскания.

На ней был традиционный деловой костюм - пиджак и брюки из чёрной блестящей кожи. Стриженная, стройная, бледная... Выглядит всё время слегка нервно. Вам Кого уважал деловых женщин, тем более что на Эгозоне таких было мало. Женская активность давно вышла из моды, и верхом шика считалось иметь обеспеченного мужа, а самой ничего из себя не представлять, сидеть дома, спать и толстеть, заказывая товары по телефону. Цирикс словно бы вышла из той старой эпохи феминизма, в которой Вам Кого чувствовал себя уютнее. Если бы не годы, он бы обязательно за ней приударил. С другой стороны, у него ещё есть порох в пороховницах, и, может быть, эта идея не такая уж безумная...

- А что у вас с головой? - спросила внезапно Цирикс. - На сук напоролись?

- Хм... Нет, - ответил Вам Кого, - мозги взорвались.

- Сходите к врачу, - сочувственным тоном произнесла Цирикс. - С этим не шутят.

- Обязательно, - Вам Кого внутренне улыбнулся, представив перепуганного врача, пытающегося сформулировать диагноз...

Дверь распахнулась. Из кабинета вышла мускулистая крепкая обезьяна в дорогом костюме и с папкой, полной бумаг.

- Здравствуйте, Свази, - Вам Кого встал и пожал Свази руку, мысленно назвав её лапой.

- Здравствуйте, Вам Кого. К Председателю?

После рукопожатия Свази вытер лапу о штанину.

- Да.

- Вам не повезло. Похоже, после меня он совсем не в духе, - он расплылся в довольной улыбке.

- Посмотрим...

Свази издал нечеловеческий звук - то ли булькнул, то ли хрюкнул - и покинул приёмную.

Вам Кого постучал и заглянул в дверь.

- Разрешите войти?

- Да, Вам Кого, заходите.

Кабинет Так Его мебели почти не имел - только несколько кресел, обтянутых красной ворсистой тканью, и овальный чёрный стол. Немного разнообразила интерьер пустая рамка для фотографии, висевшая на стене. Председатель также поздоровался с Вам Кого за руку и пригласил сесть, а сам занял кресло под рамкой.

Так Его был, в общем-то, ещё не стар. Если бы не огромная лысина да немного усталые глаза, ему можно было бы дать лет сорок. Он был высок, плечист, но слабо развитая мускулатура выдавала в нём кабинетного работника. Голова имела угловатую форму, отчего в фас слегка напоминала телевизор. Гладкая, без морщин, кожа, тщательно подстриженная бородка, аккуратная родинка на темечке - всё казалось к месту, естественно дополняло облик до цельного. Даже металлические протезы ног, торчавшие снизу из-под брюк и заканчивающиеся эллиптической формы чашками, словно бы принадлежали Так Его с самого рождения.

Так Его вздохнул и поделился своими ощущениями:

- Кошмар. У меня всегда после разговоров со Свази болит голова. Как только заходит речь о важном, он начинает выходить из себя и кричать. А ведь это, возможно, следующий Председатель Конгресса. Куда мы идём?

- Ну, не всё так страшно, - сказал Вам Кого. - Во-первых, Председатель - это ещё не Конгресс, а во-вторых, характер Свази - это не самое плохое, что в нём есть.

- Это-то и пугает, - заметил Так Его. - Впрочем, не будем перемывать ему косточки, тем более что у нас пока нет для этого конкретных поводов. Так вы не рассчитываете получить место Председателя Конгресса?

- Я не сдаюсь, - ответил Вам Кого. - Но, судя по моим данным, популярность нашей фракции невысока. Шансы Свази растут с каждым днём. У меня нет никаких доказательств, но я уверен, что он подкупил лидеров мелких фракций.

- Раз нет доказательств, лучше об этом не говорить. Иначе это становится похожим на клевету. Хотя, если честно, до меня доходили подобные слухи. Итак, Вам Кого, вы до сих пор считаете себя оппозиционером?

- Да. Наша фракция старается находить в работе правительства и Конгресса недостатки, чтобы повысить эффективность работы. Что в этом плохого?

- Ничего плохого. Я просто хотел бы заметить, что позиция вашей фракции наиболее близка моим личным оценкам ситуации. Так что никакая вы не оппозиция, а если и оппозиция, то не мне. Вы нравитесь мне, Вам Кого, и мне очень горько смотреть на то, что контроль над Конгрессом переходит в руки Свази. Я предпочёл бы передать свои полномочия вам.

- М-да... Свод законов не даёт вам такого права. К сожалению.

Так Его, до этого пристально смотревший на Вам Кого, вздрогнул:

- Послушайте. Я вот на вас всё смотрел, смотрел, и никак не мог понять, что с вами не так. Откуда эта дыра?

- Довольно долго объяснять. Провёл с братьями Рахами неудачный эксперимент.

- Это тоже наверняка отнимет у вас кучу голосов.

Вам Кого развёл руками.

- Знаете, а ведь у нас со Свази заходила речь и о Рахах, - сказал Так Его, вопросительно глядя на Вам Кого. - Он высказывал опасения по поводу того, что вы поместили их лабораторию в здании Конгресса. Я ничего не имею против них и против науки, но Свази довольно резонно считает неуместным проводить эксперименты здесь. Не опасно ли это?

- Конотоп уверял меня, что абсолютно безопасно.

- Глядя на вас, я ему не очень верю. Чем они вообще занимаются? Всё так же этими... маразматическими пространствами?

- Да. И результаты их работы очень впечатляют. Я никогда не видел ничего подобного. Кстати, Конотоп просил меня об одной услуге, и я думаю, мне стоит сказать об этом вам... Нельзя ли разрешить им доступ к Седьмой Плите?

Так Его приподнял брови.

- Вы имеете в виду шину подсознательного доступа?

- Нет, саму Плиту.

- Зачем?

- Конотоп хочет провести эксперименты по созданию маразматических пространств. Он считает, что Плита имеет необходимые ему функции.

- Откуда у него такая информация?

Вам Кого почувствовал, что может нечаянно подставить Конотопа, и поспешил исправить ситуацию:

- Никакой информации у него нет, он основывается на слухах и предположениях. Он хотел бы эти предположения проверить.

- Вам Кого, мы с вами серьёзные ответственные люди. Как бы хорошо я ни относился к вам и Рахам, но Плита - не лучший объект для экспериментов.

- М-да... Я предполагал такой ваш ответ.

- Эксперимент имеет какую-то практическую ценность?

- Конотоп считает, что имеет, и огромную. Я же пока затрудняюсь назвать конкретное применение. Я не специалист.

- Нельзя ли чем-то заменить Плиту?

- Не знаю. Боюсь, что нет.

- Тогда пусть он выбросит это из головы. Если хочет работать дальше, пусть работает. Я даже пока не лишаю его возможности работать в этом здании. По крайней мере, до тех пор, пока Свази или другие горлопаны не начнут раздувать из этого скандал. Что же касается Плиты, то доступа я не дам. Боюсь, что у нас и так слишком много открытой информации по Плитам, и это становится просто небезопасным. Ну, что вы так смотрите? Вы не согласны?

- Я согласен. У меня просто тоже немного болит голова.

- Пили?

- Простите? А, да. Пил вчера. Вы считаете, что мне не следует употреблять алкоголь?

- Не знаю. Я сам никогда не пробовал, и не могу судить о достоинствах и недостатках этого... процесса.

- Если хотите, могу дать попробовать. У меня достаточно много водки.

- Спасибо за предложение. Возможно, не сейчас. А вы знаете, зачем я позвал вас?

- Чтобы обсудить программу нашего движения, я полагаю.

- Ерунда. Вашу программу я отлично знаю. Что вы можете рассказать о E-761?

- О Земле? Много могу... Я там был уже раз двадцать, один раз даже прожил пару месяцев... Что вас конкретно интересует?

- Вообще - всё. Но в первую очередь то, что может заинтересовать Конгресс. Что-либо полезное для Империи...

- Я затрудняюсь так сразу назвать...

- Ну, ничего, рассказывайте, что знаете. Чем вас так привлекает эта планета? Что в ней необычного?

Вам Кого слегка приободрился, если не сказать - расцвёл.

- Что ж... Вы затронули мою любимую тему. Видите ли, я считаю, что это самая необычная планета - во всяком случае, в нашей Галактике. Впрочем, начну с того, что... У нас есть время?

- Сколько угодно.

- Начну с того, что это просто красивая планета. Множество форм жизни, в том числе огромное разнообразие растительности. Разные климатические зоны, разные составляющие её геологические породы, разные рельефы местности. Да, пожалуй, самое прекрасное, что есть на Земле - это разнообразие.

- Но в этом нет ничего необычного.

- Согласен... Но я не дошёл до самого главного. Ну, во-первых, на Земле живут люди. Такие же, как мы. Я знаю, это тоже довольно распространённая раса, но ведь у нас она взялась из общего источника, а на Земле развилась независимо.

- Не совсем. Жизнь на Земле создали лаки, и они, видимо, запрограммировали создание расы, похожей на нас.

- Я так не думаю. Скорее просто условия жизни на Земле очень похожи на условия жизни на Моуди, где возникла наша раса.

- Так похожи?

- Во многом. Впрочем, и на условия жизни на Эгозоне - ведь он выбран был, прежде всего, потому, что здесь можно было создать комфортную среду обитания для людей. Периоды обращения Эгозона вокруг Зона и вокруг своей оси довольно близки к аналогичным параметрам Земли.

- Но Эгозон - тройная планета.

- Да, в этом различие. Хотя, знаете, если бы он существовал по нормальным физическим законам, то скорость его движения была бы совсем другой... Масса Эгозона-1 приблизительно равна массе Земли, так же как масса Зона примерно равна массе Солнца, а тройная планета в целом весит намного больше Земли, и, несмотря на это, Эгозон не сходит с орбиты.

- Мы отвлеклись. Парадоксы Эгозона я знаю. Что необычного на Земле?

- Вы что-нибудь знаете о протокультуре?

- То же, что и все.

- Вы знаете, что многие наши имена, названия и даже пароли Плит уходят корнями в протоязык?

- Разумеется.

- Так вот, на Земле есть государство, говорящее на протоязыке. Оно называется "Россия" и составляет довольно большую часть площади суши.

- Но это же чушь, Вам Кого. Земля появилась сравнительно недавно, и связей с нами у них нет, насколько я знаю. Неужели лаки насаждают там протоязык? Зачем?

- В том-то и дело, что лаки не ведут никакой активности на Земле. Никакого насаждения культур, никакого управления ими - только наблюдение, да и то не слишком тщательное. За всё время, пока существуют люди на Земле, их культура не сохранила никаких достоверных упоминаний о контактах с лаками или об их влиянии на цивилизацию.

- Как же объяснить, что они говорят на протоязыке?

- Не знаю. У меня пока нет объяснения. Я обсуждал эту тему с Рахами, и они считают, что это каким-то образом связано с информационным полем.

Так Его тяжело вздохнул.

- Как только наука находит какой-то факт, который не может объяснить, они начинают говорить об информационном поле...

- Хотел бы замолвить слово в защиту Рахов. Уж если кто-то что-то знает об информационном поле, то это Рахи. Так что я склонен им верить.

- Ну, хорошо. Что ещё необычного на Земле?

- В общем, я бы сказал, там необычно всё. Или всё... обычно. Я хочу сказать, что их культура, в общем, такая же, как наша. Вплоть до многих мелких подробностей. Ну, например, в их сутках 24 часа, в часу 60 минут, а в минуте 60 секунд. Как и у нас. Кстати, если у нас это считают просто исторически сложившимся фактом, на Земле всё это возникло понятным образом - в древности у них существовала цивилизация, использовавшая 60-ричную систему счисления.

- А какой они пользуются сейчас?

- Разумеется, десятичной. Более того, их цифры пишутся так же, как наши.

- Неужели?

- Не удивляйтесь раньше времени - это ещё не всё. В разных государствах Земли - разное общественное устройство, но во многих странах оно очень напоминает наше - выборный парламент, выборный глава государства. Обычно, правда, глава государства не является сразу главой парламента и правительства - на Земле, как правило, эти функции разделены.

- Но это же неудобно.

- Они считают, что это разумно, что такая система более устойчива. Но дальше о совпадениях... Многие их предметы напоминают наши. Например, радиотелефоны. Правда, у них они устроены по другому принципу, но внешне очень похоже... М-да... Космические корабли у них пока очень примитивны, но в их фантастических фильмах встречаются экземпляры, очень похожие на наши. Да - у них также существуют книги. У них есть и более современные методы хранения информации, но книги, как и у нас, используются, хотя изготавливаются из несколько других материалов.

- Очень интересно.

- У них есть деньги. Правда, строгой привязки денег к энергетическим единицам нет, но сути это не меняет. Что же касается энергетических единиц, то такое понятие на Земле отсутствует, поскольку прямое преобразование энергии ещё не изобретено. А, да - их компьютеры работают на том же принципе, что у нас, и основой микросхем также является кремний, хотя технологически они пока здорово отстают... У них даже есть аппаратные клавиатуры! Причём исторически на Земле они возникли раньше экранных, а не наоборот, как у нас. Ещё... Хотя, если честно, я сейчас с трудом могу вспомнить что-то, что у нас не так, как у них. Есть мелкие различия, но они не принципиальны. Культуры очень близки, просто удивительно близки, особенно если учитывать расстояние между планетами и технологический уровень землян.

- Ну, хорошо. А водка?

- Да, на Земле больше, чем у нас, распространены различного рода наркотические средства. Основной их смысл, насколько я понимаю, в том, чтобы более полно расслабиться и таким образом повышать эффективность функционирования организма. Хотя не знаю, насколько это себя оправдывает - уж слишком много побочных эффектов. Что касается водки, то это относительно безобидный наркотик. Опасность заключается в чрезмерных дозах, слишком частом употреблении и привыкании. Если употреблять в меру и нечасто, это довольно безопасно. Я вот, к сожалению, пристрастился. Но ощущение непередаваемое - у нас никаких подобных средств нет.

- Знаете, Вам Кого, я вот подумал - вы говорите о всяких совпадениях, и это действительно интересно. А вам не приходило в голову... простите, вы не думали, что это связано с какой-то временной петлёй... Может быть, наша цивилизация каким-то

образом порождена цивилизацией землян через гиперпространство? Я в этом не очень разбираюсь.

- Хм... Трудно сказать. Это требует дальнейшего изучения. Я езжу на Землю не только для того, чтобы получать удовольствие. Я собираю информацию. Я разместил на Земле несколько экосимов для наблюдения. У нас ведь даже нет там постоянной резидентуры.

- Боюсь, что теперь уже и не будет, - голос Так Его стал мрачным. Председатель встал и зашагал из угла в угол, позвякивая металлическими ногами.

Вам Кого почувствовал в себе нарастающую тревогу.

- А в чём дело? Что-то случилось?

- Да, случилось. И после того, что вы мне рассказали, я понимаю, что случилось нечто очень страшное. Вернее, может случиться... Короче говоря, по нашим разведанным, лаки собираются уничтожить Землю.

- Что?! - Вам Кого подпрыгнул на месте. - Этого нельзя допустить. В конце концов, это незаконно. Планета формально принадлежит нам, лакам сдана в аренду. И потом - Кодекс запрещает уничтожение разумных существ.

- Знаю, Вам Кого, знаю. И ваша задача убедить свою фракцию в том, что уничтожение Земли должно быть предотвращено. Но боюсь, что этого будет недостаточно. Вы же знаете Конгресс. У меня нет убедительных доказательств. А когда всё случится, будет уже поздно. Ну, предположим, что через пару дней намерения лаков станут очевидны. Но большинство Конгресса не поддержит войны с ними, а другого способа остановить лаков я не вижу. Даже если решение будет принято, на мобилизацию наших сил понадобится время, а лаки могут уничтожить планету в любой момент.

- Должно быть какое-то решение... - Вам Кого отчаянно тёр дырку во лбу. - Может быть, создать защитное поле? Хотя они могут ударить через гиперпространство... А если создать его в гиперпространстве?

- У лаков есть Вторая Плита. Они могут обойти ваше поле довольно легко. Кроме того, у нас нет опыта создания таких огромных полей. Как только лаки заметят нашу активность в районе Земли, они просто ударят. Быстро создать поле мы не сможем.

- Может быть, психологически надавить на лаков? Пригрозить? Заплатить?

- Заплатить лакам – само по себе абсурд. Деньги для них не имеют ценности.

Даже если мы найдём, чем их заинтересовать, это наверняка будет очень дорого стоить, а большая сумма не пройдёт через Конгресс. Надавить можно, но каким образом? Если пригрозить войной, лаки не испугаются. Война - их любимое занятие.

- А когда лаки намереваются нанести удар?

- Пока они не торопятся. Думаю, пара недель у нас есть.

- Что же вы собираетесь делать?

- Послезавтра созываю заседание Конгресса. Дальше - будем обсуждать. Боюсь только, что с помощью нашей любимой обезьяны Конгресс слишком затянет обсуждение.

- Почему вы так думаете?

- Слухи, слухи... Не хочу сам их распространять, поэтому лучше умолчу. Думаю, Свази заинтересован в затягивании этого вопроса.

- Вы думаете, лаки...

- Я ничего не знаю. Но, думаю, что Свази получает деньги, и не только от лаков. Если бы были хоть какие-то возможности это доказать, Свази бы очень плохо пришлось. Но он крайне осторожен... Я ещё раз предупреждаю, Вам Кого - это только мои предположения. Не вздумайте распространяться об этом. Я пытаюсь найти на Свази управу, но пока не могу.

- Понимаю. Но что же делать с Землёй?

- Не знаю. Я надеюсь, решение будет найдено. Очень надеюсь. В том числе на вас, Вам Кого. Вы же понимаете - если вы спасёте планету, ваши шансы на выборах сильно возрастут.

- Я? Почему я?

- Мне кажется, вас больше других заботит судьба Земли. Лаков надо остановить. Думайте, ищите какой-то способ. Я со своей стороны обещаю всяческое содействие. Я, кстати, от своего имени направил адмиралу лаков ультиматум с требованием отвести войска на безопасное расстояние под предлогом их близости к нашим стратегическим объектам. Пригрозил разрывом отношений и силовыми методами воздействия, но уже знаю, какой будет ответ. Какие там методы, какие отношения...

- Но что я могу сделать? У меня нет ни войск, ни влияния в Конгрессе.

- У вас, Вам Кого, есть голова на плечах. И прекрасное знание Земли. Кроме того, вы в курсе внутренних интриг Конгресса, это тоже может помочь. Вы же сами понимаете цену нашего решения. Я не перекладываю это на вас, просто ищу поддержки. В конце концов, если уж говорить честно, с такой же просьбой я обращался и к Свази, и к моему бывшему соратнику Би Хоптону. Но в них я не верю. Не верю, что они по-настоящему захотят участвовать в этом. Вот такие дела.

- Я понял, Так Его. Не знаю, что смогу сделать, но обещаю проявить всяческие старания.

- Ну, раз поняли, идите. Для вас я всегда на связи. Номер мой личный помните?

- Конечно.

- Если будут появляться хоть какие-то идеи или чего-то удастся добиться, звоните. Да, ещё одно... Если возникнет желание связаться с кем-то из лаков, обязательно проконсультируйтесь со мной. Нескоординированные шаги в этом направлении могут навредить.

Вам Кого встал.

- Ну что же... М-да... До свидания.

- Всего хорошего.

Как только Вам Кого покинул кабинет, Так Его достал из внутреннего кармана пиджака радиотелефон и набрал номер.

- Ак? Это вы? Как у вас дела? Я хотел бы вас навестить. Да, прямо сейчас. Это возможно? Хорошо. Сейчас буду.

Он убрал телефон, встал и направился к выходу. У него мелькнула странная мысль, что к разговору с Аком примешивались посторонние шумы, но он приписал это своей мнительности или помехам от других приборов, которых в здании было полно.

Так Его прошёл по коридору к лифту, нажал кнопку и стал ждать. Его одолевало смутное беспокойство, но он не понимал причин. То ли начинала действовать близость смерти, то ли ещё что-то... Центури перед отставкой говорил ему, что он постоянно чувствует себя странно, как будто у него отрезали часть души. Так Его тогда отшутился, сказав, что её тоже можно заменить протезом, как и ноги. Центури усмехнулся и сказал, что сомневается. Впрочем, добавил он, часть души - возможно, а вот всю - нельзя. Так Его сейчас только стал понимать, что он имел в виду. Запрограммированная смерть Председателя Конгресса после истечения срока его полномочий была, может быть, и разумной, но очень жестокой вещью. Когда, кажется, ещё многое можешь сделать, пусть и не на посту Председателя, тебя попросту лишают этой возможности...

Так Его вошёл в лифт, набрал код подвального этажа. Прошипели закрывающиеся двери. Лифт плавно разогнался, и через мгновение так же плавно начал тормозить. Двери раскрылись.

Ак в зелёной форме сил безопасности ждал его.

- Что-то случилось? - спросил он с ходу.

Так Его покачал головой.

- Пока нет. Я хочу убедиться, что всё в порядке.

Они прошли через пару металлических дверей, которые Ак открывал ключами. По обеим сторонам каждой двери стояли офицеры сил безопасности. Так Его и Ак приблизились к гладкой блестящей стене, в левой части которой располагался пульт.

- Всегда ли включено защитное поле? - спросил Так Его.

- Да, Председатель. Как же иначе...

- А если перекрыть подачу энергии? - перебил Так Его.

- Резервный источник полностью заряжен, - ответил Ак. - Не беспокойтесь.

- Возможно ли как-то обойти защитное поле? Телепортироваться сквозь него?

- Нет, Председатель. Оно объёмное. Если вы телепортируетесь в него, оно вас разрушит либо как минимум выбросит наружу. Обойти тоже нельзя - оно существует во всех измерениях, даже виртуальных.

- Что это значит?

- Если кто-то попытается воздействовать на Плиту через информационное поле, ему потребуется бесконечная энергия. То есть, перекрыты все подходы к Плите, даже теоретически возможные.

Так Его внимательно посмотрел в глаза Ака. Похоже, он знал, что говорил.

В это время вдоль пола проскользила полупрозрачная тень небольшого, с ладонь, предмета, и зависла в углу, куда падала тень Ака. Никто этого не заметил.

Так Его достал из кармана ключ - маленькую металлическую пластинку, покрытую сеткой замысловатых прорезей, и воткнул в щель рядом с пультом.

- Отвернитесь, - приказал он.

Ак послушно повернулся кругом.

Так Его набрал код. Полупрозрачный параллелограмм в углу приподнялся немного выше. Палец Так Его нажал кнопку ввода.

В стене появилась тонкая линия разреза, и половинки разъехались в стороны. Ак повернулся лицом к Так Его.

- Защитное поле отключено, - сказал он.

Так Его кивнул и прошёл в открывшийся зал. В потолке горело несколько прямоугольных ламп. Так Его нажал кнопку на стене.

Пол вздрогнул. Две огромных створки стали подниматься из него вверх, открывая глубокую чёрную шахту. Из шахты шёл белый пар. Так Его подумал, что всё это сооружение здорово напоминает склеп. Ощущение ещё более усилилось, когда из "могилы" показался парящий в воздухе параллелепипед. Он и впрямь походил по пропорциям на гроб.

Плита поднялась над полом и зависла. Створки захлопнулись. Из них выползли синие мешки из материала, напоминающего резину, и стали надуваться. Через несколько секунд Плита покоилась на толстой мягкой подушке.

Так Его медленно обошёл Плиту, осмотрев со всех сторон.

- Давно я её не видел... Где пульт?

- Под крышкой, - ответил Ак.

- А, да.

Так Его подошёл к стене комнаты, надавил на слегка заметный люк, и он открылся. За люком висел маленький продолговатый пульт дистанционного управления. Однако Так Его не стал его брать, а просто захлопнул крышку.

Он вновь приблизился к Плите с одной из её коротких сторон.

- А вы не знаете, Ак, почему у Плит эти грани называются торцами? - спросил он.

- Не знаю, Председатель. Все привыкли.

Так Его поднёс руку к клавиатуре Плиты, и она подсветилась изнутри.

Он нажал несколько клавиш. По дисплею в верхней части Плиты побежали колонки слов на протоязыке и четырёхзначных чисел.

- А как вы сами считаете, Ак, - произнёс Так Его, набирая что-то ещё. - Плита достаточно надёжно охраняется?

- Ну, как вам сказать, Председатель... Если кто захочет, всё равно доберётся. Я, признаться, не знаю, какую ценность она представляет, и не могу судить о том, много ли желающих найдётся к ней проникнуть.

- Что же, Ак... Спасибо за честный ответ.

Так Его подошёл к стене и снова нажал кнопку. Подушка начала сдвигаться.

- Сегодня же утройте охрану. Люди должны стоять не только снаружи, но и возле стены. При появлении кого-либо на этаже сразу открывайте огонь. Под мою ответственность.

- Слушаюсь, Председатель. А всё же - в чем дело? Что произошло?

- Дело в том, Ак, что Седьмая Плита представляет ОЧЕНЬ большую ценность. Мы охраняем её недостаточно надёжно. Вы поняли?

- Понял, Председатель. Виноват...

- Пока нет, Ак. Но если кто-то проникнет к Плите, то будете виноваты.

Пойдёмте.

Плита уже скрылась под полом. Они вышли из зала. Так Его нажал синюю кнопку на пульте. Стена сомкнулась. Они направились назад, сквозь металлические двери. За ними на уровне пары сантиметров от пола следовал полупрозрачный параллелограмм.

- До свидания, Ак.

- До свидания, Председатель.

Двери лифта закрылись. Так Его нажал кнопку двадцать третьего этажа.

Поднявшись, он вышел из лифта и в задумчивости зашагал к себе.

Маленький плоский кристалл двинулся в другом направлении. Он проскользил на лестницу, быстро поднялся между перилами вверх на три этажа, затем свернул в коридор и, миновав несколько метров, быстро залетел в щель под одной из дверей. Табличка на двери гласила: "Свази, руководитель фракции "Независимый Конгресс".

Глава 7. Е-761

Это была очень бурная ночь. Со стороны вряд ли она казалась необычной, но напряжение чувствовалось, словно бы висело в пространстве. Звезды на небе горели всё так же ярко, но этот свет стал острее и почти прожигал собой небо.

Свази в своём кабинете делал бесконечные звонки по разным телефонам.

- Высылаю всё со своим экосимом. Его верните. Нет, здесь изготовить дубликат не могу. Само собой. Ну, видите, какой я скромный. До скорого.

- Кто? Что? Нет. Идите к черту. Мы ещё не рассчитались за прошлый раз. Две с половиной. Вот тогда и поговорим.

- Здравствуй. Всё пока нормально. Думаю, будет принято именно то решение, в котором вы заинтересованы. В смысле, никакого решения. Да, так можно сказать. Нет, не прослушивается. А если и прослушивается, то мной. А, и тобой тоже? Ха-ха-ха! Конечно, нет. Почему? Потому что я знаю, что с тобой наглеть не надо. Ты и так самый надёжный мой партнёр. Вы - самая мощная сила во Вселенной. Знаю. Разумеется. Пока.

Так Его сидел у себя и также связывался по телефону.

- В любом случае - получите вы ответ или не получите, произойдёт что-то или нет, я жду вашего человека завтра утром. Хорошо. Нет, я хотел бы оставить его у себя. Да. Как его зовут? Сам Дурак? Я записал. Желательно к началу заседания. Разумеется, если что-то экстремальное... экстренное, звоните. Прослушивают, вы думаете? Я проверю. Тогда пользуйтесь красным каналом. Всего хорошего.

Вам Кого никому не звонил. Он заканчивал первую бутылку водки и готовился открыть вторую. Он всё время бормотал вслух, кроме того, в пустом черепе скакали бесконечные беспорядочные мысли, и Вам Кого уже с трудом разбирал, какую мысль он произносит, а какую - нет, и всё сливалось в одну длинную цепочку образов, слов и чувств.

«Боже мой, Боже мой... Земли скоро больше не будет... Если бы лаки представляли, что такое Земля, они бы никогда не смогли этого сделать. Конечно, они не люди, у них совершенно другая психология, и, может быть, они не могут оценить всю красоту Земли, но, если так, зачем её уничтожать? Спросили б меня хотя бы. Сколько же я в общей сложности пробыл на Земле? Почти полгода... Не так много, но эти полгода намного лучше, чем остальные семьдесят с лишним лет...

О, Земля... Реки, деревья, пустыни, болота, тайга... Когда несёшься на корабле над всем этим, иногда кажется, что Земля - живая, что она тянется к тебе травинками и ветвями, выпячивает свои холмы и шёпотом ветра говорит с тобой... А может, и говорит? Может, и вправду она живая? Может быть, она - это большой мозг, который принимает информацию со всех концов Вселенной и впитывает в себя? Да, она совсем не похожа на этот бездушный красный камень, на котором мы все тут сидим...

А люди? Взять любого человека. Хоть бомжа... Поговоришь с ним, и чувствуешь такую психологическую бездну внутри, что иногда невольно хочется дать по морде... И таких миров - миллиарды... Не зря у них много людей занимается искусством - выплёскивают свои миры, потому что в мозгах они не помещаются...

Какая удивительная цивилизация! Книги, фильмы, музыка... Да за одну только 25-ю симфонию Моцарта я готов сам полезть в драку с лаками, если это поможет делу... Наука, философия, религия... Тонны страниц, исписанных рассуждениями в попытках познать мир, и всё это просто исчезнет, никем никогда более не прочитанное.

Деревни, посёлки и города... Здания, наполненные очень разными, забавными и иногда даже милыми существами... Они суетятся, строят свою жизнь, творят – и получается, что напрасно?

Как же я люблю их мир, сотканный из причудливых разнообразных ниточек, полный странных и необычных деталей, которые просто невозможно забыть!

Взять, скажем... Не знаю... К примеру, автобусы... Конечно, у нас тоже раньше было что-то подобное, хоть я этого и не застал... Ощущение непередаваемое... Особенно когда прижмёт к хорошей девушке. Она краснеет, и ты, несмотря на возраст, начинаешь что-то чувствовать... Да, а какие там девушки... Господи, и этого всего скоро совсем не будет. Надо обязательно слетать на Землю и купить ещё водки. Да что я говорю, какая водка... Скоро же ничего не будет, и водка - не самое главное. Хотя не представляю, как я буду обходиться без неё. Правда, у нас тоже стали теперь делать, но до оригинала очень далеко... Какая водка без сивушных масел? У нас этого не понимают. Идиоты... Где им до землян? Как можно уничтожить такую гениальную расу? И контролёры в автобусах – это неподражаемо. Стресс - лучшее средство от старости...

Пиво. Квас. Кола. Пузырики, кофеин... Выпьешь литра три - и мозги колом встают, аж красота... Интересно, а если я сейчас выпил бы колы, ощущение было бы такое же? Мозгов-то нет!

А что я, собственно, веселюсь? Ведь через несколько дней раздастся какой-нибудь взрыв, Земля разлетится на мелкие осколки, и ничего этого не будет, ничего...

Может, останутся обломки бетона, обрывки одежды, кости или кровь, но это всё не то... Не будет кваса, не будет водки, не будет Америки, Африки, Азии. Не будет даже Москвы. Ни Котельнической набережной, ни Крымского моста, ни проклятых полицейских, которые уже два раза обокрали меня пьяного, ни пиратских дисков, ради которых я купил на Митине эту чёртову "Акайву". Да и Митинского рынка не будет. А какой там дух свободы! Россия вскоре просто исчезнет в пламени, и никогда уже не пережить мне дурманящего ощущения анархии и незащищённости...

Не будет Парижа. Не будет Эйфелевой башни, Монмартра, Триумфальной арки. Не будет всех этих художников, музыкантов, Патрисии Каас, фильмов с Бельмондо, Делоном, Депардье, Луи де Фюнесом. Французенок не будет. Французской кухни.

Не будет Японии, дзен-буддизма... Хотя я толком и не знаю, что это такое, но как звучит! Не будет Мао Цзэдуна... Позвольте, какой Мао Цзэдун? Ну, да чёрт с ним...

Их стиральные машины... Пылесосы... Велосипеды... Нет, ну вот такого у нашей цивилизации никогда не было. Я бы точно не додумался. Ездить на двух колёсах! Гениально! У нас если бы кому и пришло в голову, то распространения не получило бы, все бы посчитали это чудачеством, а у них - нет! Потом эта... варёная колбаса. Что за вкус! Ощущение, что это пластмасса! Как им удалось этого достичь? Я слышал, добавляют перловку, бумагу, нитрат натрия, опилки... Но даже если бы у нас делали по той же технологии, получилось бы совсем не то...

Убийцы, убийцы! Лаков надо судить, и будут судить, да поздно... И потом - что мы сделаем? Наложим какую-нибудь юрисдикцию... то есть контрибуцию... А Землю это не спасёт...»

Вам Кого захотелось ещё раз взглянуть на Землю. Он включил компьютер. Выбрал из меню пункт связи с первым экосимом, Васей. И стал смотреть.

Вам Кого оставил на Земле трёх экосимов для наблюдения за тамошней жизнью и сбора информации. Они неплохо справлялись с задачей. Ещё бы... Экосимы словно приспособлены для слежки.

Собственно, изобрели их не для этого. Лет сто назад было установлено, что кристаллическая структура вещества, которое лаки сбрасывают на планету Криосам как отходы своей пищевой промышленности, имеет свойство самомодифицироваться в некоторых спектрах излучения. Таким образом, стало возможным программировать кристаллы. Можно было придать им искусственный интеллект, научить левитировать, принимать радиосигналы, воспринимать оптическую и звуковую информацию... И всё это - в маленьком почти прозрачном кристалле. В связи с их дешевизной экосимов стали использовать как бойцов. Они могли, разгоняясь до нескольких сотен километров в час, врезаться в противника и наносить ему тяжёлые увечья, при этом выбирая уязвимые места самостоятельно. Могли совершать диверсии на стратегических объектах. Из экосимов формировались отряды, и порой они стоили целых армий. Впоследствии же стало ясно, что экосим - просто идеальный шпион, его очень трудно заметить. Кроме того, были разработаны специальные экосимы со свойством мимикрии, которые меняли цвет, как хамелеоны. Правда, они не очень прижились из-за сложной и дорогой технологии производства. Зато обычного экосима можно было вдруг обнаружить, скажем, у себя под рабочим столом, и после того, как тот, выбив стекло, мгновенно исчезнет из поля зрения, долго гадать, кто же его подослал. Впрочем, у экосимов был и недостаток - они были склонны развивать свой интеллект, и уже стали появляться профсоюзы экосимов, общества защиты прав экосимов, так что, похоже, недалеко было то время, когда представители экосимов появились бы в Конгрессе.

С момента появления экосимов инженерная мысль не стояла на месте, и было создано некоторое их подобие, основанное на более традиционной элементной базе - терминалы. Они также были интеллектуальны, но использовались обычно в качестве

транспортного средства, поэтому изготавливались в форме ботинок или сапог, в отличие от экосимов, которые, как правило, представляли собой плоские параллелограммы, а реже – тетраэдры или кубики. У терминалов было одно неоспоримое достоинство - их легче было расширять с помощью внешних устройств, например, синтезаторов речи или управляющей системы для космического корабля. Существовали даже терминалы с подсоединёнными конечностями, но это уже было экзотикой.

Итак, Вам Кого подключился к Васе, одному из экосимов, который в данный момент висел в листве высокого дерева посреди Москвы и снимал всё происходящее. На экране монитора появилось нерезкое изображение зелёных листьев. За ними виднелась асфальтовая дорожка, по которой шли в обоих направлениях люди.

- Спустись пониже, - сказал Вам Кого в микрофон.

Экосим переместился к основанию ствола, прижимаясь к нему со стороны, противоположной дорожке. Ствол занимал половину кадра.

- Ложись в траву, - посоветовал Вам Кого.

Экосим опустилсся ниже. Теперь поле зрения было открытым, но так можно было рассматривать только ноги, ботинки, туфли, колготки, юбки и брюки.

- И всё это скоро взорвётся... - пробормотал Вам Кого.

На экране появилось сообщение от Васи: "Команду не понял".

- Полетай вокруг, осмотрись, - сказал Вам Кого.

Экосим повернулся вправо и заскользил над травой.

Увидев впереди шоссе, Вам Кого узнал местность - Кунцево. Он как-то раз бродил там, и с тех пор часто использовал для приземления, так как оттуда легко можно было добраться до любого района Москвы, и было где спрятать корабль.

Экосим летел низко. Перед Вам Кого проплывали листья подорожника, жёлтые одуванчики, травинки, по которым ползали муравьи...

Вам Кого налил себе ещё. Он готов был заплакать.

Стал слышен шум автомобилей. Шоссе было уже близко.

- Три бутылки, - донёсся до Вам Кого голос, сопровождающийся звоном мелочи.
- Нет, четыре... Нет, пять...

- Кто это говорит? - спросил Вам Кого.

Экосим поднялся выше, и Вам Кого увидел белый киоск, возле окошка которого стоял высокий худощавый молодой человек в джинсах и голубой рубашке. Вам Кого почему-то подумал, что он здорово похож на него самого в молодости. Высокий открытый лоб, продолговатое лицо, большой слегка курносый нос... Выражение лица тоскливое - видимо, у него были проблемы.

Молодой человек принял из окошка по очереди пять бутылок пива, обхватил их левой рукой, прижав к животу, и пошёл по дорожке прочь. Экосим повернулся в его сторону, сопровождая.

В этот момент молодой человек споткнулся о собственную ногу и полетел на асфальт. Раздался звон и хруст разбитых бутылок.

Вам Кого стало его жаль. Впрочем, молодой человек тут же встал, поднял единственную уцелевшую бутылку и растерянно начал рассматривать то её, то лужу с осколками, то огромное пятно на штанах и рубашке...

- У тебя есть на него что-нибудь? - спросил Вам Кого.

"Я его часто вижу. Живёт рядом", - прочитал он ответ Васи.

- Перешли мне, - коротко сказал Вам Кого.

У Вам Кого была довольно большая коллекция данных о разных людях. Он выбирал их бессистемно, просто так. Видимо, это были те люди, которые почему-либо вызывали сочувствие, симпатию или уважение Вам Кого. Поэтому ни одной известной на Земле личности в его коллекции не было.

Вам Кого потянулся к бутылке и увидел, что она пуста. Он собирался было взять ещё одну из бара, но понял, что не очень хочет пить. Он почему-то совершенно не пьянел сегодня.

- Сколько бы я ни пил, - произнёс он, - Земле это не поможет...

Он выключил компьютер и направился к дивану. Несмотря на количество выпитого, спать не хотелось. Вам Кого сел и устался в пластик на полу. Снова потекли мысли.

Как можно остановить лаков? Похоже, никак. Только поубивать их всех, а это невозможно. Переубедить ещё трудней. Рычагов давления нет. А если лаки что задумали, их не остановить. Они всегда добьются намеченной цели...

Вам Кого почувствовал в последней фразе что-то знакомое. Он около минуты задумчиво сидел на диване, глядя в пол, и никак не мог понять, что его насторожило. Потом вдруг изменился в лице, вскочил, и, спотыкаясь, побежал к выходу из комнаты и дальше, по коридору.

Он, не стуча, ворвался в комнату Рахов. Там царила темнота.

- Чёрт... - пробормотал Вам Кого. - Я забыл, что ночь...

Внезапно из мрака прямо перед лицом Вам Кого проступила улыбающаяся физиономия Кентела Раха.

- Всё чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть, - быстрым речитативом произнёс он, заставив Вам Кого отшатнуться, и тут же снова исчез во тьме.

- Что случилось, Вам Кого? – донёсся голос Конотопа.

- Это... - промямлил Вам Кого. - Помнишь, ты говорил, что... как это...

Зажёгся свет. Конотоп с пультом в руке полулежал в постели, прищурившись и прикрывая рукой глаза.

- Извини, не понимаю, - сказал он. – О чём ты?

- Я это, - продолжил Вам Кого, - вот что подумал... Ты говорил, что в твоём маразме нельзя добиться цели... Это правда?

- Ну, - сказал Конотоп, присаживаясь на край дивана, - смотря что ты понимаешь под словами "маразм", "цель" и "добиться". Если я тебя понял правильно, то, в принципе, да.

У Вам Кого закружилась голова. Он опустил в кресло возле компьютера и сидел с минуту, наморщив остатки лба. Конотоп тем временем встал, натянул чёрные штаны и свой неизменный полосатый свитер.

- Ты знаешь о Земле? – спросил Вам Кого.

- Что именно?

- Лаки собираются её уничтожить.

- Да? Нет, не знал. Жаль. Я от тебя наслушался о всяких прелестях этой планеты. Даже сам увлёкся слегка. Ну, и чего же ты хочешь?

Конотоп сел в кресло за другим компьютером и повернул его к Вам Кого.

- Я не уверен... Но вот какая проблема - как только мы попытаемся помешать лакам, они тут же ударят по Земле чем-то мощным, и всё. То есть нужно что-то такое, что появляется незаметно для лаков и лишает возможности ликвидировать планету. Твой маразм это может?

В целевидных зрачках Конотопа появилось оживание.

- Интересная идея... Если разместить установку на Земле, подключить к ней местного жителя и задать в информационном поле достаточно высокий уровень маразма, то лаки могут получить какой угодно результат, кроме того, какой ожидают. Более того, в маразме становится маловероятной чья-либо смерть или полное исчезновение какого-либо объекта... Интересно... Но нереально.

- Почему?

- Ну, во-первых, я не проводил экспериментов с реальным информационным полем, потому что у меня не было доступа к Седьмой Плите. Во-вторых, у меня его всё так же нет. В-третьих, для успешного и быстрого развития маразма нам нужен человек, который, с одной стороны, имеет доступ к шине подсознательного доступа к Плитам, с другой, хорошо знает Землю и, грубо говоря, погружен в местные стереотипы.

- А я?

- Не знаю. Я бы предпочёл человека, который там родился. Иначе твои представления о жизни на Земле окажут на неё слишком большое воздействие. Да нет, Вам Кого, теоретически это интересно, а на самом деле...

- Но у нас нет другого выхода, - сказал Вам Кого.

- Ну как - нет? - возразил Конотоп, зевая. - Есть. Пусть взрывают, а мы потом их всенародно осудим...

И тут лицо Конотопа изменило выражение, отобразив промелькнувшую мысль, за которую он ухватился.

- Постой-ка, Вам Кого... А если мы захотим устроить на Земле маразматическое пространство и дадим одному из землян получить доступ к пароям... Это уже совсем интересно...

- Ты о чём?

- Да так... Ну что же, я готов попробовать. Только повторяю - мне нужна Седьмая Плита и землянин, подключённый к шине доступа. Всё остальное - дело техники. Хотя ничего гарантировать не могу.

Глаза Вам Кого вспыхнули:

- Конотоп! Ты гений! Иду к Так Его и добиваюсь решения!

- Подожди до утра, - посоветовал Конотоп, но Вам Кого уже скрылся за поворотом коридора.

- А вчера меня дураком обозвал... - проворчал Конотоп.

- Про кирпич бы не забыть, - поддакнул Кентел.

Конотоп щёлкнул пультом, погасив свет, и начал снова раздеваться.

А Вам Кого уже нёсся по коридору, доставая из кармана телефон.

- Так Его? Здравствуйте...

- Кто это? А... Виделись... Я вообще-то собирался лечь спать... Что у вас?

- Так Его, я знаю, как спасти Землю.

- Да? Хорошо. Я слушаю.

Вам Кого остановился посреди коридора и перевёл дух.

- Конотоп Рах говорит, что в маразме нельзя добиться цели... И он может устроить маразм... Только нужен человек на Земле и Плита. То есть надо его подключить к Плите...

- Вам Кого, я ничего не понимаю. Зайдите ко мне. Не в кабинет. На сороковой. Жду.

Вам Кого помчался к лифту, доехал до сорокового этажа, и молнией залетел в дверь.

Так Его, стоящий у окна своих апартаментов в свободном спортивном костюме, обернулся.

- Вы что, ходить разучились? Присаживайтесь.

Вам Кого сел в кресло и подумал, что все кресла в Конгрессе совершенно одинаковые - черные, блестящие - кроме кресел в кабинете Так Его на двадцать третьем этаже.

- Что молчите? - сказал Так Его, со скрипом располагаясь на диване. - Рассказывайте.

Вам Кого начал сбивчиво рассказывать. Так Его слушал молча, пару раз переспросив. Потом спросил:

- Закончили? Знаете, Вам Кого... У меня сложилось впечатление, что вы объясняете вещи, в которых ни черта не понимаете. Так?

- Отчасти.

- Так что лучше завтра с утра, часам к одиннадцати, я позову к себе Конотопа. Он сам изложит, что ему нужно, и тогда будем думать. Хотя идея, конечно, бредовая. Вы что, хотите, чтобы у всех землян были дырки в голове, как у вас?

- Лично мне моя дырка не мешает, - Вам Кого почему-то обиделся. - Я лучше буду с дыркой ходить, чем без Земли.

- Ну, хорошо, простите. У вас есть на примете землянин?

- У меня большая картотека.

- Подберите кого-нибудь и передайте данные в канцелярию. Я предупрежу их. Есть место среди почётных членов Конгресса, всё равно никого такие вещи не интересуют... Придумайте ему какие-нибудь заслуги, за которые можно дать это звание...

- За участие в экспериментах большого научного и прикладного значения, - изрёк Вам Кого.

Так Его усмехнулся.

- Ну, хотя бы. За будущее участие... Так что доступ у него будет. Насчёт Плиты - Конотопа я к ней не пущу, но отвечу на все его вопросы и, если надо, выполню с плитой необходимые действия.

- То есть вы... согласны с моим предложением?

- Я-то согласен. Что мне терять? А Конгресс всё равно не пропустит. Но на всякий случай подготовьте разъяснительную записку для конгрессменов, обсудите в своей фракции, придумайте себе внятное выступление... Побольше громких слов, поменьше подробностей. Поменьше слов типа "маразм". Это отпугивающе звучит. А вообще, как хотите. Всё равно это бесполезно. Так что спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - Вам Кого встал. Он был совершенно растерян.

- Да нет, Вам Кого, всё нормально, - сказал Так Его. - Я очень благодарен вам за предложение. Видите, какие шаги вам навстречу делаю? Просто я реалист. Ну, до завтра. Будем надеяться на лучшее.

Вам Кого вздохнул, кивнул и вышел. По дороге к себе он отчего-то начал пьянеть. Мысли снова стали путаться, ноги заплетаться, и он, кое-как добравшись до своей комнаты и отхлебнув из бутылки пару глотков, рухнул на диван.

Проснулся Вам Кого от стука в дверь. Он сообразил, что, в принципе, одет, и крикнул:

- Войдите!

Это был Конотоп. Он широко улыбался, и Вам Кого чуть не стошнило.

- Доброе утро, Вам Кого.

- Доброе... Какие новости?

- Вот, с Так Его разговаривал. Вроде бы убедил его, что всё вполне безопасно, объяснил суть моей теории... Слушай, меня гложет одна мысль...

- Какая?

Конотоп убрал с лица улыбку.

- Вот ты заработаешь на этом проекте популярность, голоса... Землю свою любимую спасёшь... А я что получу? Что, я так и останусь никому не известным теоретиком маразма? Так и буду получать подачки от всяких сочувствующих политиков типа тебя?

- Хм. Но ты же... Сможешь проверить теорию на практике... И потом, если всё пройдёт удачно, ты станешь известен.

- Боюсь, что это ничего не меняет.

- Так чего же ты хочешь? Ну, хочешь, я предложу Конгрессу наградить вас с Кентелом? Пстой. Сколько времени?

- Без пяти два.

- Чёрт!

Вам Кого опаздывал на собрание собственной фракции. В спешке он оделся, схватил первые попавшиеся бумаги и помчался в зал заседаний, где его ждали около пятидесяти человек. Зал представлял собой нечто вроде школьного класса, только побольше и с трибуной вместо учительского стола. Вам Кого встал за трибуну и попытался начать выступление.

- Я поздравляю вас... с наступающей... внеочередной сессией.

У всех членов фракции, которые сидели перед Вам Кого за столами, взгляды не выражали абсолютно ничего, поэтому энтузиазм Вам Кого продолжил плавное снижение.

- Я хотел вам сказать, - продолжил он, - что на Империю хотят напасть лаки. М-да... То есть они собираются разрушить Землю. Но она - часть нашей Империи. И лучшая её часть. Хм... Я предлагаю это пресечь. Я знаю только один способ - воспользоваться передовыми технологиями и создать на Земле особое положение, в котором лаки будут полностью деморализованы. Хм... То есть, другими словами, маразм.

Вам Кого с трудом понимал, что говорит. Он снова вспомнил об огурчиках, но под рукой был только графин с водой. Им он и воспользовался, отпив прямо из горлышка граммов сто пятьдесят.

- Да... - продолжил он. - Я надеюсь, что вы все поддержите меня. Во-первых, потому, что я лидер вашей фракции. Во-вторых, потому, что предложение дельное, и других предложений нет. В-третьих, если вы против, то почему вы до сих пор в моей фракции? М-да. Прошу голосовать. Хм... Единогласно... - Вам Кого покопался в своих записях. - Кстати, тут я обнаружил, что один из вас не платит членские взносы в кассу движения... Господин Кое Как присутствует?

- Он умер, - ответили из аудитории. - В прошлом году.

- Хм... - сказал Вам Кого. - Сочувствую. Может быть, кто-то за него заплатит? М-да... Ну ладно. Что-то я устал. Предлагаю закончить.

Один из членов фракции - огромный детина с выпученными глазами - встал.

- Я хотел выступить, - обиженным басом произнёс он. - У меня тут речь есть. О роли оппозиции.

- Хм... - сказал Вам Кого. - Похвально. Дайте всем почитать. Ну, до завтра. Не подкачайте на заседании. Всего хорошего. М-да.

Он дрожащими руками собрал свои бумажки и вышел.

К себе Вам Кого вернулся в жутком состоянии. Болела голова. В желудке что-то урчало. Не было никаких сил.

Зазвонил телефон. Это был Так Его.

- Вам Кого?

- Да. Здравствуйте.

- Как ваши дела? Что говорит фракция?

- В нашей фракции каждый может иметь мнение, но оно должно совпадать с моим... Разумеется, поддержали.

- Прекрасно. Вы подготовили документы?

- Ещё нет.

- Займитесь прямо сейчас. Принесёте вечером.

- Хорошо.

Вам Кого, укрепляя сердце, сел за компьютер, набрал записку для конгрессменов, попытался написать текст завтрашнего выступления... Ему на глаза попался файл, пересланный вчера экосимом с Земли. Он открыл его. В нём содержалась информация о некоем гражданине России по имени Владимир Каллистратович Ясоний.

"Ну, Ясоний так Ясоний, - подумал Вам Кого. - Какая разница?"

Он встал, подошёл к шкафу и стал искать в ящиках какое-нибудь средство от головной боли. Можно было, конечно, просто выпить, но Вам Кого не стал этого делать. Он знал, что завтра его ждёт очень ответственный день.

Глава 8. Конгресс

В огромном панорамном иллюминаторе висело чёрное бездонное небо, усеянное помигивающими звёздами. Оно казалось неподвижным, но Сам Дурак знал, что корабль летит со скоростью, достаточной для гиперскачка. "Выдержит ли обшивка?" - думал он, вспоминая, как затрясло рубку после первого же выстрела лаков. Сам Дурак представил себе жалкий внешний вид корабля и осторожно, как будто от этого что-нибудь зависело, повернул рычажок гиперпереноса.

Звезды мгновенно размазались в тонкие светящиеся струйки, корабль чуть качнуло, и снаружи, за тонким, но прочным стеклом, воцарился абсолютный мрак. "Вошли очень мягко", - удовлетворённо отметил он, и, выключив основной экран, набрал название пункта назначения: "Центральная база Эгозона-1". В иллюминаторе появилось всё более увеличивающееся изображение тройной планеты - три шарика в вершинах правильного треугольника. Корабль нёсся к самому маленькому из них, красноватому, закутанному в матовую дымку.

Сам Дурак встал с кресла и направился к сливающейся с перегородкой двери. Та открылась, издав лёгкое приятное шипение. Сам Дурак не спеша сошёл по трапу на первый ярус и заглянул в ближайший иллюминатор, наблюдая, как сквозь туман начинают прорисовываться здания базы. "В Конгресс меня с огнестрельным оружием не пустят", - вспомнил он и, отстегнув с пояса пушку с длинным чёрным стволом, воткнул её в ажурную металлическую стойку для цветов.

Посадка почти не ощущалась благодаря плавному маневрированию и мягкости амортизирующих опор. Сам Дурак терпеливо ждал, пока узкая высокая дверь сложится в гармошку и откроется, образуя несколько ступеней, ведущих на площадку. После почти месячного пребывания в замкнутом мирке корабля масштабы сооружений порта просто поражали. Сам Дурак, задрав голову, пытался разглядеть вершину ближайшего здания, но куда там - она протыкала насквозь низкие облака и терялась в полупрозрачной белой пелене.

Трап за спиной зажужжал, убираясь в серебристый, изъеденный микробомбардировками корпус. Сам Дурак отдал мысленный приказ двум терминалам, надетым на ноги, и, оторвавшись от земли, заскользил над синими шестиугольными плитами. Чем дальше он летел, тем вычурнее становилась форма и отделка зданий - в центре концентрировались богатые фирмы и общегалактические службы. Но путь Сам Дурака лежал ещё дальше - к желтоватому огромному зданию с острым шпилем, которого, правда, сейчас не было видно из-за тумана. Над входом светилась ослепительная надпись с завитками и другими шрифтовыми изощрениями: "Галактический Конгресс Империи Седьмой Плиты".

Сам Дурак показал документы охране, прошёл через турникеты и огляделся. Возле лифтов висела схема здания. Кабинет Председателя Конгресса был обозначен звёздочкой на двадцать третьем этаже.

Поднявшись наверх, Сам Дурак сразу же увидел обитую красной тканью дверь и направился к ней. Она была приоткрыта. Сам Дурак собрался с духом и вошёл.

Справа от него стоял стол, за которым сидела молодая приятная девушка в синем кожаном пиджаке. Впрочем, Сам Дурак предпочитал женщин покрупнее, поэтому сразу перешёл к делу.

- Здравствуйте, - сказал он. - Я к Председателю Конгресса.

- Здравствуйте. Вы из сил безопасности? Посидите, пожалуйста. Он вышел.

Сам Дурак кивнул и, по-военному развернувшись на месте, зашагал к одному из кресел.

Ожидание затянулось. Сам Дурак рассмотрел уже каждую извилину в структуре каменных плит на полу и продумал рапорт с точностью до размера пауз между словами.

Наконец дверь раскрылась, и в приёмную зашёл, позвякивая металлическими ногами, высокий худощавый человек с жидковатой чёрной бородкой.

- Господин Сам Дурак? - спросил он, повернув голову к креслу.

- Да, - Сам Дурак встал и щёлкнул каблуками.

- Коротко доложите, что у вас. Мало времени.

- Лаки никаких заявлений по поводу предъявленных им условий ультиматума не сделали. Ими было произведено несколько обстрелов нашей эскадры. По нашим разведанным, в ближайшие день-два лаки вышлют свой флагман под названием "Лакера" к планете Е-761, чему мы не можем воспрепятствовать согласно пункту 402 Галактического свода законов. Разведка сообщает, что на корабле находится аппаратура для фотосъёмки, навигационное оборудование и мощные аннигиляционные заряды, - отчеканил Сам Дурак.

- Короче говоря, они начали, - Так Его яростно взмахнул рукой. - Ну, ещё бы месяц, чтобы как следует разобраться в этой каше! Ладно, спасибо вам.

Так Его развернулся и собрался было удалиться в кабинет, но Сам Дурак успел уточнить:

- Дальнейшие указания, господин Председатель?

Так Его остановился, бросил быстрый взгляд в лицо офицера и произнёс:

- Идите в зал заседаний. Осмотритесь, войдите в курс дела по поводу Земли.

Советую познакомиться с Вам Кого, председателем оппозиционной фракции, у вас должно быть досье. Вечером, в семь часов, зайдёте ко мне, посоветуемся.

- Слушаюсь.

Так Его бросился к выходу, теребя пальцами свою бороду. Сам Дурак неторопливо последовал за ним. Войдя в зал, он чуть прищурил глаза - всё блистало в свете неимоверно большой люстры со множеством подвесок. Сам Дурак цепким взглядом быстро обшарил помещение, мысленно отметил одно из пустовавших мест и направился к нему. Соседнее кресло занимал седой старик в белом костюме с татуировкой на щеке.

- Простите, я могу здесь сесть? - поинтересовался Сам Дурак.

- Садитесь, - кивнул Вам Кого.

Сам Дурак сел, огляделся. Заседание должно было вот-вот начаться, и конгрессмены занимали места в огромном зале, исполненном преимущественно в светло-жёлтой цветовой гамме - такой цвет имели глянцевые занавески, стены, перила балкона. Перед каждым членом Конгресса стоял жёлтый же микрофон на длинной поворотной штанге и коробочка с кнопками для голосования. Многие листали бумаги. В президиуме Так Его долго разговаривал с кем-то, энергично жестикулируя, затем сел на своё место, включил микрофон и произнёс:

- Приветствую господ членов Конгресса. Заседание считаю открытым. Я собрал вас по чрезвычайному поводу, поэтому повестка дня очевидна, и предлагаю не тратить времени на её обсуждение. Когда я закончу, слово будет предоставлено главам фракций в порядке возрастания их численности. По каждому выступлению возможны комментарии и вопросы к докладчику. После перерыва проголосуем все поступившие предложения. Кто за такой порядок, прошу проголосовать.

После короткой паузы табло отобразило 288 голосов "за" из 296 присутствующих.

- Хорошо. Итак, наше государство столкнулось со следующей проблемой. Империя Второй Плиты несколько тысяч лет назад арендовала у государства Протео, правопреемницей которого является наша Империя, планету E-761 на неопределённый срок. В последние две тысячи лет они не вносили арендную плату, но Империя не предпринимала никаких шагов по возврату планеты в свои владения, поскольку лаки Империи Второй Плиты фактически не использовали её. Первоначально лаки проводили на Земле эксперименты по созданию разумных форм жизни из биологического материала планеты E-761. Впоследствии они забросили этот эксперимент, и цивилизация развивалась самостоятельно. Нам стало известно, что лаки собираются уничтожить планету вместе со всем, что на ней находится, в том числе с её разумными обитателями. Это действие незаконно. Во-первых, лаки не имеют планету в своём исключительном владении, и никогда не владели ей, более того, договор аренды с ними также можно считать расторгнутым. Во-вторых, Межгалактический Кодекс прав разумных существ, который подписан нашей Империей, исключает уничтожение разумных существ, кроме случаев ведения объявленной войны. Таким образом, мы должны воспрепятствовать действиям лаков. Дело осложняется тем, что лаки могут уничтожить планету практически в любой момент, и времени у нас очень мало - по моим последним сведениям, два-три дня. Конечно, мы можем не торопиться и ждать, пока лаки сделают то, что хотят, но ценой нашей неповоротливости станут более шести миллиардов жизней.

Я разговаривал с некоторыми экспертами по планете E-761, которая, кстати, называется на языке одного из местных народов Землёй, и они все единодушно заявляют, что, кроме чисто гуманитарной, планета представляет огромную научную и эстетическую ценность. Есть даже отдельные мнения, что наша культура каким-то образом связана с Землёй, и может пострадать вследствие её уничтожения.

Я прошу учесть всё вышеизложенное и предложить пути решения проблемы. Слово предоставляется главе фракции "Плотность" доктору Ле Систу.

На трибуну поднялось существо с синей вытянутой, почти лошадиной, мордой, на четырёх тощих ногах. Оно было завернуто в бирюзовый переливающийся плащ и мелко тряслось.

- Господа, - дрожащим голосом начал Ле Сист. - Я вижу конец нашей Империи. Впервые нам брошен открытый вызов, на который мы не можем достойно ответить. Господин Так Его очень чётко, хотя и кратко, обрисовал проблему, и всякому гражданину должно быть ясно - нам нечего противопоставить лакам. Мы вынуждены признать своё поражение. Я бы не стал ставить всё произошедшее в вину правительству или Председателю Конгресса. Просто таково реальное положение вещей, и мы ничего не можем с этим поделать. Но я верю - когда-нибудь наша Империя станет богатой и сильной, и мы сможем дать отпор любым агрессивным действиям, как со стороны лаков, так и с любой другой стороны. Наша фракция, - голос Ле Систа усилился и задрожал ещё сильнее, - хочет ответственно заявить: придёт конец нашему унижению, нашему бессилию и позору! И в том случае, если вы поддержите мою кандидатуру на выборах Председателя Конгресса, я положу всю свою жизнь на алтарь нашего государства с тем, чтобы добиться намеченной нами цели. Я ни в коем случае не хочу критиковать господина Так Его, он работал очень плодотворно, но заверяю вас, что я с поддержкой моих сторонников смогу обеспечить дальнейшее процветание Империи ныне и присно и во веки веков!

Ле Сист торжественно оглядел зал. Похоже, он закончил.

Так Его кашлянул и спросил у зала, есть ли вопросы. Вопросов не было.

- Тогда у меня вопрос, уважаемый Ле Сист. Есть ли у вас какие-либо конкретные предложения в связи с угрозой уничтожения Земли?

- По-моему, тут всё ясно, - ответил Ле Сист, помотав мордой из стороны в сторону. - Нам нужно и дальше двигаться в выбранном направлении.

Так Его не смог сдержать иронии в голосе:

- Ну что же... Спасибо. Слово предоставляется господину Туте Сидиму, главе фракции "Партия конструктивных бюрократов".

Ле Систа сменил грузный потный докладчик с заплывшими жиром глазками.

- В целом я согласен с доктором Ле Систом, - сказал он. - Поэтому не хочу занимать много вашего времени и повторяться. Дать отпор лакам мы, конечно, должны, но какими средствами, господа? Ресурсы Империи отнюдь не беспредельны. Война с Империей Второй Плиты, которую в данном случае представляют лаки, губительна для нашей экономики. Нужны шаги более обдуманные и взвешенные. У меня всё.

- Вопросы, - упавшим голосом сказал Так Его.

Вопросов не было. Так Его прозвенел колокольчиком, привлекая внимание, и встал.

- Господа, - сказал он. - Я хотел бы ещё раз заметить, что жду от вас конкретных предложений. Мне очень интересно услышать ваши мнения о ситуации в целом, но этого мало. Господин Тута Сидим, вы можете сказать что-то более конструктивное?

- Господин Председатель, - ответил Тута Сидим. - Я вполне понимаю ваше возмущение. Мы со своей фракцией довольно долго вчера обсуждали этот вопрос и не нашли приемлемого выхода. Согласитесь, проблема довольно сложна, и наскоком её не решить. Поэтому я просто хотел бы высказать наше общее мнение - мы поддержим любое разумное предложение, не ведущее к войне с лаками и не противоречащее законодательству.

- Я понял вас, - сказал Так Его. - Спасибо. Слово предоставляется господину Нибуду, фракция "АнтиДиктат".

Нибуду был родом с планеты Уррен, поэтому имел сероватую кожу и дышал через аппарат, напоминающий респиратор. Кроме того, он слегка шепелявил, тяжело сопел и говорил довольно сбивчиво.

- Господа шлены Конгресса, которые передо мной сидите. Я не понимаю вас вообще. Я <невнятно> шидеть шложу руки на шердце и <невнятно> в голове. Но другого выхода нет, а, мошет быть, и не мошет быть. Короче, я <невнятно> поступить слежующим образом: жабыть о Жемле, жабыть о лаках и жаниматься нашими <невнятно> проблемами. Почему наш опять проталкивают выбирать? Либо жакон, либо жизнь. На кой, простите, ляд нужен жакон, который ишключает жижнь из нашего рациона? Жначит, что-то нужно менять - или в наш, или в жаконе, ешли шами мы ижмениться не можем. Ешли моё предложение <невнятно>, то это вшо.

- Господин Нибуду, - уточнил Так Его. - Простите, я не всё хорошо расслышал. Правильно ли я понял, что вы предлагаете ничего не предпринимать по отношению к лакам и пустить всё на самотёк?

- Правильно, - сказал Нибуду. - И, более того, <невнятно> жаконы, которые <невнятно> приводят к жаседаниям типа этого.

- В письменном виде ваши предложения есть? - спросил Так Его.

- Я передам их через шекретариат.

- Есть ещё вопросы к докладчику? В таком случае слово предоставляется господину Пакеру, фракция "Неформалы".

К трибуне явно нехотя прошёл из дальнего конца зала высокий молодой человек в майке и шортах, на лице которого было написано жуткое презрение к происходящему.

- Ну, господа хорошие, я тут слушал всё это и думал – а какого, собственно, хрена? - начал Пакер. - Вот почему лаки тысячу лет не платят нам аренду, а мы молчим? Почему у нашей страны нет сил защищаться от лаков? Почему наш единственный Энергетический фонд, созданный мноооогоуважаемым господином Центури, оказался просто сборищем взяточников, и не накопил энергии даже для

освещения этого зала? Вы же все на днях платили за так называемые «дополнительные удобства»? Вижу, что платили. И это вы называете Империей, господа? Что вы собираетесь делать дальше? Распродавать планеты лакам, Лиге Свободных Доменов или ещё кому похуже? Может, нам пора просто выйти на улицу и милостыню просить? Я всё сказал.

- Вопросы есть? - спросил Так Его. - Тогда я хочу уточнить. Господин Пакер, вы предлагаете расформировать Конгресс? Или изменить законы? Что конкретно? И что это даст для спасения Земли?

- Специально для тупых повторяю второй раз, - сказал Пакер. - Я предлагаю всё это прекратить к чёртовой матери, пока мы сами свою страну не угробили.

- Я всё понял, - сказал Так Его. - Насчёт тупых, будем считать, я не слышал.

- Ещё и глухой, - процедил Пакер и удалился с трибуны.

Так Его выглядел раздражённым и уставшим.

- Би Хоптон, фракция "За Центури". Вам слово.

Би Хоптон оказался солидным гражданином в очках, подтянутым, но не худым, хотя и не полным. Он выглядел уверенно, движения были аккуратны и размеренны. Он, пока единственный из докладчиков, вышел на трибуну с папкой, раскрыл её и начал читать, изредка поднимая глаза на зал.

- Господа конгрессмены! В нашей долгой истории, - говорил он, - было немало трагических страниц. На Империю неоднократно нападали и даже завоёвывали её части, неоднократно погибали, в том числе массово, наши соотечественники. Случались глобальные стихийные бедствия на многих планетах Империи, иногда происходили вещи, которые вообще трудно было понять. Но Империя всегда выходила из этих трудностей с высоко поднятой головой. В чем же секрет нашей стойкости, и как нам вернуться к её истокам? Всё очень просто - в трудные времена народы нашей Империи спланивались и составляли единый народ, одну общую нацию - нацию граждан Империи. Исчезали интересы различных политических групп и интересы политиков, исчезали межрасовые, религиозные и даже бытовые конфликты, и все вставали на службу одной идее - идее прочного, независимого, стабильного государства, которое никому не позволит попираť его интересы. Что же мы имеем сейчас? То же, что и обычно с нами бывало перед тяжёлыми войнами. Империя ослаблена, у нас нет единства, мы сдаём противнику всё новые и новые рубежи, иногда не физические, но моральные, что, на самом деле, ещё страшнее. Мы говорим, что у нас нет средств, чтобы защитить наши интересы. Мы говорим, что проиграем войну или увязнем в ней надолго. Я думаю, что это просто иллюзия или страх перед принятием ответственного решения. Оглянитесь вокруг. Мы на самом деле очень богаты. У нас есть триллионы наших сограждан, которые в трудную минуту готовы встать плечом к плечу перед лицом общей опасности, проявить истинный патриотизм и подняться на защиту той главной ценности, которая у нас всех есть - нашей Империи. Можно много говорить о проблемах и слабостях, но давайте же, наконец, станем сильными, чтобы защищать наши интересы, которые никто, кроме нас, защитить не сможет. Если мы проявим слабость, мы обречены на вечное унижение и, в конце концов, на полную деградацию и вымирание. Итак, я вношу совершенно конкретное предложение: мы должны немедленно собраться с силами и объявить Империи Второй Плиты войну. Мне могут возразить, что Землю это, скорее всего, не спасёт. Возможно, хотя могут быть различные варианты развития событий. Но даже если Земля погибнет, жизни её обитателей не пропадут зря - они будут отданы за единство и процветание нашей Империи, которая, надеюсь, более никогда не окажется на коленях ни перед каким противником. Давайте же не будем опускаться на колени и сейчас. Спасибо за внимание.

Часть зала заплодировала. Кто-то засвистел. Раздался колокольчик Так Его.

- Вопросы к докладчику есть? - спросил он.

- Свази, независимая фракция, - донёлся голос из динамиков. - У меня сразу три вопроса. Первый вопрос. Не проводил ли господин Би Хоптон оценок, сколько средств нужно на ведение войны с лаками и сколько она может продлиться, а также каково соотношение сил и вооружений наших Империй? Второй вопрос. Мы ведь обсуждаем вопрос о том, как помешать уничтожению жителей планеты Земля. Уменьшит ли война, объявленная лакам, количество жертв? И третий вопрос. Не кажется ли вам, господин Би Хоптон, что вы предлагаете эту политическую авантюру просто для того, чтобы увеличить количество голосов в вашу поддержку на выборах?

- Господин Свази, - ответил Би Хоптон. - Я ценю ваше умение формулировать каверзные вопросы, и только поэтому отвечу. Первое. Я не мог провести такие оценки, так как не располагал достаточным временем и информацией к началу этого заседания. Но я хорошо представляю себе как состояние наших ресурсов и армии, так и свой народ. И уверен, что мы можем выиграть войну. Второе. Война, возможно, не уменьшит количество жертв, но послужит перспективе нашего дальнейшего существования. Если лакам не дать отпор, они могут уничтожить не только Землю, не правда ли? Что если Земля - просто пробный шар, используемый для проверки нашей возможности защищаться? И третье. Я всё это говорю совершенно не потому, что выставил кандидатуру на выборы Председателя. Это было бы просто бесполезно. Все знают, что шансов у меня нет. Все знают, что шансы есть только у вас, господин Свази, и все знают, откуда у вас эти шансы. Но я не буду говорить то, что и так все знают, чтобы вы не обвиняли меня в клевете, оскорблениях или в чем вы там обычно обвиняете. Надеюсь, мой ответ вас удовлетворил.

- Больше вопросов нет? - спросил Так Его. - Ну что же... Ваше предложение зарегистрировано. Если позволите, я выскажу небольшой комментарий. Прошу внимания. На мой взгляд, не все, - он обвёл глазами разношёрстную публику, - из собравшихся здесь ясно представляют, насколько серьёзно принимаемое нами решение. Речь идёт об устоях общества и цивилизации - Межгалактическом Кодексе прав разумных существ. Мы его подписали очень давно, и до сих пор строго и неукоснительно соблюдали. Сейчас же, когда лаки грубо попирают Кодекс, мы - единственные, кто может его защитить. Я уже и не говорю о наших экономических и других интересах. Лаки создали цивилизацию на Земле и только на основании этого спорного факта пытаются присвоить себе право распоряжаться судьбами миллиардов. Земля - свободная зона, которая была предоставлена лакам для экспериментов. Теперь же, когда на ней существует разумная жизнь, статус её, очевидно, изменился, - Так Его поморщился, услышав в зале ровное гудение голосов, звякнул колокольчиком и начал говорить громче. - Лаки не имеют никаких законных прав на ликвидацию планеты, а уж тем более её жителей. Какие выходы предлагались до сих пор? Либо долгая, тяжёлая война, либо презрительное наплевательство на Кодекс.

Зал зашумел ещё сильнее.

- Так вот знайте же, - громовым голосом произнёс Председатель, - есть ещё и третий вариант, о котором все докладчики до сих пор умалчивали.

- Йокесы, что ли? - выкрикнули из зала.

Так Его насупил брови и попытался отыскать взором смельчака. Лицо его потемнело.

- Тот, кто говорит о йокесах, - с расстановкой выговорил он, - слишком много на себя берет. И впредь прошу этого слова при мне не упоминать. Я говорю о другом. Мне странно, что вы все игнорируете розданные вам документы с предложениями фракции "Оппозиция". Может быть, вы посчитаете нечестным то, что я акцентирую внимание именно на их разработках, но после всех прозвучавших выступлений я понимаю, что, возможно, их предложение может оказаться единственно приемлемым. Я прошу отнестись к нему внимательно и с максимумом терпимости, как бы абсурдно

оно ни выглядело. Слово господину Вам Кого, председателю оппозиционной фракции.

Старик, сидящий возле Сам Дурака, победоносно улыбнулся и выскочил в проход. Он пронёсся к трибуне, взлетел на неё с проворностью, не свойственной его возрасту, и заговорил:

- Господа! Наша фракция распространила среди вас... хм... записку, содержащую сведения о последних достижениях науки, а особенно братьев Рахов, в области теоретической маразмологии, и наши, так сказать, предложения по их использованию. Надеюсь, вы ознакомились с ними. Поэтому скажу сразу. Построение маразматического пространства на планете Земля и в её окрестностях даёт нам возможность быстро и *незаметно*, - последнее слово Вам Кого выделил интонацией, да ещё и выставил вверх указательный палец, - для лаков создать условия, в которых уничтожение Земли станет невозможным. В связи с обострившейся ситуацией я считаю это решение единственно правильным. Итак, мы предлагаем, - Вам Кого достал и развернул бумажку, - следующее:

«а) создать на Земле и в её ближайших окрестностях участок маразматического пространства, используя для этого соответствующие функции Плиты номер Семь и установку, разработанную Кентелом и Конотопом Рахами;

б) за время существования маразматического пространства принять меры, пресекающие незаконные действия лаков, и затем остановить развитие маразма при помощи также находящейся в нашем распоряжении Плиты номер Семнадцать;

в) наградить господ Кентела и Конотопа Рахов Имперской премией за разработку теории, дающей возможность реализовать указанный проект».

Оторвавшись от текста, Вам Кого увидел откровенно потешающийся зал.

Так Его звякнул колокольчиком:

- Тише, господа. Какой у вас вопрос, господин Свази?

- У меня, - сказал широко улыбающийся Свази, - опять-таки несколько вопросов к докладчику, но сначала я позволю себе заметить, что считаю преждевременным решать, кого награждать, а кого наказывать за эфемерную теорию, о которой никто ничего не слышал, не говоря уж о том, чтобы её использовать.

Вам Кого покраснел:

- Я включил этот пункт по просьбе Конотопа Раха и на нём, конечно же, не настаиваю. Просто многолетняя работа Рахов, завершившаяся рядом серьёзных открытий в маразмологии, должна быть, несомненно, отмечена...

Свази кивнул:

- Теперь вопрос. Не можете ли вы сказать, простив мою нескромность, что случилось с вашим лицом за последние дни?

Краснота лица Вам Кого усилилась и теперь, пожалуй, заслуживала занесения в книгу рекордов.

- Не скрою, - ответил Вам Кого, - изменения в моем облике повлечены некоторыми экспериментами в области создания маразматических пространств. Но сейчас весь процесс проработан более тщательно, и никаких эксцессов не должно произойти.

- Но вы признаете, что во время проведения этих самых экспериментов братья Рахи заработали себе некоторые психические отклонения?

Вам Кого натянуто улыбнулся:

- От гения до безумца - лишь шаг, не правда ли? К тому же...

- И последний вопрос, - прервал его Свази. - Не кажется ли уважаемому господину Вам Кого, что, предлагая на рассмотрение Конгресса столь рискованный и не апробированный на деле проект, он нарушает всяческие правила приличия?

Вам Кого стал зелёным, как огурец.

- Господин Свази! - воскликнул он. - Мало того, что вы оскорбляете меня, насмехаясь над моей внешностью, чего я, кстати, не позволяю себе по отношению к вам, - в зале хихикнули, - так вы к тому же обвиняете меня в нечестности! Я открываю перед вами карты: да, проект практически не проверен, и, запустив его в действие, мы проявим большую долю риска, но это - единственный разумный вариант.

- Вопросов больше нет, - усмехнулся Свази и отвернул от себя микрофон.

Зал шумел. Так Его несколько раз прозвенел колокольчиком, после чего все немного успокоились, и он снова смог говорить.

- Спасибо, Вам Кого. Слово предоставляется господину Свази, фракция "Независимый Конгресс".

К трибуне подошёл Свази. В руке он держал папку, но, не раскрыв её, просто положил рядом с собой.

- Господа! - энергично и эмоционально заговорил он. - Я думаю, вы и сами достаточно умны, чтобы разобраться, что здесь к чему. Меня удивляет разве что господин Председатель Конгресса, который так открыто агитирует за проект постановления оппозиции. Когда это было видано прежде? Уж нет ли здесь личной заинтересованности? Впрочем, чего не знаю, того не знаю, врать не буду. Может быть, просто кто-то из нас сошёл с ума. Я вот лично слушал эту чепуху про склеротическое пространство и думал: а может, всё же йокесы были бы лучше? Нет-нет, я ни к чему не призываю, просто говорю - неужели вы не видите, какую авантюру нам предлагают? Я также был весьма удивлён предложением господина Би Хоптона. Он считает, что патриотические идеи могут подменить собой крейсера, пушки и энергетические единицы. Может быть, его патриотизм силен настолько, что он один в состоянии справиться с целым флотом лаков? Если так, то извините, господин Би Хоптон, флаг вам в руки. Если нет, то вы просто пудрите нам мозги. Что касается господина Нибудь, то я разобрал всего пару слов - "шложа руки". Но в этом-то и есть, насколько я понял, суть его предложения. И честно говоря, я с ним, в принципе, согласен. Не потому, что я сторонник уничтожения разумных существ, а потому, что я патриот, и патриот истинный. Уж если нам не хватает смелости признать свою слабость, давайте хотя бы не будем лезть на рожон. Что касается остальных докладчиков, то у меня просто нет слов. Но вот сейчас я закончу выступление, и господин Так Его, так мелодично звякающий там, наверху, спросит меня, а есть ли у меня конкретные предложения? Они, разумеется, есть. Но я выскажу их только тогда, когда наш Конгресс перестанет быть продажным и ничего не выражающим органом, когда он станет абсолютно независимым от конъюнктуры, защищающим только свой народ и высшие ценности. Сейчас же мои предложения, разумеется, не пройдут, поэтому разрешите откланяться.

Вопросов не было. Так Его встал и объявил:

- Прошу внимания. Насколько я понимаю, имеется три конструктивных предложения: от фракции "АнтиДиктат", от фракции "За Центури" и от оппозиционной фракции. Есть возражения? Тогда ставлю на голосование в порядке поступления. Предложение первое. Фракция "АнтиДиктат" предложила не реагировать на действия лаков, а изменить существующее законодательство с тем, чтобы действия лаков считались законными. Предупреждаю, что это очень спорное предложение, так как противоречит Межгалактическому Кодексу, подписанному нашей Империей. Поэтому предлагаю проголосовать по этому пункту только за первую часть. Итак, кто за то, чтобы никак не препятствовать действиям лаков по уничтожению планеты Земля, прошу голосовать.

Прошла минута. Табло отобразило результат голосования:

"За - 31 голос, 263 против, 2 воздержались".

Так Его продолжил:

- Спасибо. Решение не принято. Предложение второе, от фракции "За Центури". Предложение заключается в том, чтобы немедленно объявить войну Империи Второй Плиты. Кто «за», прошу голосовать.

Послышались щелчки от нажатия кнопок. Табло высветило:

"За - 76 голосов, 217 против, 3 воздержались".

- Спасибо. Решение не принято. Последнее предложение, от фракции "Оппозиция". Кто за то, чтобы пресечь действия лаков путём создания на Земле маразматического пространства?

Сам Дурак следил за взглядом Вам Кого, прикованным к табло. Вам Кого вдруг чертыхнулся и махнул рукой. Сам Дурак взглянул на табло и увидел:

"За - 54 голоса, 240 против, 2 воздержались".

Колокольчик звенел довольно долго.

- Итак, - раздался громовой голос Так Его, - мы не приняли никакого решения. Нам придётся прервать заседание и завтра продолжить обсуждение этого вопроса. Надеюсь, оно пройдёт в более конструктивном духе. Но, мне кажется, я должен сказать следующее: завтра может быть уже поздно. А это значит, что сегодня, ничего не предприняв, мы попросту предали шесть с лишним миллиардов разумных существ. Если кто-то хотел добиться именно этого, он может радоваться. Все свободны.

Так Его быстро, с нескрываемой досадой, направился к выходу из зала.

Вам Кого проводил его хмурым взглядом, и, встав с места, принялся складывать бумаги в папку, собираясь удалиться, но Сам Дурак перехватил его:

- Простите, господин Вам Кого, - произнёс он. - Меня зовут Сам Дурак, я из сил безопасности, прилетел сюда по распоряжению Председателя. Я очень давно не следил за прессой. Вы не могли бы объяснить мне, что такое маразматическое пространство?

Вам Кого оглядел Сам Дурака с головы до ног и сухо ответил:

- Идёмте в лабораторию. Я всё вам расскажу.

Путь был заковырист и непредсказуем. Вам Кого поворачивал то вправо, то влево, а то вдруг взбегал по лестнице вверх. "Как он держит в памяти весь этот лабиринт?" - удивлялся Сам Дурак. Наконец Вам Кого толкнул рукой обитую кожей дверь и пропустил Сам Дурака внутрь.

Два черноволосых молодых человека разом крутанулись в своих поворотных креслах, обратив лица к вошедшим. Один из них, пониже и поплнее, произнёс:

- Жили-были две старухи. Одна скоро померла, а другая скончалась. Вот такая смешная сказка.

Второй, повыше и постройнее, поднялся и протянул Сам Дураку руку:

- Конотоп Рах.

- Сам Дурак, - чуть поклонился Сам Дурак.

- М-м, - сказал Конотоп, блеснув целевидными зрачками, - а вы знаете, что означает ваше имя на протоязыке?

- Нет, - признался Сам Дурак.

- Вам повезло, - улыбнулся Конотоп.

Братья Рахи отвернулись и синхронно забарабанили по клавиатурам компьютеров. Вам Кого подвёл Сам Дурака к стене, увешанной фотографиями, и показал на приколотый к ней листок бумаги:

- Вот, смотрите, мне Конотоп как раз объяснял. Вот это человек – схематично, конечно. В него входит стрелочка, которая обозначает поступление информации...

- Извините, - перебил Сам Дурак, заметив слева от нарисованной схемы небольшую фотографию причудливого орудия. - А это что?

Вам Кого посмотрел на него с непониманием, и Сам Дурак поторопился пояснить:

- У меня профессиональная привычка собирать информацию.

- Это Царь-Пушка, - ответил Вам Кого. – В Москве стоит, город такой на Земле. Очень большая, но, я слышал, ни разу не стреляла. Хотя это к делу не относится... Хм... И вот человек получает извне различные образы, воображает себе Бог знает что, и то, что получается в результате, попадает сюда, в устройство, которое генерирует маразматическое пространство.

- Вам Кого, ты искажаешь факты, - возразил подкравшийся внезапно Конотоп. – Нет никакого устройства, которое генерирует маразматическое пространство. Маразматическое пространство существует везде и всегда. Образы подсознания в данном случае используются при новом построении Вселенной, которая каждый миг рождается заново. А та закорючка, в которую ты ткнул пальцем – это дерево, я для примера нарисовал.

- А это что? - Сам Дурак заинтересовался ещё одной фотографией, где был изображён голый мужчина с факелом в руке.

- Это единственная сохранившаяся фотография Колосса Родосского, - сказал Вам Кого. – Огромная статуя бога Солнца на Земле, одно из так называемых чудес света, разрушена землетрясением. Это японские фашисты фотографировали перед капитуляцией во Второй Мировой войне. Но мы снова не о том. В маразме всё происходит случайным образом, поэтому вероятности всех событий малы...

- Вам Кого, ты неправ, - снова вмешался Конотоп. – Ничто никогда не происходит случайным образом...

- А это что за зверь? – спросил Сам Дурак.

- Это амурский тигр, - сказал Конотоп. – Крупное, сильное животное, обитает на Земле, достигает веса в 300 килограммов, но постепенно вымирает. Осталось не более 500 особей.

- Пойдите... – Сам Дурак перевёл взгляд на Конотопа, затем снова на фотографию. – Вы же – вылитый тигр! Полоски на свитере, вытянутые зрачки, строение тела и... Что происходит?

- И правда... – произнёс Конотоп Рах, становясь на четыре лапы и хлопнув по полу моментально отросшим хвостом. – Как я не замечал раньше?

Он прошёлся вокруг изумлённого Сам Дурака, демонстрируя великолепную блестящую шерсть, а затем удалился в сторону компьютера.

Вам Кого похлопал Сам Дурака плечу:

- Успокойтесь, попейте водички, - и пояснил: - После эксперимента, проведённого на себе, Конотоп стал так называемым автомаразматиком - он часто верит тому, что о нём говорят, и трансформируется соответственно.

- Точно-точно, - донёсся со стороны голос Кентела. - Очень много зеркал.

Сам Дураку стало не по себе, и он принял предложенный стакан с водой:

- И вы считаете, что подобный эксперимент с целой планетой не опасен?

Вам Кого почесал дырку во лбу. Из неё вывалился маленький розовый шарик, который он, впрочем, тут же вернул на место.

- Опасен, конечно, - вздохнул он, - но разве можно выиграть, не рискуя?

...В это время капитан Ак обходил посты сил безопасности. Спустившись на цокольный этаж, он удовлетворённо отметил, что охранники находятся на месте и не расслабляются. Двое с лазерными винтовками сразу перед лифтом, ещё двое у двери. Один, с флистерным пистолетом и коротким кинжалом, стоял у правой стены. У всех также были тепловые гранаты и дубинки на поясе.

- Как служба? - спросил Ак.

- Служим, как можем! - отчеканили офицеры.

- Хорошо, молодцы, - сказал Ак. - Так держать. Смена через час.

Он открыл ключом железную дверь. За ней оказалась небольшая комнатка, в которой, словно селёдки в бочке, располагались ещё шестеро охранников с бластерами.

- Отлично, - сказал Ак и, обращаясь к одному из них, спросил: - Капрал Сох Мыш! Каковы будут ваши действия, если эта дверь откроется, а за ней вы увидите десять вооружённых врагов?

- Брошу гранату, капитан, а затем открою огонь!

Ак задумался.

- А если они успеют первыми?

- Не успеют. Мы всё время следим за этой дверью.

- Что ж, хорошо.

Ак открыл следующую дверь. В этом помещении, у стены с пультом, стояли ещё четыре капрала с лазерными винтовками, один с флистером и один - с микроднехт-пушкой. Все нацелились на Ака, но, узнав, тут же опустили оружие.

- Отлично, - сказал Ак. - А что если сюда войдёт Председатель Конгресса?

Тот, что с флистером, ответил:

- О его приходе оповестят по радио. Если не было оповещения, это замаскированный враг.

- Капрал Малодыр, - повернулся Ак к одному из караульных, - для чего служит нарезка в стволе лазерной винтовки?

- Винтовая нарезка ствола улучшает! Дальноточность и кучность! Лазерного луча! – проорал лысоватый низенький капрал, выкатив глаза на лоб от усердия.

- Хорошо, - сказал Ак, слегка поморщившись. - Будьте начеку. Через час вас...

Он застыл, не договорив.

В воздухе прямо перед ним появилось прозрачное облако. Оно быстро расширялось, превращаясь в сверкающий, словно бы стеклянный, эллипс. На лицах капралов застыла полная растерянность.

- Что стоите?! - крикнул Ак. - Огонь!

Он выхватил короткий бластер и выстрелил в линзу. Остальные тоже начали палить. Один из них, попавший под удар днехт-пушки другого, закричал и рухнул на пол, дымясь... Через мгновение он взорвался. Линза же всё росла.

- Все сюда! - скомандовал Ак.

Из соседних комнат высыпали другие охранники. Всё помещение заполнилось лучами лазеров и бластерными импульсами. Ак почувствовал, что ему задело плечо.

- Смотрите, куда стреляете, кретины! - закричал он.

В этот момент в линзе открылось чёрное отверстие. Из него хлынул поток жаркого оранжевого пламени. Раздались вскрики от боли. Ак на мгновение ослеп. Он быстро упал на пол вниз лицом и почувствовал, как огонь прокатился по его спине. Ак мгновение терпел, потом перевернулся на спину. Он был почти цел, только дико жгло кожу на плечах. Возле Ака на полу сидел капрал с обожжённым лицом, пытающийся снять с предохранителя флистер. Вокруг были разбросаны обожжённые тела и оружие. Из дыры в пространстве медленно выплывало существо, состоящее из нескольких соосно вращающихся друг над другом дисков. Над верхним диском располагалась короткая тушка с двумя щупальцами, напоминающими плавники, и тонкой длинной шеей. Под одним из плавников была зажата выходная труба огнемёта. Сам огнемёт плыл в воздухе рядом.

Лак вертел вокруг своей острой мордой и хлопал веками огромных лягушачьих глаз. В его пасти был зажат, словно сигарета, металлический ствол замысловатого оружия. Лак медленно шевелил зубами, передвигая ствол в дальний угол рта.

Оцепенение Ака прошло. Он схватил с пола лазерную винтовку и выпустил из неё толстый красный луч. На одном из дисков лака образовалось дымящееся чёрное кольцо. Лак взглянул прямо в глаза Ака, и тот почувствовал, как затуманивается его сознание. Он выстрелил ещё и ещё, но сила в руках иссякала, и он не попадал. Лак зубом надавил на курок. Раздалась очередь. Ак почувствовал боль в животе и подступающую к горлу кровь.

У капрала, наконец, зарядился флистер, и он выстрелил в лака. Лак озарился яркой вспышкой. Из дыры тем временем выплывали второй и третий. Лак надвигался на капрала, а пистолет заряжался снова.

- Крест... - умолял капрал. - Смеситель... Пожалуйста, скорей...

Диски лака мягко обхватили его голову с обеих сторон. Капрал захрипел. Диски сошлись, вращаясь, словно жернова, и с хрустом разбрызгали по стене кровь и мозги капрала. Тело обмякло и шлёпнулось вниз.

Лаки двинулись к стене. Один из них высунул язык, на котором лежала металлическая пластинка с прорезями, и воткнул в щель. Он что-то прошипел другому, и тот плавником набрал код. Дыра в пространстве стала расширяться, захватывая раздвигающуюся стену. Сквозь дыру было видно помещение внутри космического корабля, в котором беспорядочно перемещались сотни других лаков. Оно расширилось вместе с дырой, захватывая всё большую часть зала. Лак нажал на кнопку в углу. Стали подниматься створки, скрывающие шахту с Плитой. Другой лак тем временем заглянул под щиток, за которым хранился пульт, и слизнул его в свою пасть.

Из ямы в полу показалась Плита, покачивающаяся в воздухе. Лаки поплыли назад, в отверстие, присоединяясь к своим собратьям. Дыра в пространстве всё расширялась, надвигаясь на Плиту. Через пару секунд Плита оказалась уже посреди лаков, на их корабле, вместе с пневмоподушкой и частью пола. В тот же миг дыра схлопнулась. По помещению пронёсся ветерок. Наступила тишина. Только искрились провода, торчащие из чёрной шахты, напоминающей могилу, да из соседней комнаты доносился тихий стон.

Глава 9. Мудрость Соломона.

Вокруг стола в кабинете Так Его собрались все приглашённые: Вам Кого, Кентел Рах, Конотоп в образе огромного амурского тигра и Сам Дурак, который переоделся в светло-серый гражданский костюм, но при этом не выпускал из рук портативного складного меча.

"Один алкаш с вытекшими мозгами, - думал Так Его. - Один диверсант. Два полных психа, один из которых к тому же тигр. И я - приговорённый к смерти инвалид".

Он обвёл сидящих сочувственным взглядом и понял, что помощников в данном случае выбирать не приходится. В подтверждение его мыслей Кентел Рах неожиданно пробормотал:

- И зачем люди бьют друг друга по башкам? - после чего попытался достать кончика носа пальцем ноги.

Так Его вздохнул:

- Давайте займёмся делом. Вам Кого, вы обещали мне сегодня доложить ваш подробный план.

- Он готов, - кивнул Вам Кого. - Если Конгресс примет наше предложение, послезавтра я прибуду на Землю и соответствующим образом подготовлю выбранного нами человека.

- Кто он? - спросил Так Его.

Вам Кого протянул Председателю фотографию молодого парня с наивным, но приятным лицом, потом достал из кармана сложенный вчетверо листок и, развернув, прочитал:

- Владимир Каллистратович Ясоний, 21 год, не женат, проживает в городе Москва, в микрорайоне Кунцево. Заочно причислен к членам Галактического Конгресса по моему личному ходатайству с тем, чтобы обеспечить ему подключение в шину подсознательного доступа к паролям. Студент 3-го курса. Коэффициент интеллекта 138, но особых способностей ни в чём не проявил. Натура реалистичная, никогда не состоял на учёте в психиатрических клиниках или диспансерах.

- Хорошо, - сказал Так Его. - Как вы собираетесь действовать дальше?

Заговорил Конотоп:

- Для создания маразматического пространства на Земле необходимы три условия - подключение Ясония к Плите с соответствующими полномочиями, нажатие на нижний торец Седьмой Плиты и включение моей установки на достаточно небольшом расстоянии, до одного километра, от очага маразма, то есть от того же Ясония. Первое уже сделано. На Плиту можете нажать вы. Что же касается третьего, решено, что Вам Кого летит на Землю с установкой и приводит её в действие неподалёку от дома Ясония, в здании школы-интерната. К тому времени он должен перегоре... перегоре... перегоре...

- Что с вами? - спросил Так Его.

- Простите, - сказал Конотоп. - У меня ввод-вывод сбоит, ерунда. Так вот, к тому времени Вам Кого уже встретится с Ясонием, пе-ре-го-во-рит с ним и проконтролирует все процессы на месте. Я буду держать с ним связь.

- Параллельно с этим, - продолжил Вам Кого, - вы в Конгрессе добиваетесь принятия решения об оттеснении лаков на безопасное расстояние. Когда это будет достигнуто, Конотоп привезёт на Землю Плиту номер 17 и ликвидирует маразм.

- Привозить нежелательно, - возразил Конотоп. - Плита инициализирует всё информационное поле сразу, так что место её активизации неважно. А в маразматическом пространстве она, вполне возможно, не сработает.

Так Его сосредоточенно барабанил пальцами по столу и молчал.

- Что-нибудь не так, господин Председатель? - поинтересовался участливо Вам Кого.

Так Его поднял глаза и, вытянув губы трубочкой, что-то прикинул в голове. Наконец молчание было нарушено.

- Я просчитываю варианты, - заговорил Председатель, - и не вижу ничего лучше вашего плана. Однако дело обстоит не так просто. Загвоздка в двух, нет, даже в трёх пунктах. Во-первых, благодаря некоторым слишком ярким лидерам независимой фракции вроде нашего горячо любимого друга Свази...

- Вонючая обезьяна, - прорычал Конотоп, хлестнув по полу хвостом.

- Так вот, - продолжал Председатель, - благодаря им Конгресс никогда не одобрит вашего предложения. Завтрашнее заседание будет не меньшей фикцией, чем сегодняшнее, а ждать мы не можем. Во-вторых, я только что получил сообщение, которое меня потрясло и, возможно, шокирует вас. Примерно час назад лаки захватили оплот нашей Империи - Седьмую Плиту.

Вам Кого подскочил на месте. Сам Дурак присвистнул. Конотоп вонзил когти в обивку кресла. Кентел Рах возмущённо произнёс "Узурпаторы!" и смачно сплюнул в центр стола.

Так Его развёл руками:

- Ничего не поделаешь, это факт. Ваш план, в таком виде, каков он есть, теперь не проходит. И третья неприятность. Как вы знаете, через несколько дней истекает срок моего правления. Я должен буду умереть, временно передав одному из членов Конгресса высшие полномочия. Я подготовил документы на ваше имя, Вам Кого. Но в тот же день будут проведены выборы, на которых, скорее всего, победит Свази.

Вам Кого нахмурился:

- Значит, вы вызвали нас для того, чтобы сообщить, что всё пропало?

- Не совсем так, - на лице Так Его появилось нечто, отдалённо напоминающее улыбку. - Я принял решение, но, боюсь, вы его не одобрите. Прежде всего, господа, я хочу задать вам несколько вопросов. Господин Конотоп Рах, как вы оцениваете состояние ваших разработок по созданию маразматических пространств? Только честно.

Конотоп кашлянул.

- Если бы не спешность решения проблемы, я бы настаивал на продолжении работы над проектом. Я не провёл ни одного эксперимента с Плитой и с реальными маразматическими пространствами. Плохо изучены побочные эффекты и последствия эксперимента. Маразм - не такая простая штука, как кажется. Он склонен развиваться, а не просто существовать. Заманчиво, конечно, использовать его в таком хорошем деле, но...

- Понятно, - сокрушённо махнул рукой Так Его. - Вопрос к господину Вам Кого. - Почему вы выбрали в качестве отправного субъекта именно Ясония?

- Понимаете, - смутился Вам Кого, - я выбирал из большого количества жителей Земли, и решающим фактором здесь являлась большая ответственность, лежащая на человека. Мы ведь подключаем его к шине подсознательного доступа к паролям, и мало ли что взбредёт ему в голову... Ясоний - средний человек, ничем не выделяется, без особых амбиций, и, по-моему, он является идеальной кандидатурой... А если честно, я выбрал его наугад. Именно из-за громадной ответственности я лично хотел прибыть на Землю, хотя это и небезопасно. Я попытаюсь оградить его от посторонних вмешательств со стороны, например, других членов Конгресса, защитить в трудной ситуации, дать совет...

Так Его вздохнул:

- Ясно. А теперь, господин Сам Дурак, поведайте нам о своих подвигах. Где вы служили, какие задания выполняли и всё такое прочее...

Сам Дурак на мгновение растерялся, вспомнив, что докладывать Председателю положено стоя, но, сообразив, что встреча носит неофициальный характер, сообщил:

- Я с момента окончания военного училища служу в частях Имперской Безопасности и выполняю задания совершенно различные. В основном они были связаны с особым риском или опасностью, как то: ликвидация последствий крупных аварий и перевоз секретных грузов в обстановке ведущейся войны, диверсии и террористические акты в тылу врага, проведение переворотов в недружественных государствах...

Так Его чихнул, и Сам Дурак сообразил, что он выбалтывает секретную информацию.

- Ну, неважно, - сказал он. - В моём распоряжении находится несколько десятков экосимов и около сотни терминалов, кроме того, мой корабль оснащён самым современным оружием из всего, что имеется в войсках нашей Империи.

Так Его выдвинул кресло из-за стола и встал, начав ходить из угла в угол.

- Дело в следующем, - сказал он. - Лично мне в моём положении решение Конгресса глубоко безразлично. За несколько отпущенных мне дней они даже осудить меня в случае поражения не успеют. Слово, в общем-то, за вами. Я предлагаю вам нарушить один закон во имя спасения другого, а на деле - во имя шести миллиардов разумных существ, обречённых на гибель. Если вы согласитесь, операцию можно начать уже с завтрашнего утра. Собравшись на заседание, Конгресс окажется перед фактом. В случае неудачи вас будут судить - и правильно сделают, но, победив, вы обеспечите себе славу и высокое положение.

- Простите, господин Председатель, - заговорил Вам Кого, - но ведь реализация плана невозможна без Седьмой Плиты.

Так Его повернулся к Сам Дураку:

- Можете ли вы пробраться на флагман лаков и нажать на нижний торец Плиты?

- А у меня есть полчаса времени?

- У вас вся ночь впереди.

- В таком случае ответ утвердительный.

Председатель обратился к Вам Кого:

- Насколько я понял, вы согласны?

- Да, - ответил Вам Кого, - я рискну.

- Хорошо, - Так Его остановился и, скрипнув протезами, вернулся в кресло. -

Должен вас предупредить - только слаженные действия приведут к успеху. И ещё - опасайтесь Свази. Он упрям, как осёл, кроме того, ходят слухи, что он связан даже с йокесами... Впрочем, время - деньги, а для вас, господа, и нечто большее.

- Я и господин Сам Дурак должны приступить прямо сейчас? - уточнил Вам Кого.

Так Его кивнул:

- Разумеется. Я же отвечаю за своевременный подвод войск. Желаю удачи.

Через полминуты кабинет опустел. Так Его запер дверь и, сопровождаемый металлическим стуком, зашагал к лифту.

Глава 10. Противостояние.

Стояла дивная ночь. Впервые за последние дни туман рассеялся, небо над космопортом стало безоблачным, и в нём рассыпались тысячи разноцветных звёзд. Вам Кого шёл очень быстро, вспоминая, не забыл ли он чего, не просчитался ли... Но нет - вроде бы всё было учтено. Только одно начинало его немного пугать - страх перед неизвестностью, которая скрывалась за словами "маразматическое пространство". Но он старался не думать об этом, повторяя про себя, что ради спасения Земли пойдёт на всё. И теперь Вам Кого, готовый к любым неожиданностям, приближался к взлётно-посадочной площадке базы.

"Ого, - подумал он вдруг. - А это ещё что такое?"

Возле выхода из ангара стояло несколько кораблей, и среди них - огромный чёрный диск, принадлежащий Конотопу.

"Куда он собрался лететь?" - удивился Вам Кого и, замедлив шаг, пригляделся к кораблю. У погрузочного люка виднелась фигура Кентела.

Вам Кого взглянул на часы. Время ещё было. Он постоял немного и всё-таки направился к орбитальной базе Рахов.

- Эй! - крикнул он, не дойдя нескольких метров. - Что-нибудь случилось?

Кентел Рах обернулся:

- Корреспондируем корреспондентам корреспонденцию, - промурлыкал он нараспев.

"Ну ладно, - подумал Вам Кого, - я всё равно ничего не добьюсь от этого ненормального". Он повернулся к своему кораблю, но сердце у него было не на месте. Уж больно в странный момент Рахи приводили в порядок свою переписку. Вам Кого перепрыгнул через несколько ступеней трапа и, захлопнув люк, задумался. "Так, - в сотый раз проверил он себя. - Два терминала, две телепортационные установки типа "Коробочка", М-осциллятор... Но, чёрт побери, что же они всё-таки делают?"

Вам Кого давно заметил, что слова Кентела, какими бы идиотскими ни казались, почти всегда имеют смысл. Он сел за пульт и, применив секретный ключ члена Конгресса, попросил дать информацию по текущей переписке Конотопа с внешним миром. Получив сообщение, Вам Кого ахнул: несколько минут назад Рахи отправили письмо, адресованное землянину со странной фамилией Ясоний.

- В этой игре не всё чисто, - произнёс Вам Кого и завёл двигатели. Корабль задрожал, оторвавшись от площадки, и стал плавно подниматься вверх. Эгозон удалялся, и чем меньше становился медленно вращающийся треугольник в иллюминаторе, тем страшнее становилось Вам Кого. Всего через несколько часов он сделает первые шаги в неизведанном ещё мире, имя которому Маразм... От этого начинало подташнивать.

- Ничего, - бормотал Вам Кого, - я обгоню это письмо. Не знаю, что в нём, но так мы не договаривались. Кошка полосатая...

Он не знал, что в это время за его небольшим кораблём, напоминающим серебристую птичку, наблюдают из окна здания Конгресса. Свази держал наготове радиотелефон, но ещё не мог решить, что именно предпринять, так как не вполне понимал происходящее.

Сначала до него дошли слухи о таинственном вечернем совещании у Так Его. Потом он заметил, как Вам Кого и Кентел Рах выносят из здания Конгресса телепортационную установку. Теперь на его глазах с космодрома стартовал корабль Вам Кого.

- Вам Кого пошёл гулять, - пробормотал Свази. - Как же это он так - пропускает заседание Конгресса...

А за кораблём Вам Кого, уже превратившимся в маленькую сверкающую звёздочку, поднималась громадная плоская лепёшка с включёнными прожекторами. Свази скорчил обиженную мину:

- Так не пойдёт, господа из оппозиции. Я тоже давно не нюхал свежего воздуха - и, нажав на хрустнувшую кнопку селектора, приказал:

- Дайте мне Центральную базу.

- База слушает, - послышалось из динамика.

- Подготовьте к вылету челнок номер 23, - проговорил Свази.

- Цель вылета?

- Личные проблемы, - Свази расплылся в улыбке и заложил за голову волосатую ногу.

- Пункт назначения?

Свази задумался, но всего лишь на миг:

- Солнечная система. Планета Земля.

- Принято, - селектор затих.

Свази заглянул в папку для бумаг, убедившись, что небольшой личный пистолет находится на месте, и засунул папку в чемоданчик вместе с радиотелефоном и толстенным описанием планеты Земля.

- По крайней мере, я действую в рамках закона, - произнёс он и зашлёпал босыми ступнями в сторону выхода.

Вам Кого тем временем уже входил в гиперпространство. Он покоился в мягком кресле и думал о том, что же замышляет Конотоп. Теперь уже всё казалось ему очевидным, но он не хотел верить своей догадке.

- Неужели Конотоп сошёл с ума? - бормотал Вам Кого. - Неужели?

Корабль вышел из гиперпространства на небольшой высоте над Землёй - видимо, Вам Кого неточно задал координаты. На него надвигался огромный город, заполненный огнями. Вам Кого быстро включил автопилот и почувствовал, как его прижимает к креслу - торможение было слишком резким. Кровь отлила от головы, и Вам Кого собрал себя в кулак, чтобы не отключиться...

Постепенно корабль выровнялся и заскользил над поверхностью Земли по горизонтали. Вам Кого выбрал указателем на карте конечный пункт маршрута. Корабль начал снижаться, заходя на посадку вдоль русла небольшой речки.

Приземлившись в зарослях кустарника, Вам Кого наспех замаскировал корабль и, взяв с собой чемоданчик с М-осциллятором, стал пробираться к видневшемуся

впереди забору. Обогнув его, он оказался у небольшого четырёхэтажного здания с окнами, похожими на бойницы. Сейчас было лето, школа пустовала, и здесь Вам Кого мог на несколько часов найти себе убежище.

Дверь оказалась заперта. Вам Кого чертыхнулся и принялся шарить в карманах. Нашёл открывашку. После долгой возни замок поддался, и Вам Кого вошёл внутрь.

В холле никого не было. Но Вам Кого решил не рисковать и разместиться в более укромном месте. Такое он нашёл слева от входа, под лестницей. Там он вынул М-осциллятор из чемодана, который тут же использовал как стул, и выставил на индикаторе уровень маразма в 17 Рахов, как рекомендовал Конотоп, после чего включил установку и стал ждать.

Похоже, в здании не было ни души. Время шло. За окнами рассветало. Вам Кого не знал, активизировался ли уже маразм, но пока не чувствовал никаких изменений - скорее всего, Сам Дурак ещё не успел добраться до Плиты. И всё же пора было вызывать Ясония. Вам Кого закрыл глаза и попытался обратиться к Ясонию через шину подсознательного доступа. Он чувствовал, что Ясоний где-то рядом. Вам Кого послал ему приказ двигаться к зданию, в котором Вам Кого находился, и окончил сеанс связи.

Открыв глаза, он чуть не упал с чемодана на пол - перед ним стоял Конотоп, усмехающийся в тигриные усы.

- Ну что, Вам Кого, удивился? - спросил он злобно. - Надеюсь, ты уже вызвал Ясония сюда?

- Да, - пробормотал Вам Кого. - Но почему ты здесь?

- Я с неба свалился, - ответил Конотоп. - Знаешь ли, у меня дело на Земле. Я хочу встретиться с господином Ясонием и попросить его произнести одно известное тебе слово. Благодаря тому, что он подключён к шине, пароль сработает, и это будет конец...

Вам Кого стал белым, как полотно:

- Конотоп, я не понимаю. Зачем тебе это нужно?

- А я - псих ненормальный, - объяснил Конотоп, и с криком "Аста ла виста, приятель!" - выбежал на улицу.

Вам Кого сжал кулаки от злости, но так и не успел решить, что предпринять - в здание ворвался перепуганный молодой человек в потёртых джинсах.

В руке он держал мятый конверт.

* * *

Корабль Сам Дурака подходил к позициям лаков сзади, находясь на безопасном расстоянии. Всё было спокойно. На экране дальнего видения флот лаков выглядел как группа слабых звёзд. Однако с такой дистанции уже можно было телепортироваться.

Сам Дурак пристегнул к бронированному скафандру шлем, повесил на пояс кинжал, мокрый меч, связку тепловых гранат. На одно плечо надел лазерную винтовку, на другое - днхт-пушку. Повертел в руках флистерный пистолет, но решил, что с него проку мало, и взял бластер. Проверил уровень заряда. Поверх ботинок надел на ноги два терминала. Отдал приказ трём экосимам следовать за ним.

Мокрый меч был собственным изобретением Сам Дурака, и он испытывал по этому поводу гордость. Будучи ещё курсантом, он увидел в музее ритуальное оружие, которое применялось во время приведения в должность Председателя Конгресса, и выпросил его себе в качестве сувенира. Меч складывался до размеров мобильного телефона, удобно лежал в руке и обладал чрезвычайно тонким и острым лезвием. От серьёзного оружия его отличало только то, что сквозь микроскопические отверстия в клинке он выделял жидкость, моментально дезинфицирующую и заживляющую раны.

Сам Дурак заменил её составом, вызывающим раздражение и зуд. Противник, раненый таким мечом, уже не мог вести бой в полную силу, вынужденный чесаться и корчиться. У оружия Сам Дурака впоследствии появилось много копий, но именно оригинал сейчас висел у него на поясе и многократно выручал его в передрягах.

Сам Дурак вошёл внутрь высокого белого ящика, напоминающего холодильник, впустил экосимов и закрыл за ними дверь. В потолке загорелась лампа. Сам Дурак набрал на пульте несколько цифр. На маленьком экранчике появилось изображение места назначения - огромный корабль в виде чёрного треугольника. С помощью стрелок на клавиатуре Сам Дурак отцентрировал изображение и стал приближать его. В конце концов, виртуальная камера прошла сквозь обшивку корабля и оказалась внутри. Сам Дурак увидел небольшой пустующий отсек. Из него в две стороны шли коридоры. Лаков видно не было. Сам Дурак повернул камеру вправо. Впереди, довольно недалеко, располагался большой зал. Сам Дурак приблизил камеру к нему и усмехнулся - его взгляду открылась Седьмая Плита, лежащая на синей резиновой подушке.

- Это проще, чем я думал, - усмехнулся Сам Дурак. - Никакой охраны. Никакого защитного поля. Быстро телепортируюсь, жму на Плиту и рву когти. Элементарно.

Он нажал на красную кнопку и провалился в темноту. Через мгновение темнота расступилась, и Сам Дурак снова ощутил себя внутри "Коробочки". Он открыл дверь и убедился, что всё правильно - он оказался на "Лакере", метрах в ста от зала, в центре которого покоилась Плита.

Сам Дурак рванулся вперёд, но тут же, повинаясь инстинкту и наработанной за много лет интуиции, притормозил. Интуиция не подвела – на пороге выросла стена жаркого пламени, так что Сам Дурак еле успел отпрыгнуть назад. Навстречу ему выплывали двое лаков, причём один из них с огнём под мышкой. Бросив вперёд тепловую гранату и отметив, что два экосима лежат, расплавленные, на полу, Сам Дурак перекатился в сторону, выхватывая бластер и начиная отстреливаться.

Тем временем сзади и из коридоров по краям показалось ещё несколько чудищ, и некоторые из них уже успели открыть огонь по непрошеному гостю, а другие усиленно заталкивали языками и зубами патроны в свои ружья. Граната рванула - два ближайших лака развалились на отдельные диски, тяжело рухнувшие на пол.

Сам Дурак, понимая, что теряет драгоценное время, отдал мысленный приказ терминалам подняться и пролететь над лаками к Плите. Лаки тут же начали палить из своих ртов вверх, и ногу резанула боль от пули, пробившей скафандр. Швырнув ещё одну гранату назад, Сам Дурак вынужден был опуститься - путь преграждало десятка два лаков. Сам Дурак сорвал с плеча днехт-пушку и выстрелил в сторону Плиты. Красный днехт забрызгал головы лаков и, сдетонировав через пару секунд, разорвал их в клочья. Однако с флангов наступали и наступали новые особи. Его окружали, но это давало небольшое преимущество - лаки прекратили стрелять, видимо, опасаясь попасть друг в друга. Кроме того, неразбериху вносил единственный выживший экосим Кузя, который быстро сновал между лаками, нанося им глубокие раны своими острыми углами.

Со всех сторон приближались мельтешащие вращающиеся диски. Похоже, лаки собирались просто раздавить обидчика. Сам Дурак, стараясь не смотреть в мутные гипнотизирующие глаза, выхватил меч и принялся работать им. Один из лаков всё-таки выстрелил. Другой, висевший напротив, лишился плавника и принялся бешено шипеть, отступая и расталкивая остальных. Сам Дурак воспользовался замешательством и бросился вперёд. Кузя помогал ему, атакуя лаков сверху и прокладывая дорогу.

Сам Дурак рубил мечом направо и налево без разбора. Он предпочёл бы воевать с людьми, а не с летающими гадами в виде нарезанной колбасы. Их становилось всё больше, они наседали не только с боков, но и сверху, однако меч в руках Сам Дурака

работал как вертолётный винт, и пока лакам не удавалось подобраться к нему вплотную.

Впереди, за рядом лаков, снова мелькнула Плита. Она возлежала на резиновой подушке и моргала индикаторами. До нижнего торца оставались считанные метры.

Сам Дурак полоснул мечом перед собой и прыгнул вперёд "солдатиком", воткнувшись кулаками в Плиту. Огромная кнопка в торце поддалась. В ту же секунду Сам Дурак, перекувыркнувшись, вскочил и приказал лететь назад. Терминалы, плотно сидящие на ногах, оттолкнулись шнурками от пола и понесли Сам Дурака боком сквозь месиво из живых и мёртвых лаков. Сам Дурак одной рукой расчищал путь, другой - сливал из пушки красный тягучий днехт. Пролетев несколько метров, он увидел за собой чудовищную вспышку и разлетающиеся части туловищ лаков.

Сам Дурака швырнуло вперёд, он покатился по коридору и, быстро поднявшись, побежал к "Коробочке". Открыл дверь. Внутри висел лак, пытавшийся разобраться с пультом. Сам Дурак схватил его за нос и резко рванул на себя. Шея лака лопнула, диски раскатились по коридору.

Сам Дурак заскочил внутрь одновременно с Кузей, закрыл дверь и быстро набрал код возврата. Его понесло сквозь пространство. Только сейчас он ощутил, как устал. Он вывалился из "Коробочки" на своём корабле, сделал несколько шагов и плюхнулся в кресло перед главным пультом, пробормотав: «И правда, элементарно». Он быстро включил автопилот, а потом пару минут просто сидел, закрыв глаза, и тяжело дышал. Только немного придя в себя, Сам Дурак оторвался от спинки кресла и бросил взгляд на экраны.

Один из мониторов показывал Землю. Сам Дурак насторожился. Ему показалось, что час назад она выглядела немного иначе. "А вообще-то - шут с ней, - подумал он. - Я своё дело сделал". Он взглянул на другой монитор, который изображал чёрный причудливый корабль под названием "Лакера". Она висела неподвижно минуту или две, потом вдруг резко накренилась и направилась прочь, быстро набирая скорость, а затем размазалась в пространстве, совершив гиперпрыжок.

- Куда это они? - пробормотал Сам Дурак. Однако ему почти сразу стало всё понятно - через секунду "Лакера" возникла на том же мониторе, что и Земля, и начала выравнивать курс. Лаки летели на Землю. Сам Дурак мысленно пожелал Земле удачи.

Он видел, как "Лакера" становится маленькой точкой на фоне Атлантики, и пытался представить себе, что сейчас творится там, за ровным слоем облаков. Но это у него не получалось. И неудивительно - ни одно существо в мире точно не знало, что такое маразм. Не знали пока этого даже те, кто вроде бы имел к нему непосредственное отношение - Конотоп и Кентел Рахи.

Глава 11. Не в своей тарелке

Река Подкаменная Тунгуска, поныне мирно несущая свои воды в Енисей, преспокойно несла их ещё в незапамятные времена, хотя мы о том ныне уже и забывали. Её журчащие сверкающие на солнышке струи не раз задумывались о том, почему она называется Подкаменной, и какой именно камень имеется в виду. Немало вокруг лежало разных булыжников да валунов, но все они были не настолько значительны, чтобы по их наличию назвать целую реку.

И вот, наконец, молитвами несчастной речки, озадаченной собственным именем, в небе возник камень. И упал. Да так, что повалился лес на площади двух тысяч квадратных километров, а сейсмическая волна, регистрируемая

высококочувствительными датчиками и престарелыми параноидальными ревматиками, несколько раз обежала земной шар.

Впрочем, то была не самая крупная катастрофа в истории. К примеру, в шестнадцатом веке Земле стало интересно, а что будет, если немного поразмяться, пошевелить стенами китайских долин, утыканных многочисленными домиками, да и обвалить их к чёртовой матери. Пошевелила, попробовала. Погибло чуть ли не миллион человек.

Однако, если задуматься, даже это не было глобальной катастрофой. Что такое, в самом деле, провинция Шэньси? Менее чем одна двухтысячная часть поверхности Земли. Теперь же нас ожидало нечто, способное уничтожить планету целиком. Причём я ещё не мог понять, чего бояться больше – то ли оружия лаков, которое грозило испепелить планету в одночасье, то ли загадочных слов «степень маразматичности», действие которых мне уже пришлось испытать на себе, вдоволь погоняв по коже стадо мурашек.

Однако же в тот момент я, как ни странно, пребывал в состоянии лёгкой полудрёмы, попивая жгуче-холодную водочку и зажёвывая её ломтиками помидоров.

- Вы спите, что ли, Володя? – вывел меня из гипнотического транса голос Вам Кого.

- Нет, - встрепнулся я, засунув в рот ещё один ломтик. – Я вот думаю... Вот это самое естременте...

Тут мне пришлось подавиться помидором, поскольку рука Вам Кого стремительно зажала мой рот.

- Кхе, - сказал я, освобождаясь. – Простите, забылся. Я хотел спросить – а что, собственно, произойдёт, если я произнесу это слово?

- Это пароль, запускающий конец света, - ответил Вам Кого и разлил ещё.

- Конец света? – переспросил я, чувствуя, как в моей голове всё вертится, и пытаюсь сфокусировать зрение на украшенной татуировкой щеке Вам Кого. – Что такое конец света? Ангелы слетятся в дудочки трубить? Земля взорвётся? Небо рухнет?

- Точно не скажу, ни разу этого не видел, - ответил Вам Кого. Похоже, он тоже пьянел, поскольку сунул вместо лука в рот какую-то веточку. - Но могу сказать, что это конец света не только на Земле. Фу, какая гадость... - Он сплюнул. - Мне кажется, вся Вселенная прекратит своё существование, если вы воспользуетесь паролем.

- Ясно. Хорошо, что вы всё рассказали. Теперь я понимаю, что это просто маразм. Я уж думал, что с ума схожу. Ещё эта обезьяна – психиатр...

- Что? Какая ещё обезьяна?

Я, еле ворочая языком, рассказал про визит к доктору. Когда я уже почти закончил, Вам Кого вскочил и зашагал взад-вперёд, что-то обдумывая.

- Теперь и я всё понимаю, - сказал он злобно. – Это же Свази! Вот продажная тварь... Наверняка это он натравил на вас лаков. От него всего можно ожидать.

Он снова сел на пень и разлил понемногу.

- Ничего, как-нибудь справимся, - сказал он, сглотнув водку. - Но вам здесь находиться теперь опасно. Нужно лететь на Эгозон. Только вот убедиться бы, что маразм действительно остановит лаков...

- Кстати, - вставил я, – а как он должен их остановить?

- Понимаете, Володя, в маразме свои законы. Конотоп лучше бы вам их объяснил, но он, к сожалению, теперь против нас. Я только знаю, что развитой маразм устроен так, что никто не может добиться намеченной цели. То есть всё происходит совсем не так, как мы задумали. Лаки хотят уничтожить Землю, но получают какой-то совершенно неожиданный результат. По крайней мере, я на это надеюсь.

- Вам Кого, - спросил я, - но как же можно жить в таком мире?

- Вы в нём и до этого жили, совершенно того не подозревая, - ответил Вам Кого. - И потом – я не замечаю пока ничего странного...

В этот момент сосна, стоявшая метрах в десяти от нас, возле раскидистого кипариса, начала вращаться. Она сделала несколько оборотов, чуть приподнялась и рухнула, оставляя от себя пенёк с ровным спилом сверху. Упавший ствол поднял облако пыли за спиной Вам Кого.

- М-да, - сказал он. - Похоже, нам надо спешить. – Он опрокинул бутылку с остатками водки себе в рот и встал. - Пойдёмте.

Мы вернулись к холодильнику.

- Залезайте, - сказал Вам Кого.

- В холодильник? – спросил я.

- Это телепортационная установка типа «Коробочка». Иногда ещё «Гробик» называют. Залезайте, не бойтесь.

Я вошёл внутрь. От холодильника, на мой взгляд, это отличалось только отсутствием полок и небольшим пультом внутри. На экранчике отображались заросли кустарника. Вам Кого залез следом, придавив меня к стене. Закрыл за собой дверь.

- Простите великодушно, - пробормотал Вам Кого. - Рассчитано на одного... Хм... Вы не нажмёте там кнопочку? Я не дотянусь.

Я нажал на большую угловатую кнопку под экраном. Холодильник встряхнуло, и стало темно. Затем свет постепенно вернулся, и Вам Кого открыл дверь.

- Что за ерунда? – сказал он удивлённо.

Мы выбрались из холодильника, и я поневоле зажмурился от блеска яркого снега, покрывающего всё вокруг. Пронизывающий ветер заставил съёжиться в комок и идти вперёд, прикрывая глаза рукой. Вам Кого двигался впереди меня, в недоумении озираясь по сторонам, и на его бороде оседали, мгновенно прилипая, снежинки.

Похоже, мы находились на огромной льдине. Я видел со всех сторон вдалеке тонкую полоску мрачного тёмно-синего моря. Ноги проваливались в снег по колено, а холод за несколько секунд пробрал настолько, что я начал дрожать и полностью протрезвел.

- Это не Кунцево, - сделал вывод Вам Кого. – Видимо, произошла ошибка... Давайте назад.

Мы обернулись к «Коробочке», и Вам Кого издал громкий отчаянный вопль. По льдине между нами и холодильником бежала тонкая сверкающая трещина. Она за пару мгновений расширилась до метра, и «Коробочка», оказавшись на самом краю, накренилась и поползла в воду.

- Володя! Хватайте, хватайте! – закричал Вам Кого, размахивая руками.

Холодильник ухнул в полынью и, издав громкий булькающий звук, закачался в воде, погружённый почти полностью, так что снаружи виднелась только верхушка двери, украшенная загадочной надписью «ЗИЛ».

- Мммы же ззздесь ззамёрзнем... – пролепетал я, пританцовывая в сугробе.

- Не успеем, - пробормотал Вам Кого и указал рукой в сторону.

К нам приближались сквозь пургу ещё маленькие, но уже вполне ясные очертания четырёхлапых существ с чёрными точками-носами, усиленно нюхающими воздух...

- Ну и фантазия у вас, Володя! - прокричал Вам Кого сквозь ветер. – Пожалуй, лучше вам не пить...

Я оцепенел на секунду, потом заплетающиеся ноги сами понесли меня прочь. Мороз стиснул голову, футболка встала колом, и я, ничего не соображая, пробирался сквозь глубокий снег, и мне казалось, что я уже слышу сзади дыхание голодных зверей...

Моя рука уткнулась в скользкий и холодный деревянный предмет. Я сначала даже не осознал, что это болтается передо мной в воздухе. Верёвочная лестница? Я поднял голову и увидел, что над нами в небе висит громадный чёрно-жёлтый диск, по краям которого написано светящимися буквами: «Землян просим не обращать внимания».

- Это корабль Конотопа, - сказал Вам Кого. – Цепляйтесь, выбора нет.

Я ухватился за ступеньку, подтягиваясь, и попытался поймать ногами конец лестницы. Это было нелегко, но, в конце концов, я справился и полез наверх, цепляясь за всё новые деревяшки, стремящиеся выскользнуть из рук. Диск приближался. Подо мной сопел Вам Кого, и я чувствовал, что подъем даётся ему ещё с большим трудом.

Медведи стояли на льдине и смотрели вверх, и на мордах было написано нескрываемое вполне человеческое огорчение. В тот момент у меня промелькнула мысль, что не бывает таких медведей, и всё происходящее – просто сон... Однако из открытого люка, куда постепенно поднимались мы по лестнице, пахнуло теплом, и это придало мне сил, чтобы заметно ускориться.

Наконец, под нами, причмокнув, сомкнулись ржавые треугольные створки с прорезиненными краями.

- Шлюзовая камера, - пояснил Вам Кого, тяжело дыша и выпуская из рук лестницу. Я тоже порядком утомился цепляться за скользкие ступени, и теперь отдышал, воспользовавшись паузой. Мы висели на стенке проржавевшего металлического цилиндра, схватившись за торчащие внутрь крючья. Один из них, на котором примостилась моя левая нога, подозрительно пошатывался, и поэтому правой ногой я шарил в воздухе, пытаясь нащупать опору.

Вскоре над головой разъехались такие же железные пластины, как и внизу, и мы стали карабкаться выше. Через минуту Вам Кого, а за ним я, выбрались на пол мрачного большого отсека, заваленного металлическим хламом.

- Конотоп вечно собирает всякое старое барахло, - произнёс Вам Кого, поднимаясь с пола.

Не успел он закончить фразы, как сверху, из ржавого потолка, усеянного мерцающими тусклыми лампочками, упала тяжёлая круглая клетка, окружившая нас со всех сторон. Вертикальные прутья толщиной в палец, составляющие её, с грохотом вошли в отверстия в полу и остановились, вибрируя от удара.

- Что это? – спросил я.

Вам Кого хмуро покосился на меня и сказал:

- Мы в плену у Конотопа.

- Совершенно верно, - послышалось из дальнего конца зала. В полумраке блеснули зелёные глаза, которые приближались к нам, покачиваясь в такт мягкой кошачьей походке.

- Здравствуй, Вам Кого, - сказал Конотоп. – И ты, Володя, здравствуй. Рад, что лаки тебя не сожгли. Мне немного досталось. Видите подпалину на боку? Еле убежали с Кентелом... Но я не о том. Как ты правильно заметил, Вам Кого, вы у меня в плену. И будете здесь оставаться до тех пор, пока не скажете моё любимое слово. Мне всё равно, кто из вас. Оба вы подключены к шине доступа, так что для меня большой разницы нет.

- Конотоп, ты знаешь, что я никогда этого не сделаю! – воскликнул Вам Кого. – Я же не самоубийца и не маньяк-психопат, который хочет уничтожить триллионы разумных существ.

- Маньяк! Психопат! – раздался истерический выкрик сзади, такой громкий, что я чуть не оглох. Я оглянулся. С обратной стороны клетки пританцовывал Кентел, корчивший нам рожи.

- Я удивляюсь тебе, Вам Кого, - вздохнул Конотоп, хмуро глядя в пол. - В твоих руках уже несколько лет находится такая огромная власть. Неужели ты ни разу не

хотел ей воспользоваться? Неужели ты никогда не находился в таком настроении, что тебе хотелось сказать: «А гори оно всё Синим Пламенем!», или, что то же самое, «естрементеракориндо»?

- Нет, Конотоп, - ответил Вам Кого. - Не хотелось. Я люблю жизнь, мне нравится этот мир, и я постоянно чувствую ответственность за него...

- Может быть, это тебя убедит? – пробормотал Конотоп. – Эй, балбес, катись сюда! – крикнул он в сторону.

Справа, возле стены, зашевелилось существо, напоминающее большой железный ящик на гусеницах и с крылышками, которому кто-то для смеху приделал сверху шарообразную блестящую голову. Робот развернулся к нам брюхом, большую часть которого занимал огромный монитор. По экрану бежали последовательности загадочных символов.

- Я не балбес, - скрипучим механическим голосом произнёс робот. – Я – машина бытовая универсальная со встроенным мини-баром и улучшенными коммуникационными возможностями марки «Пэк-Сот», модель 117Б, поколение третье.

- Ты одновременно и машина, и балбес, и морально устаревшая уродливая развалина, - возразил Конотоп. – Двигай сюда, пока башку не оторвал.

«Пэк-Сот» обиженно моргнул глазами-лампочками и с омерзительным скрипом подъехал к нам. Конотоп ткнул когтем в одну из кнопок под монитором. Толпа бегущих иероглифов сменилась изображением зарослей кустарника. В правом нижнем углу экрана светились цифры и буквы – похоже, координаты наблюдаемого места. Конотоп вонзил коготь в резиновый микроджойстик и покачал его в разные стороны, вращая камерой.

- Видишь, Вам Кого? – спросил он. – Как ты думаешь, что это?

Экран показал нам серое каменное яйцо, уютно примостившееся в кустиках. На поверхности яйца светился продолговатый индикатор, напоминающий шкалу термометра. Зелёный цвет заполнял чуть больше половины.

- Я знаю, что это, Конотоп, - тихо произнёс Вам Кого. - Это аннигиляционный заряд лаков.

- Правильный ответ, - весело отреагировал Конотоп, ударив хвостом по прутьям клетки. - Сегодня лаки разместили 761 такой заряд по всей поверхности Земли. Приблизительно через час они сработают. Земля перестанет существовать. Знаешь, что с тобой сделают в Конгрессе, Вам Кого? Связи смешает тебя с грязью, а Так Его больше руки не подаст. Твоя карьера подойдёт к концу...

- Но ты же говорил, что лаки не смогут уничтожить Землю в условиях маразма! – возмутился Вам Кого.

Конотоп вздохнул.

- Позволь мне кое-что объяснить тебе о маразме. Ты, Ясоний, тоже послушай, это полезно. Маразм – штука сложная, его нельзя предсказать. Ваше подсознание рождает образы других людей и предметов, у которых также есть своё сознание и подсознание. К примеру, у кого-то из вас в голове существует ящик апельсинов. Есть вероятность, что он появится в реальности. Но у этого ящика своё представление о реальности, и у каждого апельсина тоже, и вас они могут представлять совсем не так, как вы представляете себя сами. Соответственно, апельсины зависят от вас, а вы от апельсинов. И так постепенно вы меняете мир, а мир вас, и чем это кончится, никто не знает. Маразм существовал на Земле всегда, задолго до того, как ты, Вам Кого, притащил сюда М-осциллятор. Но у маразматического пространства есть огромное множество различных количественных характеристик, которые определяют то, что в нём происходит. Самая важная из них – степень маразматичности. В обычных условиях она колеблется где-то в районе единицы. Когда ты задействовал установку, степень маразматичности начала расти, стремясь к 17 рахам. При уровне в 17 рахов

вероятность, что у лаков получится аннигилировать Землю, довольно мала. Оценить точно трудно, но, думаю, где-то один к десяти. Она становится бесконечно малой, когда степень маразматичности стремится к бесконечности. Я понятно излагаю?

- Нет, - сказал я.

- Да, - грустно отозвался Вам Кого.

- А вот приборчик, который показывает текущую степень маразматичности, - торжественно произнёс Конотоп, подняв лапой с пола пластмассовый предмет с ручкой, похожий на ракетку для настольного тенниса. На индикаторе светились цифры: «4,6», затем они сменились на «4.7», через секунду на «4.8», потом снова вернулось «4.7», и вдруг «5.1», застывшее на индикаторе надолго.

Конотоп выключил прибор и пояснил:

- Никто, включая меня, не знает, с какой скоростью будет повышаться степень маразматичности и что реально произойдёт, когда заряды лаков сработают. Никаких гарантий нет, по крайней мере, до тех пор, пока маразм не наберёт полную силу.

- Почему ты не сказал этого раньше?! - возмущённо выкрикнул Вам Кого.

- Во-первых, я и сам не знал, что реально получится. Во-вторых, мне ужасно хотелось попробовать. А в-третьих, я надеялся, и сейчас ещё надеюсь, что Ясоний произнесёт «Естрементеракориндо»... - Конотоп приблизился к клетке и посмотрел мне в глаза. - Володя, ну неужели тебе хочется жить в этом злобном мире, который сходит с ума? Ведь так просто положить всему конец, произнеся всего одно слово...

- Конотоп, прекрати! - Вам Кого с силой стукнул по решётке кулаком, отчего она загудела и вздрогнула. - А вы, Володя, его не слушайте. Мы что-нибудь придумаем.

- В белокаменном лесу трупы варят колбасу! - громко пропел Кентел за нашими спинами.

- Пошли отсюда, Кентел, - сказал Конотоп. - Пусть думают. Надо взять курс на Москву. Хочу лично увидеть, как будут исчезать дома, и асфальт на улицах испаряться... Пэк-Сот, на место. Если будут шуметь, зови нас.

- Слушаюсь, - проскрипел «Пэк-Сот», разворачиваясь и отъезжая к стене.

Конотоп пошёл прочь, в темноту. Кентел вприпрыжку последовал за ним, пытаясь схватить за хвост.

- Конотоп, стой! - закричал Вам Кого. - Выпусти нас! Ух, если я до тебя доберусь... Кошка драная...

Он бессильно опустил лапу на пол и сел по-турецки.

- Что будем делать? - спросил я.

- Не знаю, - сказал Вам Кого. - Интересно, как они нас нашли? Небось, Конотоп к «Коробочке» радиомаячок приделал.

- Э... Если бы не нашли, то нас бы слопали медведи, - заметил я.

- Вы правы... Но как же это всё глупо... - Вам Кого обхватил голову руками и зажмурился. - Неужели из-за меня, старого осла, исчезнет лучшая планета в Галактике? Вам, Володя, конечно, всё равно, но я-то очень люблю Землю. Я не могу представить, как это всё растворится в пустоте, и я больше никогда не смогу сюда прилететь, погулять по улицам, посидеть в кафе, послушать музыку, посмотреть ночью на небо, покрытое звёздами... Что же делать? - Вам Кого вдруг резко встал и энергично заходил по клетке туда-сюда. - Во-первых, надо выбраться. Во-вторых, надо как-то обезвредить аннигиляторы.

- А это возможно? - спросил я.

- Не знаю, - ответил Вам Кого. - Они автономны, срабатывают по времени. Даже если мы придумаем, как их отключить, все облететь всё равно не успеем.

- А на каком принципе они основаны? - поинтересовался я.

- Ну... Внутри этих яиц пространство свёрнуто в бесконечную спираль с помощью Второй Плиты и заполнено большим количеством антивещества... Чёрт, Володя, вам не кажется, что сейчас не время для лекций?

- Извините.

- Нам надо как-то сломать эту клетку! – Вам Кого внезапно прыгнул на прутья решётки, схватился за плечо и прикусил губу. – А! Больно же...

Я подошёл к прутьям и попытался их раздвинуть. Безрезультатно.

- А чем эта решётка управляется? – спросил я. – Должен же быть подъёмный механизм.

- Я думаю, это одна из кнопок на пульте вон там, вдали, - сказал Вам Кого.

Я всмотрелся в сумрак. Метрах в тридцати от нас светились разноцветные лампочки и яркий экран, под которыми располагался небольшой пульт.

- Может, туда кинуть что-нибудь? – неуверенно спросил я.

- Ну да, - скептически хмыкнул Вам Кого. – Не добросите. Если даже добросите, попадёте не в ту кнопку, и черт его знает, чем это кончится. Кроме того, Пэк-Сот поднимет шум и позовёт Конотопа.

- А нельзя кого-нибудь отсюда вызвать? – пролепетал я. – Ну, там, девять-один-один или полицию хотя бы...

- При чём тут полиция? – не понял Вам Кого. – Вот если бы вызвать моего терминала... Он в корабле остался. Может быть, он смог бы как-то проникнуть внутрь и поднять решётку. А потом мы бы могли сесть в космокатор и потихоньку улизнуть. Видите, Володя, там габаритные огни моргают?

Я кивнул.

- Это «Линк». Небольшой катер, далеко на нём не улетишь, но до Земли доберёмся.

- Так давайте вызовем вашего терминала! – обрадовался я. – А, кстати, что такое терминал?

- Володя, - недовольно нахмурился Вам Кого, - ну что вы, книжек не читаете? Терминал – это многофункциональное устройство в форме ботинка. Летать может, довольно неплохая вычислительная мощность... Только вот мой телефон здесь не берет, так что вызвать его я не смогу.

- А на корабле есть же какая-то связь? – спросил я.

- Конечно, все устройства здесь подключены к беспроводной сети, и через неё... - лицо Вам Кого просветлело. – Володя, а вы молодец. Есть идея! Рискованно, но может получиться. Хм... Давайте отвернёмся, а то вдруг «Пэк-Сот» по губам прочитает.

Мы, словно заговорщики, повернулись спинами в сторону робота, и Вам Кого зашептал мне на ухо:

- Этот робот – очень старая и несовершенная модель. Я вообще, кстати сказать, не понимаю, на кой чёрт нужен робот без манипуляторов... Хм... Но я не о том. У него в голове – мозг со слабеньким искусственным интеллектом, а в туловище – все остальные системы, включая связь. Он может вызвать Конотопа либо голосом, либо через сеть. Голосом докричаться трудно, Рахи на верхней палубе. А если мы открутим антенну...

Я соглашался, кивал, сознавая, что план неплохой. Однако через минуту понял, что уже не слушаю Вам Кого. Мне вдруг снова начало казаться, что всё происходит словно во сне. Ведь это же было бредом... Летающий ботинок. Тупой робот без рук. Яйца, уничтожающие Землю...

- Вы поняли, Володя? – спросил Вам Кого.

- Э... Да, - ответил я.

- Хорошо. Попробуем, - Вам Кого развернулся и подошёл к решётке. – Хм... Милейший!

- Вы мне? – проскрипел «Пэк-Сот», заморгав лампочками на голове – видимо, выходил из спящего режима.

- Да, - сказал Вам Кого. - Ты не мог бы подъехать поближе? Есть разговор.

- Нет, - ответил «Пэк-Сот». - Я выполняю приказы только своих хозяев или лиц, авторизованных ими.

- Хм... Похвально, - произнёс Вам Кого задумчиво. – Ну а если нам, гостям твоих хозяев, вдруг станет плохо?

- Вызову их, - ответил Пэк-Сот. – Вам плохо?

- Нет-нет, - спешно отозвался Вам Кого. - Нам хорошо... Чёрт, - добавил он уже тише, себе под нос, и на мгновение задумался.

- Вам что-то ещё нужно? – спросил Пэк-Сот.

- Э-э... - лицо Вам Кого вдруг просветлело. – А что есть у тебя в мини-баре?

- Минеральная вода, холодный чай, пиво, ром, виски, текила, водка....

- О! – воскликнул Вам Кого. - Водка почём?

- Ноль целых двадцать пять сотых энергетической единицы за бутылку.

- Даю две единицы! – Вам Кого извлёк из кармана миниатюрное устройство с парой кнопочек, одну из которых он нажал.

Глаза «Пэк-Сота» вспыхнули ярче. Он быстро подкатился к решётке, передняя панель на его брюхе отъехала вбок вместе с монитором, и он с вежливой интонацией произнёс:

- Прошу!

В мини-баре блеснул рядок разнообразных бутылок. Вам Кого незаметно подмигнул мне, а сам начал копать внутри:

- Так... Эту я не люблю... Это вообще не водка... Может, вот эту взять?

Я стоял справа от «Пэк-Сота». Прямо передо мной, сантиметрах в двадцати от лица, из плеча робота торчала небольшая ржавая антенна. Я осторожно протянул руку, схватился за неё и начал вращать против часовой стрелки. Антенна стала медленно выползать вверх.

- Может быть, всё-таки виски... - бормотал Вам Кого.- Хотя нет, водка намного лучше...

«Пэк-Сот», похоже, заподозрил неладное.

- Что происходит? – пророкотал он скрипучим голосом и дёрнулся назад. Антенна, уже полностью выкрученная из гнезда, осталась в моей руке.

- Ничего, - сказал Вам Кого и резко ткнул пальцем в динамик, расположенный слева от монитора. Пластик лопнул, и «Пэк-Сот» лишился возможности говорить, издавая только злобные шипящие звуки.

- Володя, держите его! – крикнул Вам Кого.

Мы вцепились в углы ящика, притягивая его к решётке. «Пэк-Сот» остервенело завращал гусеницами и замахал железными крыльями, похожими на крышки кастрюль. Экран отобразил мигающую красную надпись на чёрном фоне.

Мои руки соскальзывали, я с трудом удерживал трепыхающийся ящик, который то подлетал на несколько сантиметров вверх, то тяжело плюхался обратно. Вам Кого ухватился за голову «Пэк-Сота», крутанул её, дёрнул вверх, и она оторвалась от тела, взлетев под потолок. Робот обмяк и замер.

- Фу... - устало произнёс Вам Кого. - Ну и силища у него, аж вспотел. Володя, втыкайте антенну обратно.

Я послушно вкрутил антенну в гнездо. Вам Кого задвинул крышку мини-бара и стал нажимать кнопки под монитором. На экране появилось изображение облаков, проплывающих под нами.

- Мы в сети, - сказал Вам Кого. – Это одна из камер наружного наблюдения.

- Странно, - пробормотал я. – А почему нас не засекают системы ПВО?

- Потому что нас нет, - ответил Вам Кого. - У всех современных кораблей есть защита от обнаружения. Мы передаём в информационное поле вокруг себя данные о том, что нас не существует. Визуально, правда, можно заметить, но кто же в наши дни смотрит в небо? Кстати, мы, похоже, подлетаем к Москве с севера. Ещё далеко.

Он набрал несколько команд. Бегущей строкой вниз экрана побежал загадочный текст.

- Терминал вызван, - прокомментировал Вам Кого. - Через несколько минут будет здесь. Можно и отдохнуть. Может быть, в последний раз...

Вам Кого снова отодвинул створку мини-бара и уставился на бутылки. Достал одну, повертел в руках. Потом хмуро заметил:

- Нет. Нельзя пить, когда Земля в любой момент может исчезнуть, - и сунул бутылку во внутренний карман пиджака, отчего стало казаться, что у него выросла одна женская грудь.

Голова «Пэк-Сота» с грохотом упала на пол, покотившись в сторону тёмного угла.

- Где она летала всё это время? – удивился я.

- В маразме, Володя, лучше не задумывайтесь о таких вещах – свихнётесь, - добродушно отозвался Вам Кого.

- Интересно, - сказал я. – А если я свихнусь, я почувствую разницу?

- Никогда нельзя ничего утверждать, пока сам не попробуешь. О! Вот и он! Удивительно быстро!

На мониторе показалась чёрная точка, приближающаяся снизу. Постепенно она приняла очертания высокого потёртого армейского ботинка со шнурками. Вам Кого набрал пару слов на клавиатуре.

- Терминал будет пытаться прорваться снизу, через шлюзовую камеру, - пояснил он мне.

- А мы сами не можем попробовать раздвинуть створки? – спросил я.

- Не думаю, что это получится, - ответил Вам Кого.

- А почему у терминала получится?

- Ты прав, - согласился Вам Кого и приготовился что-то набирать на клавиатуре.

Корабль вздрогнул от тяжёлого удара снизу.

- Хотя... - пробормотал Вам Кого. - Пусть попробует.

Ещё удар. Затем ещё. Моргнули одновременно все лампы в помещении. Затем по экрану вновь побежала бегущая строка.

- Терминал сообщает, что створки слишком прочные, он попробует через воздухозаборник атмосферного двигателя.

- Что здесь творится?! – раздался рёв из темноты. К нам приближался Конотоп с недружелюбным выражением морды. Он уставился взглядом в угол, где поблёскивала голова «Пэк-Сота», потом посмотрел на нас.

- Вы балбеса сломали? – его голос дрогнул.

- Мы его не трогали, - вырвалось у меня. - Он сам...

В этот момент корабль сотряс ещё один удар, слева и сбоку.

- Что это? – спросил Конотоп.

Мы не ответили. Тогда он издал глухое злобное рычание и снова скрылся во мраке.

- Надо найти нужную камеру, - сказал Вам Кого и снова начал нажимать кнопки. На экране сменялись разные изображения – пустой отсек с кроватью и креслом, потом вид сверху на белый унитаз, затем ещё одно помещение – похоже, рубка управления – где Кентел вертел над головой огромным тяжёлым мечом. Наконец, мы увидели верхнюю поверхность корабля, снятую с одной из возвышающихся над ней антенн. Тарелка неслась вперёд, рассекая набегающие облака, и под её край ускользали всё новые малюсенькие домишки.

Ещё удар. Мимо камеры прошмыгнул стремительный маленький предмет. В ту же секунду прямо перед ней, метрах в десяти, открылся люк, из которого показалась голова Конотопа. Шерсть развевалась на ветру, пасть двигалась, словно изрыгала проклятия, а в одной из лап блеснуло металлическое оружие, напоминающее пистолет.

- Конотоп – лопух, - сказал Вам Кого. – Ну кто же бластером сможет попасть в терминала? Тем более в полёте. Да ещё маразм.

Конотоп выстрелил почти в сторону камеры. Из ствола бластера выпорхнул сгусток энергии и стал с бешеной скоростью вращаться вокруг Конотопа, словно электрон вокруг атома, а затем сорвался с орбиты и взмыл вверх.

- Я же говорил, - хмыкнул Вам Кого. - Обратите внимание, Володя, на приборчик на полу.

Я на мгновение оторвался от монитора и увидел, что прибор для измерения уровня маразма, оставленный Конотопом неподалёку от решётки, показывает «10.7». Ещё один удар сотряс корабль. Посмотрев снова на экран, я удивился:

- А где же Конотоп?

- Ушёл, - ответил Вам Кого. - Видимо, сдался.

Не успел он договорить, как в люке снова показалась морда Конотопа, ещё более злая, чем прежде, а затем и обе лапы, сжимающие между собой крупную металлическую конструкцию, состоящую из пары цилиндрических баков, приклада и ствола.

- О Боже! – вскрикнул Вам Кого. - Это же днехт-пушка! Конотоп, нет!

- Он вас не слышит, - заметил я.

Конотоп направил пушку на нас – вернее, на камеру. Мимо объектива пару раз пронёсся терминал, видимо, пытаясь увернуться. Из дула пушки выплеснулась красная тягучая жидкость, залившая поверхность корпуса возле люка.

- Сейчас рванёт... - прошептал Вам Кого.

Яркая вспышка озарила экран. Корабль вздрогнул и жалобно заскрежетал. На потолке потухли лампы. Я почувствовал, как пол под ногами уходит вниз. Железки, загромождающие помещение, поползли влево.

- Похоже, корабль потерял управление, - сказал Вам Кого.

Я бросил взгляд на экран. Конотоп лежал на поверхности корпуса, ухватившись передними лапами за отогнутую часть разорванной обшивки. У него были обожжены усы и рассечено левое ухо. Мне показалось, что в уголке глаза блестит слеза. У меня мелькнула мысль, что тигры не плачут. Но ведь и не говорят....

Корабль кренился набок. Резким толчком нас швырнуло на прутья решётки. Корпус «Пэк-Сота» покатился по полу, кувыряясь. Последнее, что я увидел на мониторе – Конотоп разжал когти и полетел вниз, сквозь стремительный поток воздуха, к маленькому продолговатому сооружению на Земле, в котором я успел узнать Останкинскую башню.

Корабль переворачивался вверх ногами. Я вцепился пальцами в решётку, но очередной толчок оторвал меня от неё и подбросил вверх, ударив затылком и спиной о потолок. В голове помутилось.

- Мы разобьёмся? – прохрипел я, пытаюсь привстать.

- Возможно, - отозвался Вам Кого из пространства над моей головой.

Тут я услышал скрежет. Путь решётки просвистели мимо, убираясь в отверстия.

- Он успел! – воскликнул Вам Кого. - Бежим!

Я почувствовал, как он стиснул моё запястье и метнулся во мрак, увлекая меня за собой, к мерцающим огонькам космокатора. Подбежав вплотную, Вам Кого дёрнул за ручку на борту, заставив откинуться причудливой формы крышку кабины. Катер

нависал над нами, словно игрушечный самолёт, подвешенный вверх ногами под потолком.

- Как же залезть? – пробормотал Вам Кого.

Однако корабль тут же тряхнуло и кувыркнуло в очередной раз, так что нас оторвало от пола и швырнуло прямо в кабину. Я приземлился на бок в мягкое кожаное кресло. В руки Вам Кого спланировал большой коричневый ботинок с развевающимися шнурками.

- Молодец, молодец, - сказал Вам Кого, откладывая ботинок в сторону и тыкая в кнопки на пульте. – Потом поласкаешься, некогда.

Катер резко сорвался с места, в залитое светом пространство, и меня затошнило от подкатившего к горлу содержимого желудка. В соседнем кресле сидел Вам Кого с всклокоченной бородой. А над катером, сверху, висела охваченная огнём огромная тарелка Конотопа, медленно разваливающаяся на два огромных куска. Мне показалось, что в трещине мелькнула фигура Кентела с мечом в руке.

Наш катер разогнался, облака летели за стеклом кабины прочь, и я понял, что постепенно прихожу в себя.

- Не говори ничего, - тихо произнёс Вам Кого. – Они были лучшими учёными во Вселенной.

Я сел прямо и обернулся. Гигантский корабль стал маленьким ярким факелом, стремительно летящим к поверхности земли, и вскоре его уже невозможно стало рассмотреть.

Я бросил взгляд на приборную доску. Множество экранчиков с постоянно меняющимися цифрами, комбинации горящих лампочек, качающиеся стрелки не говорили мне ровным счётом ничего. Тесная кабинка напоминала салон двухместной микролитражки, так что никакой экзотики я не ощущал – разве что мелькающие внизу здания.

- Летим в Кунцево, - сказал Вам Кого. – Там одно из яиц, если я правильно разглядел координаты, и мой корабль. Надеюсь, дотянем. Топлива почти нет.

Он извлёк из-за пазухи бутылку водки, с хрустом открутил пробку и приложился к горлышку на несколько секунд, прикрыв веки.

Потом обратился на меня свои красные глаза и заговорил:

-Я знал Рахов с детства. Так получилось, что я дружил с их отцом, Чебуром. Он был известным психиатром. Как у вас говорят, светило. У него ещё брат мой... Кхм... Неважно. Мать их никто не знал, но я подозреваю, что она с Киноса – там у многих такие зрачки. А Чебур Рах погиб, когда Конотопу было семь лет – неудачно продемонстрировал на себе трепанацию черепа во время лекции студентам. Я хотел усыновить детей, но мне отказали – жены у меня не было, ну, и другие причины... Я смог пристроить их в хороший интернат, надеялся приглядывать, но политика закрутила, и только спустя много лет я узнал, что братья Рахи всерьёз занялись наукой. Я застал их в очень трудном положении... Не хотите?

Он протянул мне бутылку с влажным от слюны горлышком. Я потянулся к ней, но Вам Кого тут же передумал:

- Нет. Вам нельзя. У вас фантазия разыграется. Придумали тоже – медведи! – Он покачал головой, влил в себя ещё немного водки и продолжил:

- Первую их статью, «Диалог о двух системах мира», восприняли вполне благожелательно. Говорили, что в ней есть интересные мысли, а общий нестандартный подход списывали на молодость. Однако уже в следующей работе, «О бесконечности, Вселенной и мирах» они показали, что настроены всерьёз изменить представление о современной физике, и этого сообщество им не простило. Их перестали печатать, не предоставляли лаборатории, а в конце концов, после пары разгромных статей в их адрес, выселили из университетского городка. Тогда я выбил Рахам помещение в здании Конгресса. Честно сказать, я мало что понимал в их

трудах, и мной руководило не желание поддержать исследования, а скорее чувство вины за то, что я их оставил. Теперь мне и дальше придётся с ним жить. Надеюсь, что осталось недолго...

Вам Кого помрачнел и замолчал. Я хотел его подбодрить, но всё никак не мог подобрать слов, и поэтому просто сказал:

- Э... Кажется, мы падаем.

В тот же миг корпус катера вздрогнул, и нас стало швырять в воздухе, словно таракана в унитазе.

- Не волнуйтесь, Володя, - произнёс Вам Кого. – Просто топливо кончилось. Придётся выбросить тормозной парашют.

Он потыкал пальцами в пульт, обернулся, взглянув в заднее стекло, и промямлил:

- Так и не приучился Конотоп к порядку... Парашютов-то нет.

Мы продолжили беспорядочное падение. Воздух за стёклами ревел, катер трясся, и я увидел, как большой кусок красного металла с хрустом оторвало от корпуса, унеся вверх.

- Крыло потеряли, - прокомментировал Вам Кого, отхлебнув из бутылки. – Пристегнитесь, будем катапультироваться.

- А? – не расслышал я, и тут же почувствовал, как в кабину ворвался разъярённый воздух – это откинулась крышка. Кресло впилось мне в спину, и я вылетел наружу. Снизу что-то бабахнуло, меня обожгло языком огня, затем я увидел стремительно приближающийся снизу кустарник и рухнул в него, едва успев прикрыть глаза рукой и почувствовать, как деревянные прутья обдирают кожу. Сверху свалилось моё кресло. Я кое-как выполз из кустов, сел, удивляясь, что не переломал костей, и потряс головой.

Сверху, словно на троне, спускался на кресле, подвешенном под небольшим парашютиком, Вам Кого в белой шляпе и с наполовину опустошённой бутылкой в руке.

- Что же вы, Володя, парашют не раскрыли? – поинтересовался он. – И не пристегнулись...

- Я думал, он сам... – пробормотал я и, покачиваясь, встал. Спина ныла, на губах чувствовался вкус крови.

- Не будем терять время, - сказал Вам Кого, поднимаясь с кресла и хватая меня за руку. – Яйцо должно быть там.

Он махнул рукой в сторону маленькой поросшей тиной речушки, и я заковылял за ним, вяло удивляясь про себя, как в его возрасте можно сохранить столько энергии.

- Ага! – закричал он через мгновение. – Вот и оно...

Я подошёл поближе и сквозь плывущие перед глазами круги увидел огромное, метра два в высоту, яйцо из серого камня, уютно притулившееся среди травы в небольшой ямке острым концом вверх. На его боку была закреплена чёрная пластмассовая панель с индикатором, почти полностью заполненным зелёным цветом.

- Значит, так... – быстро заговорил Вам Кого. – У нас всего пара минут. Надо, чтобы яйцо не вскрылось. Если вскрыется, освободится антивещество, и километров на пятьсот вокруг всё исчезнет, выделив огромное количество энергии. Я, к примеру, не знаю, чего больше хочу – поджариться или просто улетучиться... Можно попытаться отодрать индикатор... – Он схватился за панельку, но тут же отпустил. - Хотя чем это поможет? Думайте, Володя, думайте!

- Не могу, - прошептал я. – Кажется, у меня сотрясение...

Вам Кого бросил на меня сердитый взгляд.

- Что за чепуха! – воскликнул он. – С чего это у вас сотрясение? Вот в семь тысяч восемьсот семидесятом – в девяносто восьмом по-вашему – мой корабль вышел

из гиперпространства прямо в центр Солнца. Конечно, я был в шоке! Но, как видите, никакого сотрясения, хотя мозг у меня тогда ещё был...

В эту секунду раздался треск, по поверхности яйца побежали тоненькие ветвистые трещинки, и я почувствовал резкую боль в запястье – это Вам Кого вцепился мне в руку.

- Сейчас рванёт! – крикнул он, схватился за шляпу той же рукой, которой держал бутылку за горлышко, и закрыл один глаз. Я же стоял, как вкопанный, и тупо смотрел на яйцо.

Оно вздрогнуло, словно внутри него кто-то подпрыгнул. Потом от скорлупы отвалился большой угловатый кусок, и в отверстие высунулся отвратительнейшего вида красный клюв.

- Что это? – опешил Вам Кого.

Отверстие расширялось, из него показалась обугленная голова с большими мутными глазами, гребнем и драными серьгами. Зрачки беспорядочно вертелись, пока один из них не устоялся прямо на нас. Яйцо затрещало, распалось, и на свет появилась большущая ошипанная птичья туша с золотисто-чёрной корочкой, с которой отваливались подгоревшие крошки.

Птица выпрямилась в два или три человеческих роста и сделала уверенный шаг в нашу сторону. Хотя мы в тот миг уже со всех ног бежали прочь.

- Корабль у забора! – вопил Вам Кого. – Левее, левее!

Чудовище, неуклюже растопырив лишённые перьев крылья, вразвалочку трусило за нами на своих кривеньких когтистых красных лапах.

Возле чугунной ограды, в небольшом овражке, нас поджидало серебристое пятиметровое сооружение, напоминающее маленький поставленный на попа реактивный самолётик. Оно было наспех заброшено выдранными из земли кустиками и еловыми ветками, которые Вам Кого начал тут же разгребать.

- Помогайте, Володя! – крикнул он.

В эту же секунду доковылявшая до нас птица склонилась над Вам Кого и с размаху долбанула его клювом по шляпе, отчего та свалилась, обнажив дырявую голову.

Старик вскрикнул и осел на землю, сжимая разлапистую ветку в руках.

- А ну пшёл! – завопил я и стал тыкать в глаза обгорелого монстра подвернувшейся под руку суковатой палкой. Тот заклекотал, замахал крыльями, но попятился, удивившись неожиданному сопротивлению. Наконец мне удалось нанести ему ощутимый удар в лоб, и с гребешка на морду заструилась кровь. Вам Кого тем временем пришёл в себя, открыл ключом дверь, и мы заскочили в корабль.

Дверь сотряс мощный удар снаружи, затем раздалось залиvistое «Ку-ка-ре-ку!»

- Давненько не клевал меня жареный петух, - пробормотал Вам Кого.

Мы находились в крохотной комнатке, посередине которой поднималась вверх блестящая винтовая лестница. Вам Кого взобрался по ней, я последовал за ним, в достаточно просторную металлическую кабину, в центре которой располагался пульт с многочисленными мониторами, вокруг – четыре кресла, а на стенах – овальные вытянутые сверху вниз иллюминаторы.

- А туалет здесь есть? – поинтересовался я.

- Вон дверка, - махнул рукой Вам Кого. – Только поторопитесь.

Я зашёл в тесную кабинку, посидел для порядка на унитазе, потом встал перед зеркалом, чтобы умыться. И в очередной раз удивился – на лице не было ни следа от моего жуткого падения в кусты, хотя я отчётливо помнил, как сильно, до крови, оцарапал кожу. Я смочил лицо водой из крана, напоминающего аналогичные устройства в советских поездах, поискал глазами полотенце, не нашёл и вернулся в рубку.

Вам Кого сидел за пультом, щелкая загадочными рычажками.

- Садитесь, Володя, - сказал он. – Советую пристегнуться и поднять спинку, у меня компенсатор слабенький, так что перегрузку почувствуем.

- Ясно. А сколько лететь?

- Если всё нормально, минут сорок.

- Фантастика...

Я расположился в мягком кресле, установленном на вращающейся ножке, закрепил на себе сложную конструкцию из ремней, которые тут же втянулись в кресло, плотно прижав меня к нему, и закрыл глаза, мысленно готовясь к обещанным перегрузкам.

Корабль вздрогнул и медленно пополз вверх, затем всё быстрее и быстрее. Меня слегка вдавило в кресло, но по ощущениям это было не страшнее чем разгон в университетском лифте, так что я через мгновение раскрыл глаза и недоумённо осмотрелся по сторонам.

- То, что компенсатор слабенький, не значит, что его нет, - прокомментировал Вам Кого. – А сейчас извините, Володя, мне надо траекторию задать, не отвлекайте.

Он отхлебнул водки, потом вернул бутылку в подстаканник на пульте и принялся набирать на клавиатуре длинные последовательности символов.

За иллюминатором постепенно темнело. Похоже, Земля оставалась уже позади. Отчего-то вспомнилась Тамара. Как ей там, в маразме? Пожалуй, для её рационального мышления это будет не очень приятно... Я вообразил, как она сидит у себя дома за столом, читая «Экономикс», а вокруг неё пляшут предметы мебели. Знала бы она сейчас, что я в открытом космосе... То есть, нет, в закрытом, конечно.

- Интересно, - заговорил я, - что происходит сейчас на Земле? Трудно представить.

- И не надо, - отозвался Вам Кого, всё ещё колдуя с пультом. – Насколько я могу судить по моим данным, всё прошло нормально. Ни один заряд лаков не сработал, во всяком случае, серьёзного ущерба планете не заметно. А маразм мы остановим через несколько дней, если удастся оттеснить лаков или с ними договориться. Теперь у нас есть серьёзный козырь – Землю мы спасли. Наступила очередь Так Его.

- А мне что делать? – спросил я.

- Наслаждайтесь жизнью.

Я отстегнулся от кресла и подошёл к иллюминатору. Ничего интересного не передавали – просто чернота, посыпанная разноцветными крошками звёзд. Я ожидал более впечатляющей картины.

- Зря вскочили, - подал голос Вам Кого. - Сейчас в гиперпространство входить будем.

- А это опасно?

- Ну, как вам сказать... Я раньше считал, что не очень. Но после происшествия с Солнцем почитал статистику, и оказалось, что две сотых процента гиперпространственных скачков заканчиваются гибелью или серьёзным повреждением корабля. Причём из этих случаев примерно десятая часть не объясняется ошибками пилотов, а просто означает, что гиперпространство недостаточно изучено. Довольно много известно историй, как корабли там просто пропадают. Так что я теперь каждый раз поворачиваю этот рычажок скрепя сердце, - Вам Кого постучал пальцем по металлической ручке возле своего кресла, напоминающей рычаг переключения передач. - И молюсь, честно говоря.

- Богу? – удивился я.

- Синему Пламени, - загадочно ответил Вам Кого, а я постеснялся расспросить.

Я снова занял своё место и пристегнулся.

Вам Кого зажмурился, пошевелил губами, проговаривая про себя неизвестные мне слова, потом открыл глаза, выпрямился и аккуратно повернул рычаг.

Корабль мелко завибрировал, воздух в рубке заколыхался, а за иллюминаторами звёзды разом пришли в движение. Они вначале поплыли, затем вспыхнули ярче и вдруг, резко размывшись в яркие полосы, исчезли. Корабль висел в абсолютной черноте, покачиваясь и вздрагивая. Мне показалось, что стало чуть холоднее.

Затем, по прошествии минуты или двух, нас тряхнуло, и звёзды вспыхнули снова, словно вырвавшись из смутного тумана. И, насколько я смог заметить, располагались они уже совсем по-другому.

- Практически идеально, - произнёс Вам Кого, просматривая изображения на мониторах. – Первый раз в своей жизни я абсолютно не ошибся с координатами.

Он принялся щёлкать тумблерами и нажимать кнопки, в результате чего корабль начал маневрировать.

В иллюминаторах возникла поверхность планеты, покрытая россыпью разноцветных огней. Ощущение было ровно такое же, как при посадке самолёта в Шереметьево-1, вот только планета висела не под нашими ногами, а прямо впереди.

- Не понимаю, - сказал я. – А как же мы с пола не падаем?

- Я же говорю – компенсатор, - пояснил Вам Кого, и я решил, что больше не буду задавать вопросов.

Мы опускались всё ниже. Возле самой земли корабль развернулся носом вертикально вверх, и пол, наконец, занял своё законное место. Вам Кого покопался в металлическом шкафчике возле туалета, извлёк оттуда ещё одну белую шляпу и торжественно водрузил на голову. Он хотел захватить с собой бутылку, но заметил, что в ней пусто, и оставил на пульте. Мы спустились по лестнице.

- Терминал всего один, - говорил Вам Кого, запирая дверь. - Коробочки нет. Так что придётся платформу вызвать.

Я тем временем осматривался вокруг. Стояла тёмная ночь. Вдалеке, километрах в трёх, вздымался силуэт огромного устремлённого ввысь города, покрытый яркими точками горящих огней. Мы же находились на плоской бетонной площадке, которая простиралась на сколько мог во мраке достать взгляд. Освещал площадку лишь небольшой тусклый фонарик на двери нашего корабля, да разбросанные то там, то здесь по поверхности синеватые маячки.

- Бодбро зедь го дарода ма кон дир? – раздался низкий голос возле моего уха.

Я отшатнулся. Рядом с нами в воздухе покачивался большой плоский прямоугольный лист пластмассы, на котором стояло существо, слегка напоминающее человека. Лицо было серым, плоским, на лбу моргал единственный маленький глаз, а из-под оранжевого кожаного пальто высовывался мощный хвост, как у ящера.

- Je ne parle pas français, - пролепетал я.

- Поехали, уважаемый, - отозвался Вам Кого и проворно запрыгнул на платформу. Я присоединился. Возле нас из основания повозки выехали поручни, за которые мы и ухватились руками. Ящер в пальто нажал кнопку на пульте, который держал в костлявой лапе, и платформа полетела в сторону города.

- Простите, Володя, совсем забыл, - произнёс Вам Кого и извлёк из кармана блистер красных таблеток - Здесь все говорят на разных языках, но пользуются психотрансляторами.

Он извлёк из блистера одну таблетку и прилепил мне на кожу возле виска, слегка прикрыв волосами.

- Теперь вы будете понимать любой язык, известный в пределах Империи. Вернее, перевод будет транслироваться прямо в ваш мозг.

- Куда рулить-то? – хрипло произнёс ящер, обернувшись.

- К Конгрессу, - ответил Вам Кого. – Задний подъезд.

Водитель кивнул. Курс платформы отклонился вправо. Город приближался, и я начинал, наконец, в полной мере ощущать, что я не на Земле. С одной стороны, всё было похоже – стекло, камень, металл, огни реклам, с другой – всё выглядело

необычно и слишком современно для Москвы. Стекло разных оттенков принимало совершенно неожиданные формы, а некоторые здания состояли целиком из синеватого стекла, представляя собой перевёрнутые вытянутые капли.

- Это храм, - прокомментировал Вам Кого, когда мы проплывали мимо одного из них.

Камень, если это вообще был камень, блестел, переливался и сверкал, узоры прожилок на поверхности шевелились, словно сооружения были живыми.

- Клуб вечности, - сказал Вам Кого. – Нечто вроде дома престарелых.

Металл, пожалуй, ничем особенным не отличался от земного, разве что нигде нельзя было разглядеть ни скола, ни капель сварки, ни ржавчины - идеальные зеркальные поверхности без изъянов, в которых отражались пролетающие платформы, флаеры, транспортные средства вроде старинных кораблей, которым я не успел придумать названия, огни окон и реклам.

- А император где живёт? – лениво поинтересовался я.

- Какой император? – Вам Кого нахмурил отсутствующую часть лба.

- Это же столица Империи Седьмой Плиты? Тогда должен быть император.

- Хм. Никогда не задумывался, - сказал Вам Кого. – Но, уверяю вас, у этой империи нет императора, и не было никогда, - этими словами он погрузил меня в состоянии отрешённой задумчивости.

Реклама, кстати, выглядела вполне по-нашему, если не обращать внимания на незнакомый язык и причудливые логотипы. Один из щитов, парящий прямо в воздухе над улицей, изображал толстых мужчину, женщину и ребёнка, покрытых каплями пота, рты которых были набиты едой до такой степени, что она вываливалась на стол, а глаза просили пощады.

- Что там написано? - любопытствовал я.

- Где? - не понял Вам Кого, но, отметив направление моего взгляда, прочёл: - «Один раз попробовав «Крекс», вы не сможете остановиться!».

- А что такое «Крекс»?

- Марка искусственных яиц, - ответил Вам Кого. – Неплохие, надо признать. Скорлупа даже фекалиями пахнет.

- Приехали, - сообщил водитель, опустив платформу возле огромного ярко-жёлтого здания со шпилем.

- Сколько? – спросил Вам Кого.

- Три, - ответил ящер.

- Помилуйте, - возмутился Вам Кого, – неделю назад было полторы!

- Жена, дети, рэкет, профсоюз... – начал перечислять водитель.

- А! – раздосадовано махнул рукой Вам Кого, и нажал пару кнопок на миниатюрном устройстве, извлечённом из кармана. – Берите.

Ящер удовлетворённо кивнул. Мы прыгнули, и платформа, резко сорвавшись с места, взмыла в воздух.

Асфальт под ногами приятно пружинил и излучал слабый синеватый свет.

- Вам надо пропуск выписать, - вспомнил Вам Кого.

Мы прошли сквозь стеклянные вращающиеся двери и оказались в просторном безлюдном холле, ничем не отличающемся от тех, что я видел в земных гостиницах, кроме, разве что, небольшого робота-уборщика, который ползал по каменному полу, ожесточённо тёр его тряпкой и ворчал себе под нос. Вам Кого оставил меня возле входа, скрывшись за одной из дверей, а через пару минут уже вернулся и протянул мне пластиковую карточку с моей фотографией.

- А фотография-то откуда? – изумился я.

- Из вашего досье, - бесхитростно ответил Вам Кого. – Пойдёмте. К сожалению, на дворе ночь, так что мы не сможем прямо сейчас доложить Председателю. Ничего, зато выпитесь. Вы не против переночевать у меня?

Я был не против. Турникет пропустил меня внутрь, как только я приложил карточку к жёлтому глазку. Мне не пришлось даже задуматься – всё произошло так же, как если бы я входил в метро.

Лифт поднял нас на двадцать второй этаж за минуту. Вам Кого уверенной быстрой походкой направился по коридору, петляющему в недрах здания, и я еле поспевал за ним.

- Ну, как впечатления? – спросил он, открывая дверь ключом. – Слишком много всего, да?

- Для одного дня – чересчур, - признался я.

- Ну и ложитесь спать, - посоветовал Вам Кого. – Я посижу ещё, выпью. Если хотите, присоединяйтесь, - я покачал головой. - Можете лечь на диване, одеяло вот, если нужно.

Жилище Вам Кого представляло собой небольшую однокомнатную квартиру, в которой не ощущалось ничего неземного. Я присел на кожаный диван, затем прилёг, скинув кроссовки. Потекли мысли.

Вам Кого сидел за столом перед монитором компьютера, пил водку из пластикового стаканчика, закусывая маринованными огурцами, листал что-то на экране и иногда выдавал краткие фразы, комментируя прочитанное.

- Тонтны объявили независимость... Вот ведь не сидится спокойно... Прокурор Докучай погиб от взрыва зонтика... Жалко, я его помню, забавный был чудаков... Изобрели гидравлические лыжи... Любопытно...

Под его бормотание я начал задрёмывать, при этом испытывая противоречивые чувства. С одной стороны, это было совершенно чужое место, и я ощущал себя немного не в своей тарелке. С другой, я лежал на мягком диване, уставший от переживаний и беготни, под тёплым мягким одеялом, в безопасности, в нормальном мире, где не могут скакать монеты по столу и разговаривать тигры. Или всё-таки могут? Ну, да я не о том... С третьей стороны, прошедший день казался удивительно неправдоподобным, и я не мог до конца поверить, что всё это происходило со мной. Я вовсе не удивился бы, если бы проснулся наутро у себя дома и понял, что всё оказалось длинным необычным сном. Ну, предположим, те же ожившие монетки, говорящая верёвка и жареный петух объясняются маразмом... Но эта планета с цивилизацией, похожей на нашу, слегка приукрашенную антуражем из фантастических фильмов – разве это могло оказаться реальностью? И много странного было в рассказах Вам Кого. К примеру, этот его гиперскачок в центр Солнца...

- Не спите, Володя? - донёсся до меня голос Вам Кого, как только я произнёс мысленно его имя.

- Нет, - ответил я, приподняв одно веко. – Извините, мне не даёт покоя один вопрос... А как вы умудрились уцелеть, попав внутрь Солнца?

- Повезло, - сказал Вам Кого. – Понимаете ли, корабль, выходя из гиперпространства, материализуется не сразу. Я не очень разбираюсь в механизме процесса, но в первые мгновения он как бы не вполне существует в реальности. Я был ослеплён вспышкой и успел передвинуть рычажок на деление дальше, продолжив погружение внутрь гиперпространства. Ещё бы секунда – и я бы сгорел. А так пришёл в себя, долго определял своё местоположение и после пары часов блужданий переместился к Земле.

- Понятно, - сказал я, снова закрыв глаза. – Всему всегда находится правдоподобное объяснение...

- Это ещё что, - продолжил Вам Кого. – Вот когда я служил мелким чиновником на рудоперерабатывающем комбинате, мне в ногу незаметно вцепился каменный цулифатор и попытался вступить со мной в симбиоз. Как мне потом объясняли, мне опять-таки несказанно повезло, что это была осень, и все процессы в его организме...

Слова Вам Кого проходили сквозь толстую пелену сна, который охватывал меня всё цепче, и я уже не был уверен, действительно ли я слышу его рассказ, или это мне только кажется. Во всяком случае, сон был приятным.

Глава 12. Свято место пусто не бывает

Весна – период таяния снегов... К чему это я? Не помню. Зато помню, что я хотел предостеречь вас, мой читатель, от некоторых поспешных выводов. Ведь можно подумать, будто я сейчас сижу у себя в комнате за компьютером и набираю этот текст, а значит, повествование гарантированно имеет хороший конец – во всяком случае, я останусь жив, здоров и вменяем как минимум настолько, чтобы связно излагать свои мысли. Так вот – это вовсе не так. Я имею в виду, что вы не можете ни в чём доверять этому тексту. Вполне возможно, что я вообще его не писал.

Дело в том, что понятие времени – вещь настолько же сложная, насколько субъективная. В некотором смысле времени вообще не существует. Есть лишь причинно-следственные связи, которые притворяются временем. Каждый миг, или, выражаясь точнее, каждое диалектическое мгновение мир выстраивается заново вместе со своим прошлым и будущим. Если сейчас все считают, что, скажем, Моцарт – великий композитор, то так оно и есть. Но в следующее мгновение мир поменяется, и прошлое станет другим, так что у Моцарта не окажется слуха, зато Энгельс изобретёт мгновенное перемещение в пространстве. И про Моцарта может уже никто и не вспомнить до следующего мгновения, когда он станет великим злодеем, отравившим своего верного соратника Лобачевского, тем самым отменив изобретение неевклидовой геометрии и поставив под сомнение существование в природе псевдосфер.

В данный момент времени я знаю, что текст, который вы сейчас читаете, не имеет ко мне никакого отношения, и найден он был в памяти компьютера, управляющего сверхсекретными ракетными установками в штате Невада. Что же выяснится к концу повествования, никому пока неизвестно, тем более что это зависит от таких непредсказуемых факторов, как уровень сахара в крови у вас, мой читатель, или характер шума за вашим окном. Впрочем, убеждать в этом я вас не собираюсь, не верите – ваше дело.

Проснулся же я от того, что запутался ногами в одеяле и свалился на пол. В первые секунды я не мог понять, где нахожусь, почему сплю в одежде, и что за огоньки перемещаются в тумане, окружающем здание.

Потом я вспомнил и резко вскочил с пола. Да я же за тысячи парсек от дома, на чужой планете! Кому расскажешь – в психушку упекут. В инопланетную к тому же. Впрочем, долго размышлять мне не пришлось, поскольку в комнату вбежал Вам Кого – одетый в новенький белый костюм, подтянутый, энергичный, словно и не пил вчера как сапожник.

- Володя, доброе утро. Председатель занят сейчас, ожидает нас через сорок минут. Рекомендую принять душ и привести себя в порядок. Одежду можете позаимствовать из моего гардероба. Кажется, телосложение у нас практически одинаковое.

- А... Э? – спросил я.

- Душ там, - махнул рукой Вам Кого и пронёсся к столу, начав собирать в папку случайные бумаги.

Душ на меня впечатления не произвёл. Обычная крохотная кабинка, как и на Земле. Регулировать температуру воды сенсорной панелью оказалось жутко неудобно,

так как её очень трудно было найти наощупь. С баночками, прикрепленными к стене, разобрался скорее по запаху. Розой воняет – мыло, тухлой капустой – шампунь, бензином – гель для душа, не перепутаешь.

Из гардероба Вам Кого я позаимствовал плотные серые плавки и футболку с загадочной надписью «Зоставцьє нам багниска». Джинсы надел свои, поскольку они почти не пахли.

- Володя, пойдёмте, - поторопил Вам Кого, когда я остановился у зеркала причесаться. – Опаздываем.

Через пару секунд мы снова неслись по коридорам и лестницам.

- Не понимаю, - произнёс я, запыхавшись. – Мы же только что спускались, теперь поднимаемся. Зачем?

- Так короче, - заверил Вам Кого. - Не переться же через всё крыло.

Мы ворвались в просторную приёмную, напоминающую типичный офис небольшой конторы, заставленный железными стульями, деревянными столами и оргтехникой.

- Здравствуйте, - сказала девушка за столом. – Вас ждут.

- Здравствуйте, Цирикс. Володя, подождите минутку, я сейчас, - бросил Вам Кого и скрылся за правой дверью.

Я же стоял как столб, уставившись на девушку. Это была Тамара.

Впрочем, нет, так мне показалось только в первые несколько мгновений.

Моргнул один раз – Тамара. Ещё раз – всё равно Тамара. И только моргнув ещё раз или два, я понял, что это Тамара 2.0, улучшенная версия.

Да, Цирикс тоже была невысокой, худощавой, бледной, с серыми глазами. Но если у Тамары на коже можно было встретить прыщики, родинки, чёрные точки или слабенькие веснушки, то кожа Цирикс выглядела просто идеально, без малейших дефектов. У Тамары практически не было груди, о её существовании под одеждой я лишь догадывался, а грудь Цирикс, пусть и небольшая, не вызывала никаких сомнений. Волосы Тамары росли жидковато, и можно было разглядеть местами белую кожу головы, а короткая стрижка Цирикс, будучи аккуратной, густой, блестящей, выдавала завидное здоровье. Глаза Тамары походили на усталые и застенчивые капельки воды, а живой и задорный взгляд Цирикс разглядывал меня, изучая.

- Извините, пожалуйста, - сказала она. – Я вот смотрю на вас, смотрю... А вы кто?

- Я Володя, - ответил я. – Меня Ясоний зовут. Я с Эгозона прилетел.

- Ясно, - сказала Цирикс.

- Ой, то есть, нет, - я почувствовал, как потеют мои подмышки. – С Земли, я хотел сказать.

Тут стукнула дверь за моей спиной, и в комнату вразвалочку вошёл невысокий крепкий мужичок с нездоровым сероватым цветом лица.

- Шырикс, - прошипел он сквозь надетый респиратор, – я воспользуюсь копиром? На этаже вше шдохли.

- Конечно, господин Нибудь, - отозвалась секретарша и снова обратила внимание на меня. – С Земли? Ой, как интересно! А вы по обмену традициями прилетели?

- Нет, я того... – пробормотал я. – Меня привезли как источник маразма.

- А так это фот как это... – донёсся слева голос Нибудя, сопровождаемый резкими истерическими ударами по корпусу копира. – Нишего не стартирует!

- Вы кнопочку зелёную нажмите, - посоветовала Цирикс. На кончиках её пальцев дрожали ярко-алые капельки лака – идеально ровные, ни трещинки, ни бугорочка. – А что за маразм? Это корабли такие?

- Шпасибо, - сказал Нибудь. Судя по скрежету, копир заработал.

Я не сразу понял, что последняя фраза Цирикс была обращена ко мне, а когда понял, не успел ответить - из кабинета справа вышли Вам Кого и ещё один человек, ниже ростом, помоложе, с квадратной головой, чёрной короткой бородкой и в аккуратном костюме с галстуком. Из-под брюк торчали металлические ноги, позвякивающие при ходьбе о каменный пол.

- Рад приветствовать, - сказал он, протягивая руку. – Так Его, Председатель Конгресса.

Я пожал руку и почувствовал, какие сильные у него пальцы.

- Цирикс, - представился я. – То есть это... Ясоний моя фамилия.

- Ну вот, - усмехнулся Так Его. – И вы уже успели влюбиться в мою секретаршу. Пойдёмте, поговорим. - Мы направились в кабинет. – Как вам Эгозон?

- Большой вроде, - сказал я.

- При других обстоятельствах я бы обязательно организовал вам экскурсию... Познакомьтесь, это представитель Сил Безопасности.

Невысокий мужчина лет тридцати поднялся с кресла и представился:

- Сам Дурак.

- Очень приятно. Володя, - мы поздоровались за руки. Я отметил про себя, что под серым цивильным костюмом Сам Дурака спрятаны крепкие мускулы, а вот лицо интеллигентное, словно у врача, только стетоскопа на шее не хватает. Впрочем, в левой руке Сам Дурак держал некий предмет, в котором смутно угадывалось оружие. «Мокрый меч», - догадался я.

- Присаживайтесь, - сказал Так Его.

Мы расположились вокруг стола в мягких красных креслах, а Вам Кого положил перед собой шляпу. Я внезапно припомнил из его рассказа, что в кабинете кресла должны быть черными. Или это не он рассказывал, а я дофантазировал? Я не был ни в чём уверен.

- Итак, господа, - заговорил Так Его, наклонившись к столу. – Подведу итоги. Сначала позвольте мне принести соболезнования по поводу гибели братьев Рахов. Я знаю, Вам Кого, как вы были близки с ними, так что вам, должно быть, тяжелее других это перенести.

- Мы как вёсла, – сказал Вам Кого. - Иногда мы летим над водой, и нам кажется, что смысл нашей жизни - в полёте. Иногда нас макают в мокрую мутную воду, и нам кажется, что смысл жизни - в страданиях. А на самом деле мы просто толкаем лодку...

Так Его выслушал это, удивлённо приподняв бровь, и продолжил:

- М-да. Давайте толкать лодку дальше. Насколько я понимаю, мы по-прежнему придерживаемся нашего плана. Маразм на Земле активирован, и, по моим данным, планета продолжает существовать, несмотря на попытку лаков её аннигилировать. Так что нас можно поздравить с небольшой победой. Теперь нам нужно объявить лакам войну, и я провёл некоторую работу в этом направлении, проведя переговоры с лидерами фракций. Не могу сказать, что всё радужно, но определённые сдвиги есть. В целом наша попытка использовать маразм для решения проблемы встречена доброжелательно. Беспокойство вызывает независимая фракция, которая не хочет идти со мной на контакт в отсутствие Свази. Пару дней назад он отправился на Землю, и никто достоверно не знает, что он затеял.

- Есть данные, - вставил Вам Кого, - что он сотрудничает с лаками. Он пытался устранить Ясония на Земле с их помощью.

Я сглотнул. Воздух кабинета был спёртым, и у меня от духоты начинала кружиться голова.

- Любопытно, - сказал Так Его. – Это уже кое-что... Впрочем, сейчас для нас самое главное – голосование в Конгрессе, которое состоится уже меньше чем через час. Затем по графику идёт моя смерть, а дальше придётся расхлёбывать уже вам самим. – Так Его хмуро оглядел нас и добавил: - Однако есть и ещё одна неприятная

новость, о которой вам, Вам Кого, следует знать. Вчера, на свой страх и риск, я решил отправить к флоту лаков диверсионную группу, которая должна была попытаться захватить их адмирала.

- Не самое разумное решение, - пробормотал Вам Кого.

- Возможно, - согласился Так Его. – Однако этого в любом случае не произошло. Шифровка, которую я отправил на их корабль, была искажена. Вот что они получили - Так Его пододвинул к нам листок бумаги, на котором было написано:

«Приказываю вам срочно убыть в точку с координатами 231212-021-723-5442/654323-827382-76131 и ждать дальнейших указаний. Телефон экстренной связи – 5550761. Председатель Галактического Конгресса Так Его».

- Они переместились в указанную точку, и связь с ними была потеряна, - закончил Председатель. - Текст шифровки мы восстановили впоследствии по логам на передающей антенне, так что уже ничего нельзя было исправить. Теперь придётся выслать за ними другой корабль, иначе они вынуждены будут находиться там вечно в ожидании связи. Как вы можете понять, указанные координаты – это аномалия, куда не доходят радиоволны, и куда очень трудно попасть через гиперпространство.

- Точка молчания, - кивнул Вам Кого.

- Вот именно, - подтвердил Так Его. - А телефон, указанный в сообщении – это контактный номер йокесов, который они размещают в последних своих прокламациях.

- Но как это возможно? – спросил Вам Кого. – Вы отправили одну шифровку, а пришла другая?

- Именно так. По моей просьбе господин Сам Дурак взялся расследовать это происшествие, по возможности тайно. Вам что-то уже удалось выяснить?

Сам Дурак, до этого сидевший молча и практически неподвижно, заговорил короткими, чёткими фразами:

- Известно, что кабель от кабины связи к передающей антенне выходит в коридор. Я обнаружил на нём следы подключения. Некое быстродействующее устройство могло раскодировать шифровку, задержать несколько пакетов сообщения, а затем подменить их новыми версиями. Но для этого злоумышленнику необходимо было знать шифр.

- Как я уже рассказывал, - пояснил Так Его, - шифр приходит мне в графическом виде по факсу. Я сам принимаю его, удаляю сообщение из памяти факса и сразу отправляюсь в кабину связи.

- На кабеле факса также было установлено устройство для съёма данных, способное передавать сигнал на небольшое расстояние, - сказал Сам Дурак.

- Как вы это выяснили? – спросил Так Его.

- Вот оно, - Сам Дурак вынул из кармана крохотный приборчик, немного напоминающий старинный транзистор с тремя ножками.

- То есть, - переспросил Так Его, - вы хотите сказать, что оно ещё находилось на кабеле, когда вы начали расследование?

- Поразительная наглость, - прокомментировал Вам Кого.

- Так точно, - подтвердил Сам Дурак. – Я выяснил, однако, что факс был проверен по вашей просьбе сотрудниками Сил Безопасности в то же утро, и тогда жучка ещё не было. То есть он был установлен вчера в промежутке времени от одиннадцати тридцати до двенадцати пятнадцати.

- В моей приёмной? – поразился Так Его. – Но кто?

- Я допросил вашу секретаршу, - ответил Сам Дурак. – По её словам, вчера утром в здании были скачки напряжения, и вышла из строя оргтехника на этаже.

- Это правда, - подтвердил Так Его. – У меня система кондиционирования начала барахлить. Чувствуете, как душно?

Я чувствовал. На моем лице уже выступили капельки пота, да и лысина Так Его блестела.

- Так вот, - продолжил Сам Дурак. – Многие лидеры фракций, кабинеты которых находятся поблизости, пользовались вашим копиром, который совмещён с тем самым факсом, для размножения документов к предстоящему заседанию. Как мне удалось выяснить, к устройству имели доступ следующие лица. Во-первых, Цирикс, ваша секретарша. Во-вторых, господин Задолнут Пакер, руководитель фракции неформалов. Цирикс, кстати, утверждает, что он вскрывал при ней копир и долго с ним возился, поскольку у него якобы зажевало бумагу. В-третьих, господин Нибудь, фракция «АнтиДиктат». В-четвертых, господин Ле Сист...

- Доктор Ле Сист, - поправил Так Его.

- Я навёл справки, - возразил Сам Дурак. – Докторская степень господина Ле Систа под большим сомнением. Все его предки имели докторскую степень, но господин Ле Сист так и не защитил свою диссертацию, поскольку результаты исследований противоречили друг другу.

- Он что, подделал документы? – спросил Так Его.

- Похоже, что нет, - ответил Сам Дурак. – Просто при регистрации на Эгозоне его записали как доктора по ошибке, поскольку Ле Систов в тот день регистрировали много, и все предыдущие были докторами.

- Уму непостижимо, - пробормотал Вам Кого. – Всё равно это подлог с его стороны.

- Безусловно, - кивнул Сам Дурак. – Так вот – он тоже копировал несколько страниц в вашей приёмной, причём ему внезапно стало плохо, и Цирикс пришлось отлучиться, чтобы позвать врача со стойки администратора этажа.

- А почему она не позвонила? – не понял Так Его.

- Она утверждает, что телефон не работал.

- Странно. Но продолжайте.

- Кроме перечисленных, заходили также вместе Би Хоптон и Тута Сидим, - сказал Сам Дурак. – Они пробыли в приёмной несколько минут, обмениваясь шуточками.

- Тоже странно, - заметил Так Его. – Они же друг друга недолюбливают.

- Это всё, - закончил Сам Дурак. – Тем не менее, нельзя исключать и других лиц, поскольку, во-первых, Цирикс не всё время была в кабинете, во-вторых, передающее устройство мог установить небольшой робот, оставшийся незамеченным.

- Хм! – возмущённо сказал Вам Кого.

- Да уж, негусто... – произнёс Так Его. – И что же вы собираетесь предпринять дальше?

- Есть у меня одна идея, - Сам Дурак подозрительно покосился на меня. – Насколько я знаю, господин Так Его, вы сегодня после заседания соберёте всех лидеров фракций?

- Да, - подтвердил Так Его.

- Позовите ещё Цирикс и разрешите мне присутствовать.

- Разумеется. Собственно, я никому не запрещаю. А что вы хотите услышать?

- Просто наблюдаю, а потом сообщу результаты. Господин Так Его, а у вас есть какие-то соображения по этому поводу? Вы подозреваете кого-нибудь?

- Не знаю, - ответил Так Его. – Мне трудно представить, чтобы лидеры фракций работали на йокесов, но исключать такого нельзя.

- А ваша секретарша?

- Цирикс? – Так Его вздохнул. – Она работала ещё у моего предшественника Центури, прошла все необходимые проверки. Честно говоря, я несколько раз порывался её уволить, потому что она страшная растяпа. Вечно всё забывает, путает.

Держу только потому, что привык, да и потом, она привлекательная, а это бывает полезно в политических делах.

- Что вы имеете в виду? – встрепенулся Вам Кого.

- Одно дело, когда вы сидите в приёмной у человека, где на вас смотрит отвратительный мордоворот, и совсем другое, когда приятная девушка, - объяснил Председатель. – Посетитель размякает, отвлекается, с ним проще разговаривать... Ну ладно, у нас мало времени. Спасибо, господин Сам Дурак. Я надеюсь, что вы успеете сделать свои выводы ещё до того, как... – голос Так Его дрогнул. – Все свободны. Увидимся на заседании.

Все с грохотом повставали с кресел. Я поторопился выйти в приёмную, где воздух был хоть немного прохладнее. Ко мне присоединился Вам Кого.

- Пойдёмте пока ко мне, - предложил он. – Соберусь с мыслями.

На этот раз он шёл медленнее, размышляя про себя, и пару раз ошибался с направлением. Однако через несколько минут мы всё же оказались в комнате Вам Кого. Я тут же зашёл в туалет, а когда вернулся, обнаружил его на диване с бутылкой водки и всклокоченными волосами.

- Вот ведь интересно как развиваются события, - бормотал он. – А ведь мне, возможно, день или два придётся пробыть Председателем Конгресса.

- Может быть, поедим? – робко предложил я. – Не завтракали ведь.

- Да мне алкоголя хватает, - ответил Вам Кого. - Он калорийный. Хотите?

- Нет.

- А огурчик?

В рот Вам Кого попал клочок его же собственной бороды.

- Тьфу ты! – сплюнул он. – Осточертела мне эта треклятая борода. Сбрить её, что ли?

- Ну, сбейте, - отозвался я, извлекая из узкого горлышка банки маринованный огурец.

- Нет, - Вам Кого отхлебнул водки, - у меня без бороды лицо глупое.

- А с бородой лучше? – не понял я. – То есть, я не то имел в виду....

Вам Кого бросил на меня хмурый взгляд, но промолчал.

Минут через пять тишины, прерываемой бульканьем, он встал с дивана и потянулся:

- Ну что же, пойдёмте. Побываете на первом в своей жизни заседании Конгресса. Вам надо привыкать – вы же теперь почётный член.

Он поставил бутылку на стол и не вполне твёрдой походкой вышел из комнаты. Я вздохнул и поплёлся за ним, дожёвывая второй огурец.

- И доктор липовый... – продолжил бормотание Вам Кого, шагая по коридору. – Странно всё это...

- Действительно, странно, - согласился я. – У вас тоже есть доктора наук и диссертации. Прямо как на Земле.

- Ну, а что же, - возмутился Вам Кого, – мы, по-вашему, тут лаптем щи хлебаем?

Мы входили в просторный сверкающий зал, от которого я испустил дух. То есть, я хотел сказать, дух у меня перехватило. Он был не так уж и велик – примерно как в приличном земном кинотеатре – но поистине великолепен. Ряды жёлтых ворсистых кресел с гнутыми пластмассовыми подлокотниками и уютными сиденьями, глядя на которые тотчас хотелось плюхнуться на них и задремать, поднимались кверху причудливой дугой. Светлые занавеси вдоль стен зала ниспадали ровными, тщательно подобранными складками, их ткань переливалась и блестела. На стенах то там, то здесь, сверкали металлические светильники, украшенные россыпями стеклянных многогранников. Президиум, представлявший собой сложное сооружение из дерева и металла, заполнял сцену, не считая небольшого пятачка спереди, где располагалась крохотная металлическая трибуна. Над залом висела роскошная стеклянная люстра с

подвесками, переливавшаяся желтоватым цветом, настолько яркая, что на неё больно было смотреть.

- Не хватает только зелёных очков, - заметил я.

Вам Кого никак не отреагировал на мою реплику, махнув рукой в левую часть зала:

- Вот там наше место, возле прохода.

Едва мы успели примостить свои филейные части в подходящие для них вместилища, как над залом раздалась пронзительная трель колокольчика и зычный голос Так Его, сидящего посередине президиума:

- Дамы и господа! Прошу разрешения начать заседание.

Когда шум несколько приутих, он продолжил:

- Я не вижу смысла выносить на голосование повестку дня, поскольку она известна. У нас всего один вопрос – объявлять ли лакам войну в свете последних событий, происходящих на Земле и в её окрестностях. Прошу выступать в порядке возрастания численности фракций. Доктор Ле Сист, вы первый, как обычно.

По проходу медленно двигалось к трибуне необычное существо, с ног до головы замотанное в синюю мятую накидку. Сама же голова, торчащая из кокона, напоминала не то череп мутировавшей лошади, не то приплюснутый мяч для регби, который кто-то для смеху выкрасил в фиолетовый цвет. Движения существа были неровными, дёргаными, а взгляд маленьких темных глаз – бегающим и слегка безумным. Поднявшись на трибуну, Ле Сист выпростал из-под плаща костистую длиннопалую лапу и высоким, нервным голосом заговорил:

- Пробил час, господа! Вы чувствуете это? Все фибры наших душ должны трепетать! Кто мы? Жалкие подобию тварей, не годные убирать собственные испражнения. Но дайте только срок, и всё в нас убоится собственных деяний...

- Что он несёт? – прошептал Вам Кого себе под нос, так что я едва услышал его слова. – Заболел, что ли?

- Конец близок, - верещал Ле Сист, - но это и есть возрождение. Вглядитесь – не мы ли сами брезжим на горизонте, слегка подпрыгивая от каждого порыва ветра? Не нас ли ждут сегодня великие дела? О да, и мы уже не можем их скрывать. Придём же с миром и вырвем у них сердца! – Рука Ле Систа сжалась в кулак и поднялась над головой. – И языки вырвем, - добавил он, увеличив громкость. – И левый глаз! И правый! – Из-под плаща показалась вторая рука, побольше. – И бедренные кости! – уже почти проорал он. – На свет показалась ещё одна рука и обрубок отвратительного щупальца. Ле Сист затрясся, и его речь перешла в яростные выкрики: - И уши оторвём! И шеи! И зубы изгрызём! Война! О война! Священная! С лаками! Не будет у них крыльев! Всё вырвем!

- Боже, что с ним? – пробормотал Вам Кого, а к трибуне уже бежали люди, хватавшие Ле Систа за руки. Они что-то говорили, видимо, успокаивая его, но он всё ещё махал своими конечностями и продолжал выкрикивать почти нечленораздельное:

- У! Много! Много! Яйца, кровь! Барабаны!

Зал шумел, звенел колокольчик Так Его, Ле Систа уводили из зала.

- Врач прибыл? – уточнил Так Его, повернувшись в сторону бокового выхода. – Хорошо, помогите ему. Прошу прощения, - обратился он уже к залу. – Как вы знаете, у доктора бывают подобные приступы. Надеюсь, всё обойдётся. Партия конструктивных бюрократов, вы готовы? Господин Тута Сидим, прошу.

Над трибуной показалась голова коротенького, толстенького человечка с огромной лысиной.

- Доброе утро, - сказал он, тяжело вздохнув. – К сожалению, у нас во фракции не сложилось единого мнения по данному вопросу. Как известно, война с лаками стоит денег. Денег всегда не хватает. С другой стороны, нельзя не отметить смелое решение господина Председателя защитить Землю с помощью маразматического пространства,

что бы это ни значило. Должно быть, мы должны его всячески поддержать. С третьей стороны, вряд ли кто-то задумывался о том, что войну можно не только выиграть, но и проиграть. Учитывая всё вышеизложенное, предлагаю немного порассуждать...

Я вдруг осознал, что на самом деле слышу не слова докладчика, а перевод. Мне захотелось узнать, как на самом деле звучит этот язык. Я оторвал от виска таблетку психотранслятора.

- Сам нье знам, зе повьеджьеч, - говорил Тута Сидим, вытирая пот платком, - але тылько длатею, же жле розумьей своя власна барбарзиньска мове.

Я приклеил устройство на место и тихо спросил Вам Кого:

- Это какой же язык? Эгозонский?

- Почему эгозонский? – не понял Вам Кого. – Моудийский.

Тута Сидим же продолжал:

- На этом наши рассуждения и останавливаются. Воевать плохо, но нужно, а денег на это нет. Вот такая непростая ситуация. Я кончил.

- Господин Тута Сидим, - заговорил Так Его из президиума. - Простите, я понял, что в вашей фракции есть разные мнения, и единого решения вы не выработали. Но не могли бы вы высказать свои собственные мысли по этому поводу?

- Ну что тут скажешь? – вздохнул конгрессмен. – У меня жена, дети – вы же понимаете. Конечно, уж лучше война. Как-то вот так.

- Большое спасибо, - поблагодарил Так Его. – Прошу выступить фракцию «АнтиДиктат», господин Нибудь.

Пока уже знакомый мне серый человек в наморднике сменял Туту Сидима, я успел вспомнить, что кто-то из лидеров фракций вполне мог оказаться предателем. «А на вид все приличные люди», - горько подумал я.

- Ждравствуйте, гошпода шлены Конгреша, - начал Нибудь, поправив съехавший на бок респиратор. – Вы снова шидите не о том. Пошкольку нет ни жакона о Жемле, ни жакона о маражме, вырабатывается шплошная фикция. И давайте уж тогда штоять рашпинаться как <неразборчиво> врашкоряку...

Я отметил, что слово «неразборчиво» в моей голове было произнесено механическим голосом психотранслятора, и подивился могуществу инопланетной техники.

- Жаштавить лаков отштупить у наш маражма, может, и хватит, - говорил Нибудь, - но шами-то мы как должны поштупить? Жакон ешть жакон, а раж нет жакона, то и приходится <неразборчиво> ражные дыры. Вшо.

- Господин Нибудь, - грустно произнёс Так Его. – Извините, но не могли бы вы коротко, одним словом, ответить - вы за войну или против?

- Шамо шобой, - Нибудь развёл руками и ушёл с трибуны.

- Я не вполне... – начал Так Его, но махнул рукой и объявил: - Господин Пакер, фракция неформалов.

К трибуне развязно шёл парень в футболке и штанах настолько обтягивающих, что срамные места можно было разглядеть с галёрки. Пакер оперся волосатыми руками о края трибуны и назидательным голосом заговорил:

- Чуваки, вы не врубаетесь. Я тут на днях – вы, в натуре, не поверите – прочитал одну клёвую книжку, Рахи написали про маразм. Там в начале гон всякий, формулы, но к середине я уже фишку просёк. Ведь это же пипец как круто! Мы ж всегда этого хотели – анархия на целой планете! Я лично ща собираюсь на Землю. Это лучший способ оттянуться. Я думаю, что торкнет лучше, чем зелёный сахар или чиджанка. Если кто со мной, валяйте, моя колымага всех возьмёт. А Рахам респект, молодцы покойнички. И Вам Кого тоже крут. Я думаю такую же дыру в башке сделать...

Так Его кашлянул.

- Господин Пакер, - сказал он, – а как насчёт войны?

- Война – это прикольно, - отозвался Пакер. – Считайте, я за.

- Спасибо, - Так Его кивнул. – Приглашается господин Би Хоптон, фракция «За Центури».

Би Хоптон – среднего роста мужчина в очках – неторопливо вышел к трибуне, раскрыл папку и начал читать, изредка отрывая от листа взгляд:

- Господа конгрессмены! Я начну с того, что поблагодарю господина Председателя за смелое решение, которое он принял самостоятельно в отношении Земли. Не всякий человек на его месте взял бы на себя такую ответственность. И вряд ли вы станете отрицать, что именно этот его шаг в итоге спас целую планету. Если бы не он, Земли бы уже не существовало. Вы прекрасно знаете, что я и раньше высказывался за начало войны с лаками. Но сейчас я считаю, что объявить эту войну – наша прямая обязанность. Мне стыдно за весь Конгресс, что мы до сих пор этого не сделали. Я призываю всех поддержать господина Председателя и помочь ему завершить начатое.

- Всё-таки Би Хоптон – наш человек, - крикнул Вам Кого. – Надо будет предложить объединиться.

«Однако же, - пронеслось в моей голове, – и он может оказаться шпионом».

- Вам Кого, - спросил я. – А кто такие йокесы?

- Володя, - недовольно отозвался Вам Кого, – вы задаёте слишком много вопросов.

Тут меня прорвало.

- Конечно, я задаю слишком много вопросов! Я всю жизнь жил на красных планетах, населённых мутантами, летал на тарелочках и разговаривал с роботами. Да я даже с вашим чёртовым магнитным писсуаром сам разобрался!

На нас зашикали со всех сторон.

- Простите, - пробормотал я, успокаиваясь.

- Вы меня простите, Володя, – прошептал Вам Кого. – Как-нибудь расскажу. Моя очередь.

Я и не заметил, как Би Хоптон удалился в зал, а Председатель объявил следующее выступление. Вам Кого уже нёсся к трибуне.

- Добрый день, господа, - начал он. – Я рад, что многие выступили в нашу поддержку. Я хотел бы только пояснить – у нас просто нет выбора. Нам нужно победить лаков и остановить маразм на Земле. То состояние, в котором она сейчас находится – это существенный риск, и нам нужно поторопиться. Короче говоря, - он почесал край отверстия во лбу, - я надеюсь, что вы проголосуете за объявление войны. Спасибо.

Раздались аплодисменты – немногочисленные, но довольно уверенные. Вам Кого улыбнулся и зашагал по проходу в мою сторону.

- Господа, - произнёс Так Его, пару раз звякнув, - прошу тишины. Независимая фракция, как я понимаю, ваш лидер так и не объявился? Кто будет выступать? Господин Жуй Бень, вы?

В правой части зала поднялась трёхметровая фигура с длинными мускулистыми руками, свисающими почти до пола, круглой лохматой головой и глазами практически на лбу.

- Председатель, я хочу возразить, - сказал верзила басом.

- Против чего? - не понял Так Его.

- Против голосования, - ответил Жуй Бень, насупившись.

- Поясните.

- Нельзя голосовать без Свази, - сказал Жуй Бень. – Только он знает, как нам голосовать.

- Простите, - развёл руками Так Его. – Но он сам виноват, раз не явился на заседание. Вы же можете сами решить, за что отдать голоса.

- Не можем, - грустно сказал великан.

- Почему?

- У нас же есть коммерческие обязательства. Перед заказчиками. А мы не в курсе...

Так Его поднялся с места с лицом, выражающим одновременно изумление, злобу и торжество.

- Надеюсь, - произнёс он с расстановкой, - стенографисты записали высказывание господина Жуй Бенья по поводу коммерческих обязательств. На основании данной стенограммы, пункта 11 дробь 2 Галактического Свода Законов и пункта двадцать три внутреннего регламента я прошу возбудить дело против господина Свази по факту использования своего служебного положения в личных целях и провести тщательное расследование.

- А разве... – растерянно захлопал глазами Жуй Бень. – То есть разве не все так делают?

- Надеюсь, что нет, - ответил Так Его. – И надеюсь, что сегодня вы проголосуете, используя только здравый смысл, свои чувства и совесть, если она у вас есть.

Жуй Бень сел на место, явно озадаченный.

- Итак, - провозгласил Так Его. – Кто за то, чтобы объявить войну Империи Второй Плиты, прошу голосовать.

Вам Кого нажал зелёную кнопку на пульте перед собой.

- А я могу нажать? – спросил я.

- Ваша не работает, - ответил Вам Кого. – У почётных членов нет права голоса, к сожалению. Впрочем, нажмите, если желаете – голос просто не будет учтён.

Я с хрустом надавил кнопку. Через несколько секунд табло отобразило результат:

"За - 201 голос, 70 против, 24 воздержались".

- Решение принято! – провозгласил Председатель Конгресса. – С данной минуты Империя Седьмой Плиты находится с Империей Второй Плиты в состоянии войны. Поздравляю! Всем спасибо.

- Приятно думать, - заметил я, - что мой голос тоже мог просочиться сквозь систему.

Вам Кого улыбнулся, но не ответил.

- Господа лидеры фракций! – объявил Так Его, перекрикивая шум. – Через десять минут я жду вас у себя в кабинете.

- Не торопитесь, - сказал Вам Кого, увидев, что я вскочил с места. – Сейчас давка на выходе начнётся. Конгрессмены – те же бараны, поверьте... И всё-таки мы победили. Ужасно хочется выпить... Ладно, потом.

Когда толпа немного рассосалась, мы встали и вышли из зала. Вам Кого снова повёл меня по лабиринту коридоров и лестниц, но мне показалось, что лабиринт на этот раз был совсем другим. Я поделился сомнениями с Вам Кого.

- Эх, Володя... - сказал он. – Вы думаете, я запоминаю путь? В этом деле, как и в политике, главное – двигаться уверенно и быстро. Тогда обязательно придёшь куда нужно.

- Понятно, - с сомнением ответил я.

Мы входили в приёмную Вам Кого. Я встретился глазами с Цирикс, которая стояла возле стола и сортировала бумажные листочки: голубые в одну стопку, розовые – в другую. На ней были надеты пиджак и юбка из тонкой темно-синей кожи. Увидев меня, она улыбнулась – приветливо и в то же время ехидно. Пока я соображал, что нужно сказать, Вам Кого уже затащил меня в кабинет. Краем глаза, Впрочем, я заметил, как Цирикс прихватила блокнотик и последовала за нами.

Несколько человек уже находилось внутри, и духота стояла страшная. Ле Сист прилаживал к одному из кресел некоторое подобие пластикового ведра. Заметив мой недоуменный взгляд, он изрёк, трясая своей лошадиной мордой:

- На всё воля providения. Даже кресла здесь не приспособлены для моего бивня...

Он осторожно начал водружать зад на полученное сооружение, и я понял причину его действий – под плащом угадывалось нечто вроде рога, исходящего из его копчика вниз.

- А на Земле есть кресла с дырками, - задумчиво сказал я, садясь. – Сам видел.

- Должно быть, среди землян тайно живут особи моего вида, - проскрипел Ле Сист. – Неудивительно.

- Господа, - произнёс Так Его, занявший своё место под пустой рамкой. – Как я понимаю, все, кто собирался прийти, уже здесь. Давайте начнём. Как вы чувствуете себя, доктор Ле Сист? Вы нас здорово напугали.

- Не для меня сия планета, - отвечивал Ле Сист, медленно шевеля длинными пальцами. – Вначале были хорошие предзнаменования – выдали документы с докторской степенью, перестали преследовать за членовредительство, а теперь вот припадки...

Так Его хотел что-то сказать, но его перебил Нибудь, сидящий с противоположной стороны стола:

- Да уж, недружелюбное мешто. Когда прилетел шуда шетыре года назад, увидел девушку в аэропорту. И говорю, мол, ваши руки как раж. Вы подходите мне для совмештного детопроежводства. А её на меня вытошнило. Она, оказывается, уже беременна, у неё, видите ли, токсикож!

- Господа, - снова начал Так Его, – у нас не так много времени...

- А нельзя ли открыть окно? – жалобно попросил Тутта Сидим, скромно примостившийся на уголке кресла, стоящего справа от меня. – Дышать невозможно.

Он вытирал свою красную лысину платком, по которой бежали струи пота. Я тоже чувствовал испарину на лбу.

- К сожалению, нет. Они во всём здании не открываются. А кондиционеры, похоже, сдохли окончательно. Я уже вызвал техников... Что вы там пишете, Цирикс?

- Ну, как же... – пролепетала секретарша, оторвав зажатый в тонких пальчиках карандаш от блокнота. – Сначала про членовредительство, потом про токсикоз...

- Я просил вас решения собрания записывать, а не всякую ерунду! – возмутился Так Его.

- Простите, - Цирикс потупила взор серых глаз, прикрыв их огромными накрашенными ресницами. Я вдруг почувствовал, как хочу взять её за руку, успокоить...

- К делу, - вновь заговорил Так Его. – Есть два важных вопроса, которые нам предстоит обсудить: смена Председателя Конгресса и объявленная война с лаками.

- Всё-таки нужно было как следует всё взвесить, - забеспокоился Тутта Сидим. – Серьёзное дело...

- Вы же сами говорили – у вас жена, дети, - напомнил Так Его.

- Кстати, насчёт жены, - спохватился Тутта Сидим. – Представляете, мы с почтенным Би Хоптоном на днях выяснили, что моя жена, Тама, является пятым коленом левой ноги генеалогического древа его бабушки!

- Не совсем так, - возразил Би Хоптон. – Впрочем, давайте не отвлекаться. И правда, очень душно, - он снял запотевшие очки и протёр их концом галстука.

- Итак, - продолжил Так Его. – Сегодня я умру. Я назначил временно исполняющим обязанности Конгресса - то есть, обязанности Председателя Конгресса, я хотел сказать - господина Вам Кого.

- Благодарю, - кивнул Вам Кого, борода которого намокла от пота и стала похожей на сосульку.

- По закону в течение трёх дней вы должны будете избрать нового Председателя. Я хотел бы подчеркнуть, что сейчас очень опасное время, и безвластия допускать

нельзя. Не должно быть никакого затягивания в решении вопроса, кроме того, на то время, пока господин Вам Кого исполняет свои обязанности, вы должны оказать ему максимальную поддержку...

- Не беспокойтесь, - сказал Нибудь, - вше там будем. Невозможно дышать, однако, - он поправил респиратор, и из-под него пролилась струйка серой неприятной жидкости.

- Вам Кого – клёвый старикан, - вставил Пакер, шевелюра которого обвисла от жары, словно мочалка. – Обещаете меня на Земле с чувихами познакомить?

- Это не моя область, - усмехнулся Вам Кого, - но кое-какие связи имеются.

- Ладно, - сказал Так Его, блестя влажной лысиной. – Жаль, что здесь нет представителей независимой фракции, я бы хотел выслушать их. Но у меня есть одно предложение.

- Давайте выьем стекла, - произнёс Ле Сист, высунув изо рта огромный фиолетовый язык и вытирая обрубком щупальца намокшие челюсти.

- Прошу потерпеть всего пару минут, - сказал Так Его. – Надеюсь, вы помните, как двенадцать лет назад Конгресс не мог выбрать Председателя? Каждая фракция предлагала своего кандидата и голосовала только за него. Если сейчас произойдёт нечто в том же духе, мы очень рискуем. Поэтому мне кажется разумным выдвинуть одного кандидата, который бы устроил всех.

Я только сейчас заметил Сам Дурака, который сидел в кресле чуть в стороне от стола, также покрытый испариной, но при этом неотрывно следил за собравшимися.

- Если вы имеете в виду присутствующего здесь господина Ясония, - заметил Би Хоптон, - то это невозможно. Как минимум потому, что у него нет обязательного годового опыта работы в Конгрессе.

Я вытаращил глаза от неожиданности и раскрыл рот.

- Что вы, - отмахнулся Так Его, - какой из него Председатель?

Я хотел уже начать оправдываться, но понял, что это не очень уместно и, вздохнув, притих, хотя и чувствовал себя обиженным. Что сложного в должности Председателя? Сиди да звони в колокольчик...

- Я бы хотел, - продолжил Так Его, - чтобы вы сами выбрали кандидатуру, которая устроила бы всех.

- Предлагаю себя, - прокрипел Ле Сист, раскачиваясь из стороны в сторону. По тому, как он закатил глаза, я понял, что ему опять нехорошо, и внутренне напрягся.

- Да ну вас в жопу, -отреагировал Пакер. – Психопат хренов.

- Что?! – Ле Сист затрясся, задвигал судорожно руками, хватая воздухом рот, и начал медленно подниматься с кресла.

- Это записывать? - уточнила Цирикс, пошевелив аккуратными красными губками. – Про психопата? – Её густые длинные ресницы хлопали с таким невинным видом, что никто не посчитал нужным ей отвечать.

Так Его ухватил Ле Систа за плечо:

- Не волнуйтесь, уважаемый Ле Сист, прошу вас, иначе придётся снова вызывать врача. А вы, господин Пакер, выбирайте выражения, мы, простите, не в сортире.

- Воздух почти такой же, - буркнул Пакер.

- Кто-нибудь хочет поддержать кандидатуру доктора Ле Систа? – спросил Так Его.

- Гошподин Пакер прав, - вставил Нибудь. - В гробу мы видали такого Председателя. Предлагаю швою кандидатуру. Обязуюсь поменять вше жаконы в течение десяти дней.

- Подождите, - Так Его обвёл всех усталым взглядом. – А не хотите ли проголосовать за Вам Кого? Он энергичен, бескорыстен, в меру патриот... Как думаете?

- Я поддержал бы, - сказал Би Хоптон. – Хотя господину Вам Кого не помешало бы немного осмотрительности и спокойствия, но в этом Конгресс ему поможет...

- Я за, - подтвердил Пакер.

- Само провидение жалобно просит избрать меня! – выкрикнул Ле Сист, вставая. – Только меня! Смотрите! – он вытянул руку и направил один из костлявых пальцев в сторону Вам Кого. – У него в голове дыра!

- Мне плохо, - пробормотал Тутта Сидим, заваливаясь на бок и тяжело дыша.

- Нет! – заорал Ле Сист, потрясая уже двумя руками. – Это мне плохо! Неужели вы не слышите, как судьба даёт вам знак? Слышите голоса с потолка? Они говорят: «Изберите доктора Ле Систа, он исправился!»

Так Его стиснул потный лоб рукой, полузакрыв глаза и, помедлив несколько секунд, сказал:

- Простите, я устал. Заседание окончено. В пять часов состоится церемония ухода. Цирикс, вызовите им доктора.

Я вскочил с кресла и торопливо вышел в приёмную подышать. Задыхающиеся лидеры фракций гурьбой повалили следом.

- Вам Кого, останьтесь, - услышал я позади тихий голос Так Его. – Мне нужно вам дела передать.

Я стоял посреди коридора и наслаждался свежестью воздуха – здесь кондиционеры работали. Я пребывал в некоторой растерянности, оказавшись один. Вам Кого, похоже, был занят, ключей от его комнаты у меня не было, да и как туда добраться, я совершенно не представлял. Так я простоял с минуту, находясь в зависшем состоянии, из которого меня вывело неожиданное «Скучаете?» за моей спиной.

Я обернулся. Рядом стояла улыбающаяся Цирикс с маленькой чёрной сумочкой через плечо.

- Я собираюсь пойти пообедать, - сказала она. – Не хотите присоединиться?

- С утра не жрамши, - ляпнул я. – То есть, да, с удовольствием. Но у меня денег нет или что у вас там...

- Не беспокойтесь, угощаю, - она подмигнула. – Но обещайте мне рассказать о своей планете.

- Ага... Ладно.

Она ухватила меня за локоть и повела к лифту. От неё пахло чем-то чрезвычайно приятным, напоминающим весенний сад в цвету. Войдя в кабину, она нажала на кнопку и посмотрела мне прямо в глаза.

- Никогда раньше не общалась с землянами, - сказала она. – Если ещё немного преувеличить, даже не видела раньше. А вы вроде бы на вид обычный человек. Вы учёный?

- Да, - сказал я. – Только я экзамен завалил, но это временно.

- Что за экзамен? – повела бровью Цирикс.

- Про неизбежные события...

- Очень интересно.

Мы вышли из здания, и Цирикс уверенно повела меня через площадь. Я буквально млел от прикосновения её тоненьких пальчиков к моему локтю. Мимо нас летали платформы, площадь окружали величественные сверкающие здания, а сверху светило обжигающее Солнце. Вернее сказать, звезда, похожая на него – я забыл название. Цирикс шла к небоскрёбу, в нижнем этаже которого располагалось вполне земное кафе, украшенное снаружи вывеской с пляшущими буквами: «Егозонские ласы». А, да, вспомнил – звезда Зон.

Вся внутренность заведения представляла собой монолитную металлическую скорлупу сложной формы, из которой в некоторых местах словно бы вырастали столики и стулья, неотделимые от неё. Один из приливов образовывал нечто вроде

барной стойки. С потолка на тонких проволочках свисали массивные рогатые светильники. По всей скорлупе, включая потолок, разбросаны были разнокалиберные окна. Не успели мы расположиться за столиком неподалёку от входа, как к нам подошёл улыбающийся усатый официант в блестящем чёрном халате.

- Добрый день, - сказал он. – Вы поесть или музыку?

- Поесть, - ответила Цирикс. – Меню, пожалуйста.

Я принял из рук официанта книжечку и начал листать. К сожалению, мой психотранслятор молчал, видимо, не собираясь переводить печатный текст, так что содержимое меню для меня оставалось бессмысленным набором кириллических символов.

- Мне салат из гербидроля, - сказала Цирикс, перевернув пару страничек, - тосты с цефестом и мончо.

- А вам? – услужливо улыбнулся официант.

- Э... – сказал я. – А перчики халапенос, фаршированные сыром, у вас есть?

- Нет, - ответил он. – У нас только то, что в меню.

- Ну... Тогда мне то же самое, что и даме, - я закрыл книжечку и вернул официанту.

- Одну минуту, - сказал он, удаляясь.

Цирикс сцепила пальцы в замок и с интересом посмотрела мне в глаза.

- Ну? – спросила она. – Что расскажете?

- Э... Не знаю, - замялся я. – А что нужно?

- Как у вас там, на Земле? Что необычного?

- Ничего необычного, - я потёр нос. – Всё то же, что и здесь. Есть вот моря, есть дерево...

Цирикс изобразила интерес. Её глаза были глубокими, манящими, и в них хотелось провалиться.

- Так-так, - сказала она. – Что за дерево? Одно дерево?

Официант принёс две тарелочки с синеватой травой и приборы, напоминающие щипцы. Цирикс взяла один из инструментов в правую руку и умело отправила в рот пару комочков салата.

- Нет, - помотал я головой, не в силах оторваться от её лица. - Их много, и оно разное. Вот если, к примеру, ель, то оно зимой и летом одним цветом.

- И каким же цветом? – уточнила Цирикс

- Не помню, - сказал я и, сумев с третьего раза ухватить порцию травы, донёс её до рта. Губы обожгло, а ощущение на языке напомнило размякшую вату, пропитанную фурацилином. Я попытался жевать, но мне становилось всё более противно, и на глазах выступили слёзы.

- А зачем вы сюда прилетели? – поинтересовалась Цирикс, спокойно продолжая есть эту гадость.

Я с содроганием сглотнул мерзкий комок и отложил щипцы в сторону.

- Я это... Меня Вам Кого привёз. Они на Земле маразм устроили вместе с тигром и его братом.

Официант возник снова и поставил на столик два металлических стакана, а также тарелочку с тостами.

- Заберите, пожалуйста, - я отодвинул от себя гербидроль. – На чем я остановился?

- На маразме, - напомнила Цирикс, по-прежнему улыбаясь. – Так что такое маразм? И при чём тут вы?

- Я толком не знаю, - сказал я. – Но маразм может остановить нападение лаков на Землю. Так говорят.

Я взял с тарелочки тост, который неожиданно оказался липким, и осторожно откусил кусочек. Было похоже на ириску, перемешанную с опилками. Я пожевал

немного, отхлебнул из стакана и понял, что если выпью ещё хоть чуть-чуть, меня стошнит.

- Что ещё за мончо? – прошептал я, морщась. – Мазут, что ли?

- Сок растения с планеты Кинос, - ответила Цирикс. – Но я бы хотела понять – какова ваша роль в создании этого маразма?

- Да что мы всё обо мне, - спохватился я. – А вот вы какие книжки читать любите?

- Разные, - уклончиво сказала Цирикс. – Но я бы хотела услышать ваш ответ.

Я не понимал её внезапного интереса к этой теме, да и говорила она теперь странно, а улыбка на лице стала немного неискренней и даже неприятной, но всё же продолжил:

- Ну, как же... Я же тут самый главный по маразму. Он из меня прямо лезет...

Цирикс застыла. Её зрачки перестали двигаться, а рот остался полуоткрыт, и рука с тостом замерла в воздухе.

- Что с вами? – спросил я. – Вам плохо?

- Это вам могло стать плохо, Владимир, - послышалось от соседнего столика, расположенного за спиной Цирикс. Я растерянно посмотрел в ту сторону и увидел, что ко мне приближается Сам Дурак с винтовкой из чёрного пластика в руках. – Разрешите присесть?

Я промывчал в ответ, и он занял свободный стульчик.

- Загляните под стол, - посоветовал он.

Я наклонился и увидел, что застывшая рука Цирикс с приспособлением, напоминающим шприц, находится в паре сантиметров от моего колена.

- Может быть, она мне лекарство хотела вколоть? – предположил я.

- Может быть, - согласился Сам Дурак. – Но я не хотел рисковать.

- Что с ней?

- Я её вырубил, - ответил он, поглаживая ствол винтовки. – У неё на затылке главный коммутатор питания. Я встречал таких – модель семьсот шестьдесят первая, улучшенная. С пяти метров очень легко попасть.

- Она что - робот? – изумился я.

- Киборг, скорее. Большая часть организма – механика и электроника, но биологические процессы также присутствуют.

- Так это она – шпионка йокесов? – наконец дошло до меня.

- Я думаю, что она сама – йокес, - сказал Сам Дурак, доставая из кармана пищаний мобильник. – Прошу прощения. Алло. Да, я её нейтрализовал. Пришлите помощь.

Он убрал телефон, а я всё пытался сформулировать вопрос, и не мог.

- Как вы... догадались?

- Я сразу заподозрил её. Секретарша Председателя Конгресса – что может быть более удачным для разведки? Но меня смущало, что она прошла при приёме на работу множество тестов, один из которых выявляет роботов.

- Тест Тьюринга? - вспомнил я.

- Возможно, - кивнул Сам Дурак. – Я подозревал, что шпион – робот, поскольку роботу было бы проще, будучи незамеченным, подключиться к кабелю в коридоре, где постоянно ходят люди, и быстро обработать информацию. Кроме того, она не нуждалась в специальном устройстве для приёма шифра с жучка, установленного на факсе. Всё у неё здесь, - он дотронулся пальцем до лба Цирикс, покрытого нежнейшей белой кожей. – Вот только этот тест меня сбил с толку, так что я стал наблюдать за всеми подозреваемыми, надеясь уловить нечеловеческие особенности – механические жесты, неестественную реакцию. С конгрессменами это непросто, правда, потому что они все не вполне адекватны... Но помогла духота в кабинете Так Его. Цирикс была единственной, кто не потел. У неё даже косметика не потекла. Я спросил разрешения

Председателя её задержать и проследовал за вами сюда, а здесь уже пришлось действовать по обстоятельствам. Простите, если напугал.

- Ничего, - ответил я. - Но почему она хотела меня... убить?

- Точно не знаю, - сказал Сам Дурак. - Возможно, вы представляете какую-то опасность для йокесов.

Я посмотрел в неподвижное лицо Цирикс, подивился его правильным изящным чертам и поймал себя на том, что мне её жаль. Ну, робот, ну, шпионка, но всё равно жаль...

- Что с ней будет? - спросил я.

Сам Дурак усмехнулся.

- Если я прав, и она действительно йокес, то она убежит... Мне вообще несказанно повезло её задержать хотя бы на время. - Он посмотрел на часы. - Ну, где же подкрепление?

Как раз в этот момент в кафе ввалился круглолицый румяный человечек с такой же, как у Сам Дурака, винтовкой в руке, и вразвалочку заковылял к нам. Одет он был в чёрную форму, застёгнутую не на те пуговицы, а на голове красовалась потёртая кепка с мятым козырьком. Он приблизился к Сам Дураку и приложил ко лбу ладонь, вроде как отдавая честь:

- Рядовой Стоячок прибыл в ваше распоряжение, - пробурчал он, шмыгнув носом и пошевелив ушами.

- Вы один? - грустно произнёс Сам Дурак.

- Ага.

Сам Дурак вздохнул.

- А транспорт где?

- К завтраму освободится.

- Нам нужно доставить задержанную в камеру охраны, - начал Сам Дурак, но его голос заглушил громкий треск с потолка.

За доли секунды ситуация настолько изменилась, что я до сих пор не уверен, правильно ли я понял тогда, что именно произошло. Сначала моргнул свет. Затем заискрили лампы. Затем тяжёлая металлическая люстра, висевшая прямо над головой Цирикс, сорвалась вниз, ударив её по голове и осыпав снопом искр. Затем Цирикс вскочила, отбросив в сторону ненужный шприц, и от неё во все стороны разлетелась мощная волна упругого воздуха, от которой я, Сам Дурак и неуклюжий солдатик полетели на пол. В следующее мгновение в руках Цирикс появились два пистолета с огромными стволами - кажется, она достала их из собственного живота, но я не мог бы в этом поклясться - и она направилась ко мне, раздавив каблучком упавшую тарелку. Дуло одного пистолета смотрело точно мне в лицо, второго - в сторону Сам Дурака, который лежал чуть дальше и пытался дотянуться до винтовки.

- Не дёргайтесь, - произнесла Цирикс. - Могу убить. Всегда меня удивляли спецслужбы. Что особенного в том, чтобы пройти тест Тьюринга? У меня опыта не меньше, чем у человека. Знаете, сколько веков я на свете живу? Детский сад, ей-Богу... - Она пренебрежительно и грациозно повела плечиком. - И далась вам эта пукалка... Ничем она вам не поможет.

Сам Дурак, похоже, оставил свои попытки, и Цирикс обратила речь ко мне.

- Вы не верьте, Володя, тому, что они рассказывают, - сказала она, довольно улыбаясь. - Им везде мерещатся шпионы. Хорошая же получилась шутка с радиограммой? Я люблю шутить. И секретарская работа мне нравилась - столько смешного! Жалко, придётся поменять. Очень меня заинтересовал ваш маразм, очень. Но пора прощаться...

Она взвела курок и прицелилась в мой лоб. Она выглядела просто ослепительно, но в тот момент я думал совсем не об этом, поскольку мне оставалось жить несколько миллисекунд. Говорят, что вся жизнь в такие моменты проносится перед глазами. Не

знаю. Я успел вспомнить только, как обкакался в четвёртом классе на уроке природоведения, стесняясь отпроситься в туалет.

Цирикс вдруг подняла пистолет вверх, присела, и, легко оттолкнувшись от пола, прыгнула вертикально вверх. Она пробила головой одно из окон в потолке, осыпав всё вокруг мелкими осколками, и исчезла.

- Вы как? - спросил Сам Дурак, вставая с пола и подбирая винтовку.

- Нормально, - ответил я, тоже поднимаясь и отряхивая стекляшки с джинсов. –

Устройте погоню?

- Догнать йокеса – это утопия, - ответил он. – Видели, что с люстрой произошло?

- Как она это сделала?

- Никак. Просто скачок напряжения, искра, шнур, видимо, лопнул. Удачно коротнуло цепь питания, и она ожила. Йокесам всегда фантастически везёт.

- А чем нас отбросило?

- Ерунда, - отмахнулся Сам Дурак. - У боевых роботов часто есть несколько зарядов, создающих область высокого давления. Иногда их называют кислородными гранатами. Мне больше интересны два других момента. Первое – почему она вас не убила?

Я пожал плечами.

- И второе... – Сам Дурак приблизился к рядовому Стоячку, который лежал на полу с лицом сине-розового цвета, высунув язык, и издавал нечленораздельные звуки. – Что с ним теперь делать?

Я заметил, что из ноги солдата точит воткнувшийся в неё шприц.

- Вы были правы, - сказал Сам Дурак. – В этом шприце было лекарство. Думаю, что не очень опасное, но непередаваемые ощущения я этому горе-бойцу гарантирую. Вы не поможете?

Мы поставили Стоячка на ноги и потащили к выходу из кафе. Он мычал и, спотыкаясь, пытался идти самостоятельно.

Около двери наш путь преградил тот самый официант с усиками.

- Вы не заплатили, - с приторной улыбкой обратился он ко мне.

- Так это же... – сказал я. – Она же... Да и денег у меня нет.

- Не волнуйтесь, - сказал Сам Дурак. – Будет справедливо, если ваши расходы покроют Силы Безопасности. Сколько с него?

- Семнадцать единиц, включая две с половиной за стекло и посуду, - ответил официант.

Сам Дурак присвистнул:

- Это что же вы такое ели, если не секрет? – уточнил он, доставая приборчик для оплаты.

- Э... Цефест, мончо и гербидроль...

- Ещё одна шутка Цирикс. Она заказала самую дорогую экзотическую гадость, какая существует в природе... Вы не могли выбрать макароны по-флотски? Они у них здесь замечательные и стоят примерно в сто раз дешевле.

- Если бы я знал, как они пишутся по-моудийски, - вздохнул я, - я бы их с превеликим удовольствием заказал.

- Ладно, - Сам Дурак нажал пару кнопок. – Не берите в голову.

Официант кивнул и пропустил нас.

- Хотя вообще-то, - добавил Сам Дурак, когда мы, пыхтя, спускались с крыльца, - у них есть перевод меню на все языки Галактики. Нужно было только спросить.

Мы доволокли солдата до входа в здание Конгресса, где расстались - они вошли в комнатку охраны на первом этаже, а я преодолел турникеты и поехал на лифте на двадцать второй этаж. Выйдя в холл, я призадумался, куда идти. Но в ту же секунду заметил, что ко мне приближается Вам Кого с озабоченным видом.

- Володя? – удивился он. – Вы где были? Нам нужно вниз, на церемонию прощания с Председателем.

Мы снова вошли в лифт, и я как мог описал произошедшее в кафе. Выражение лица Вам Кого несколько раз менялось за время моего рассказа от изумления до задумчивости, а когда я стал объяснять, как Сам Дурак вычислил шпионку, он глубокомысленно изрёк:

- Несомненно, у этого парня есть те маленькие серые клеточки, о необходимости которых всё время говорили большевики. Надо будет взять его на заметку.

Пока я заканчивал рассказ, мы вышли из лифта на втором этаже и проследовали в обширное мрачноватое помещение, забитое людьми. Приглушённый свет, скорбные лица и тёмные костюмы мгновенно настроили меня на серьёзный лад. Я успел подумать, что из всех присутствующих только Вам Кого одет в светлое, и мне стало за него неудобно. Впрочем, я тотчас же сообразил, что и на мне белая футболка с надписью неизвестного содержания.

Мы, расталкивая толпу конгрессменов, пробрались поближе к каменному возвышению в дальнем конце зала. На нём был установлен механизм, основной частью которого являлось металлическое ложе, прикреплённое вертикально к массивному основанию. В основании горел красный цифровой индикатор, отображавший число «00.0». Несмотря на то, что все, кого я видел, стояли молча, по залу всё время пробегал тихий шепоток, и я чувствовал себя словно тонущим в колышущемся море.

Над подмостками открылась тяжёлая серая дверь, и из неё вышел Так Его, одетый в строгий чёрный костюм с галстуком в мелкую белую точку. Он смотрел прямо вперёд, над толпой, отрешённо, невидящими глазами. Подойдя к краю возвышения, он остановился, и губы его дрогнули, но он промолчал. Наступила полная тишина, а Так Его всё стоял молча, почти не шевелясь. Прошло около минуты. Потом он покачнулся и произнёс тихо – так, что слышали немногие:

- Простите, если можете. И прощайте.

Так Его подошёл к механизму, и двое военных, поднявшихся на помост, помогли ему прислониться к кровати и притянули к ней широкими серыми ремнями грудную клетку и металлические ноги. Мне это напомнило то ли больницу, то ли камеру смертников из американских фильмов, и я немного поёжился.

Наконец военные отошли, а механизм зажужжал, и кровать поехала вверх, принимая горизонтальное положение и разворачиваясь так, что Так Его оказался к нам левым боком. Устройство вздрогнуло и замерло, а цифры на помосте отображали «36.7».

- Это температура? – прошептал я.

- Да, - тихо отозвался Вам Кого.

- По Цельсию?

- По водяной шкале. Это то же самое, - весь вид Вам Кого показывал, что мои вопросы сейчас ни к чему, и я затих.

Так Его не шевелился, и было невозможно понять, жив он или нет, но вдруг цифры стали довольно быстро меняться – сначала 36.5, потом 33.3, и так далее, пока не остановились на 22.4, изредка моргая тройкой в младшем разряде.

Кровать снова развернулась и двинулась к стене, где открылось маленькое незаметное окошечко. В него и заехала верхняя часть ложа вместе с телом. Затем крышка закрылась, и я понял, что всё завершилось. Так Его не стало.

У меня было много вопросов, но я расхотел их задавать, как только взглянул на Вам Кого. В его глазах стояли слёзы, он дрожал и прикусывал губу.

- Пойдёмте, - сказал он и неторопливо побрёл к выходу, где уже толкались, пытаясь вылезти сквозь узкий проход, члены Галактического Конгресса Империи Седьмой Плиты.

- Ненавижу, - прошептал Вам Кого.

Скоро путь освободился, мы не спеша добрались до лифта и поехали вверх. В комнате Вам Кого первым делом налил себе рюмку водки, выпил, затем налил ещё одну и сел за клавиатуру.

- Надо приглашение разослать на завтрашнее заседание, - сказал он лишённым эмоций голосом и защёлкал по клавишам пальцами.

Я присел на краешек дивана и послушал, как урчит мой желудок.

- Извините, - сказал я, - а у нас нет чего-нибудь поесть?

Вам Кого повернул ко мне голову и несколько секунд соображал.

- Простите, Володя, - сказал он, наконец. – Я совсем забыл про вас, а вы же сегодня, должно быть, ничего не ели. Сейчас закажем в номер.

Он позвонил по телефону и попросил принять заказ, а я откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и задумался. Мне вспомнились прозрачные серые глаза Цирикс, её короткая стрижка, уверенные движения, довольная усмешка...

Я вздрогнул от того, что кто-то сел рядом со мной на диван. Это был Вам Кого с двумя рюмками в руках.

- Выпейте, - сказал он. – Давайте помянем Так Его. Вот и огурчик последний, берите. Я-то привык не закусывать.

Я заглотил жгучую водку и принялся жевать кисленький огурец.

- Странно провожать людей на тот свет, - заговорил Вам Кого, опутив взгляд в пол, - а самому здесь оставаться. Так Его принёс бы намного больше пользы, чем я.

- А от чего он умер? – спросил я, чувствуя растекающееся по телу приятное тепло.

Вам Кого уставил на меня непонимающий взгляд:

- То есть как это от чего? Вы же видели. Его время пришло.

- Нет, это я понимаю... А как?

- Лёг и охладился до комнатной температуры. В чём вопрос, простите?

- Ну, люди умирают от инфаркта, от рака, от выстрела в голову, или если стаканом подавятся...

- А! – Вам Кого хлопнул себя по лбу и вздрогнул, попав пальцем в дыру. – Вот вы о чём. Он же был Председателем Конгресса. Председателю полагается умирать, когда заканчивается срок правления.

- Да, это я понял... Но как это делается? Вживляется какая-нибудь капсула с ядом?

- Зачем? Просто приходит время...

В этот момент в дверь постучали.

- Войдите! – крикнул Вам Кого, поднимаясь с дивана.

В номер закатилась тележка с несколькими дымящимися тарелками, а за ней вошёл улыбчивый стюард в разноцветном костюме, напоминавшем клоунский.

- Спасибо, - сказал Вам Кого. – Можете идти.

- Ароматизацию не желаете? – осведомился стюард.

- Ни в коем случае, - отрезал Вам Кого, и тот поспешно вышел.

- Ну-с, - Вам Кого потёр руки, - что у нас тут?

Он ухватил с одной из тарелок кусок чего-то среднего между кулебякой и пиццей и вгрызся зубами в край.

- Эх, - сказал он, жуя. – Вы не понимаете, Володя, насколько всё сложно. Разлейте, пожалуйста, ещё по одной. Благодарю. Знаете ли, я вчера имел беседу с Так Его. Всего несколько минут, но... Ваше здоровье.

Я выпил ещё, заглотил первый попавшийся фрукт и почувствовал, как разыгрывается аппетит. Ухватив чистую тарелку, я принялся накладывать одно, другое третье... Вам Кого же продолжал:

- Я и не представлял, насколько всё плохо... Не подадите ножичек? Я всё время считал политику соревнованием, в котором выигрывает тот, кто приносит больше пользы обществу. Теперь я понял, что это совсем не так. Бюджет Империи – чистая фикция, деньги разворованы, коррупция в правительстве такая, что и бороться бесполезно... Мне Так Его рассказал, как и почему не хотят отменять поправку Женского Веника – это просто уголовный беспредел... Благодарю. Вон тот салатик попробуйте, из кишок трапецунда. Похож на вашу «мимозу»... На чём я остановился?

- На беспределе, - с трудом выговорил я с набитым ртом.

- М-да. Места там красивые... – Вам Кого свёл глаза к носу, задумавшись, и я заметил, что он сильно опьянел.

- Вы обещали мне рассказать, кто такие йокесы, - напомнил я.

- Йокесы? – он очнулся. – Ну, как вам сказать... Честно говоря, никто толком не знает. Кто-то считает их демонами, кто-то шайкой преступников, и, на мой взгляд, это недалеко от истины. Сами себя они называют исполнительной силой Вселенной, поскольку иногда выполняют заказы за деньги.

- Какие заказы? Чьи? – не понял я.

- Давайте ещё, - сказал Вам Кого, протянув рюмку. – О чем бишь мы? А, да, йокесы. Понимаете ли, в чем дело... Всех они раздражают. Вроде бы не вступают в открытую борьбу, но мешаются постоянно. А если бы вступили, то подебили бы... победили, то есть, всех, - он махнул рукой, уронив на пол тарелку. – Ну вот, разбилась...

- На счастье, - сказал я.

- Какое тут счастье... - вздохнул Вам Кого. – Ещё налейте. А вы почему про йокесов? А, понятно. Цирикс. Мне она тоже нравилась. И не скажешь с виду, что робот. Аппетитненькая такая...

Меня несколько покорило от слова «аппетитненькая», но я списал его на усталость Вам Кого, который уже с трудом сидел прямо.

- Сильная, - сказал я. - И красивая. Жалко, что против нас.

- Кто, йокесы? – удивился Вам Кого. – Почему против нас? Вот я вам сейчас расскажу... Была такая планета Дормидонт, ближе к центру, слева. Выращивали рис и ели. И внезапно пожрала весь рис тля. Люди мрут, паника, денег закупать продовольствие и привозить через космос нету, Конгресс затеял обсуждение на год, какой процент бюджета выделить в помощь голодающим, так что в результате ничего не выделил.... Объявились йокесы. Говорят, давайте мы уничтожим всю тлю, а в награду возьмём ядро вашей планеты, чтобы пустота была внутри. Дормидонты отказались, из гордости. Так вот просыпаются они в один день – тли нет, рис колосится в 10 раз пуще прежнего, ядро планеты на месте, только правители всех стран в жутких разноцветных татуировках с неприличными словами.

- Не понял, - сказал я, заглотив очередную рюмку. – А зачем это йокесам? И пустота в центре планеты зачем?

- Да хрен их поймёт, - сказал Вам Кого. – Их все боятся, потому что никто не знает, чего от них ждать. Вот вы как раз сейчас едите рис с Дормидонта.

- Это же макароны, - заметил я.

- Это рис, он просто выглядит так.

- Всё у вас не как у людей, - огорчился я. – Бутылка кончилась.

- Да вон, возьмите в холодильнике.

Я встал с дивана и направился к красному холодильнику в углу, но холодильник начал заваливаться набок, и пол вероломно ударил меня по уху. Я засмеялся и попробовал встать.

- Осторожнее, - сказал Вам Кого. – Я сам сейчас принесу, сидите.

Через пару минут он разлил ещё, и мы, переместившись на пол, продолжили нашу беседу.

Алкоголь – абсолютное, безусловное зло. Человек начинает пить обычно из-за какой-нибудь глупости – за чьё-нибудь здоровье или чтобы попробовать, а как это – быть пьяным. Иногда достаточно «попробовать» всего несколько раз, чтобы больше не остановиться. Он пьёт сначала раз в неделю, потом каждый день, потом по утрам перед работой или даже во время работы, придумывая для себя оправдания, изворачиваясь и хитря.

Печень может перерабатывать спирт в мизерных количествах, по несколько граммов. Если эта доза превышает, она перестаёт справляться. Но проблемы с печенью – это только начало. Скоро начнёт болеть сердце, разрушаться мозг, да и все внутренние органы постепенно приходят в негодность. Однако и это не самое страшное.

Алкоголь постепенно меняет человека как личность, делает его злобным, эгоистичным и безразличным ко всему. Изменения эти необратимы. А когда человек пьян, то он вообще не может собой управлять, его несёт на подвиги, он совершает такие вещи, на которые никогда не пошёл бы в трезвом состоянии, и даже преступления. Если вы выпили в жизни несколько рюмок, вы тем самым подписываете бумагу, в которой соглашаетесь стать уголовником, как бы это странно ни звучало.

Вы уходите во всё более длительные запои и выходите из них только тогда, когда организм перестаёт справляться, и вы просто не можете больше пить. Проходит несколько дней, сердце отпускает, виски давит не так сильно, и вы начинаете снова, и у вас очень мало шансов из этого вырваться, поэтому вы всё пьёте и пьёте, мучая своих близких и вызывая отвращение у окружающих, пока не сопьётесь окончательно и не кончите свою жизнь в грязной канаве.

В то утро, когда я проснулся в комнате Вам Кого, я ещё ничего этого не понимал, но уже тогда решил, что больше пить не буду. Потому что чувствовал себя так плохо, как никогда прежде. Я не мог встать с дивана, куда, меня, должно быть, заботливо уложил вчера Вам Кого. Я очень хотел воды, но был не в силах дотянуться до бутылки, закатившейся под сервировочный столик. Меня тошнило, кружилась голова, и сдавливало череп до такой степени, что больно было глазам.

Я лежал так, наверно, с час. Потом смог-таки свалиться с дивана, доползти до бутылки и выпить из неё целый литр газировки. Затем опустился на пол и, постанывая, лежал ещё очень долго, пока в дверь не ворвался абсолютно свеженький Вам Кого.

- Выбрали! Володя, вы не представляете! – заорал он, принося ужасные страдания моим вискам. – Да и с огромным перевесом! Ле Сист устроил такие inferнальные пляски, что врачам пришлось его связывать.

Я присел и посмотрел на него, ощущая подкатывающий к горлу комок тошноты.

- Вы так смотрите, Володя, как будто не понимаете, - он присел на кресло с совершенно самодовольным видом и водрузил на голову шляпу. – Представляете, я созвал заседание, чтобы обсудить выделение денег на военные нужды, а Би Хоптон предложил ускорить выборы Председателя и провести голосование прямо сегодня. Подавляющее большинство было за, так что началось выдвижение. Независимые пытались возмущаться, но их не особо слушали. Выдвинулись Ле Сист, Нибудь и я. В итоге за меня двести сорок голосов, за Нибудя тридцать с чем-то, а за Ле Систа четыре. Вы представляете? Его собственная фракция не поддержала. – Вам Кого бросил на меня гордый взгляд и насторожился. – Что-то вы нехорошо выглядите, Володя. Вам надо похмелиться.

- Нет, - решительно сказал я, вставая на четвереньки.

- Всё равно надо отметить, - возразил Вам Кого. – Вы понимаете, я же теперь Председатель Конгресса! Я сам в это не верю до сих пор. Правда, формально я стану Председателем через полчаса, когда мне отрежут ноги.

- Поздравляю, - сказал я, вползая на диван, - но пить я не буду.
- Вам станет легче, поймите, - я содрогнулся от булькающего звука. – Уж моему опыту в этом деле вы можете доверять, - Вам Кого приблизился ко мне с рюмкой.
- Не буду, - уже не так уверенно повторил я.
- Если вы не выпьете, то вам будет плохо ещё сутки! – возмутился Вам Кого. – А вы мне нужны.

Я представил ещё сутки этой пытки и с омерзением влил в себя граммов пятьдесят обжигающей вонючей отравы, зажевал предложенным кусочком мяса или чего-то похожего. К моему удивлению, через минуту боль в висках отступила на задний план, и желудок стал урчать более миролюбиво.

Тем временем Вам Кого снова уселся в кресло и продолжил:

- Король умер! Да здравствует король! – Он воздел в воздух руку с пустой рюмкой. – Я мечтал об этом всю свою жизнь. Такое могущество! Правда, после всего, что мне рассказывал Так Его, я понимаю, что всё не настолько радужно, но я справлюсь. Вы же верите в меня, Володя?

- Угу.

- У вас на Земле в Средневековье любили давать царям смешные прозвища. Фридрих Прыщавый, Карл Лысый, Людовик Толстобрюхий... Меня бы, наверно, называли Вам Кого Дырявая Башка. А что? Звучит...

Он мечтательно уставился в потолок с глуповатой улыбочкой, потом посерьёзnel.

- Ладно, Володя. У меня сегодня напряжённый график, так что мне придётся вас оставить. Вот вам ключ от комнаты на всякий случай. Через... Хм, уже через двадцать минут подходите в Комнату Радости на втором этаже, рядом с лифтами. Ну, вы увидите, там народ будет толпиться. Лучше даже прийти заранее, комнатка маленькая. Дело в том, что Зал Торжества опять ремонтируется, как всегда вовремя... Ну да ладно, мне пора.

Он отшвырнул шляпу на стол, сорвался с места и скрылся за дверью. Я немного посидел, закрыв глаза, затем отправился в душ. Струи воды, смывшие вчерашний пьяный пот, помогли немного прийти в себя, так что к тому времени, как я входил в лифт, от моего плохого самочувствия остались только тяжесть в голове, небольшой дискомфорт в желудке и желание лечь спать.

- Доброе утро, - услышал я, выходя из лифта. – На церемонию?

Ко мне приближался Сам Дурак в чёрном гражданском костюме.

- Да, - сказал я. – И вам тоже утро. А что там будет происходить? – кивнул я в сторону толпы, которая шумела в коридоре.

- Вам Кого произнесёт речь, потом ему отрежут ноги и заменят их протезами, - просто ответил Сам Дурак.

- Зачем?

- Традиция, - Сам Дурак пожал плечами. – По одной из версий, первому Председателю Конгресса придавило ноги Седьмой плитой. Но вообще о том времени не сохранилось достоверных сведений, так что считайте это просто религиозным обрядом.

Мы двинулись к комнате Радости, где на входе три дюжих охранника досматривали всех входящих и пропускали внутрь. Впрочем, внутрь – это слишком сильно сказано. Миновав охрану, люди вынуждены были толкаться около двери, поскольку комната уже была забита до отказа, а народ всё прибывал.

- Меч сдайте, пожалуйста, - сказал охранник Сам Дураку, указав на небольшой чёрный предмет в руке.

- Где смогу получить назад? – уточнил Сам Дурак, протягивая меч.

- Здесь же, - ответил охранник. – Вот, на стеллаже будет лежать.

Сам Дурак кивнул, и мы присоединились к толпе, которая пыталась пролезть внутрь.

- Хотите увидеть, что там происходит?

- Конечно, - ответил я, ожидая, что Сам Дурак предложит сейчас хитроумный способ обойти толпу и оказаться внутри комнаты на выигрышной позиции.

- Тогда толкайте и работайте локтями.

- Только бы не стошнило, - пробормотал я и навалился на толстяка, который пытался прямо передо мной, пытаясь залезть на плечи впереди стоящего щупленького старичка. Нам удалось пропихнуться вперёд на пару метров, после чего напиравшая сзади толпа понесла нас дальше, вдоль стены.

Комната напоминала школьный актовый зал, только раза в три меньше. Там, где обычно располагалась сцена, был установлен металлический заборчик, от чего всё это немного напоминало бы кладбище, если бы не притиснутые толпой к заборчику человеческие тела. Внутри ограждения располагался стол на колёсиках, накрытый кожаной пелёнкой, а рядом со столом стоял хмурый Вам Кого, одетый в белый балахон, представляющий из себя нечто вроде простыни с дыркой, чтобы продеть голову.

Нас как раз швырнуло пару раз волнами человеческого мяса, так что мы оказались довольно-таки близко от заборчика. Я даже хотел помахать Вам Кого рукой, но меня так стискивали с боков, что извлечь руку не представлялось возможным.

Вам Кого поднял глаза на толпу и грустно сказал:

- Господа! И все остальные тоже, конечно. Я с благодарным и громогласным содроганием принимаю эту должность и торжественно обещаю, что буду очень стараться, а там уж, понятное дело, если что, то вина не моя.

Он умолк, постояв немного, потом махнул рукой и принялся укладываться на стол.

- Кратко, но понятно, - пробормотал Сам Дурак, пытаясь высвободить вокруг себя клочок свободного пространства.

- Что-то он невесело выглядит, - заметил я.

- Процедура не особо приятная, - ответил Сам Дурак.

Из небольшой дверки в стене по ту сторону оградки появилась фигура человека, одетого в длинный свободный балахон из красной ворсистой ткани. Голову скрывал мешок с прорезями для глаз, делающий его похожим на палача, а дополнял картину короткий меч, сжатый в руке, одетой в чёрную кожаную перчатку.

Палач приблизился к Вам Кого, лежащему на спине, и отогнул край простыни, обнажив его бледные костлявые ноги.

- Это всегда так зловеще выглядит? – прошептал я.

- Вроде бы да, - сказал Сам Дурак, вглядываясь в «палача». – Хотя...

«Палач» поднял руку с мечом, замахнувшись над Вам Кого, и я успел разглядеть, какая странно худая рука мелькнула в рукаве его балахона.

- Не может быть, - пробормотал Сам Дурак, неотрывно глядя в ту сторону, и вдруг громко заорал: - Стойте! Остановите его!

Однако меч опустился на ноги Вам Кого, отсекая их, словно колбасу. Брызнули яркие, мощные струи крови. Вам Кого вскрикнул и дёрнулся.

- Что не так? – спросил я.

- Это не тот меч, - ответил Сам Дурак. – Это мой меч! Кровь не остановится. Врача!

Палач тоже крикнул странным свистящим голосом: «Врача! Вызовите врача!», при этом быстро скрываясь за дверью.

Кровь несколькими алыми фонтанами хлестала на толпу, которая в страхе пятилась назад, относя нас с Сам Дураком всё дальше. Несколько капель попало мне

на волосы. Я ощутил, как пытаются лопнуть мои стиснутые ребра, а комок тошноты силился выползти наружу. Вам Кого корчился от боли на столе и стонал. Его отрезанные ноги свалились на пол, обагрив его растекающейся густой жидкостью.

Наконец появились врачи, и стол с Вам Кого покатали за дверь. Толпа шумела, пытаясь прорваться к выходу. Сам Дурак, бледный как полотно, тихо бормотал нечто содержащее слова «невероятно», «позор» и «невозможно».

Потом я узнал, что в толпе погибли два конгрессмена – одному раздавили в давке грудную клетку, другого затоптали. Или наоборот? Говорили также, что церемония впервые за тысячи лет прошла не по запланированному сценарию. Как бы то ни было, именно так началось официальное правление семьсот шестьдесят первого Председателя Галактического Конгресса Империи Седьмой Плиты Вам Кого Дырявая Башка.

Глава 13. Верхний торец Седьмой Плиты

Казалось бы, у людей давно отпала необходимость сражаться друг с другом из-за еды, да и саму еду вовсе не нужно теперь добывать на охоте, выслеживая добычу в чащах лесов и расщелинах скал. Однако в нас по-прежнему слишком много агрессии. Тётка, замешкавшаяся впереди на эскалаторе, вызывает желание как минимум наорать, а то и пнуть её в большую мягкую попу. Проигрыш любимой команды – повод набить морду болельщикам соперников. Таракан, мирно пасущийся на стенке холодильника, заставляет схватиться за тапок. Мы разучились разрешать конфликты мирным путём, предпочитая накачивать мышцы, усовершенствовать оружие и технику боя. Мы зашли очень далеко по этому пути, и наши дубины становятся всё более мощными и причудливыми.

Так думал я, стоя у иллюминатора в рубке огромного имперского крейсера, вооружённого до зубов для битвы с лаками. Оружие переросло человека настолько, что он спокойно мог находиться в его чреве, словно кишечная палочка, такой же ничтожный и самодовольный.

- Так не может продолжаться бесконечно, - произнёс Вам Кого, неслышно подкравшийся сзади. – Терпеть не могу бездействия.

Я кивнул. Много случилось за последние дни, но вот наступило время, когда не происходило абсолютно ничего... Впрочем, по порядку.

Вам Кого выписался из больницы через сутки после церемонии, вполне бодрый и уравновешенный. Он успел уже привыкнуть к своим металлическим протезам, хотя не переставал жаловаться, что культы ног всё время чешутся из-за адского состава, которым был обработан мокрый меч. Его не очень интересовало, как и почему меч был подменён, хотя он склонялся к тому, что во всем виноваты всё те же йокесы. Он носился по всему зданию, участвуя в бесконечных совещаниях по поводу объявленной войны и развлекая себя тем, что наступал исподтишка кому-нибудь на ногу жёсткой металлической чашкой своего протеза, а затем извинялся за неуклюжесть и, хихикая, предлагал наступить в ответ.

Пока он занимался политикой, я успел слегка освоить Сياتку – местный аналог Интернета, в котором обнаружил некоторое количество текстов на русском, то бишь на протоязыке. Больше всего понравились анекдоты, в большинстве своём абсолютно непонятные, но всё равно смешные. Вот, например, над этим я долго смеялся, хотя вряд ли понял, что имел в виду автор:

«Полетела как-то старая тётка из Голоперы в Буд.

Возвращается и говорит внучке:

- Хорошо там, только порции маленькие.
- А зачем тебе большие? Ты же и так ничего не ешь после тридцати.
- Я их использую».

По-моудийски я тоже понимал уже несколько десятков слов, так что конфуза в кафе больше не допустил бы.

Скоро, однако, пришлось эти занятия оставить – поступили сообщения, что эскадра лаков движется к Эгозону, и Империя решила выдвинуть ей навстречу свой флот. Вам Кого предпочёл возглавить его лично, прихватив с собой Сам Дурака в качестве военного советника и меня – видимо, в качестве собутыльника, коим я становиться никак не хотел, хотя чаще всего и уступал его предложению выпить.

Вылетели мы позавчера, и в тот же день вышли на позиции, находящиеся в прямой видимости от эскадры лаков. На этом всё и закончилось. Лаки остановились, мы тоже. Ни одна из сторон в сражение вступить не решалась, так что два огромных флота висели в космосе, изучая друг друга всеми возможными способами, и испытывали чужое терпение.

- Почему они не нападают? – спросил я.

Вам Кого пожал плечами.

- А мы почему?

- А смысл? – задумчиво произнёс Вам Кого. – Видите ли, Володя, у флота лаков – мощное защитное поле. Шансы его пробить невелики. Мы долгое время соперничали в развитии вооружений, а ещё больше – в развитии средств обороны. Мы изобретали снаряды, способные преодолевать поле противника, а противники один за другим – поля, защищающие их от новых снарядов. Вроде бы игольчатые пули могут преодолеть это поле, но никакого серьёзного ущерба им они не нанесут...

- И что же мы будем делать?

- У нас давно не было настоящей войны, так что я не знаю. Все предыдущие кратковременные стычки выигрывались либо за счёт внезапности, либо хитростью... Первое в данном случае не подходит, на второе у меня, хм, видимо, мозгов не хватает... Короче, Володя, мне это надоело.

Вам Кого размял плечи, развернулся лицом к низенькому, с густыми бровями капитану Дубудаму, стоящему невдалеке в ожидании распоряжений, и командовал:

- Капитан, готовьте все орудия к бою. Дадим им короткий, но как можно более мощный залп. Проверим слабые места.

- Слушаюсь, господин Председатель!

Капитан подошёл к пультам и начал отдавать команды: некоторые текстом с клавиатуры, некоторые – голосом в микрофон:

- Двенадцатый - сороковому, извлекайте свои ядра!

- Сороковой - двенадцатому, ядра извлечены, - доносилось из динамика.

Вам Кого удовлетворённо кивнул и вновь обратился лицом к иллюминатору.

- Мы готовы, Председатель, - сказал Дубудам. – Прикажете стрелять?

- Извольте, - ответил Вам Кого.

- Огонь! – командовал капитан в микрофон.

Грохнуло. Корабль вздрогнул, и чёрный космос за иллюминаторами озарился тысячами разноцветных вспышек.

- Самый красивый фейерверк, что я когда-либо видел, - прошептал я. – Видите, вон там зелёные огонёчки рассыпаются?

- Это наши флистерные боеголовки разбиваются о защитное поле, - пояснил Вам Кого. – А вон те красные змейки, которые вспыхивают слева – это днехт, который растёкся по невидимому защитному контуру. Так что, как видите, мы потратили деньги налогоплательщиков совершенно впустую. Хотя... Капитан, мне кажется, вон тот маленький корабль повреждён?

Я не понимал, как Вам Кого что-то разглядел – для меня флот лаков представлялся скоплением тусклых звёздочек, но капитан подтвердил:

- Компьютер утверждает, что слегка задета антенна.

- Такими темпами мы один кораблик, наверно, совсем лишим связи, если израсходуем все боеприпасы, - сказал Вам Кого.

Автоматические двери рубки разъехались, и вошёл Сам Дурак, держащий в руке злополучный меч.

- Стреляли? – спросил он.

- Да, - отозвался Вам Кого. – Протестировали вооружение. Толку ноль и ноль в периоде.

Компьютер на пульте капитана запищал.

- Сообщение от лаков, Председатель, - сообщил он.

- Зачитайте, пожалуйста, - попросил Вам Кого.

- Читаю... «Досточтимые ходунцы! Вашим жизненным целям стрельба не отвечает. Мы имеем вашу Плиту, которая уже исследуется специалистами, а также нашу несокрушимую Вторую, которая в мгновение способна деформировать ваши тела в нежизнеспособную плоскую конструкцию. Верховный Адмирал лаков Ггу-Ффу».

- Враки, - сказал Вам Кого. – Если бы могли, давно бы деформировали. Они сами плохо умеют со своей Второй Плитой обращаться. Хотя, надо признать, как оружие она имеет чрезвычайно большой потенциал.

- А кто такие ходунцы? – не понял я.

- Это мы, - ответил Вам Кого. – Потому что не летаем. А вот положение действительно серьёзное. У лаков есть две Плиты, у нас – ни одной. Это всё равно как если бы во время холодной войны у Советского Союза всё ядерное оружие украли.

- Вы и про холодную войну знаете? – удивился я.

- Я всё про Землю знаю... – ответил Вам Кого, усмехаясь.

- Есть идея, - сказал Сам Дурак. – Рискованная, правда. А что если послать небольшую диверсионную группу на «Лакеру»? В лучшем случае отобьём Плиту, в худшем – взорвём корабль, а Плиту отправим к нам – есть же команда перемещения, насколько мне известно?

Вам Кого кивнул:

- Есть. Только как вы проберётесь на «Лакеру»? Во-первых, защитное поле. Во-вторых, корпус корабля. Не консервным же ножом его вскрывать. Да и диверсионная группа – это сильно сказано. Вы видели наших молодцов? Потеряют оружие, поднимут кучу шума, попадут в плен, а потом ведем переговоры об их трупах - Синее Пламя, прости мне кощунство.

- Защитное поле я возьму на себя, - ответил Сам Дурак, - это несложно. А вот на корабль проникнуть тяжело, надо подумать. Телепортироваться сквозь поле невозможно, да и блокировка наверняка стоит.

- Может, через люк? – спросил я.

- Какой люк? – переспросил Сам Дурак.

- Я был на «Лакере». Меня похитили... Прошу прощения.

В скромное пространство рубки ворвался громкий «Имперский марш». Я достал телефон.

- Алло.

- Алло. Это общество инвалидов? – спросил неприятный свистящий голос.

- Нет, это Володя, - ответил я.

- Извините, - просвистели в трубке. – Передавайте инвалидам привет.

Услышав гудки, я убрал телефон.

- Володя, - уточнил Вам Кого, - у вас же сотовый с Земли?

- Да, - кивнул я.

- И здесь ловит?
- Нет, что вы, - ответил я. – Просто номером ошиблись.
- А, ясно, - кивнул Вам Кого.
- Так что там насчёт люка? – нетерпеливо вмешался Сам Дурак.
- Меня везли в маленькой комнатке на брюхе корабля, - объяснил я. - Мне

удалось выбраться, открыв люк.

- Можете на схеме показать?

Я пожал плечами:

- Думаю, да.

Сам Дурак вывел на монитор контурное изображение «Лакеры», повертел его кнопками и приблизил.

- Вот здесь, - я ткнул пальцем в рисунок. – Но он, наверно, заделан уже. Не летают же они с дырой в корпусе.

- Ничего, - сказал Сам Дурак. – Всё равно это облегчает нам задачу. Господин Председатель, вы позволите взять Ясония с собой? Отправимся вдвоём, чтобы шума было поменьше. Он производит лучшее впечатление, чем ваши солдаты, да и на «Лакере» был уже.

- Я только с краешку, - уточнил я. – Совсем чуть-чуть.

- Ну, даже не знаю, - замялся Вам Кого. – В принципе, миссия Ясония уже выполнена, и его вполне можно пустить в расход... Решайте сами.

- В расход? – недоумённо переспросил я.

- Короче, собираемся, - энергично перебил Сам Дурак. – Пойдёмте, вам надо скафандр подобрать.

Мы вышли из рубки в коридор, стены которого были увешаны технологическими кабелями, прошагали метров пятьдесят, затем Сам Дурак остановился и повернулся ко мне.

- У меня есть некоторые правила, - сказал он, – раз уж мы участвуем в совместной операции. Первое – мы переходим на «ты». Второе – начиная с этого момента, ты слушаешься меня во всём. Никакой самостоятельности. Ясно?

- Ага, - сказал я. – Прямо как в кино.

Сам Дурак повёл бровью, но ничего не сказал. Он открыл люк в полу, и мы, спустившись по трапу, оказались в захламлённом пыльном помещении, где я с удивлением увидел в углу потолка паутину.

- Сейчас попробуем что-нибудь найти, - сказал Сам Дурак, отшвыривая ногой ржавую железяку.

- А почему вообще столько шума из-за этих Плит? – спросил я. - Что в них особенного?

- Я – человек военный... - ответил Сам Дурак, углубляясь в сваленный на полу мусор. – Положи на полку, - я принял от него огнетушитель или нечто похожее и стал озираться в поисках полки, которой не было. - Поэтому я не люблю домыслов, слухов и легенд. А факты таковы... О, кажется, это подойдёт, - он протянул мне потёртые перчатки, и я, уронив огнетушитель, взял их в руки. – Так вот, известно следующее. Первое. Эти Плиты – очень древние, намного древнее нашей Империи. Второе. Они позволяют воздействовать на окружающее пространство с помощью задаваемых им различных команд. Третье. Никто из ныне живущих не знает точно всех их возможностей, и всё обучение пользованию ими основано на пробах и ошибках. Держи, - я взял у Сам Дурака откопанный из груды воздушных шариков гермошлем. – И давай передвинемся к следующей куче, я здесь всё обследовал.

Я чихнул и спросил:

- А были и ошибки в обращении с Плитами?

- О да, - сказал Сам Дурак, передав мне ботинки. – Если верить историкам, то целые государства канули в Лету, выбрав не ту клавишу. Поэтому никто не хочет

рисковать, и пользуются теми крохами, что известны. О! Вот это как раз то, что я искал, - Сам Дурак извлёк из груды мусора грязный старый скафандр, напоминающий скорее резиновое трико, чем серьёзную защиту. – Пойдём, отмоем, и будем мерить.

Минут через двадцать я прыгал на одной ножке, напяливая на себя поверх джинсов мокрую и всё ещё вонючую резиновую кишку. Меня впечатлило, впрочем, как сами собой пристегнулись к штанинам ботинки, к рукавам - перчатки, а к воротнику – основание шлема.

- Хорошо, - сказал Сам Дурак, к тому времени тоже надевший похожий скафандр, только новенький. – Радио включается небольшим рычажком в перчатке, большим пальцем нащупаешь. Вот так, - он включил своё радио, захлопнул стекло шлема и продолжил говорить уже шипящим электронным голосом: - Теперь оружие.

Мы зашли в его каюту, где он навешал на себя гору разнообразного оружия, а затем обратился ко мне:

- С мечом обращаться умеешь?

- Нет, - ответил я.

Сам Дурак протянул мне маленький пластмассовый пистолетик:

- Тогда вот. Флистерный. Повесь на пояс. Может пригодиться.

- А как пользоваться?

- Очень просто. Слева предохранитель, под указательным пальцем спусковой крючок. Сверху огонёк зелёный. Если горит – заряжен, можно стрелять. Флистер несменный, заряжается от окружающей среды, так что боеприпасы не нужны. Он практически вечный. Стреляет сгустком энергии, бьёт несильно, но человека завалить можно с одного выстрела. Можно и лака, особенно если стрелять в голову или шею.

- А что такое флистер? – поинтересовался я.

- Микроорганизм такой, всасывает энергию и выбрасывает её при механическом воздействии. Выведен искусственно. Недостаток этого пистолета – низкая скорострельность. Как разрядится, примерно секунд сорок до следующего выстрела. Поэтому нужно думать, прежде чем стрелять. С другой стороны, это относится и к любому другому огнестрельному оружию. Ладно, пойдём к шлюзу.

Мы приблизились к двери, расположенной в конце коридора. Сам Дурак положил руку на её ручку и вопросительно посмотрел на меня.

- Удивительно, - сказал я. – Скафандр такой лёгкий, совсем не стесняет движений. Даже не верится, что он может защитить от перепада давления. Я вот, к примеру, на Земле видел в фильмах скафандры – они большие и тяжёлые, люди в них еле двигаются. А здесь и руки легко гнутся, и пальцы. Я – вот - даже прыгать могу! Э... А мы почему не выходим?

- Жду, когда ты шлем закроешь, – ответил Сам Дурак.

Я покраснел и захлопнул стекло, переключившись на радиосвязь.

В шлюзовой камере размером с маленький туалет Сам Дурак снял со стены моток красной верёвки и, разделив его на несколько частей, принялся цеплять концами к моему скафандру, своему скафандру и ещё к какой-то непонятной рыжей палке, которую достал из-за плеча.

- Это ещё что такое? - спросил я.

- Увидишь, - ответил голос Сам Дурака в наушниках шлема.

Наконец запахнулась внешняя дверь, за которой открылась чёрная пугающая пустота. Я замешкался, не решаясь шагнуть в неё с края металлического пола, который казался последней надёжной опорой.

- Вываливайся, - приказал Сам Дурак и толкнул меня в спину.

Я шагнул вперёд и оказался в невесомости – видимо, компенсатор корабля снаружи уже не действовал. Нелепо раскинув ноги и руки, я медленно поплыл прочь от крейсера, зависшего надо мной многотонной бесформенной громадиной ржавого цвета. Он напоминал остов многоэтажного дома, ощерившийся стволами оружия,

покрывшего все этажи, и выглядел чужеродным предметом в окружающем меня со всех сторон прекрасном бездонном космосе.

Звёзды оказались очень яркими, до боли в глазах, разноцветными и переливающимися. Они заполняли собой пространство, пугая масштабами Вселенной и реальной опасностью в ней затеряться. И поперёк этой Вселенной полз гигантский рыжий таракан, шевелящий усами.

- Фу! – завопил я, пытаюсь сдуть таракана со внутреннего стекла гермошлема. – Фу! Как ты сюда забрался? Гадость какая...

Таракан свалился со стекла в воротник и принялся бегать внутри скафандра, вызвав у меня желание сбросить с себя всё это облачение прямо в открытом космосе и пойти на тот свет блевать. Меня тем временем притягивали за конец верёвки назад, к кораблю.

- Ты что разорался? – спросил Сам Дурак, поворачивая меня к себе лицом. – Что случилось?

- Таракан в шлеме... – пробормотал я.

- А, ерунда, - сказал Сам Дурак. – Он людей не ест. Представь, если бы это была змея или лоперданский хват, к примеру. В последнем случае в тебе бы крови уже не осталось.

Я представил в своём скафандре змею и неожиданно успокоился. Тем временем рыжая палка надулась до пары метров в длину и толщины хорошего бревна в диаметре. Из неё выросли две пары велосипедных педалей и ручки, за которые можно было держаться.

- Присаживайся, - скомандовал Сам Дурак. – И крути как следует, расстояние большое.

- А двигателя нет? – удивился я.

- Есть, - ответил Сам Дурак. – Но наша цель – подобраться незаметно.

Выбирая страховочный фал, я подплыл к палке, обхватил её ногами и сел верхом. Сам Дурак занял место передо мной, и мы налегли на педали. Палка заскользила прочь от нашего крейсера к скоплению звёзд впереди, в котором я уже мог, прищурившись, разглядеть корабли лаков.

Если наши поражали разнообразием форм и цветов, то у них всё было проще – флот лаков представлял собой груды чёрных и тёмно-синих треугольников, различающихся только размером. Однако Сам Дурак безошибочно выбрал направление к одному из них, в котором я скоро узнал «Лакеру». Она надвигалась на нас, и меня охватил страх, потому что я вспомнил существ, которые всего несколько дней назад захватили меня в плен. Теперь у меня, правда, с собой был игрушечный пистолетик, но зато у лаков никуда за это время не делись огромные гипнотизирующие глаза.

- А как уберечься от их гипноза? – спросил я.

- На меня не очень действует, - отозвался Сам Дурак. – Я привык. Первое время я отвлекал себя, представляя боль в правой ноге. А вообще лучше стараться в глаза не смотреть. Да ты не волнуйся. Погибнем – памятник, может, поставят. «Неизвестным героям одной из древних бессмысленных войн». Ну, или как-то так.

Внезапно наш снаряд, разогнавшийся уже до приличной скорости, уткнулся носом в невидимую преграду, спружинил и плавно отплыл назад, словно обидевшись.

- Вот и защитное поле, - сказал Сам Дурак. – Применим военную хитрость. Главное – чтобы нас не заметили. Впрочем, со стороны брюха я камер не вижу...

Он слегка покрутил педалями, заставив наше причудливое транспортное средство подплыть вплотную к полю, затем извлёк из чехла на поясе тоненькую трубочку и баллончик и соединил их. Конец трубки Сам Дурак осторожно, словно делая укол, поднёс к невидимой поверхности защитного поля и воткнул в него. Трубка прошла внутрь, как в масло.

- Понимаешь, - пояснил он, – эти поля все шибко интеллектуальные. У них очень сложные правила, какие объекты пропускать, а какие нет. Поэтому их легко можно сбить с толку. Приготовься. Когда скажу, резко налегай на педали.

Сам Дурак щёлкнул маленьким переключателем на баллончике, и из конца трубки, который находился уже внутри поля, вылез крохотный розовый воздушный шарик, а затем стал надуваться, превращаясь в увеличивающийся в размерах цилиндр.

Когда диаметр цилиндра достиг метров двух, Сам Дурак потянул за трубку, прижав его к полю с обратной от нас стороны, и нажал ещё одну кнопку на баллончике. Цилиндр прорвался по всей поверхности сразу, выливая из себя сотни литров прозрачной жидкости, которые хлынули на нас изнутри поля.

- Давай! – заорал Сам Дурак, и мы рванулись навстречу потоку. Мгновение – и рыжая палка прошла преграду, словно её и не было, а мы, мокрые и запыхавшиеся, сбрасывали с себя обрывки резиновой оболочки.

- Конечно, от таких трюков они защиту придумают скоро, - вздохнул Сам Дурак. – Но и мы не будем сидеть сложа руки. Где твой люк?

Я ткнул пальцем вправо, и мы направились в ту сторону. Крышка люка и правда снова оказалась на месте, подогнанная так плотно, что её почти нельзя было различить на поверхности корпуса.

- Похоже, это шлюз, - сказал Сам Дурак. – Так что надо будет вернуть крышку на место, когда проникнем внутрь. Откроем замок цивилизованными средствами.

Он приложил к люку маленькую чёрную коробочку, подождал пару секунд, и люк внезапно отвалился.

- Держи крышку! – приказал Сам Дурак, хватаясь за её край, а я поймал другой.

Мы заплыли в уже знакомый мне низенький отсек, затащили туда же палку, и, вставив люк на место, убедились, что он зафиксировался. Отстегнув страховочные тросы и свалив их на пол, присели отдышаться.

- Сейчас давление должно восстановиться, - сказал Сам Дурак, готовясь тем же способом открыть люк в потолке. - Тогда войдём.

- А как эта штука работает, – спросил я, – которая замки вскрывает?

- Не знаю, - простодушно отозвался Сам Дурак. – Дали – пользуюсь.

Автоматика, электроника... Не моё дело.

И этот люк был открыт, так что мы оказались в мрачном коридоре, стены которого напоминали тёмно-синий мрамор с чёрными прожилками. Сам Дурак приоткрыл стекло гермошлема, и я последовал его примеру. Из моего тут же выскочил таракан и помчался по коридору вперёд.

- Сейчас он заразит лаков всеми человеческими болезнями, и мы сразу победим, - прокомментировал Сам Дурак, а я разинул рот от удивления, так что ему пришлось добавить: – Шучу.

Сам Дурак взял в руку меч, разложил его и, показав мне знаками держаться сзади, осторожно направился по коридору вправо.

- Плита в следующем зале... – прошептал он.

Войдя в помещение, однако, мы увидели плоские блестящие стены, светящийся синий потолок и шершавый чёрный пол, на котором ничего не было. Плита исчезла. Зато в тёмном коридоре с другой стороны зала что-то зашевелилось, и я почувствовал, что начинаю дрожать от страха.

- Их там много, - заметил Сам Дурак, снимая с плеча винтовку. – Возвращайся в коридор, откуда мы пришли, и попробуй найти Плиту. А мне придётся заняться лаками.

Три существа с мутными глазами медленно вылетели из коридора, вращая мясистыми дисками, и направились в нашу сторону. У одного из них изо рта торчало дуло. Я стоял как вкопанный.

- Володя, я отдал приказ! – выкрикнул Сам Дурак и пальнул из винтовки в левой руке по вооружённому лаку. Лазерный луч вспорол шею, и лак свалился на пол. Тем временем из прохода справа показались ещё двое.

- Слушаюсь, - промямлил я, попятился и, развернувшись, наконец, рванул с места. Кровь стучала в висках, приоткрытое стекло гермошлема болталось вверх-вниз, а коридор полз навстречу. Я пробежал поворот, ещё один, затем влетел в небольшую пустую комнатку, которой коридор и заканчивался. Я уже собирался было вернуться, как услышал позади шипение.

Обернувшись, я увидел в паре шагов от себя приближающегося лака, яростно машущего плавниками и глядящего прямо мне в глаза.

- У меня нога болит, - промямлил я, отводя взгляд в сторону, - я тебя не боюсь...

На самом деле я очень боялся, как никогда прежде в жизни. И совершенно не представлял, что делать. Наконец вспомнил о флистере. Сорвав его с пояса и отскочив к стене, я направил ствол на лака.

- Ты это... - сказал я. - Ты улетай лучше, не тывкай.

Лак зашипел, нахмурился, и ещё активнее завращал дисками. Тогда я прицелился дрожащей рукой ему в лоб и спустил курок.

Ничего не произошло. Меня осенило – наверно, Сам Дурак специально подсунил мне неработающий пистолет, поскольку не доверял. Я готов был расплакаться.

Лак подлетал всё ближе, а за ним показался ещё один. Я прижимался спиной к стене и думал, что мне вот-вот придёт конец. И вдруг почувствовал, как стена позади подалась. Оглянувшись, я понял, что стою около приоткрытой двери, которая почти сливалась со стеной. Не веря своему везению, я проскользнул в дверь и толкнул ручку. Дверь с щелчком захлопнулась.

Из помещения, в котором я оказался, раздался мягкий переливчатый голос:

- Не бойся, они не смогут войти. Здравствуй, Володя-кирдык.

Я огляделся. Комнатка была темноватой, только на потолке горел тусклый синий квадратик, и я не сразу понял, откуда доносится голос. Затем заметил у дальней стены чёрный сосуд, подобный большой чашке без ручки, и с опаской двинулся туда.

- Я не причиню вреда, - донеслось из чаши. Я приблизился к её краю и увидел на дне существо, напоминающее лака и в то же время непохожее на них.

Диски его туловища, сросшиеся, неспособные вращаться, образовывали бесформенный ком внизу. Шея была толще обычной, а глаза, огромные, бездонные, так же были наполнены светлой текучей жидкостью, но не гипнотизировали, а словно бы заглядывали в меня. Я невольно поёжился.

- Я хочу поговорить с тобой, Володя-кирдык, - произнесло существо.

- У меня нет времени, - сказал я.

- Если бы ты понимал, что такое время, ты так не сказал бы. Я обещаю, что ты успеешь, и всё у тебя сложится хорошо. Впрочем, всё зависит от твоей судьбы. Меня зовут Олакур.

- А меня Володя, - буркнул я, озираясь, не приближается ли кто.

- Я знаю, Володя-кирдык, - в голосе Олакура послышалась усмешка. – Мне кажется важным объяснить тебе действия лаков. Не бойся, здесь никого нет, кроме меня, а без моего указания в комнату никто не войдёт, - Олакур вздрогнул, сделав судорожное движение горлом, словно проглотил комок. – Дело в том, что лаки очень серьёзно относятся к судьбе. Они стараются строго выполнять все её предназначения. И я помогаю им в этом. Раз в несколько лет среди лаков рождается ребёнок, не способный летать. Его называют Олакур, потому что он может чувствовать судьбу. Ко всему, что он говорит, относятся с большим вниманием. Когда-то в древности Олакур указал лакам на необходимость создания жизни на крошечной планете, которую ты

называешь Землёй. Я же чую опасность, которая исходит от этой планеты. Старейшины, услышав об угрозе для лаков, решили планету уничтожить. Я знаю, что в этом нет логики, но лаки всегда следуют знакам судьбы.

- Значит, Землю хотят взорвать из-за какого-то дурацкого предсказания? – переспросил я, и моя рука машинально потянулась к флистеру. – Твоего предсказания?

- Да, Володя-кирдык, - печально сказал Олакур. – И я жалею о том, что это предсказание стало известно старейшинам. От судьбы невозможно уйти, а они попытались сделать именно это. Если угроза есть, так нужно судьбе. Если лакам суждено погибнуть, значит, так предначертано, и так будет.

- Ты сказал старейшинам об угрозе, но не просил уничтожать Землю? – спросил я.

- Нет, - ответил Олакур. – Они сами делают выводы. Кстати, правильное говорить «сказала», Володя-кирдык. Все лаки – в некотором роде самки. Они все откладывают яйца. Даже я, только мои детёныши не выживают.

- Мне жаль, - сказал я. - Но что мне делать дальше? Что там судьба говорит?

- Сейчас, когда я вижу тебя так близко, я чувствую, что угроза лакам на самом деле исходит от тебя. Ты – житель Земли, и именно в твоих руках сейчас судьба. Не целая планета, а только ты сам представляешь опасность. Но если так суждено, то этого не изменить. Живи, как считаешь нужным, Володя-кирдык. Я не буду давать советов.

- Хорошо, - сказал я. - Спасибо. А ты не можешь сказать лакам, что ошибся - то есть, ошиблась - в предсказании, чтобы они отступили и прекратили воевать?

- Нет, - ответила Олакур. – Всё зашло слишком далеко. Да и врать я не могу, это неправильно. Сейчас я советую тебе уйти. Справа есть ещё одна дверь, она выведет тебя отсюда в пустую комнату, где на данный момент нет ни одного живого лака. А дальше – как судьбе будет угодно.

- Ладно, - сказал я, направляясь к двери.

- Прощай, Володя-кирдык.

- Прощай, Олакур... – Я обернулся возле выхода и спросил: - А почему ты называешь меня «кирдык»?

- Это не я, - ответила Олакур. – Это твой психотранслятор. На самом деле я произношу слово, которое на нашем языке означает «вершитель судеб».

- Ясно, - сказал я, распахнул дверь и вышел в мрачный коридор. За его углом открылась та самая комната, в которой мы несколько минут назад расстались с Сам Дураком. Там действительно не оказалось ни одного живого лака. Только мёртвые.

Я, сдерживая застрявшую в горле тошноту, осторожно брёл вперёд, стараясь не наступить на истерзанные мясистые диски, залитые синеватой слизью, не глядя в застывшие желеобразные глаза. До разговора с Олакур это зрелище не произвело бы на меня такого впечатления. Раньше лаки казались мне просто причудливыми, к тому же агрессивными, животными. Теперь же я шёл и думал, что война – это очень плохо. Да и судьба, наверно, тоже. За комнатой оказался ещё один коридор, а потом ещё одна комната. Трупы лаков устлали пол и там. Я не знал, куда идти и что делать. Заметил на стене небольшую блестящую выпуклость. Нажал. Выпуклая крышка распахнулась, обнажив маленькую нишу в стене. В ней лежал чёрный полупрозрачный пульт, очень похожий на телевизионный, разве что с небольшим экранчиком в верхней части. Я взял его в руку, повертел...

- Володя, ты как там? – послышался в наушниках голос Сам Дурака. – Нам надо возвращаться.

- Нормально, - ответил я.

- Сможешь добраться назад, к шлюзу?

- Да.

- Давай быстрее туда.

Я развернулся и побежал по коридору назад. Очутившись возле люка в полу, где мы выбирались из шлюзовой камеры, я вдруг увидел, как в потолке образовалось большое круглое отверстие, и в него прыгнул Сам Дурак с мечом в руке.

- Скорее бежим отсюда! – крикнул он. – Их слишком много!

Через несколько секунд из дыры в потолке хлынул факел огня, но мы уже успели спуститься в люк.

Сам Дурак защёлкнул замок и стал открывать нижний.

- Пристегнись к понтону, - сказал он. – А это что у тебя?

Я всё ещё сжимал в руке чёрный пульт.

- Володя, ты молодец! – завопил Сам Дурак. – Это же пульт от Седьмой Плиты! А я-то жалел, что не смог её найти... Скорее, сейчас всё взорвётся... Сунь его в карман на ноге.

Мы вывалились в космос, не став заботиться на этот раз о том, чтобы закрыть за собой камеру. Усевшись на понтон, я почувствовал, как он резко рванул подо мной вперёд. Я обернулся и увидел исходящую из его заднего конца яркую струю.

- Так он реактивный? – удивился я.

- Да, - ответил Сам Дурак. – Кстати, мы в открытом космосе.

- И что?

- Шлем закрой!

Я захлопнул стекло гермошлема, пытаюсь сообразить, как же я не лопнул от перепада давления и не задохнулся, но меня отвлек взрыв сзади, который швырнул нас вместе с жалкой оранжевой палкой в сторону и закружил.

«Лакера» разваливалась на мелкие части, и в трещинах виднелось ослепительное пламя. Струи осколков разлетались в разные стороны, и среди них можно было рассмотреть части тел лаков. Я вспомнил бездонные белёсые глаза Олакур и застыл, вцепившись пальцами в ручки надувного понтона, который уносил нас прочь, к скоплению имперских кораблей, и чувствовал, как по моей щеке текут солёные капли.

Выйдя из шлюза на нашем крейсере, я сбросил шлем и принялся стаскивать скафандр. Меня трясло, и Сам Дурак это заметил.

- Володя... – сказал он, стараясь поймать мой взгляд. – Я всё понимаю... Но сейчас нужно держать себя в руках. Мы должны выиграть войну.

- Не хочу никакой войны... – пробормотал я.

- Её никто не хочет, - сказал Сам Дурак. – Именно поэтому нужно победить как можно быстрее. Пошли, доложим Председателю.

Я брёл за ним к рубке, держа в одной руке пульт, в другой – флистер.

- Кстати, - заметил я, – подло подсовывать неработающий пистолет.

- Он работает, - отозвался Сам Дурак, входя в рубку. – Небось, с предохранителя забыл снять?

Я щёлкнул рычажком на боку и потрогал пальцем курок. Из ствола вырвался яркий зеленоватый сгусток и просвистел над головой Вам Кого, который едва успел пригнуться. На стене задымился пластик.

- Вы что, рехнулись? – накинусь на меня Вам Кого.

- Прошу прощения, - сказал я. – Нервы, наверное.

- Ладно... Вы, я смотрю, здорово разозлили лаков. Плиту видели?

- Нет, - ответил Сам Дурак.

Вам Кого подвёл нас к иллюминатору.

- Вон она.

Я прищурился. Вдали, посреди рассыпавшихся по черноте пространства осколков «Лакеры», парила маленькая точка, казавшаяся ещё темнее, чем окружающий космос. Я почти не мог разглядеть её, но всё равно она завораживала...

- Ясоний выкрал с «Лакеры» пульт от неё, - сообщил Сам Дурак. – Дай, пожалуйста.

Я протянул Вам Кого пульт.

- Надо же. Даже от Ясония бывает польза, - восхитился Вам Кого. – Это резко меняет ситуацию.

Он нажал на пульте несколько кнопок, и мы увидели, как Плита начала увеличиваться в размерах, приближаясь к нам.

- Ну, теперь мы повоюем... – пробормотал Вам Кого.

Плита плыла в нашу сторону ровно, плавно, без рывков, нематериальная, словно бы нарисованная поверх остального мира, и в то же время ещё более реальная, чем он. Скоро она коснулась корабля и стала проходить прямо сквозь его корпус, будто его не существовало. В рубке показался её угол, затем вся Плита, и, наконец, она заняла почётное место в центре, зависнув над полом.

- Красиво, - тихо сказал я, вглядываясь в мерцающие экраны, лампочки, подсвеченные клавиши. - А кто её создал?

- Долгая история, - сказал Вам Кого. – А вообще-то никто точно не знает...

На пульте управления крейсером запищал противный зуммер.

- Снова сообщение от лаков, Председатель, - доложил капитан Дубудам.

- Что там?

- Там всего одно слово. «Умрите».

- Ага! - Вам Кого торжествующе улыбнулся. – Не понравилась им ваша вылазка. Сейчас будут Второй Плитой нас пугать. Посмотрим–посмотрим.

Я не понимал его азарта. Нас хотели убить за то, что мы убили лаков. Не находил в этом ничего весёлого. С другой стороны, и Сам Дурак тоже был прав – нам приходилось сопротивляться, поскольку иначе мы бы погибли сами и потеряли Землю, а может, и не только её.

Я впервые почувствовал себя чем-то важным во всей этой истории. Ведь фактически я помогал спасти свою планету. И Москву, и Кременчугскую улицу, и Фёдора, и Тамару...

Корабль дёрнулся, да так сильно, что я еле устоял на ногах. На мгновение погас свет, затем всё успокоилось, и лишь мы стояли посреди рубки, испуганно глядя друг на друга.

- Что произошло? – спросил я.

Вам Кого прокашлялся:

- Думаю, лаки применили свою Плиту. Вопрос только в том, как именно.

Мы подошли к иллюминатору. Нас окружал пустынный чёрный космос – ни одного корабля вокруг.

- Кажется, понятно, - сказал Вам Кого. – Капитан, наши координаты изменились?

- Так точно, - ответил Дубудам. – Мы находимся за пределами Галактики.

- Они раскидали наш флот по Вселенной, - усмехнулся Вам Кого. – И стоило для этого напрягаться? Капитан, прикажите кораблям собраться в прежних координатах и сразу же готовьте второй залп, да помощнее, чтобы им шутить неповадно было. И ещё – не размазывайте силы по всей эскадре, а ударьте по одному кораблю, покрупнее, авось пробьём.

- Слушаюсь, Председатель, - Дубудам принялся отдавать приказания.

Мы ушли в гиперпространство, причём жестковато – меня стало мутить.

- Надо бы им приготовить достойный ответ, - сказал Вам Кого, подходя к Плите. – Я не так много о ней знаю, но попробую...

Он принялся задумчиво тыкать в кнопки, вглядываясь в большой экран по центру.

Крейсер вышел из гиперпространства, и Дубудам скомандовал открыть огонь. Вновь небо покрылось разноцветными вспышками, и Вам Кого, на секунду оторвавшись от Плиты, покосился в иллюминатор:

- Ага! Достали-таки один кораблик. Смотрите, Володя, он, похоже, здорово повреждён... Но это всё цветочки.

Он набирал на клавиатуре Плиты длинную строчку, и я, заинтересовавшись, взглянул на экран. Там отображалась полная бессмыслица вроде «/usr/ucb/ps auxww | grep SCP | awk '{print \$2}' | xargs kill».

- Что делаете? – спросил я.

- Пока просто готовлюсь, - ответил Вам Кого. – Эта Плита – коварная штука. Никогда не знаешь, что она вытворит в результате твоей команды. А команд уйма – консольные, голосовые, в том числе пароли, отдельные специальные кнопки на всех гранях. Вот, к примеру, боковые кромки и торцы – тоже кнопки, представляете? А их комбинации да ещё текущее состояние Плиты даёт очень много вариантов. Ну что ж, я готов... Не помню, что это значит, но пусть лаки трепещут...

Он закончил набор ещё одной строки и нажал большую клавишу, похожую на Enter.

Мне показалось, что я ослеп. Должно быть, сразу за нажатием последовала вспышка, а может, так мне показалось. Но мир изменился в одно мгновение. Всё вокруг поменяло цвет. Лица Вам Кого и Сам Дурака стали голубыми, а губы – синими, светло-зелёная отделка рубки – красной, а татуировка на щеке Вам Кого зазеленела. Я оглядел всё вокруг и понял, что цвет сменился у всего, кроме, разве что, чёрного космоса снаружи да белого костюма Вам Кого.

- Видно, компоненты цвета поменялись местами, - пробормотал Вам Кого. – Хм... Не ожидал такого, но, возможно, это собьёт лаков с толку...

- Председатель, - вмешался Сам Дурак, – я думаю, нужно просто вернуть всё назад.

- Мне кажется, через некоторое время мозг привыкнет, - возразил Вам Кого, - и мы станем воспринимать всё так же, как и прежде... Впрочем, как скажете.

Он поколдовал секунду с Плитой, и нормальные цвета вернулись назад, так что все вздохнули с облегчением.

- А эта вот цветомузыка, - спросил я, - она что, по всей Вселенной произошла?

- Нет, - ответил Вам Кого, - километров на пятьсот вокруг, я думаю. Я слабую мощность применил.

- Километров? – переспросил я недоверчиво. – Вы тоже пользуетесь километрами? Это бред! Эталон метра хранится в Париже, и это одна сорокамиллионная часть Парижского меридиана. Откуда у вас здесь метр?! В этом мире всё неправильно, это какой-то обман...

- Володя, успокойтесь... – мягко сказал Вам Кого. – Вы что-то сегодня слишком перенервничали. Вообще говоря, метр – это расстояние, проходимое светом в вакууме за определённую долю секунды. А секунда...

Тут крейсер снова трянуло, и на этот раз я не удержался на ногах, а когда поднялся, понял, что лаки снова применили свою Плиту, на этот раз более эффективно.

Рубка сильно изменила форму, расплющившись в наклонную призму. Сам Дурак стоял, перекосившись, и я видел, что правая сторона его туловища слегка короче другой. Вам Кого ползал на четвереньках, скорчившись от боли, и бормотал:

- Вот идиоты... Если здесь такие искривления пространства, то что же у них, в эпицентре? О, чёрт, мой желудок...

Я тоже чувствовал боль в боку, словно натянулись нервы, а поднеся руки к глазам, заметил, что мои ладони разного размера.

Внезапно раздался хлопок, и пространство распрямилось, вернувшись в прежнее состояние.

- Ну, слава Богу, - сказал Вам Кого. – Я уж думал, сдохну... Небось, сами не выдержали. Все целы? Хм... Это нельзя оставить неотмщённым...

Он забегал взад-вперёд по рубке, бормоча:

- Это не годится... Это слишком слабо... А вот это – да, но я не помню пароль... Башмоту... Бошмота... А, вспомнил! Буштоматофареминоти!

Бамс! Всё остановилось. Тягучий воздух почти не колыхался. Мои мысли, полузастывшие, сконцентрировались на факте осознания того, что я – существую, и не могли двинуться дальше. Статичная картинка передо мной отображала Вам Кого с выпученными глазами и приоткрытым ртом и Сам Дурака с нахмурившимся лицом, который сжал руку в кулаке и словно бы собирался что-то сказать.

Ожидание длилось бесконечно. Ничего не менялось. Я думал, что от такого торчания столбом в остановившемся воздухе можно сойти с ума, но проверить это не успел – нас отпустило.

Сам Дурак выкрикнул: «Не надо!», затем отдышался и произнёс:

- Господин Председатель, будьте, пожалуйста, осторожнее. Нам повезло ещё, что эта команда требует подтверждения с клавиатуры в течение пятнадцати секунд. А если бы было не так?

- Ну, господин Сам Дурак, - возразил Вам Кого, – я вам так скажу: Плиту делали не дураки. Они предусмотрели выход из любой идиотской ситуации.

- Во-первых, - сказал Сам Дурак, - доподлинно неизвестно, дураки ли делали Плиту. Во-вторых, они могли не рассчитывать на то, что применять её будут такие идиоты, как мы...

Пространство вздрогнуло снова.

- Что на этот раз? – Вам Кого развернулся лицом к иллюминатору, и я увидел, как лицо его побледнело. – А вот это очень серьёзно...

- Что случилось? - спросил Сам Дурак, приближаясь.

- Похоже, тета-сдвиг, - ответил, Вам Кого. – Так что наше защитное поле...

- Что такое тета-сдвиг? – перебил я.

- Участки пространства наслаиваются друг на друга, - ответил Вам Кого.

- Они окажутся внутри нашего поля, а мы – внутри их, - пояснил Сам Дурак. – Нужно будет драться.

Я посмотрел в иллюминатор. Корабли лаков быстро приближались к нам, при этом не смещаясь друг относительно друга, словно их нарисовали на прозрачной кальке и сдвигали поверх остального рисунка.

В рубку въехал нос тёмно-синего корабля, быстро прошёл сквозь нас, и мы оказались сразу в двух помещениях – в нашей рубке и отсеке корабля лаков, где находились несколько особей. Сам Дурак заработал мечом, да так быстро, что ошмётки дисков полетели в разные стороны. Я снял флистер с предохранителя и выстрелил в лака, который направил на меня дуло, зажатое во рту. Лак опрокинулся назад и рассыпался на части.

- Их сотни! – крикнул Сам Дурак, одного за другим разрубая наступающих тварей. – Вам Кого, используйте Плиту!

- Я думаю! – крикнул Вам Кого, швыряя в одного из лаков железное кресло. – Но не могу вспомнить ничего подходящего.

Я услышал шипение возле своего уха, но пока оборачивался, лак уже успел умереть от выстрела, произведённого капитаном Дубудамом из лазерной винтовки.

Из коридора наступали всё новые лаки, у одного из них я разглядел огнемёт. Сам Дурак рубил и рубил, но даже ему приходилось пятиться назад. Я пальнул один раз, но не попал, и ожидал зарядки флистера.

- Трепуки, – бормотал Вам Кого, - калоперды... Всё не то...

На меня надвинулись несколько лаков справа, я выстрелил в глаз ближайшего и отбежал в сторону, но они последовали за мной, даже тот, глаз которого вытекал. С другой стороны наступал ещё один, и уже целился в меня. Выстрел! Я успел пригнуться, и пуля подстрелила одноглазого.

«О Боже, - думал я, – неужели эта чёртова Плита ничего не может с этим поделаться?»

Лак, который подобрался вплотную ко мне, пытался заглянуть мне в глаза, а я пятился, стараясь смотреть вниз, и слышал его отчётливое шипение:

- Где барабан?

Это был уже полный бред. Я и так уже слабо верил в реальность происходящего, а тут ещё такое...

- Ну при чём тут барабаны? – взмолился я и чуть не упал, споткнувшись о верхний торец Плиты, возле которого оказался.

Пространство охнуло, кровь моментально прилила к моей голове, и я почувствовал, как падаю вверх, к потолку рубки. Больно шмякнувшись головой о пластик, я завалился на бок и с удивлением обнаружил, что все лаки рассыпаются на отдельные диски. Ещё один хлопок, и я полетел назад, на пол, больно ударившись спиной.

Приподнявшись на колени, я осмотрелся. Трупы лаков застилали помещение. Их комната покачивалась относительно нашей рубки и вдруг поплыла назад. Несколько секунд – и вражеский корабль, забитый трупами, отчалил от нас, а рубка осталась почти такой же, как и прежде, не считая пары сломанных кресел.

- Вам везёт, Володя, - сказал Вам Кого. – Похоже, вы умудрились случайно подобрать пароль. Ну, тот, про барабаны – я, пожалуй, не буду повторять вслух.

- И что? – не понял я. – Что случилось-то?

- Вы кратковременно поменяли местами верх и низ, - ответил Сам Дурак. – Левитация лаков была сбита с толку, диски разлетелись, а потеря связи между дисками для них означает смерть. Капитан, запросите компьютер, сколько лаков осталось в живых.

- Уже запросил, - отозвался Дубудам. – Сканер не обнаруживает ни одной живой особи.

- Мы победили! – возопил Вам Кого. – Удивительное везение! Это надо отметить!

Он скрылся в коридоре, а я вновь вспомнил Олакур. Если бы она уцелела при взрыве «Лакеры», то выжила бы и сейчас, поскольку у неё не было никаких дисков. Впрочем, что уж тут было рассуждать...

Вам Кого торжественно внёс поднос с бутылкой водки, четырьмя рюмками и тарелкой, полной маленьких бутербродов.

- Прошу, - сказал он. – По чуть-чуть.

- Простите, я откажусь, - сказал Сам Дурак. – Не хочу заводить вредных привычек.

- Я за рулём, - сказал Дубудам и отвернулся к пульту.

Вам Кого вздохнул:

- Ну, Володя, тогда уж давайте вдвоём...

Я взял предложенную рюмку.

- За победу! – провозгласил Вам Кого.

Мы выпили.

- Наш план всё-таки сработал, - продолжил Вам Кого. – Осталось завершить его. Сейчас вернёмся на Эгозон, я получу Семнадцатую Плиту и отключу маразм на Земле, а затем вы вернётесь домой. Да и я, возможно, присоединюсь – мне кажется, я заслужил пару дней отпуска....

Автоматические двери рубки разъехались, и в помещение ввалилась группа неизвестных личностей. Впрочем, нет, я их через мгновение узнал, и это заставило меня поперхнуться бутербродом и уронить рюмку.

- Это «Парк Культуры», что ли? – с улыбкой спросил курносый молодой человек.

- Может, отреставрировали? – предположил трясущийся старичок в пиджаке с орденскими планками.

Мы с Вам Кого переглянулись.

- Володя, - дрогнувшим голосом произнёс Вам Кого, – кто это?

- Это тоже Володя, - объяснил я. – И компания. Они в метро всё время ездят, не могут «Парк Культуры» найти...

- Но как? Почему? – произнёс ошеломлённый Вам Кого.

- Лохи потому что...

- Опять мы не туда приехали! – пророкотала толстая тётка. – Давайте назад, в вагон.

Они развернулись и гурьбой повалили из рубки.

- Нужно проверить, - сказал Вам Кого. – Хотя мне кажется, что я уже начинаю понимать...

Мы метнулись к выходу и вышли сквозь те же двери, которые тут же с шипением закрылись. Нас окружало странное полупустое помещение, которое подрагивало в такт мерному стуку колёс на стыках рельсов. Стены покрывало множество окон, за которыми царил темнота. Светильники на потолке испускали зловещий желтоватый свет. Володи с компанией нигде не было видно. На одном из сидений подрёмывал старичок с газетой в руках, а в дальнем конце переговаривались два пацанёнка панкующего вида.

- Сдаётся мне, Володя, что мы в вагоне метро, - произнёс Вам Кого.

- И я так думаю, - кивнул я.

- А вам ничто не кажется странным?

- Не знаю, - я огляделся. - А, да, кажется. Обычно в вагонах четыре двери, а здесь всего три.

- Чёрт побери, Володя, - закричал Вам Кого, - как мы сюда попали?!

- Станция «Кропоткинская», переход на станцию «Сокольники» Филёвской линии, - произнёс хриловатый голос в динамике, вагон остановился, и мы вышли на перрон, поверхность которого была усыпана белыми перьями.

- Я думаю, дело в маразме, - неуверенно заговорил я.

- Да, - кивнул Вам Кого. – Но пять минут назад я ещё полагал, что маразм существует только на Земле. Теперь же выходит, что он захватил всю Вселенную! Чёрт побери, Володя, не будьте таким спокойным! Вы хоть понимаете, что мы будем делать дальше?

Развернувшись на эскалаторе, он уставился на меня недобрым взглядом, так что мне осталось только пробормотать:

- Ну, вы же сами говорили... Прилетим на Эгозон, вы получите Семнадцатую Плиту, отменим маразм на Земле...

- Это всё здорово, Володя, - Вам Кого с трудом сдерживал злобу. – Вот только КАК?!

Мы выходили из станции, а я осматривал всё вокруг и постепенно понимал, что Вам Кого имеет в виду.

Москва выглядела чудесно. На деревьях распустились фиолетовые розы, поверхность ближайшей к нам проезжей части представляла собой в разрезе идеальную синусоиду, а в облаках парил воздушный шар розового цвета с надписью «Долой хунту Сципиона!». Крышка канализационного люка справа от моей ноги

внезапно подпрыгнула, и из-под земли повалили нескончаемым потоком жирные рыжие суслики.

- Значит, мы не сможем вернуться на Эгозон? – спросил я. – И не сможем найти Плиту?

- Не знаю, - хмуро ответил Вам Кого, зашагав вдоль по улице, мимо магазина с вывеской «Прошлогоднее молоко», из окна которого высунулся рогатый задумчивый лось, медленно жуящий полиэтиленовый пакет.

- И мы не сможем остановить маразм? – допытывался я. – Но как же это получилось? А может... Может, отключить меня от шины доступа?

- Я уже сделал это перед вылетом с Эгозона, - ответил Вам Кого.

- Тогда почему всё это происходит?

- Да говорят же вам – Я НЕ ЗНАЮ! – проорал Вам Кого, до смерти напугав пролетающую мимо старушку с корзиной на голове. Старушка охнула, шлёпнулась на попу, затем вскочила, погрозив нам спиннингом, и, оттолкнувшись от земли, полетела дальше.

- Даже если бы у меня здесь был корабль... – бормотал Вам Кого. – Или хотя бы экосим поблизости... Хотя погодите-ка.

Он извлёк из кармана телефон, набрал номер, приложил к уху, но тут же отдёргнул – из телефона громким идиотским голосом донеслось «Абонент неисправен или сломался!». Вам Кого убрал телефон и пошёл дальше, растерянный, жалкий...

- Добрый вечер! – послышалось сверху. – Или утро, или ночь, как пожелаете....

Я поднял глаза. К нам спускался на четырёх реактивных двигателях, по одному в каждой лапе, Конотоп Рах собственной персоной - полосатый, усатый и, как мне показалось, здорово отъевшийся.

- Конотоп! – изумлённо воскликнул Вам Кого. – Ты жив?

- Как видишь, - ухмыльнулся Конотоп, опустившись на тротуар и выпустив двигатели из когтей. - Да что со мной случится тут, в маразме? Тут почти невозможно погибнуть...

«Как же, как же», - подумал я, вспомнив многочисленные туши лаков, оставленные нами в космосе.

- Попал я тогда напрямик на шпиль Останкинской башни, - рассказал Конотоп.

- Меня им насквозь проткнуло. Потом прилетели какие-то птички, схватили, понесли... Веселуха, в общем.

- А Кентел? – спросил Вам Кого.

- А что Кентел? – не понял Конотоп. – Носится туда-сюда, ему тут раздолье. Он набрал штук двадцать разных мечей, всё играет. Да вот полчаса назад мне попадался, фашистам головы рубил.

- Ну, хоть какая-то приятная новость... – сказал Вам Кого. – А ты можешь объяснить, почему маразм вышел за пределы Земли?

- А что его, по-твоему, должно удерживать? – ответил Конотоп. – Сознание любого существа ничем не ограничено. Никто не мешает тебе думать о пришельцах с Альфа-Центавра, а они думают о своей планете, фантазируют, у них своё подсознание есть...

- Так ты с самого начала знал, что так произойдёт?! – воскликнул Вам Кого.

- Догадывался, - сказал Конотоп. – Хотя и не думал, что всё разовьётся настолько быстро. Но вообще мне здесь нравится. Не знаю, обрадует это тебя или нет, но я больше не хочу никакого конца света. Потому что он, по сути, уже наступил. Вернее, наступила новая эра, и я создал её – именно я, Конотоп Рах. Ну, с подачи Кентела, конечно. Большинство идей всегда принадлежали ему. И всё-таки – неплохо я себя увековечил?

- Хм. Рад за тебя, - грустно сказал Вам Кого, отбив ладошкой назойливую рыбу. – Но что нам теперь прикажешь делать? Как это можно остановить? Я уже отключил Ясония от шины, это не помогает...

- Ещё бы, - Конотоп потянулся и обошёл нас кругом. – Я смотрю, вы вообще мало что понимаете. Какая уж теперь шина доступа? Теперь все имеют полный доступ ко всему, никаких ограничений! То есть если Ясоний поверил в невозможные вещи, и они начали происходить, то тебе уже никуда не деться, и ты тоже поверишь. А значит, у тебя такие же возможности влиять на мир, как и у него. И останавливать это я не вижу смысла.

- Но как можно жить в таком мире?! – возмутился Вам Кого.

- Ты всегда в нём жил, - ответил Конотоп и снова схватил двигатели в лапы, - только не понимал, как он устроен. Зато теперь - гроза! Тьфу ты... Зато теперь – глаза твои открылись!

Двигатели выбросили струи яркого пламени, и Конотоп взмыл в воздух, скрывшись за покачивающимися от ветра домами.

- Эх... – только и сказал Вам Кого, а затем приложился к горлышку бутылки, которую всё это время держал в руке, и отпил несколько глотков. – Хотите?

- Нет, - ответил я. – Что же дальше будет?

- А ничего, - ответил Вам Кого. – Всё, что могло быть, уже произошло. Я своими руками угробил свою любимую планету. Да что там планету – Вселенную...

Он увернулся от упавшего сверху чемодана и злобно пнул его ногой.

- И главное, - заговорил он спустя минуту, - ведь ничего же нельзя поделать. Захотим остановить маразм – не получится. Захотим убежать – не получится. Ничего у нас больше не получится. А вот уничтожить всё получилось...

По улице грохотала колонна танков, украшенных изображениями голых женщин и мифических чудовищ. За ними семенили грустный гномик с сосулькой вместо носа и толстяк в римской тоге и золотом шлеме.

- Может быть, можно приспособиться к такому миру? – предположил я. – В конце концов, человек ко всему привыкает...

- Вы думаете, на этом всё остановится? – Вам Кого махнул рукой. – Это только начало. И ведь своими руками...

Он пошёл прочь, периодически отпивая из бутылки и пошатываясь. Он впервые выглядел настоящим дряхлым стариком – узкие плечи, ссохшиеся руки, впавшие щёки... Он плакал.

- Я возомнил себя спасителем, - говорил он. – Благодетелем! Урод безмозглый... Маразматик старый...

- Может быть, ещё не всё потеряно, - сказал я. – Сам Дурак прилетит, он что-нибудь придумает... Да и Конотоп...

Вам Кого остановился, развернулся ко мне лицом и долго на меня смотрел. Потом отвёл взгляд и тихо сказал:

- У меня есть одна идея... Знаете, у электронов спины могут быть антипараллельны... Хм... То есть... – Он вытер слезу. – В общем, возможно, существует параллельное пространство, в котором маразма ещё нет...

- Простите? – переспросил я.

Вам Кого снова посмотрел на меня, и я почувствовал в его взоре приближающееся безумие.

- Мне нужна «Коробочка», - сказал он.

- Но где же её взять?

Он метнулся в одну сторону, в другую, затем вдруг уверенно побежал к большому чёрному зданию с надписью «Бытовая техника». Я поторопился следом, еле поспевая.

Вам Кого ворвался в магазин, сбив с ног трёхрукого индуса, и помчался к ровному ряду белых холодильников. Он остановился возле одного из них, распахнул дверцу и принялся выкидывать изнутри полки.

- Я могу вам помочь? – поинтересовался подошедший менеджер магазина.

- А ну пошёл отсюда! – заорал Вам Кого с такой нескрываемой злобой, что менеджер отшатнулся, упал навзничь и на карачках уполз прочь.

- Вам Кого, - вмешался я, - это просто холодильник...

- Много вы понимаете, - пробормотал Вам Кого, извлекая из кармана ручку. – У вас бумага есть? А, вот...

Он сорвал с соседнего холодильника лист бумаги с надписью «Скидка 1000 процентов» и спешно начирикал на нём несколько строк.

- Я отправляюсь в параллельное пространство... – пробормотал он. – Хм... – Он грустно посмотрел мне в глаза, затем вошёл в холодильник и, громко произнеся вслух «Абы, брат мой, приветствую тебя!», закрыл дверь изнутри.

Я огляделся. Парочка покупателей смотрели на меня перепуганными глазами. Я приблизился к холодильнику и нерешительно открыл дверь. Там было пусто. Только на дне лежал сложенный пополам листок бумаги.

Я поднял его и прочитал:

«Прощайте, Володя. Вы были мне хорошим другом, спасибо. Я не могу жить после того, что совершил. Никакого параллельного пространства не существует. Я телепортируюсь в открытый космос, где надеюсь найти свой конец. В.К.»

Вам Кого покончил с собой... Энергичный, жизнерадостный, разговорчивый, остроумный... Это не укладывалось в голову. Я так привык к нему за эти дни... А теперь я остался один на этой обезумевшей недружелюбной планете.

Я поймал себя на том, что иду по узкой улочке вниз, к набережной, прижимая руками к груди флистерный пистолет. Я не понимал, зачем и куда иду. Но, с другой стороны, а что я ещё мог делать?

Нет! Во мне проснулся протест. Нельзя было просто так сдаваться. Неужели мы старались спасти Землю зря? Неужели напрасно погибли Вам Кого и тысячи лаков? Безвыходных положений не бывает. Если сильно постараться, всегда своего добьёшься – я в книжке читал!

Итак, надо попробовать. Что мне нужно? Остановить маразм. Как? С помощью Семнадцатой Плиты. Всё очень просто! Где Плита? На Эгозоне, то есть в космосе. А значит, мне нужно на космодром. Этот, как его, Байконур находится где-то в Казахстане. Я, был, правда, не уверен, что с него существовали прямые рейсы на Эгозон, но я готов был лететь с пересадками. И ещё я никак не мог вспомнить, с какого вокзала ходят поезда «Москва-Байконур». Должно быть, с Курского. Значит, мне нужно попасть на Курский вокзал!

Я осмотрелся в поисках ориентиров. Я находился на узкой кривоватой улочке. Соседний дом украшала табличка «улица Пречистенка», на доме напротив было написано «Ярославское шоссе», а сделав несколько шагов, я прочитал «тупик Красных Собак, Привидевшихся Базарову Перед Смертью».

Простые методы не работали. Но я и не искал лёгких путей. Всего-то – попереवेशали таблички, чтобы меня запутать! Я пробежал до набережной, где открывался вид на соседние улицы, и попытался узнать местность. Ага! Слева маячило здание университета. Справа – собор Василия Блаженного. А впереди вздымалось нечто вроде египетской пирамиды... В довершение всего, обернувшись, я увидел, как мимо меня, оставляя за собой волны на асфальте, проплывает огромный Кремль.

Я немного растерялся, но решение пришло само в виде ржавого громахающего «Москвича» с шашечками, который прополз рядом.

- Такси! – крикнул я, и машина остановилась.

Втиснувшись на заднее сиденье, я приказал:

- К Курскому вокзалу, быстрее. Два счётчика плачу... Или какие там у вас деньги?

Машина, к моей радости, лихо рванула с места, но почти сразу воткнулась в неизвестно откуда выросший на дороге бетонный столб.

Водитель издал пронзительный хрюкающий звук и обернулся ко мне.

- Поезд дальше не идёт, - произнёс он, и я понял, что за рулём жирный волосатый кабан с зелёными клыками. – Просьба освободить вагоны, - добавил хряк и подмигнул.

Я выбрался наружу и решил, что дойду как-нибудь сам. В конце концов, Вам Кого говорил, что главное – уверенность. Я пойду в выбранном направлении и не буду сомневаться, что Курский вокзал – там.

Я зашагал в первую попавшуюся сторону, затем побежал. Внезапно налетел ветер, который начал впиваться колючими снежинками мне в лицо, но я не сбавлял скорости, дыша в такт своим шагам. Мимо проскользила по льду чёрная собака с копытами вместо лап, лапы разъезжались, и бедный пёсик скулил так жалобно, что у меня навернулись на глаза слёзы.

Затем подбежал ребёнок – девочка лет пяти. Она обиженно посмотрела на меня, затем недовольно выкрикнула: «Суслику – покакоть!» с явным «о» во втором слове и понеслась вприпрыжку прочь.

Я несколько опешил, но решил не задерживаться, а всё бежал и бежал дальше. Скоро, однако, мой путь преградило стадо вислоухих баранов, которые толкались, лезли друг на друга и заполняли собой всю улицу.

- Эй! – крикнул я. – Лыжню!

Затем полез вперёд, расталкивая их и потихоньку пробираясь дальше. Пошёл дождь, всё сильнее и сильнее. Я выбрался на свободное пространство, но уже не был уверен, в том ли направлении, что и раньше, я иду. Остановившись, чтобы перевести дух, я осмотрелся.

Тихий райончик, пятиэтажки, аллейки, серые асфальтовые тротуары. И чугунный забор, за которым виднелось знакомое белое старое здание. Я всё-таки куда-то пришёл. Не Курский вокзал, конечно, но и интернат что-то должен был означать.

Внезапно меня поразила новая идея. Вам Кого оставил в интернате установку братьев Рахов, М-осциллятор, с которого всё началось! И, может быть, если я её уничтожу, всё вернётся к нормальному состоянию?

Я ускорил шаг. Интернат приближался, никуда не уплывая, не проваливаясь в тартарары, и это вселяло уверенность. Довольно скоро я добрался до старой коричневой двери, вошёл и оказался в пустынном холле. Под лестницей меня ждал маленький чемоданчик. Я открыл его и увидел стеклянные колбочки, трубочки, микросхемы...

Я с размаху швырнул чемоданчик о стену. Град стеклянных осколков осыпался на пол, потом поднялся, закружился и принялся танцевать в воздухе. Я смотрел на завораживающие узоры, в которые выстраивались стекляшки, и понимал, что у меня опять ничего не получилось. Наконец, осколки успокоились и, издав хихикающий звук, улетели прочь, к выходу.

Я хмуро последовал за ними, ещё не решив, что делать дальше. Тут меня остановил противный скрипучий голос:

- Ясоний! Пришли-таки. Я ждал, что вы здесь появитесь...

Из соседнего корпуса ко мне приближался Свази с большой лопатой в руках. Его было не узнать. Обуглившаяся шерсть, никакой одежды, если не считать причудливой жёлтой шапки на голове, и свирепое выражение лица.

- Вы хоть понимаете, - прокрипел он, заноса надо мной лопату, - что значит не выполнить коммерческие обязательства перед лаками? Они меня чуть не сожгли!

Лопата просвистела над моим ухом только потому, что я присел.

- Лаки погибли, - прошептал я, пятась и пытаюсь снять с предохранителя флистер. Следующий удар лопатой выбил его у меня из рук.

- Плевать мне на лаков, - сказал Свази. – Единственное, чего я теперь хочу – это вас убить.

Я помчался от него к лестнице, затем вверх, вверх, пока, отбросив тяжёлый люк, не оказался на крыше, под сильным ливнем, пузырящимся на чёрном блестящем рубероиде.

Свази вылез из люка, перехватил лопату поудобнее и двинулся ко мне.

- Верите в какого-нибудь бога? – проскрежетал он.

- Не знаю, - пробормотал я, пятась назад.

- Всё равно молитесь, - сказал он, взмахнул лопатой и вдруг потерял на мокрой поверхности равновесие.

Рухнув на спину, он покатился вниз, выронил лопату и через мгновение оказался висющим над пропастью, цепляясь лапами за край крыши. Он тяжело дышал, шевеля носом, и лицо его было таким грозным и недружелюбным, что мне стало его жаль. Я приблизился и, схватившись за шерсть на его спине, принялся тащить его наверх.

Свази оказался очень тяжёлым. Он пыхтел, скрёб когтями, и всё норовил сползти вниз.

- Вот уж не думал, - пробормотал я, - что мне придётся спасать жизнь мокрой обгорелой обезьяне...

- Я не обезьяна, - прошипел Свази. – Я – реликтовый гоминоид...

Я захохотал. Руки мои разжались, и Свази соскользнул с края крыши. Я слышал, как его тело с хрустом рухнуло на асфальт. Но никак не мог остановить смех. Реликтовый гоминоид... Я и сам толком не мог объяснить, над чем смеюсь. Может, просто забавное слово. А может, что-то вспомнил.

Я стоял под дождём, успокаиваясь, затем спустился с крыши и, пройдя один пролёт лестницы, ткнулся в первую попавшуюся дверь. Она оказалась открыта.

- Реликтовый гоминоид, - пробормотал я.

Я ведь и правда это слышал совсем недавно. По телевизору, кажется. И ещё что-то, про тигров.

Я стоял посреди пустой классной комнаты. Деревянные уродливые стулья, обгрызанные столы, цветочки в горшках. Любо-дорого посмотреть.

Но мне было совсем невесело. Потому что я, наконец, начал понимать, что происходит.

Мне стало понятно, как я смог не задохнуться в открытом космосе. И почему Вам Кого сумел выпрыгнуть из центра Солнца. И вообще, почему всё так невероятно и необычно. Просто потому, что человеческая фантазия не имеет пределов.

Я сел за учительский стол, положил перед собой руки, закрыл глаза и начал вспоминать.

Мир всегда был таким, каким я мог его представить. Таким, в который я верил. Просто раньше я считал, что существуют незыблемые законы и правила, что старушки не летают, а тигры не говорят. Потом мне в голову пришло, что это не всегда так, и я начал верить в небывалое. Сначала я не очень верил, а потом придумал всему объяснение. И для этого мне понадобились говорящий тигр и старик с дырой в черепе. И говорили они по-русски, потому что я толком не знаю ни одного другого языка.

Я сам создал эту реальность, и чем дальше погружался в неё, тем сильнее верил, и всё сильнее раздвигал границы дозволенного. Это я придумал маразм, и

заставил поверить в него остальных. И теперь мы все – просто порождения фантазии друг друга, нелепые и чудовищные.

Но с чего всё это началось? Жил я, жил, никого не трогал... Почему вдруг всё изменилось? Что заставило меня поверить в то, что мир не такой, каким кажется? Должен был случиться какой-то толчок, выбивший меня из колеи... А, теперь уже неважно. Важно то, что я загнал этот мир в тупик, из которого нет выхода.

Что ждёт его дальше? Это зависит от того, что там, внутри моей головы. Вот если бы удалось заглянуть в неё и понять... Хотя в этом новом мире всё, кажется, возможно?

Я закрыл глаза и напряг мышцы. Глазные яблоки завращались, натягивая зрительные нервы и вытаскивая их из недр головы. Склера скользила по конъюнктиве, и мне чудился при этом неприятный скрип. Вот радужка уже скрылась в глубине глазниц, и теперь мои глаза смотрели внутрь, в темноту.

Сначала я ничего не видел. Затем что-то блеснуло в одном месте, в другом, и вскоре всё оказалось усыпанным звёздами. Мысленным взором я устремился к ним. Они приближались - манящие, сверкающие. Вокруг некоторых вращались разноцветные планеты. Я выбрал одну наугад. Так себе планетка, не мала и не велика, зато с атмосферой и океанами. Я – воображаемый наблюдатель – спускался на её поверхность, разглядывая разбросанные по планете здания, людей и машины. Одно из зданий – невзрачную пятиэтажку – я тоже выделил среди прочих случайно. Проникнув сквозь крышу, я оказался в небольшом помещении, где в три ряда стояли столы, а за одним из столов, учительским, восседал худой светловолосый парень с закрытыми глазами. Он не замечал и не слышал ничего вокруг. Он просто сидел, положив перед собой расслабленные руки, и только губы его шевелились.

- Естрементеракориндо! – громко, отчётливо произнёс он вслух.

Меня всего от левого виска до кончиков пальцев ног пронзила внезапная боль, и наступил непроницаемый мрак. Мир исчез.

Часть 2

Глава 1. Белый дом

Шёл одна тысяча девятьсот девяносто первый год. Год был довольно знаменательным, хотя сейчас, должно быть, о нём помнят только старожилы. В детстве, когда я слышал слово «старожилы», я всё время думал, что же они сторожат. И писал, соответственно, через «о» - «сторожи́лы». А сторожат-то они как раз память о том, что они увидели за свою жизнь. В частности, за тот богатый событиями год.

Начнём с того, что номер этого года – симметричный, а это не так часто встречается. Строго говоря, встречается раз в сто лет. Кроме того, число 1991 красиво раскладывается на множители – 11 и 181. Хотя красота у каждого своя, и если одному предмет кажется красивым, то это не гарантирует, что он понравится хотя бы кому-нибудь ещё.

В тот год на экраны вышли «Терминатор-2» и «Горячие головы». Опять же, на вкус и цвет товарищей нет. Кому-то нравится больше первая часть «Терминатора», кому-то вторая, для кого-то они обе – всего лишь коммерческая поделка, не имеющая никакой художественной ценности, а кто-то может усмотреть в них происки Сатаны, придумывающего всё новые способы завлекать народ в геенну огненную. Кстати, эту самую геенну я в детстве упорно считал просто собакой огненного цвета. Но поскольку ей запугивали людей, то постепенно я стал бояться и всех остальных собак – так, на всякий случай...

О чём это я? А, да. О том годе, когда меняли пятидесяти- и сторублёвки на новые. Когда провели операцию «Буря в пустыне» и когда умер Стругацкий. Когда состоялся референдум о том, стоит ли распустить Советский Союз. Подавляющее большинство граждан попросили Союз сохранить. Но в этом же году он был цинично распущен, чем окончательно подтвердилась всем известная истина, что власти на мнение народа глубоко наплевать.

Год был тяжёлым. Цены росли, товары исчезали с прилавков, заводы закрывались, люди ходили на митинги и пытались покончить с собой. В магазинах плодились «коммерческие отделы», в которых за дорого продавалось всякое барахло, и таким образом отжиралась площадь у продуктов, книг и лекарств. Одни пытались украсть у разваливающегося государства как можно больше денег, другие голодали и впадали в отчаяние. Казалось, это начало конца, и Россия катится в пропасть, до которой осталось совсем чуть-чуть. Должно быть, так оно и было.

Но если это так, то где же мы сейчас? На самом дне этой пропасти? Или мы перешли в новое состояние, в котором все старые понятия не имеют смысла?

Впрочем, я опять отвлёкся. Я хотел рассказать совсем не об этом. А о небольшом белом здании, окружённом забором, которое располагалось в Москве по адресу «улица Кременчугская, 11».

В Америке, кстати, Белый дом тоже окружён забором, и не зря. Конечно, все понимают, что если из этого Белого дома повалит что-то по-настоящему страшное, то никакой забор не спасёт, но люди ведь хотят иметь минимальные гарантии.

Из белого дома на улице Кременчугской могли, в принципе, повалить его обитатели. И некоторые даже бежали, хотя их упорно возвращали назад их родственники. Потому что располагалась там школа-интернат для одарённых детей, и детей этих больше девять было абсолютно некуда.

Для поступления в интернат они сдавали два тура экзаменов, а потом проходили двухнедельное испытание в так называемой летней школе. Там за каждым шагом ученика

свели для того, чтобы занести его в белый или в чёрный список, участникам которых поступление, соответственно, либо гарантировано, либо, напротив, уже не светит. Говорили, что есть ещё серый список, а также розовый, но, поскольку сам я к этому никакого отношения не имел, то врать не буду.

Оказавшиеся в школе подростки должны были отучиться там два года, после чего они почти стопроцентно могли поступить на естественнонаучный факультет любого вуза. Впрочем, был и одногодичный поток. Его ученики назывались «ежами» или «ёжиками», поскольку классы этого потока обозначались буквами «Е», «Ж» и «К».

Собственно учёба происходила по большей части в учебном корпусе, но им не ограничивалась. В интернате учителям была дана беспрецедентная свобода, и они использовали её больше чем на сто процентов. Все курсы были экспериментальными, каждый учитель считал свой предмет главным и нагружал детей по полной программе. В результате накапливалось такое количество домашних заданий, что их нереально было выполнить ни одному вундеркинду. Спасала кооперация. Один хорошо разбирался в матанализе, другой – в геометрии, третий – в физике. Решённые задачи становились общим достоянием. В общем, выкручивались, как могли.

Мозги расходовали много энергии, и получали её ученики, питаясь в местной столовой. Несмотря на голодное для страны время, в интернате с едой проблем не было – наличествовали завтрак, полдник, обед, ужин и вечерний компот, иногда заменяемый кефиром. Желавшие могли также помочь разгрузить хлеб с машины и получить в награду пару батончиков. С бытом обстояло несколько хуже – подростки были в основном плохо приспособлены к самостоятельной жизни, а казарменное положение только усугубляло ситуацию.

Жили обитатели интерната в двух других корпусах, носящих гордые имена «А» и «Б». По аналогии с ними учебный корпус иногда обозначали «У». Соответственно, комнаты назывались 37У, 43Б или, скажем, 25А.

Именно в комнате 25А ранним весенним утром 1991 года очнулся ото сна ученик 11& класса Сергей Шутов. Точнее сказать, проснулся он не по доброй воле, а только потому, что дежурный распахнул дверь и диким голосом проорал в комнату: «Подъём!»

«Сволочи, – подумал Шутов. – Ненавижу». Не то чтобы он ненавидел конкретного дежурного — он его и не узнал, собственно, по выкрику — просто он ненавидел его как одного из представителей рода человеческого, которые, по его разумению, не достойны были существовать на этом свете.

Вот, к примеру, в соседней кровати заворочался Андрей Максаков. Его Шутов ненавидел, кроме всего прочего, за то, что как-то в толпе тот подтолкнул его в спину рукой. Сергей припомнил и отомстил — подтолкнул Максакова так же, только вероломнее, на лестнице, так что Максаков чудом не пересчитал ступени позвоночником. Ещё Максаков много учился, имел скрипучий голос, а также напоминал ящерицу, которых Шутов терпеть не мог.

Максаков сел в длинных семейных трусах на кровати, встряхнул продолговатой головой и принялся рыться в шкафу, выискивая мыльно-рыльные принадлежности. Шутов притворился спящим, думая про себя, что обязательно нужно будет нарисовать что-то жуткое на задней стенке гардероба над изголовьем кровати Максакова, чтобы тому чаще снились кошмары.

Собственно, на шкафу и так уже было достаточно много всего нарисовано и написано. Специально для этой цели на шершавый оргалит был кнопками прикреплён огромный белый лист бумаги, озаглавленный сверху плохо читаемыми готическими буквами «Гайд-шкаф». Его весь покрывали рисунки — умелые и не очень, надписи — остроумные и не очень, сделанные разными почерками и в разном настроении, начиная от бодрых «Viva la France!» и «Один патан равняется одной тысячной килопатана» до философских «Девочка плачет, а шарик улетел» и «While you're being violated try to relax and get the maximum of pleasure». Шкаф был украшен также украденной где-то табличкой с надписью «По газонам не ходить»

и водружённым сверху алюминиевым громкоговорителем, который в просторечии именовался матюгальником. Предыдущие обитатели комнаты сняли его на улице со столба и приспособили в качестве радио.

Когда, натянув штаны и прихватив полотенце, мыло и зубную пасту со щёткой, Максаков удалился из комнаты, Шутов встал, надел очки и мрачно осмотрелся вокруг. В углу потягивался заспанный Петракевич, которого Сергей также ненавидел, но пока не придумал, за что. На следующей кровати громоздился красавец-мужчина Карельцев, вставлявший в магнитолку очередную кассету «Ласкового мая» - ещё один повод для ненависти, не считая частого присутствия из-за него в комнате особ женского пола, которых Шутов боялся и поэтому ненавидел особенно сильно.

Конечно, он предполагал, что в будущем ему придётся иметь дело и с женщинами, но до поры до времени считал, что нужно получать сексуальное удовлетворение прямо из окружающего пространства.

В дальнем углу под одеялом угадывалась слабо шевелящаяся туша Андрея Богданова, который, совершенно очевидно, встать был ещё не готов.

Шутов неторопливо оделся, параллельно размышляя, стоит ли сначала пойти в умывалку или на зарядку, и выбрал второй вариант. Он уже приблизился к двери, когда его окликнул сонный Богданов из-под одеяла:

- Серёга! Ты вниз?

- Ага, - ответил Шутов.

- Отметь меня.

- Хорошо, - сказал Сергей, про себя подумав, что, во-первых, он этого делать не собирается, а во-вторых, к списку причин ненавидеть Богданова прибавилась ещё одна.

Шутов вышел в коридор, сбежал вниз по лестнице и зашагал в сторону перехода, ведущего к учебному корпусу. По пути ему встретился взмыленный Паша Дудник, возвращавшийся с утренней пробежки. Его Шутов ненавидел по той простой причине, что сам бежал плохо — дыхалка слабая, да и мышцы подкачали. «Ничего, - подумал про себя Сергей. - Мы ещё посмотрим, что будет лет через двадцать». Он вошёл в холл учебного корпуса, пол которого был устелен разнокалиберной и разноцветной шерботой кафельной плиткой, и приблизился к столу возле выхода, на котором лежали списки личного состава. Шутов, оглядевшись по сторонам, поставил крестик напротив своей фамилии, отметив таким образом свой выход на зарядку, а затем напротив ещё пары случайных фамилий, при этом тщательно проследив, чтобы ни одна из них не оказалась фамилией Богданова.

Затем он вышел сквозь тамбур на улицу и оказался во дворе интерната, где только недавно сошёл снег, и на деревьях начали появляться почки.

- Привет, - сказал ему идущий навстречу невысокий худощавый юноша азиатской внешности.

- Привет, - отозвался Шутов. - Бегал?

- Не, - ответил Вовка Ким. - Как всегда.

«Как всегда» у Вовки означало выйти на улицу, развернуться и пойти обратно. Шутов хмыкнул и двинулся дальше, к асфальтовой дорожке стадиона. Ким был одним из немногих, кого Сергей был способен ненавидеть не постоянно, а лишь временами — когда тот слишком явно проявлял свой интеллект и тем самым угнетал чувство собственного достоинства Шутова.

Сергей не спеша сделал кружок по дорожке, поглядывая на знакомые и незнакомые лица учеников, то там, то здесь лениво делающих зарядку каждый в своём представлении о том, какой она должна быть, а затем, чуть отдышавшись, зашагал ко входу.

Он прошёл сквозь двери, свернул направо, затем ещё раз направо — в переход, затем налево, потом опять направо, потом снова налево, взбежал по лестнице и вошёл в опостылевшую за больше чем полтора года учёбы двадцать пятую комнату.

- Ну как, отметил? - поинтересовался круглолицый Богданов, сидящий на кровати в майке и трусах.

- Не получилось, - ответил Шутов. - Там Штык всё время следит.

- Эх... - Андрей озадаченно почесал небритый подбородок, но остался на месте.

Шутов покопался в шкафу, выискивая необходимые для умывания принадлежности, затем вновь покинул комнату, проследовав в дальний конец коридора. Посреди умывалки стоял Фикс — крупный грушевидный молодой человек с близко посаженными глазами, уныло глядящими из-под чёрной ниспадающей чёлки.

Он просвистел мелодию, слегка напоминающую один из проигрышей «Пинк Флойда», щёлкнул пальцами и обратился к Шутову, который тем временем раскладывал своё нехитрое барахло на раковине:

- Товарищ Ту-у-у-тов!

- Чего тебе ещё? - пробормотал Шутов.

- Ку-ку! - выкрикнул Фикс, выпучив глаза.

Шутов нахмурился и промолчал. Фикс ещё раз щёлкнул пальцами и покинул умывалку.

- Ненавижу... - прошипел Сергей. Потом взглянул в зеркало, которое стояло перед ним на кафельной перегородке, встретился взглядом со своим отражением и выкрикнул:

— А тебя, скотина, сильнее всех ненавижу!

Потом схватил помазок и начал нервными рывками набрасывать на лицо мыльную пену. Этого никто не видел, а если бы и видел, то вряд ли удивился бы — обитатели интерната все как один были слегка не от мира сего.

Впрочем, через пару минут Шутов уже слегка остыл и в комнату шёл уже своей обычной неторопливой походкой. На его кровати сидел, ожидая, одетый в школьную форму Костик Орлюк, маленький длинношей паренёк, которого Шутов практически не ненавидел. Разве что иногда. Например, в тот раз, когда бил Костика головой о шкаф за то, что тот попросил его дать определение масла.

- Ты чего ещё не оделся? - спросил Костик. - У меня живот разрывается.

- Ща, - отозвался Сергей, - я быстро.

- Первой геометрия, - продолжил Костик. - Чайковский твой любимый.

- Чего это он мой любимый? - удивился Шутов, доставая из шкафа вешалку с формой.

- Тебе же нравится геометрия.

- Лучше, чем матан, - пожал плечами Шутов, застёгивая штаны.

- Да ну... Ты шо, шутишь, что ли?

- Матан сегодня тоже есть, - напомнил Шутов. - Третьей парой.

- Да вообще уже озверели. Я интегралы не успел у Карельцева переписать.

- Пошли, - сказал Шутов, закидывая тетради в дипломат.

Они вышли из комнаты, столкнувшись с полуголым Карельцевым, который бросил на них неестественно весёлый взгляд и произнёс:

- Самые голодные? Всё там не съешьте.

- Постараемся, - проворчал Костик, взяв пакет под мышку.

Из двери напротив, помеченной номером 24, показался Вовка Ким.

- Вы кушать? - спросил он.

- Жрать, Вовка, жрать! - поправил Костик. - Кушать я уже не могу, у меня аппетит бунтует.

- Подождите меня, - сказал Вовка. - Я только рюкзак возьму.

- Давай, - сказал Костик. - Одна нога здесь, другая там.

Вовка исчез за дверью.

- Скукотища, - сказал Костик, прислонившись к стене. - Чем бы заняться?

- А у тебя время есть? - удивился Шутов.

- Да какая разница? Нельзя же всю жизнь только учиться, жрать и спать. Нужно сделать что-нибудь интересное.

- Например? - Шутов поправил очки.

- Не знаю, - сказал Костик. — Вот, помнишь, мы весь мир на вашей карте поделили, раздали друг другу, а потом торговали?

- Помню, - кивнул Шутов. - Быстро всем надоело.
- Зато я у всех потом по дешёвке или задаром страны забрал. У меня теперь вся Земля!
- Не вся, - возразил Шутов. - Заир у меня.
- А давай ты мне его отдашь, - загорелся Костик, - а я тебе 10 процентов добытого

урана с моих месторождений.

- Нет, - отрезал Шутов. - Заир мой.

Костик раскрыл рот, чтобы что-то ответить, но тут из комнаты показался Ким.

- Вовка, - сказал Костик, - ты шо там делал?
- Ручку искал, - ответил Вовка. - А что?
- Ручку искал? - переспросил Костик. - Полчаса?

- Почему полчаса? - Вовка посмотрел на часы. - Минут пять, кажется.

- Я уж думал, помру, - вздохнул Костик. - Хватить топтаться, пошли уже.

Они побрели в столовую: Костик впереди, периодически оглядываясь — запоминал обратную дорогу, за ним Вовка, а потом нахмуренный Шутов. Прошли через холл, где возле стола дежурного учителя Костик задел прислонённый к нему розовый зонтик-трость.

Хмыкнул, поднял с пола, прислонил назад.

Зал столовой оказался ещё закрыт, так что они встали возле кое-как выкрашенной двустворчатой двери со стеклянными окошками и стали ждать. Разговор потёк дальше.

- Или вот помнишь, Сергей, у вас тогда демократия была в двадцать пятой?

- Помню. Тоже всем надоело. Мы тогда кровать Богданова объявили враждебной мухафазой и обвели мелом, а проверяющие ругались, говорят — грязь.

- Давайте у нас тоже будет демократия, - сказал Костик. - Я буду консул, ты трибун, а Вовка народ.

- Почему это я народ? - возмутился Вовка.

- А кто? - удивился Костик. - Народ обязательно должен быть, иначе какая демократия?

- А зачем вообще демократия? - спросил Вовка.

- Да необязательно демократия, - начал объяснять Костик, - просто надо же что-то со всем этим делать.

- С чем? - не понял Вовка.

- С жизнью.

- А давайте, - сказал Шутов, - с мёртвыми связываться. Разговаривать там, узнавать, когда конец света.

Вовка скорчил недовольную гримасу — видно было, что идея ему не нравится.

- Давайте лучше теорему какую-нибудь докажем и получим кучу денег, - предложил он.

- Давай, Вовка, вперёд, - согласился Костик. - Ты доказывай, а мне сорок процентов.

Столовая открылась, и они вместе с толпой успевших выстроиться за ними учеников ввалились внутрь и попытались организовать очередь. Через несколько минут, с подносами и едой, они уже оказались за столом.

- Ну что, Вовка, согласен на сорок процентов? - напомнил Костик.

- Нет, - ответил Вовка, лениво ковыряясь вилкой в гречке и отодвинув в сторону кусок курицы. Трупы он ел только в рубленном виде.

- Тогда ничего не получится с теоремой, - подвёл итог Костик.

- Можно летающую тарелку захватить, - сказал Шутов. - И выкуп требовать.

- И где ты видел летающую тарелку? - спросил Костик.

- Не видел пока, но когда-нибудь увижу.

- И сколько ждать? - Костик вздохнул. - Какие-то вы скучные. Один про мертвецов, другой про теоремы... Вовка, ты же не будешь курицу?

Вовка мотнул головой.

- Давай мне, я жрать хочу.

- Бери.

Костик переместил кусок в свою тарелку и принялся за него.

- А давайте придумаем какую-нибудь сложную пространственную фигуру в семнадцати измерениях, - предложил он через минуту, - и будем вычислять в ней всякие расстояния в уме.

- Давайте, - сказал Шутов.

- Можно, - кивнул Вовка.

- Блин, - возмутился Костик, - вы шизики. Я специально это придумал, чтобы вас проверить. Проверку не прошли. Тутов, ты всё?

- Я всё. Только я Шутов, - ответил Сергей.

- А почему все тебя Тутовым называют?

- Потому что так «Ш» пишут, что не разберёшь.

- А ты, Вовка, всё?

Вовка снова мотнул головой, дожевывая кусок бутерброда, запил чаем из кружки, а потом сказал «Теперь всё».

- Ну, пошли тогда, - сказал Костик. - Чудики. Семнадцать измерений, блин. Так же свихнуться можно. Сергей, ты свихнуться не боишься?

- Нет, - ответил Шутов.

- А, ну да, я забыл, ты же уже.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и зашли в кабинет, где пока ещё никого не было. Вовка сел на своё место возле окна и уставился на улицу, придав своему лицу задумчивый вид, а правой рукой бессознательно чертя в тетради причудливые звёздочки. Костик выпросил у Шутова тетрадку по матану и принялся списывать, а сам Шутов стал обходить класс в поисках фанерных стульев с алюминиевыми ножками, которые нумеровал. Всего уже было посчитано 54 стула, из которых каждый десятый был подписан загадочными буквами rh. На этот раз все стулья, впрочем, оказались обыкновенными, деревянными, так что надписывать было нечего, и недовольный Шутов опустил за свой передний стол в правом ряду.

Тем временем в класс начали подтягиваться остальные «ишники». Приплёлся крупный Евгений Шипунов, потоптался на входе, почёсывая нос, потом отправился на своё место и стал рисовать на обратной стороне ладоней магические символы. Ввалилась полная и вечно обиженная на всех Наталья Владыкина, уселась за Шутовым и начала рассказывать ему свой очередной сон. Шутов краснел и отвечал невпопад.

Постепенно класс заполнился, а потом появились и преподаватели: Чайковский, лысый усатый еврей в очках, любитель джаза и современных технологий, и его помощник Петечка, рыжий, курчавый и без очков, но тоже с усами.

Петечка, как всегда, сел на заднюю парту, а Чайковский встал к доске, стёр нарисованную кем-то рожицу и начал урок:

- Доброе утро. Все проснулись? Давайте сегодня займёмся преобразованиями плоскости, которые мы рассматривали на прошлой лекции. В частности, скользящей симметрией.

Шутов заинтересованно слушал, как Чайковский рассказывает о группах преобразований, хотя минут через десять его внимание несколько рассеялось, и мысли потекли по привычному руслу «загробная жизнь — трупы — люди — ненавижу».

Из этой нирваны его вывел голос Чайковского:

- Ну что? Кто попробует решить?

Шутов условие задачи прослушал, поэтому подсознательно съёжился, хотя вообще геометрию в интерпретации Чайковского и вправду любил. Однако Владимир Самуэлевич выбрал не его. К доске своей неторопливой семенящей походкой поплыл Шипунов.

- Значит, так, - начал он, взяв в руку мел. - Сначала мы продолжим эту красивую прямую, а потом возьмём вот эту шутовину и сравним вот с этой шутовинкой...

Чайковский стоял возле доски и внимательно слушал, периодически кивая и поправляя очки. Тут вмешался Петечка с задней парты:

- Евгений! Я посчитал - ты сказал слово «красивые» двадцать один раз, а сколько раз

ты сказал слово «штуковина», у меня даже пальцев не хватает. Можешь по-человечески рассказывать, на русском языке?

Те из класса, кто ещё не слышал шутки про пальцы из другого источника, засмеялись.

- Могу, - кивнул Евгений. - Так вот... Это самое... На чём я остановился? Ага! Вот эта штуковина, то есть флаг, ориентирована так же, как вот эта...

Шутов снова отвлёкся, задумался и даже не заметил, как урок подошёл к концу. На лестнице его догнали Костик и Вовка.

- Ну как? - спросил Костик. - Придумал что-нибудь?

- Насчёт чего? - не понял Шутов.

- Тьфу! - обиделся Костик. - Что-нибудь интересное, чем заняться, придумал?

- Нет.

- А ты, Вовка?

Тот тоже помотал головой.

Приплелись на второй завтрак, молча съели по бутерброду с чаем и отправились снова наверх, в актовЫй зал, где должна была начаться лекция по физике.

Кстати, совсем забыл сказать об одной важной детали, которая, впрочем, к нашему повествованию не имеет абсолютно никакого отношения. Хотя официально класс, о котором идёт речь, назывался одиннадцатым «И», сами ученики предпочитали обозначать его «11&», пытаясь таким образом выделить на фоне других. Видите ли, класс и вправду состоял из личностей довольно-таки незаурядных, или, по крайней мере, на тот момент им самим казалось, что они таковыми являются.

Итак, придя в актовЫй зал, все трое сели на второй ряд, на соседние стулья: Шутов, потом Костик, потом Вовка. Через несколько минут на сцену поднялся старенький лектор Стекляшкин и без предисловий начал вещать:

- Здравствуйте. Сегодня мы познакомимся с некоторыми явлениями, которые вполне можно увидеть в реальной жизни. Поэтому я решил возобновить старую, незаслуженно забытую ныне, традицию — сопровождать лекции демонстрациями. В этом мне поможет сотрудник моей кафедры в МГУ Камиль Сергеевич Татаев.

Невзрачный косолапёнький мужичок, стоящий возле сцены, поднялся на неё и чуть наклонил голову.

- Тутов! - зашептал Костик. - Я придумал.

- Что? - не поворачивая головы, поинтересовался Шутов.

- Мы будем рассказ писать, - сказал Костик. - По очереди. Каждый пишет одно предложение. - Он придвинул к Сергею двойной листок в клеточку. - Давай, начинай.

- Почему я? - прошептал Шутов.

- Ты же у нас писатель.

Шутов мысленно содрогнулся от громкого слова «писатель», но доля правды в этом была. Он и действительно пытался пописывать рассказы про восставших мертвецов, а недавно прочитал соседям по комнате свой опус о том, как всех учеников одиннадцатого «И» по очереди убивает таинственный маньяк. Для каждого Шутов придумал собственный изощрённый способ убийства, не исключая и себя.

- Ладно, - сказал он и, положив листок перед собой, на мгновение задумался.

Потом взял ручку и написал корявым почерком: «Я достал из почтового адреса конверт и заметил, что на нём нет обратного адреса». Листок отправился к Костику. Шутов видел, как Костик что-то объясняет на ухо Вовке, но тут как раз началась демонстрация, и он отвлёкся.

Камиль Сергеевич Татаев усиленно пытался показать, как два свинцовых цилиндра могут слипнуться между собой вследствие диффузии молекул. Он притирал их друг к другу доньшками, прижимал с заметным усилием, но полученная конструкция всё равно разваливалась.

- Ничего, - прокомментировал наблюдавший за этим Стекляшкин. - Я вас уверяю, что такое явление на самом деле происходит в природе.

- Тутов! - прошептал Костик. - Твоя очередь.

Возле правой руки Шутова зашуршал тот самый листок. К первому предложению добавились ещё два: «Почтового штемпеля тоже не было. Я повертел конверт и нашёл маленькую красную пометку «П/О Эгозона-1»».

Шутов вздохнул и дописал: «В конверте оказался лист бумаги, исписанный непонятными словами». Листок продолжил путешествие. Повествование обрастало деталями. Были упомянуты старик с дырой в голове, старый таинственный дом и предметы, перелетающие с места на место.

За это время Камиль Сергеевич успел продемонстрировать, как расширяется газ в нагреваемой пробирке — правда, никто не успел этого заметить, поскольку пробирка лопнула, а также как нагревается от трения кусочек дерева — правда, если верить показаниям приборов, то он скорее охлаждался.

На этом лекция закончилась, и троица новоиспечённых соавторов отправилась на обед.

- По-моему, круто получается, - сказал Костик.

- Ага, - сказал Шутов. - Такой бред...

- Надо сюжет придумать, наверно, - вставил Вовка.

- Не надо, - сказал Шутов. - Дальше ясно станет, о чем это всё.

После обеда шёл семинар по матанализу, который вела Ирина Александровна Короленкова — хрупкая девушка в очках с томным тихеньким голоском и неуверенными движениями, производящая впечатление неземного существа.

- Здравствуйте, - сказала она. - Что-то я забыла, на чём мы с вами в прошлый раз остановились.

- На вероятности, - подсказал улыбающийся Дмитрий Твидлдаев, в просторечии Любер, со среднего ряда.

- А, да! - обрадовалась Короленкова. - Меня Роберт Владимирович попросил вам в курсе матанализа прочитать небольшое введение в теорию вероятностей. Определение вероятности я вам давала?

- Нет, - нагло соврал Дмитрий.

- Ну, так вот, - сказала Короленкова, и достала из сумочки книжку, обёрнутую в разноцветную обложку. - Вероятность — это... Сейчас...

Она раскрыла книжку и увидела задние страницы.

- Ой! - перепугалась она. - Я книжку открыла, а она не открывается. Попробую ещё раз.

На этот раз получилось, и Ирина Александровна многозначительно прочитала вслух определения вероятностного пространства, элементарного события и вероятности.

- Рассмотрим пример, - сказала она, поворачиваясь лицом к доске и вытирая кусочек мела о клетчатую юбку. - Вот единичная окружность в декартовых координатах. Вокруг неё опишем квадрат...

- Два на четыре, - подсказал Любер, вспомнив уже давно заезженную шутку.

- Два на четыре, - согласилась Короленкова и приписала к сторонам квадрата цифры, а потом захихикала: - А, это вы так шутите? Я догадалась. Так вот. Предположим, на плоскость падает точка.

- Откуда падает? - переспросил Любер.

Короленкова повернулась к аудитории и наморщила лоб.

- Не знаю, - призналась она. - Ну, пусть с неба.

- Как же вы не знаете? - улыбнулся Твидлдаев. - От этого, может быть, решение задачи зависит.

- Может быть, - кивнула Короленкова. - Но решить можно и так. Пусть точка падает в квадрат. Какова вероятность, что она попадёт внутрь окружности?

- Пи на четыре, - подал голос курчавый парень в роговых очках, сидящий рядом с Твидлдаевым — Айрат Батрутдинов.

- Ой, какие вы все умные! - восхитилась Короленкова, уронила мел и полезла под стол.

В этот момент Шутова в плечо пнула Владыкина, сидящая прямо позади него.

- Тебе передали, - прошептала она заискивающим шёпотом, умудряясь параллельно пожёвывать свою щеку.

- Спасибо, - ответил Шутов и принял из её рук листок, исписанный уже практически полностью. Последней фразой на данный момент было «Тигр уселся на диван, раскачав головой люстру».

Шутов наморщил лоб, посмотрел на ряд цветов в горшках, висящих на стене, и приписал: «- Меня зовут Василий Иннокентьевич, - сказал тигр, но тут что-то загудело в его голове, а из-под хвоста повалил дым». Он хотел тут же передать листочек назад, но Короленкова как раз повернулась в его сторону, так что Сергею пришлось это отложить и придать лицу невинное выражение.

- Так вот, - сказала Короленкова, глядя прямо на Шутова невидящими глазами. - Сегодня мы рассмотрим теорему Чебышёва, Василия Иннокентьевича.

- А не Пафнутия Львовича? - уточнил Любер.

- Нет, - отрезала Короленкова. - То есть да, конечно, что это я?

Шутов сидел озадаченный. «Телепатия, что ли?» - подумал он. - «В принципе, ничего особенного в этом нет. Но чтобы так, живьём, увидеть...» За этим размышлениями он совсем забыл передать листочек назад, за что в перерыве получил выговор от Костика:

- Ты шо, Сергей? Время — деньги. А вдруг ты сегодня помрёшь, и мы так и не узнаем, чем рассказ закончился?

- Вдвоём допишете, - возразил Шутов.

- Кто? Мы с Вовкой? Я по-русски еле пишу, а Вовка всё будет пытаться на космические войны свести. И что получится?

«Косноязычные космические войны», - подумал Шутов, но промолчал. За вторую половину семинара они переползли на пятую страницу, а на лекции по алгебре, которую вёл весёлый толстячок Степанов, прикончили ещё две, так что сюжет развивался стремительно.

Двигаясь в сторону общаги, они обсуждали написанное:

- Вот ты, Тутов, скажи, зачем эти летающие ботинки? - не понимал Костик. - Хочешь, чтобы маразм получился?

- Я просто пишу, что в голову приходит, - ответил Шутов. - Так интереснее. Смотрю только на предыдущее предложение и стараюсь продолжить, чтобы как можно чуднее получилось.

- Оно и видно, - сказал Костик, подходя к двери своей комнаты, двадцать шестой. - Ладно, давайте пока домашние задания подделаем, а потом у Вовки соберёмся и продолжим.

Возражений не поступило, так что все разошлись по комнатам. В двадцать пятой царил гвалт. Максаков и Николай Натансон валялись на кровати Карельцева и делали вид, что душат друг друга. Николай, впрочем, вполне натурально хрипел и просил пощады, при этом дёргая ногой в надежде стукнуть Максакова по голове. Внезапно ботинок с его ноги сорвался и сделал пируэт под потолком. Шутов насторожился, вспомнив, что про летающий ботинок он недавно слышал. Впрочем, он недолго об этом думал, поскольку добрался до своей кровати и, раскрыв тетрадь, приготовился решать задачки по геометрии.

Исписав полторы страницы, он услышал, однако, как дверь хлопнула, и в комнате появился мрачный Фикс.

- Здорово, граждане, - сказал он. - Чем занимаетесь?

Ему никто не ответил, так что Фиксу пришлось выставить вверх указательный палец и продолжать дальше:

- Вот я тоже думаю, что ничем. Я тоже сегодня зря потратил день. Не убил ни одного француза.

Фикса на самом деле звали Сергеем Слесаревым, но никто, кроме учителей, его так не называл, поскольку он был вредным и ужасно напоминал Фикса из австралийского мультика «80 дней вокруг света». Он прогулялся по комнате туда-сюда, затем присел, широко расставив ноги, на пустую кровать Максакова и произнёс:

- Вот ты, Тутов, думаешь — ничего и не нужно делать, само как-нибудь пойдёт. А надо

думать, изобретать, - он щёлкнул пальцами. - Вот, к примеру, захвачу я завтра Японию, а ты нет. Приду я к тебе домой и спрошу: «Чей у тебя видак?». А ты ответишь «японский». И всё. А вот ты ко мне придёшь, спросишь, чей у меня видак, я скажу «Мой». Вот поэтому Японию надо захватить. Остаётся вопрос, как. Отвечаю. Нужно взять пустотелый металлический шар, опустить его под воду в районе Охотского моря и придать небольшую горизонтальную скорость, а потом отпустить. Он под воздействием силы Архимеда с охрененной скоростью вылетит на поверхность, взлетит и с почти такой же охрененной скоростью упадёт на Японию. Я всё рассчитал. А ты говоришь — ничего не надо делать. Думать надо!

Фикс поднялся, засвистел мелодию "Wish you were here" и направился к выходу из комнаты. Его речь напомнила Шутову о том, что они собирались писать рассказ дальше, и он отправился в двадцать четвёртую. На кровати сидел как всегда растрёпанный Шурик Зайкин по прозвищу Минус Балл и жрал печенье. Он был неплохим художником, предпочитая рисовать на компьютере при помощи мышки. Как-то раз его всем классом разыграли, убедив, что существует компьютерная мышь под названием «ондатра», которая позволяет рисовать в трёх измерениях. Воодушевлённый Шурик пошёл к заместителю директора с просьбой закупить в интернат партию ондатр, в результате чего был осмеян и получил в определённых кругах широкую известность.

- А Вовка где? - спросил Шутов.

- Э? - ответил Минус Балл, но Шутов уже увидел и Вовку, и Костика, которые ползали по полу возле Вовкиной кровати и шарили по нему руками.

- Тутов, не подходи! - сказал Костик. - Тут Вовка часы разбирает и потерял одну маленькую беленькую фиговину, без которой они не собираются.

- Вот эту? - Шутов поднял с пола крошечный, меньше миллиметра, кусочек пластмассы.

- Серёга! - вскочил с корточек Костик. - Ты как его нашёл? Мы уже минут пятнадцать ползаем.

- Давайте дальше писать лучше, - сказал Шутов.

Костик быстро сходил к себе в комнату и принёс исписанные листочки. Они уселись на Вовкину кровать и продолжили по очереди приписывать к концу рассказа по одному предложению.

- Между прочим, - сказал Шутов, на мгновение оторвавшись от листка, - я заметил одну странную вещь...

В это мгновение хлопнула дверь, и послышался голос Кирилла Кормченко:

- А Владимир здесь?

- Угу, - ответил Шурик.

Кирилл — высокий улыбающийся парень с темными волосами «ёжиком» - появился из-за шкафа и медленно, словно с трудом придумывая слова, обратился к Вовке:

- Привет. Тут вот задачу Высоков задавал... Про две гантели. Ты решил?

- Привет, - отозвался Вовка. - Там всё просто.

Кирилл присел на краешек кровати и принялся шуршать принесёнными с собой листками и тетрадями:

- Я тут начал решать, но не получается... Условие такое...

- Я помню условие, - сказал Вовка, но Кирилл словно бы не слышал и медленно, тягуче продолжал:

- Две одинаковые идеальные гантели с равной массой в каждой из вершин, расположенные параллельно, летят навстречу друг другу перпендикулярно прямым, соединяющей вершины каждой из гантелей, с равными скоростями и упруго сталкиваются таким образом, что взаимодействие происходит только с одной из вершин каждой гантели. Требуется описать дальнейшее движение гантелей. Я вот составил систему уравнений. Тут вот закон сохранения энергии, тут моменты, а тут я приводил, и все свелось к уравнению четвертой степени. Что дальше делать?

- Кхм, - сказал Вовка. - Это не нужно всё. Рассмотрим столкновение вершин. Массы

равные, скорости равные, столкновение упругое, сами стержни перпендикулярны направлению столкновения, значит, скорости поменяются на противоположные.

- Почему? - спросил Кирилл.

- По закону сохранения импульса.

Кирилл начал медленно записывать что-то в тетради.

- Ну, так вот, - сказал Вовка.- Дальше получается, что у каждой гантели одна вершина летит в одну сторону, другая в другую. Начнётся вращение вокруг центра. И так до тех пор, пока вершины снова не столкнутся.

- Почему? - спросил Кирилл.

- Что почему? - не понял Вовка.

- Почему они столкнутся?

- Э... Потому что окружность замкнётся.

Кирилл записал что-то ещё.

- И дальше, - продолжил Вовка,- после соударения скорость снова поменяется на противоположную, направления скоростей вершин каждой гантели совпадут, и они просто продолжают свой путь как раньше летели. Понял?

- Нет, - сказал Кирилл. - Ты слишком быстро говоришь. Я записывать не успеваю.

- Ты не записывай, - возмутился Вовка, - а соображай. Вот как они полетят, - и он тут же продемонстрировал движение гантелей с помощью двух ручек.

Кирилл смотрел на Вовку, наморщив лоб, потом собрал листки и, сказав «Я подумаю и потом ещё приду», удалился.

- Тутов! - сказал Костик.

- А?

- Что ты там начал говорить?

- О чём? А! - вспомнил Шутов, оторвавшись от мыслей о том, что и Кирилла он тоже ненавидит. - Мне тут показалось... что вроде бы мы совсем фантастический рассказ пишем, но потом что-то слегка похожее на самом деле происходит...

- О! - воскликнул Вовка шёпотом (он вообще всегда говорил тихо). - И я тоже заметил. Вот мы написали про стол, который по комнате скакал, а у нас сегодня у стола ножка сама отвалилась.

- И шо? - не понял Костик. - Вы шо, серьёзно или меня дурите?

- Ага, - сказал Шутов. - И ботинок сегодня летал, и Короленкова назвала Чебышёва Василием Иннокентьевичем...

Тут из-за стены послышался грохот и чей-то вскрик.

- Что это было? - насторожился Костик. - Пошли, посмотрим.

Они двинулись к выходу из комнаты, но им навстречу уже нёсся радостный Любер:

- Смотрите! У Ильи дыра в голове!

Влетев в двадцать пятую, они увидели Илью, который сидел на полу с окровавленной головой, валяющийся рядом матюгальник и склонившегося над Ильёй Карельцева, который спрашивал:

- Голова не кружится? Встать можешь?

- Да всё я могу, - огрызнулся Петракевич, поднимаясь с пола. - У, дура проклятая! - он пнул матюгальник ногой. - Пошли вниз, в медпункт, что ли.

Они с Карельцевым двинулись к лестнице, оставив на линолеуме несколько кровавых капелек.

- Видели? - спросил Вовка. - Дыра в голове.

- Видели, - ответил Костик. - Пошли жрать лучше. Время без десяти семь, скоро уже столовую откроют.

Через несколько минут они сидели за столом, с разной скоростью поедая довольно-таки противное овощное рагу с жареной колбасой.

- Что-то странное происходит, - сказал Костик.

- Ничего странного, - возразил Шутов. - Обычная мистика.

- А у меня теория есть, - заговорил Вовка. - Вот мы как рассказ пишем? Каждый пишет одну фразу, которую придумывает на основе того, что у него в голове и что вокруг происходит. И мир так же.

- Что «так же»? - не понял Шутов.

- Мир тоже следующее мгновение придумывает исходя из того, что вокруг, и того, что у нас в голове.

- Шо? - переспросил Костик. - Вовка, ты не перегрелся случайно?

- Нет, - ответил Вовка. - Вот смотрите. Ты, Сергей, почему написал про дырявую голову?

- Не знаю, - ответил Шутов. - Придумалось.

- Откуда придумалось?

- Не знаю, - сказал Сергей. - Откуда-то.

- И матюгальник упал по той же причине, - завершил свою мысль Вовка.

- Матюгальник упал, - сказал Костик, - потому что в двадцать пятой дверь у шкафа сломана и сильно хлопает. Илья, небось, и хлопнул себе на голову.

- Неважно, - сказал Вовка. - Так придумалось, вот и всё.

- Бред какой-то, - сказал Костик. - И пишете вы такой же бред, вот поэтому и совпадает.

- Неважно, что с чем совпадает, - сказал Вовка. - Важно, что мир строится по тому же принципу, что и наш рассказ.

- Я только сейчас понимаю, о чём мы пишем, - сказал Шутов. - Вот об этом и пишем. Там же у нас Вам Кого как раз хотел Землю безумной сделать. А она, получается, уже безумная.

- Ага, - сказал Костик, - только вы не говорите никому. А то вас сразу посадят в жёлтый домик. Пожрали? Пошли тогда. Вот шизики...

По дороге в комнату им встретился довольный Илья с перевязанной головой, напоминающий красного командира из фильмов о войне. Вернувшись в двадцать четвёртую, решили придумать главному герою имя и фамилию. Имя подобралось сразу — сошлись на Владимире. А фамилию выбирали совместно с помощью хитрой процедуры. Каждый из троих задумывал букву, потом голосовали. Если у двоих буква совпадала, выбирали её. Первый раз все трое называли «Я», потом мнения несколько раз расходились, но, в конце концов, составилось чудное слово «Ясоний».

- Ну и фамилия, - сказал Костик. - Ещё, небось, какой-нибудь Каллистратович.

Впрочем, решили так и оставить.

Пописали ещё немного, сходили на вечерний сок, поболтали ни о чём и разбрелись спать.

На следующий день Костик немного убавил своего скепсиса по поводу Вовкиной теории о том, что они обозвали «маразмом». На одной из перемен он подошёл к Шутову и сказал:

- Что-то в этом есть. Мне со вчерашнего дня если что на глаза попадается — обязательно то про плиты, то про тигров, то про конец света. Я теперь даже писать дальше боюсь.

- «Естрементеракориндо» - это я придумал, - гордо заметил Сергей.

- Зато я про маразм придумал, - заметил оказавшийся рядом Вовка.

- А я придумал рассказ писать, забыли? - возмутился Костик.

На обеде к ним за стол подсел Карельцев.

- А что вы там всё листочки какие-то пишете? - поинтересовался он.

- Да так, - ответил Костик. - Рассказ.

- Про конец света, - вставил Шутов.

- Дадите почитать?

Обменявшись взглядами с Костиком и Вовкой, Шутов согласился:

- Дадим. Только там написано неразборчиво.

- А вы вечером прочитайте у нас в комнате, все послушаем, - предложил Карельцев.

Шутов вспомнил, что читал уже вслух свои опусы, и кивнул.

На лекции работа кипела вовсю. Листочек сновал туда-сюда со скоростью челнока в швейной машинке, и к концу дня получилось уже почти тридцать страниц.

- Пора кончать это, - сказал Костик, когда шли в общежитие с занятий. - Надоело. Да и чем дальше, тем бредовее.

- Так и должно быть, - сказал Вовка. - Маразматичность должна постоянно расти. - Он уже успел развить свою теорию, и мог сформулировать несколько постулатов о построении маразматических пространств.

Шутов тоже согласен был закончить. Ему не терпелось, чтобы главный герой сказал всё-таки «Естрементеракориндо» и уничтожил весь мир. Добравшись до комнаты, они уселись на кровать, и принялись за работу. Минут через двадцать Шутов написал последнюю фразу: «Тот я, который вошёл, вдруг прорычал нечеловеческим голосом: "ЕСТРЕМЕНТЕРАКОРИНДО!", и больше ничего никогда не было. Мир исчез».

- Вообще-то это два предложения, - заметил Костик.

- Могу запятую вместо точки поставить, - обиделся Шутов.

- Да ладно, какая уж теперь разница. Сколько времени, Вовка?

- Без пятнадцати.

- Ого! - удивился Костик. - И шо вы молчите? Места же все займут!

Они спешно поднялись и отправились в актовый зал.

Там уже было полно народу. Все стаскивали в зал стулья, желательно поближе к сцене, а столы заранее были задвинуты к дальней стене. Самые активные громоздили один стул на другой, чтобы было лучше видно, а на некоторых стульях виднелись надписи мелом или лежали предметы, обозначающие, что стул занят. Через десять с небольшим минут должно было начаться очередное заседание киноклуба, которые на добровольных началах проводил учитель истории, а по совместительству киновед, с причудливым именем Эдуард Фридрихович Иванов, для простоты за глаза называемый Феликсом. Заседание обычно состояло из краткой лекции о фильме, режиссёре или жанре кино, а затем с помощью заезженного видеомэгафона показывали зарубежный фильм, добытый Феликсом из одному ему известных мест. Довольно часто это оказывалась так называемая «лазерная копия», переписанная непосредственно с диска и потому отличавшаяся особым качеством.

Не найдя свободных стульев в зале, троица маразматиков отправилась в соседнюю аудиторию, после чего вернулась назад и разместила стулья в правой части зала, возле прохода. Шутов, заметив на одном из соседних стульев надпись "McSuckOff", не преминул тут же исправить мелом S на F, хотя и первоначальный вариант был довольно сомнительным.

Усевшись на свои места, стали ждать.

- А вообще неплохо получилось, - сказал Костик. - По этому рассказу можно фильм снять. Только ты, Тутов, всё время на словесный бред переходил, который снять невозможно.

- Возможно, - возразил Шутов. - Всё от режиссёра зависит. Стиль только у нас корявый. Надо будет потом поправить.

- Вот на компьютерах набьём в машинное время, - сказал Вовка, - потом поправим.

- Фиг тебе там дадут текст набрать, - сказал Костик. - Там Короед всё время зырит, чтобы только курсовые на Паскале писали.

Тут на них все зашикали, потому что на сцене появился Феликс — величавый, в модном пиджаке песочного цвета, надетом поверх водолазки.

- Добрый вечер, - сказал он. - Сегодня я хотел показать вам последний фильм из трилогии «Звёздные войны». Он называется «Возвращение джедая». Сюжет всех трёх фильмов был придуман человеком по имени Джордж Лукас, и сегодня я расскажу вам о том, как были созданы эти фильмы.

Аудитория благодарно внимала, поскольку многие о «Звёздных войнах» слышали, как

минимум из советских средств массовой информации, где фильм дружно осуждали за безвкусице и антикоммунизм, но практически никто ещё не видел. Да и рассказ был интересным — о том, как Лукас добивался того, чтобы киностудии заинтересовались проектом, о том, с какими трудностями снимали, и как все были потрясены тем, что в конце семидесятых был снят такой впечатляющий фантастический фильм.

А потом начался собственно он, фильм. Конечно, не всё было понятно, поскольку предыдущих эпизодов никто из троицы не видел. И видно было плохо из-за голов впереди сидящих, особенно учитывая, что смотреть приходилось под углом к экрану. Но всё равно впечатление оказалось незабываемое.

Когда Император был уже повержен, а звезда Смерти взорвана, отправились на ужин. За столом Костик спросил у Вовки:

- А ты это раньше видел?

- Нет, - ответил тот.

- Тогда почему ты всё время про войну в космосе пытался писать?

Вовка пожал плечами:

- Потому что интересно. Мы потому сейчас и посмотрели этот фильм, что у нас в голове накопилось много образов, связанных с космосом и войной.

- А ты шо молчишь, Тутов?

- Про Естрементеракориндо думаю, - отозвался Шутов, в задумчивости чуть не поскользнувшись на лестнице.

- А шо про него думать?

- Если всё, о чем мы пишем, может оказаться правдой, то и оно тоже. Я бы сразу сказал.

- Ну и дурак, - сказал Костик. - Больше ничего же не было бы.

- Вот этого-то я и хочу.

- Шизики вы, - грустно подвёл итог Костик, и они отправились в общежитие.

Шутов притормозил на пороге двадцать пятой от неожиданности. В комнате находились несколько лишних человек, в том числе три девушки — симпатичная кореянка Марина Ченг, задумчивая худенькая Татьяна Крестенко и, само собой, Наталья Владыкина, которая не преминула пояснить:

- А нам сказали то, что ты будешь рассказ читать про конец света.

Шутов мысленно перечислил тех, кого он ненавидит, включая всех на свете женщин, и только потом подтвердил:

- Буду.

Он сел в позе лотоса на стол, положил на колени коричневую папку из кожзаменителя, раскрыл её и достал пачку разнокалиберных листочков — в клеточку, в линейку, двойных и одинарных, оторванных аккуратно и криво, но одинаково покрытых мелкими рукописными строками. Потом оглядел собравшихся, ещё раз подумал, что всех ненавидит, и начал читать с бубнящей интонацией и металлическим голосом: «Космический маразм. Глава 0. Зарождение. Я достал из почтового ящика конверт и увидел, что на нём нет обратного адреса...»

Время шло быстро, горло скоро пересохло, а листочки всё не кончались. Шутов читал, стараясь не обращать внимания на смешки, которые вызывали шутки в тексте, и комментарии слушателей.

« - Обозначились маленько, - вздохнул Вам Кого.

- Но как же галактические законы? - воскликнул я.

- Во время войны всё возможно, - ответил Так Его».

Шутов поймал себя на мысли, что он впервые читает этот текст целиком, от начала до конца, и только сейчас осознаёт его смысл, только сейчас впервые по-настоящему представляет себе героев, и впервые чувствует их настолько реальными.

«Тот я, который вошёл, вдруг прорывал нечеловеческим голосом: "ЕСТРЕМЕНТЕРАКОРИНДО!", и больше ничего никогда не было. Мир исчез», - закончил Шутов, и от произнесённого слова «Естрементеракориндо» ему вдруг стало не по себе. Он

закрыв папку и поднял глаза на слушателей.

- Круто! - сказал Карельцев. - Если вы это приведёте в нормальный вид, обещаю помочь в публикации.

- А я вот не понял, - заявил Кирилл. - Это им всё снилось, что ли?

- Хе! - сказал Фикс. - Я всегда подозревал, что Вовочка — старый маразматик. - Он схватил большую зелёную палку из пластмассы, махнул ей в воздухе и вышел в коридор.

- Ладно, - сказала Татьяна, - спасибо. Мы уже пойдём. Интересно было.

Все потихоньку разбрелись, Шутов убрал папку в сумку и начал разбирать постель.

- А продолжение будет? - спросил вдруг Максаков.

- Не знаю, - рассеянно ответил Шутов, раздеваясь. - Может быть.

Хотя сам уже подозревал, что не будет, только ещё не знал, почему. Сон навалился почти моментально, и в нем мелькали кадры из «Звёздных войн», тигры, розовые шарики, карманные переносные телефоны и ещё какие-то смутные картинки, смысла которых Шутов не понимал. Потом вдруг сон кончился, и Сергей, открыв глаза, увидел, что за окном уже утро. Судя по тому, как ярко светило Солнце, подъем уже должен был давно состояться, но Шутов его не слышал. Приподнявшись в кровати, он увидел, что все ещё спят. Нащупал очки на полке шкафа, надел. Посмотрел на часы и вздрогнул. Они показывали 13:42. Шутов встал, натянул штаны, надел тапочки и вышел в коридор. Там было темно и тихо, только где-то вдали капала вода. Шутов ткнулся в дверь двадцать четвёртой. За ней царила непроницаемая ночь. Он нахмурился и отправился в двадцать шестую, но навстречу ему уже выходил взлохмаченный Костик.

- А у тебя сколько времени? - спросил он с ходу.

- У меня без пятнадцати два, - ответил Шутов.

- А у меня семь вечера, - констатировал Костик. - Пошли Вовку будить.

Прокрались по тёмной двадцать четвёртой к Вовкиной кровати. Вовка лежал на спине и тихо сопел. Костик дёрнул его за руку. Вовка открыл глаза и, вглядываясь во мрак, прошептал:

- Вы чего?

- Одевайся, дело есть.

- Ночь же. Что-то случилось?

- Увидишь. Мы снаружи подождём.

Через пару минут Вовка в своём полосатом свитере присоединился к ним в коридоре.

- Ну что, дописались? - спросил Костик.

- Не понял? - промямлил Вовка, зевнув.

Костик приоткрыл дверь двадцать пятой и продемонстрировал яркий солнечный свет:

- И в умывальнике то же, я проверял. И ещё там вода льётся из крана вверх.

Вовка поглядел на Костика, потом на Шутова, пытаясь понять, не дурят ли его.

- Значит, началось, - сказал он. - Пошли вниз, осмотримся.

- Сейчас, - сказал Шутов. - Переобуюсь.

Он зашёл в комнату, надел кроссовки и взял с собой сумку.

Они спустились на первый этаж и прошли в учебный корпус. В холле было пусто.

Только стол дежурного учителя, покачиваясь, парил в воздухе на высоте сантиметров сорока от пола.

- Вот интересно, - пробормотал Вовка, - это потому, что гравитационное поле неоднородное, или плотность стола примерно равна плотности воздуха?

- А какая разница? - спросил Костик.

Вовка пожал плечами, и они вышли на улицу. Яркое летнее солнце заливало огромный пустырь, посреди которого стоял интернат.

- Опять же непонятно, - прокомментировал Вовка. - То ли здание переместилось, то ли местность поменялась вокруг.

- Ты лучше скажи, что делать будем, - проворчал Костик.

Вовка промолчал.

Внезапно земля пришла в движение. Кусты поехали в сторону, пятиэтажки, видневшиеся вдаль, стали приближаться, а из-за угла интерната послышался механический гул. Через мгновение оттуда показались старые грузовые машины, покрытые пятнистым брезентом, и пара танков причудливого вида.

- «Тигры», кажись, - сказал Вовка.

- Может, спрячемся? - предложил Шутов.

Однако в тот же миг в небе возникла яркая точка, которая моментально выросла в размерах, превратившись в огромную металлическую глыбу, рухнувшую прямо на колонну фашистской техники. То, что осталось от корабля, разлетелось в обломки, которые просвистели мимо ошалевшей троицы, чудом не причинив им никакого вреда.

- Тутов! - крикнул Костик. - Ты там не обделался?

- Нет, - ответил Шутов, но при этом словно бы не слышал Костика, а думал о чем-то своём.

Из обломков корабля выбралась рослая человеческая фигура в блестящем скафандре. Человек, держащий в руке небольшой лёгкий меч, прошёл мимо них, не обращая внимания.

Вовка двинулся к обломкам, осматривая всё, что было разбросано вокруг.

- Что там? - спросил Костик.

- Да так, интересно, - сказал Вовка. - Инопланетная техника. Смотри — бластер. Это винтовка какая-то. А вот это вообще не знаю, что такое, — он кивнул на крупный предмет — видимо, тоже оружие — который представлял собой две цилиндрические ёмкости, расширяющееся сопло и пластиковый приклад.

- Может, всех остальных разбудить? - спросил Костик.

- Зачем? - не понял Вовка.

На этот раз была очередь Костика пожать плечами.

- А куда Тутов делся? Тут же вроде был.

Они осмотрелись. Шутов через минуту появился из-за кустов, неся в руках белый пакет, напоминающий бандероль. Проезжающая мимо пятиэтажка как раз повернулась к нему торцом, на котором висел почтовый ящик. Шутов с усилием пихнул пакет в щель и довольно усмехнулся.

- Ты шо это послал? - спросил Костик. - Кому?

- Рассказ наш, - ответил Шутов. - Ясонию, на Землю.

- На Землю? - переспросил Костик. - А мы, по-твоему, где?

- Точнее я его адреса не знаю, - ответил Шутов. - А это что? - он показал рукой на кучку, которую рассматривал Вовка.

- Фиг знает, - ответил Костик. - Оружие какое-то.

Шутов направился к куче, схватил самую большую пушку и приложил к плечу, целясь в сторону интерната.

- Ты что делаешь? - спросил Костик.

- То, о чём всегда мечтал, - ответил Шутов, нажимая спусковой крючок.

Из сопла вылетела струя ярко-красной жидкости, напоминающей томатный сок. Часть долетела до интерната, заляпав ближайшую стену, остальное протянулось узкой дорожкой к месту, где стоял Шутов.

- Это ещё что за дрянь? - возмутился он. - Я думал, это огнёмёт...

В тот же миг красное вещество взорвалось с ослепительными искристыми вспышками, и всё пространство, где только что стоял интернат и несчастная троица, заполнилось бушующим пламенем. Впрочем, очень скоро оно утихло, и потихоньку рассеялся дым.

Если бы у этого зрелища был наблюдатель, он увидел бы грудой сваленные обломки здания, на которые оседал пепел, обгоревшие останки троих человек и уезжающую прочь пятиэтажку.

Какой вывод он смог бы сделать из этой картины, неизвестно, да и не очень хочется знать.

Глава 2. Кузбассы и другие.

Что такое время? Раньше я об этом не задумывался. Видимо, потому, что считал ответ очевидным. Теперь я уже не уверен. Люди привыкли знать, что одно событие повлекло за собой другое, и автоматически делают вывод, что первое произошло раньше. Мозг сам выстраивает цепочку образов вдоль несуществующей прямой, и именно так появляется время. На самом-то деле не всегда ясно, что является следствием, а что причиной. Родился человек умным и поэтому изобрёл вечный двигатель, или он для того родился умным, чтобы его изобрести? И если он не сможет ничего изобрести, то прошлое поменяется, и его коэффициент интеллекта резко упадёт? Я думаю, что это вполне возможно. В маразме часто бывает, что А повлекло Б, Б повлекло В, а В — снова А. И никуда от этого не денешься, и вдоль привычной временной прямой не расположишь. В конце концов, и эта прямая, чем бы она на самом деле ни являлась, тоже меняется каждое мгновение, выстраиваясь заново, и куда она повернётся через секунду, никто не знает, точно так же, как и то, что есть эта самая секунда.

Учёные свалили всё в одну кучу, объявив время четвертой координатой в нашей Вселенной. Но это такое же искусственное объединение, как называть напитками одновременно водку и кисель. Что-то общее есть, несомненно, но суть разная.

Когда я очнулся, то первой моей мыслью было: «Где я?». Потом «Сколько времени прошло после конца света?». А потом, осознав, что после конца света я бы обо всём этом думать не смог, я как раз и стал думать о том, в какую сторону сейчас течёт время.

Впрочем, простое объяснение случившемуся, как и всегда, нашлось. Я лежал среди обломков здания, засыпанный щепками и пеплом. Голова гудела, правый висок был горячим, а потрогав его пальцами, я увидел кровь. Кроме того, в паре метров от меня лежала окровавленная лопата. По этим обрывкам можно было легко восстановить картину происшедшего, но я не стал этого делать, поскольку картина оказалась бы такой же ложной, как и весь свихнувшийся мир вокруг меня.

С усилием выбравшись из-под обломков деревянного стола и отряхнувшись, я спустился с кучи бетонных глыб, оставшихся от интерната, и заметил на земле маленький пистолетик — мой флистер. Я обрадовался ему, словно старому знакомому, и, подняв, повесил на пояс. Это придало мне немного уверенности, так что я решил осмотреться.

Несмотря на то, что местность вокруг выглядела несколько причудливо, я всё же узнал стоящий невдалеке свой собственный дом.

- Так, - произнёс я вслух сам себе, поскольку собеседников у меня не было. - Надо составить план. Первое — добраться до дома и прийти в себя. Второе — найти Конотопа, Сам Дурака или ещё кого-нибудь, кто мне может помочь попасть на Эгозон. Третье — найти Семнадцатую Плиту. Четвёртое — ликвидировать маразм. Всё просто.

И я зашагал в сторону своей родной пятиэтажки. Идти было легко. Грунтовая тропинка была утоптанной, чистенькой и приятно пружинила под ногами. Кустики по обе стороны от неё двигались мимо меня, приветливо помахивая листочками. Над головой висело синее небо, на котором кое-где виднелись уютные кудрявые облака. Идиллия, да и только. Если не считать того, что мой дом никак не хотел ко мне приближаться.

- Ну да, - пробормотал я. - Это же я себе цель наметил. И вероятность, что я её достигну, очень мала. Ну, тогда не пойду я домой. Буду просто гулять.

И свернул с тропинки в сторону, в кусты. Сначала брёл по зарослям, потом выбрался на асфальт, по которому колесили разные повозки — кареты, колесницы, запряжённые лошадьми, верблюдами и слонами, автомобили нашего времени, прошлого и даже, кажется, будущего, велосипеды, мотоциклы, повозки рикш...

Я пошёл по тротуару в случайную сторону, разглядывая вывески на зданиях. Салон

красоты «Больные черви», супермаркет «Скажите на милость», туристическое агентство «Барахло-5»...

- Привет, - послышалось рядом.

Я вздрогнул, в первый миг подумав, что в маразме у меня знакомых не было. Но обернулся и увидел рядом улыбающегося Фёдора.

- Привет, - сказал я, обрадовавшись. - А ты здесь какими судьбами?

- Заходил вот в букинист, - ответил он, кивнув на аляповатую вывеску со словами «Ну и шо?» - Искал неизвестные сочинения Фомы Аквинского. Но о них никто не знает, потому что они неизвестные. Не нашёл.

- И как же ты теперь тут живёшь? - поинтересовался я.

Фёдор нахмурил брови:

- Смотря что ты имеешь в виду под словами «тут» и «теперь». В Москве я давно живу, и за пару дней, что мы не виделись, в моей жизни ничего существенного не изменилось, не считая, конечно, постоянного повышения эрудиции...

- Э... - только и смог произнести я. - А тебе ничто в последнее время не кажется странным?

- Где? - не понял Фёдор.

- Вокруг, - уточнил я.

- Да нет. Ты о чем?

Я попытался сформулировать.

- Ну вот... Скажем, эта повозка тут со слоном... Или машины старинные... Или вот эта из будущего...

Фёдор посмотрел на меня недоумевающе, словно пытался понять, не шучу ли я.

- Повозка со слоном, - пояснил он, - это реклама вон того ресторана, «Восточный аромат». Она тут целыми днями катается. В старинных машинах вообще ничего странного не вижу, есть же любители-коллекционеры. А эта, как ты говоришь, «из будущего» - всего-навсего новая «Чери». Необычный дизайн, конечно, но ничего удивительного.

- Хм! - возмущился я. - А вот ты из магазина вышел. Тебе не кажется странным, что он называется «Ну и шо?»

- Нет, - ответил Фёдор. - Хорошее название, оригинальное. Вот живёт человек, занимается своими делами, а потом вдруг приходит ему в голову вопрос «Ну и шо?», и он задумывается о смысле жизни. И идёт в книжный магазин искать ответ. Ну и, кроме того, я, как постоянный покупатель, знаю, что название образовано от первых букв фамилий владельцев: Нургалиев, Урманис, Исак, Шендерович, Ойстрах.

- Э-э... Тот самый Шендерович? - уточнил я.

- Да нет, другой, - ответил Фёдор, ожидая продолжения вопросов с моей стороны.

- Ну, хорошо, - я потёр лоб. - Всё можно объяснить, я понимаю. Но неужели тебе не кажется, что всё происходящее вокруг как-то связано с тем, что творится у тебя в голове?

- Кажется, - усмехнулся Фёдор. - Я всегда был сторонником субъективного идеализма, при этом стараясь не впасть в солипсизм.

- Да ты не понимаешь! - чуть не закричал я. - Это же всё не в книжках! Это на самом деле!

- Да понимаю я всё, - спокойно сказал Фёдор. - Об этом кто только не писал. И Декарт, и Платон, и Гегель, не говоря уж о Беркли. Беркли считал, что предметы существуют только потому, что мы их воспринимаем, а Гегель - что в начале были идеи, которые породили мир, а потом и самого Гегеля. Ты же что-то в этом роде имеешь в виду?

- Э... - только и вымолвил я.

Мой взор ещё раз проскользил по площади, пытаюсь найти что-то, чему Фёдор не сможет придумать правдоподобного объяснения, но не нашёл.

- Ну, ладно, - сказал я горестно. - Наверно, ты прав. Я мало что в философии понимаю.

- Никогда не поздно начать, - снисходительным тоном произнёс Фёдор. - Почитай, к примеру, Мамардашвили. Очень интересно.

- Обязательно, - сказал я. - Пока.

- Удачи.

И я пошёл дальше, совершенно сбитый с толку. Вокруг перемещались люди — в целом, обыкновенные. Да, кто-то был странно одет, кто-то нёс причудливые предметы, а некоторые и вовсе летели, но кого сейчас этим удивишь? Скорее всего, Фёдор был прав, и вся эта ерунда с маразмом мне просто привиделась...

Нет, как же? А Вам Кого, а Сам Дурак, а Конотоп? Не выдумал же я их! То есть, в некотором смысле, конечно, выдумал, но они же существуют в реальности! Впрочем, не очень теперь понятно, что такое реальность.

Повинуясь внезапному импульсу, я метнулся к идущей навстречу женщине в красном металлическом костюме:

- Простите, - спросил я, - а вы не видели здесь говорящего тигра?

- Молодой человек, - покачала она головой, отчего серёжки в её ушах заморгали фиолетовым цветом, - ну что же вы дурака валяете? Говорящих тигров не бывает!

- Ну, это я и без вас знаю, что не бывает, - насупился я. - Но мне он нужен.

- Удачи в поисках, - сказала дама и растворилась в воздухе.

Я вздохнул и побрёл в сторону площади, где толпился разношёрстный народ, видимо, ожидающий какого-то зрелища. Насколько помню, как раз в тот момент я начал размышлять о том, что же всё-таки произошло, когда я произнёс «Естрементеракориндо». То есть, понятно, что меня ударили по голове лопатой, и что, скорее всего, это был Свази, если, конечно, он остался жив. С другой стороны, в маразме вообще, как говорят, трудно окончательно умереть, но... Так. О чём я думал? А, ну да. Почему пароль-то не сработал? Почему конец света не наступил?

Этому могло быть множество объяснений. Во-первых, в маразме результаты наших действий совсем не такие, какими мы их себе представляем, и ожидать, что пароль, который в нормальных условиях приводит к концу света, приведёт именно к нему, не приходится. Во-вторых, меня через мгновение ударили по голове, и, возможно, это повлияло на то, что я делал за секунду до этого. Может, я вообще это слово не произносил. То есть я, конечно, помню, что произносил, но и помнить я могу совсем не то, что было на самом деле, поскольку нахожусь в маразме. В-третьих, может быть, конец света и наступил, просто я не почувствовал разницы.

- Господа граждане присутствующие! - разнеслось над площадью, и я, вздрогнув, отвлёкся от размышлений. Толпа собралась вокруг деревянного помоста, накрытого лохматым красным ковром, на котором стоял худощавый человек в костюме европейского дворянина века семнадцатого. Именно ему и принадлежал зычный голос.

- Нас сегодня почтил своим присутствием, - продолжал глашатай, - глубокоуважаемый и неповторимый царь Мельхиседек, упокой Господи его душу. Поприветствуем! - тут он ловко спрыгнул с помоста и скрылся в толпе.

А на ковёр въехала на золочёной инвалидной коляске туша очень толстого человека в разноцветной шёлковой одежде, с бородкой, усами и в чалме. Рядом с ним семенила маленькая уродливая девочка, держащая в руке синего плюшевого паучка. Возле девочки также шёл, стараясь держаться чуть сзади, рослый полуголый мужчина, который нёс круглый поднос с кучкой небольших булыжников.

- Ааааа! - прокричал Мельхиседек. - Баратунда!

Затем он пригладил усы, нахмурился и взгляделся в толпу:

- Столь разный народ, - продолжил он. - И не поймёшь, что сказать, а особенно на каком языке. Вот послушайте тогда мудрость, которую поведал мне давеча достопочтенный пилигрим по имени Хьюго. Все мы лишь части одного общего замысла, который мы все вместе вынашиваем. Так что не вздумайте думать обо мне плохо, или я и на самом деле стану плохим. А когда я плохой — ого-го! - я не позавидую тем, кто окажется рядом. В нынешней же обстановке никогда не знаешь, где будешь и когда. Так что остерегитесь...

Он закрыл глаза и помолчал секунду. Затем снова открыл и произнёс:

- Устал. Однако же теперь моя дочь Метемпсихозия желает поразвлечься.

Кривоногая девочка в синем драном платице скорчила отвратительную гримасу и подошла к подносу с камнями, который держал слуга. Взяла один и швырнула в толпу. Кто-то вскрикнул.

- Так-так, - прокомментировал Мельхиседек. - Время собирать камни и время их разбрасывать.

Метемпсихозия схватила ещё один булыжник и метнула в меня. Камень влетел мне точно в центр лба, но боли я не почувствовал. Сначала мне показалось, что я просто падаю в обморок, но в следующую секунду всё прояснилось вокруг, и я понял, что ползу по желтоватым скалам вдоль берега тёплого моря, и моё брюхо царапается о шероховатую каменную поверхность. Я моргнул и выпустил из пасти язык, ощутив его раздвоенным кончиком щель в скале прямо впереди меня. Ничего вкусного не было, и я ощутил, как снова проваливаюсь во тьму.

Теперь всё стало по-другому. Я парил в пустоте, голова моя покоилась в облаках, а корни спускались в густую липкую жидкость, которую приятно было понемножку вытягивать в себя. Мой тонкий стебелёк покачивался из стороны в сторону мерно, зыбко, подчиняясь лёгкому течению воздуха, и я отключился снова.

Я схватил меч и прыгнул вперёд, рубанул справа, слева, затем рыкнул на подползавшего спереди врага и одним могучим прыжком перемахнул его, но тут полыхнул взрыв, и меня разнесло в клочья.

Я опять пришёл в себя, на этот раз лёжа на диване навзничь, с руками, сложенными на груди. Я приподнялся, ощущая, как кружится голова, и плохо слушаются ноги и руки.

- Где я? - произнёс я вслух, и собственный голос показался мне чужим и неприятным.

На опознание места, где я очутился, у меня ушло около пары секунд. Это была моя комната в моей собственной квартире на Кременчугской улице, в Москве. И никогда ещё прежде я не был столь удивлён этому факту.

Это означало, что один пункт из моего плана был выполнен. Я вернулся домой, но и сам не знал, как.

Я встал. Пошатываясь, без приключений добрался до ванной. Убедился, что в зеркале отражаюсь именно я. Умылся. Заметил на шее повязку из белой окровавленной тряпки. Содрал её, осмотрел свою кожу. Похоже, что кровь была не моей. Объяснения сему странному факту не нашлось, но я не особо и искал.

Я налил ванну тёплой воды, разделся, лёг и расслабился. Всё было не так уж и плохо. Оказывается, в маразме вполне можно существовать. И даже добиваться своей цели, если не очень к этому стремиться. Впрочем...

Я вздрогнул. На стене ванной не было окна, которое вело в моей квартире в кухню. Это была не моя квартира. То есть, конечно, моя, но не вполне.

Я вылез, прошёл голым в комнату, нашёл чистое бельё и одежду и быстро собрался. Покидал в сумку документы и вещи, которые могли пригодиться: ножик, фонарик, калькулятор, случайно подвернувшуюся под руку верёвку, ещё какую-то ерунду. Потом задумался о том, что же мне делать дальше. Следующим пунктом по списку шло «Найти Конотопа, Сам Дурака или ещё кого-нибудь». Я и сам не очень понимал, кого и зачем мне нужно было найти. Просто одному разбираться с проблемой было трудно, да я и не представлял себе, как попасть в одиночку на Эгозон. Идея с Байконуром начинала казаться идиотской. До него в маразме добраться было наверняка не легче, чем до самого Эгозона, а то, что оттуда летали космические корабли на Эгозон, казалось уже совсем невероятным.

Продолжить пугать прохожих, спрашивая про говорящего тигра? Искать по подворотням Семнадцатую Плиту? Начать строить космический корабль из подручных средств? Бреятина.

Немного постояв в нерешительности, я понял, что мне делать. Стоило изучить обстановку. Понять законы этого нового мира. Найти способы добиться того, что хочу. В конце концов, вполне могло оказаться, что Эгозон тут за углом, Конотоп прибегает по

первому моему зову, а Семнадцатую Плиту можно купить через Интернет. Нужно было только всё это выяснить. Пойти на улицу, поспрашивать людей. Почитать газеты. Послушать радио. Вылезти в тот же Интернет, в конце концов.

Я сел за компьютер. Зашёл на поисковый сайт. Ввёл запрос «Плита номер семнадцать». Получил 761 результат, просмотрел несколько первых страниц и убедился, что в результатах поиска вообще не упоминается ни слово «Плита», ни «семнадцать». «Номер», правда, встречался, в контексте «первоклассные номера в гостинице со всеми удобствами, включая членистоногих сусликов для развлечения, магических удонов и электрические гири». Тогда я стал искать имя «Конотоп Рах». Единственная найденная подходящая фраза гласила «Я вообще первый рах в Конотопе». Искать Сам Дурака и Вам Кого большого смысла не имело. Тогда я включил радио в магнитолке.

- Приветствуем вас на волне радио «Бормотуны», - донёлся бодрый голос из динамика.
- Краткие новости. Как заявил начальник московской артели некрофилов господин Оглы, вода в кранах может закончиться в ближайшие часы в связи с переездом крана на новую стройплощадку. Он рекомендует пользоваться наземным транспортом и сократить выбросы газов в атмосферу. Новости с полей. Кукурузники, вылетевшие семнадцатого числа прошлого месяца на поиски аэродрома назначения, были обнаружены сегодня ночью в окрестностях Гамбурга мирно пасущимися в одной из пещер. Оговаривается размер контрибуции в пользу голодающих свиней Зимбабве. И это все новости на этот час. Далее в нашей программе композиция ди-джея АнтиСопелки «Грусть из-под копыт».

Началась довольно заунывная музыка, перемежаемая нечленораздельными выкриками охрипшего ребёнка. Я вздохнул, выключил магнитолу. Повесил сумку на плечо и вышел из квартиры.

Проскакав лестницу до конца, я убедился, что ничего странного с ней на этот раз не происходит. «Может быть, и маразм-то уже закончился?» - мелькнула мысль в голове. Но, выйдя из подъезда, я оказался посреди огромной болотистой местности, над которой порхали мелкие рыжие птички, поэтому решил, что поторопился с выводами.

- Так, - пробормотал я, провалившись в трясины по колено. - Сейчас найду прохожего и всё выясню.

Я выбрался на устойчивую кочку, но она вдруг стала расти вверх, и я на всякий случай спрыгнул. На этот раз под моими ногами оказался участок с твёрдым грунтом, так что я, хоть и с некоторой опаской, смог передвигаться к краю болота, поросшему редкими деревцами.

Из лесу как раз показался чернокожий пожилой человек с корзинкой и фонариком.

- Добрый день, - обратился я к нему.

- Здорово, коли не шутишь, - ответил африканец, посветив фонариком прямо мне в глаза.

- Э... - замешкался я на секунду, не зная, как завязать разговор. - Ну, как грибы? Много насобирали?

- Какие там грибы? - он осклабился, обнажая белоснежные зубы, сверкающие на фоне шоколадного лица. - Май на дворе. Я тут хожу, мусор собираю. Санитар леса я, Пахомом зовут.

- Что за мусор? - не понял я. - Металлолом?

- Да всякий, - ответил Пахом, почесав кудрявую голову. - Туристы бросают, с самолётов валится, дирижаблей. Вот на днях крокодил местный баллончиков аэрозольных нажрался да и лопнул. Жалко животину.

- А здесь и крокодилы водятся? - усомнился я, про себя поблагодарив судьбу за флистер.

- А что ж им не водиться? - усмехнулся Пахом. - Чай, природа у нас тут хорошая.

- Э... А у нас — это где?

- Да тут, под Москвой, - ответил Пахом. - Ты, небось, думаешь, мил человек, куда это ты попал, раз кругом негры? Да я тут уже, почитай, сорок лет живу. Занесло как-то по шпионской части, да так и осел. Ты сам-то чей будешь?

- Да я из Москвы, - честно ответил я. - Заблудился вот. Какой год-то нынче?

- Кхе... Видать, сильно заблудился. Две тысячи пятьдесят седьмой.

Я присвистнул.

- Так вот оно что. А может, у вас и корабли космические есть?

- А тебе зачем? - нахмурился Пахом.

- Да дело есть на одной планетке. Эгозон. Может, слышали?

- Не слышал, - ответил Пахом. - Не интересуюсь фантастикой. А корабли были у нас, да.

Только закон вышел, что нельзя их держать. Вот их все и закопали.

- Как закопали? - опешил я. - Где?

- Да везде. Вот где ни копни — корабль. Так что бери лопату и копай, если надо.

Сейчас-то уже не так строго, никто не осудит.

- А у вас нет лопаты? - спросил я.

- Нет, - ответил Пахом. - А у тебя разве нет? Вон же у тебя на виске след от лопаты.

- Откуда вы знаете, что от лопаты? - насторожился я.

- Я много чего знаю. Не меньше твоего Хьюго, - Пахом внезапно нахмурился. - Ну, ладно, бывай.

Он прошёл мимо меня к остановке, которой вроде бы пару минут назад здесь и не было, и запрыгнул на подножку проезжающего трамвая.

- А лопату, - крикнул он, удаляясь, - в супермаркете купи, за углом, - и он махнул рукой, указав направление.

- Спасибо! - крикнул я, хотя не очень надеялся, что за углом на самом деле окажется супермаркет, а в нем — лопата. Там что угодно могло оказаться, за этим углом.

Вот вы, читатель, наверно, думаете, как это вообще — ощущать себя в маразме? Необычно, прямо скажем. Попробую объяснить. У нас в университете на лекциях есть такое развлечение. Нарисует кто-то на столе поезд и напишет: «Кому скучно, пририсуй вагончик». А поскольку многим скучно, то через несколько дней уже огромный состав получается, в несколько рядов, зигзагом на весь стол. А кто-то думает, что рисовать на столе нехорошо, и вагончик не рисует. Или ему не скучно, он лекцию слушает. Так вот — я себя в маразме ощущал как раз именно тем, не нарисованным, вагончиком. Вроде бы я должен быть, а вроде и не я, и вроде я есть, да не совсем.

Однако, завернув за угол, я увидел огромное деревянное строение на сваях, а в его центре надпись «Супермаркет», высокие двустворчатые двери, обшитые мехом, и свисающую с них бороду до земли, которая представляла собой замаскированную лестницу.

Я, пока сие чудо природы не исчезло, поспешно взбежал по лестнице и протиснулся в мохнатые двери. Передо мной предстал огромный зал, заваленный товарами в достаточно произвольном порядке. Кое-где продукты и вещи лежали на полках, где-то на тележках, а в основном валялись на полу как ни попадя. Шарить в этой куче в поисках лопаты было бы нелёгким занятием, поэтому я поискал глазами продавца.

Она тут же оказалась рядом — миловидная женщина средней упитанности со светлыми волосами, которые были уложены аккуратными волнистыми локонами.

- Чем могу помочь? - участливо поинтересовалась она.

- А есть у вас лопаты? - спросил я.

- Есть, конечно. Вам какую? «Примус 2000»?

- Это что-то из Гарри Поттера? - переспросил я. - Извините, не читал. Мне что-нибудь попроще, лишь бы копала.

- А, - разочарованно произнесла продавщица. - Тогда вот, - она извлекла из-за ближайшего к нам стеллажа блестящую лопату с металлической ручкой, на штыке которой запеклась кровь. - Стандартная модель, ЦПКТБ-2. 300 рублей. Возьмёте?

Я, сглотнув слюну, принял лопату из её рук. Несомненно, это была та самая лопата. Я мог спросить, откуда она в магазине, но большого смысла в этом не видел. Конечно, продавщица бы рассказала, что лопату ей завещал покойный дедушка, а поскольку он так и не помер, то и лопата ему теперь ни к чему.

- Она же бывшая в употреблении, - вздохнул я, указав на кровь.

- Вы просили подешевле, - напомнила продавщица. - Копать она может. Вам же это нужно?

- Хорошо, - я расплатился и вышел на улицу.

Мимо, распевая песню «Раммштайн», прошагал немецкий патруль в полном обмундировании. Один из фрицев тащил за собой игрушечный самосвал на верёвочке.

Я задумался о том, что мне делать дальше. Лопату я добыл, но что толку?

Предположим, я начну копать. Есть некоторая вероятность, что я наткнусь на корабль. Есть вероятность, что он полетит. Есть вероятность, что я добуду для него горючее. И есть вероятность, что на нем я доберусь до Эгозона. Если все эти вероятности перемножить и учесть степень маразматичности, то получится тот самый гулькин нос, которого я заслуживаю со своим знанием теории вероятностей.

Я водрузил лопату на плечо и побрёл вдоль тротуара.

С другой стороны, если подумать, то я ничего не теряю, если попробую копать. В конце концов, ничего особенно трудного нет в том, чтобы откопать корабль. Сколько там Стаханов добывал угля за одну смену? Всё больше по объёму, чем небольшой кораблик.

- Гражданин! - услышал я обращённую ко мне реплику, в очередной раз вздрогнул и опомнился от раздумий. Ко мне приближались два вполне стандартных жирных усатых полицейских в серой форме, один постарше, другой помоложе. Тот, что помоложе, однако, был старше в звании — майор, а пожилой — капитан, хоть и старше.

- Предъявите документы, пожалуйста, - продолжил молодой.

Я несколько напрягся мысленно, но расстегнул сумку и достал все документы, какие имел с собой — паспорт, загранпаспорт, студенческий и военный билеты. Майор стал листать и придирчиво рассматривать каждую страницу, шевеля пухлыми лоснящимися от жира губами.

- Что-то случилось? - поинтересовался я.

- Пока нет, - ответил майор. - Но только потому, что мы предотвращаем. Вы для чего лопату несёте?

- Корабли космические откапывать, - ответил я, решив на всякий случай не врать.

- Корабли? - уточнил майор. - Откапывать? Стало быть, из-под земли?

- Ага, - ответил я, и заметил, как капитан сбоку от моего плеча улыбается недоброй улыбкой.

- А кто же их туда закопал? - спросил майор.

- Местные жители, - ответил я.

- Стало быть, корабли не ваши? - переспросил майор.

Я густо покраснел и начал мямлить.

- Ну, да, то есть, нет. Они не мои, но они закопаны за ненадобностью, а двадцать пять процентов каждого принадлежит мне как владельцу лопаты.

- Ага, - кивнул майор, складывая документы в аккуратную стопочку, но, судя по всему, не собираясь их мне пока возвращать. - Стало быть, лопата ваша.

- Моя, - подтвердил я.

- А кровь откуда?

- Э... - я замялся. - Кровь тоже моя.

- Замечательно. И как вы умудрились пораниться? - Майор уставил в меня свой осоловелый взгляд, и мне на мгновение показалось, что он слегка нетрезв.

- Это не я, - ответил я. - Меня стукнули по голове.

- Вашей лопатой? Дайте-ка её сюда.

- Тогда она ещё была не моей, - попытался оправдаться я, протягивая лопату.

- То есть вы её отобрали у того, кто вас ударил?

- Нет, - я замотал головой и начал злиться. - Я её купил в магазине. Вместе с кровью.

Понимаете?

- Понимаю. Чтобы космические корабли откопать. Всё предельно ясно.

- Послушайте! - я слегка повысил голос. - Что-то не так? Вы меня в чём-то обвиняете?

- Вообще-то да, - майор пошевелил жирным носом и оправил ремень, отчего все его украшения, развешанные по поясу — рация, дубинка и кобура с пистолетом - закачались, словно игрушки на новогодней ёлке. - В подделке документов.

Я раскрыл рот, но не смог ничего сказать.

- У вас номер паспорта не совпадает с номером военного билета, - пояснил майор. - Пройдёмте.

- Пойдите, - снова залепетал я. - Но я же... Это же мои... Почему они должны совпадать? Да вы бы лучше у тех фашистов документы проверили!

- Так-так, - вмешался вдруг второй, капитан. - Кого вы называете фашистами?

- Ну вот, проходили тут, - ответил я ещё менее уверенно. - Трое, в форме немецкой, с самосвалом...

- Значит, если человек в форме, то вы его сразу считаете фашистом? - капитан ухмыльнулся. - Во даёт, а!

- Ты, Покобатько, молчи, да лучше гляди за ним в оба, - мрачно заметил майор. - Пройдёмте, гражданин, не заставляйте нас силу применять.

- Но я не могу, - забормотал я. - За что? И вообще, дела у меня... - Я вспомнил про флистер, который болтался на поясе, и подумал, не стоит ли им воспользоваться. Но никак не мог решиться.

- Я помню, - кивнул майор. - У вас там ещё ограбление местных жителей запланировано при помощи лопаты.

Я вдруг ощутил, как мои руки оказались за спиной, и на запястьях защёлкнулись наручники.

- Да не подделывал я документы, - бормотал я. - И про лопату у продавщицы спросите вон в том супермаркете, - я мотнул головой влево, но внезапно понял, что на месте супермаркета стоит кривенькая постройка, напоминающая самолётный ангар.

Тут меня подтолкнули вперёд резким толчком в спину.

- Шнеллер! - приказал Покобатько. - Немцы ему, вишь, не нравятся. Надо бы ему, товарищ майор, ещё за шовинизм подкинуть годков семнадцать.

- Разберёмся, - спокойно сказал майор, передавая пачку моих документов капитану. - Идите, не сопротивляйтесь. А то и пожизненное получите за попытку побега.

- Какого побега? - возмутился я. - Я что, в тюрьме?

- И лишим удовольствия за разговорчики в строю, - добавил Покобатько, ещё раз пихнув меня в спину.

Я вздохнул и поплёлся вперёд.

Мы свернули на узкую тёмную улочку, потом в переулок, затем в подворотню, и оказались в грязном дворе, зажатом между четырёх крошечных кособоких домов старой постройки. В один из них, в железную крашеную коричневой краской дверь, меня и втолкнули.

- Ты, Покобатько, оформляй пока, - сказал майор, вводя меня в клетку справа от входа и снимая наручники. Он отобрал у меня сумку, швырнув её на стол, за который уселся Покобатько, затем запер клетку и пошёл дальше по коридору.

Я прильнул к решётке, глядя на капитана, который разложил перед собой папки с документами и принялся рыться в моей сумке своими огромными морщинистыми лапищами.

- Так-с, гражданин Ясний... И что мы имеем? Фонарик пластмассовый, дрянной, никто не позарится — одна штука. Калькулятор китайского производства, сильно б/у — одна штука. Моток верёвки — эге! - прочная, не фуфло — одна штука. Интересный у нас получается наборчик, а?

Пока он бормотал, я всё думал, как бы мне применить флистер, который так и висел у меня на поясе. Молча пристрелить капитана? Жалко всё-таки, да и как потом клетку открыть? Пригрозить, чтобы выпустил? Позовёт на помощь...

- Давайте свою биографию, задержанный, - сказал Покобатько. - Где и когда родились,

с кем в связях состояли, у кого лечились?

- Я это... - произнёс я. - В Москве родился, в одна тысяча девятьсот девяносто первом году. В связях ни с кем не состоял, лечился у стоматолога, могу доказать, вот пломба...

- Так-так, - ухмыльнулся Покобатько. - Я подозревал, что вы не местный, из другого времени. Я всё удивлялся, зачем вам лопата понадобилась. У вас там, в будущем, небось, приличной лопаты-то и не найдёшь, одни роботы картонные.

- В будущем? - переспросил я. - А у вас какой же год?

- Тысяча семьсот шестьдесят первый, - сказал Покобатько. - Но вопросы здесь я задаю. Ладно, всё с вами ясно. Будем писать.

Он раскрыл папку и стал диктовать сам себе, медленно водя ручкой по бумаге.

- Постановляю осудить гражданина Ясония В.К. неизвестного роста, веса и полу, родившегося в Москве, за совершение нижеследующей совокупности преступных деяний...

- Как это неизвестного роста? - возмутился я. - Сто восемьдесят сантиметров! Померяйте!

- Первое, - продолжал Покобатько. - Проникновение на территорию настоящего времени с целью диверсионной работы, доказательством чего служат моток верёвки и фонарик, утерянные при задержании. Второе. Нанесение тяжких телесных повреждений, несовместимых с жизнью, неизвестным науке лицам, о чем свидетельствует лопата, приложенная к делу, но также впоследствии утраченная. Третье. Подделка документов, что очевидно из того, что номера их не соответствуют, а указанная в них фамилия Ясоний является крайне подозрительной. Четвёртое. Несмотря на произносимый словесный бред, подследственный отказывается признаваться в лечении от психических заболеваний и нагло показывает зубы. Пользуясь принципом прибавления более мелкого наказания к более крупному, подсудимому выносится приговор — пятьдесят пять лет лишения свободы в камере без окон и дверей, без права приёма воды и пищи и исправления прочих естественных потребностей. Приговор подлежит исполнению начиная со вчерашнего дня, поскольку существование подсудимого в более ранние сроки судом не доказано.

- Э!- крикнул я. - Гражданин капитан! Это уже произвол! Какой суд? Я не вижу тут никакого суда.

- Замолкни, - ответил Покобатько, неожиданно перейдя на «ты». - Приговор я вынес — значит, я и есть суд. Вот, сейчас имена присяжным придумаю и за них подпишу. Мы всегда так делаем.

- Ну, вот что, - сказал я злобно, снимая флистер с предохранителя и направляя на капитана - Мне это надоело. А ну быстро выпустите меня! Я не шучу.

- Ага, - ухмыльнулся Покобатько, вставая из-за стола и делая пару шагов в мою сторону. - Бунтовать вздумал? Ну, смотри, а то ещё два пожизненных набавлю. Я всё ждал, когда же ты свой пистолетик игрушечный поднимешь. Давай, стреляй.

Я стиснул зубы и пальнул ему прямо в жирный живот.

Стулок зеленоватой энергии выскочил из ствола и разлетелся в мелкие брызги за несколько сантиметров до Покобатько.

- Что, съел? - злобно произнёс он. - Думал, мы лыком шиты? У нас тут всякие ходят, и из будущего, и из прошлого. У нас тут у всех, кто не промах, давно аппаратики есть — защитное поле создавать. Я у вашего хмыря за пакет ирисок выменял. В будущем их, видать, не делают.

Я сник и опустил пистолет.

- Короче, за попытку моего повторного смертоубийства, - сказал Покобатько, - ещё добавляется тебе семьсот шесть лет, итого семьсот шестьдесят один.

- Может, вам заплатить? - взмолился я. - У меня тысяча рублей есть!

- Мне ваши бумажки ни к чему, - гордо заявил капитан, поджав нижнюю губу и пошевелив ушами. - Для меня справедливость важнее. Прощай, шпионская морда!

Он нажал пару кнопок у себя на столе, и подо мной внезапно провалился пол. Я полетел вниз, в длинную металлическую трубу, и понёсся по ней, ударяясь об стенки на

поворотах, безуспешно стараясь зацепиться за стыки, пролетая многочисленные развилки, пока, наконец, не свалился на земляной пол в абсолютно тёмном помещении. Дыра в низеньком потолке, из которой я выпал, мгновенно затянулась, а я поднялся и принялся щупать стены вокруг. Со всех сторон меня окружал бетон, и я понял, что нахожусь в небольшой сырой камере, где мне предстояло провести семьсот с лишним лет. Я опустил на пол в углу и начал считать про себя, пытаясь успокоиться.

Когда я досчитал до ста, то заметил, что в паре метров передо мной на полу светится небольшой зелёный предмет. Видимо, микроорганизмы, питающие флистер, так реагировали на темноту.

Я взял флистер, прижал к себе и лёг на пол, решив поспать.

- Всё-таки не один, - пробормотал я, и с этой мыслью постепенно провалился в сон.

Глава 3. Строевая подготовка-5

Человек оставляет после себя гораздо больше, чем это обычно принято считать. Возможно, самое важное — это и вправду построенные дома, посаженные деревья и выращенные дети. Но это далеко не всё. От нас остаются детские тетради с домашними работами, посты в форумах, объявления на столбах и кадры на записях камер слежения в метро и супермаркетах. Когда человек проходит по земле, он оставляет след. Его специфический запах постепенно улетучиваются, но какая-то микроскопическая его доля остаётся существовать ещё очень долго. Колебания воздуха, произведённые нами, угасают, но при этом производят тепло и воздействуют на окружающие предметы. Однако самое удивительное — это то, как долго мы остаёмся в памяти других людей.

Если вы, скажем, служили в армии, то наверняка помните туповатого подполковника с расплывчатой от времени физиономией, который смешно коверкал название принтеров «Хьюлетт Паккард», хотя имя его давно похоронено под слоями более важных или просто более ярких данных. Если учились в школе, то могли запомнить, как в первом классе худенькая девочка изображала в постановке сказки «Репка» мышку, делая зарядку с картонными гантелями. Если попадали в пробку, то в вашей памяти осталось лицо ребёнка, прикинувшего к заднему стеклу впереди стоящей машины с грустным, совсем не детским взглядом. И вам нет дела до этого ребёнка и той девочки, которая и не девочка уже вовсе, и чёрт его знает, почему вам в голову затесался этот «Хулий Пакер», но воспоминания сохраняются и живут своей жизнью. И вы сами, мой читатель, представляете собой такие же обрывки впечатлений в памяти тысяч других людей, составляющих вместе довольно причудливую и противоречивую картину, искажённую чужим восприятием и склерозом.

Примерно об этом думал я, проснувшись на холодном земляном полу в тёмной камере, чувствуя, как в меня пробирается холод из толщи лежащих подо мной пород, и представляя, как от меня потомкам достанется только скелет в истлевшей одежде да загадочный зелёный пистолетик.

Я приподнялся и, сглотнув, почувствовал, как болит горло. Кроме того, уже хотелось есть. Кажется, с момента последней битвы с лаками в космосе я ничего не ел. Сколько же времени прошло? Час? День? Месяц? И что значило это время в маразме? Очевидно, что для капитана Покобатько и африканца Пахома время шло по-разному. У меня же оно было своё. И, кажется, начиная с данного момента ничего в моей жизни уже существенно не поменяется — будет только холод, темнота и странные хрустящие звуки, приближающиеся сверху... Стоп, а что это, собственно, за звуки?

Я прислушался. Что-то огромное шевелилось в толще земли над потолком, дышало и пробиралось сквозь камни. Похоже, оно приближалось ко мне, и я еле успел отбежать в сторону, когда с потолка посыпались обломки бетона.

В образовавшейся дыре показалась огромная пасть, похожая на драконью, а затем и вся голова, вращающая красноватыми огромными глазами. Существо, словно змея, заскользило из отверстия вниз, затем показали передние лапы, спина, а на спине — прикипящая к ней человеческая фигурка в скафандре. И сверху ударил свет.

Зажмурившись, я видел, как странный дракон опускает на пол все свои шесть лап, как сбивает могучим хвостом остатки потолка, и как его наездник спрыгивает на землю и открывает шлем.

- Сам Дурак! - закричал я от радости, невзирая на больное горло. - Как ты меня нашёл?

Это и правда был Сам Дурак — в сверкающем серебристом скафандре, с мокрым мечом на поясе, взлохмаченный, усталый и небритый, но всё-таки он.

- Добрый день, - сказал он. - Это было непросто в сложившейся ситуации. Но навыки диверсионной работыгодились. Никому и ничему не доверяй и добивайся своего всеми возможными средствами. Ладно. По дороге расскажу. Садись.

- На дракона? - немного струсив, уточнил я.

- А это дракон? - удивился Сам Дурак. - Ну, тогда на дракона. Я не знаком с земной фауной, поэтому называл его просто Сивка.

- А сказки русские знаешь, значит? - усмехнулся я.

- Сказки? - не понял Сам Дурак. - Сивка — это из наших мифов. Дух-спутник, вроде покровителя.

Он помог мне вскарабкаться на Сивку, и я понял, что назвал это существо драконом несколько поспешно. Да, оно напоминало крупного зелёного ящера, но не имело крыльев, а тело скорее походило на змеиное.

Сивка откусила несколько фрагментов потолка моей камеры и, осторожно ступая лапами по обломкам, поползла вверх. Мы двигались узким мрачным туннелем.

- Когда вы исчезли с корабля таким странным образом, - начал рассказывать Сам Дурак, - я сразу понял, что всё получилось не так, как надо. По-видимому, маразм распространился за пределы Земли. Я решил последовать за вами, чтобы помочь вернуться назад. Сейчас я понимаю, что это было ошибкой с моей стороны. Было бы надёжнее отправиться на Эгзон и попытаться добыть Семнадцатую Плиту. Но тогда я ещё не понимал, насколько далеко всё зашло. Я вылетел на своём корабле на Землю, но оказалось, что её орбита изменилась, и при выходе из гиперпространства я разбился.

- Значит, корабля у тебя нет, - вздохнул я, пригнувшись на очередном изгибе туннеля.

- Нет, - подтвердил Сам Дурак. - Я сориентировался на местности и попробовал разузнать у местных жителей, что происходит. Понял, что обстановка сложная. Завязал некоторые связи, собрал как можно больше информации о том, где можешь находиться ты и Вам Кого. Стал эту информацию проверять. И вот, спустя год, наткнулся на верный вариант.

- Год?! - воскликнул я. - Для тебя прошёл уже год?

- По моим примерным подсчётам, - ответил Сам Дурак. - Здесь невозможно точно определить время.

Мы как раз поднимались на поверхность, и я увидел, что здание отделения полиции полностью разрушено.

- А где же капитан Покобатько? - удивился я. - Как ты с ним справился? У него же защитное поле.

- А его Сивка заглотила, - ответил Сам Дурак. - Вместе с защитным полем. Так, видимо, вместе с ним и переваривается. Кстати, забыл, - он протянул мне мою сумку. - Это, кажется, твоё.

Я порылся в сумке и обнаружил там свои документы и всю прочую мелочь, включая верёвку.

- А где ты Сивку нашёл? - поинтересовался я.

- Скорее, это она меня нашла, - поправил Сам Дурак. - Наткнулась на меня в развалинах Колизея. До меня доходили слухи, что тебя там держат в плену македоняне. Мы с ней разговорились...

- Так она разговаривает? - я от удивления чуть не свалился вниз.

- Скажем так — мы друг друга понимаем, - ответил Сам Дурак. - Разработали язык жестов и звуков. Она очень умная. Правда, Сивка? - Сам Дурак издал горлом звук, напоминающий журчание, и Сивка, повернув к нам огромную морду, прорычала в ответ, сложив губы трубочкой.

- Ищет своих, - продолжил Сам Дурак. - Пошла в лес охотиться на каких-то мелких зверей, а оказалась в Риме. Вот уже месяца два бродим вместе, ищем тебя, Вам Кого и её стадо.

- Вам Кого погиб, - сказал я. - Его можно не искать.

Сам Дурак кивнул.

- Такие слухи до меня тоже доходили. Но я не верил.

Мы замолчали. Сивка брела по пустым улицам мрачного старинного города, задевая хвостом красивые маленькие башенки с витражами в узеньких окошках и спиралевидными яркими куполами.

- То, что я тебя встретил, - заговорил я, наконец, - доказывает, что в маразме можно добиваться цели. Я вот написал себе список дел из нескольких пунктов, и два уже осуществились. Я добрался до своего дома и встретил тебя.

- Хорошо, - сказал Сам Дурак. - И что же у тебя дальше по списку?

- Сначала надо попасть на Эгозон, - ответил я. - Потом найти Семнадцатую Плиту и выключить маразм.

- Хороший план, - согласился Сам Дурак. - Хотя я, прожив в маразме некоторое время, кое-что про него усвоил. Во-первых, осуществляются не те цели, к которым ты более всего стремишься в данный момент. Во-вторых, всё происходит не совсем так, как ты хотел, или добиваешься ты всё-таки не совсем того. В-третьих, если у тебя есть куча мелких желаний, которые для тебя не очень важны, и одно крупное, то эти мелкие вполне могут сбыться, а вот крупное — вряд ли. Должно быть, так психология человека устроена.

- То есть, - уточнил я, - ты хочешь сказать, что на Эгозон мы, может, и попадём, и даже, возможно, Плиту достанем, но маразм устранить не получится?

- Ну, что-то в этом роде, - ответил Сам Дурак. - Хотя у маразма много сюрпризов, я уже неоднократно убеждался.

- И что же нам делать? - спросил я.

- Пытаться действовать по плану, - сказал Сам Дурак. - В данном случае пытаться добыть корабль.

- Я слышал, что много кораблей закопано в землю, - вспомнил я.

- Тоже слышал, - подтвердил Сам Дурак. - Даже копать пробовал. Не нашёл ничего. У меня есть другая мысль. Здесь часто говорят про человека по имени Хьюго — местного мудреца, что ли. Хочу найти его и спросить о кораблях. Может быть, он лучше ориентируется в маразме, чем мы, и сможет...

Вдруг что-то просвистело в воздухе, и туша Сивки вздрогнула, а по её левому боку заструилась зеленоватая кровь. Сивка издала сипловатый звук и стала заваливаться набок. Я заскользил по её гладкой спине и полетел вверх тормашками в заросли высокой травы, окружающие тропу.

Выбравшись из них, я увидел, как Сивка, лёжа на боку, рычит и отмахивается лапами от наседающих на неё людей в немецкой форме, которые стреляли из пистолетов и автоматов, но почему-то упорно не попадали. Сам Дурак вылез из кустов неподалёку от меня, отряхнулся, пробормотал: «Непорядок!» и метнулся вперёд с мечом наперевес.

Я последовал за ним, сняв с предохранителя флистер.

Несколько гитлеровцев отделились от группы и шагнули навстречу к нам. Я пальнул в одного из них, но зелёная вспышка из флистера полетела вверх, словно её снесло ветром. Сам Дурак был более удачлив, подпрыгнув и в полёте срубив с шей мечом сразу две фашистские головы. Фашисты стали стрелять в его сторону, но безо всякого успеха, так что один из них через мгновение лишился руки и побежал прочь, крича нечто

нечленораздельное.

- А как ты умудряешься попадать? - спросил я, ещё пару раз выстрелив по оставшимся немцам и убедившись, что я безнадежно мажу.

- Тренировка, - ответил Сам Дурак. - Не относись к этому серьезно и будь увереннее.

Я хмыкнул, попробовал стрельнуть наудачу в сторону и выбил глаз одному немцу, которую тут же провалился сквозь землю.

- Кажется, отбились, - сказал я, но Сам Дурак помотал головой и указал вперёд.

Издалека приближались толпа бегущих фашистов и пара мотоциклов с колясками. Одновременно я услышал шум сзади и, обернувшись, увидел, что к нам движется ровный строй древних воинов, ощерившийся копьями и прикрытый плотный ряд щитов.

- Сивка, ты как? - выкрикнул Сам Дурак и добавил к этому гортанный звук, понятный животному. Сивка ответила свистящей трелью, одновременно скорчив недовольную рожу. Видимо, это означало, что она не в форме.

- Придётся драться, - сказал Сам Дурак.

Однако колонны, не замечая нас, столкнулись неподалёку, рассыпавшись, и начали бой. Гитлеровцы работали штыками, стреляли, большей частью промахиваясь, а греки, или кем бы ни были воины в древних доспехах, рубили мечами и кололи копьями, тоже не вполне добиваясь результата. Толпа постепенно окружила нас с Сивкой, так что я и Сам Дурак приготовились отражать нападение. Однако Сивка вдруг преподнесла небольшой сюрприз.

Она вздрогнула, изогнулась всем телом и распрямилась, выплёвывая из пасти комок зелёной слизи, покотившийся прямо сквозь кучку гитлеровцев. Комок рассыпался, открыв нашим взорам ободранного, почти лишённого одежды и всего облепленного противной тягучей субстанцией капитана Покобатько. Его раскрасневшееся лицо было скорчено в жуткую злобную гримасу, и он орал, безумно вращая глазами:

- Сволочи! Подонки! Всех перестреляю!

Он и вправду начал беспорядочно палить в фашистов, внеся в бестолковое сражение ещё большую сумятицу. Кто-то упал. Немцы, растерявшись, начали потихоньку отступать, преследуемые яростно нападавшими греками. Постепенно войска отодвинулись от нас, и Сам Дурак опустил свой меч, пробормотав: «Пронесло».

Через мгновение, впрочем, от удаляющегося строя греков отделилась одна фигурка и, смешно переваливаясь на коротких ножках, засеменила к нам. Сам Дурак вначале напрягся, но затем на его лице отобразилась улыбка.

- Кентел! – воскликнул он.

Это действительно был Кентел Рах собственной персоной, одетый в короткую шелковую юбку, металлические доспехи и высокий шлем с перьями. В руках он держал сверкающий медный щит и короткий острый меч.

- А беззубые старухи ковыряются в носу! – выкрикнул он, подбегая, и, радостно подпрыгнув, закрутился на одной ножке в некоем подобии фуэте.

- Нашего полку прибыло, - прокомментировал Сам Дурак. – Ну что, Кентел – может, у тебя есть какие-то идеи, что нам делать дальше?

Кентел остановил вращение, задумался, вздохнул и произнёс:

- Пути Господни... Не знаю, в общем.

- Да уж, - вставил я.

Сивка, лежащая рядом, тихо простонала, словно бы напоминая о себе.

- Эй! – раздался крик издалека. – Не стг'еляйте!

В нашу сторону шагал по пустырю человек в форме немецкого офицера. Выглядел он противоречиво: с иголки мундир, но драные валенки на ногах, в одной руке пистолет, в другой импровизированная котомка из Павлово-Посадского платка, на лице широкая улыбка, а брови сдвинуты, и глаза бегают с подозрением.

- Виноват, - сказал он, подойдя на расстояние пары шагов. Похоже, обращался он в большей степени ко мне, чем к остальным. – Я услышал, что вы говорите по-г'усски. Здесь

это г'едкость.

- Вы слышали с такого расстояния? – усомнился я.

- У меня везде уши, - незнакомец расстегнул нижние пуговицы мундира, приподнял исподнее и продемонстрировал в районе своего пупка шевелящееся розовое ухо.

- А вы, собственно, кто? – поинтересовался Сам Дурак.

- Прошу извинить, не пг'едставился, - он развёл руками. – Меня зовут Лейбниц. Я советский г'азведчик. Или, как сейчас модно говорить, г'усский шпион. Понимаете ли, был забг'ошен в самое сег'дце вг'ага, служу господину фюг'ег'у как могу, а указаний из Центг'а давно не поступает. Судя по тому, что пг'оисходит вокг'уг и что я слышал, Советского Союза-то уже давно не существует... Что мне делать, куда податься? Что делать стаг'ому евг'ею в вег'махте?

- Так вы еврей? – удивился я.

- Да-да, пг'едставьте себе, - ухмыльнулся разведчик. – Между пг'очим, Лейбниц – это моя настоящая фамилия, не пг'ишлось даже подпольную кличку пг'идумывать. А что пг'икажете делать? Паг'тия сказала – внедг'иться, так что я внедг'ился, стал истинным аг'ийцем со всеми вытекающими последствиями.

В этот момент пролетающий мимо сенбернар с сердитой мордой рывкнул на Лейбница:

- Яволь!

- Какие яволи в миг'ное вг'емя? – возмутился Лейбниц, и, достав из кармана красную книжечку, продемонстрировал собаке, которая, впрочем, уже удалялась: - Я член КПСС с тысяча восемьсот двенадцатого года! Натуг'альный, не суг'г'огат... - Лейбниц вздохнул: - Впрочем, вашей лошадке, кажется, плохо... Г'азг'ешите помочь.

Он приблизился к Сивке и извлёк из котомки зелёную бутылку с мутной жидкостью.

- Свег'хсекг'етное сг'едство, - пояснил он, отвинчивая пробку и вливая жидкость Сивке прямо в пасть. – Залечивает телесные г'аны, но имеет побочный эффект – вызывает неутолимую тоску по Г'одине. Мне тоже пг'ишлось употг'еблять неоднокг'атно. Может быть, поэтому мне так хочется домой, в Советский Союз...

Сивка сделала несколько больших глотков, затем моментально вскочила на ноги и повернулась к нам повреждённым боком, на котором, дымясь, прямо на глазах затягивалась недавняя рана. Она повернулась к Сам Дураку, издала гортанный звук, сопровождаемый свистом, и согнулась. Из зелёного горба на её спине начали выдвигаться два отростка, которые быстро росли и раскладывались в большие кожистые крылья.

- Ох и ничего себе, - пробормотал Сам Дурак.

- Я же говорю – ностальгия твог'ит чудеса, - грустно пояснил Лейбниц.

Сивка замахала крыльями, крикнула торжествующе и, поднявшись над нами, сделала круг, после чего полетела прочь.

- Надеюсь, ей удастся найти свою Г'одину, - сказал Лейбниц.

- А что такое Родина? – спросил негромко Сам Дурак. – Я вот родился на планете Мкераш. Потом её захватила Лига Свободных Доменов, а я сбежал на Эгозон. Родителей моих я не помню, на планете ничего от моего города не осталось. Что есть Родина? То место, откуда ты появился? То жилище, где тебя зачали или где ты родился? Родильный дом? Или, к примеру, бордель, если человек был зачат там? Страна это, где ты жил в детстве, или та страна, которая сейчас находится на месте той, разрушенной страны? Может быть, твоя родина – это яйцеклетка и сперматозоид, которые слились, породив тебя? Или это и вовсе нечто до твоего рождения, что привело к твоему появлению неизвестными тебе способами? Может, у нас всех есть общая Родина где-то там, за пределами нашего понимания, и разные языки и культуры, которые мы помним и знаем, вовсе ни при чём?

- Вы мудг'ый человек, - тихо сказал Лейбниц. – Как ваше имя?

- Меня зовут Сам Дурак.

- Ог'игинально. Вы г'ассуждаете почти как Хьюго. И, должно быть, вы оба по-своему пг'авы.

- Хьюго? Вы знаете Хьюго? – переспросил Сам Дурак.

- Кто же его тепег'ь не знает? – ответил Лейбниц. – Если вы его ищете, поднимитесь на ближайшую гог'у и увидите вег'еницу людей, котог'ые выстг'оились в очег'едь спг'осить у него совета. Он тоже говог'ил мне, что я должен г'азобг'аться в том, что я считаю своей Г'одиной. Знаете ли, нас в г'азведке готовили к забг'оске в Японию, и я почег'пнул многое из японской культуг'ы...

Лейбниц шлѐпнулся на колени и извлѐк из котомки короткий кинжал.

- Пг'остите поког'но, если я это совет'шаю не по пг'авилам. Никогда г'аньше не пг'иходилось пг'актиковать, да и теог'етические знания у меня нетвѐг'дые... По-вашему, я отпг'авляюсь на Г'одину.

- Но я... - начал Сам Дурак, однако Лейбниц уже вонзил кинжал в грудь, провѐл кровавую линию к низу живота, загнув её как раз под шевелящимся ухом, и вспорол себе брюхо уверенным движением. Руки его опустились, ухо затрепетало и обвисло, а затем и сам он рухнул в пыль пустыря.

- Это называется подстрекательством к самоубийству, - заметил я.

- Да ладно, - махнул рукой Сам Дурак. – Что суждено, того уже не изменишь. Да и смерть в маразме – понятие нечѐткое. Зато мы теперь знаем, где искать Хьюго.

Втроѐм мы зашагали к подножию ближайшей горы. Вернее, шагали мы с Сам Дураком, а Кентел больше пританцовывал, прыгал и ходил колесом.

- Удивительная пластичность, - заметил Сам Дурак. – Так не всякий профессиональный гимнаст сможет.

- На детях гениев природа отдыхает, - ляпнул я.

- Это ты к чему?

- Э-э, - замялся я. – Не знаю. Надо было сказать что-то умное.

- Иногда умнее промолчать, - возразил Сам Дурак.

- Ну да, конечно, - разозлился я. – Вот у всех всегда есть мудрая фраза на уме, и только я, как debil, то молчу, то несу ахинею.

- Мудро подмечено, - усмехнулся Сам Дурак.

- Да ну тебя...

Дальше поднимались на гору молча.

Вид с вершины открывался поразительный. Простор, воздух, облака, крошечные домики, разбросанные по местности, подѐрнутой лѐгкой дымкой. В воздухе приятно пахло электричеством и солѐными огурцами. С одной стороны горы летали жѐлтые самолѐтики, маленькие, как птицы. А может, то и были птицы, поскольку иногда мне казалось, что я вижу длинные носы и перья. С другой стороны бились между собой два войска, разделѐнные стеклянной стеной. С третьей парили воздушные шары, увешанные рекламными транспарантами: «От кутюр до Сыктывкара», «Таков же и вкус простокваши», «Выведем из запоя даже дипломированного нарколога» и прочая, и прочая. А с четвѐртой стороны вилась длинная разномастная очередь людей, едва не уходящая за горизонт.

- Кажется, мы нашли Хьюго, - констатировал Сам Дурак.

Мне, как всегда, осталось только кивнуть.

Глава 4. Открытая добыча каменного угля

Почему человек выбирает в жизни тот или иной путь? Многое, конечно, зависит от случайности. Скажем, если бы Гагарин в детстве встретил говорящую собаку, которая объяснила бы ему теорию суперструн, то в космос бы он не полетел. Просто потому, что сумасшедших не берут в космонавты. С другой стороны, у каждого есть дело, которое получается у него лучше всего – то, что иногда называется предназначением. Всю жизнь человек сидит в офисе, считает баланс и всё время ошибается, без конца переделывает и

находится на грани потери работы. В конце концов, он приходит на завод и оказывается, что он лучший в мире токарь. Но не всегда предназначение – это то, что человек делает осознанно, с помощью рук или головы. Иногда достаточно появиться в нужное время в нужном месте, шевельнуть бровью, многозначительно промолчать или произвести на кого-то неизгладимое впечатление. Скажем, корова, хоть раз в жизни встретившая птицу киви, пребывает в состоянии совершенного изумления, и именно поэтому масло из Новой Зеландии издревле славилось своим необычным и приятным вкусом.

То, что Хьюго находился на своём месте и был прирождённым мудрецом, нам стало ясно ещё с горы, по длине выстроившейся к нему очереди. При общении с людьми, которые в этой очереди стояли, впечатление только усилилось. Скажем, женщина, за которой мы оказались, пришла спросить совета о растениях, растущих в её огороде. Она несколько раз сажала картофель, но вырастали неизменно причудливые пальмы, плодоносящие ананасами, бананами и яблоками. Ей же хотелось получить обыкновенную картошку. Она была уверена, что Хьюго даст дельный совет.

- В прошлый раз, - говорила она, - я пришла к нему поговорить о своём муже. Он иногда уходил надолго и возвращался нетрезвый, с запахом чужих дорогих духов. Хьюго спросил, чего же я желаю – чтобы муж перестал пропадать по вечерам или наказать его за неверность? Я ответила, что не нужно никого наказывать, я просто хочу, чтобы муж был всегда со мной. Тогда Хьюго посоветовал повесить на шею мужа магнит и больше ни о чем не беспокоиться. Я не думала, что это поможет. Однако муж, в очередной раз задержавшись якобы на работе, вернулся сильно озадаченный и с тех пор всегда приходил вовремя. Разве это не чудо?

- Удивительно, - согласился Сам Дурак. – А что Хьюго берет за свои услуги?

- Ничего, - ответила женщина. – Вернее, он ничего не просит. От денег отказывается, а вот гостинцам хорошим бывает рад. Я несу ему домашнюю наливку и кусок сала. Надеюсь, не побрезгует.

- Интересный человек этот Хьюго, - заметил Сам Дурак. – А как он выглядит?

- Росту среднего. Одет в лохмотья, грязный рваный балахон, но руки чистые, ухоженные. На лице – маска. Ходят слухи, что он обезображен, потому что продал душу дьяволу. Но я этому не верю. Не может такой человек быть связан с тёмными силами. Он добрый.

- Вот так вот постучишься в дверь, а там и нет никого, - произнёс задумчиво Кентел.

- Ну что вы, Хьюго всегда здесь, - возразила женщина. - Он и не спит никогда.

- Наш друг шутит, - сказал Сам Дурак. – Ну что же, будем ждать своей очереди.

- Может, за гостинцем сходить? – спросил я. – А то неудобно.

Сам Дурак окинул взглядом выющуюся впереди очередь:

- Нам тут долго стоять. Сходи, только не потеряйся. Маразм всё-таки.

- Да куда я денусь... – пробормотал я и побрёл прочь.

Уже через секунду я пожалел о своём решении оставить Сам Дурака. Стало страшно. Вдруг и вправду не смогу вернуться назад? Да и зачем вообще понадобились эти гостинцы? Сказали же – Хьюго ничего не просит. С другой стороны, если ему приятно, то почему бы и не купить выпивку с закуской? Надо только умудриться найти продуктовый магазин в этом захолустье... Я оторвал взгляд от асфальта и остановился.

Пожалуй, это было не совсем захолустье. Меня окружали высокие тяжеловесные здания сталинской постройки, кое-где виднелись покосившиеся вывески. А вот и «Продукты». Надо же, повезло.

Я толкнул тугую толстенную дверь, и та со скрипом отворилась. Внутри оказался типичный совковый магазин. Пол, покрытый обшарпанной кафельной плиткой, прилавки с мутным стеклом, толстая неприятная женщина за одним из них. Нос картошкой шевелится, словно чем-то недовольна.

- Добрый вечер, - сказал я. – Мне бы бутылку водки и каких-нибудь чипсов, что ли.

- Документы давайте, - сказала она.

- Думаете, мне восемнадцати нет? – усмехнулся я, доставая из сумки и протягивая паспорт.

Тётка брезгливо взяла паспорт, приоткрыла первую страницу.

- Ну? – поторопила она. – Дальше, дальше давайте.

- Что дальше? – не понял я.

Она закатила глаза и вздохнула:

- Ну что вы, в первый раз продукты покупаете? Полный пакет документов нужен.

- А что в пакете? – уточнил я.

- Как всегда, - она скорчила рожу, изображавшую, как же её все утомили. – Паспорт государственный, паспорт губернский, паспорт уездный, свидетельства о смерти всех родственников за последний семьсот шестьдесят один год, метрики на всех детей или справка из собеса об отсутствии оных, продуктовая карточка, талон на льготы, справка о том, что вы не состоите на учёте в наркодиспансере, дактилограмма и 7 фотографий два на пятнадцать с уголком.

Я раскрыл рот и хотел что-то сказать, но так и не смог сформулировать.

- Ну, хорошо, - наконец вылезло из меня, - а без всего этого... совсем ничего нельзя купить?

- Нет, - отрезала продавщица. – Есть, конечно, специальные категории товаров...

- Вот-вот, - я ухватился за ниточку. – Что там насчёт специальных?

- Для их приобретения, кроме всего перечисленного, требуются два свидетеля и спецпропуск Главного Управления МПС.

- Почему МПС? – удивился я.

- Данные категории товаров предназначены исключительно для распространения в поездах международного сообщения.

Я помялся.

- А если я денег дам? Если я заплачу, всё равно нужны эти справки?

- Справки вам нужны, даже если вы ничего не купите! - развеселилась продавщица.

- Что же я, просто так и уйти не смогу? – опешил я.

- Без документов вы не имели права заходить через эту дверь, - объяснили мне.

- А через какую имел?

- Вон через ту, - продавщица махнула рукой в сторону крашеной белой двери в углу. – Так что если вы туда выйдете, я к вам не буду иметь никаких претензий.

- Хорошо-хорошо...

Я забрал паспорт и поспешил ретироваться через белую дверь, за которой внезапно оказался густой хвойный лес. Обернулся, повертел головой. Двери не было. Только я, продирающийся сквозь ёлки.

Однако же откуда-то из-за деревьев донёлся знакомый голос:

- Ну что, мил человек, всё гуляете?

Ветки затрещали, и показался преклонных годов негр по имени Пахом, с которым я познакомился недавно. Коллега Цирикс и Лейбница, между прочим.

- Не откопали корабль, как я погляжу? – продолжил Пахом, одетый в тёплые штаны и бушлат цвета хаки.

- Никак нет, - ответил я. – Не получилось.

- А я вот почему-то так и думал, - сказал Пахом, улыбаясь своей огромной белой улыбкой. – Ну что же, бывает. А не хотите ли купить кораблик у меня?

- Хочу, - сказал я. – А сколько стоит?

Пахом пристально взгляделся мне в глаза, и я слегка поёжился.

- Десять тысяч единиц, - чётко произнёс он. – Энергетических.

- Ээээ, - я несколько растерялся. – А рублями?

- На кой чёрт мне рубли? – хмыкнул Пахом. – Их ни во что не конвертируешь, кроме, разве что, ещё каких-то бумажек.

- Нету у меня единиц, - сказал я.

- Ну, нет - так нет, - ответил Пахом. – Что уж тут поделаешь?

Мы постояли молча.

- А может, - сообразил я, - я потом отдам? Сейчас вы мне корабль дадите, а я на Эгозон слетаю и вам этих энергетических единиц привезу?

- Да нет, - ответил Пахом. – Не выйдет. И туда не долетишь, и обратно не вернёшься. Да и корабля-то у меня нет.

- Что вы, издеваетесь? – разозлился я. – Зачем тогда деньги просили?

- Ну, надо же мне всё выведать. Привычка профессиональная. А вот ты, Володя, сюда-то зачем пришёл?

- За гостинцами, - сказал я неуверенно. – А откуда вы знаете, что меня Володей зовут?

- Да у тебя на лбу написано, - Пахом усмехнулся. – Что за гостинцы? Чего тебе нужно?

- Хьюго дать. Хотим к нему зайти, посоветоваться.

- Дело хорошее, - африканец кивнул и протянул в стороны руки с раскрытыми ладонями. В одну из них откуда-то сверху свалилась бутылка водки, в другую – банка маринованных огурцов. – Сколько ты за гостинцы готов заплатить? Ах, да... У тебя же нет ничего. Ну, ладно. Я добрый, да и услуга невелика. Давай я тебе это отдам, а ты при случае людям что-то хорошее про Африку скажешь.

- Эээ, - сказал я, принимая дары. – Ладно.

- Ну, бывай, - Пахом резко развернулся и скрылся за ёлкой.

Я остался один. Как бы то ни было, гостинцы для Хьюго были добыты. Осталось возвратиться назад, к Сам Дураку. И только сейчас я понял, что совершенно не представляю себе, как это сделать.

В привычном для меня состоянии реальности всё было просто. Разворачиваешься в обратную сторону и проходишь тот же путь, что уже один раз проходил, но в противоположном направлении. В развитом маразме никогда до конца не ясно, как ты в данное конкретное место попал. С равнины, по которой вилась очередь, я переместился в город, затем вошёл в магазин, а из него вышел в лес. Но как перейти из леса обратно в магазин и уж тем более из города на равнину, совершенно невозможно было понять.

- Должны же быть какие-то ориентиры, - бормотал я. - Вот здесь же была белая дверь. Не могла же она так быстро исчезнуть. Не настолько уж сильный маразм, чтобы двери раз – и растворялись. Может, она просто подвинулась на метр вправо или влево...

Я походил среди деревьев туда-сюда и наткнулся на стену деревянного дома, которого минуту назад здесь не было. Конечно, стена - это не дверь, но всё же что-то обнадеживающее. Кое-как запихнув в сумку бутылку водки и банку с огурцами, которые мешались в руках, я двинулся вдоль сруба. Он всё тянулся и тянулся вдаль, хотя деревьев такого роста в природе просто существовать не могло. В очередной раз получив мокрой веткой по лицу, я пробрался сквозь заросли и увидел, что стена заканчивается углом, тщательно срубленным «в лапу». Завернув за угол, я увидел редеющий лес, а за ним – вполне себе привычную асфальтовую дорогу, по которой изредка с гудением проносились легковушки.

Я ускорил шаг и спустя несколько минут уже шагал по обочине, радуясь окружающей меня цивилизации. Сначала у меня возникла идея поймать попутку, но, слегка поразмыслив, я от неё отказался – похоже, вероятность попасть в сколь угодно отдалённое место в маразме от скорости передвижения не особо зависела.

Наконец дорога закончилась вместе с окружающим лесом. Я стоял на краю плоскости, которая изламывалась и уходила резко вниз, в пропасть.

- Похоже, я не в ту сторону пошёл... - промямлил я, пытаюсь попятиться, но потерял равновесие и начал плавно наклоняться над пропастью. Голова моя закружилась, и я внезапно почувствовал, что вовсе не падаю, а наоборот, взмываю вверх, словно на изломе плоскости и направление действия гравитации резко поменялось. Через мгновение я вновь стоял на твёрдой поверхности, а меня окружали многоэтажные дома. Покрутившись на месте, я убедился, что никакого края света рядом больше нет. Схлопнулся он.

- Никогда я к этому не привыкну, - сказал я вслух и двинулся вдоль по улице города, ужасно напоминающего Москву. Люди рядом со мной ходили вполне земные. Опять-таки машинки. Вон, даже «Газель» медицинская - уж точно в России нахожусь, если это в маразме имеет какое-то значение.

Вокруг «скорой помощи» происходила суетная возня, которая меня заинтересовала, и я решил приблизиться, посмотреть.

Семь или восемь человек в белых халатах пытались затолкнуть в распахнутые задние двери машины огромного полосатого тигра, который отчаянно упирался лапами и отбивался хвостом. С удивлением я узнал в тигре величайшего учёного Империи Седьмой Плиты Конотопа Раха.

- За что вы его так? – вырвалось у меня.

Конотоп приподнял морду и ответил:

- Во-первых, - он отмахнулся лапой от санитары, который намеревался огреть его стетоскопом, - не Его Так, а Так Его, во-вторых, - он сплюнул клочок ваты, которым швырнул в него ещё один санитар, - он давно помер, а в-третьих, - Конотоп отшвырнул ближайшего медика ловким ударом хвоста, - он здесь ни при чём.

- Молодой человек, - обратился ко мне отлетевший в сторону человек в халате, поднимаясь с асфальта, - вы бы лучше помогли. Видите же – больной буйный, не даёт себя транспортировать в лечебное учреждение.

- Для тигра, - возразил я, - он ведёт себя более чем корректно.

Врач посмотрел в сторону Конотопа, и внезапно глаза его округлились.

- Петрович! – выкрикнул он. – Ребята! Да он же – тигр!

Возня прекратилась. Оцепеневшие санитары выпустили Конотопа из рук, и тот тяжело шлёпнулся на проезжую часть. Конотоп взревел от боли, и люди в белых халатах бросились врассыпную, оставив на мостовой некоторые свои вещи, в том числе тот самый стетоскоп.

- Вот идиоты, - мрачно изрёк Конотоп, поднимаясь и отряхиваясь, словно вылезшая из воды собака. – Здравствуй, Володя. Давно не виделись.

- Да уж, - ответил я. – Тут год за два.

- Да тут вообще нет времени, - парировал Конотоп. – Хотя меня, признаться, достал уже этот маразм. Даже ничего изобрести нового нельзя. Только придумаешь – а оно уже не работает. Чёрт знает что. А у тебя как дела?

- Хорошо, - ответил я. - Вот гостинцы для Хьюго добыл.

- Что ещё за Хьюго? – повёл бровью Конотоп.

- Да мудрец один. Мы за ним в очереди стоим с Сам Дураком и Кентелом. Они меня за водкой послали, а я потерялся.

- Кхм, - сказал Конотоп. – Ну, давай попробуем их найти. Может, с высоты видно? Эх, жалко, потерял я свои реактивные двигатели... Ну, да это тут не важно. В маразме, Володя, мшелоимство – дважды грех, потому что все вещи здесь без толку. Кстати, что у тебя на лбу?

- Э? - не понял я.

- У тебя на лбу написано синими чернилами «Володя». Так и задумано или стереть?

- Что, правда? – удивился я.

Конотоп вздохнул, разинул пасть и шагнул в мою сторону, отчего душа моя ненадолго ушла в пятки. Впрочем, он всего лишь облизал мне лоб шершавым влажным языком, а затем протёр подушечкой лапы.

- Всё, вроде не видно. Ладно, забирайся на меня, полетим.

- А ты умеешь летать? – спросил я, вскарабкиваясь на широкую лоснящуюся спину.

- А ты убеди меня в этом! – воскликнул Конотоп.

- А, - дошло до меня. – Ну да. Это самое... Я вот в Википедии читал – тигры летать умеют.

- Кхе, - сказал Конотоп. – Ну, ничего не скажешь, убедил. Эх, молодо-зелено...

Он разбежался, подпрыгнул, тяжело взмахнул лапами и кое-как поднялся в воздух. Затем взмахнул ещё раз, и мы потихоньку заскользили над дорогой.

- Здорово, - сказал я. – И почему это люди не летают, как тигры?

- Труссы потому что, - отозвался Конотоп. – И в себя не верят. Не дёргай так шерсть, больно же.

- Извини.

Воздух обтекал меня ласково и приятно, а маленькие домики, деревья и кусты проносились внизу, словно в детском сне, и мне захотелось выплеснуть из себя это радостное ощущение. Кстати, забыл же совсем...

- Во Второй Мировой войне победила Африка! – завопил я изо всех сил, размахивая правой рукой.

Конотоп вздрогнул всем телом и чертыхнулся.

- Мать твою, Володя, ты совсем офонарел?! – выкрикнул он. – Сейчас бы я это поле внизу завалил удобрениями.

- Я нечаянно, - отмахнулся я. – Обещал просто человеку... Постой! Вон же, вон эта очередь! Спускайся. Я Сам Дурака вижу!

Конотоп сделал вираж и начал снижение.

Сам Дурак и Кентел стояли в самом начале очереди, перед входом в белый шатёр.

- Привет, Конотоп, - сказал Сам Дурак. – Рад тебя видеть.

Кентел подпрыгнул от радости, потом присел и обнял тигра за шею.

- А тебя, Володя, за смертью посылать, - посетовал Сам Дурак. – По моим ощущениям, два дня уже тут стоим.

- Ничего себе, - удивился я. – Меня, кажется, полчаса всего и не было.

Полог шатра приподнялся, и женщина, за которой мы недавно занимали очередь, вышла нам навстречу.

- Золотой человек, - сказала она, глядя в пустоту перед собой.

- Что он вам посоветовал? – спросил Сам Дурак. – Если не секрет, конечно.

- Посоветовал положить несколько картофелин себе в постель на пару дней, а только потом их сажать. Как считаете, поможет?

- Непременно, - сказал Сам Дурак, а я просто захлопал глазами, не зная, что сказать.

- Пошли уж, - поторопил меня Сам Дурак. – Нечего глазки строить. За нами вон какая очередища.

Мы гуськом вошли в шатёр. Внутри оказалось неожиданно просторно, хотя и мрачновато. На полу валялось множество разного хлама, преимущественно пустой посуды. В дальнем конце шатра стоял массивный деревянный стол, во главе которого восседал высокий человек в белой маске, сразу напомнившей мне венецианский карнавал. Его голова была наклонена вперёд, к столешнице, и он словно бы дремал. Всё его туловище было скрыто коричневатым балахоном, истёртым и изодранным в клочья.

- Знаете, что? – сказал тихо Конотоп. – Я лучше вас, людей, чую запахи, и сдаётся мне...

Я опешил, решив, что Конотоп имеет в виду, что Хьюго умер. Однако тут же эту мысль пришлось отбросить, поскольку Хьюго тихо и плавно, словно в трансе, произнёс:

- Входите. Что привело вас ко мне?

- Видите ли, - начал Сам Дурак, – нам нужно попасть на планету Эгозон. Мы надеялись, что...

Хьюго вдруг вздрогнул, словно просыпаясь, и коричневые лохмотья его балахона качнулись.

- Не может быть! – воскликнул он, и я был поражён, услышав этот голос.

А Конотоп уже бежал в сторону Хьюго, ворча:

- Да ладно тебе тормозить, старый пердун, я-то сразу тебя учуял.

Хьюго сорвал маску, и, конечно же, все мы увидели исхудавшее и усталое лицо Вам Кого.

- Вам Кого! – закричал я. – Но почему вы живы? И что всё это значит?

- А дыра-то моя на месте, - пробормотал Конотоп, обходя Вам Кого и осматривая со

всех сторон.

- Ждём ваших указаний, господин Председатель! - отчеканил Сам Дурак.

- И зонтик никак не сломается! – завопил Кентел.

- Дорогие вы мои, - сказал Вам Кого, выходя из-за стола, и его губы задрожали, а из глаза потекла слеза. – Я уж и не думал, что вас увижу когда-нибудь. Нам о многом надо поговорить. Так что уходим отсюда.

Вам Кого сбросил балахон, под которым оказался его обычный белоснежный костюм, затем нацепил лохмотья и маску на мешок, набитый опилками, и усадил мешок за стол.

- Я так часто делаю, - пояснил он. – К примеру, когда надо поспать. Выйдите через вход и обойдите шатёр, я к вам присоединюсь через минуту. А потом найдём местечко, где всё обсудить.

Глава 5. Последний самолёт на Балеарские острова

Ни один человек на свете пока ещё не смог умереть окончательно. От кого-то остались книги, от кого-то надгробный камень, а от кого-то прах, который был развеян по ветру, унесён водой и впитан корнями растений, призванных послужить пищей следующим поколениям. О многих помнят, у многих есть потомство, а некоторые просто натворили в жизни таких дел, что их и после конца света долго ещё будут разгребать. Так что смерть – это иллюзия, что и подтвердил своим потрёпанным, но воодушевлённым видом Вам Кого, уверенно ведущий нас по улице небольшого городка.

- Здесь обязательно должно быть какое-нибудь приличное заведение, - повторял он, и, наконец, удовлетворённо взмахнул рукой: – Ну, вот, я же говорил.

Мы подходили к аляповатому особняку грязновато-кремового цвета с криво приделанной вывеской «Зелёный дворник».

- Прошу, - Вам Кого распахнул дверь, и она, заскрипев и покосившись, впустила нас в чрезвычайно вместительное, но пыльное и темноватое помещение, уставленное тяжёлыми деревянными столами и такими же стульями. На потолке покачивалась желтоватая засиженная мухами люстра, а в дальнем углу тихо бормотал подвешенный к стене старенький телевизор, который показывал не то новости, не то рекламу, что, в принципе, одно и то же.

Тут же подскочил маленький плюгавый человечек с тоненькими усиками и полотенцем на руке.

- Чего изволите-с? – поинтересовался он.

- Хотим, так сказать, культурно посидеть, - ответил Вам Кого, чуть запоздало снимая шляпу. – Поговорить, поесть, выпить. Это возможно?

- Разумеется! – официант улыбнулся и повёл нас к столику возле заляпанного окна, в углу которого я заметил паутину.

Мы расселись вокруг стола, а для Конотопа двое здоровенных детин-охранников подтащили к столу кожаный диван, на который он торжественно и улёгся.

- Замечательное заведение, - похвалил Вам Кого.

- Держим марку-с, - сказал официант, раздавая меню. – Сразу закажете что-нибудь?

- Конечно, водочки, - произнёс Вам Кого, листая меню. – И вот, пожалуй, мне стейк из сёмги под икорным соусом.

- Знаете, - улыбнулся официант, - сёмгу я бы не советовал. Она тухловата-с.

- Кхм, - сказал Вам Кого. – Тогда каре ягнёнка в горчичной заливке.

- Хорошо, - сказал официант. – Отличный выбор.

- А мне, - подал голос Конотоп, лениво оторвав голову от валика дивана, - печёное свиное колено. Покрупнее и можно сырым.

- Будет исполнено.
- А перчики халапенос, фаршированные сыром, у вас есть? – спросил я.
- К сожалению, кончились, - развёл руками официант.
- Эх, - вздохнул я. – Тогда макароны по-флотски.
- Сделаем.
- Мне то же самое, - сказал Сам Дурак.
- А вам? – обратился официант к Кентелу.
- Мне самое большое мороженое, - сказал Кентел. – И газировки с соломинкой.
- Слушаюсь, - официант попятился, не снимая с лица улыбки, и удалился исполнять заказ.

- Отличное всё-таки место, - восхитился Вам Кого. – Надо же – честно признали, что сёмга с душком...

- Вам Кого, не томи, - перебил его Конотоп. – Нам не терпится узнать, как ты дошёл до теперешнего состояния.

- И почему вы вообще не умерли? – добавил я.

- Ну, это-то понятно, - крикнул Вам Кого. – Маразм ведь на дворе. «Коробочка» переместила меня не в открытый космос, как я рассчитывал, а в дикие места в горах. При этом сама разбилась о камни. Я тоже слегка шарнир на ноге повредил – потом он починился, правда. Сделал себе посох из местного дерева да пошёл искать людей. Долго шёл – ни еды, ни воды. Наконец набрёл на первые поселения...

Тут как раз поднесли графин водки, рюмочки и мясную тарелку за счёт заведения. Мы разлили и выпили по первой. Вернее, выпили по-настоящему только трое. Конотоп лакнул из своей огромной рюмки, поморщился и отодвинул её в сторону. Кентел вылил рюмку себе на голову, захихикал и приложился к принесённой газировке. Вам Кого прокашлялся и продолжил:

- Я находился в слабо цивилизованной стране – примитивный быт, дети бегают голые. Слишком привлекал внимание дырой в голове и яркой одеждой. Купил себе на рынке балахон, потом попала маска. Так и шёл, инкогнито, дальше. Побирался, что уж скрывать. Потом прибил к одному каравану, помогал следить за верблюдами, меня подкармливали тоже. Думал уже, что конец жизни так проведу. Но потихоньку маразм начал проявлять себя. То половинка космического корабля из-под земли вылезет, то верблюды начинают, простите, изумрудами испражняться. И вот как-то так получилось, что я к этому был готов, а все вокруг – не очень.

- Прошу прощения, - обратился подошедший официант к Конотопу. – Я заметил, что водка вам не по вкусу пришлась. Не считите за дерзость, но, по моему опыту, кошачьи предпочитают валериану. Не прикажете ли подать?

- А что? – Конотоп скорчил одобрительную мину. – Давайте попробуем.

Скоро на табуретке перед ним появилось металлическое ведёрко, и в воздухе резко запахло валерьянкой. Конотоп лизнул и вздрогнул, воскликнув:

- Эх! Ядрёная вещичка, вставляет... А ты что замолчал, Вам Кого? Рассказывай дальше.

- Ну а что там рассказывать? – вздохнул Вам Кого. – Все эти чудесные события людей пугали, а меня нет. Я что-то пытался объяснять, втолковывать. Иногда получалось даже предсказать, что дальше будет. Вот, к примеру, как-то раз мальчишка-погонщик подлетел метра на два в воздух и опуститься не смог. Летаёт, как воздушный шарик, кричит, плачет, но никак не приземляется. Конечно, все стали прыгать, пытаться поймать. А я сообразил, что в маразме от этого только вред, не добьются они цели. Сказал, что если они будут прыгать, он только выше поднимется. Так и случилось. Посоветовал с ним в верблюдов поиграть...

- Это как? – не понял Конотоп, на секунду вынув язык из валерьянки.

- Ну, примерно как здесь в города. Надо придумать чудное имя верблюду, чтобы начиналось на ту букву, на которую предыдущее заканчивалось. Если повторишься или задумаешься больше чем на секунду, проиграл. Дурацкая игра, но распространена среди погонщиков. Помогло.

- Ваш ягнёнок, - сказал официант, возникший вместе с подносом возле стула Вам Кого. – Приятного аппетита.

- Благодарю, - сказал Вам Кого, а мне как раз поднесли мои макароны. Кентел, получив мороженое в вазочке, тут же схватил в одну руку вазочку, в другую – стакан с газировкой, и принялся хаотично прыгать вокруг стола.

- Что-то я не понимаю, - проворчал Конотоп. – И как эта игра поспособствовала спасению мальчика?

- Кхе, - Вам Кого почесал бороду. – Сам не знаю. Но я как рассудил – что-то такое в его голове произошло, из-за чего он представил себя летающим. Если отвлечь, не заикливаться на этой мысли, то она забудется, и он вернётся к тому состоянию, которое ему привычно. Так и получилось. Поиграли пару минут, а он уже по земле идёт, и сам не заметил, как. И потом у меня из-за таких случаев стал расти авторитет как мудреца. Иногда говоришь чушь какую-нибудь, а тебе верят, вот она и сбывается. Маразм ведь. Постепенно стали мне приносить в подарок вещички, деньги, еду. Отбил я от каравана, выбрал себе местечко, выторговал шатёр, и с тех пор сижу тут, кукую потихоньку. – Он осмотрел стол. – Что, у всех закуска уже есть? А что же мы сидим?

Мы чокнулись, выпили и продолжили трапезу.

- У меня всё ещё прозаичнее, - вздохнул Конотоп, вгрызаясь в огромное свиное колено, из которого выступала розоватая кровь. – Трудно здесь жить не такому, как все. То в кутузку тебя запрут, то, как в этот раз, в дурку попытаются отправить. Каждый норовит пальцем ткнуть и посмеяться. И никому в голову не приходит, что я тоже могу что-то чувствовать, что я живой, и у меня свой внутренний мир есть. А потом – устал я вообще от маразма. Стабильности хочется. А тут как всё время – заснул в тепле, проснулся на северном полюсе. Купил на последние деньги кусок мяса, а он ожил и убежал. Чёрт знает что.

- А у тебя, Володя, как дела шли? – спросил Вам Кого.

- Да пока по плану, - ответил я. – Хотел попасть к себе домой – попал, хотел вас встретить – встретил. Осталось вернуться на Эгозон и добраться до Семнадцатой Плиты.

- То, что ты оптимист – это хорошо, - сказал Вам Кого. – Однако, какой вкусный ягнёнок. Удивительно удачно мы зашли в это заведение... Давайте только ещё по рюмочке... Официант! Кажется, нам нужна ещё бутылка.

- Уже, - официант оказался возле Вам Кого с бутылкой прозрачной, как слеза, жидкости.

- Мне определённо у вас нравится, - восхитился Вам Кого.- Должно быть, я был вашим клиентом, когда и кафе-то самого ещё не было.

- Не хочу хвастаться, - улыбнулся самодовольно официант, - но у нас многие известные люди бывали. Взять, скажем, Жюль Верна.

- Да ну! – воскликнул Вам Кого. – Не может быть.

- Как же, как же, - подтвердил официант. – Хаживали-с сюда неоднократно. Именно здесь он попробовал свои знаменитые пурожаны...

- О! – Вам Кого, уже слегка нетрезвый, выставил вверх указательный палец. – Давайте сюда пурожаны, тоже попробуем.

- К большому сожалению, - сказал официант, - рецепт утерян. Но именно они в своё время, прямо в нашем кафе, вдохновили Жюль Верна на изобретение таких вещей, как парус, палатка, противогаз и паровоз.

- Пойдите, - вспомнил я. – Кажется, паровоз кто-то русский изобрёл. Или я не прав?

- В некотором смысле, - согласился официант. – Ведь Жюль Верн изначально был русским. Он начинал писать в России, когда влюбился в студенческие годы в девушку по имени Юлия, и печатал свои рассказы под псевдонимом Юлий Верный. И уже затем, будучи сослан во Францию за рукоприкладство...

- Кто? – удивился Вам Кого. – Жюль Верн?

- Ну да, - кивнул официант. – Он много к чему руку приложил. Вот, к примеру, прямо здесь, на салфетке, он написал своё знаменитое стихотворение «Плакала Саша, как лес

вырубали. Егерю руку сломала в печали».

- Это разве не Некрасов? – уточнил я. - Или Блок...

- Да идеи тут буквально витают в воздухе! – пояснил официант. – И Жюль Верн тогда, расплакавшись над утратой своей Юлии, горестно швырнул салфетку со стихами в огонь, поэтому никто не успел их прочитать. Но салфетка рассыпалась в пепел и разлетелась по воздуху, так что ничто не пропало даром.

- Удивительная история! – сказал Вам Кого. – Давайте-ка ещё разольём.

Как только Вам Кого наполнил свою рюмку, к столу подскочил Кентел, выкрикнув «Разрешите у вас побулькивать!», засунул в неё соломинку и усиленно подул, выплеснув всё содержимое рюмки прямо на стол.

- Кентел! – воскликнул Вам Кого. – Это уже чёрт знает что! Иди вон, телевизор лучше посмотри.

Кентел насупился и вернулся на своё место, принявшись остервенело лизать мороженое.

- А вы заметили, между прочим, - сказал Конотоп, пока Вам Кого вновь наполнял рюмку, - что маразм распространяется неравномерно? Иногда зашкаливает, а иногда словно бы ничего странного и не происходит?

- Я заметил, - согласился я. – Вот, к примеру, когда я сказал Естременте...

Я осёкся, поскольку Вам Кого замер, выпучив глаза и не донеся до рта рюмку.

- Вы сказали это слово? – дрожащим голосом произнёс он. – Володя, но зачем? И почему оно не сработало?

- Не сработало понятно почему, - ответил за меня Конотоп, облизывая испачканную кровью морду. – Потому что в маразме вообще ничего толком не работает. Смотрите – вот и я сейчас скажу это слово. Естрементеракориндо!

Я вздрогнул, поскольку за Вам Кого колыхнулась штора.

- Простите, - покраснел он. – У меня от волнения газы.

- Ну, вот видите, - усмехнулся Конотоп. – Пук Вам Кого действует сильнее, чем этот пароль. А вот зачем ты пытался его использовать, Володя, это и вправду интересно.

- Понимаете, - я опрокинул в себя водку, поморщился и попытался вспомнить, почему, собственно, я решил устроить конец света. – Я внезапно понял, что вас всех я придумал. В моей жизни были разные события, которые привели к тому, что я выдумал и Свази, и тебя, Конотоп, и маразм, видимо, тоже...

- Ну и что? – не понял Конотоп. – В том и состоит маразм, что все друг друга, как ты говоришь, выдумывают. Все мы – плоды своей больной фантазии.

- Не знаю, - я пожал плечами. – Но мне тогда от этого так грустно стало. Может, потому, что я остался один...

- Ну, - сказал Вам Кого, - сейчас-то мы все вместе! За это обязательно надо выпить!

- Можно вопрос? - вдруг произнёс Сам Дурак, до этого долго сидевший молча. – А что мы собираемся дальше делать?

Наступила тишина.

- Я хотел откопать корабли, - наконец произнёс я неуверенно. – Но если, Сам Дурак, ты говоришь, что уже пытался, то этот вариант, наверно, отпадает...

- Хорошо, - вмешался Вам Кого. - Поскольку я всё-таки Председатель Конгресса, то позвольте мне выбирать варианты. Какие есть предложения? Первое – копать. Ещё что-нибудь?

- Не копать, - сказал Конотоп. – Шучу. Я бы предложил случайный поиск. То есть проявлять какую-то активность, двигаться, искать. В конце концов, что-нибудь да случится. Другое дело, что вероятность положительного исхода очень маленькая, так что ждать можно до окончания века. Но и при других действиях результат будет примерно тем же, если не хуже.

- Хорошо, - кивнул Вам Кого. – Вариант второй – случайный поиск. Запомним.

- Ещё, - вспомнил я, – у меня была идея добраться до Курского вокзала, а оттуда до

космодрома Байконур. Вдруг оттуда корабли летят на Эгозон? Глупо, конечно.

- Не так уж и глупо, - возразил Конотоп. - Если много людей связывают Байконур с космосом, это не может не отразиться на реальности.

- Вариант три – Курский вокзал, - кивнул Вам Кого. – Ещё идеи?

- Есть ещё вариант, - тихо сказал Сам Дурак. – Йокесы.

Все снова замолчали. Вам Кого смотрел в стол и хмурился.

- А при чём тут йокесы? – нарушил я тишину.

- Йокесам везёт, - пояснил Сам Дурак. – В маразме у них гораздо больше шансов добиваться того, чего они хотят.

- Вот именно, - Вам Кого выставил вверх указательный палец. - Чего *они* хотят. Они, а не мы. А чего хотят йокесы, вообще никто не знает.

И тут до меня дошло. Я вспомнил, как будто по мановению волшебной палочки с неба в руку Пахома свалилась бутылка водки.

- Пойдите, - пробормотал я. – Так, значит, Пахом...

- Какой ещё Пахом? – спросил Вам Кого.

- Чернокожий егерь? – уточнил Сам Дурак. – Да, по моим данным, он тоже один из них.

А ты откуда его знаешь?

- Так гостинцы же он мне дал, - вздохнул я.

- Какие гостинцы? – спросил Вам Кого.

- Да вот, - я достал из сумки бутылку водки и банку огурцов.

- А знаете что? – сказал Вам Кого, потирая руки. – Я предлагаю выбор вариантов отложить на потом. Официант!

Тот моментально возник возле стола.

- Слушаю.

- А можно ли у вас употреблять то, что у нас с собой?

- Конечно, - усмехнулся официант. – Без проблем. Только придётся заплатить, будто вы у нас заказали.

- Ну и замечательно, - сказал Вам Кого, откупоривая бутылку. – И еды ещё принесите какой-нибудь, а то я уже кости обглодал.

- Сию минуту.

- Давайте немного расслабимся, - предложил Вам Кого, - и забудем обо всем.

- Кстати, Вам Кого, - вспомнил Конотоп, - забыл у тебя спросить – а почему ты назвался Хьюго?

- Да потому, что моё имя на Земле всё время вызывает проблемы. Спрашивает меня, скажем, полицейский: «Как вас зовут?», я отвечаю «Вам Кого», а тот злится: «Да мне никого, я спрашиваю – как вас зовут?». Далее по циклу.

- Ну, это я понимаю. С Сам Дураком, наверно, ещё смешнее бы получилось, - ответил Конотоп. - Но почему именно Хьюго?

Вам Кого наморщил лоб и сделал умное лицо, после чего изрёк:

- А Хью его знает!

Все засмеялись и выпили ещё.

В принципе, не только теория вероятностей, но и физика – наука не вполне точная. Если вспоминать, что написано в учебниках, то всё применимо только к идеальному газу, материальным точкам и на малых скоростях. А кто из нас материальная точка или, пуще того, идеальный газ? Хотя у меня много раз в жизни было ощущение, что я – это вроде как и не я, а что-то вокруг и неподалёку от того места, где я сейчас сижу, словно настоящий я – это как раз-таки материальная точка, а всё остальное – просто фикция и обман. Вот и сейчас я очнулся, дремлющий над миской с неопознанными мясными обiedками, и долго не мог понять, кто я, и почему голос смутно знакомого старика рядом разговаривает о чае.

- Я, к примеру, уважаю чай хупу, - говорил Вам Кого слегка заплетающим языком. – Вот у вас есть хупу?

- Не уверен, - отвечал официант. – Надо узнать на кухне.

- Дело в том, что он называется обычно не хупу, - продолжал Вам Кого, - а ройбош. Или «крими ройбош». Но это невозможно запомнить, поэтому я запомнил его как хупу. Почему я не могу называть чай так, как мне нравится? Он же хороший? Хороший! Вкусный? Вкусный! Полезный? А то! Так зачем мне называть его какими-то странными непонятными словами, если на самом деле он хупу.

Вам Кого посмотрел на меня осоловелыми глазами и пробормотал:

- Вот и Володя будет хупу. Правда, Володя?

- Ага, - ответил я. – Лишь бы не мончо.

- Эх, Володя, не зря я вас выбрал... Принесёте чай?

- Я? – удивился я.

- Сидите-сидите, - остановил мою попытку приподняться официант. – Это он мне.

Сейчас принесу.

- А у них там новости сломались, - грустно сказал Кентел, засунув в нос соломинку от коктейля.

Я поднял глаза и действительно увидел на экране телевизора яркую надпись Breaking News.

- Володя, сделайте погромче, - попросил Вам Кого.

- Ща, - я встал с места и чуть не упал, поскольку у меня закружилась голова.

- Да у вас же пульт под рукой! – воскликнул Вам Кого.

- А, извините, - я сел на место и увеличил громкость, так что стало слышно, как диктор произносит:

- ...очередной случай колоссальных разрушений, совершённых в Центральной России, на этот раз удалось заснять на видео. Эти уникальные кадры предоставили неизвестные лица, оставившие диск с сопроводительной запиской на крыльце офиса нашей телекомпании.

На экране появилось слегка дрожащее изображение худошавого человека... Нет, даже не человека – настоящего скелета, на котором из одежды были только чёрные кожаные перчатки. Он, словно живой, не спеша шёл по тротуару в сторону припаркованного чёрного автомобиля. Скелет внезапно присел, ухватил автомобиль за бампер и, словно это была пушинка, мгновенно поднял над собой.

- Я его знаю, - сказал Сам Дурак. – Его зовут Йок Естер. Он главный у йокесов. Формально они никому не подчиняются, но этот субъект пользуется у них наибольшим авторитетом.

Тем временем скелет швырнул машину в сторону ближайшей многоэтажки. Автомобиль рассыпался на куски, а в здании вылетело несколько стёкол и погнулось ограждение балкона.

Тогда скелет продолжил своё движение по тротуару к следующей машине.

- То, что вы сейчас видите, - продолжил диктор, - произошло в центре города Стакан семнадцатого июня две тысячи одиннадцатого года ровно в пятнадцать часов.

- Как интересно, - сказал Вам Кого, бросив взгляд на часы на стене. – Это у них там будущее. На пару минут позднее, чем у нас сейчас.

Скелет в чёрных перчатках миновал следующую машину и подошёл к стоящему возле тротуара огромному экскаватору. Затем он так же легко приподнял его над землёй и принялся медленно раскручивать над головой.

- Сейчас вы видите кадры, - говорил диктор, - на которых некое существо разрушает уютное кафе «Зелёный дворник», одно из любимых мест отдыха горожан...

- А вон и наша вывеска, - Вам Кого радостно ткнул пальцем в сторону экрана, но тут же лицо его побледнело, он вскочил и выкрикнул: - Бежим!

Однако в то же мгновение страшный удар сотряс стену, и нас просто смело со стульев. На меня свалилось что-то мягкое и тяжёлое, я провалился в темноту, а когда чуть пришёл в себя, понял, что бегу вместе со всеми по тёмному тоннелю, в дальнем конце которого брезжит неясный свет.

- Прибавьте шагу! – крикнул Конотоп, который нёсся далеко впереди.

Я оглянулся. Следом, отставая метров на тридцать, бежал скелет и швырял в нас маленькими сверкающими шарами, которые взрывались, ударяясь о стены тоннеля. Почувствовав, как очередной шар разлетелся невдалеке от моего левого уха, я заметно прибавил в скорости, и конец тоннеля стал приближаться всё увереннее.

Стальные ноги Вам Кого с грохотом мелькали прямо впереди, а я уже успел пожалеть о пропущенных занятиях по физкультуре, поскольку задыхался и готов был рухнуть прямо здесь. Мы выбежали на свет посреди большого тенистого парка, где я обернулся, чтобы проверить, а есть ли смысл продолжать бег – возможно, преследователь уже отстал?

И тут же получил в плечо удар блестящим шаром, который присосался к моей футболке и начал жечь кожу.

- Аааа! – завопил я. – Снимите его с меня!

Скелет, который уже не спеша шагал в мою сторону, вдруг выкрикнул «В яблочко!», захохотал, неожиданно присел и, распрямившись, взмыл в небо.

- Володя, не волнуйтесь! – запыхавшись, выкрикнул Вам Кого, подбегая ко мне. – Главное – не трогайте! Взорвётся!

Все окружили меня плотным кольцом. Лица были озабоченные, скорбные. Я, словно замороженный, смотрел на прилепившийся шар. Тот переливался и, похоже, медленно рос.

- Как же его обезвредить? – растерянно спросил Сам Дурак.

- Кранты Ясонию, - констатировал Конотоп.

- Руку точно оторвёт, - поддакнул Вам Кого.

- Шарик... - ласково произнёс Кентел. – И я такой хочу!

Он протянул руку и дотронулся до шара пальцем.

Шар с треском лопнул, превратившись в кипу розовых листочков бумаги. Я охнул и чуть не упал в обморок.

- Повезло, - пробормотал Сам Дурак, поймал один из листочков и протянул мне.

Я взял его и прочитал:

“Замучили проблемы?

Вам скучно жить?

Не можете добиться цели?

Мы поможем!

Дебилам и моральным уродам – скидки.

Исполнительная сила Вселенной - йокесы. Телефон 555-0761”.

- Вот вам ваши йокесы, - проворчал Вам Кого, обращаясь к Сам Дураку. - От них одни разрушения и смерть. Всё ещё хотите от них помощи?

Сам Дурак промолчал.

- Пойдёмте, присядем, - предложил Вам Кого, поправляя шляпу. – Вон скамеечка. В моем возрасте такие пробежки – это уже чересчур.

- Жалко кафе, - пробормотал я, присаживаясь возле Вам Кого. – Официант погиб, наверно. Так интересно про Жюля Верна врал...

- А с чего вы взяли, Володя, - ответил Вам Кого, - что он, собственно, врал?

Я вдруг понял, что он прав – в той реальности, которая существовала для официанта в момент его рассказа, вполне могло быть, что Жюль Верн в прошлом ел в их кафе пурожаны и изобретал паровоз.

- На самом-то деле, - сказал Конотоп, - в маразме смерть не так страшна. Всё дело в том, что человек не может представить собственную смерть, поэтому и умереть, как следует, не может.

- Ну да, - усомнился я. – А если бы я взорвался от этой бомбочки?

- Ну, взорвался бы – и что? – хмыкнул Конотоп. – Меня вот насквозь проткнуло шпилем Останкинской башни, но я от этого не более мёртв, чем обычно. А вот скажите, между прочим, кто-нибудь помнит, как мы попали из кафе в тоннель?

Я промывчал в ответ, остальные благоразумно промолчали.

- Вот и я говорю, - продолжил Конотоп. – Где гарантия того, что мы не погибли под

обломками кафе? Может быть, мы просто не заметили своей смерти? И есть ли вообще разница – быть живым или мёртвым?

- Погоди, Конотоп, - возразил Вам Кого. – Ты что, хочешь сказать, что мы уже умерли? Не верю. Маразм основан на человеческом подсознании, а в моём подсознании смерть выглядит совсем не так.

- Не путай сознание и подсознание. В твоём подсознании смерть невозможна, - сказал Конотоп. – Более того, у человека вообще нет никакого чёткого представления о смерти. Между прочим, это доказано опытами доктора Дмухана-Сквознимовского в пять тысяч семьсот шестьдесят первом году, да и мои эксперименты это подтверждают. Есть на свете хоть один человек, который побывал по ту сторону смерти и принёс такие свидетельства, которым можно верить? А добиться того, во что не веришь, невозможно. Так что нет, Вам Кого, мы не мёртвые, поскольку не смогли умереть. Мы в новой жизни, хотя я не вижу никакой разницы между жизнью и смертью.

- Хм... Но ведь степень маразматичности – количественная величина, - продолжал не соглашаться Вам Кого. – Как может быть, что при маразме в один Рах смерть возможна, а при семнадцати – нет?

- Во-первых, - пояснил Конотоп, – я не вижу тут противоречия, всё дело в вероятностях. А во-вторых – кто тебе сказал, что в обычной жизни, при одном Рахе, смерть возможна? Откуда ты знаешь, что там, за ней, не то же самое, что и здесь?

- Но я же... Хм... Да... - Вам Кого задумался на мгновение, опустив глаза, а потом вдруг махнул рукой:

- Ладно. Хватит уже философских дискуссий. Нам нужно принять решение, что делать дальше. И, поскольку от нашего решения зависят судьбы всей Вселенной, я бы сказал, что это решение политическое. А я вроде как Председатель Конгресса, да и в маразме кое-что понимаю, побыв в шкуре Хьюго. – Вам Кого снял шляпу, почесал свою дыру и водрузил шляпу на место. - Поэтому позвольте мне решить самому. Итак, если отбросить вариант с йокесами как абсолютно для меня неприемлемый, остаётся три альтернативы. Первое – копать землю в поисках кораблей. Вариант хороший, но против него есть существенные доводы. Сам Дурак копать уже пытался, и безрезультатно. Кроме того, этот вариант требует слишком много условий для благоприятного исхода. Мы должны откопать корабль, корабль должен оказаться пригодным для полёта и прилететь на нем мы должны именно на Эгозон. Всё это вместе кажется чрезвычайно маловероятным. Второе – искать Курский вокзал. Опять же, нам нужно сначала найти Курский вокзал, затем умудриться доехать на поезде до Байконура, потом полететь и так далее. Слишком сложно. Поэтому я выбираю случайный поиск. Будем искать до тех пор, пока случайно не наткнёмся на Эгозон. Тем более, если верить Конотопу, смерть нам не угрожает, и во времени мы не ограничены.

- На самом деле, не так уж и не ограничены, - уточнил Конотоп. – Неизвестно, во что превратится этот мир, когда пройдёт много времени и человеческие стереотипы будут полностью разрушены. Возможно, в этом мире просто перестанут существовать такие понятия, как отдельное существо, материальный предмет или даже абстрактные идеи. Так что в некотором смысле мы можем перестать существовать.

- Я согласен с Вам Кого, - подал голос Сам Дурак. – Случайный поиск выглядит наиболее разумным в теперешних условиях.

- Ну что же, - Вам Кого хлопнул руками по металлическим коленям, - раз возражений нет, то давайте двинемся в путь.

Мы встали и с воодушевлением зашагали по дорожке парка. Обстановка вокруг вносила умиротворение. Мимо проплывали тополя, берёзки, пальмы и кипарисы, над головами пели птички, летучие мыши и парочка крылатых лошадей, на которых я, впрочем, поглядывал с опаской, поскольку опасался осадков в виде навоза. И всё же природа, окружающая нас, настраивала на романтический лад.

- Конотоп, - нарушил я всеобщее молчание, - а почему ты сразу не заговорил со мной, когда увидел меня на Земле первый раз, возле интерната?

- У тебя на роже, Володя, был написан такой испуг, что я решил дать тебе время успокоиться. А что?

- Да так. А письмо, что ты послал – как оно умудрилось ко мне попасть? Неужели обычная почта доставила его по такому неточному адресу?

- Я посылал как обычно, - Конотоп недовольно взмахнул хвостом. – Да какая разница! Вот тебе совет, Володя – в маразме не вдавайся в детали, а то с ума сойдёшь.

- Кто-то мне это уже говорил, - пробормотал я. – Не помню.

Тем временем деревца вокруг нас уже поредели, и мы вышли на огромный, безграничный пустырь, по которому были разбросаны кучи разного мусора. Я почувствовал себя словно в музее. В одной куче моё внимание привлекла толстенная книга Агаты Кристи под названием «Заколебали», в другой – гигантское чучело козла.

Вам Кого тоже заинтересовался чем-то в одной из куч, улыбнулся и, подбежав к ней, извлёк из мусора небольшой предмет, в котором я узнал потёртую губную гармошку.

Он вытер её о рукав, набрал воздуха и мастерски исполнил мелодию «Боже, царя храни».

- Здорово! - воскликнул я. - Где это вы так наловчились?

- В самодеятельности. Я знаете, как в детстве в хоре балалаечников танцевал? Такие па выделял, что задние ряды рыдали.

Практически в ту же секунду Кентел подбежал к очередной груде мусора и стал карабкаться по ней наверх. Через мгновение он оказался на вершине, возле большого чёрного рояля, наполовину погружённого в обломки разной мебели. Он присел на сломанный стул, открыл крышку рояля и без всякой предварительной подготовки заиграл прекрасную музыку.

Я от удивления раскрыл рот и слушал, поражённый.

- Что вы удивляетесь? – тихо произнёс Вам Кого. – Кентел вообще всё умеет.

- А что это за музыка? – поинтересовался я.

- Соната Грига.

- А какая соната? – спросил я на тот случай, если мне впоследствии придётся поискать это произведение в Интернете.

- Володя! – воскликнул Вам Кого. - Ну как вам не стыдно? Вы же житель Земли! Как вы можете не знать, что у Грига всего одна соната?

И мне стало стыдно. Действительно – Вам Кого, для кого Земля была чужой, знал её лучше меня, а полусумасшедший Кентел умел играть земную музыку так, как я бы никогда не научился... Впрочем, он уже закончил.

Из-за соседней кучи строительных обломков вышел Сам Дурак.

- Есть предложение, - сказал он.

- Какое? – уточнил Вам Кого.

В ответ Сам Дурак показал рукой в сторону мрачного ржавого силуэта метра в ста от нас. Это был экскаватор, примерно такой же, каким было разрушено кафе «Зелёный дворник». Или, возможно, именно тот самый экскаватор.

- Кажется, с откапыванием кораблей становится немного проще, - сказал Сам Дурак. – Может, попробуем?

- Хм, - ответил Вам Кого. – А пуркуа бы и не па?

- Что? – переспросил Конотоп.

- Кто-нибудь умеет экскаватором управлять? – поинтересовался Вам Кого.

- Так это легко, наверно... - пробормотал я, приближаясь к ржавой машине. – Если, конечно, в нём бензин есть. Или на чём там экскаваторы работают?

Я по металлической лесенке залез в кабину, не имевшую ни одного целого стекла и, высунув голову в окно, спросил:

- А где копать-то?

- Да какая разница? – махнул рукой Вам Кого. – Где вам проще.

Я занял место оператора и почесал голову. Передо мной располагалось десятка два

металлических рычагов с разноцветными набалдашниками. Никаких надписей или картинок, которые бы проясняли ситуацию.

- Ну, ладно, - решил я. – Будем решать задачу перебором.

Я потянул на себя первый попавшийся рычаг, синий. Двигатель за моей спиной зарычал, и манипулятор с огромным ковшом начал медленно ползти вверх.

- Отлично, - пробормотал я.

Я вернул рычаг в прежнее положение, и ковш остановился в воздухе на высоте метров трёх.

- Э... - я озадаченно почесал нос. – А опустить-то как?

Я тронул второй рычаг, и ковш отвалился, переломившись в шарнире и упав на землю с громким ухающим звуком.

- Не то, - прокомментировал я и вернул рычаг на место.

Ковш взлетел с земли и прикрепился на своё законное место на шарнире.

Третий рычаг включал музыку, четвёртый – вентиляцию, а пятый – подогрев сиденья до температуры раскалённой сковородки, так что мне пришлось с нечленораздельным восклицанием подпрыгнуть на месте.

Повернув очередной рычаг, я заметил, как экскаватор качнулся и плавно поплыл вверх, поднимаясь в небо.

- Володя! – послышался из-за окна голос Вам Кого. – А может, вы так сможете до Эгозона долететь? Хотя нет, нет, не вздумайте, кабина же негерметична...

Я повернул рычаг назад, и экскаватор довольно-таки тяжело плюхнулся на землю.

Перебрав таким образом почти все рычаги, я, наконец, нашёл тот, который включал нечто наподобие автоматического режима. Ковш сам стал совершать сложные движения – опускаться вниз, загребать землю, подниматься, отъезжать в сторону и опорожняться на соседнюю кучу мусора. После этого надо было снова дёрнуть рычагом, и ковш, растворившись в воздухе, возникал на прежнем месте и всё начинал сначала. Дело пошло.

Перед экскаватором постепенно образовывалась достаточно глубокая яма с неровными краями, из которой я черпал всё новые порции тёмного грунта, напоминающего чернозём. Затем попались чьи-то кости, эмалированное ведро, перевязанное бечёвкой собрание сочинений хана Мамай на испанском языке, полтора велосипеда и, наконец, ковш упёрся в крышку огромного металлического ящика, находящегося на глубине пары метров под землёй.

- Может, это корабль? – послышался снаружи голос Вам Кого. – Володя, идите сюда, поможете открыть.

Я вылез из кабины и спрыгнул на землю. Мы с Вам Кого и Сам Дураком спустились в яму, вцепились в край крышки и постарались её приподнять.

- Раз, два, взяли! – скомандовал Вам Кого, и мы дружно заскрипели зубами и упёрлись ногами в землю.

- Не поддаётся, - подвёл я итог после минутного пыhtения.

Мы выпустили крышку из рук и переглянулись.

- Собственно, не очень-то это похоже на корабль, - заметил Сам Дурак.

В это мгновение крышка вдруг вздрогнула и взлетела вверх, перекувыркнувшись и рассыпавшись в воздухе в сноп мелких искр.

Из открывшегося отверстия быстро и напористо поплёрла толпа одинаковых людей в серых шинелях, касках и очках, вооружённых «шмайсерами». Они лезли и лезли, никак не кончаясь, изредка перемежаясь трёхколёсными мотоциклетами и очень быстро окружая нас со всех сторон. Последним вылез низкорослый лопухий очкарик с золотыми зубами и большими эполетами на плечах, который тащил за собой на верёвочке пластмассовый самосвальчик.

Он прошёлся перед нами туда-сюда. Рядом с ним перетаптывался с ноги на ногу ещё один фриц, худой и тощий.

- Кто они такие, Зигмунд? – спросил коротышка в эполетах.

- Не могу знать, херр Гроссман.

Херр Гроссман приблизился ко мне и взгляделся прямо в лицо, поблёскивая сквозь очки малюсенькими голубыми глазками.

- Этот вроде не еврей, - сказал он с сомнением.

- Не могу знать, - повторил Зигмунд, неуклюже пожав плечами.

- Но и на арийца не похож, - продолжил Гроссман. – А разве другие нации бывают?

- Ещё коммунисты бывают, - ответил Зигмунд.

- Русский я, - наконец решил я подать обиженный голос. – Беспартийный, но могу и того, вступить... Их бин плёхо говорить фашистский, ферштеен?

- Что он там лопочет, Зигмунд? – коротышка поправил очки.

- Должно быть, что-то романтическое, в духе Шиллера, - предположил тощий.

- Подозрительно, - Гроссман повёл носом и повернулся к Конотопу, который смотрел на него недобрым взглядом.

- Ну, этот-то точно еврей, - сказал Гроссман. - Посмотри на хвост. У арийцев разве бывают такие хвосты?

- Не могу знать, - отозвался Зигмунд.

- Расстреляйте всех, ради Бога,- Гроссман развернулся на месте и сложил руки за спиной.

Я хотел что-то ещё сказать, но ближайший фашист замахнулся на меня прикладом «шмайсера», и наступила темнота.

Глава 6. Чемодан

Никогда я не понимал расизма. Нельзя же ненавидеть человека только за то, что он еврей, русский или таджик. У каждой нации есть свои герои и злодеи. А теперь, когда я видел инопланетян, которые разительно отличались от всех земных жителей, мне и вовсе казалось, что человеческие национальности – несущественная мелочь, которая абсолютно ничего не значит по сравнению не только с мировой революцией, но даже и с тарелкой макарон по-флотски.

Вот, например, Ле Сист. Лидер фракции, но совсем не человек, а какая-то неудобоваримая смесь лошади и осьминога. Но он же хороший, разумный, вменяемый. То есть, нет, он не очень хороший и не то чтобы вменяемый, но ведь вовсе не потому, что он лошадь. Лошади вполне могут быть вменяемыми – нет, не в человеческом смысле, но, может быть, кто-то из лошадей намного разумнее Ле Систа, а про осьминогов я и вообще молчу. Так что щупальца совсем не признак идиотизма, скорее даже наоборот, но и то, что человек их лишён, ничего особенного не значит... Я запутался в рассуждениях и очнулся, пытаюсь понять, почему мои руки подняты вверх, и я не в состоянии их опустить.

Мы стояли возле длинной кирпичной стены, прикованные к ней цепями за запястья на расстоянии пары метров друг от друга. Сначала Кентел, потом Сам Дурак, потом я, следом Вам Кого, а затем и Конотоп, которому повезло меньше всех. Его для чего-то поставили на задние лапы лицом к стене, а передними приковали. Он вертелся, дёргал цепи и рычал, но ничего не мог поделать.

- Пришли в себя, Володя? – поинтересовался Вам Кого.

- Относительно, - ответил я. – Голова гудит. Что мы здесь делаем?

- Сейчас расстреливать будут, - вздохнул Вам Кого. - Конечно, вряд ли у них это получится, но, в любом случае, в мои планы это не входило.

- У меня меч остался, - сказал Сам Дурак, - но что толку? Придётся ждать.

- Чего ждать? – не понял я.

- Ну, чем-то всё это должно закончиться.

Я вздохнул. Хотел сказать, что у меня тоже флистер на поясе, но решил, что это снова будет выглядеть глупо, как и всё, что я обычно говорю.

Справа показалась колонна марширующих гитлеровцев с винтовками на плечах. Возглавлял их Зигмунд. Поравнявшись с нами, они повернулись налево и по его команде вскинули винтовки.

- Чёрт побери, надоело уже умирать, - пробормотал Вам Кого.
- Маленьки цыпляточки царап, царап за пяточки, - подтвердил Кентел.
- Огонь! – громко и пискляво скомандовал Зигмунд.

Последовал оглушительный выстрел. Одна из пуль ударилась о стену возле моей шеи. Я огляделся. Все стояли целенькие, переминаясь с ноги на ногу.

Зигмунд выглядел раздосадованным. Он пристально рассмотрел всех нас сквозь очки, не сдвигаясь, впрочем, с места, затем снова скомандовал:

- Заряжай!

У меня сильно зачесался нос. Я попробовал освободить руку, но кандалы держали крепко, так что пришлось ограничиться попыткой потереть нос о плечо.

- Огонь! – выкрикнул Зигмунд.

Последовал ещё один залп, и ещё одна пуля стукнулась о стену рядом со мной.

- Сколько это будет продолжаться? – проворчал Вам Кого. – Руки уже затекли, башка болит, и жутко хочется выпить.

Зигмунд снова принялся разглядывать нас, но на этот раз его внимание привлекло нечто, спускающееся сверху. Я тоже поднял взгляд и увидел, как между стеной и фрицами снижается большой ворох разноцветных воздушных шаров. Уцепившись за связку одной рукой, под шарами висел наш старый знакомый скелет в перчатках. Во второй руке он держал пистолет с длинным блестящим стволом. Ствол был направлен в середину строя фашистов, которые растерянно смотрели в небо.

Грохнул выстрел. Все немцы, включая Зигмунда, одновременно попадали на землю и не шевелились.

- Как это он так, одной пулей? – удивился я.
- Он же йокес, - ответил Сам Дурак. – Повезло.

Тем временем скелет на шариках постепенно поворачивался в воздухе, направляя дуло прямо на меня. И мне стало страшно. Ведь если йокесам всё время везло, то выстрел Естера мог тоже оказаться успешным, и кто знает, не наступила бы в результате для меня настоящая, окончательная и бесповоротная смерть.

Ствол полыхнул яркой вспышкой, что-то звякнуло сверху, и я почувствовал, как с меня свалились кандалы. Причём, судя по всему, не только с меня, так как Вам Кого тоже опустил руки, а Конотоп принял горизонтальное положение.

Я схватил флистер, направил прямо в скелета и выстрелил. В связке лопнул один шарик.

- Володя! – крикнул Вам Кого, пытаясь схватить мою руку. – Что вы делаете?
- А пусть почувствует, - огрызнулся я, - как это – когда в тебя стреляют.

Тем временем шары с йокесом относило в сторону ветром.

- Во всяком случае, он нам помог, - заметил Вам Кого. - Уж не знаю, сознательно или нет.

- Что вы имеете в виду? – спросил я, опустив флистер.

- Он стрелял в нашу сторону. Может, ему повезло, и попал он не в нас, а в цепи. Но чего он хотел добиться, неизвестно.

Шары со скелетом уже унесло довольно далеко. Мы собрались в кучку и двинулись в путь по тропинке, которая шла к вершине ближайшего холма.

- Мне кажется, вся эта история с фашистами, - сказал Вам Кого спустя минуту, - показывает, что нельзя менять планы. Решили вести случайный поиск – так и надо им заниматься, а не отвлекаться на экскаваторы и прочую ерунду. Где, интересно, мы находимся?

- Вон там написано, - Сам Дурак указал мечом вниз, к подножию холма.

Мы двигались к окраине небольшого городка, который был совсем не похож на Москву. Однако же, на ближайшем здании явно читалась надпись «Курский вокзал».

- Ну что же, - сказал Вам Кого воодушевлённо, - у нас есть отличная возможность проверить ещё один вариант действий. Попробуем поехать на Байконур?

- Вам Кого, - ответил Конотоп с иронией в голосе, - не ты ли только что говорил, что нужно держаться одного плана и не отвлекаться на экскаваторы и Курские вокзалы?

- Я политик, - махнул рукой Вам Кого. – Моё слово ничего не стоит. Так что давайте уже искать подходящий поезд.

Приблизившись к вокзалу и изучив расписание, мы увидели, что поезд Москва-Байконур отходит от платформы номер 761 через 20 минут. В кассе не оказалось очереди, и мы легко купили пять билетов в одно купе.

- А ничего, что в купе четыре места? - уточнил я у кассирши на всякий случай.

- Ну что вы, не поместитесь? – удивилась она. – У вас же один билет на кошечку. Да и вагон почти весь свободный, если что.

- Сама она кошечка, - прошипел Конотоп, когда мы отошли от кассы и направились на выход к поездам.

Вокруг царил традиционная вокзальная обстановка – проспиртованные бомжи, сомнительные полицейские, усохшие пирожки с начинкой неизвестного происхождения.

Голос с небес объявил громогласно:

- В связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья в расписание электропоездов вносятся изменения. Поезд отправлением...

- Удивительно! - перекричал Вам Кого динамик. – И платформа нужная на месте, и поезд. Как будто маразма никакого нет. Может, нам и вправду повезёт, и мы скоро будем на Байконуре?

- Хочу напомнить, - произнёс Сам Дурак, нахмурившись, - что нашей целью всё-таки является Эгозон.

- Хм, - ответил Вам Кого. – Ну, не всё же сразу.

Мы подошли к вагону, и Вам Кого протянул билеты проводнику в аккуратной синей форме – не то узбеку, не то таджику.

- Нельзя, - сказал он, замахав руками. – Тигр нельзя.

- Позвольте, - опешил Вам Кого. – Как нельзя? Билет же продали.

- Не понимать по-русски, - сказал проводник. - Тигр нельзя.

- Чёрт знает что, - сказал Вам Кого. – А может, вам можно заплатить? Даю две единицы, - и он достал из кармана свой приборчик для оплаты.

- Не понимать по-русски, - повторил проводник.

- А так? – уточнил я, протягивая ему тысячную купюру.

- Конечно, - проводник осклабился и посторонился, пропуская нас. – Тигр – он ведь тоже человек.

Мы втиснулись в вагон и нашли своё купе. Конотоп сказал, что внутрь он не пойдёт – слишком тесно, и улёгся в коридоре. Остальные сели вокруг столика.

- Хм, - сказал Вам Кого, постучав костяшками пальцев по столу. – Что-то уже есть хочется. Да и выпить не мешало бы. Володя, а вы не сгоняете за водочкой?

- Без проблем, - сказал я.

- И огурчиков, пожалуй, - добавил Вам Кого. – До отправления ещё пятнадцать минут. Я вышел из поезда и осмотрелся в поисках торговых точек. Обратился к проводнику:

- А где здесь еды можно купить?

- Не понимать по-русски, - ответил он.

Я вздохнул и поплёлся к концу платформы. Пройдя мимо палатки с шаурмой и газетного киоска, я уткнулся в забор. Повернулся обратно и попытался вернуться к поезду, но там тоже оказался забор. Пошёл направо, вдоль забора, который всё никак не кончался.

- Я идиот, - пробормотал я. – Ведь такое было уже. Тут ведь если уйдёшь, то совсем не

обязательно вернёшься...

Мне очень не хотелось снова оказаться одному. Внезапно забор кончился, и я увидел, что вышел на улицу возле огромного завода. У проходной подметал дорожку дворник в фартуке, в котором я через мгновение узнал чернокожего разведчика Пахома.

- Здравствуй, мил человек, - сказал он. - Куда путь держишь?

- Здравствуйте, - сказал я. - А не подскажете, где здесь водку можно купить и огурцы маринованные?

- Нигде, - ответил Пахом, улыбнувшись рядом белоснежных зубов. - Или везде, это уж как повезёт. Хочешь, я дам? Бесплатно.

- Даже и не знаю, - ответил я. - Теперь-то я знаю, что вы йокес. А йокесам доверять нельзя.

- Почему это? - удивился Пахом. - Или тебя кто из наших обидел?

- Ваш скелет хотел нас убить, - я шмыгнул носом.

- Йок? - Пахом рассмеялся. - Ну что ты! Йок и мухи не обидит. Это он шутил, должно быть. А если бы захотел, то убил бы.

Я вспомнил мёртвых гитлеровцев и подумал, что Пахом преувеличивает насчёт мух.

- Не веришь, я гляжу, - Пахом покачал головой. - А ты знаешь, почему Йок Естер - скелет? Он сказал, что мясо ему без надобности, йокесы всё равно не умирают. Срезал мясо и раздал голодным на планете Голопера. Так что зря ты так презрительно о йокесах говоришь... Есть, конечно, отщепенцы, - вздохнул он. - Вот Рубель, к примеру. Он тоже наш был, а потом откололся. Злобный, любил поиздеваться над другими. И женщинами чересчур увлекался.

- Что ещё за Рубель? - не понял я.

- Да демон один. Неважно. Ну что, будешь водку брать? Вряд ли где ещё найдёшь.

- Ну, давайте.

В руке Пахома из воздуха сформировался пакет, который он передал мне.

Заглянув внутрь, я обнаружил там две бутылки водки, большую банку огурцов и одноразовые стаканчики.

- Спасибо, - сказал я. - Что я вам должен?

- Ничего, - ответил он. - Я же слышал, как ты про Африку кричал. Молодец. Только я бы на твоём месте поторапливался, а то твой поезд уже уходит.

- Где? - забеспокоился я. - Как туда попасть?

Пахом усмехнулся и растаял в воздухе, а завод за ним внезапно расступился, и я понял, что стою прямо посреди платформы, а поезд медленно проплывает мимо.

Вот как раз проезжал тамбур моего вагона с тем самым узбеком-проводником, который смотрел на меня через открытую дверь.

- Эй! - крикнул я. - Возьмите меня! Я с этого поезда! У меня и билет есть.

- Не понимать по-русски, - ответил проводник.

Поезд набирал ход, и мне пришлось бежать довольно быстро, чтобы не отставать от тамбура.

- Как это сказать-то? - я попытался припомнить что-то из иностранных языков. - Фемина романа сум! Адым Айше!

Узбек не реагировал и попытался закрыть дверь.

Тут я достал из кармана тысячную купюру и помахал ей в воздухе.

- Как хорошо, что вы успели, - улынулся проводник, приглашая меня внутрь.

Я запрыгнул в поезд и отдышался. Двинулся по коридору в сторону купе, возле которого, поджав по себя лапы, царственно возлежал Конотоп.

- Вот и Ясоний пришёл, - сказал он. - Вам Кого, твои опасения были беспочвенны, - Конотоп повернул ко мне голову. - Вам Кого уж было решил, что ты решил сбежать вместе с водкой.

- Не обращайтесь внимания, Володя, - отмахнулся Вам Кого. - Это был типичный бред старого алкоголика, отлучённого от выпивки. Давайте её сюда, - я протянул пакет. - О, да вы

и стаканчиками запаслись. Предусмотрительно.

- Это не я, - ответил я, присаживаясь возле Вам Кого, напротив Сам Дурака. – Это Пахом. Он мне всё это дал. Он про йокесов рассказывал. Про то, что Йок Естер срезал с себя мясо и раздал голодным...

- Я слышал другое, - возразил Сам Дурак. - Говорят, он просто очень старый и мясо давно сгнило. А не умирает, потому что очень везучий. Он может даже развалиться на части, а потом собраться вместе.

- Ну, как бы то ни было, - Вам Кого торжественно откупорил бутылку, - а у нас есть водочка. Кентел, тебе не наливаю, ты с водкой непочтительно обращаешься.

Кентел, дремавший в углу, приоткрыл глаз и выдал:

- У Хуньдуня лица не было, но насверлили же дырок, - после чего закрыл глаз и тут же захрапел, уронив с головы греческий шлем.

- Нам больше достанется, - прокомментировал Вам Кого. – Сам Дурак, будете?

- Немного, - сказал Сам Дурак. – Что-то я тоже устал. Да и впечатление такое, что в маразме не очень важно, в какой ты физической форме.

- Не скажите, - возразил Вам Кого. - Тут очень важна уверенность. Чем больше человек в себя верит, тем проще ему добиваться цели. Вот у йокесов вера в себя стопроцентная. А если вы будете относиться к себе, как к мешку с жиром, то какая уж тут уверенность?

- На самом-то деле, - сказал Конотоп из коридора, – все мы, по сути, бурдюки с водой, которые пытаются размножаться до того, как окончательно усохнут. Вам Кого, налей и мне уж. Валерьянки я тут вряд ли дождусь.

Мы все, включая Конотопа, который аккуратно ухватил свой стаканчик когтями, чокнулись и выпили. Было хорошо. В открытое окно залетал свежий ветерок, развевающий раздвинутые занавески.

- За что пили-то? – уточнил я, вытащив из банки огурчик.

- Хм. Ну, пускай за Байконур, - ответил Вам Кого.

- Председатель, - сказал Сам Дурак. – Вы уж простите, я человек военный и привык выполнять приказы. Но позвольте мне высказать своё мнение.

- Конечно, - кивнул Вам Кого. – Здесь все свои.

- Я думаю, что мы зря едем на Байконур. Я провёл на Земле уже достаточно много времени, чтобы понять, что в лучшем случае мы там найдём устаревшие ракеты, неспособные на гиперскачок. А в худшем – вообще ничего не найдём, поскольку маразм всё сильнее.

- Возможно, вы и правы, - вздохнул Вам Кого. – Но нам нужна какая-то ясная цель. Нужно верить. Да, я согласен, что до возникновения маразма с Байконура мы бы не смогли никуда улететь. Но ведь что первое приходит в голову людям на Земле, когда они думают о космосе? Многим – Байконур. Так что вероятность найти космический корабль там всё-таки больше.

- А я скорее соглашусь с Сам Дураком, - вставил Конотоп, обмахиваясь хвостом. – То есть вы оба по-своему правы, но ничего особенного я от Байконура не ожидаю. И вот почему. Знаете, особенности маразма мне напоминают один принцип квантовой механики. Володя, ты человек образованный, ты должен помнить. У вас он называется принципом неопределённости Гейзенберга. Знаешь формулировку?

- Не помню, - встрепнулся я, услышав своё имя. – То ли «Гейзенберг, в принципе, не определён», то ли «Гейзенберг не определён в принципе»...

- Ну, ты даёшь, - крикнул Конотоп. – По сути, этот принцип утверждает, что в квантовом мире невозможно одновременно узнать о частице всё. Можно либо скорость, либо координаты, но не то и другое одновременно. Потому что своими измерениями ты сам влияешь на частицу. С маразмом то же самое. Желая чего-то добиться, ты влияешь на свою цель и искажаешь её, поскольку воздействуешь на неё неосознанно множеством различных способов. Даже если мы приедем в Байконур, то это будем не совсем Байконур, и если мы с него улетим, то не совсем на Эгозон, и Плита окажется не совсем та, и так далее. Хотя,

конечно, это только теория, а что случится на самом деле, предсказывать дело неблагоприятное.

- Эх! - сказал Вам Кого. – Надо ещё выпить.

Пока Вам Кого разливал, я бросил взгляд в окно. Вдоль путей тянулся длинный пустырь, над которым покачивалась безграмотная и грустная надпись «Цырк», написанная огнём прямо в воздухе.

- Если так рассуждать, - заговорил Вам Кого, осушив стаканчик, - то вообще что-либо делать бесполезно. И, когда я пытался покончить с собой, то так примерно и думал. Но со временем у меня появилась надежда, что всё это произошло не зря, что есть во всем этом скрытый смысл. Может, и маразм этот нужен просто для того, чтобы мы чему-то новому научились.

- Кстати, - вставил я. – Я помню, как вы тогда вошли в холодильник со странными словами, смысл которых я не понял. Что-то про брата Али.

Вам Кого опустил взгляд в стол.

- Не Али. Абы, - тихо произнёс он и замолк на секунду. – Об этом почти никто не знает. И я не думал, что когда-то об этом расскажу кому-нибудь. Впрочем, сейчас уже нет смысла хранить секреты, тем более от вас, - Вам Кого вздохнул, налил себе полный стаканчик с горкой и залпом выпил. – Это было давно. Я тогда был молод. И был у меня брат. Мы с ним были похожи, почти как близнецы, хотя он был на два года старше. Разве что он был брюнетом, а я блондином. Но характерами мы различались сильно. Я предпочитал одиночество, книги и покой. Он любил драки, авантюры и девчонок – ну, а потом женщин. Впрочем, не только женщин. Когда ему стукнуло семнадцать, он уже всю занимался плотскими утехами со всеми без разбору. Женщины, мужчины, даже животные – его тянуло на всё. Он имел огромную силу обольщения, и сам увлекался каждым новым романом, хотя и ненадолго. Он был импульсивен не только в сексе, но и во всём остальном. Он мог вдруг сорваться с места и уехать на другой конец Галактики, а то и Вселенной, поскольку хотел взглянуть на какую-то диковину или ввязаться в очередную сомнительную историю. Он мог заработать кучу денег, играя в азартные игры, а потом всё спустить, купив, скажем, тонну цветов своей очередной возлюбленной. Он мог украсть и не терзался муками совести. Думаю, что мог и убить, хотя точных фактов, что он это делал, у меня нет. Он был проклятием нашего рода. Как только речь заходила о нашей семье, все сразу вспоминали – а, это те самые, у которых парень попортил всю мою скотину. Или что ещё хуже. Я боялся Абы, но одновременно и восхищался им. Он ничего не боялся. Однако поскольку мы жили на Моуди, а там тогда порядки были намного жёстче, даже чем сейчас, то брат мой оказался вне закона. Хотя бы потому, что мужеложство на Моуди считалось опасной болезнью и подлежало принудительному лечению. Несколько раз Абы помещали в психбольницы, и каждый раз он сбегал. Потом мне посчастливилось встретить Чебура Раха – да, вашего с Кентелом отца, - кивнул он Конотопу, - и он уговорил Абы лечь к нему в клинику. Он пробыл там несколько месяцев, и мы видели улучшения. Во всяком случае, агрессии и желания бунтовать поубавилось. Однако в один прекрасный день Абы из клиники исчез. Я отправился искать его, и, основываясь на слухах, где и когда его видели, добрался до Земли. Здесь и настигло меня известие о его смерти.

Вам Кого замолчал, словно собираясь с духом, и разлил всем остатки спиртного из первой бутылки.

- Тогда я подробностей не знал, но сам факт гибели брата меня шокировал. Я в первый раз напился. Я мотался по Земле, знакомился со случайными людьми, творил чёрт знает что – почти как мой брат, и больших трудов мне стоило прийти в норму и заставить себя вернуться к жизни. Как раз тогда я решил бросить работу и отправиться на Эгозон, в политику. Тогда я наивно полагал, что смогу изменить законы, чтобы они были не такими жестокими по отношению к людям, похожим на моего брата. Но много времени прошло с тех пор, и теперь у меня уже совсем другие ценности.

- А как он погиб? – спросил я.

- Какая-то глупость, - вздохнул Вам Кого. - Зачем-то прилетел на Моуди, залез в монастырь Синего Пламени, стал обхаживать монашек одну за другой. Настоятельница вызвала полицию. Поскольку он был в розыске, понаехала чуть ли не целая армия. Он скрылся в церкви, а во время её штурма пытался бежать, был ранен в ногу и упал в пламя священного костра. Это примерно как у вас вечный огонь, только огромный и зажжён якобы от настоящего Синего Пламени. Так что через некоторое время мне выдали всё, что осталось от моего брата – кучку пепла.

По лицу Вам Кого текли слезы. Он дрожащими руками откупорил бутылку и разлил по стаканчикам.

- Не чокаясь, - сказал он. – По земному обычаю.

Выпили молча. Вам Кого вытер слёзы и неожиданно взбодрился.

- А всё-таки, - сказал он, - в политике я кое-чего добился...

- В этом никто не сомневается, - подтвердил Конотоп. - Если бы не ты, никакого маразма не было бы.

- Кто бы говорил, - хмыкнул Вам Кого, отворачиваясь от Конотопа. – Да если бы не ты... О Боже!

Он вздрогнул, отшатываясь от окна.

Сквозь раскрытое окно к ним пыталось залезть розовое чудище с толстым хоботом, огромными ушами и глазами-пуговицами.

- Слона купите! – послышалось из-за окна.

Поезд, похоже, встал на одной из станций, и с перрона кучка людей настойчиво пихала в наше окно ворох плюшевых игрушек.

- Возьмите медведя ребёнку! Собачка хорошая! А вот Буратино, двойной шов! – кричали они.

- Жуть какая! – пробормотал Вам Кого и захлопнул окно.

Через минуту поезд тронулся, но люди всё продолжали прижимать к стеклу разноцветных плюшевых уродцев.

- Иногда маразм принимает странные формы, - изрёк Конотоп.

Я влил себе в рот немного водки из стаканчика и рассеянно подумал о странных формах. Ведь и правда, некоторые предметы имеют форму продолговатую – как, например, Останкинская башня, этот огурчик – последний, кстати - или Конотоп Рах. А другие предметы более округлы: например, Кентел, розовый шарик из головы Вам Кого или другой шарик, один из тех, на которых прилетел на наш расстрел Йок Естер...

- И всё-таки я не понимаю, - сказал я. – Йокесы – они плохие или хорошие? Цирикс пыталась мне сделать укол с красивыми пятнышками, а потом не стала меня убивать. Скелет этот сначала кидал в нас бомбочками, а потом от фашистов спас. Они шпионили за Так Его, но они же дали нам водку и огурчики. Не понимаю.

- Ну, огурчики-то уже кончились, - ответил Вам Кого. - А закусывать чем-то нужно. Вот в этом как раз и заключается самое паршивое в йокесах – непредсказуемость.

- Прошу прощения, - донеслось из-за двери.

У входа в купе стоял, улыбаясь, розовощёкий толстенький человечек с кудрявыми светлыми волосами, который держал перед собой две большие тарелки.

- Меня зовут Свен. Я случайно услышал, что у вас кончилась закуска, - сказал он. – Дело в том, что я вегетарианец и постоянно вожу с собой запасы овощей и небольшую походную мельничку. Сегодня я распутывал одно сложное дело и, задумавшись, намолот слишком много моркови и свёклы. Боюсь, что не съем, и она пропадёт. Примите, пожалуйста, в дар.

Вам Кого вскочил, пошатываясь, пролез мимо меня, взял у Свена тарелки и, поклонившись, ответил:

- Благодарим покорно. Это очень кстати. Спасибо.

- Приятного аппетита. Рад быть полезным, - Свен удалился, не спуская улыбки с лица.

Вам Кого присел на край диванчика и по непонятной для меня причине находился в

состоянии крайнего изумления.

- Надо же, - пробормотал он, потом потряс в воздухе кулаком и добавил: - Если при мне кто-то ещё когда-нибудь произнесёт слова «интеллектуальная собственность», немедленно получит по морде!

- А при чём тут интеллектуальная собственность? – спросил я.

Вам Кого влепил мне ощутимую, совсем не стариковскую, оплеуху.

- А! – вскрикнул я. – За что?

- Простите, Володя, - сказал Вам Кого, - но я – человек слова.

Я пошевелил челюстью – вроде на месте - и обиженно отодвинулся к окну, отвернувшись.

Слёзы выступили на моих глазах. Почему все всегда мной помыкают? Принижают моё человеческое достоинство, обзываются, а теперь ещё и бьют. Поезд потихоньку замедлял ход перед очередной станцией, и в моей голове возникла шальная мысль – а что если потихоньку сойти?

Зачем мне бессмысленная погоня за Семнадцатой Плитой? Что я забыл на Байконуре? Какая, в конце концов, от меня польза в этой разношёрстной компании шизиков, где никто меня не ценит? Хотя нет, Сам Дурак нормальный, но сути дела это не меняет. Мне давно пора было прийти домой и начать готовиться к пересдаче. Конечно, может так случиться, что в связи с произошедшими в мире событиями никакой пересдачи не будет, но ведь вероятность-то не нулевая. А если не будет экзамена, то я и подавно смогу найти тысячи способов потратить время с большей пользой, чем ехать на Байконур, хлеща стаканами водку. Могу книжку почитать, к примеру. Или написать. Между прочим, отличная идея – ведь мало кто может похвастать такими приключениями, которые переживаю сейчас я. А могу просто попутешествовать. В мире так много мест, где я ещё не был. Вот, к примеру, за окном проплывает тихая невзрачная платформа с надписью «Конаково ГРЭС». Нет, здесь я, кстати, был - знакомое название. Ездили как-то с родителями отдыхать, шашлык жарить. Отличное место – Волга, пляж, сосновый бор...

Вам Кого что-то говорил о достоинствах тёртой свёклы, преподнесённой скандинавом-вегетарианцем.

- Мы не на Байконур едем, - произнёс я.

- Что? – Вам Кого обернулся ко мне.

- Наш поезд на север идёт, - ответил я. – Причём какой-то невозможной дорогой.

- Что ты имеешь в виду?

- Я был на этой станции, - кивнул я в сторону окна. – Она находится к северу от Москвы, в тупике железной дороги. Не знаю, как мы сюда попали, но Байконур точно не в этой стороне.

Вам Кого поглядел на меня осоловелыми глазами и встал, прихватив с собой недопитую бутылку.

- А вот мы сейчас выясним, - сказал он.

- Какая разница вообще, куда мы едем? – тихо пробормотал Сам Дурак.

Вам Кого вышел в коридор, чуть не наступив Конотопу на лапу. Огляделся.

Направился к купе проводника, я – за ним. Постучал, открыл дверь. Никого. Купе было доверху завалено тряпьем.

- Куда он подевался? – проворчал Вам Кого, и мы направились обратно по коридору. Вам Кого открывал все подряд двери, обнаруживая, что ни в одном купе никого нет. Мы прошли мимо Конотопа, и тот, поднявшись на лапы, присоединился к нам:

- Вы что собираетесь делать?

- Это безобразие, - сказал Вам Кого. – Едем не пойми куда, и претензии предъявить некому.

Сам Дурак вышел из купе, держа меч на изготовке.

- Надо найти проводника, - сказал Вам Кого, нетвёрдо держась на ногах. – Или, ещё лучше, машиниста. В какой стороне у нас паровоз? Ага...

И мы дружно двинулись к голове состава.

Следующий вагон оказался таким же пустым, как и наш. И ещё один. И ещё. В окнах мелькали деревья, причём всё быстрее и быстрее – поезд разгонялся. Пройдя очередной тамбур, мы вдруг очутились в помещении, которое напоминало скорее вагон электрички. Сидячие места группами по шесть человек были сплошь забиты старухами в платочках. Старухи выглядели совершенно одинаково, словно горошины из одного стручка. Они синхронно трясли головами, размахивали руками и пели заунывную песню про молодого казака, который гуляет по Дону.

- У меня от такого мороз по коже, - признался Вам Кого, быстро шагая по проходу.

Вагон закончился, но следующий тоже оказался сидячим – правда, совсем пустым. Только в его начале стоял одинокий человек, который держал в руках прозрачную пластиковую линейку и с придурковатыми интонациями декламировал в пустоту примерно следующее:

- Предлагаю вашему вниманию товар, который пригодится в каждом доме. Это так называемая линза Френелли. С её помощью можно читать мелкий текст – например, инструкции к лекарственным препаратам, аннотации, рекламации и приписки к договорам. В магазинах «Фрукты-овощи» такая линейка с линзой может стоить от тысячи до двух тысяч рублей. Я же предлагаю вам эту линейку по рекламной цене в полтора рубля и даю ещё двести рублей в придачу, чтобы вы забрали у меня этот хлам.

Мы миновали продавца, и Вам Кого на бегу прокомментировал:

- Эта страна, а может, и вся планета, погибнет от собственной безграмотности. Какой Френелли, к чёртовой матери? Огюстен Жан Френель бы в гробу перевернулся.

- Надо было купить, - сказал я. – Двести рублей бесплатно дают.

- В маразме чего только не встретишь, - отозвался Вам Кого, пробегая следующий вагон. – Я когда от каравана откололся, видел ларёк, в котором сушёных червей продавали всего по рублю мешок. Тоже потом жалел, что не купил – Свази бы накормили.

На этих словах он уткнулся в закрытую дверь, которой заканчивался вагон. Должно быть, мы добрались до кабины машиниста. Вам Кого безрезультатно подёргал дверь, потом извлёк из кармана открывашку и за пару секунд вскрыл замок.

Мы ворвались в просторную кабину, в которой не было ни души. Только на абсолютно неуместном для кабины поезда автомобильном руле была скотчем приклеена табличка: «Ушёл в отпуск». Неуправляемый поезд нёсся вперёд по каменистой местности, лишённой всяких рельсов.

- Что делать-то? – засуетился Вам Кого. Оторвал табличку, подёргал руль.

- Вы отклонились от курса «Курский вокзал – Байконур», - донёсся приятный женский голос со стороны приборной панели. Я бросил взгляд вправо и увидел небольшой GPS-навигатор, подвешенный к стеклу. На экране настойчиво моргала стрелочка, указывавшая верное направление.

- Это упрощает дело, - сказал Вам Кого и уверенно сел за руль.

- Поверните налево, - скомандовал навигатор.

Вам Кого послушно повернул руль, и поезд стал отклоняться левее, в сторону асфальтового шоссе, которое тянулось невдалеке, то взбираясь на скалы, то спускаясь с них.

- А не лучше ли затормозить? – предложил Сам Дурак.

Вам Кого пошарил ногами в поисках тормоза. Видимо, не нашёл, и дёрнул ручник. Тот моментально отвалился вместе с коробочкой, из которой торчал.

- Фикция, - пояснил Вам Кого. – Муляж.

Не снижая скорости, мы выскочили-таки на шоссе.

- Займите крайнюю правую полосу, - сказал навигатор.

- Мы и так на крайней правой, - возразил Вам Кого.

- Через сто метров поверните направо, - продолжал навигатор.

Вам Кого резко крутанул руль, и мы с трудом вписались в поворот.

«А как же вагоны, которые едут за нами?» - мелькнула у меня мысль. – «Они-то

наверняка не смогли повернуть». Я бросил взгляд в заднее стекло и не увидел никаких вагонов – только крышку багажника.

- Не вертитесь, Володя, - сказал Вам Кого. – И пристегните ремень.

- А поезд где? – произнёс я, щелкая замком. – И где Кентел?

- Он в купе остался, - ответил Конотоп, разлёгшийся на заднем сиденье, сильно потеснив Сам Дурака. – А где теперь купе, неизвестно. Ничего – Кентел в маразме не пропадёт.

Машина мчалась всё быстрее, приближаясь к чёрному отверстию в горе.

- В тоннеле не забудьте включить ближний свет фар, - подсказал навигатор.

Вам Кого поискал подрулевые переключатели, не нашёл и чертыхнулся. Мы влетели во мрак на сумасшедшей скорости.

- Ничего не вижу, - пробормотал Вам Кого. – Хотя нет – вон какая-то лампочка.

И действительно, навстречу нам из мрака приближался яркий свет. Уже вблизи я понял, что это головной фонарь несущегося навстречу локомотива, и втянул голову в шею. Меня швырнуло вперёд, ремень вонзился в грудную клетку, к голове прилила кровь, и я полетел куда-то сквозь грохот, тьму и осколки пластмассы.

Шлёпнувшись на мокрый холодный пол, я проскользил пару метров и, двигаясь на четвереньках в абсолютном мраке, начал ползти по туннелю, надеясь найти выход.

Моя рука наступила на что-то тёплое, костлявое.

- А! – вскрикнул незнакомец. – Кто здесь?

- Это я, Володя, - ответил я. – А вы кто?

- Это я, Володя, - ответили из тьмы.

Я догадался достать из кармана мобильник и посветил. Это и вправду был Володя – тот самый, который в компании его братьев по разуму искал станцию «Парк Культуры». Он тоже стоял на четвереньках и смотрел прямо на меня. Мне стало не по себе, и я погасил экран мобильного, после чего пополз дальше. Володя сопел рядом, чуть позади. Минут через двадцать я догадался подняться на ноги, а вскоре увидел впереди неясный свет и зашагал быстрее.

Наконец я вышел к освещённой и переливающейся всеми цветами радуги станции метро. Взобравшись на платформу, я увидел Сам Дурака, Вам Кого и Конотопа, а также ещё шестерых человек, тех самых, которые путешествовали вместе с моим тёзкой.

Вам Кого подманил меня пальцем. Когда я приблизился, он подмигнул мне, словно заговорщик, и громко зашептал:

- У меня появилась идея. Помните, в прошлый раз эти люди в поисках «Парка Культуры» приехали к нам на корабль? Я хочу к ним присоединиться и попробовать повторить тот же номер. Как вам это, Володя?

- Неплохо.

- Голь на выдумки хитра, а? – Он снова подмигнул.

- Две бомбы в одну воронку не падают, - подтвердил я. – А куда они собираются? Всё ещё на «Парк Культуры»?

- Сейчас узнаем. Молодой человек!

Вам Кого направился к Володе, который как раз присоединился к своей группе и что-то объяснял, размахивая руками.

- Да? – отозвался он, поворачиваясь к Вам Кого.

- Простите моё любопытство, - сказал Вам Кого. – Если не секрет – куда вы путь держите?

Володя пошевелил своим курносый носом и неуверенно ответил:

- По-по-понимаете ли, в чем дело... Мы вообще-то «Парк Культуры» ищем. Но у нас не получается. И мы подумали, то есть я предложил, если вы, конечно, не против, присоединиться к вам, как к людям, не связанным п-проклятием блуждания, чтобы, в конце концов, оказаться хотя бы где-нибудь, откуда мы могли бы найти дорогу к «Парку Культуры».

- Вам повезло, - улыбнулся Вам Кого. – Мы как раз тоже ищем «Парк Культуры». В некотором смысле.

- Замечательно, - кивнул Володя. – Тогда мы с вами.

К платформе подошёл синий с полоской поезд метро. Открылись двери.

- Поехали, - сказал Вам Кого.

- Там «Парк культуры»? – уточнила полная женщина грозным голосом.

- Очень на это надеюсь, - ответил Вам Кого.

Мы все зашли в вагон. Двери закрылись. Голос из динамиков объявил:

- Это была станция «Октябрьская», конечная. Поезд отправляется в парк.

Состав тронулся в путь.

Глава 7. Посреди океана.

У каждого человека есть свои фантазии. Маленький мальчик воображает, что он вырастет и станет бюрократом, чтобы брать взятки и никому ничего не разрешать, как сейчас ему ничего не разрешает мама. А мама представляет себя агентом разведки красных кхмеров, которому поручили пробраться в тыл врага и прожить там десять лет, да так, чтобы никто не догадался, что он – шпион, а вовсе не измученная бытом бледнолицая домохозяйка. Невзрачный и толстый сосед сверху в своих мечтах видит себя соблазнительной стриптизёршей, которая пришла к нефтяному магнату, чтобы его очаровать и получить в награду полцарства. А сосед снизу считает, что он – ничтожество, хотя те рисунки, которые он царапает по ночам углём на обожжённых фанерках – гениальны.

И вот все они живут, погружённые каждый в свой мир, и выходят иногда из квартир наружу, и миры их сталкиваются, словно галактики, и последствия этих столкновений невозможно ни предсказать, ни предотвратить.

Те семь человек, которые скитались по свету в поисках «Парка Культуры», тоже были очень разными, и в каждом точно так же открывалась своя бездна.

Старый убеждённый коммунист Илья Владимирович, чьи руки тряслись, а брови неустанно шевелились, то приподнимаясь удивлённо, превращаясь в галочку из инвентарной книги, то обвисали, как налившиеся колосья пшеницы, то выстраивались в строгую линию, как орденские планки на его груди, был весь словно на ладони. Он ничего не скрывал, резал правду-матку и отрицал всё, чего не понимает.

- Мы обязательно найдём «Парк Культуры», - говорил он. - Это просто какая-то ошибка, и в своё время за неё обязательно кто-то понесёт ответственность. Либо виноваты начальники в «Метрострое», которые по неосторожности снесли станцию, а потом побоялись это признать и запутывают следы, либо это происки троцкистов, которые прибыли на подводной лодке из Сибири и нарыли подземных ходов, чтобы уничтожить Советскую власть и ввести в заблуждение нас – простых честных тружеников. Ведь как всё началось? Можно сказать, обыденно. Мы все не планировали совершать ничего предосудительного. Зашли в вагон метро на станции «Октябрьская». Не толпились, не шумели, вели себя как порядочные граждане. Девушка с зонтиком мне место уступила из уважения к моим годам. И то, что после станции «Октябрьская» оказалась вдруг «Павелецкая», абсолютно несправедливо и противоречит всем международным соглашениям. Слава Богу, что мы вышли из поезда и, собравшись вместе, обсудили всё коллегиально. Теперь все мы – свидетели, и можем подать на виновных в суд.

Эдуард Валентинович, полноватый и лысоватый мужчина в очках и потрёпанном пиджаке, надетом поверх замызганной майки, считал себя интеллигентом и потому полагал, что всегда должен иметь своё мнение по любому вопросу.

- Всё это легко объяснить с научной точки зрения, - провозглашал он, поправляя очки.

– Скорее всего, это обыкновенная аномалия. Должно быть, пространственная. А может, временная. Или магнитная. А может статься, что и все три одновременно. Поэтому нам нужно тщательно документировать наши наблюдения, - при этом он доставал блокнотик и начинал записывать в нём последовательности загадочных сокращений, которые потом ни за что не смог бы разобрать.

Антипов, маленький небритый мужичок в невзрачной телогрейке, слабо интересовался научными теориями.

- А я знаю, что это такое, - хмуро изрекал он, глядя всё время куда-то вниз. – Это всё самая настоящая херня. Мне вот надо было на «Парке Культуры» с другом встретиться, он мне электромотор обещал притащить почти новый. Не встретился, ну и херня это всё. Сдался мне этот мотор... И закончится всё тоже полной хернёй, вот попомните моё слово.

Володя, по непонятной причине возглавлявший эту странноватую процессию, напротив, почти всё время улыбался, смущался и заикался, хотя говорил при этом убеждённо:

- Я уверен, что это специальное п-проклятие, наложенное на нас опытным специалистом в области чёрной магии. В наше время уже т-трудно отрицать, что экстрасенсорные способности вполне могут существовать. И вполне п-понятно, что какому-то недоброму магу з-захотелось наложить на нас заклятие блуждания. Осталось т-только понять, зачем.

Толстая женщина в бесформенном пёстром балахоне, которую никто не называл иначе как товарищ Крыленко, всё время чесала у себя то под мышками, то сзади, то между ног и повторяла громовым голосом:

- Это безобразие! Это всё нужно немедленно прекратить! Мы им что, подопытные кролики? Да мы крупнее любого кролика в десять раз! Я, между прочим, на «Парке Культуры» живу. У меня там все продукты протухнут. Кто ущерб возместит?

Задумчивый и медлительный парень с магнитолой на плече по имени Константин бубнил невнятно:

- Я уже находился в изменённом состоянии сознания. Очень похоже. Мы там, в вагоне, получили сильную дозу галлюциногенного вещества, и теперь коллективно глючим во всех измерениях. Но самое страшное будет, когда нас отпустит. Ломка, все дела, и ещё неизвестно, где и кем мы окажемся. Нам надо «Парка Культуры» держаться. Если думать о чём-то другом, свихнёшься наверняка. Только «Парк Культуры». С него всё началось, он самый достоверный.

Девушка в больших очках, имени которой никто не знал, и все стеснялись спросить, подтверждала:

- Мы очень мало знаем об окружающем мире, и, скорее всего, сейчас открываем его новые горизонты, как когда-то Дарвин придумал теорию эволюции, - впрочем, она тут же вдруг заливалась слезами, и громко всхлипывая, причитала:

- Я домой хочу!

Вся эта компания, пытаясь добраться до пункта своего назначения, умудрилась побывать в джунглях Африки, на борту японской подводной лодки, возле Великой Китайской стены, в подземном городе огненных карликов и даже, как мы видели, в космосе, но, похоже, ничуть не приблизилась к «Парку Культуры». Поэтому она примкнула к другой компании, нашей, которая, в свою очередь, безуспешно стремилась попасть на планету со странным названием Эгозон.

Пока из нашего симбиоза ничего путного не вышло. Мы долго и мучительно ехали в поезде по тёмному тоннелю метро, успев за это время перезнакомиться и обменяться мнениями по разным вопросам, в результате чего у нас всех была возможность усомниться в чужой и собственной вменяемости. Затем мы выехали из тоннеля, оказавшись в глинисто-песчано-каменистой пустыне, и некоторое время двигались по ней, пока колеса нашего вагона не увязли в песке. Мы вынуждены были выбраться наружу, выяснив при этом, что ни других вагонов, ни локомотива поблизости нет, как нет и следов какой-либо цивилизации в

пределах прямой видимости. Поэтому мы побрели по пустыне под ярким палящим солнцем в случайно выбранном направлении, представляя собой жалкую вереницу утомлённых от долгого пути тел.

Конотоп шёл рядом со мной, с трудом передвигая лапы.

- Когда же эта жара закончится? – роптал он. – У меня вся шерсть от пота слиплась.

- Кошачьи не потеют, - заметил я, облизав потрескавшиеся от жары губы.

- Нет уж, Володя, - резко отреагировал Конотоп. – Я всё равно буду потеть. Во-первых, если я перестану потеть, то сдохну от этой чёртовой жары. Во-вторых, я не доверяю твоим знаниям, почерпнутым из Википедии.

- А откуда они, по-твоему, должны быть почерпнуты? – возмутился я. – Из Твиттера, что ли?

- На мой взгляд, - сказал Конотоп, - самый правильный путь получения знаний – это опыт. Свой собственный или тех людей, которым ты доверяешь.

- А ты сам-то себе доверяешь? – усмехнулся я.

- Нет, - ответил Конотоп. – Но в данном случае это неважно.

Ещё некоторое время шли молча. Солнце начало клониться к горизонту, и я вдруг задумался о двух вещах сразу. Во-первых, прошло уже много времени с тех пор, как я последний раз брился, а у меня так и не выросла борода. Что бы это значило? Гормоны в маразме не действовали, что ли? Или это моя привычка – не быть бородатым? Во-вторых, впервые за очень долгое время наступал вечер, а за ним, может быть, и ночь. Значит, вполне возможно, что мне удастся, наконец, поспать. А может быть, мы все просто проснёмся, и то, что произошло с нами, окажется обычным сном?

- Конотоп, - спросил я, – а что такое сны? С точки зрения маразма, я имею в виду.

- Я думал об этом, - ответил Конотоп. – Во сне у тебя нет сознания, но подсознание – есть, и ты по-прежнему можешь влиять на окружающий мир. Примерно так же, как влияют все неодушевлённые предметы. Так что в некотором смысле во сне ты превращаешься в камень.

- Бр-р, - отозвался я. – Не очень приятное сравнение.

- Ну, тогда в зеркало, - сказал Конотоп.

И снова шли молча. Когда Солнце опустилось уже довольно низко, Вам Кого предложил устроить привал. Поскольку ночью обычно бывало холоднее, чем днём, решили на всякий случай соорудить костёр, чем мы с Сам Дураком и занялись. Он нарубил мечом несколько корявых деревьев, которые росли то там, то здесь по пути нашего следования. Я попробовал поджечь дрова флистером, но с этим возникла проблема. Как только я стрелял очередную ветку, она рассыпалась в пепел вместо того, чтобы вспыхнуть. Когда я перевёл таким образом половину дров, выяснилось, что у Антипова есть спички. Скоро мы разожгли оставшуюся кучку, и все расположились вокруг, кто как мог.

Огонь разгорелся ярко. Искры плясали в воздухе, языки пламени принимали причудливые формы, и это располагало к тому, чтобы расслабиться и отдохнуть.

- Хорошо! - констатировал Илья Владимирович. – Только вот заняться совсем нечем. Ни книжки почитать, ни газеты. Молодой человек, - обратился он Константину, - может, музыку включите? Только не современную, а какую-нибудь более внятную с идеологической точки зрения.

- Она не работает, - пробубнил Константин, так и сидя с магнитолой на плече. – Я уже говорил.

- Жалко. Может, обсудим что-нибудь интересное?

- Может быть, как добраться до «Парка Культуры»? – предложил Вам Кого.

Илья Владимирович отмахнулся.

- Я за многие месяцы блужданий уже понял, что строить планы в данном случае совершенно бесполезно. Как добраться, в целом ясно. Понять, где ты, потом выбрать путь и дойти. Не получается. В мире шатания и разброд, никакой генеральной линии. Даже понять, что за местность, невозможно. Не удивлюсь, если увижу египетские пирамиды на северном

полюсе. Так что и обсуждать это смысла нет... А знаете что? – его брови приподнялись, и глаза заблестели. – Давайте рассказывать друг другу разные истории. Что с кем в жизни интересного было. Ну, или просто байки, притчи. У кого что.

- Хм, - сказал Вам Кого. – Может оказаться любопытно. Давайте попробуем.

- Ну, тогда я для затравки и начну, - Илья Владимирович откашлялся и заговорил. – Произошёл со мной один загадочный случай году эдак в семьдесят седьмом. Славные были времена. Я тогда работал в обкоме партии, заведующим отделом. И как-то раз вызывает меня начальник мой, секретарь обкома. Говорит, посоветоваться нужно. И даёт мне прочитать бумагу. Говорит, вот пришёл сверху циркуляр, ознакомься. А нам в то время много подобных бумаг приходило с указаниями, как к каким событиям в мире относиться, как себя вести, что говорить можно, а что нельзя, какую линию гнуть на заседаниях и при встречах с трудовыми коллективами, ну, и так далее. Взял я бумажку, читаю и не понимаю ничего. Секретарь меня спрашивает: «Ну как, что скажешь?» Я голову почесал и говорю – так, мол, и так. Судя по всему, рекомендуют нам всех прищучить как следует, особенно тех, кто высказывается. Секретарь удивился, взял бумажку назад, перечитал. «Точно, - говорит. – Теперь выходит, что так. А ну-ка, перечитай ещё раз». Я второй раз прочитал, немного яснее стало. И я вдруг понимаю, что смысл-то совсем другой, что-то об отношении к коллективизации и раскулачиванию после революции. Сказал это секретарю. Он опять удивился, снова читает и соглашается. Так много раз мы с ним эту бумагу читали, и каждый раз новый смысл появлялся. И как, позвольте, с такими указаниями работать? Это же чёрт знает что! Собрали совещание, все читают, и каждый раз понимают по-новому. Чертовщина, да и только. Решили запросить разъяснений сверху, из ЦК. Приходит ответ – никакого циркуляра, о котором вы пишете, не высылали, знать не знаем. Мы удивились, конечно. Глядь в архив – а циркуляра-то и нет. Номер входящий есть, запись в книгах есть, а сама бумажка исчезла вместе с копиями. Вот тебе и фокус. Так до сих пор и не знаю, что это было и как толковать.

- Интересно, - сказал Вам Кого. – Очень даже любопытно.

- Ну, этому легко найти объяснение, - вставил Эдуард Валентинович. – Это называется фракталы. На них тоже смотришь – видишь картинку, а увеличиваешь – видишь другую. И так до бесконечности.

- У меня тоже бывает, - подтвердил Константин, переложив магнитолу с правого плеча на левое. – Вот, к примеру, «Всадница» Брюллова. Вроде смотришь сначала – клёвая чувиха. А приглядишься – вся кривая, косая, и конь под ней уродливый.

- А знаете, - сказал Конотоп, – у меня на похожую тему как раз история есть, типа притчи. Говорят, реальный случай, задокументированный, но точно не скажу. В древности жил на планете Семигуз один фокусник, Ибобей его звали. Считался он самым искусным в своей профессии, о нём даже легенды ходили. Никто с ним не мог сравниться. Но шло время, он сильно постарел, выступать перестал. И появился другой фокусник, молодой и способный, по имени Ижесним. Он был горячим, очень гордым, и его обижало, что какого-то немощного старика ему постоянно ставят в пример. Ижесним залы собирал огромные, а Ибобей из дома носу не высовывал, но всё равно считался лучшим. И тогда вызвал Ижесним Ибобея на дуэль. Говорит – пусть соберётся толпа на площади и каждый из нас покажет один фокус. Кому больше будут хлопать, тот и станет называться величайшим чародеем. Ибобей принял предложение, хотя в последние годы на людях почти не показывался. Он вышел на площадь, кое-как доковылял до места, где они собирались состязаться, сел на камень и задремал. Ижесним вышел перед толпой, поставил у всех на виду бочку, насыпал в неё через сито земли, полил водой, и на глазах у зрителей из бочки выросло большое красивое дерево – не настоящее, конечно. Зрители зааплодировали. Настала очередь Ибобея. Он, крихтя, встал с камня, пошевелил губами, чуть приподнял руку – и Ижесним растворился в воздухе. Больше его никто никогда не видел. Ибобей скоро умер, но с тех пор он так и считается самым великим фокусником в мире.

- И как же он это сделал? – спросила товарищ Крыленко.

- Никто не знает, - ответил Конотоп. – Секрет ушёл с ним в могилу. Но это и неважно. Главное – его вера в то, что он великий фокусник.

- Его судили? – не унималась Крыленко, прищутив и без того заплавленные жиром глаза.

- За что? – не понял Конотоп.

- За убийство, - Крыленко привстала с камня, на котором восседала, и почесала попу.

- А никто не знает, убийство это или нет, - сказал Конотоп, махнув хвостом. – Тела нет, смерти никто не видел. Да и времена были не те.

- Идеологически неправильная притча, - заметил Илья Владимирович. – Допускает мистическое толкование, а ничто сверхъестественное существовать не может.

- А как же наши с вами блуждания? – встрепнулся Володя. – Разве их можно рационально объяснить?

- Всё можно как-нибудь объяснить, молодой человек, - поморщился Илья Владимирович.

- Один фокусник другого не заменит, - сказал Константин. – Это вон как Ферлонга поменяли на жёлтого ублюдка, только цвета слоновой кости – и что толку?

- А вот я насчёт мистики, кстати, тоже не согласен, - сказал Эдуард Валентинович. – Мистика в некоторых количествах тоже имеет место быть. Я несколько лет назад работал завхозом в одном провинциальном вузе. И был у нас в штате рабочий Лёша – так, на подхвате – гвоздь забить, сантехнику подкрутить. Школу закончил со справкой, книжек в жизни не читал, и дожил до своих сорока лет совершенным, прошу прощения, балбесом. Да ещё и невезучий был сильно. То пойдёт на зимнюю рыбалку и в прорубь провалится, то накопит за десять лет денег на ржавую машину, поедет покупать и по дороге конверт с деньгами потеряет. И вот как-то раз у нас заболел лектор по функциональному анализу. И предупредить забыл – ну, или где-то сообщение от него затерялось. Студенты сидят, ждут, пара уж началась, а лектора нет. И вот тут как раз мимо аудитории проходил Лёша, и что-то в мозгу у него повернулось. Зашёл в аудиторию, представился, сказал, что замещает заболевшего и начал читать лекцию. Интегралы Лебега-Стилтьеса, сепарабельные пространства и прочее. Вопросы ему задавали, он отвечал, выводил формулы, доказательства писал умными значками. Лекция закончилась, он вышел из аудитории, покачнулся, да и в обморок упал. Потом пришёл в себя уже в больнице – не помнит ничего после того, как шёл по коридору и его к двери потянуло.

- Ну, я лично ничего сверхъестественного в этом не вижу, - возразил Илья Владимирович. – Просто у нас каждый советский человек может заменить другого, и для этого не нужно быть семи пядей во лбу, нужно быть просто готовым на подвиг.

- Да это просто т-телепатия, - вмешался Володя, - Ну, или каннибализм. Лектора-то настоящего нашли потом?

- Не помню, - сказал Эдуард Валентинович. - Я тогда проворовался слегка, меня и уволили.

- Что касается заменимости людей, - заговорила вдруг девушка в очках, - могу рассказать один интересный случай. Был у меня знакомый парень. В целом нормальный, но иногда заклинивало его на какой-нибудь идее. Обычно потом отпускало, но не в этот раз. Стал он читать Библию и толковать по-разному. Где-то вычитал, что в Библии должно быть зашифровано послание других цивилизаций. Короче, как-то раз прибегает ко мне и говорит – разгадал шифр. Садимся с ним, он пишет какую-то формулу на две страницы и начинает применять к каждой букве Библии. И на выходе получается некоторый текст. Вроде не особо осмысленный, но слова русские, нормальные. Что-то там про барабаны и обезьяну в шапке. Я спрашиваю: «Ну, и что это должно означать?» Он сразу замялся, забрал Библию и ушёл. Через пару недель прибегает снова. Говорит, в формуле ошибся. Попробовали с новой формулой и опять получили текст. На этот раз получилось стихотворение Пушкина про птичку. Мы оба в непонятках. Он опять ушёл дорабатывать формулу, и в следующий раз оказалось, что в Библии зашифрован прайс компьютерных комплектующих из какого-то маленького магазина в Новосибирске. Это натолкнуло его на идею, что надо проверить его

формулу на других текстах. И скоро он нашёл в «Евгении Онегине» несколько зашифрованных строчек из «Капитала» Маркса, а в «Божественной Комедии» инструкцию по созданию водородной бомбы. После этого он закрылся у себя дома с грудой книг и долго не выходил. Как-то я решила зайти к нему, проверить, жив ли, и обнаружила, что дверь его квартиры не заперта, все книги выброшены, а сам он сидит на полу посреди кухни в позе лотоса и медитирует. Я спросила его, что случилось, и он ответил: «Все книги человечества на самом деле вот здесь». И указал на точку в середине своего лба, после чего закрыл глаза, и больше мне не удалось ничего от него добиться.

- А потом? – спросил Вам Кого.

- Не знаю, - ответила девушка. – Потом я на «Парк Культуры» поехала, книг кое-каких купить. И не доехала до сих пор...

- И что там было шифр изобретать? – не понял Эдуард Валентинович. – Достоверно же известно, что если в древнееврейском тексте читать каждую седьмую букву, получишь зашифрованное послание.

- Ну, если бы я писал книгу, - сказал вдруг я, - я бы уж шифр посложнее выбрал, чем каждая седьмая буква, - и подумал про себя ещё раз, что и правда, надо обо всех наших похождениях написать книгу.

- А у тебя есть что полезного зашифровать? – с издёвкой спросил Конотоп.

- Уж нашёл бы, - надулся я.

- Вот бесполезный путь выбрал для себя человек, - хмыкнул Илья Владимирович. – Главное в жизни что? Строить будущее. Участвовать в социалистическом соревновании, кто построит его быстрее и лучше. А что смысла копать в этой гнилой Библии, которая и так-то сплошная выдумка, так ещё и неизвестно чья?

- Не соглашусь, - сказал Эдуард Валентинович. – Многое из Библии подтверждается документально.

- Ага, - кивнул Илья Владимирович. – Особенно божественная природа Иисуса Христа. Ну же, докажите мне, что он сын Бога.

- Сын он или не сын, - встряла тут товарищ Крыленко, - а оскорблять святыне вещи я не позволю. Я воспитана в христианских традициях воздержания и смирения.

- Оно и видно, - хрюкнул Илья Владимирович.

- Я попрошу не переходить границ приличия, - товарищ Крыленко почесалась под левой грудью и сделала надменное лицо. – Если во мне лишний вес, это не значит, что я не могу быть воздержанной. А то, что я выпиваю иногда лишний литр пива за обедом, так это как раз та небольшая мирская радость, которую иногда не грех себе позволить. Я бы на вашем месте поостереглась упрекать других, у вас и самого, небось, дрова в каждом глазу. Знаете, что бывает с теми, кто против нас? Вот у нас в деревне, к примеру, жил один священник. Дрянный человек, худущий, всё книжки тоже читал. И прошёл как-то по деревне слух, что он разбавляет святую воду обычной водопроводной. А народ у нас там сильно верующий. Так что привязали нашего священника за ноги к дереву, да так и оставили, пока дух не испустил. Милиция приезжала, свидетелей не нашла. Вот это настоящая вера, - она обвела всех грозным взглядом и принялась чесать попу.

- Чушь собачья, - буркнул Илья Владимирович и отвернулся.

Наступила тишина. Я подумал, что как раз подходящий момент вставить слово.

- Э... - сказал я. – Я вот тоже думаю, что в наше время верить как-то глупо. Ведь мы же теперь знаем, как мир устроен. Ну, там, марзмати́ческое пространство и всё такое...

Конотоп повернулся в мою сторону, и я прочитал на его морде непонимание и удивление.

- Володя, да ты, оказывается, просто фантастический идиот. Я не знаю, что появилось раньше - Бог или вера в него, но с точки зрения маразма это и неважно. Ты давно уже должен был понять, что в маразме вероятность чего-то определяется, прежде всего, верой. Если столько людей верит в Бога - значит, его просто не может не быть. Даже если изначально его не было, он всё равно в какой-то форме возникнет. И то, что тысячи людей в монастырях и

храмах молятся ему, прося о чем-то хорошем - это, знаешь ли, огромная сила. Может быть, и Земля-то жива сейчас только благодаря этому.

- И он всемогущий? – усомнился я. – Он может остановить маразм? Может, и нам просто помолиться, чтобы маразм закончился?

- Это не помешает, конечно, - усмехнулся в усы Конотоп. - Но боюсь, что в нас недостаточно веры.

- А вот вы знаете, - сказал Константин, - что на самом деле Игги Поп – не настоящий поп? И если Бога нет, то как же лыжники ада?

- А я раньше т-тоже в Бога не верил, - сказал Володя. – Пока мне ангел не явился.

- Вот, начались басни, - проворчал Илья Владимирович. – Какой ещё ангел? Что вы тут выдумываете? Скоро про летающие тарелки заговорите тут.

- У меня была тарелка, - вздохнул Конотоп. – Сломалась.

- Настоящий ангел, - продолжил Володя. – Вот сейчас расскажу. Как-то раз должен был экзамен сдавать по физике. Но никак выучить не мог, не успевал. И такое отчаяние нахлынуло. Д-дай, думаю, схожу в церковь, поставлю свечку. Вроде людям помогает. И пошел. А у ворот церкви вдруг встречает меня человек, синий весь, и за плечами крылья, как у большой птицы. И говорит мне красивым таким голосом, небесным просто, причём в стихах:

«Вы днём, при солнечной погоде,
В сырой и затхлый храм идёте.
Узнать позвольте, в чём резон?
Что вы забыли средь икон?»

Ну, я отвечаю, что свечку иду поставить, чтобы мне повезло на экзамене. На это он говорит:

«К чему посредники в сём деле?
Уж лучше б дали деньги мне.
Вы б оглянуться не успели,
А всё б исполнилось вполне.
Ведь все иконы, храмы, свечи –
Всего лишь символы, не Бог.
Могу легко я обеспечить
Чтоб он с экзаменом помог».

Ну, и что-то ещё, я не помню. Я отдал ему все деньги и мобильник, и – не поверите – на следующий день мне достался единственный билет, который я хорошо знал.

- Что за кощунство! – воскликнула товарищ Крыленко. – Вы что же, считаете, что это был ангел? Да это просто какой-то ряженный гопник с крылышками, который вас обманул.

- Н-нет, - мотнул головой Володя. – Это точно был ангел. Взяв деньги, он взмахнул крыльями и улетел.

- Как вам, Володя, - возмутился Илья Владимирович, - не стыдно нести такую антинаучную чушь?! Позорите свою фамилию! В вашу честь назвали и Ульяну Громову, и Тиля Уленшпигеля, а вы... Вы хоть что-нибудь из своего тёзки читали? Вот, к примеру, хоть «Материализм и эмпириокритицизм»? Там он превосходно разносит в пух и прах всех критиков материализма.

- Между прочим, согласен, - кивнул Конотоп. – Пусть я и не люблю его безапелляционный стиль, но по существу там многое верно написано. Единственное упущение, на мой взгляд – слишком упрощённый взгляд на саму материю, а так вполне...

- Что вы имеете в виду? – спросил Илья Владимирович.

- Да там слишком много внимания уделяется препирательствам между теми, кто считает, что материя первична, и теми, кто считает, что первично сознание. Хотя это абсолютно неважно, потому что материя и сознание – по сути, одно и то же.

- Вы что же, хотите сказать, что не может существовать ничего материального, пока в мире нет ни одного человека? – с подозрением в голосе спросил Илья Владимирович.

- Совсем нет. Если есть хоть что-то материальное, то у него и сознание – в вашем смысле – уже есть.

- Чудовищный бред! – Илья Владимирович покачал головой, и брови его недовольно нависли над глазами.

- Да я не буду спорить, - махнул лапой Конотоп. – Доказательства теперь просто вокруг летают...

- А мне вот друган один рассказывал, - вдруг заговорил Антипов, глядя прямо в костёр, - что когда-то давно был большой дождь, всё затопило. И будто столько воды было, что совсем не осталось сухого места. И пришлось людям построить большую лодку. И насажали в неё людей и зверей – семь пар чистых и семь пар нечистых, всего шестнадцать.

- Почему же шестнадцать? – не понял Эдуард Валентинович.

- Так там ещё блатных человек десять пролезло, - объяснил Антипов. – И будто поплыли они искать сухое место, а к ним прилетел какой-то ангел, что ли, и сказал «Плодитесь и размножайтесь». И так они размножились на этой лодке, что лодка не выдержала, развалилась, и все утонули.

- Что вы несёте?! - заорала товарищ Крыленко. – Если все утонули, от кого же род человеческий пошёл?

- Так от других людей пошёл. Которые не утонули. Не по всей же Земле потоп, и воды-то столько не наберётся.

- Тьфу! – только и сказала Крыленко. – Ересь и чушь!

- Ничего не чушь, - сказал Антипов. – Вот Бог создал человека по своему образу и подобию, поэтому все мы всемогущие, только чуть-чуть. Как же мы можем после этого все вместе взять и утонуть? Если же всех людей сложить, которых много, получится один большой человек, который и есть Бог, потому что Бог один.

Товарищ Крыленко перекрестилась:

- Ой, я не могу уже... Заткните его кто-нибудь.

- Это ложный принцип подобия, - возразил Константин. – Вот если вы возьмёте карточный домик и увеличите в сто раз, разве он будет стоять? Развалится. И с человеком то же самое. Если человека увеличить в пять раз, то сколько у него будет рук - две или десять? Подобие разное бывает.

Возникла пауза. Я подкинул пару веток в костёр. Нарушил молчание Вам Кого.

- У нас на Моуди многие верили в Синее Пламя, - сказал он негромко. – Разные истории рассказывали. Будто бы возникает оно в разных местах, где очень нужна его помощь или вмешательство. Иногда исходит из него голос, который советует, как поступить. Иногда оно приносит дары. А чаще всего забирает людей – святых или несправедливо обиженных. Я верю, что после смерти мы все окажемся в Синем Пламени.

- А что там? – спросил Константин.

- Не знаю, - ответил Вам Кого. – Оттуда пока никто не возвращался.

- И что же, - взвился Илья Владимирович, - ваша религия основана на том, что какие-то люди сгорели в огне, а кому-то почудился в пламени голос?

- Можно и так сказать, - послушно согласился Вам Кого. – Хотя правильнее считать, что любая религия основана на вере во что-то. Вот атеизм основан на вере в то, что Бога нет.

- Типичная попытка запутать людей, - отмахнулся Илья Владимирович. – Я верю в то, что вижу. Бога я не вижу, а материю вижу. Вот и верю в неё.

- Воздух вы тоже не видите, - заметил Вам Кого.

- Наличие воздуха можно легко проверить, - возразил Илья Владимирович.

- Это не довод, - вмешался Константин. – То, чего не можешь никак почувствовать, вполне может существовать. Вот у меня был случай. Находился я как-то раз в изменённом состоянии сознания. И очень тяжело мне было. И вспомнил я, что у меня в холодильнике была бутылка пива холодного. Я её вечером принёс, в холодильник убрал и не доставал больше. Я в этом на сто процентов уверен был. Открываю холодильник – бутылки нет, мусор один. Каких только фокусов не придумывал. Выключал свет, искал наощупь. Открывал

внезапно. Делал вид, что вышел с кухни. Пробовал холодильник в коридор выкатывать. Всё равно каждый раз после открытия двери бутылки в холодильнике не оказывалось. Тогда я разозлился, взял топор и прорубил холодильник сзади. Бутылка сразу нашлась. Оказалась внутри холодильника, где и должна была быть. Вот вам и торжество науки.

- А ваше затуманенное сознание – конечно, довод, - покачал головой Илья Владимирович. – Вы лучше скажите, на черта вы с собой эту бандуру таскаете, которая не работает?

- Это не бандура, - Константин словно бы немного смутился. – Это бумбокс. Он мне нужен, чтобы реальность чувствовать. Когда я его надолго из рук выпускаю, я перехожу в изменённое состояние сознания. Вот раньше верующие вериги носили – тоже, думаю, чтобы с реальностью связь не терять.

- Вы молодец, - сказал Вам Кого. – Вы чем-то напоминаете мне Задика...

- Задика? – Константин посмотрел на Вам Кого с лёгким испугом.

- Ну, у нас в Конгрессе есть парень, Задолнут Пакер. Он тоже такой – молодой, энергичный, много снаружи напускного и лишнего. А начнёшь в нём копаться – сердцевинка-то ничего, не гнилая, есть чем поживиться...

- Нашли тоже, кем восхищаться, - покачал головой Илья Владимирович. – Всё это просто бред наркоманский. Давайте уж лучше кого поумнее послушаем. Вот вы, молодой человек, - обратился он ко мне, - не расскажете ли какую историю?

- Эээ... - сказал я. – Даже и не знаю. А! Вот я анекдот на днях смешной вычитал в Сиатке. Полетела как-то старая тётка из Голоперы в Буд. Возвращается и говорит внучке: «Хорошо там, только порции маленькие». «А зачем тебе большие? - спрашивает внучка. – Ты же и так ничего не ешь после тридцати». «Я их использую».

Я оглядел собравшихся. У всех на лицах было написано полное непонимание, а Сам Дурак смотрел на меня недружелюбно.

- Ну и что же, по-твоему, здесь смешного? – спросил он.

Я пожал плечами, чувствуя себя идиотом.

- По-моему, ты просто не понимаешь, что рассказал, - хмуро сказал Сам Дурак. - Мерзкая и недобрая шутка. Дело в том, что Буд – это богатый курорт. А Голопера – самая бедная планета в Галактике. Там живут люди примерно такие же, как мы, только холоднокровные. Если они долго не едят, то засыхают и становятся похожими на мумии. Еды на всех не хватает. Поэтому людей после тридцати лет не кормят. Если они сами находят чем пропитаться, то выживают. Если нет – они становятся резервной пищей для своих родственников. На их местном жаргоне ждать, пока старик из семьи засохнет, называется «использовать».

- Жуть какая, - сказал я, сглотив комок, застрявший в горле. – Прости. Я не знал.

- Не понимаешь – лучше не говори, - ответил Сам Дурак и замолчал. Все смотрели на него, видимо, ожидая, что он продолжит. – Я не знаю, - заговорил Сам Дурак, - что вам рассказать. Я – человек военный, и не разбираюсь в религии и науке. Собственно, меня не очень это всё волнует. Но был один случай, когда и меня зацепило. Направили меня как-то с секретной миссией на планету Гнат, на самых задворках Вселенной. Ну, это только говорится так. Короче, очень далеко от Млечного Пути. Суть миссии состояла в следующем. На планете приняли закон, запрещающий стареть. Хотели добиться, чтобы всё население оказалось работоспособным, не нужно было пенсии платить. Но постепенно те, кто жил слишком долго, начали сходить с ума. Старческое слабоумие. Мозгу некуда складывать всё новую и новую информацию, памяти не хватает. Иногда просто человек не может запомнить что-то новое, это ещё куда ни шло, но часто забывает что-то старое, а то и просто начинает вести себя неадекватно, программа сбивается. И вот представьте себе планету, где подавляющее большинство населения – молодые на вид, но на самом деле стареющие маразматики, а правительство просто поголовно

выжило из ума. То войну соседям объявят, то законов дурацких напринимают и начинают задерживать у себя инопланетных туристов под предлогом проверки благонадёжности. Это ещё самое безобидное, было и хуже. Ну вот, и я там оказался с целью повлиять на правительство планеты, чтобы оно ушло в отставку, а новое отменило вредный закон. Дело оказалось несложным, так что у меня осталось несколько свободных дней, и я решил поизучать планету. В одном кафе подсел ко мне мужичок – маленький такой, странный, и начал что-то рассказывать. Сначала я даже не понял, что, уж больно путано он говорил. Потом дошло, что рассказывает он про Битву за Плиты. Это одно из самых знаменитых, но загадочных сражений в истории Вселенной. Все о нём слышали, но точных фактов никто не знает. Ни года, когда всё это было, ни места. Известно только, что два великих государства того времени наткнулись на планету, где находились все Плиты – всего предположительно девятнадцать штук. Началось сражение. В нём якобы погиб величайший полководец Гай Мао Кук. По легенде, ему отрубили голову, но его голова после смерти ещё два месяца насвистывала военные марши. В результате битвы часть Плит отошла к Империи Лун, а часть – Вселенскому Гапству. Причём рассказывают, что впопыхах вместе с Плитами прихватили и несколько кирпичей из постаментов, на которых они лежали – именно поэтому точно и неизвестно число. Как и почему там оказались Плиты, доподлинно неизвестно, но опять-таки существует несколько легенд, в том числе легенда о Варе, или Варгнаттубогариттуле, который якобы сотворил наш мир при помощи Плит и сам при этом погиб.

- Постой, - сказал я. – Где-то я слышал это имя. Да и история знакомая...

- Ну, не мудрено, - ответил Сам Дурак. – Эти байки по всей Вселенной рассказывают. И вот, значит, мой собеседник рассказывал мне о Битве за Плиты, и я вдруг начал понимать, что он упоминает какое-то место неподалёку, где якобы эта битва произошла. Я стал расспрашивать, и выяснил, что речь идёт о маленькой планете, которая ни к одной звёздной системе не относится, но в данный момент располагается неподалёку от Гната, в паре тысяч световых лет. Я загорелся идеей туда слетать, выяснил координаты и в тот же вечер покинул Гнат. Я и вправду нашёл бесформенную планету – скорее, даже астероид, весь оплавленный, изуродованный метеоритами, ни на что не похожий. Выслал вперёд экосима, убедился, что на планете есть останки древней кладки – несколько постаментов, расположенных полукругом. Решил высадиться. Но когда сближался с планетой, почувствовал что-то странное. Мысли мои словно начали расплываться. Я не мог сосредоточиться, не мог понять, что показывают приборы. Мне казалось, что я размазан в пространстве, что я – будто бы и не я, а нечто большее. Мне даже казалось, что я вижу себя и свой корабль со стороны. И голоса почудились. Ничего внятного, какая-то бессмыслица. Но я развернул корабль и улетел от этого камня подальше. Я привык доверять своей интуиции, она меня не раз спасала. Так что я забыл об этой планете и старался не вспоминать до сегодняшнего дня. Но с тех пор я стал осторожнее относиться к разным старым легендам. Возможно, что доля правды в них есть.

- Эх, вы, - вздохнул Илья Владимирович. – Военный, крепкий мужчина, а туда же. Дали слабину... Ладно, - махнул он рукой. – Давайте уж заканчивать эту беседу, ночь на дворе.

И правда, небо было покрыто разноцветными звёздами, мерцающими в непроницаемом мраке космоса. Костер, впрочем, всё ещё горел, и рядом с ним было достаточно светло. Я лёг возле него и смотрел в огонь, вспоминая то свой давний сон о многоруком существе, то рассказ Вам Кого про Синее Пламя. Рука сама потянулась к сумке, и я нащупал тетрадь. Именно тогда я начал писать этот текст. Хотя и не был уверен, что в маразме он сохранится именно в том виде, в котором я его пишу. Если даже здания и планеты могут оказаться не на своём месте, что уж говорить о буквах, написанных на листах бумаги.

...Я оторвал голову от листочка, на котором царапал замысловатую формулу, и встретился глазами с экзаменатором. Он поправил очки в роговой оправе и посмотрел на меня с жалостью.

- Хорошо, Владимир, - сказал он, – задам вам последнюю задачу. Представьте себе мешок, в котором лежат чёрные и белые шары – два чёрных и один белый. Вы вытаскиваете их один за другим. Какова вероятность того, что вторым вы вытащите белый шар?

- Это зависит от многих вещей, - заговорил я, чуть подумав. – Во-первых, неизвестна вероятность, с которой шары могут поменять свой цвет. Во-вторых, неизвестно, сколько шаров мы вытащили до тех пор, пока не стали вытаскивать второй. В-третьих, ничего не сказано про степень маразматичности...

- Ну, Ясоний, - профессор улыбнулся, - вы очень хорошо усвоили материал. Можете идти. Пять.

Я проснулся от того, что мою щёку лизнул шершавый язык Конотопа.

- Вставай, - сказал он. – Пора идти.

Я размял затёкшую от долгого лежания на песке шею, отряхнулся и побрёл за всеми по пустыне.

- Есть хочешь? – спросил, обернувшись, Вам Кого, шедший впереди.

- Хочу, - ответил я.

Вам Кого насыпал мне в ладонь горстку необычной серой крупы:

- На. Утром выпала в виде осадков. Вот выпивки, к сожалению, нет.

Я пожевал крупу. Это было гораздо круче цефеста и даже не намного хуже макарон по-флотски, так что я немного воспрял духом и прибавил шаг.

Примерно так же мы шли много дней. Конца и края пустыне не было видно. Днём мы передвигались. Вечером разводили костёр и разговаривали, с каждым разом всё меньше и меньше, поскольку энтузиазм постепенно угасал. Иногда с неба падала крупа. Иногда – бутылки с газированной водой. На привалах я старался писать, хотя мысли путались, да и смысл делать записи казался всё более зыбким.

Мы постоянно надеялись, что на горизонте вдруг покажется город, здание или хотя бы человек, идущий навстречу. Но ничего не происходило. Однообразие выводило из себя. В очередной день Вам Кого, еле переставляющий свои раскалённые на солнце ноги где-то в середине нашей усталой вереницы, не выдержал.

- Всё, - сказал он, наконец. – Я не могу больше. Столько двигаться по жаре не для моего возраста.

Он остановился.

- Мы же выбрали случайный поиск, - продолжил он. – Не нужно было изменять решение. Хм... Друзья! – крикнул он в сторону компании Володи, которая двигалась чуть впереди. - Я думаю, что нам будет лучше разделиться.

- Мне тоже так кажется, - сказал Эдуард Валентинович, разворачиваясь к нам лицом.

- Давно пора, - откликнулся Илья Владимирович. – Всему виной наши идеологические противоречия.

- Хорошо, - Вам Кого кивнул. – Идите дальше, а мы передохнём немного и двинемся в другую сторону.

Володя и компания сухо попрощались с нами и продолжили путь. Как только они отошли шагов на сто, вокруг нас вдруг начали прорисовываться неясные очертания большого города. Сначала изгиб мраморного парапета набережной, потом здания, колонны и перекинутый через реку мост, подвешенный на мощных изогнутых струнах, на поверхности которого мы и стояли.

Я узнавал это место. И, похоже, не только я. Компания Володи воодушевлённо ускорила шаг и двинулась по мосту в сторону небольшого павильона с буквой «М» на фасаде. Несомненно, это был «Парк Культуры».

Вокруг же творилось нечто неопишное. Люди танцевали в воздухе, машины ездил задом наперёд, здания колыхались, а некоторые просто двигались, словно корабли по волнам.

- И что мы теперь будем делать? – спросил я.

Вам Кого пожал плечами.

- Бежать, - сказал Сам Дурак, который смотрел в противоположном направлении.

Я тоже повернул голову. Со стороны Центрального Дома Художника на мост въезжало огромное металлическое чудовище – американский огненно-рыжий тягач «Кенворт» с длинным трейлером, представлявшим из себя сложный механизм. В недрах прицепа, словно патроны в барабане револьвера, перемещались длинные продолговатые снаряды. Один из них отделился и опустился на асфальт чуть левее тягача.

Я прищурился и рассмотрел в кабине светлый череп и пару черных перчаток, вцепившихся в руль.

- Ну, что же мы стоим? – крикнул Вам Кого и бросился прочь от грузовика, вдогонку искателям «Парка Культуры». Мы побежали следом.

Тем временем ракета выдвинула из своего тела маленькие колёсики, извергла из сопла огонь и полетела на нас. Мы еле успели броситься врассыпную, на тротуары. Ракета промчалась мимо, догоняя Володю с компанией, почти уже достигших заветной станции. Раздался громкий взрыв, и в небо взметнулся факел огня, закрывший собой Зубовский бульвар и поглотивший бывших наших спутников.

- Не останавливайтесь! – крикнул Сам Дурак. – У него есть ещё снаряды!

И мы понеслись дальше, приближаясь к оседающим на асфальт обломкам и клубам пепла. Я обернулся и увидел, что грузовик всё ещё движется по мосту, а из трейлера выкатывается ещё одна ракета на колёсиках.

Мы быстро бежали вперёд, как вдруг одно из строений, огромное и тяжёлое, выплыло справа и преградило нам путь. Это было главное здание МГУ. Мы неслись прямо ко входу во дворец культуры.

Залетев внутрь, я попытался проскочить мимо стоящего у «вертушки» милиционера в фуражке, но был остановлен:

- Ваши документы.

Я продемонстрировал студенческий билет и прошёл, но тут же увидел, что остальных он пропускать не собирается.

- Эээ, - сказал я. – Они со мной...

В это мгновение «вертушку» сокрушила гигантская ракета на колёсиках, и я инстинктивно прыгнул ничком на мрамор пола, прикрыв лицо руками. Меня оглушило и засыпало кусками штукатурки.

Приподнявшись, я увидел, как мои попутчики, так же, как и я, расплзшиеся по углам, осторожно вылезают обратно. От милиционера, похоже, осталась только фуражка, которая валялась тут же, на полу.

Мы собрались вместе и, обменявшись растерянными взглядами, двинулись в сторону лифтов.

- Надоела эта беготня, - сказал Вам Кого. – Я бы присел куда-нибудь, чего-нибудь выпил.

- В университете алкоголь не продают, - заметил я.

- Найдём! – уверенно заявил Вам Кого.

- Вы только посмотрите, - удивлённо произнёс Конотоп, мотнув головой в сторону входа в университетский кинотеатр.

Справа от дверей зала висела огромная красочная афиша с изображением прикуривающего молодого человека, который держал на поводке тигра и отдалённо напоминал меня. Афишу пересекала размашистая надпись красными буквами:

«Космический маразм». И снизу, поменьше: «Реальности больше нет».

- Уже и фильм сняли, - восхитился Вам Кого. – По вашей книге, небось, Володя.

- Почему только на меня ошейник надели? – не понял Конотоп. – Выглядит унизительно.

- Я такого не писал, - заметил я.

- И насчёт реальности загнули, - продолжал Конотоп. – Как это – реальности нет? Да маразм – это реальность в самом соку...

- Мы отвлеклись, - напомнил Вам Кого. – Где бы здесь достать водку?

Он снял шляпу, почесал отверстие в голове и понёсся вглубь здания. Потом вызвал лифт.

- Там точно водки нет, - сказал я. – Это зона «А», там только учебные помещения.

- Посмотрим, - сказал Вам Кого.

Мы вошли в лифт, и он уверенно нажал кнопку семьсот шестьдесят первого этажа, после чего мне уже показалось неуместным демонстрировать своё знакомство со зданием – в мои времена в МГУ не было такого количества этажей.

Лифт разогнался, затем так же быстро затормозил, от чего у меня слегка закружилась голова. Двери раскрылись, и мы вышли в мрачноватое большое помещение с низким потолком, покрытым трубами и кабелями.

- Туда, - махнул рукой Вам Кого, и мы побежали за ним. Он в своей обычной манере миновал два поворота, спустился по короткой лесенке, потом преодолел коридорчик и влетел в раскрытые двери с надписью «Вино».

- Вот и магазин, - сказал он. – Я же говорил, главное – двигаться уверенно и быстро.

- Что-то ваша тактика не помогает нам добраться до Эгозона, - заметил Сам Дурак.

- Уверенности не хватает, - бросил Вам Кого и подошёл к прилавку, за которым дремал толстый лысый продавец в белой грязноватой футболке. На футболке был нарисован вращающийся логотип «Пепси», который при каждом обороте вдруг превращался в символ «инь-янь».

- Водочки бы нам, - сказал Вам Кого. – И рыбки какой-нибудь сушёной.

- А? – очнулся продавец.

- Водочки, - повторил Вам Кого.

- А у вас студенческий билет есть? – поинтересовался продавец.

- У меня есть, - я начал рыться в сумке.

- А студентам водку не продаём! – жирный мужик расплылся в слащавой сальной улыбке.

- Ну, я-то не студент! – обрадовался Вам Кого.

- А у вас студенческий билет есть? – поинтересовался продавец. – Продаём только при наличии студенческого.

- Что за чушь... - Вам Кого сердито сорвал с себя шляпу. – А если я его билет покажу?

- Не получится, - ответил продавец. – Это же его билет, с его фотографией.

- Как же тогда водки купить? – не понял Вам Кого.

- Никак, - жирный снова улыбнулся. – Только через мой труп.

- Отлично! – восторжествовал Вам Кого, и в его взгляде промелькнуло нечто дьявольское. – Конотоп, сожри его быстрее.

- С удовольствием.

Конотоп издал свой звериный рык и приблизился к продавцу. Тот отшатнулся и побежал от нас, скрывшись в служебном входе.

- Так... Что тут у нас? – Вам Кого зашёл за прилавок и принялся разглядывать ассортимент алкогольной продукции на полках. – Сойдёт.

Он прихватил одну из бутылок, пару пачек чипсов, упаковку пластиковых стаканчиков, и мы вышли из магазина, найдя у окна уютный уголок, где стояли два деревянных резных диванчика.

- Как же меня всё это утомило, - сказал Вам Кого. – Бестолковщина, суета, и никакого результата, - он профессионально вскрыл бутылку и разлил по чуть-чуть. – Что дальше-то делать будем? Ведь мы так можем никогда не приблизиться к цели.

Ему никто не ответил, поскольку настроение у остальных было таким же упадническим.

Вам Кого выпил и принялся остервенело драть пакет чипсов, пытаясь его вскрыть. Конотоп изящно помог ему при помощи когтя.

- Я думаю, - сказал он, - что нам нужно просто продолжать наш поиск. Или не продолжать, что почти то же самое. В любом случае вероятность успеха практически нулевая.

- Ну, обрадовал, - сказал Вам Кого...

- Простите, - послышался голос из коридора, и мы, обернувшись, увидели, как к нам ковыляет невзрачная лохматая собачонка чёрной масти. – Я вот тут мимо проходил... Вы, часом, не Василий Иннокентьевич будете?

- Я-то? – не понял Конотоп. – Да... В некотором роде.

- Ну что, Вася, не узнаешь? – спросил пёсик, глядя Конотопу прямо в морду.

- Нет, - ответил слегка ошарашенный Конотоп. – Не припомню что-то.

- Да я же это, я! – воскликнул лохматый. – Иннокентий Васильевич, папашка твой!

- Чего?! – Конотоп замер на минуту, потом рывкнул: - А ну пошёл вон! Мой отец – великий психиатр, Чебур Рах, а не безродная псина! И не смей пачкать его имя своим вонючим языком.

Пёсик поджал хвост, попятился и промямлил:

- Да я что... Обознался просто. Думал, вы Василий Иннокентьевич... Должно быть, помер он... Туда ему и дорога.

Иннокентий Васильевич развернулся и заковылял прочь, в темноту.

- Зря ты так, - сказал Вам Кого. – Вполне может быть, что на данный момент он и вправду твой отец.

- Да знаю я, - огрызнулся Конотоп. – Но от этого только противнее. Как будто я сам его породил. Скорей бы уж закончился этот проклятый маразм, крыша уже едет. Налей-ка мне ещё.

Вам Кого плеснул ему в стаканчик немного водки, и мы выпили ещё.

- Ну, хорошо, - сказал Вам Кого, – продолжим случайный поиск. Вот сейчас передохнём чуть-чуть – и двинемся дальше.

- Что это было? – спросил Сам Дурак.

Все прислушались. Из раскрытого окна доносился далёкий ревущий звук. Здание слегка дрогнуло и начало мелко вибрировать. Я подскочил к окну и выглянул наружу. Судя по тому, что я видел, мы находились примерно на уровне семнадцатого этажа зоны «А», а прямо под нами, возле стен, клубился чёрный дым, перемешанный с пламенем. Невдалеке, возле автобусной остановки, стоял скелет в чёрных перчатках и махал нам рукой.

В окно рядом с моей головой высунулась и голова Вам Кого.

- Что происходит, Володя? Ничего не понимаю.

- Кажется, мы взлетаем, - пробормотал я.

Главное здание МГУ испустило из своего фундамента мощный сноп огня и стало торжественно подниматься вверх, разгоняясь на реактивной тяге.

- Что за чёрт? – возмутился Вам Кого. – Что нам делать? Мы же не сможем дышать в открытом космосе.

- Не уверен, - возразил Сам Дурак. – У Ясония это получалось.

- Хм... - Вам Кого сел на своё место на диванчике и отхлебнул водки прямо из горла. – Но если предположить, что мы летим на Эгозон, то путь займёт многие годы без перехода в гиперпространство.

- Может быть, есть способ перейти? – предположил Конотоп.

- Хм... – Вам Кого нахмурил отсутствующую часть лба. – Володя, думайте. Вы с этим зданием знакомы. Где тут может быть пульт, с которого включается гиперперенос?

- Понятия не имею, - ответил я. – Ничего похожего не видел. Может быть, в подвале? Там бомбоубежище, коммуникации...

- Я вашу логику не понял, - буркнул Вам Кого, - но давайте начнём с подвала.

Мы двинулись к лифту, прихватив с собой недопитую бутылку и чипсы.

Войдя в кабину, Вам Кого задумался на мгновение, выбирая, какую кнопку нажать. Выбор был огромный – все целые числа от семисот шестидесяти одного до минус трёх, а также слова «подвал», «совсем подвал», «нижний уровень» и «преисподняя». Вам Кого ткнул в «совсем подвал», и двери закрылись.

- Вы только того, - сказал он. – Не расслабляйтесь. Всё-таки мы в космосе.

Я, собственно, и не расслаблялся. Я всё время помнил, что степень маразматичности превышает разумные пределы, и в любой момент можно ожидать чего угодно.

Лифт остановился. Двери со скрипом разъехались, и за ними открылось абсолютно тёмное помещение. Мы немного замешкались, но динамик лифта произнёс голосом нервной немолодой женщины:

- Ну, что застряли-то? Ваша остановка. Лифт в один конец.

Мы вышли. Двери закрылись, и мы оказались в полной темноте.

- У кого-нибудь есть фонарик? – спросил голос Вам Кого слева от меня.

- У меня, - ответил я. – Сейчас, только нащупаю.

Я включил фонарик, и мы разглядели перед собой шершавую бетонную стену. Я посветил влево. Тоже стена. Вправо уходил коридор, но далеко ли он продолжался, трудно было сказать – свет не добивал.

Мы двинулись вправо.

- Ну и фонарик у вас, Володя, - проворчал Вам Кого.

- У вас и такого нет, - огрызнулся я.

- Тихо, - сказал Конотоп, громко нюхая воздух. – Там кто-то есть.

Из темноты нам навстречу выпорхнуло несколько маленьких, быстрых и корявых теней, которые пронесли мимо и улетели прочь.

- Летучие мыши, что ли? – спросил Вам Кого. – А, какая разница...

Осторожно пошли дальше. Уткнулись в стену. Двинулись вдоль неё вправо, дошли до угла, повернули, потом ещё и ещё.

- Что за чертовщина опять, - сказал Вам Кого. – Похоже, со всех сторон стены. А ну-ка, Володя, дайте свою лучинку.

Вам Кого посветил в центр комнаты. Там лежало нечто огромное, поблёскивавшее во тьме. Свет фонарика скользнул вдоль предмета, и я понял, что это.

- Статуя, - сказал я. – Наверно, Сталин. Его должны были на вершину здания поставить, но не успели.

- В параллельной ветке истории? – хмыкнул Вам Кого. - Ну, во всяком случае, это нам выйти не поможет. Хотя...

Он посветил наверх, и мы увидели люк в потолке.

- Надо лезть туда, - сказал Вам Кого. – Это как раз над рукой.

Бронзовый Сталин лежал на спине, усмехаясь в усы, а его правая рука торчала вперёд, указывая на чёрную дыру в потолке.

Сам Дурак подошёл к статуе, вскарабкался ей на грудь, потом шагнул к руке и, обхватив её, словно бревно, попытался лезть вверх.

- Не так-то это просто, - пробормотал он.

И тут вдруг рука провернулась в плечевом суставе, вытянувшись вдоль тела, так что Сам Дурак свалился со статуи на пол. Послышался громкий щелчок, и пространство вокруг слегка дрогнуло, а по помещению пробежал лёгкий холодок.

- Что это? - спросил Конотоп.

- Хм... - ответил Вам Кого.- Звучит глупо, но похоже на гиперперенос. Только куда?

- Надо выбраться отсюда, - сказал Сам Дурак, поднимаясь на ноги. – Тогда, возможно, узнаем.

- У меня верёвка есть, - заметил я.

- Отлично, - сказал Вам Кого. – Давайте.

Я подал ему моток верёвки.

- Надо бы кошку или крюк... - пробормотал он, отмотав конец. – Ладно, попробуем так – авось за что-то зацепится.

Вам Кого взял верёвку за конец и швырнул моток вверх. Тот, разматываясь, залетел в люк. Вам Кого подёргал – верёвка натянулась.

- Надо же, - сказал он. – Повезло. Зацепилось.

Он схватился за верёвку, подтянулся, обхватил ее ногами и полез вверх. Однако в ту же секунду потолок стал выгибаться под его тяжестью, и по нему побежала трещина.

- Вам Кого, ты бы поосторожнее... - произнёс Конотоп.

Но потолок уже разваливался на части, сверху сыпались огромные глыбы бетона, рушились стены, и всё вокруг нас рассыпалось в мелкие обломки. Вам Кого, вцепившийся в верёвку, пролетел мимо меня. Я попытался поймать его, но в результате тоже оказался в воздухе, перекувыркнулся и потерял ориентацию.

Через некоторое время я понял, что все мы висим в открытом космосе, без скафандров, а вокруг нас плавают бесформенные обломки главного здания МГУ.

- Вот чем меня бесит этот развитой маразм, - сказал Конотоп. – Тем, что никогда не угадаешь, к чему приведут твои действия.

- И что мы теперь будем делать? – спросил Вам Кого.

Возникла пауза. Мы барахтались в пространстве, раздумывая над сложившимся положением.

- Я что-то вижу, - сказал Сам Дурак.

- Где? – не понял Вам Кого.

- Вон там, - Сам Дурак махнул рукой. – Кажется, корабль. Надо попробовать до него добраться.

- Возьмитесь все за верёвку! – крикнул Вам Кого. – Чтобы не потеряться. И отталкивайтесь от камней, чтобы двигаться в сторону корабля.

Всё-таки не зря Вам Кого был Председателем Конгресса. Наши действия довольно быстро привели к результату. Мы бесформенной кучкой, вцепившейся в общую верёвку, неспешно поплыли в направлении корабля, очертания которого можно было разглядеть всё отчётливее. Небольшой конусообразный объект ржавого цвета, усеянный металлическими причудливыми отростками, висел совсем недалеко от места крушения МГУ, которое было помечено парящей во мраке усмехающейся статуей Сталина, так что минут через десять мы приблизились к нему вплотную.

- Как-то надо внутрь попасть, - сказал Вам Кого.

- А вот интересно, - сказал я. – Почему я вас слышу? Мы же в безвоздушном пространстве, здесь звуковые колебания не распространяются.

- Да идите вы к чёрту, Володя, - возмутился Вам Кого. – Какая уж вам тут физика? Вы ещё спросите, откуда в «Звёздных войнах» клубы дыма в космосе.

Одна из стенок корабля внезапно пришла в движение, и в борту открылся круглый люк, словно бы приглашая нас войти.

Вам Кого вцепился в край люка, подтянулся, и мы по очереди залетели внутрь. Я, разумеется, тут же шлёпнулся мордой на металлический пол, поскольку забыл, что в кораблях обычно работают гравитационные компенсаторы.

Люк за нами закрылся. Мы потоптались немного в шлюзовой камере, ожидая, пока нас впустят, и оказались конце коридора, освещённого парой тусклых ламп. Навстречу нам по коридору шёл бородатый рослый человек в чёрной форме.

- Приветствую вас на борту, - сказал он усталым голосом, и я заметил, что он выглядит нездоровым – худой, мешки под глазами, нетвёрдая походка. – Кто вы?

- Хм, - сказал Вам Кого. – Наш корабль потерпел крушение.

- Это мы видели, - сказал незнакомец. – Необычная модель.

- Хм, да... - Вам Кого снял шляпу. – Позвольте представиться. Вам Кого, Председатель Галактического Конгресса Империи Седьмой Плиты.

- Председатель Конгресса? – бородач посмотрел недоверчиво. – Вы прилетели за нами? Дать новые указания?

- Извините, - сказал Вам Кого, – а с кем я имею честь говорить?

- Лейтенант Издох, Служба Скорых Решений. Мы здесь по указанию Председателя Конгресса, господина Так Его.

- Пойдите, - Вам Кого побледнел. – Так это вы получили радиogramму...

- Так точно, - подтвердил Издох. - В радиogramме приказывалось прибыть в данную точку и ждать дальнейших указаний. Мы всё ещё ждём. Прошло очень много времени – почти двести дней, но пока ничего не поступало. У нас закончились припасы, люди на грани безумия. Мне с трудом удаётся сдерживать их от необдуманных действий.

- Дело в том, - сказал Вам Кого, - что Так Его не отдавал такого приказа.

- Простите? – не понял Издох, и лицо его вытянулось.

- В Конгресс проникла шпионка йокесов, - объяснил Вам Кого, - которая отправила вам фальшивую радиogramму с приказом отправиться сюда. Это редкая аномалия Вселенной, одна из так называемых точек молчания, сюда не доходят никакие сигналы извне. Так Его умер вскоре после отсылки радиogramмы и не успел послать корабль для вашего спасения.

- Так, значит, мы ждали зря? – упавшим голосом произнёс Издох. – Как я скажу это команде?

- Не говорите, - ответил Вам Кого. – Скажите, что поступил новый приказ. Срочно выдвигаться на Эгозон. И на этот раз это действительно дело государственной важности. Заодно там вы сможете пополнить запасы и отдохнуть.

- Слушаюсь, господин Председатель, - кивнул Издох. Его голос звучал уже бодрее.

- Проводите нас к команде, - попросил Вам Кого.

- Прошу за мной.

Издох пошёл по коридору к центру корабля, мы – за ним.

- Всё-таки вы успели вовремя, - сказал Издох. – Мы уже начали питаться внутренней обшивкой корабля, а от неё у всех несварение желудка.

- А у нас, кажется, чипсы были, - вспомнил Вам Кого, извлекая из кармана мятый пакетик. – А, нет, уже кончились.

Мы вошли в мрачное помещение, где на двух длинных скамьях сидело около десятка худущих и измученных людей в чёрной форме. У одного из военных, немолодого, сморщенного, словно сушёный гриб, голова, не считая глаз и носа, была замотана в грязную серую тряпку.

- Приветствую наших героев! – воскликнул Вам Кого. – Меня зовут Вам Кого, я Председатель Галактического Конгресса Империи Седьмой Плиты. Со мной представитель Сил Безопасности майор Сам Дурак, величайший учёный современности Конотоп Рах и Володя.

- Почётный член Конгресса, - вставил я обиженно.

- Я рад сообщить вам, - продолжал Вам Кого, - что ваша миссия благополучно... хм... закончена, и вы отправляетесь с новым срочным заданием на Эгозон.

- А еду не привезли? – спросил замотанный.
- Еда будет очень скоро, - заверил Вам Кого. – Позвольте узнать – вы ранены?
- Нет, - ответил боец. – У меня с головой плохо. Я в иллюминатор видел птицу, которая летела прямо в открытом космосе. Летела. Махала крыльями. У меня сейчас голова лопнет.
- Рядовому Меняю требуется медицинская помощь, - пояснил Издох.
- Мы с Вам Кого переглянулись.
- Хм, - сказал Вам Кого. – А у вас же нет никакой информации о том, что происходит в остальной Вселенной? Замечательно! То есть, я хочу сказать, немудрено свихнуться. Итак, я приказываю отправляться немедленно.
- Стояла тишина.
- Там есть еда, - добавил Вам Кого слегка растерянно. – Вас покормят.
- Ура, - тихо сказал Меняй, встал со скамьи и, шатаясь, спросил у Издоха: - Значит, в рубку идти?
- Все по местам, - скомандовал Издох. – Отправляемся. Курс – Эгозон-1.
- Команда разбрелась по отходящим от зала коридорам. Мы остались одни.
- Это наш шанс, - сказал Вам Кого, усаживаясь на скамью. – Здесь наверняка степень маразматичности ниже, чем во всей остальной Вселенной. Мы можем попасть на Эгозон!
- Молитесь, - сказал Конотоп, - чтобы вы оказались правы.

Глава 8. Ретурн

Многое в человеческой жизни определяется привычкой. Если вы привыкли каждый день ходить пешком по десять километров, то прогулка до магазина за продуктами не покажется вам долгой, даже если идти придётся двадцать минут. Если вы всю жизнь прожили в грязи и нищете, то, поселившись в чистую крошечную хрущёвку, вы наверняка будете считать её лучшим жилищем на свете.

Я всю жизнь прожил на Земле, а на Эгозоне – всего несколько дней. И всё-таки сейчас, когда я видел в иллюминаторе приближающийся красный шарик, я чувствовал себя так, словно возвращался домой. Должно быть, за то время, пока я находился в маразме, я настолько стосковался по нормальной жизни, что любое напоминание о ней казалось чем-то родным.

Корабль приземлился на одной из посадочных площадок неподалёку от столицы – примерно там же, где мы сели с Вам Кого в прошлый раз. Мы выбрались из корабля и увидели, как мимо нас марширует на задних лапах колонна одинаковых серо-полосатых котов.

- Что это? – упавшим голосом спросил Издох.
- Не волнуйтесь, - сказал Вам Кого, - это вам просто с голоду мерещится. Вот мы, например, ничего не видим. Правда, Володя?
- Никаких котов, - подтвердил я. – Вы лучше сходите тут в кафе, «Егозонские ласы» называется. Там цефест есть, мончо и гербидроль.

Тут как раз подлетел небольшой аппарат, похожий на летающую «Газель», в которую мы все дружно впихнулись.

- К площади перед Конгрессом, - приказал Вам Кого.
- А это где? – поинтересовался водитель.
- Прямо вон на то здание летите, - сказал Вам Кого.
- Это в центр, что ли? – мрачный водитель повернулся к нам. – Дорого встанет. Там место опасное.
- Это почему? – удивился Вам Кого.
- Да там вечно то пространство искривится, то воздух улетучится. А вот на прошлой

неделе...

- Сколько? – спросил Вам Кого.
- Двадцать, - ответил водитель.
- Грабёж, - сказал Вам Кого, нажимая кнопочки на устройстве оплаты. – Но держите. Маршрутка, неуклюже покачиваясь, начала подниматься в воздух.
- Пока нас не было, что-то случилось? – спросил Издох.
- Нет, - ответил Вам Кого. – Не переживайте, врачей тут много.

Воцарилось тяжёлое молчание. Когда маршрутка приземлилась, мы вышли и спешно попрощались с военными, указав направление к кафе. Они стояли, сгрудившись кучкой, растерянные и несчастные, и от их жалкого вида хотелось заплакать.

- Нехорошо это всё, - сказал Сам Дурак, когда мы входили в здание Конгресса. – Они на нашей стороне служат.

- Потом разберёмся. Может, даже наградим, - отмахнулся Вам Кого. – Сейчас главное – Плита.

Он остановился посреди холла и с некоторым удивлением осмотрелся по сторонам.

- Интересно, - сказал он. – А где все? Охрана хотя бы.

В холле никого не было, кроме робота-уборщика, который лежал на спине и потешно дрыгал ногами, пытаясь перевернуться. Конотоп пихнул его лапой, в результате чего тот встал на ноги и быстро побежал прочь.

- Нам нужно получить доступ в хранилище, - сказал Вам Кого. – Это на сорок седьмом, если мне не изменяет память.

Мы прошли через разломанные турникеты в лифтовый холл, где Вам Кого хотел нажать кнопку вызова лифта, но замер в нерешительности. Вместо обычной кнопки теперь располагался пульт с цифровым номеронабирателем.

- Что ещё за черт? – пробормотал он. – Лифты, что ли, поменяли?

- Наверно, этаж нужно набрать, - предположил я.

Вам Кого набрал «47». На дисплее отобразилась надпись на незнакомом мне языке.

- Что там написано? – спросил я.

- Что я не угадал, - ответил Вам Кого и покраснел. – Не нравится мне эта игрушка.

Пошли по лестнице к черту.

- Погодите, - сказал я. – Есть идея.

Я набрал на клавиатуре число 761. Компьютер на мгновение задумался и вывел на экранчике букву «В».

- Что бы это значило? – не понял Вам Кого.

- Здесь лифты буквами обозначены, - догадался Конотоп. – Вон, видите: «А», «Б». А вот этот наш, «В».

Как раз раскрылись двери, и мы зашли в кабину, изнутри сплошь покрытую зеркалами. Ни одной кнопки не наблюдалось, только средних размеров экран, на котором горела цифра «1», а рядом отображался видеоролик похабного содержания.

Конотоп ударил о стену хвостом, чертыхнулся и буркнул:

- Зачем нужны такие тесные лифты?

- И куда же этот лифт нас отвезёт? – спросил Вам Кого. – На семьсот шестьдесят первый этаж?

Я пожал плечами, так как двери всё равно уже закрывались. Лифт тронулся, разгоняясь так резко, что у меня помутнело в глазах. Цифры на экране прыгали хаотично в диапазоне от 1000 до минус 17, пока, наконец, не застыли на числе «23». Лифт затормозил, двери плавно разъехались в стороны.

- Не уверен, что нам сюда, - пробормотал Вам Кого, - но безопаснее будет выйти.

Мы находились на вполне себе обычном этаже, в холле с блестящим мраморным полом и желтоватыми стенами, от которого в обе стороны отходили широкие пустынные коридоры.

- И здесь никого нет, - прокомментировал Вам Кого. – Зато, я, кажется, понял, где мы.

И он вновь уверенно понёсся вдоль по коридору. Через минуту мы стояли у входа в огромное сверкающее помещение, которое узнал уже и я. Это был зал заседаний Конгресса. Он также был пуст, не считая одинокой фигуры в респираторе, которая суетливо передвигалась между рядами кресел и нажимала кнопки для голосования.

- Нибудь! – воскликнул Вам Кого. – Как же я рад вас видеть!

- Вжаимно, - сказал Нибудь, оторвавшись от своего занятия и с некоторым недоверием рассматривая нас. – Вы ненадолго или проездом?

- Хм, - сказал Вам Кого, – мы по делу... Но, может быть, вы расскажете, что здесь происходит?

- Ну как же, - Нибудь всплеснул руками. – Вше клоуны ражбежались, и законотворческая работа брошена на шудебный проиживол. Я один жа вшех хлебаю.

- Не понял, - опешил Вам Кого. – Вы что же, один законы принимаете? А как же кворум?

- Да не бешпокойтесь, - махнул рукой Нибудь. – Я регламент уже перепишал. Теперь закон принят, ешли жа него проголошовало любое количество шленов, нажав больше половины кнопок в этом жале.

Вам Кого снял шляпу, и я увидел, как останки его лба покрылись испариной.

- И что же за законы вы принимаете?

- Абсолютно! – воскликнул Нибудь. – Я перепишал вешь кодекш и верхнюю половину законов, ошобливо вшакую штарую <невнятно>. Помните, какой был кажус у наш ш Лаками? Теперь каждый может, к примеру, объявить нежамедлительную войну. Или вот прямо шейчаш я принимаю ишторический закон об информации, информатизации и жашите информации, где шёрным по белому написано, что польжоватшя информацией может только тот, у кого в надлежащей голове рашполагаетшя ожначенная информация. Вше ошталные должны жаключать ш ним пишменный договор аренды.

- Хм, - сказал Вам Кого. – Я, честно говоря, сейчас немного тороплюсь... Впрочем, у меня есть серьёзное желание оспорить правомочность ваших действий.

- И для этого тоже есть закон! – обрадовался Нибудь. – Чтобы что-либо ошпорить, вам придётся жапишаться на приём в порядке общей очереди, а очередношть жалоб я буду рашшматривать в режультате вшенародного голошования на референдуме в конце каждого штолетия.

- Хм, - сказал Вам Кого. – А куда все остальные члены Конгресса подевались?

- Ну, - сказал Нибудь, пошевелив респиратором, – я им не шторож. Ле Шышт вроде в больнице, он шебе на жашедании пыталшя башку оторвать, к шожалению, неудачно. Би Хоптон с Тутой Шыдимом шобрали ополчение, а когда ужнали, что Лаки жакончились, повели его воевать на кой-то ляд с Лигой Швободных Доменов. Пакер шо товарищи улетел на Жемлю мештную чиджанку пробовать. Ошталные кто где. Некоторые в ждании жаблудилишъ, тут же шорт жнает што творитшя.

- Хорошо, - сказал Вам Кого. – А где тут теперь хранилище и как в него попасть?

- Да там, жа углом, - махнул рукой Нибудь. – По крайней мере, час нажад было. А что вам там жа нужна?

- Хотим Плиту получить, - ответил я. – И маразм закончить.

- Опождали, - сказал Нибудь. – Маражм я жапретил законодательно, закон шегодня уже опубликован и обжалованию не подлежит.

- Что-то ваш закон не очень соблюдается, - заметил Вам Кого.

- Ничего, жаштавим, - уверил Нибудь и продолжил движение по залу, нажимая кнопки.

- Карты вам в руки, - сказал Вам Кого. – Пошли.

Мы вылетели из зала.

- Вот кретин-то! – воскликнул Вам Кого. – Флаг ему в задницу для равновесия! Что же он такого наворотил? Как мне теперь это разгрести? Синее Пламя, заведи к себе всех идиотов!

Он замолк, поскольку перед нами как раз оказалась дверь с надписью «Пржеховывание».

- Ну что? – торжественно обернулся к нам Вам Кого. – А вы, небось, не верили, что мы сюда доберёмся? Мы не могли не добраться, под моим-то руководством!

Он распахнул дверь, и мы вошли в тесное пыльное помещение, сплошь заставленное стеллажами, от которых нас отгораживал невысокий деревянный прилавок.

За ним стоял низенький пожилой человечек в очках с толстыми стёклами, который держал руки за спиной и тихо покачивался вперёд-назад.

- Здравствуйте, господин хранитель, - сказал Вам Кого. – Я Председатель Конгресса. Могу ли я получить одну вещь из вашего хранилища?

- Здравствуйте, - сказал хранитель, всё так же покачиваясь. – Разумеется.

- Нужно заполнить анкету? – уточнил Вам Кого.

- Не нужно, - сказал хранитель. – По новым законам ничего не нужно. Берите и пользуйтесь.

- Безобразие, - сказал Вам Кого. – Это Нибудь, что ли, придумал?

- Это мне неизвестно, - ответил хранитель бесстрастным голосом. – Чего желаете?

- Плиту номер Семнадцать, - ответил Вам Кого. – Подлинник.

- Сейчас посмотрим, - вздохнул хранитель, доставая из-под прилавка толстую инвентарную книгу. Он открыл её, полистал и прочитал вслух: - Плита номер Семнадцать, старинная, особой ценности не представляет, выглядит как коричневатый каменный брусок размером девять на двенадцать на двадцать пять сантиметров. Отдана во временное пользование.

- Кому отдана? Как? – не понял Вам Кого.

- Не могу знать, - ответил хранитель. – Написано, что отдана, а кому, не написано.

- А это точно? – спросил Вам Кого. – Нет никакой ошибки?

- У нас ошибок не бывает, - заверил хранитель. – Отдана, точно.

- А может, вы помните, кому? Может, есть ещё какие-то записи? – настаивал Вам Кого.

- Всех вас не упомнишь. Тут кто угодно шляется теперь. Даже суслики.

- Послушайте, - Вам Кого занервничал, и, содрав с головы шляпу, принялся неистово тереть её в руках. – Нам очень важно получить эту Плиту. Мы будем очень признательны, если вы поможете нам её найти.

- Чем же я могу вам помочь? – тусклым голосом спросил хранитель. – У меня её нет. Где она, мне неизвестно.

- Но вы же хранитель! – возмутился Вам Кого. – Как вы могли выдать её неизвестно кому и даже не запомнить, кто её взял?

- На то я здесь и поставлен – выдавать, - хранитель полузакрыв глаза и принялся покачиваться взад-вперёд снова.

- Если вы сейчас же не скажете, кто её взял, - повысил голос Вам Кого, - я тогда... я...

- Оставь его, Вам Кого, - сказал Конотоп. – Даже если он вспомнит, что толку?

Воцарилось молчание. Я не знаю, о чём думали остальные, но я пытался представить себе, как можно найти Плиту. Маленький камушек в пределах огромной Вселенной, в которой каждый путь неисповедим, а цели недостижимы.

Вам Кого вернул шляпу на голову и пошёл в сторону лифта. Мы последовали за ним, зашли в подъехавшую как раз вовремя кабину, поехали вниз.

- Что же мы теперь будем делать? – заговорил Вам Кого. – Как остановим маразм?

Двери раскрылись. Он вышел из лифта и пошёл к выходу из здания.

- В принципе, Вам Кого, ничего не изменилось, - сказал Конотоп. – Раньше мы стремились на Эгозон, теперь к Плите. Тот же случайный поиск, вероятность успеха не нулевая. Хотя, должен признать, нам сильно повезло, что мы смогли сюда добраться. Видимо, помогло то, что мы встретили группу лиц, которая ещё не подверглась воздействию маразма...

- Чепуха, - сказал Вам Кого, свернув по тротуару налево. – Никогда мы не найдём Плиту. Из этого положения вообще нет выхода. Мы и сюда попали только потому, что на самом деле нам нужен был не Эгозон, а именно Плита. И самое обидное – что я сам всё это устроил! Если бы не я, не этот маразм чёртов, всё бы было в порядке.

- Земля бы погибла, - возразил я.

- А так – она не погибла?! – вскричал Вам Кого. – Да так она вообще превратилась чёрт знает во что! В какую-то чудовищную пародию на планету, на которой невозможно жить! Если бы я мог вернуть всё назад! Если бы я мог изменить прошлое...

- Аллэ, - слышался хриловатый бас сверху.

Мы подняли головы и увидели платформу, которая спускалась на асфальт рядом с нами. На ней стоял тот самый таксист, ящер в кожаном пальто, который подвозил нас с Вам Кого в прошлый раз к Конгрессу.

- Я тут мимо пролетал и ваш базар услышал, - сказал ящер, моргнув единственным глазом. – Хотите прошлое вернуть? А насколько вас припёрло? В энергетических единицах, ясен пень.

- Дам всё, что у меня есть, - сказал Вам Кого.

- А сколько есть? – уточнил ящер.

- Я думаю, - вклинился Конотоп, - что интерес здесь может быть только теоретический. Уже давно и неопровержимо доказано, что путешествий во времени не существует.

- Ну, знаете, - возмутился Вам Кого. – Тигров говорящих тоже раньше не существовало, а теперь куда ни плюнь – вот он, пожалуйста. Уважаемый, - обратился он к таксисту, - у меня есть ещё порядка двухсот единиц.

- По рукам, - сказал ящер. – Я верну вас в прошлое за двести. Ладно, даже за сто девяносто девять, чтобы вы потом не говорили, что угробили кучу денег. Залезайте.

- Вам Кого, - сказал Конотоп. – Это глупо.

Но Вам Кого уже запрыгнул на платформу.

- Я думаю, что сейчас у нас не так много вариантов.

Мы присоединились к нему, и платформа взмыла в небо.

- Простите, - Конотоп обратился к таксисту. – Не знаю вашего имени...

- Геннадий, - ответил ящер.

- Так вот, Геннадий, - продолжил Конотоп. – Я так понимаю, что в вашем распоряжении имеется машина времени.

- Да ты сечёшь фишку, командир, - сказал Геннадий, ухмыльнувшись.

- А откуда она у вас, позвольте спросить? Что-то мне подсказывает, что вряд ли вы сами ее построили.

- Нет, конечно, - ответил Геннадий. – Что я, на лоха похож? Я больше по шофёрской части, ну, или припугнуть кого могу. Но есть у меня брат младший, шибко умный. И он скумекал, что в последнее время мир поменялся. Что теперь вроде как существуют в натуре вещи, которых раньше никогда не было. Что любая вещь, которая только может появиться, обязательно появляется.

- Неглупый у вас брат, - заметил Конотоп.

- Согласен, не дурак. Так вот, и решили мы с ним такие вещи собирать и всяким интересующимся типа вас впаривать.

- А машину времени где взяли? – уточнил Конотоп.

- Там же, где она сейчас, - ответил Геннадий. – Нашли. У брата моего есть такая теория, что будто бы кто-то вещь придумывает - ну, изобретатель или писатель какой, а она уже на самом деле есть. И мы много чего находим. То ковёр, который сам по воздуху летает, то горшок, который из ничего кашу варит. А вот недавно наткнулись на этот механизм. Поковырялись, поняли, что к чему. Провели опыты.

- И что же, успешно? – уточнил Вам Кого.

- А как же! – заверил Геннадий. – Взяли лопера домашнего, посадили в машину,

переместили в будущее.

- И он попал в будущее? – усомнился Конотоп.

- Ну, из настоящего он точно исчез, - сказал Геннадий. – А что там, в будущем, из него получилось, это уж мы не знаем.

- Гениально, - сказал Конотоп и замолчал, отвернувшись.

Платформа летела грязноватой улицей, заваленной пищевыми отходами и прочим мусором. В прошлый мой прилёт на Эгозон я и не подозревал, что тут есть подобные места. Хотя, конечно, следовало догадаться.

Мы опустились на асфальт возле старого обшарпанного кирпичного здания с огромными ржавыми воротами. Геннадий спрыгнул с платформы, воровато огляделся и, подойдя к воротам, отпёр их при помощи необычного инструмента, похожего на металлическую гребёнку.

- Проходите, - сказал он. – Только быстро.

Мы проскользнули внутрь, в сумрачное сыроватое помещение, похожее на ангар. Он вошёл за нами и закрыл ворота.

- Собственно, вот, - сказал он. – Теперь деньги.

Мы озадаченно воззрились на то, что находилось посреди ангара. На первый взгляд, это напоминало останки большого разбитого военного вертолёт, лишённого шасси, дверей и половины винта. Да и на второй, впрочем, то же.

- Милейший, - сказал Вам Кого, шмыгнув носом. – А вы уверены, что это машина времени?

- Абсолютно, - сказал Геннадий. – Заплатите – и можете проверить, если желаете.

Вам Кого неторопливо обошёл вертолёт, посмотрел на ящера, который стоял, заложив руки за спину, с невозмутимым выражением лица, и сказал:

- Хорошо. Я заплачу.

- Вам Кого, мне жалко твои единицы, - покачал головой Конотоп.

- А мне – нет, - парировал Вам Кого и, достав приборчик, нажал на нём пару кнопок.

- Ну, вперёд, - сказал ящер, - проверяйте.

Вам Кого подошёл к кабине вертолёт, заглянул внутрь.

- И как это работает?

- Садитесь внутрь, набираете на том пульте дату и координаты по системе Блоттера, - объяснил Геннадий. - Нажимаете большую кнопку справа, ждёте пару секунд и перемещаетесь.

- А ещё лопер у вас есть? – спросил Вам Кого.

- Нет, - ответил Геннадий. – Но можете выйти на улицу и попытаться поймать.

- Ладно, обойдёмся, - сказал Вам Кого. – Сейчас проведём эксперимент. Отправим мою шляпу в будущее на одну минуту вперёд.

Он снял шляпу и пристроил её на сиденье пилота. Посмотрел на пульт и спросил:

- А это, часом, не бортовой микрокалькулятор? Уж больно похоже.

Геннадий вздохнул, но промолчал.

- Ладно, - Вам Кого почесал дыру в голове. – Хм. Никто не может подсказать, сколько сейчас времени?

Я взглянул на часы и сказал:

- Двадцать восемь часов семьдесят семь минут. И год одна тысяча восемьсот шестьдесят первый.

Сам Дурак извлёк из внутреннего кармана миниатюрный хронометр на цепочке:

- А у меня одиннадцать часов одиннадцать минут. Первое апреля две тысячи одиннадцатого.

- У кого-то спешат, - заметил Вам Кого. – Вопрос только, у кого.

- Там есть часы, - подсказал Геннадий. – Слева от пульта.

- А, вижу, - произнёс Вам Кого, пошарив глазами по приборной панели. – Здесь семь тысяч тридцатый, двадцать второе апреля, полночь. Замечательно. - Он набрал что-то на

пульте и прыгнул на землю.

Мы напряжённо смотрели на шляпу, которая лежала на сиденье. Она внезапно вспыхнула ярким пламенем и превратилась в сноп искр.

- Чёрт, - сказал Вам Кого. – Это больше похоже на самовозгорание, чем на перемещение во времени.

- Права не качайте, - сказал Геннадий. – Деньги всё равно не верну.

Мы постояли немного в растерянности.

- Хм, - сказал Вам Кого. – А где же шляпа? Мне кажется, минута уже прошла.

- По моим, уже год прошёл, - сказал я.

- Выбросьте к чёрту свои часы, - буркнул Вам Кого.

- Не выброшу, - ответил я. – Вот маразм закончится – они мне пригодятся.

- Ну, вы и фантазёр, - взмахнул бородой Вам Кого. – Маразм закончится. Это ж надо такое придумать.

В воздухе над сиденьем внезапно возникла белая шляпа и плавно спланировала из кабины прямо в руки Вам Кого.

Тот взял её и надел на голову.

- Хм, - сказал он. – Вроде работает. Правда, шляпа-то не моя. Великовата. Ладно, господа. Давайте уж отправляться, лезьте в кабину.

И сам сел на место пилота.

- Дурдом, - возмутился Конотоп, но прыгнул на сиденье за спиной Вам Кого и устроился на нём, поджав под себя хвост.

Я сел впереди, рядом с пилотом, Сам Дурак – за мной.

Вам Кого принялся набирать на клавиатуре цепочки цифр.

- Ну и куда, по твоему мнению, мы должны отправиться? - насмешливо поинтересовался Конотоп.

- Туда, где всё ещё можно исправить, - ответил Вам Кого. – Во всяком случае, надеюсь.

- Ладно, - согласился Конотоп. – Валяй. По крайней мере, получишь настоящую демонстрацию торжества теоретической физики.

- Поехали, - сказал Вам Кого и нажал большую кнопку.

Сначала ничего не происходило. Геннадий, стоящий чуть в стороне от вертолёт, смотрел на нас с недоброй ухмылкой.

- Прощайте, - сказал он. – На всякий случай.

А потом вокруг вертолёт вдруг всё растворилось, превращаясь в мутное нерезкое облако. У меня забурлило в животе, и к горлу подкатил ком тошноты.

- Вот дерьмо, - сморщился Вам Кого – видимо, ему тоже было нехорошо.

За бортом чуть прояснилось, и местность вокруг постепенно обрела чёткие контуры.

Мы находились в лесу, окружённые буйной зелёной растительностью.

- Получилось, - сказал Вам Кого. – Пошли.

Мы выбрались из вертолёт и двинулись сквозь заросли за несущимся впереди Вам Кого.

- Мы на острове, - говорил он на ходу. – Там, где мы с вами встретились, Володя. Сейчас мы переместимся на «Коробочке» в Кунцево и полетим на Эгозон, чтобы взять Семнадцатую Плиту.

- Вам Кого, - сказал Конотоп, – да ты тупее, чем я думал. А почему ты сразу не переместился на Эгозон, только намного раньше, когда Плита ещё была на месте?

- Потому что мне не нужно использовать Плиту в тот момент, когда маразма ещё нет, - ответил Вам Кого. – А в тот момент, когда он только начинался, я находился здесь.

- С этим я не спорю, - сказал Конотоп. - Только Плита на Эгозоне, а это важнее.

- Ну, не подумал, - буркнул Вам Кого.

Мы вышли на поляну, утыканную пеньками. В её центре сидели старик в белом костюме и чудаковатого вида молодой человек, которые пили водку из пластиковых

стаканчиков. Спустя мгновение я осознал, что вижу со стороны самого себя и Вам Кого.

- Чёрт, - пробормотал Вам Кого, останавливаясь – Я совсем забыл. Те мы, из того времени, тоже здесь.

- Тогда, с твоей точки зрения, - сказал Конотоп, - ты можешь их остановить и изменить весь последующий ход событий.

- Как? – не понял Вам Кого.

- Да вот так! – Конотоп Рах совершил мощный прыжок вперёд, между сидящими, и парой молниеносных движений лапой рассёк им шеи прежде, чем они успели испугаться.

Оба наших двойника, брызжа кровью, рухнули на землю и задёргались в конвульсиях.

- Ты что наделал?! – закричал моментально побледневший Вам Кого.

- Показал тебе, дурья башка, что времени не существует, - ответил Конотоп, слизывая со своей морды брызги крови. – Если бы это были вы с Ясонием в прошлом, то вас бы здесь сейчас не стояло. То, что вы видели – такая же игра воображения, как и всё остальное, включая всех нас.

Вам Кого присел на корточки возле своего собственного окровавленного тела и дрожащей рукой дотронулся до раны на горле. Умиравший старик прохрипел:

- Передайте привет моей маме... Скажите... Я во дворе бутылку водки закопал...

Через мгновение он испустил дух.

- Что за бред! – воскликнул Вам Кого, поднимаясь. – Нету у меня никакой мамы и никогда не было. И в каком это дворе я мог закопать бутылку водки?

- А это важно? – спросил Конотоп.

- Ну, выпить бы я не отказался, - буркнул Вам Кого. – А, кстати, - он заметил на пенёчке слегка початую бутылку, - трупам она вряд ли понадобится, - и приложился к горлышку.

Он отпил немного, затем постоял и подумал несколько секунд.

- И всё же, Конотоп, ты не совсем прав, - произнёс он. – Пусть то, что мы совершили – это не настоящее путешествие во времени. Но ведь есть вероятность, что мы сможем отсюда перенестись в Кунцево, там найдётся мой корабль, мы прилетим на Эгозон, а Плита окажется в хранилище?

- Вероятность есть всегда, - ответил Конотоп.

- Тогда вперёд, - и Вам Кого метнулся сквозь заросли с бутылкой наперевес.

- Вот неугомонный старик, - проворчал Конотоп и засеменил следом.

Через несколько секунд мы уже стояли около белого ящика, напоминающего холодильник, который разместился в высокой траве посреди острова.

- Вам Кого, - сказал Конотоп. – Мы в неё не поместимся.

- Ну, что вы, - возразил Вам Кого, - в автобусе не ездили? Сам Дурак, заходите.

Теперь ты, Конотоп.

Затем Вам Кого затолкнул в холодильник меня и принялся лезть сам, не обращая внимания на возмущённое рычание Конотопа и хруст моих костей.

Дверь закрылась.

- Я не могу дышать, - прошептал я, пытаюсь пошевелиться.

- Ничего, - прохрипел Вам Кого. – Это ненадолго.

Он, изогнувшись причудливым образом, уже набирал координаты на пульте за моей спиной.

- Поехали, - сказал Вам Кого.

Через секунду наше перемещение закончилось, и Вам Кого открыл дверь. Он тут же исчез из моего поля зрения, вывалившись из холодильника наружу. Я полетел следующим. Кувыркаясь в воздухе, я осознал, что мы телепортировались в точку высоко над тем же самым островом, и теперь благополучно падали обратно.

Я свалился на Вам Кого, больно ударившись коленом о его голову и откатившись в сторону. Затем в траву рухнули Конотоп, приземлившийся на все четыре лапы, и сгруппировавшийся для падения Сам Дурак. На него, впрочем, тут же упала «Коробочка»,

разлетевшись в мелкие обломки. Сам Дурак качнулся, но устоял.

- Все целы? – спросил Вам Кого, отряхиваясь.

- Вроде да, - ответил я за всех, хотя струйка крови на голове Сам Дурака и его отсутствующий взгляд выдавали его плохое самочувствие.

- Это хорошо, - сказал Вам Кого, и отпил немного из бутылки, которую умудрился сохранить в своей руке абсолютно невредимой. – Вот только что же мы будем делать дальше? Вот вы, Володя, как думаете?

- Не знаю, - ответил я. – Может, по домам разойтись?

- Можно, - согласился Вам Кого. – Только я не уверен, что смогу добраться до дома. Рядом с нами упало тяжёлое дерево, напоминающее то ли сосну, то ли берёзу.

- Тогда надо идти дальше, - сказал я. – Продолжать случайный поиск.

- Согласен, Володя. Правда, мы на острове. И нам нужна Семнадцатая Плита размером с небольшой кирпич, которая находится в случайном месте Вселенной, а возможно, даже перемещается. И как попасть туда, где находится Плита, мы не знаем, хотя бы потому, что мы не знаем, где она находится, и не знаем, как вообще куда-либо попасть.

Сам Дурак вытер со лба кровь и сказал уверенно:

- Я думаю, что нам нужно всё это прекратить.

- Как именно? – встрепнулся Вам Кого. – Что вы предлагаете?

- Я думаю, что у нас нет другого выхода. Нужно звонить йокесам.

Все замолчали. Вам Кого снял шляпу, затем надел её, потом снова снял и почесал дыру в голове.

- Я против, - сказал он. – Иными словами, я согласен. Не представляю, что может быть хуже, чем то, что сейчас. Володя, у вас же есть телефон? Звоните.

Я достал из сумки одну из реклам, которые распространяли йокесы, и нашёл там телефонный номер. Взяв в руки мобильник, я набрал номер и включил громкую связь.

- А то я не знаю, что говорить, - пояснил я.

После двух или трёх гудков мне ответил странный свистящий голос с абсолютно безумной интонацией:

- Алло. Вас приветствует исполнительная сила Вселенной, йокесы. Что вам угодно?

- Э... - сказал я. – Нам Плита нужна. Семнадцатая.

- Когда доставить? – спросил голос.

- Э... Сейчас.

- Чем будете оплачивать?

Я в растерянности оглядел остальных.

- У меня есть пара тысяч рублей, - пробормотал я.

- Принимаются только энергетические единицы, - ответил йокес. – Или равноценный обмен.

- А вы доставьте, - сказал Вам Кого. – Разберёмся как-нибудь.

- Принято, - сказал йокес, и трубку на той стороне повесили.

Мы замерли в ожидании. Только Конотоп почесал задней лапой свою шею да пролетели мимо, повизгивая, два терминала – а может, это были обыкновенные ботинки.

Сверху внезапно раздался громкий свист. Я поднял голову и еле успел отпрыгнуть в сторону от падающего с небес кирпича, который тяжело грохнулся о землю, перекатился и застыл. Я подошёл к нему и пригляделся. Кирпич и кирпич, разве что на верхней грани написано загадочное «ГМЗ откырш».

Я протянул к нему руку, но в ту же секунду сверху, с небес, раздался тот самый голос, который только что говорил со мной по телефону.

- Плита доставлена, - произнёс он. – В качестве равноценной замены будет использована энергия звезды Солнце.

Моментально стало темно. Разве что тусклые звёздочки помигивали где-то далеко в небе.

- Мы так не договаривались! – крикнул из темноты Вам Кого. – Всесторонне убогие

люди! Примитивные дебилы! Да нет – просто идиоты!

- Успокойся, Вам Кого, - произнёс Конотоп. – Они сделали то же, что и обычно.

Выполнили поручение, проявив творческий подход.

- А может, использовать Плиту? – спросил я неуверенно.

- Не стоит, - ответил голос Конотопа. – Сейчас Солнце не работает, так что через некоторое время Земля остынет и замёрзнет. Пока мы в маразме, есть шанс, что мы выживем. Если остановим, всем наступит крышка.

- Давайте хоть Плиту подберём, - засуетился Вам Кого. – Володя, она где-то у вас под ногами. Достаньте же, чёрт побери, ваш убогий фонарик.

Я стал шарить руками в поисках фонарика и нащупал нечто волосатое, шевелящееся...

- А! – вскрикнул Конотоп. – Осторожнее. Это мой хвост.

- Что он делает в моей сумке? – возмутился я.

Тут вдруг стало светлее, и я смог разглядеть лицо Вам Кого, который присел на корточки и искал на земле Плиту.

- Откуда свет? – пробормотал Вам Кого. – Володя, это ваш фонарик?

Но это был не фонарик. Прямо на нас сверху опускалась огромная железная машина, изрыгающая пламя.

- Бежим! – крикнул Вам Кого.

Я нашарил-таки кирпич, схватил его, и мы понеслись прочь сквозь заросли пальм, которые буквально через секунду вспыхнули. Наверно, это всё-таки были ёлки, уж больно горели хорошо. Отбежав метров на триста, мы наблюдали, как большой космический корабль, напоминающий ярко-белое помпезное здание с колоннами, опускается на поляну, где мы только что стояли. Он коснулся земли, огонь утих, и клубы дыма начали рассеиваться.

В борту корабля открылась дверь, и к земле выехал металлический трап, а над ним загорелся прожектор, направленный нам прямо в глаза. В луче света в нашу сторону двигалась смутно знакомая мне фигура среднего роста.

- Что здесь происходит? – раздался громкий сердитый голос. – Кто-нибудь может мне объяснить?

Человек из корабля подошёл ближе, и я внезапно узнал в нем покойного Так Его. Да, борода сбрита, и бывшая лысина покрыта волосами, но это, несомненно, был он!

- Вам Кого? – удивлённо спросил он, глядя в нашу сторону. – Какими судьбами? И что вы тут творите?

- Не понимаю, - дрожащим голосом пробормотал Вам Кого, пятясь назад. – Вы же умерли...

- К счастью, нет, - ответил Так Его. – Я сам до последнего момента думал, что мне придётся умирать. Но оказалось, что уже давно смерть Председателя является простой инсценировкой, позволяющей ему благополучно уйти на покой. Мне рассказали это перед смертью. Мнимой смертью, как видите. Датчик на церемонии прощания показывает комнатную температуру, и все верят в смерть.

- Но как же... - промямлил Вам Кого. – Неужели вас никто не узнал?

- Я отошёл от дел и мало кого сейчас интересую, - сказал Так Его. - Я сменил имя. Теперь я Сигма-Пи Пушкин, командир отряда по охране порядка в данном квадранте галактики.

- А здесь ещё есть что охранять? – спросил Конотоп.

- Вы не представляете, - махнул рукой Так Его. – То планеты столкнутся, то невесомость наступит, то физические константы поменяются. А то вот на днях произошла крупнейшая в истории битва удовов с сусликами. Куча трупов, а убирать кому? Нам.

- Позвольте, - сказал Вам Кого. – Но как же вы наводите порядок в маразме?

Так Его развернулся на своих металлических ногах и заложил руки за спину.

- С переменным успехом, честно говоря. Но усердие всё превозмогает. Кроме того,

иногда приходится просить помощи у йокесов...

- Но как? – удивился Вам Кого. – Мы как раз только что попытались попросить у них помощи, а они в ответ выключили Солнце.

- Ну, это они шутят, - хмыкнул Так Его. – Вы, небось, им не заплатили или плохо договорились. Сейчас разберёмся.

Так Его снял с пояса огромный телефонный аппарат, напоминающий старинные мобильники, и ткнул на нём несколько кнопок.

- Алло. Йок? – сказал он в трубку. – Послушай, вы тут Солнце выключили. Надо бы починить. Нехорошо получается. Да, само собой. Возьмите энергию чёрной дыры в созвездии Цефея, квота сто тринадцать – два. Спасибо.

Он повесил трубку и гордо оглядел нас. Через пару секунд включилось Солнце, и небо снова стало синим, а глаза на мгновение ослепли с непривычки.

- Так Его, - сказал Вам Кого, вглядываясь в лицо новоиспечённого Пушкина, - я не понимаю. Ты только что заплатил йокесам огромные деньги. Откуда? Сдаётся мне, что это связано с тем самым Энергетическим фондом, про который давно ходили слухи...

- Ну, да, да, - кивнул Так Его. – Пришлось кое-что припрятать на чёрный день. Но ведь пригодилось же!

- Кошмар, - Вам Кого зажмурился и обхватил руками голову. – Последний столп моих идеалов обрушился...

- Э... - сказал я. – А у меня вот тут Плита есть... Может, включим?

- Да, конечно, - сказал Вам Кого, опомнившись. – Нельзя терять времени.

- Так вы решили маразм прекратить? – уточнил Так Его.

- Мы уже давно решили, - сказал Вам Кого. – Но в маразме это практически невозможно.

- Не знаю, как отнесутся к этому йокесы, - сказал Так Его. – Но как знаете. Хозяин – барин.

- Хм, - сказал Вам Кого. – Володя, давайте. Нажимайте на нижний торец.

Я повертел кирпич в руках.

- Э... А какой из них нижний?

- Да какая разница, - возмутился Вам Кого. – Нажимайте.

Я нажал на одну из небольших граней и почувствовал, как гладкий камень чуть подался под моим пальцем, словно тоненькая мембрана. Из противоположной грани кирпича в небо выстрелил яркий синий луч, и на ближайшем облаке возникло нечёткое изображение.

- Володя, не трясите её, - поморщился Вам Кого. - И направьте куда-нибудь поближе.

Я повернул Плиту проектором в сторону корабля Так Его, и на борту появилась картинка, изображающая ярко-синее диалоговое окно с мигающей надписью «Compilation successful: Press any key».

- Э... - сказал я. – А Any key – это где?

- Володя, не тупите, - сказал Вам Кого. – У Плиты все грани – кнопки. Нажмите любую.

Я всё ещё медлил.

- А что произойдёт-то? – спросил я. – Маразм кончится? И всё, что произошло – оно что, исчезнет? Из памяти сотрётся?

- Не знаю, - ответил Вам Кого. – Но жмите уже!

И я нажал.

* * *

Я шёл по Новому Арбату в будничном потоке людей. Я не знал, как здесь оказался. Не было никаких спецэффектов, ярких вспышек или пространства, сворачивающегося в трубочку. Я просто осознал себя идущим по улице - словно задумался на мгновение, а потом опомнился и попытался понять, куда в задумчивости зашёл.

На самом-то деле мысль у меня была всего одна: «А закончился ли на самом деле маразм?» Рядом со мной не было ни Вам Кого, ни Конотопа, ни Сам Дурака, но это абсолютно ничего не означало, кроме того, что разбираться мне придётся самому.

Вот вы, уважаемый читатель, читали когда-нибудь анекдоты? Ну да, дурацкий вопрос. На то вы и читатель, чтобы читать. Я просто к чему – у меня иногда бывала ситуация, когда, начитавшись очень смешных анекдотов, я начинал просматривать новости. И мне казалось, что они – всего лишь продолжение анекдотов, просто пародия, и в каждой новости я находил подвох. Сейчас у меня было примерно такое же ощущение.

Навстречу шла женщина в шароварах, мотня которых чуть ли не касалась асфальта. Выглядело это очень странно, но, возможно, наступила такая мода? У парня с волосами, торчащими во все стороны, под кожей лба виднелся уродливый нарост в форме пятиконечной звезды. Он и вправду загнал это себе под кожу или маразм всё-таки продолжался?

Я задумался. Почему мы решили, что в маразматическом пространстве Плита может сработать? Если никакое действие не приводит к нужному результату, то почему нажатие пальцем на керамический кирпич должно к нему привести?

- Йеди юз алтмыш бир?

Я вздрогнул. Возле меня стоял мужчина, по виду выходец из Средней Азии, который держал в руках бумагу с неразборчивыми записями, тыкал в неё пальцем и улыбался, обращаясь ко мне.

- Простите, - сказал я, отмахиваясь. – Я по-узбекски не понимаю.

«Как вообще отличить маразм от обычной реальности?» - думал я. Вывески магазинов казались необычными, но вполне могли означать как развитой маразм, так и оригинальный маркетинговый ход. Ресторан «Тайна старого козла» - очень даже звучит. Детский магазин «Шмакодявка». Почему бы и нет? Что значила вывеска «Суспендированные углистые вещества», я не понял, но меня она тоже не удивила – может быть, секта или ночной клуб.

Я решил прислушаться к разговорам.

- Я когда-то был битником, - говорил пожилой мужчина, идущий параллельным со мной курсом. – У меня были шапка-манка и двугорбый пиджак, и танцевали мы вот так: «Ту-ту-ру-ту-ту».

Он изображал что-то руками, слегка повиливая задом, а идущая рядом женщина в блестящем красном скафандре звонко хихикала. Вполне нормальная пара, ведущая светскую беседу, ничего удивительного. Приличные люди. Мне стало даже неудобно, что я иду рядом с ними в грязной футболке и с кирпичом в руке.

Машины ехали по улице совершенно обыкновенные, земные – старенький горбатый «Запорожец» с мигалкой, розовая «Волга», роскошный «Быд-Флайер» и армейский БТР с бочкой пива на прицепе.

- Неужели маразм действительно закончился? – прошептал я вслух. Я представил себе на мгновение, что всё произошедшее – лишь плод моего воображения, и не было никаких Лаков, Галактического Конгресса, Вам Кого... – Да нет. Не может быть...

По чему можно было примерно определить степень маразматичности, если нет под рукой специального прибора? Ну да – рельеф местности, архитектура... Надо понять, всё ли здесь так, как обычно на Новом Арбате. Кремля здесь нет, Останкинской башни тоже, и это правильно. И стоят в ряд три здания в форме раскрытых книг, как во времена Советского Союза. Я даже вспомнил старую открытку, где эти здания были сняты ночью, и их окна горели в форме букв слова «СССР».

Я остановился как вкопанный, осознав разницу. В слове "СССР" букв было четыре, а зданий сейчас - всего три. А это означало, что маразм всё ещё продолжается. В подтверждение моей догадки в воздухе начало неясно прорисовываться четвёртое здание-книжка.

- О Господи... - пробормотал я. – Неужели всё опять начинать сначала?

Сзади послышался громкий звук фoniaщего динамика. Я обернулся.

Над Новым Арбатом вздымался огромный телевизионный экран, на котором был изображён серьёзного вида диктор в строгом костюме. Он прокашлялся, и звук, усиленный невидимыми громкоговорителями, раскатился по улице.

- Уважаемые телезрители, - произнёс диктор, сурово сдвинув брови. – В связи с семнадцатилетием независимости суверенного государства Республика Минона перед вами выступит чрезвычайный и полномочный посол республики в Российской Федерации товарищ Бяка.

Изображение сменилось. Теперь перед камерой сидел скелет в чёрных перчатках. Он смотрел в лежащий перед ним на столе лист белой бумаги и неторопливо читал неприятным свистящим голосом:

- Я рад приветствовать всех, кто в этот торжественный момент меня видит и слышит. То, что вы можете меня слышать, само по себе удивительно, поскольку у меня нет ни голосовых связок, ни губ, ни языка. Следовательно, вам только кажется, что вы меня слышите, - Йок Эстер оторвался на мгновение от листочка и пощёлкал зубами. - Логично также предположить, что вы меня не видите, поскольку такое существо, как я, и вовсе не может быть реальным. Но это заставляет усомниться и в реальности всего остального, в том числе вас, мои зрители и слушатели, ибо какие же вы слушатели и зрители, если вы видите и слышите то, чего не существует? Я предлагаю разрешить эту проблему простым забавным способом. Нужно окончательно разрушить иллюзию нашего с вами существования. И поэтому, дорогие друзья, позвольте мне на весь мир и во весь мой несуществующий голос произнести нижеследующее... **ЕСТРЕМЕНТЕРАКОРИНДО!**

Как только йокес вымолвил это слово, меня подбросило в воздух и шарахнуло сильным разрядом электрического тока в спину. Меня скрючило, затем передёрнуло, и сквозь брызнувшие из глаз слёзы я видел, как мир вокруг рассыпается в мелкие обломки. Они вертелись, разлетались в разные стороны и исчезали. Как только последний кусочек мира растворился в пустоте, мне показалось, что я и сам исчез, поскольку мне больше нечего было видеть и чувствовать. Мой мозг сковало страхом от невозможности осознать всё это, я попробовал дышать чаще, но не мог понять, дышу ли вообще, и это ещё сильнее парализовало мне рассудок. Однако спустя пару мгновений сознание вернулось, и я ощутил, что плавно опускаюсь вниз во влажном прохладном воздухе, всё ещё сжимая в руке Семнадцатую Плиту, а вскоре почувствовал под ногами нетвёрдую, зыбкую опору. Это оказалась лодка, которая покачивалась на мутноватой воде в густом непроницаемом тумане. Я сел на деревянную скамью, положил кирпич на дно лодки, взялся за вёсла и принялся грести.

Где я был? Зачем грёб? Что вообще окружало меня? Я не знал, и в тот момент мне было всё равно. Я чувствовал себя необычно, словно во сне, и сама река казалась призрачной, нематериальной. Кроме того, я вдруг ощутил, что и сам изменился, только не мог понять, как.

Перегнувшись через борт, я взглянул в колышущуюся воду и увидел своё отражение. На меня смотрел усталый бородатый старик с моими глазами и чертами лица. Секунду я размышлял об этом, но ни к какому выводу не пришёл и продолжил работать вёслами.

- Ладно, - произнёс я. – Какая разница?

Под мерное поскрипывание уключин хотелось спать. Но если бы я заснул, они перестали бы мерно поскрипывать. Поэтому я просто грёб и грёб вперёд, к неизвестной мне цели.

Часть 3

Глава 1. Взлёт

В начале второй весны года, ранним невыносимо жарким утром, когда на пастбищах только-только занялись сморчки, а в закромах Родины радостно заскрежетали цикады, ни разу не орденоносный тракторист Семён Дудиков очнулся ото сна в заблёванном вонючем туалете. Он приподнялся на четвереньки, неуклюже вырвал себе с головы клоч косматых волос, чтобы побыстрее прийти в чувство, но в результате завалился на бок и подумал про себя труднопроизносимое в его состоянии длинное матерное выражение.

- Сеня, ты? – послышался из-за двери голос жены.

- Ну а кто, мля... - пробормотал Семён, медленно приводя своё тело в вертикальное положение путём выталкивания его вверх вдоль закрытой двери. И, уже громко, добавил: - А ты кого ждала?

- Да тебя ждала, - отозвалась жена, Ксюха. – Уж дня два. Опять напился, что ли?

- Хорошая ты у меня, - буркнул Семён, щёлкнув шпингалетом и вывалившись из туалета на пол прихожей.

- Ты, если бы не пил, тоже был бы хороший, - пролепетала Ксюха, возвышавшаяся над ним в потёртом ситцевом халатике, покрытом изображениями лазерных трамваев, горных кротов и красных дыр.

- Дак а что бы я делал тогда? – спросил Семён, в очередной раз поднимаясь на ноги.

- Работал бы, - шмыгнула носом Ксения, придерживав его за плечо.

- Я и работаю, - ответил Дудиков. – А толку-то?

- Зарабатывал бы больше, - уже менее уверенно продолжила Ксюха. – И детям было бы что кушать.

- Чего? – от удивления Семён пошатнулся и чуть снова не упал. – Я же этим оглоедам в четверг целый мешок камушков приволок.

- Да не могут они их есть! – в сердцах воскликнула Ксения. – У Глашки от них запор, а у Порфирия два зуба всего молочных, не угрызть. Ты бы их хоть подробил, что ли.

- Чем я их подроблю? – буркнул Семён. – Я тракторист, а не шахтёр какой-нибудь.

- Ну, купил бы хлебушка.

- На что? Платят рублями, а в магазинах нонче только эти э.е. проклятые берут...

Впрочем, Семён уже успокоился и направился к двери.

- Ты куда? – спросила Ксения. – Опять пить?

- Да нет, - честно ответил Семён. – Сегодня не буду. Не могу больше. Надо трактор проверить, а то мало ли что с ним после вчерашнего.

Пока он неуверенно двигался к двери, однако, у него уже возникла мыслишка, что немного похмелиться не помешало бы, и трактор как раз подходит для того, чтобы добраться до нужного магазина.

- Ну, смотри, - Ксения недоверчиво вздохнула и отвернулась.

Дудиков вышел из дома на улицу, поискал по привычке, что бы пнуть ногой, но не нашёл и просто тихо выругался. На улице шёл оранжевый снег.

- Опять химкомбинат развлекается, мать его... - пробормотал Семён и, подняв воротник куртки, двинулся в сторону трактора.

Трактор был его единственной настоящей любовью в этой жизни. Он холил его, лелеял и с наслаждением заботился о каждой детальке. Всё в тракторе сверкало и переливалось. Пару недель назад Дудиков даже поставил ему новый хвост из поликарбоната, который теперь вздымался позади реактивных сопел горделиво и слегка надменно.

Семён щёлкнул пальцами, и водительская дверь поднялась вверх, словно крыло птицы, приглашая его внутрь. Семён осмотрелся, не подглядывает ли кто, и забрался в кабину.

Щёлкнув парой тумблеров, он запустил диагностику всех систем. На лобовом стекле отобразились быстро бегущие разноцветные надписи, констатирующие, что всё в порядке, и трактор готов к взлёту.

Семён захлопнул дверь, пристегнулся, выжал сцепление и принялся остервенело крутить ручку механического стартера справа под рулём. Двигатель присвистнул и зарычал. Семён включил верхнюю передачу и осторожно отпустил сцепление. Трактор пополз вверх, покачиваясь над землёй, словно величественный корабль на волнах.

- Молодец, синий, - Дудиков одобрительно похлопал по рулю и стал потихоньку поворачивать направо, в ту сторону, где внизу вилась тёмно-бурая речка.

Всё было прекрасно. Винты вращались, из сопел летел густой чёрный дым вперемежку с керамзитом, а сам трактор неторопливо двигался вперёд над преисполненным торжественного покоя ландшафтом.

Справа высились ряды деревянных церквей – православных, баптистских, мусульманских, еврейских и новомодных, в честь Синего Пламени и какого-то смесителя, точное название которого Семён не помнил. Церкви стояли плотно, будто частокол, и являли собой молитвенное единение разных конфессий – покосившееся и бедное, но всё равно благолепное.

Слева шевелился смешанный лес, состоящий из деревьев лиственных, хвойных, пластиковых, железных и неопознанных, вовсе лишённых листьев, ветвей и стволов. Некоторые деревья подпрыгивали, пытаясь разглядеть, что творится вдаль, другие шатались, намереваясь упасть, а третьи стояли чинно и бормотали про себя неразборчивые для уха Семёна тексты.

Трактор же двигался вдоль устья реки вперёд, где почти сразу за горизонтом виднелся белокаменный город, подвешенный вниз крышами над небольшим озерцом. В этом городке Дудиков знал все входы и выходы, хотя и понимал, что за пару дней отсутствия многое в нём могло поменяться.

Лететь было недолго, минут десять, то есть примерно час. Однако бросив взгляд на небо, Семён вдруг нахмурился – над рекой клубилась огромная свинцово-серая туча, слишком живая и подвижная, чтобы казаться обычной дождевой. Трактор подтвердил его опасения, спроецировав на лобовое стекло тревожное сообщение о возможном шторме.

- Да ничего, проскочим, - постарался успокоить Семён машину, хотя сам уже не был уверен в удаче своего предприятия. Туча всё клубилась, росла и тянула к трактору свои толстые блестящие щупальца. Через мгновение трактор оказался внутри.

Семёна ослепило, и он зажмурился. Он словно бы распадался на мелкие частички, и каждая из них представляла собой отдельный образ, слово или чувство. Он перестал ощущать себя единым человеком, и от этого накатил страх. Сознание заполнили беспорядочные слова, не имевшие реального воплощения, а сами по себе казавшиеся реальными.

«Чушь какая-то», - думал Семён. И чушь представлялась грязной бесплотной свиньёй, которая ела из деревянного корыта зловонные помои, тоже, разумеется, нематериальные. Однако вонь была настолько сильной, что вяли уши и цветы на лугу, а пчёлки в испуге полетели прочь, выстраиваясь в причудливые символы, означавшие «Вот дерьмо». Дерьмо было липким и ещё более отвратительным, чем помои. Теми хотя бы можно было помыться, а мыло, вода и другие средства никогда не помогают. Помочи, в конце концов – это те же подтяжки, только на магазинном жаргоне, а Семён ведь как раз и собирался в магазин, несмотря на словесный бред, в котором он непостижимым образом очутился. И как только он это осознал, вокруг стала всё отчётливее отображаться реальность, если её можно было так назвать.

Семён ощутил себя стоящим посреди широкого поля, заполненного колосающейся саранчой. А навстречу ему двигалось существо – огромное, серое, напоминающее ту самую тучу, которая схватила его некоторое время назад, если, конечно, всё это безумие можно считать временем.

Туча постепенно густела и превращалась в человека среднего роста, плотного, лысоватого, с усами и невыразительным лицом, которое всё расплывалось и расплывалось, не давая себя разглядеть. Лицо вроде бы было, и вполне определённое, но какое оно, сказать было достоверно никак нельзя.

- Гутен, - сказал человек низким, прокуренным голосом, похожим на скрежетание камней. – А также морген.

- Ну, здравствуйте, - неуверенно сказал Семён. – Вы кто такой? И трактор мой где?

- Где пожелаете, - ответил серый человек, вглядываясь в лицо Семёна пристально, и не глазами, а чем-то иным, спрятанным за клубами серого дыма, образующего лицо. – И не вздумайте отворачиваться, а то пушу пулю в лоб...

Семён ухмыльнулся и резко повернулся кругом, повинувшись мгновенному импульсу.

Навстречу ему шёл, слегка прихрамывая, ещё один человек. Или не человек: синий и с крыльями, высокий, красивый, статно сложенный и мускулистый. Из одежды на нём были только тугие чёрные плавки да перевязь с навешанным на неё оружием – меч, пара пистолетов, кинжал и ещё что-то, чего Дудиков не успел рассмотреть, поскольку синий внезапно заговорил с ним певучим тенором:

- Семён, вы выглядите так,
Как будто что-то здесь нечисто,
Хотя вы с виду не дурак,
А мы, увы, не террористы.
Не убивать мы вас пришли,
А предложить благое дело
На пользу нашу и Земли,
И даже вашу, если в целом.

- Где трактор мой? – спросил Семён, внутренне содрогнувшись от того, что своими словами попал в размер мерзкого корявого стишка, произносимого синим незнакомцем.

- Пустое, – продолжил тот. – Это лишь металл,

Он вам не нужен в жизни боле,
На вашем месте я бы стал
Лишь восхищаться вашей долей.
Ведь вы теперь и царь, и Бог,
И президент всего на свете,
А Морген, тот, что вам помог,
Вам станет кучером в карете.

- Где мой трактор?! – завопил Семён, выхватывая из травы огромную железную змею.

- Рубель, - послышался голос серого существа позади Дудикова, - прекрати свою поэзию. Он не оценит.

- Хорошо, - Рубель поднял руки, словно сдавался, и перешёл на прозу. При этом и голос его сделался более низким и не таким величественным, как прежде. – Суть дела в том, милостивый государь Дудиков, что мы хотим вам предложить стать самым великим и популярным человеком на этой ничтожной планете, а может, и во Вселенной.

- На хера? – спросил Семён.

- Ого, - восхитился Рубель. - Первый осмысленный вопрос. С другой стороны, не до конца понятен его смысл. На хера это вам или же нам? Попробую ответить на оба вопроса. Дело в том, что глубокоуважаемый Морген, находящийся за вашей спиной, хотел бы иметь полную власть над этим миром, и у него есть для этого все предпосылки, в частности, способность усиливать беспорядок и даже в некоторой степени управлять хаосом. Я согласился быть его партнёром, поскольку я, в свою очередь, умею действовать в любой обстановке и добиваться результатов. Но для окончательного успеха нам нужен кто-то, кто мог бы представлять наши интересы среди людей. В меру привлекательный, не слишком умный и не очень самостоятельный тип, который мог бы понравиться простому народу, возглавить его и повести туда, куда нам будет нужно. А вам это для того, чтобы наладить

свою никчёмную жизнь. У вас будет практически всё, что вы пожелаете – ну, кроме реальной власти, разумеется.

- Отдайте трактор, – потребовал Семён, глядя на Рубеля исподлобья.

- Ну что вам этот трактор? – продолжал Рубель. – Мы вам предлагаем целый мир...

Семён поднял змею над головой и принялся её раскручивать. Она всё росла, железные зубы клацали, и Дудиков начал уверенно двигаться в сторону крылатого существа.

Рубель попятился, но при этом продолжил говорить, по-прежнему приветливо улыбаясь:

- Ну, чего вы размахались? Я тоже могу грозно выглядеть. Дело же не в тракторе...

Он снял с перевязи арбалет и направил на Дудикова, однако тот искусно взмахнул змеей, и та в полёте вырвала оружие из рук Рубеля, перекусив его сразу в семнадцати местах.

- Трактор отдайте! – закричал Дудиков.

- О Боже, что за манеры... - пробормотал Рубель, отступив ещё на шаг. – Вот вам ваш трактор...

Справа от Дудикова, метрах в десяти, из-под земли поднялся его сверкающий синий любимец. Его колёса вращались, из сопел валил дым, а глаза горели красным огнём, выражая недовольство.

- Ах ты, бедненький! – завопил Дудиков, отбросив змею и кинувшись к трактору. – Обидели тебя?

Он запрыгнул в кабину и крикнул:

- Полетели отсюда!

Потом переключил передачу, газанул и выпустил пар из свистка. Пар вырвался из боковых бойниц мощной толстой струёй и отбросил Рубеля и Моргена прочь. А Семён на своём верном коне взвился в небо и направился в сторону дома. Выпить ему отчего-то расхотелось.

Сначала всё шло хорошо. Под панорамным днищем трактора проплывали речка, деревца и домики. Затем они вдруг потеряли резкость и превратились в сплошную белую мглу. Она быстро окружала Семёна, проникая внутрь кабины и застилая всё вокруг. Он уже и руки свои разглядеть не мог, не то, что лобовое стекло.

- Что же это творится-то, ёшкин кот?! – воскликнул он и вдруг понял, что лежит на больничной койке, притянутый к ней тугими ремнями. В тело впивались жгут проводов, несколько капельниц и шлангов, по которым текли разноцветные жидкости, а дышал Дудиков через прозрачную маску, которая прилепилась к его лицу, шевелясь и похрюкивая.

- А ну отпустите меня! – завопил Дудиков, но из маски ему в рот хлынула противная густая слизь, и он вынужден был умолкнуть.

Он задёргал руками, завращал головой, осматриваясь. Справа от койки возвышалась стойка с медицинскими приборами странного вида, на которых было написано «искусственная почка», «искусственные лёгкие» и «прочие искусственные органы». Слева на невысоком столике лежал поднос с инструментами.

Тем временем к Семёну, который энергично извивался на своём ложе, приближались три фигуры. Впереди шла незнакомая светловолосая девушка в белой шубке, которая держала в одной руке розовый зонтик-трость, а в другой – огромный шприц, заполненный чёрной жидкостью. Чуть позади и справа за ней следовал синий Рубель, направлявший в сторону Дудикова украшенный стразами автомат Калашникова, а ещё дальше и слева – полупрозрачный Морген, который выпустил из своего тела пару десятков дымчатых щупальцев и шевелил ими в воздухе, словно волосами.

Девушка поднесла шприц к пятке Семёна и произнесла высоким капризным голоском:

- А кто тут у нас пациент и не лечится?

- Что вы там делаете?! – выкрикнул Семён и, вложив все силы в правую руку, попытался вырваться из пут. Ремни растянулись, словно резиновый жгут, и отбросили руку обратно к койке.

Тогда Семён прибегнул к левой руке, резко рванувшись в сторону и ухватив за край

поднос с инструментами. Поднос полетел вперёд, прямо к блондинке, перевернувшись в воздухе и осыпав её градом скальпелей, клещей и шприцов. Инструменты вонзились в её тело в самых причудливых местах, и она отлетела назад, рухнув на спину.

- К чему противиться напрасно? – пропел сладким голосом Рубель. – Мы вам желаем лишь добра. Быть нам соперником опасно – не доживёте до утра...

Однако в следующее мгновение в Рубеля полетел ящик с надписью «Прочие искусственные органы». Раскрывшись в полёте, он изверг из себя кучу пластиковых рук, ног, сердец и ещё чего-то, что Семён не успел рассмотреть, поскольку Рубель, сбитый с ног потоком человеческих запчастей, выпустил очередь прямо над головой Дудикова, отчего тому пришлось вжаться в койку на сорок три сантиметра.

Теперь к нему приблизился Морген, изо рта которого вылезало клубящееся облако дыма, постепенно формирующееся в огромный пистолет. Его дуло ткнулось в грудь Семёна, прямо в область сердца.

- Лучше работай на нас, - проскрежетало изнутри Моргена. – Что ты теряешь? Тебе денег кучу, новое жильё, бабе твоей цветов воз и библиотеку, детям яблоков сколько хошь...

- Трактор! – завопил Семён. – Трактор верните!

Морген выстрелил. Грудь Семёна прорезала невыносимая боль, озарённая фонтаном крови, которая брызнула в потолок и нарисовала на нём аляповатую репродукцию Джоконды.

- Согласен, - прошептал Дудиков.

- Зер, - усмехнулся Морген. – А также Гут.

В ту же секунду палата вокруг растворилась, а Семён вдруг обнаружил себя восседающим в мягком красном кресле за огромным столом. Стол изгибался причудливой волной, следуя вдоль стен просторного залитого светом зала. За столом, кроме Семёна, сидело несколько человек, важных, в строгих костюмах. Впрочем, Семён тут же обнаружил, что и сам он одет в серый костюм с синим галстуком, сильно сдавившим горло.

- Здесь вам придётся нелегко, - пропел Рубель, прохаживаясь вдоль стола и слегка приподняв крылья. – Вам предстоят теледебаты. На поле много игроков, и все как будто кандидаты. Но настоящий – только вы, не бойтесь их нападок злобных, а опасайтесь лишь молвы да всех вопросов неудобных.

- А можно без стихов? – буркнул Семён. – Бесят они меня.

- Можно, - кивнул Рубель. – Короче говоря, самое важное – произвести хорошее впечатление на народ. Вот там, видите, в воздухе висят четыре прозрачных сосуда?

- Я не слепой, - сказал Дудиков, покосившись наверх, к куполу помещения, где покачивались несколько огромных пустых колб с подведёнными к ним трубками.

- Это рейтинги, - пояснил Рубель. – Чем больше в сосуде крови, тем выше рейтинг. Если к концу дебатов в вашем будет больше остальных, вы станете Президентом Земли.

- А что надо говорить?

- Хороший вопрос, - Рубель улыбнулся и изобразил нечто похожее на реверанс. – Для начала все прочтут вступительные речи. Ваша будет изображена прямо перед вами, так что никаких затруднений возникнуть не должно. Потом будут задавать вопросы люди с улицы, показанные вон на том экране. Часть вопросов – заготовки, но не все, так что могут попасться трудные. Отвечайте, как можете, но помните про рейтинг. На всякий случай я буду иногда вмешиваться.

При этих словах Рубель приблизился к Семёну, наклонился над его ухом и легонько подул в него. Дудиков вздрогнул и скривил лицо от боли. В его ухе выросло нечто твёрдое, что распирало изнутри череп и чесалось, словно просилось наружу.

- Что это? – спросил Дудиков, скрипнув зубами.

- Через это я буду вам подсказывать, - улыбнулся Рубель. – Если будете слушаться меня, успех вам гарантирован.

- А также меня, - захохотал слева от Дудикова Морген, который вдруг оказался за тем же столом, что и Семён, трансформировав свою внешность в невзрачного молодого

человека, сидящего возле таблички с надписью «Пресс-секретарь».

- Давайте начинать уже, - сказал Рубель. – Чем больше разброда, тем сложнее с ним бороться.

- Ну, это как посмотреть, - хохотнул Морген. – Давай, рули.

- Начинайте! – крикнул Рубель и ушёл в тень справа от стола.

Дудиков нервно поправил галстук и ещё раз огляделся. Кроме нескольких людей, сидящих за столом, в комнате находились также операторы с камерами, одна из которых смотрела сейчас прямо ему в лицо, и ведущий с микрофоном, который как раз прошёл развязной походкой в центр зала и с приторной улыбкой произнёс:

- Сегодня у нас в гостях лучшие люди планеты. А кто из них достойнее всех, мы узнаем по результатам нашего шоу «Больше крови»!

Заиграла бодрая, но неприятная музыка, под которую ведущий скорчил несколько ничего не означающих гримас, а после окончания музыки продолжил:

- Сначала все кандидаты произнесут короткую речь, в которой опишут свою программу действий. Время ограничено тридцатью секундами. Первым выступит многоуважаемый профессор всех мастей и академик жёлтой магии Пётр Тыковед. Прошу вас. Время пошло!

За дальним от Семёна краем стола заговорил крупный мужчина с красным круглым лицом и ртом, лишённым половины зубов:

- Я предлагаю посадить всех виновных! Все сволочи! Планету продали! - На этих словах Тыковед завращал глазами так сильно, что казалось, что они вот-вот вылетят из глазниц. – Всё отобрать! Построить большой сарай! Жить в нём, пока не станет лучше! Потом построить второй сарай! И потом всех повесить!

- Ваше время истекло, - выкрикнул ведущий, и, хотя кандидат ещё что-то говорил, его микрофон уже отключили. – Очень впечатляющее выступление! Обратите внимание на рейтинг!

Семён поднял глаза, следуя за взмахом руки ведущего, и увидел, что в колбе под потолком, помеченной буквами «ПТ», колыхался столбик крови высотой в несколько сантиметров.

- Не волнуйтесь, - услышал Семён в своём ухе вкрадчивый шёпот Рубеля. – Мы контролируем ситуацию.

- А теперь выступит наш следующий кандидат, - продолжил ведущий. – Итак, перед вами акула бизнеса и гамадрил финансов Роберт Рудацкий!

За столом чуть ближе к Семёну, чем первый выступающий, зашевелилась жирная бесформенная туша, одетая в блестящий серый костюм. Она открыла глаза и произнесла высоким дребезжащим голосом:

- Моё финансовое благополучие не вызывает, позволю себе ожидать, ни у кого никаких иллюзий. Поэтому я надеюсь, что всеобщая поддержка контингента позволит мне позаботиться и о его благополучии. Я собираюсь проводить экспансионистскую монетарную политику в рамках умеренных инфляционных ожиданий без популизма во всех его проявлениях.

Семён отметил про себя, что кровь в колбе с инициалами РР прибыла намного менее заметно, чем в первой после выступления Тыковеда.

- Спасибо, - сказал ведущий. – Прекрасная речь. Давайте же теперь послушаем следующего кандидата. Итак, на очереди разрушитель мифов и убийца надежд, умопомрачительный Григорий Шмак!

Совсем рядом от Семёна, по левую руку от замаскированного Моргена, встрепенулся высокий немолодой мужчина с чудовищно огромным крючковатым носом и пышной чёрной шевелюрой.

- Во всём виноваты инопланетные уроды! – неожиданно громко и истерично закричал он. – Они захватили наши заводы и не пускают нас внутрь! Они насаждают своих хвостатых идолов! Они рубят лес, а у нас щепки летят! Я всех их заставлю убратся назад, на Луну. Всех варягов, жидов и негров марсианских!

Уровень крови в колбе Шмака рос и почти достиг уровня Тыквоеда, а может быть, и превысил бы его, но тут ведущий радостно воскликнул: «Время вышло!», тряхнул коком и направился в сторону Семёна.

- А сейчас, - он заговорщически подмигнул в телекамеру, - нас ждёт выступление самого Семёна Дудикова, грозы тракторов и пастыря агрономов...

Семён же тем временем разглядывал огненные буквы, которые нарисовались в воздухе прямо перед ним и плавно поплыли вверх, словно по экрану.

- Стойте, - сказал он негромким спокойным голосом. – Остановите всё это.

Морген повернул голову к Семёну, нахмурился и щёлкнул пальцами. В ту же секунду практически вся обстановка вокруг исчезла. Не стало телевизора, изображавшего собравшихся на улице людей, не стало кандидатов за столом, не стало и ведущего. Посреди пустоты, окрашенной в светло-зелёный слегка ядовитый цвет, остались только стол, покрытый красной тканью, Семён и Морген, сидящие за ним, а также Рубель, который бодро приближался к столу, шагая прямо по пустоте.

- Что случилось, уважаемый? – спросил Морген. Его лицо снова меняло форму, при этом не давая понять, что это за форма. Можно было сказать с уверенностью только то, что лицо серое и на нем шевелятся полупрозрачные щупальца отвратительного вида.

- Не буду я это читать, - сказал Семён.

- Почему? - не понял Морген.

- Чутьё это полная, - сказал Семён. – И ещё я не вижу смысла.

Рубель задумчиво посмотрел на Семёна и произнёс нараспев:

- К чему все ваши рассуждения?

Текст согласован, утверждён,

И при достаточном везении

Вас приведёт к победе он.

Листва с деревьев облетела,

Кричит лошадка «И-го-го»...

Везенье же – не ваше дело,

Мы обеспечим и его.

- Заткнись! – неожиданно резко выкрикнул Морген. – Поэт доморощенный... – Затем он внимательно посмотрел то ли на Семёна, то ли сквозь него и заговорил: - Я могу назвать вам три причины, почему вам следует это прочитать. Во-первых, смысл есть, и я его знаю, а вам знать необязательно. Вы же понимаете, что власть находится не в выступлениях и не в колбах рейтингов, а в головах. Исходя из этого, и писался текст. Во-вторых, вы ничего не теряете, а даже наоборот, и от того, прочитаете вы эту чутьё или другую, вам хуже точно не станет. А в-третьих – загляните под стол.

Дудиков приподнял скатерть и вздрогнул. На него смотрела огромная крокодилья морда, которая выползала прямо из зелёной пустоты, клацающая огромными зубастыми челюстями.

- Это Артурчик, моё домашнее животное, - заметил Морген. – А также друг. - Он запрокинул голову и захохотал, отчего щупальца вокруг лица сложились в некоторое подобие кукиша.

Семён опустил скатерть и подумал пару секунд.

- Хорошо, - сказал он. – Вы меня убедили.

Морген снова щёлкнул пальцами, и зал телестудии вернулся назад, едва дав возможность Рубелю отпрыгнуть назад в тень.

Дудиков вздохнул, поднял глаза к тексту, который полз перед ним снизу вверх и уверенно прочитал:

- Я обычный тракторист, но я точно знаю, что нужно делать. Я умею управлять трактором, и буду управлять планетой не хуже. Я простой человек и знаю, что нужно простому народу. Я наведу порядок и дам людям то, чего они заслуживают, забота о каждом из них так же, как заботился бы о себе. И горе всем врагам, которые попробуют мне

противостоять.

- Замечательно сказано! – возопил ведущий мерзким залиvistым голосом. – Ну что же, мы выслушали все выступления. Давайте посмотрим на рейтинги.

Колба Семёна наполнилась более чем на три четверти, оставив далеко позади результаты остальных.

- А теперь, - продолжил ведущий, - я передам слово нашему корреспонденту Алёне Фуфлю, которая даст возможность людям на улице задать вопросы кандидатам.

Жизнерадостная девушка с лошадиными скулами и чёлкой, скрывающей пол-лица, поднесла к губам микрофон и произнесла по ту сторону телеэкрана:

- У нас тут уже накопилось очень много желающих узнать мнения кандидатов по тому или иному вопросу, и я боюсь, что мы не успеем дать слово всем, но мы будем из кожи вон лезть и скорее сдохнем, чем наступим на горло нашей юной демократии. Начнём с молодого человека. Представьтесь, пожалуйста.

От толпы отделился неуверенный худощавый очкарик в дешёвом, но безупречно отутюженном костюме, который держал в руке пучок грязных морковок.

- Иван Упыкин, студент сельскохозяйственного института, - сказал он, помахав морковками перед камерой. – Хотел бы узнать, что думают господа кандидаты о либеральных ценностях.

Ведущий в студии оглядел кандидатов и произнёс:

- Кто-то хочет высказаться? Предлагаю отвечать в порядке первоначальных выступлений.

- Я думаю, - сказал Тыковед, едва ведущий успел закрыть рот, - здесь двух мнений быть не может. К ногтю всех либералов вместе с их ценностями. Мало ли мы от них страдали? Расстрелять! Либералам если разрешить размножаться, это знаете, что будет? Я вот как-то раз купил себе на виллу унитаз с золотыми ручками. Так вот эти сволочи весь засрали!

- Ваша точка зрения понятна, - приторно улыбнулся ведущий и повернулся к Рудацкому, который как раз приоткрыл свои щёлочки-глаза и попытался возмущённо пошевелиться.

- Я считаю, - сказал он в стоящий возле его рта микрофон, - что любые ценности следует хранить в специально приспособленных для этого местах. У меня, к примеру, для каждой ценности имеется свой сейф, оборудованный специализированной охранной системой, предназначенной для уничтожения любого индивидуума, совершающего посягательство. И каждое содержимое застраховано на приличную сумму, а также перестраховано, чего и вам настоятельно рекомендую.

Он умолк и закрыл глаза, отчего лицо превратилось в бесформенную лепёшку.

- Спасибо, - сказал ведущий, посмотрев на Шмака.

- Слово «либеральный» какое-то подозрительное, - сказал Шмак, придав лицу презрительное выражение. - Похоже на «Либерзон». И что это за ценности такие? Не слышал. Наверняка инопланетная зараза. Это мы из вас выбьем, дайте только срок!

Тут в ухе у Семёна зашептал голос Рубеля:

- Скажите, милый мой Семён, что вы и день, и ночь готовы блюсти и совесть, и закон, и что для вас свобода слова – не просто звук...

- Заткнись, - прошипел Дудиков, - сам знаю.

Он наклонился к микрофону и сказал негромко, но уверенно:

- Я так понимаю, что под либеральными ценностями вы понимаете всякого там рода свободы. Я лично считаю, что они нужны ровно настолько, чтобы человек чувствовал себя свободным. Но всё должно иметь предел. Взять, к примеру, свободу слова. Вот сейчас каждый говорит, что хочет. И всё равно жрать нечего. А если, представьте, ещё и свободу мысли разрешат? С этим-то уж точно играть нельзя. Я так считаю – в сильном государстве должна быть свобода. Но совсем чуть-чуть. Чтобы каждый знал своё место.

- Семён, что вы несёте? – шипел в ухо Рубель. – Думать вы можете что хотите, но

сейчас-то это зачем говорить?

- Или, - продолжал Семён, - взять, к примеру, свободу вероисповедания. Вы только представьте – каждый будет верить в собственного Бога. Это что за бардак начнётся? Нужно выработать стандарты какие-то, унифицировать. Если бы стандартов не было, ни один трактор невозможно было бы из запчастей собрать. Предлагаю просто всем начать верить в меня. И не нужны все остальные религии. Что с них проку? Святым духом сыт не будешь.

- Семён, замолчите, - тихо сказал Морген слева от Дудикова.

- Да не замолчу я, - сказал Дудиков. – Вот мне собственный пресс-секретарь пытается рот заткнуть. Дескать, не то говорю. А я не для него говорю, а для народа. Вон, смотрите, сколько крови за меня уже сдали.

И правда, колба Дудикова всё наполнялась.

- Спасибо за ответы, - сказала девушка с телеэкрана. – У нас тут готов следующий вопрос. Представьтесь, пожалуйста, - обратилась она к маленькому мужичку с бегающими глазками, одетому в потёртый коричневый пиджак.

- Вова я, - сказал мужичок. – Вова Крест. Я потомственный вор. И отец мой воровал, и дед, и прадед. И я ворую всё, что плохо лежит. Вот и скажите мне, господа хорошие – должен я сидеть в тюрьме?

Тыковед привёл в исходное положение закатившиеся было глаза и заговорил:

- С каждым делом нужно разбираться строго. Но справедливо. Что-то воровать можно, а что-то нужно. Скажем, если это социалистическая собственность, то она, значит, принадлежит народу. А Вова Крест и есть этот самый народ. Значит, и воровства никакого нет. Если собственность капиталистическая, то это уже не воровство, а экспроприация получается, дело нужное, государственное, его надо поддерживать. А вот если, к примеру, он у меня что украдёт, тут уж придётся отвечать по всей строгости. И никаких там поблажек.

Наступила очередь Рудацкого. По его подбородкам пробежала лёгкая рябь, и он неторопливо заговорил:

- Если какой-либо физический объект плохо лежит, это однозначно проблема того физического субъекта, который это плохо положил. У меня, к примеру, всё хорошо лежит. На оффшорных счетах в таких банках, о которых никто вообще никогда не слышал. Так что украсть это кому бы то ни было представляется очень затруднительным. А где вору сидеть, должен решать сам вышеозначенный вор. Я вот, как видите, здесь сижу, меня здесь всё устраивает. А один мой коллега курсирует постоянно между тюрьмой и курортом – и там у него деловые потребности, и здесь. Я этого не понимаю. Человек должен своё достоинство иметь, вес.

Тут глаза Рудацкого снова закрылись и исчезли с лица.

- Всё ворье надо посадить и выслать на их родную планету, - заговорил Шмак. – А если кто-то из наших, местных, что украл, так это у нас в крови, ничего не поделаешь. Это простительно. Всех если в тюрьмы сажать, кто же тогда править станет? Да и тюрем не хватит.

Дудиков уже открыл рот, чтобы высказать своё мнение, как его перебил быстрый шёпот в ухе:

- Скажите: «Пусть решает суд». Ведь всё должно быть справедливо. Одни вагоны денег прут, другие – кружку из-под пива. Закон для нас и царь, и Бог. Не ошибиться очень важно. Кого простить, кому в острог – решают пусть суды присяжных.

- Я лично так думаю, - заговорил Семён, - что надо исходить из пользы для общества. Вот если бы этот вор ко мне лично пришёл и доказал мне, что он для общества больше пользы приносит, чем вреда, то и пусть живёт себе дальше. Ну, может, он, к примеру, налоги платит исправно или лично мне готов оказать какую-то помощь. Надо приватно побеседовать. Я думаю, всегда можно договориться.

- Да вы рехнулись, Семён! – забормотал Рубель, но Дудиков только поморщился.

На экране как раз появился следующий интересующийся мнением кандидатов. Им оказался лысый бомж в драной майке и чудовищно грязных штанах, который держал в руке

огромный баул, похоже, забитый бутылками. Стоявшая рядом с ним Алёна Фуфло демонстративно зажала нос и поднесла микрофон так, чтобы держаться подальше.

- Господа, - хрипло сказал бомж. – У меня вопрос простой. Сколько при вас будут за сданные бутылки платить?

Первым снова отвечал Тыковед. Он грозно сдвинул брови и пророкотал:

- Ничего при мне не будут платить! Сбор бутылок – это не для советского человека! При мне бомжей не будет. Всех пустим на переработку на благо народного хозяйства. До чего планету довели! Это же позор! На мыло!

- Тут надо учесть множество факторов, - возразил Рудацкий. – Налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, резервную ставку Центробанка и инвестиционный климат. Я бы лично больше десяти копеек не платил, иначе, не ровен час, разоришься.

- Это инопланетяне нам бутылки подбрасывают, - поведал Шмак. – Откуда у землян могут быть бутылки? Они это специально, чтобы вместо работы народ шлялся и бутылки собирал. Нельзя за это платить, чтобы бездельничать неповадно было.

- Нечего мне в ухо бубнить, - рассердился Дудиков, перебив очередное шипение в ухе. – Я лично считаю, что сбор бутылок надо поддерживать на государственном уровне. Поскольку господа бомжи тем самым очищают город. Я думаю, с помощью умеренных дотаций вполне можно платить по три, а то и четыре рубля за бутылку. Объявим программу утилизации – начнём с бутылок, а там посмотрим.

Столбик крови в колбе Семёна заметно погроз, а из телевизора донёсся одобрителный гул. Сквозь него пробился неуверенный голос Алёны Фуфло:

- Тут один молодой человек всё рвётся о чём-то спросить... Дать ему слово?

- Ну, раз рвётся... - пожал плечами ведущий в студии.

К микрофону пробрался не вполне уверенно стоящий на ногах лохматый юноша в футболке и сиреневых джинсах в обтяжку.

- Задолнут Пакер, представитель Галактического Конгресса Империи Седьмой Плиты, - представился он. – Я вот тут смотрю на это и возникает вопрос.... А откуда все эти кандидаты? Кто их выдвигал? Кто их регистрировал? Почему, например, я не кандидат, а эти кретины – кандидаты? Я тоже хочу!

Алёна Фуфло вырвала микрофон и принялась дубасить им Пакера по голове. Пакер покачнулся и шлёпнулся на спину, исчезнув с экрана.

- Да как вы смеете! – вопила Алёна. - Как можно задавать такие вопросы? Ещё интеллигентным притворился!

- Извините, - сказал Семён, - а можно, я отвечу?

Наступила тишина. И даже Рубель не стал бормотать в ухо, видимо, не успев срифмовать свой протест.

- Я думаю, - сказал Семён, - что всё сделано правильно. Нельзя кому попало становиться кандидатом на такой ответственный пост. Этак что же получится? Любая кухарка сможет управлять государством. Я, конечно, подробностей не знаю, поскольку сам не регистрировался, но уверен, что отбором кандидатов занимались достойные, специально обученные люди, задачей которых было пропустить тех, кто наиболее полно представляет наши общие интересы.

- Спасибо, - поблагодарила Алёна. – Похоже, мы успеем услышать ещё только один вопрос. – Ребёнок вот давно ждёт.

На экране показалась девочка лет десяти в красном платьице с белым фартучком, большим бантом на голове и откровенным, хотя и не вульгарным, присутствием косметики на лице, явно нанесённой профессиональным гримёром.

- Господа кандидаты, - сказала она тоненьким голоском, который просто не мог не вызывать сочувствия. – У меня мама болеет. Вы поднимете ей зарплату?

- Народные деньги просто так не раздают, - прогрохотал голос Тыковеда. – Надо сначала выяснить, что за мама, какую работу она выполняет, является ли она участницей соцсоревнования, чем болеет, в конце концов. А затем мы примем решение.

- Солидарен с предыдущим оратором, - Рудацкий пошевелился и попытался кивнуть, чему мешала грудa жира на шее. – Если бы я выплачивал подчинённому мне контингенту дивиденды и бонусы за красивые глазки, моё состояние быстро бы улетучилось. А её мама и вовсе не на меня работает, как мне кажется.

- Мне вообще эта девочка кажется ужасно подозрительной, - сощурил глаз Шмак. – Вот она ни имя, ни фамилию не назвала. Небось, тоже что-то не нашенское. Провокатор, одним словом.

- А вы что скажете? – ведущий повернулся к Дудикову, Семён робко улыбнулся.

- Милое дитя, - сказал он дрогнувшим голосом, - как же я могу не помочь твоей маме? Передай моему секретарю её фамилию и адрес, и мы обязательно со всем разберёмся. Маму вылечим, зарплату поднимем. Что нам, рублей, что ли, жалко? За них всё равно ничего не купишь. А ещё, - он чуть понизил голос, - подарим мы вам красивую квартиру в центре Красной площади и автомобиль «Ока» почти новый, на ходу, - глаза Дудикова заблестели, и он часто заморгал.

- Ну что же, - подвёл итог ведущий, – на этом наши дебаты окончены. Результат очевиден, - он махнул рукой в сторону колб, висящих под потолком. По стенкам колбы Семёна текла кровь, переливаясь через край. – Семён Дудиков провозглашается Президентом Земли!

Тыквояд встал из-за стола, с грохотом отодвинув стул.

- Как эти ваши чёртовы челюсти заколебали! – пророкотал он, вынув изо рта накладные пластмассовые зубы и лишившись в результате своей примечательной щербатости.

- Уж кто бы жаловался, - проворчал Рудацкий, выдёргивая из затылка пробку и выпуская из себя лишний воздух. Он сдулся до размеров слегка упитанного, но не более, холёного человечка, и без затруднений встал, а потом приблизился к Моргену. – Гонорарчик-то извольте выдать.

- Рубель, - кивнул Морген, - разберись.

Рубель проделал некую манипуляцию с чёрной коробочкой, висящей на его ремне.

- Вот это другое дело, - сказал Рудацкий, ознакомившись с экранчиком своего портативного энергохолдера.

- А мне почему так мало? – воскликнул Шмак, отклеивая свой уродливый нос.

- Недостоверно играли, - сказал Морген. – А также без души.

- Так ведь и пьеска-то дерьмо, - поморщился Шмак. – В следующий раз не уговорите.

- Уговорю, - сказал Морген. – У меня много способов. Ну, всего хорошего.

Все кандидаты, кроме Семёна, рассеялись в мелкую пыль.

- Ладно, - Дудиков тоже встал с места и оправил пиджак. – Пойду я, пожалуй. Где тут поесть можно и выпить?

- Митька, проводи, - сказал Морген, возвращая себе свой прежний облик.

Ведущий стащил с себя парик и предстал перед Дудиковым грустным маленьким человечком:

- Пойдёмте, Семён Иванович. Провожу.

В углу комнаты появилась красная дверь. Как только Дудиков исчез за ней вместе с Митькой, Морген повернулся к Рубелю, который стоял задумчиво неподалёку.

- Ну, как тебе?

- Он своеволен, - произнёс Рубель, - и совсем неглуп.

- А также очень нравится народу, - добавил Морген. – А ну, подай-ка колбу. Тебе на крыльях сподручней.

- Вам лишь бы посмеяться надо мной, - сказал Рубель, взмахнув крыльями и поднявшись над полом. – Вы сами бы достать могли не хуже.

Он снял колбу с кровью, отстегнув от неё трубку, и поднёс Моргену. Тот отхлебнул чуть и позвал:

- Артурчик! А ну пойдй сюда! Вкусненькое!

Затем Морген нахмурился и наклонился вбок, приподняв скатерть. Под столом лежала искромсанная на куски окровавленная туша крокодила.

- Да, и непрост, - промолвил Морген. – А также мстителен.

- Что с ним делать будем? – спросил Рубель.

- Что и со всеми прочими - использовать, - хмыкнул Морген. – А что ещё прикажешь?

Семён же в сопровождении Митьки как раз заходил в просторную залу с колоннами, в углу которой примостился буфет. Он приблизился к прилавку и стал рассматривать лакомства в витрине.

- Вы какие деньги принимаете? – спросил он.

- От вас никакие не приму, - улыбнулась симпатичная буфетчица в белом фартучке. – Для вас всё бесплатно.

- Хорошо, - сказал Дудиков. – Тогда дайте мне бутербродов штук пять вот таких, с маслом.

- Это с икрой, - поправила буфетчица.

- Нет, икру стряхните, - сказал Семён. – И заверните с собой. Ещё вот тот творожок, две баночки. И чекушку.

- Простите, чекушек нет, - засмущалась продавщица.

- Ну, дайте, что есть, - отмахнулся Семён. – Вон то – не знаю, коньяк, что ли.

- Хорошо. Держите, - буфетчица протянула Семёну пакет.

- Спасибо большое, - сказал Семён и двинулся к выходу, на ходу засовывая бутылку в карман.

- Семён Иванович, - догнал его Митька, - вы куда это?

- Домой, - ответил Семён. – Там же выход?

- Так ведь не сюда. Вашу семью Морген Сантолович уж в замок перевёз. Пожалуйста на лестницу.

- А, - Семён развернулся и последовал за Митькой. – Ну да.

Они спустились во двор, и Семён хмуро оглядел окружающие его здания со скульптурами и лепниной.

- Трактор–то здесь куда поставить?

- Не беспокойтесь. На заднем дворе ваша личная стоянка, - успокоил его Митька. - А вот и ваши хоромы.

- Спасибо, - сказал Семён. – Дальше я сам.

Он распахнул тяжёлую деревянную дверь с воронёными петлями и вошёл внутрь. Навстречу ему неслось улыбающееся низкорослое существо в сером грубоватом платье, сжимающее в одной из ручек деревянную куклу без головы.

- Апа ишол! – выкрикнуло оно, напрыгивая на Дудикова. Семён подхватил дочку на руки, невольно улыбнувшись.

- Привет, Глаша, - сказал он. – Как твои дела?

- Халашо! – закричала Глаша, обхватив ручками шею Семёна, отчего он получил ощутимый удар по затылку деревянной куклой.

- А знаешь, что у папы есть? - подмигнул Семён, приседая на корточки и опуская девочку на пол. – Вот, держи.

Он достал из пакета свёрток с бутербродами и, отделив один, дал Глаше. Та издала радостный непередаваемый звук и тут же вцепилась в бутерброд зубами.

Из двери справа от коридора показалась Ксения.

- Привет, - сказал Семён. – Возьми вот. Тут ещё бутерброды и творожок Порфирию. Он спит?

- Да, - сказала Ксения. – Мы все тебя по телевизору смотрели. Хорошо говорил, молодец.

- Спасибо, - Семён вдруг как-то сразу смутился и опустил глаза.

- Сеня... - Ксения приняла из его рук пакет. – А может, ты зря в это ввязался?

- У меня выбора не было, Ксюш... - промолвил Дудиков. – Но ты посмотри, какая

Глашка счастливая. Значит, не зря.

Маленькая Глафира дожевала бутерброд, сглотнула и спросила:

- Апа, ещё есть?

- Есть, Глаша, есть, – сказал Семён. – Но ты лучше всё сразу не ешь, а то животик заболит.

И на душе у него стало спокойно, как очень долго уже не бывало.

Глава 2. Парк культуры и отдыха

Тело почётного пенсионера всея Руси Ильи Владимировича, умащённое благовониями и одетое в лучший его костюм, покоилось в гробу, установленном посреди огромного светлого зала с колоннами, украшенного торжественными венками и свечами в золотых подсвечниках. Сам же Илья Владимирович, всё ещё неотделимый от упомянутого тела, открыл глаза, зевнул и попытался понять, где он находится и почему.

«Потолок с лепниной, - думал Илья Владимирович. – Ни дать, ни взять дворец какой. Возможно, даже и царский. Но мне же по чину дворца вроде как не полагается. А что мне полагается? Церковь, что ли? Так я же неверующий».

На некоторое время мысли Ильи Владимировича застыли, но потом потекли с новой силой, словно пробив невидимую пробку в мозгу. «Я, должно быть, умер, - понял он. – И поэтому лежу в гробу. Но если я умер, то думать ни о чём не могу, поскольку я атеист, а у атеистов загробной жизни не бывает».

Данная мысль Ильёю Владимировича поразила и вызвала к самому себе непреодолимую жалость. Ведь если бы он не был атеистом, то вполне заслужил бы себе какой-нибудь малюсенький домик в раю, где и проводил бы ещё многие годы в блаженстве и самосозерцании. Если, конечно, в раю есть такое понятие, как год.

«Позвольте, - продолжал думать Илья Владимирович, что, в свою очередь, доказывало его существование. – Ведь если я жив, то я совсем не должен лежать в гробу. Должно быть, это чья-то глупая шутка».

Но тут как раз подошли прощаться незнакомые люди – старичок со старушкой, так что Илья Владимирович на всякий случай закрыл глаза и притих. Старик коснулся края гроба, а старушка смачно поцеловала Ильёю Владимировича в морщинистый, покрытый потом от усиленных раздумий лоб.

«Ну, хорошо, - думал Илья Владимирович. – Я жив и, похоже, вполне здоров, но лежу в гробу. Противоречий тут никаких нет. В гробу кто угодно может лежать, это не запрещено ни государственными законами, ни физическими. А вот как я сюда попал – загадка. Последнее, что помню – это взрыв около метро «Парк культуры», куда мы наконец-то добрались. Однако тогда я был не один и точно не мог лежать в гробу, поскольку все вместе мы бы в гроб не поместились».

Илья Владимирович вздрогнул от ещё одного поцелуя в лоб, слегка приподнял веко и увидел мальчугана лет двенадцати, который стоял возле гроба с глазами, полными слёз.

«Родственник, что ли, какой? - подумал Илья Владимирович. - Не помню такого. Помню, была у меня тётка под Орлом, с которой я давно не виделся. Должно быть, померла давно. Может, у неё дети есть или внуки. Точно есть – у неё сын был, и его белый медведь задрал. Или он пошёл в Персидский залив против американцев воевать, а его убили? Вот ведь склероз проклятый. Ну, да и хрен с ним».

В этом Илья Владимирович был абсолютно прав, поскольку старый хрен Илья Владимирович и вправду лежал в гробу посреди Колонного зала Дома несуществующих Союзов, а его склероз находился вместе с ним.

«Почему я вообще вспомнил этого сына тётки? - понеслись мысли дальше. – Что-то там было связано с самолётами. Должно быть, лётчик он был, и его обнаружили радары. Тьфу,

какие радары? В гробу я их видал».

Вот тут Илья Владимирович ошибался – в его гробу никто не установил радаров ПВО, так что увидеть их тут он никак не мог. Зато он увидел, как над ним кружат две рыжие птички с длинными носами – видимо, воспользовались отсутствием радаров.

«Э, нет, - подумал Илья Владимирович. – Так не пойдёт. Пожалуй, ещё нагадят. Надо бы встать, а то неудобно – живой, а в гробу. Вроде как обманываю окружающих».

Илья Владимирович резко сел и увидел, что к его гробу стоит длинная очередь, выходящая от входа в помещение. Он перелез через край гроба и неловко плюхнулся на мраморный пол, больно ударившись коленом.

- Вы уходите, что ли, куда? – спросил высокий мужчина, стоящий в очереди и одетый в просторный синий мешок.

- Да, надо размяться, - ответил Илья Владимирович, поднимаясь и отряхивая штаны.

- А мы тут все прощаться стоим, - сказал мужчина. – Как же без вас?

- Ну, так прощайтесь, - ответил Илья Владимирович. – Свечки есть, гроб есть. Какая разница?

Мужчина пожал плечами.

- А вы скажите, уважаемый, - сказал Илья Владимирович. – Куда я попал?

- Вам лучше знать, - ответил мужчина, поджав губы. – Не я же попал. А за уважаемого и схлопотать можно.

- Простите, не хотел вас обидеть, - Илья Владимирович почесал затылок. - Может, это «Парк культуры»?

- Может, и так, - согласился мужчина и отвёл взгляд в сторону.

Илья Владимирович протиснулся сквозь несколько рядов очереди и вышел сквозь дверь наружу. Очередь продолжала виться и на улице, взбираясь на ближайший мост и теряясь в глубине начинающегося недалеке леса.

- Где я? Куда идти? – пробормотал Илья Владимирович. – Что вообще тут происходит?

- Как это – что происходит? – вмешалась женщина в народном костюме и кокошнике, проходящая мимо очереди. – Праздник у нас.

- Какой же праздник? – не понял Илья Владимирович.

- Сам Семён Иванович приезжает! – торжественно провозгласила женщина. – Вот, ждём с минуты на минуту.

- А кто такой Семён Иванович? – поинтересовался Илья Владимирович.

- Как это – кто? Он спаситель наш и заступник! – лицо женщины вдруг помрачнело и стало подозрительным. – А вы, часом, не с другой планеты?

- А с другой – это с какой? - осторожно спросил Илья Владимирович. – Это Земля или нет?

- Конечно, Земля, - ответила женщина. – Разве же другие планеты бывают?

- Не знаю. Я помер вот недавно, так что не в курсе, - Илья Владимирович махнул рукой в сторону дворца, в котором несколько минут назад лежал в гробу, но дворца на месте уже не было, а очередь оказалась просто рядом людей, стоящих вдоль дороги и машущих руками. Илья Владимирович тоже присоединился к ряду, так как ему стало интересно, что же за спасителя и заступника все ждут.

Улица выглядела нарядно. На домах висели разноцветные флаги и воздушные шары, а поперёк натянуты были транспаранты: «Дудиков дал нам всё!» и «Куда деваться нам от счастья?»

«Это хорошо, - подумал Илья Владимирович. – Цена ведь шарикам – рубль за штуку, а сколько людям радости. Молодцы».

И душа его постепенно стала проникаться тем ликованием, которое исходило из толпы. Скоро, впрочем, он увидел и сам объект ликования, который приближался к ним в сопровождении небольшой охраны, перемещаясь вдоль ряда людей, и заговаривал с некоторыми, здороваясь за руку.

Когда Дудиков подошёл совсем близко, оказавшись метрах в пяти от Ильи

Владимировича, стало возможно расслышать его слова.

- Здравствуйте, - говорил Семён, пожимая руку хмурому худощавому мужику в растянутом свитере и болотных сапогах выше колен. – Вас как зовут? Есть ли какие-нибудь проблемы?

- Здравствуйте, - говорил мужик. – Калюжа меня зовут. Проблем нету. Рыба хорошо клюёт, всё благодаря вам. И грибы идут неплохо.

- Это вы правильно заметили, - кивнул Семён. – Рыба и грибы. Прибыльное дело. Надо бы налог ввести на него, как вы считаете?

- Ну, ежели кто торгует рыбой, так он же платит налог, небось, - в сомнениях произнёс Калюжа. – А я же для себя. Жрать-то нечего.

- Так ведь рыба чья? – спросил Дудиков. – Народная. То есть вы у народа берёте, а деньги не платите. Это неправильно.

- А я разве не народ? – удивился Калюжа.

- Ну, это мы ещё посмотрим, - сказал Семён. – Вот вы кем работаете? Что делаете?

- Слесарь я, - ответил мужик, вытерев нос рукавом свитера. – Прессы делаю, чтобы детали всякие штамповать.

- А вы хотите рыбу ловить и налоги не платить?

- Хочу, - уверенно кивнул Калюжа.

- Тогда вы должны служить народу другим способом, - продолжил Семён. - Идите ко мне работать, на государственную службу.

- А что же я у вас буду делать?

- Ну, сейчас вы просто слесарь, - объяснил Дудиков. – А будете главный слесарь. И будете делать самый главный на Земле пресс. Согласны?

- Ну так это... Ну да.

- Отлично, договорились, - Дудиков снова пожал руку Калюже и продолжил путь.

«Надо же, - подумал Илья Владимирович, - такой большой человек, а заботится о каждой мелкой сошке. Ведь это сколько же сил и времени нужно иметь, чтобы ни о ком не забыть». И он проникся таким всепоглощающим чувством к этому человеку, что даже не мог подобрать для этого чувства подходящего слова, разве что букву – к примеру, «Б».

Семён же как раз добрался до женщины в народном костюме и поинтересовался:

- Здравствуйте. Как вас зовут? По какому поводу так нарядно выглядите?

- Здравствуйте, - расцвела тётка. - Я – Марфа Петровна. А повод у нас простой, Семён Иванович – вы к нам приехали! Праздник у нас.

- Ни к чему это, Марфа Петровна, - возразил Дудиков. - Это не праздник, а обычный рабочий момент. Я такой же человек, как и вы. Я просто делаю свою работу. А задача моя – чтобы работали на этой планете все. И чтобы все вносили вклад в общее дело. И я этот вклад чтобы собирал и справедливо распределял на те нужды, которые считаю единственно правильными. Вот вам же нужно, к примеру, сильное государство?

- Мне лично или в общественном плане? – растерялась Марфа Петровна.

- Ну, скажем, лично, - уточнил Дудиков.

- Тогда конечно, - ответила Марфа Петровна. – Если государство будет сильное, то и защитит оно, и поможет в случае чего.

- Правильно, - Дудиков выставил вверх указательный палец. – В случае чего – да. А пока надо самому государству помогать. Чтобы оно стало сильным. Поэтому сейчас не время праздновать. Надо работать. Строить, производить. И платить с этого налоги. Я вот подумаю ещё немного и, пожалуй, праздники запрещу. Ну, может, не все сразу. Но со временем – все. От них бюджету один вред. Вы согласны?

- Ну, вам виднее, - широко улыбнулась Марфа Петровна.

- В этом вы, безусловно, правы, - кивнул Дудиков и сделал шаг в сторону Ильи Владимировича.

- Здравствуйте, - произнёс Дудиков, и Илье Владимировичу понадобилась пара секунд, чтобы осознать, что слова обращены к нему.

- А...О! Здравствуйте! – Илья Владимирович с энтузиазмом потряс предложенную руку.

- Ну, а вы, уважаемый? Как вас зовут? Кем работаете? На что жалуетесь? – спросил Семён.

- Я-то? - Илья Владимирович стал лихорадочно вспоминать, как его зовут.- Я ни на что не жалуюсь... Я рад стараться! Тюртаев Илья Владимирович, пенсионер я.

- Очень хорошо, - сказал Дудиков. – Хотя, конечно, плохо. Если вы рады стараться, тогда почему же вы пенсионер? Это же, получается, вы не работаете, а с государства деньги получаете? В чём же тут справедливость?

- Так это же... - пробормотал Илья Владимирович. – Справедливость в том, что я уже своё отработал, а теперь хочу отдохнуть.

- Эх, - покачал головой Дудиков. – Узко вы мыслите, Илья Владимирович, не по-государственному. Я, положим, тоже хочу отдохнуть. Но я вот пойду и отдохну. А на пенсию пока не собираюсь. А вам надо всеми силами государству пользу приносить. Рано нам ещё на покой. Я вот считаю, нам надо повысить пенсионный возраст. Иначе скоро всё государство уйдёт на разных иждивенцев – нет, я не вас имею в виду, вы же рады стараться, а вот некоторые элементы совсем не рады, им бы только на боку лежать да тянуть из меня деньги государственные. Вот вам, Илья Владимирович, сколько лет?

- Восемьдесят два, - сказал Илья Владимирович, выпятив грудь с орденами.

- Вот видите, какой вы ещё в таком возрасте крепкий и бравый! Ещё не все соки из вас вышли, так сказать. Значит, надо на пенсию уходить уж никак не раньше девяноста. Я так считаю. Готовы вы ещё поработать?

- На благо государства – готов! – воодушевлённо воскликнул Илья Владимирович.

- Это хорошо, - сказал Дудиков. – А государство – это я. Значит, вы и лично мне услугу окажете. И я этого не забуду.

- Благодарю за доверие! – гаркнул Илья Владимирович.

Дудиков слегка поморщился, кивнул и отошёл в сторону. Потом вдруг нахмурился и, словно бы что-то вспомнив, вернулся назад, к Илье Владимировичу.

- Я хотел вас спросить, – заговорил вдруг Дудиков, - а раньше вы кем работали?

- Я это... - сказал Илья Владимирович. - По партийной части.

- Знаете, что? – Дудиков явно рассердился. – Никакой пользы от вас не будет. Какая уж сейчас партия? Вы, небось, и не умеете ничего толком. Так что нечего вам небо коптить. Пора вам уж и того, в расход.

- Так я уже! – воскликнул Илья Владимирович. – Я же и говорю – рад стараться. Я же уже и в гроб лёг на всякий случай.

- Ну, и хорошо, - кивнул рассеянно Дудиков. – Это правильно. Народные деньги экономить надо. А то – пенсия...

Семён задумчиво отошёл в сторону, глядя в розовый шевелящийся асфальт.

- Слушай, Рубель, - прошептал он, - может, хватит уже на сегодня? Тошнит от этих рож.

- Ну что ж, достаточно вполне, - пропел голос Рубеля в ухе. - Но всё ж сказать хотелось мне – вы слишком строги и хмуры, в лице недостаёт игры. Вы смотрите на них в упор, и взгляд ваш – как немой укор, а лучше было бы...

- Хватит, понял я, - сказал Дудиков, улыбнулся и помахал народу рукой. – Поехали.

Возле них из серых клубов маразма быстренько сформировался просторный чёрный автомобиль, который раскрыл пассажирскую дверь, впуская Дудикова.

- Молодец, Семён, - сказал сидящий за рулём Морген в образе жирного хряка в кепке. – Всё очень правильно говорили. Но и Рубель прав. Ваша задача не столько набрать больше денег, сколько заработать уважение и любовь этих людей.

- Тут уж либо одно, либо другое, - возразил Семён.

- Не скажите, - Морген завёл машину, и она плавно поплыла над асфальтом, поднимаясь всё выше. – Я вам организую встречу с психологом, он вам разъяснит некоторые

приёмы.

- Как скажете, - Дудиков пожал плечами. - Куда едем?

- Да мы и не едем никуда, - ответил Морген. – Это вам только кажется.

Семён огляделся и увидел, что сидит совершенно один за огромным столом в просторном солидно обставленном кабинете.

В дверь робко заглянул Митька.

- Семён Иванович, к вам министр финансов. Пустить?

- Пусть подождёт пару минут, - сказал Семён. – Я в зубу поковыряю. Застряло что-то.

Дудиков поискал глазами зубочистки, не нашёл и принялся ковыряться между зубов дыроколом. В результате из дупла через некоторое время был извлечён грузовик марки КамАЗ с командой водолазов в кузове.

- Вы что здесь делаете? – спросил Дудиков.

Водолазы, облачённые в глубоководные скафандры, мучительно долго выстраивались в шеренгу, растянувшись на весь кабинет, и так наполовину занятый КамАЗом. Затем один из них замахал руками и низко загудел.

- Я ничего не понимаю, - разозлился Дудиков, - что вы там в шлеме говорите.

Водолаз неуклюже открутил толстенной перчаткой у себя на шее несколько болтов и снял шлем, оказавшись бородатым и потным мужчиной среднего возраста.

- Извините, - сказал он басом. – Мы работу ищем. Никто не платит. Хотели людей спасать на пляжах, а они тонут и сами потом всплывают. Искали корабли затонувшие, а там одно золото, и оно никому не нужно.

- А я-то при чём? – не понял Дудиков.

- Может быть, есть у вас дело для нас? Только желательно бы за энергетические единицы, не рубли.

Дудиков поскрёб в затылке.

- Есть, пожалуй, - сказал он. – Только это будет большой секрет.

- Это нам не впервой, - сказал главный водолаз. – Мы уже столько диверсий разных секретных совершали, что и не перечислишь. Вот, к примеру, в прошлом году нам ваш предшественник поручил один корабль космический затопить совершенно секретно...

- А у меня есть предшественник? – насторожился Дудиков.

- Ну, теперь есть, - ответил водолаз. – И мы, значит...

- Не надо, - махнул рукой Дудиков. – Какой смысл что-то о прошлом рассказывать, если оно всё равно постоянно меняется? Лучше слушайте приказ. Изучите все тоннели и пещеры под этим городом, а особенно под дворцом. И объедините их все в одну большую пещеру, чтобы тянулась она далеко-далеко, к Чёрному морю.

- Так это же, - сказал водолаз. – Мы не землекопы, а водолазы.

- М-да, - Дудиков озадаченно посмотрел в потолок. – Это я не подумал. Ну, тогда залейте ещё эту пещеру водой, чтобы вам не скучно было.

- Слушаюсь, - сказал водолаз. – А сколько заплатите?

- Не обижу. Но на результат сначала посмотрю.

Водолазы синхронно отдали честь, подпрыгнули, оттолкнувшись от песчаной поверхности под ногами, и огромными шагами переместились в кузов КамАЗа, который выдвинул вверх длинную антенну, заморгал огоньками и поехал к двери кабинета. Когда дверь закрылась, снова заглянул Митька:

- Ну что, можно министра звать?

- Зови, - согласился Дудиков. Потом опомнился и вынул изо рта дырокол.

Министр оказался низеньким, с проплешиной и большим портфелем. Он присел на кресло с обратной стороны стола и поставил портфель перед собой, загородив нижнюю часть лица.

- Здравствуйте, - сказал он Дудикову. – Рад с вами работать.

- Здравствуйте, - Дудиков пожал министру руку, протянув её справа от портфеля. – Взаимно. А чем вы занимаетесь?

- Э, - министр засуетился, достал из портфеля несколько бумажек, помял их в руках и убрал обратно. – Так сразу и не скажешь. Я как-то об этом не задумывался. Следим за деньгами, в некотором смысле. Чтобы их всем хватало.

- И всем хватает? – поинтересовался Дудиков.

- Ну что вы! – министр вытянул шею, показав своё румяное личико из-за портфеля. – Их не может всем хватать. Но нам, к примеру, хватает.

- Это тоже результат, - похвалил Дудиков.

- Разумеется, - согласился министр.

- А кому не хватает? – уточнил Семён на всякий случай.

- Да много кому, - уклончиво ответил министр. – Вот, к примеру, с юга письмо прислали. У них там завод производит мягкие игрушки детские. Им денег не хватает. Им мы не высылаем денег уже давно. Они зарплату три года не получали. Бунтуют.

- Бунтуют – это плохо, - сказал Дудиков. – Надо что-то решать с этим.

- Наверно, - согласился министр. – Но денег давать жалко.

- Это правильно, - кивнул Дудиков, и они на несколько минут крепко задумались.

- А эти игрушки, которые они выпускают, - заговорил вдруг Дудиков, - они нам нужны?

- Не знаю, - министр втянул голову в плечи и спрятался за портфелем. – Мне вроде нет.

- И мне нет, - подтвердил Дудиков. – А кому-то нужны?

- Ну, - сказал министр, - каждая вещь кому-нибудь да нужна.

- Тогда пусть им выдают зарплату игрушками, - сказал Дудиков. – А если кому-то игрушки нужны, то этот кто-нибудь у них игрушки и купит.

- Замечательная идея! – воскликнул министр. – Обязательно сделаем! И вообще, это же очень много куда можно применить! Мы же столько денег сэкономим!

- Ну и хорошо, - кивнул Семён. – У вас ещё что-нибудь ко мне?

- Да, - сказал министр. – Я хотел бы денег попросить.

Семён удивлённо воззрился на портфель, пытаясь разглядеть за ним министра.

- Ничего не понял, - честно признался он. – Вы же министр финансов. У вас и так должны быть деньги.

- Очень мало, - отозвался жалобный голосок из-за портфеля. – Сами же понимаете – за всё приходится платить. Кому-то что-то недодали – поднимается бунт, приходится на лапу давать полиции, журналистам, прокурорам всяким, да и вашим соколам, чтобы глаза закрывали. Если нужно, наоборот, кому-то что-то выделить – скажем, дачу построить моему заму – мало того, что на это деньги уходят, так ещё и на взятки за участок, за разрешение, за общественное мнение.

- А вам самим, что же, взятки не платят? – спросил Дудиков.

- Платят, - сказал министр. – Но не хватает.

- Странно, - сказал Дудиков. – Минут пять назад вы говорили, что хватает.

- Ну, на взятки-то хватает, - ответил министр. – На жизнь, туда-сюда, тоже. Но ведь хочется иногда ещё и на дело пустить. Благотворительность там, к примеру. Или на зарплату учителям.

- Ну, - сказал Дудиков, - это вы уже загнули. С жиру вы там беситесь.

- Да какой там жир, - отмахнулся министр, чуть не уронив портфель со стола. – Скоро уже и бензин-то покупать будет не на что. Вон ведь какой автопарк, и у каждой движок в несколько литров.

- Это да, - согласился Дудиков. – Техника вложений требует.

Они снова замолчали на пару минут.

- Значит, мало у вас денег? – заговорил Семён наконец.

- Мало, - согласился министр.

- Хм... А может, переименовать вас из министерства финансов в министерство романсов? - Дудиков усмехнулся и слегка повеселел.

- Не знаю, - сказал министр. – А что это меняет?

- Ну, - пожал плечами Дудиков, - может, вы хоть петь умеете?

- Что касается меня лично, то нет, - сказал министр.

- Ладно, - Дудиков встал и протянул министру руку. – Подумаем, что можно сделать. А пока учитесь петь.

- Слушаюсь, - министр осторожно пожал предложенную руку и, всё так же прикрываясь портфелем, попятился к выходу.

Дудиков вернулся в кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза. Его мозг расслабился, и он ощутил себя парящим в пространстве, в окружении тёплых мохнатых облаков. Лёгкий ветерок шевелил их мех, принося с собой запах дешёвого табака. Дудиков поморщился и приоткрыл глаза. Перед ним, прямо среди облаков, висел невысокий молодой мужчина худосочного телосложения – небритый и неопрятный. На коричневом пиджаке в районе плеча разошёлся шов, а на нижнем кармане виделось приличных размеров чернильное пятно.

- Вы кто? – спросил Дудиков.

- Я психолог, - сказал мужчина, шмыгнув носом. – Незнамов, Валерий Алексеевич. Меня к вам Морген прислал, - при этих словах он поковырял в левой ноздре и извлёк из неё внушительную козявку, которую тут же вытер о штаны.

- Ну, и чего же вы хотите? – спросил Дудиков без энтузиазма. – Тоже денег?

- Об этом не беспокойтесь, - ответил психолог, - мы с Моргеном договоримся. Мне приказано вам объяснить, как на людей хорошее впечатление производить.

- Это интересно, - сказал Дудиков, закрывая глаза. – Ничего, что я пока посплю? Устал что-то.

- Ничего, - сказал Незнамов, широко зевнув. – Может, так ещё лучше усвоится. Моё дело, в конце концов, рассказать, а уж будете вы пользоваться или нет – как желаете.

- Умгу, - сказал Семён.

- Ну, так вот, - продолжил Незнамов. - Чтобы производить хорошее впечатление на людей, нужно просто соблюдать некоторые простые правила. Во-первых, улыбаться, но не чересчур. Во-вторых, проявлять к ним интерес. В-третьих, быть вежливым и относиться к ним с уважением.

- Ну, это невозможно, - заметил Дудиков, не открывая глаз.

- Хорошо, - согласился психолог, присаживаясь на облако и закидывая ноги на соседнее. - Тогда – делать вид, что относитесь с уважением.

- Это как? – уточнил Семён.

- Не перебивать, внимательно выслушивать, возражать мягко и с аргументами. Называть по имени и отчеству, если это уместно, избегать панибратства...

- Ладно, понял, понял, - пошевелился Семён. – Ещё что?

- Смотреть им в глаза нужно, но не чересчур.

- А чересчур – это сколько?

Незнамов скинул ноги с облака и встал, принявшись ходить по воздуху взад-вперёд.

- Хороший вопрос. Ну, скажем, делать перерывы нужно. К примеру, заглядывать в глаза примерно раз в десять секунд. Если вы смотрите постоянно, то это может собеседника раздражать, он чувствует в вас хищника. А если не смотрите, то думает, что вы его не цените, что он для вас ничего не значит. Должна быть золотая середина.

- У кого золотая середина? – не понял Дудиков. – У него или у меня?

- У вашего поведения. Держите дистанцию, но не отдаляйтесь. И себя держите с достоинством, - после этих слов Незнамов громко рыгнул.

- Ладно, - сказал Дудиков. – Это всё?

- Ну, на первый раз хватит, - сказал Незнамов.

- Тогда дуй отсюда, - Дудиков потянулся и улёгся на бок, свернувшись калачиком. – Посплю.

Подул ветер, и Незнамова, словно пушинку, унесло прочь. В тот же миг обстановка вокруг Дудикова стала меняться. Небо потемнело, скукожилось и затвердело в каменные мрачные стены, возвышавшиеся вокруг на несколько метров. Венчал стены тяжёлый свод,

украшенный изображением неизвестного сонного чудовища с двумя хвостами.

Посреди залы стоял высокий громоздкий трон из тёмно-серого камня, а на нём сидел, развалясь, Морген, вертящий в руках сложенный дамский зонтик розового цвета. Сбоку от трона стоял скучающий Рубель.

- Гутен, так сказать, - сказал Морген Семёну. – Как ваши дела? Пообщались с психологом?

- Дела нормально, - ответил Семён, зевая и поднимаясь с растворяющегося облака. - Пообщался.

- На пользу пошло?

- Там поглядим, - Семён насторожённо всмотрелся в лицо Моргена, которое переливалось недобрыми шишковатыми сгустками. – А вы по какому поводу поговорить хотели?

- Да так, чепуха, - сказал Морген. – Ты Моргилку не видел?

- Что за Моргилка? – не понял Семён.

- А ты не знаешь? – удивился Морген. – Дочка моя. А также внучка. Сам и не пойму, кто она мне. Вот зонтик опять забыла и исчезла куда-то. Шляется, заразу везде разносит. Не нравится мне это... Но я не о том. Я хотел сказать, Семён, что ты молодец.

- Это хорошо, что вы довольны, - сдержанно высказался Семён.

- Я доволен, - кивнул Морган. – Но не совсем. Как я уже говорил, деньги, которые ты собираешь – это ещё не всё. Надо, чтобы тебя люди любили. До такой степени, чтобы хотели тебе подчиняться. А с этим проблемы.

- Какие проблемы? – уточнил Семён, чуть наклонившись вперёд.

- Да ты присаживайся, - посоветовал Морген, кивнув на крохотную табуреточку у себя в ногах. – Разговор не быстрый.

Семён сел, еле уместившись на малюсеньком сиденье.

- Проблемы с народной любовью, - продолжил Морген. – Я же всё вижу и слышу. Знаю, что люди говорят. Многие тобой восхищаются, да. Но не все. Кое-кто начинает роптать потихоньку, а это нам совсем ни к чему.

- И что же делать? – спросил Семён.

- А ты сам-то что думаешь делать? – ответил Морген вопросом на вопрос. Лицо его прекратило менять форму и превратилось в непрозрачный камень, похожий на яйцо.

- Много есть идей, - сказал Семён. – Вот, к примеру, в метро многие без билетов ездят. Через турникеты прыгают. Большие убытки за счёт этого. Я думаю, нужно турникеты устроить такие, чтобы током били насмерть. Пару десятков грохнем, остальные будут платить как миленькие. Штрафов надо побольше ввести. Вот можно за незаконные аборты, к примеру, штраф ввести. А чтобы аборт по закону сделать, нужно будет купить лицензию. Заплатить придётся немало, зато никаких претензий к тебе у государства. Налогов недостаточно придумано. Скажем, вот люди за воду платят везде одинаково. А вода-то разная. Где вода хорошая настолько, что её пить можно, нужен дополнительный налог за качество. Ещё, думаю, нужно транспортный налог повысить в тысячу раз, чтобы компенсировать потери на строительство дорог. А дороги строить не нужно, это пустая трата денег. И ввести налог на пешеходов, чтобы выгоднее было ездить и транспортный налог платить. А поскольку дорог не будет...

- Ну, довольно! – резко перебил Морген. – Что-то у тебя все мысли в одну сторону. Я вот что хотел тебе предложить...

Однако Морген не успел договорить, поскольку каменная стена справа от Семёна вдруг прорвалась, словно тонкая бумага, и в зал влетела растрёпанная блондинка в белой шубке, из-под которой виднелась красная юбка и черные лосины, с ворохом магазинных пакетов в руках. За ней устремились пляшущие в воздухе снежинки и парочка маленьких птичек рыжевато-красного цвета.

- Ага! – воскликнула она. – Вот где я его забыла!

Она уверенным шагом направилась к трону, на котором восседал Морген с лицом,

снова меняющим форму.

- Моргилка, - произнёс Морген, приобретший вид дряхлого старика с двумя бородами и вертикальной морщиной на лбу, отражающей его озабоченность и недовольство. – Я просил тебя никуда отсюда не уходить.

- Дедушка! – Моргилка схватилась за ручку зонтика и потянула к себе, но Морген не отпускал. – Я уже абсолютно взрослый и самостоятельный человек. Я имею право на личную жизнь.

- Твоя личная жизнь нуждается в моём личном контроле, - возразил Морген. – Ты слишком опасна.

- Не больше тебя, - парировала Моргилка, продолжая попытки вырвать зонтик из рук Моргена.

- Сам себя я очень даже контролирую, - сказал Морген, стиснув ручку зонтика изо всех сил, - а от тебя одни проблемы. Где товарняк на Уренгой? Где стабильность в эпоху Возрождения?

- А мне почём знать! – Девушка резко рванула зонтик, и Морген, не удержавшись, сполз с трона и выпустил ручку из рук. – Поезд упал в стакан, а художники твои перебесились. Я не виновата.

- За что мне это наказание? – Морген, преувеличенно кряхтя, приподнялся с пола и начал карабкаться назад, на трон.

Моргилка же раскрыла зонтик, словно бы проверив его целостность, и принялась, пританцовывая, кружиться по залу.

- Где хочу, там и гуляю! – крикнула она. – И когда хочу. И вообще, что за имя такое – Моргилка? Я теперь буду Жаклин.

- Мадемуазель, ваш буйный нрав приносит много беспокойства, - заговорил Рубель, до сей поры молча хмуро наблюдающий за происходящим. – И дед ваш абсолютно прав в разрезе заданного свойства. Вам надлежит сидеть в хлеву, кормить коров и тараканов, а по ночам жевать траву и поливать водой баранов...

- Ага! – воскликнула Моргилка. – Опять эти твои абсурдные стихи. Лучше бы ты оду написал. Или теорему, - с этими словами она взмахнула зонтиком, и посреди помещения выросла уродливая и совершенно излишняя колонна. - А моя стихия – любовь! Или смерть? – Моргилка остановилась и задумалась на секунду. – Нет, - решительно встряхнула она головой, - однозначно, моя стихия – ветренность.

Вокруг неё снова закружились снежинки, а трупик птичек попадали на мраморный пол. Ветер принялся носиться по помещению, задевая стены и оставляя на них следы – где трещину, где выросший из камня кактус, а где и бельевую верёвку с парой носков.

- Прекрати баловаться! – закричал Морген. – Это, в конце концов, моё жилище. Я здесь работаю.

- Делу время, потехе час! – завопила Моргилка и побежала кругами по комнате, постепенно разгоняясь и взлетая на стены. – Нет! – вопила она, круша полки и телевизоры и оставляя на стенах причудливые следы. – Я уже не Жаклин! Я буду лучше Мэри Крысмас, в честь бабушки.

Она вдруг свалилась со стены на пол, растеряла все свои пакеты и несколько секунд сидела в нелепой позе, раздвинув ноги, словно кукла.

- Уйду я от вас, - грустно сказала вдруг она, вскакивая на ноги. – Обижаете вы меня все! Я хочу гулять по всем местам и временам, со всеми знакомиться, а вы тут сидите, крыльями машете!

Она схватила зонтик, словно шпагу, и сделала выпад в сторону Рубеля:

- У! Уроды...

После этого она метнулась к одной из стен, прорвала в ней очередную дыру и скрылась за ней, оставив после себя облачко снежинок, клочок волос на обоях и грудку пакетов в центре зала.

Морген, кряхтя, словно старик, сел повыше в кресле и заговорил:

- Эх, внученька, что же ты меня так мучаешь...

Затем он резко поменял облик на свой обыкновенный, в виде невысокого усатого мужичка, и продолжил уже с уверенной, властной интонацией:

- Рубель, уберёшь тут всё. И при моей дочке чтобы стихами больше не говорил – крылья выдерну. Так, господин президент, на чём мы с тобой остановились? Короче говоря, я думаю, что тебе пора людям объяснить, что к чему. Поговорить с ними.

- Так я же каждый день с ними разговариваю, - не понял Семён.

- Я имею в виду – со всеми сразу, причём на заданную тему. Вот скажи мне, Семён, ты бы любил и уважал человека, который всё время только и делает, что требует с тебя деньги?

- Это зависит, - сказал Семён. – Вот Ксюха моя тоже часто у меня деньги просит, но я её люблю и уважаю.

- Ну, одно дело жена, а другое – посторонний выскочка вроде тебя, - усмехнулся Морген, отмахнувшись от снежинок, которые всё ещё летали по комнате. – А за что ты постороннего человека можешь уважать?

- Мало ли за что, - Семён пожал плечами. – За силу, за ум, за хитрость. За то, что сделал что-то полезное.

- Ага, попал, - обрадовался Морген. – Так вот и сделай что-то для людей полезное, при этом прояви силу и ум. Ты на что вообще деньги собираешь?

- Чтобы государство сильным было, - ответил Семён с некоторым сомнением в голосе.

- Так надо применить эту силу на какое-то полезное дело. Или на то, что людям может показаться полезным. Что можешь предложить?

Семён нахмурился.

- Может, построить им что-нибудь? Там, туалет большой общественный или библиотеку? Только вот денег жалко.

- Денег не жалея, - отмахнулся Морген. – Деньги – это средство, а не цель.

- Почему не цель? – не понял Дудиков. - А что же тогда цель?

Морген пропустил последнюю фразу мимо ушей и продолжил:

- Стройки – это неплохо, но мелко. Защити людей от опасности. Найди врага и защити. Они будут благодарны.

- А где же его взять, врага? – спросил Семён.

- Придумай, - развёл руками Морген. – Ты вроде бы не дурак. Я думаю, сможешь.

- Смогу, - кивнул Дудиков. – Устройте мне пресс-конференцию, что ли...

- Рубель, займись, - согласился Морген. - Но после того как здесь всё почишь. А я пока прогуляюсь.

Он сошёл с трона и направился к выходу из залы. На пороге внезапно обернулся и вновь обратился к Дудикову:

- Забыл сказать. Я тут посмотрел на счета наши, сравнил доходы с расходами... Не сходится что-то. Ты учти, Семён Иванович, я же могу и того... предпринять попытку твоего самоубийства. Рубель, прежде чем убираться, объясни господину Президенту, что нехорошо у своих же деньги умыкать.

- Слушаюсь, - сказал Рубель и, отделившись от стены, сделал шаг по направлению к Семёну.

- А то развели тут сингапурщину, понимаешь, - закончил Морген и покинул зал.

Рубель с улыбкой приблизился на расстояние примерно метра и, замахнувшись, врезал Дудикову в левый глаз. Дудиков молча рухнул на пол, затем, повалявшись несколько секунд, спокойно встал и спросил Рубеля:

- Могу идти?

- Да вы свободны, словно ветер, - ответил Рубель. – Идите, не держите зла. Я за приказы не в ответе. Надеюсь, голова цела?

- Цела, - ответил Дудиков. – И в ней я всё запоминаю.

Он развернулся и зашагал по коридору, который после парочки поворотов привёл его к дворцу. Распахнув дверь, Дудиков столкнулся с Ксюхой.

- Привет, - сказала она. – Ты подрался, что ли? Фингал на пол-лица.

- Привет, - ответил Семён. – Да нет. Это для дела. Дети спят?

- Конечно, спят, - Ксения махнула рукой за окно. – Ночь же.

- А у тебя нет крема какого-нибудь, чтобы замазать?

- Сейчас, - Ксения подошла к трюмо, стоящему тут же в прихожей, покопалась в ящичках и достала баночку с тональным кремом. Подойдя к Дудикову, принялась замаскировывать посиневшую припухлость под глазом. Семён морщился от боли, но молчал.

- Что-то ты толстеешь, смотрю, - заметила Ксения.

- Так ведь кормят, - ответил Семён. – Непривычный я к этому.

- Ешь поменьше, - посоветовала Ксения. – Скоро живот из штанов вывалится, я тебя и не узнаю.

- Ладно, - согласился Семён. – Перейду на эту, как её...колибри... кольраби... тьфу, брокколи.

- Вроде всё, - сказала Ксения, отойдя на полметра и осматривая результат. – Хотя всё равно заметно.

- Да ничего, - отмахнулся Дудиков. – У меня сейчас пресс-конференция. Кто там разглядит?

Он нервным движением оправил галстук и шагнул к двери. Его шаги чуть пружинили, давая понять, что идёт он по поверхности прорезиненной дорожки, убегающей вдаль, а дверь прямо перед ним – всего лишь условность. Семён взялся за ржавую металлическую ручку и потянул её на себя, отчего дверь распахнулась в обратную сторону, навстречу пылающему чернотой холодному космосу, в котором танцевали неупорядоченные скопления снежинок.

- И где же здесь пресс-конференция? – озадаченно пробормотал Семён. Он обернулся, ища поддержки жены, но за спиной её не оказалось. Со всех сторон виднелся только бесконечный и бессмысленный космос, который, впрочем, всё так же пружинил под ногами.

Семён оттолкнулся и поплыл вверх. Заболтал всеми четырьмя конечностями, ощутив себя беспомощным в этой пустоте, где больше не на что было опереться.

- Всё ясно, - сокрушённо заметил он. – Это Морген надо мной прикалывается.

- Семён, вы правы, как всегда, - донёсся голос из пустоты, и над головой Дудикова медленно прорисовался синий силуэт с крыльями. – Но вы и Моргена поймите. С субординацией беда, а мы сидим на динамите. Я вам урок преподнесу. Вас окружает хаос чёрный. Попробуйте-ка на весу доплыть ... хотя бы до уборной.

- Заткнись, - сказал Семён злобно, глядя на Рубеля так, что снег бы под этим взглядом точно растаял. – И стихи свои оставь.

- Почему никто не любит стихи? – сокрушённо отмахнулся крылом Рубель. – Хорошо. Вот смотрите, Семён – космос вокруг вас и сама ситуация, когда вы висите тут в пространстве и болтаете ногами, создана Моргеном. Он может породить таким образом практически что угодно – кроме, пожалуй, порядка. И что вы сможете в таком состоянии сделать? Да ничего. А я – смогу. Я могу, скажем, подплыть к вам и подать руку, препроводив вас куда пожелаете. Ну, или куда я пожелаю, но ведь наши желания могут совпасть.

Семён побарахтался немного, затем вдруг простёр руку вверх и сделал загадочный пасс, в результате которого над рукой образовался полупрозрачный сверкающий объект, напоминающий огромного краба. Краб моментально затвердел и окончательно материализовался. Дудиков ухватил его за ржавую ручку для переноски, рванул на себя и так же внезапно взмахнул перед собой, отчего одна из клешней ухватила за ногу Рубеля в районе щиколотки. Рубель вскрикнул, взмахнул крыльями и полетел прочь, но краб не отпускал его, так что Дудиков двигался следом.

- Я впечатлён, - сказал Рубель. – Может быть, вы поделитесь секретом, откуда такие способности? И отпустите, пожалуйста, ногу – у меня это больное место.

- Не отпущу, - сказал Дудиков. – Пока весь этот космический бред не закончится.

- Ладно, ладно! – Рубель взмахнул рукой. – Сдаюсь.

Под ними возникла из пустоты каменная дорожка, которая вилась между гор и уходила

в глубины космоса.

Семён отбросил краба в сторону, освободив Рубеля. Краб взмахнул кожистыми крыльями и начал спускаться вниз, к Солнцу.

- Мы на пресс-конференцию-то не опоздаем? – поинтересовался Семён.

- Нет, - ответил Рубель. – Время здесь никакого значения не имеет.

- Тогда скажи лучше, - Дудиков опустился на выросшую из дорожки каменную табуретку. – Кто ты такой на самом деле? Дьявол, что ли? Уж больно ты слаб.

- Нет, я не дьявол, я другой... - начал Рубель, но почувствовал на себе недобрый взгляд Семёна и осёкся. – Я – демон.

- И что это значит? В чём твоё предназначение?

- По-всякому бывает, - уклончиво ответил Рубель.

- Я слышал, что нечисть вроде тебя любить скупать души, - сказал Дудиков. – Ты тоже это можешь?

Рубель заинтересованно посмотрел на Семёна – видно было, что такого вопроса он не ожидал.

- Я думаю, что могу всё, - ответил он. – А вам к чему? Есть что продать? Надеетесь на выгодную сделку?

Семён вздохнул, откинувшись назад, на внезапно выросшую прямо за его спиной каменную спинку кресла.

- Я и сам не знаю пока. Изучаю варианты. Вот, предположим, ты бы продал мне свою душу, если бы я захотел?

Рубель отшатнулся от Дудикова, и его синяя кожа слегка побледнела.

- Что за фантазии, ей-Богу? - вымолвил он. – Зачем вам лишняя душа? Да и потом – что вы под этим понимаете? Вы хотите прямо сейчас получить её или после моей смерти? Если прямо сейчас, то я, разумеется, против, ведь без неё я существовать не смогу. А если после смерти, то вряд ли вы этого дождётесь. Я, между прочим, могу вообще никогда не умереть.

- Мой интерес, - ответствовал Дудиков, - скорее научного свойства. Предположим, я хотел бы твою душу поносить, примерить и решить, хочу ли я у тебя её купить. А детали можно и потом обсудить.

- Хм... - Рубель задумался. – Я никогда не разбирался в этом хорошо, но, как мне кажется, душа – понятие неточное. Каждый сам понимает, что это такое. То есть что-то я могу вам продать, наверно, но то ли это, чего вы хотите, я не уверен.

- И я тоже, - согласился Семён. – Поэтому и хотел бы попробовать.

- Но если я дам вам попробовать, то ведь умру, - возразил Рубель.

- Нельзя такого исключать, - кивнул Семён. – Но можно что-нибудь придумать. К примеру, ты отдашь какую-то часть души, оставив то, что срослось с тобой крепко. Или я могу на время отдать тебе свою. Или можно сделать сразу и то, и другое.

Рубель постоял несколько секунд в нерешительности, потом вдруг приободрился:

- А мне, пожалуй, нравится идея. Давайте поменяемся. Но чур без фокусов – на пару минут, и по первому же желанию любого из нас происходит обратный обмен.

- Согласен, - кивнул Дудиков.

- Что ж, хорошо. Попробуем. Включите своё воображение, - Рубель расправил крылья и взял Дудикова за руку. – Положите свою ладонь мне на живот, вот так. А я положу вам. По моей команде отдерните руку.

Рубель прикрыл глаза и сосредоточился на чём-то внутри себя. На кончиках его пальцев и пальцев Дудикова забегали лёгкие синие искорки, а затем руки осветились приятным голубоватым светом.

- Давайте! – воскликнул Рубель, и они разом оторвали друг от друга руки, а затем покачнулись и оба рухнули на землю.

Прошло, наверно, около минуты, когда тело Семёна слегка зашевелилось. Он приподнялся, провёл рукой по лбу и осмотрел себя.

- Кто я? – произнёс он. – И что со мной? Ответьте же, мой друг. Я чувствую в себе

огромных сил прилив. Но в то же время вызывает он испуг. Я даже не пойму, я жив или не жив. И эта мерзость, что вздымается во мне, в глубинах памяти, и тысяча желаний меня одолевают всё сильнее, и надо много приложить стараний, чтоб удержаться, чтоб не натворить чего-то страшного, хоть это так манит. Смогу ль терпеть неясность впереди? И что за мука ощущать в груди холодный и расчётливый гранит...

Очнулся и Рубель, резко присел.

- Я кто? – спросил он. – И почему внутри так пусто? Ни мыслей, ни идей, один лишь голод, злорада и тоска. А! Вот тебя я знаю! Ты – президент Земли. Планета неплохая, но люди, что живут на ней – преотвратнейшее племя. И я сам теперь какой-то невыносимый. Где глубина? Где разум? Где способность понять и всех, и всё? Где планов громадьё? Я не согласен. Не знаю, кто я, но хочу назад.

- Я тоже, - согласился Дудиков. – Так давайте же, мой друг, прибежем снова к чарам ваших рук.

Они снова возложили ладони друг другу на животы. На секунду вспыхнуло пламя, и их слегка отбросило в стороны, отчего Рубель перекувырнулся, а Дудиков стукнулся затылком о камень.

Впрочем, через пару мгновений они резко вскочили на ноги и уставились друг на друга.

- Да уж, идея была неудачной, - сказал Дудиков злобно. – Я и не знал, что ты настолько мерзкий тип. И теперь понимаю, отчего тебя всё время тянет говорить стихами.

- А я и вовсе не рад, что тебя встретил, - сказал Рубель. – Одна ненависть и самодовольство, ни на чём не основанное. И пустота – чёрная, ненасытная. Фу! Меня сейчас вырвет.

- Да ладно уж, - сказал Дудиков. - Зато теперь мы не питаем иллюзий относительно друг друга. Где там моя пресс-конференция?

- Да вот же она, - Рубель взмахнул крылом и исчез, а Дудиков в роскошной красной меховой мантии и с глобусом в руке очутился на высоком стуле посреди залитого светом зала. Лампы светили ему в глаза, и он почувствовал, как тональный крем плавится и ползёт по лицу.

Откуда-то с небес раздался торжественный голос Митьки:

- А сейчас перед нами выступит Президент Всея Земли, великий и несравненный Семён Иванович Дудиков!

Дудиков поправил съехавшую на ухо тяжёлую шапку и заговорил:

- Бояре! Тьфу ты... Граждане Земли! Наступает тяжёлый час, а может быть, и год, причём не один. Мои дозорные со всей достоверностью сообщают, что к нам приближается с абсолютно угрожающими намерениями супостат, который при ближайшем рассмотрении оказывается вероятным противником. Братья и сёстры, дальние родственники, знакомые и коллеги, врачи и учителя, сантехники, журналисты, композиторы и прочее быдло! Я бы хотел призвать вас встать на защиту нашей планеты от супостата. А супостатом, если вдуматься, может стать каждый. Вот если, скажем, ребёнок утром не помыл себе руки, то не враг ли он нам? Ведь каждая болезнетворная бактерия может угрожать нашей стабильности и процветанию. А женщина, которая красит губы? Может ли каждый из нас быть уверенным, с какой целью она это делает? А фильмы? А колёса? А склероз? Всё, абсолютно всё может служить нашему вероятному противнику. Посему призываю вас оказать мне поддержку абсолютно во всём. У вас просто нет другого выбора, кроме как довериться мне целиком и полностью. Так и скажите: «На тебя уповаем, царь-батюшка». И денежку дайте, и лобызайте меня во все места. Ибо если не я, то кто же вас защитит, сирых, убогих и неразумных? И бдите. Очень важно, не смыкая глаз, всматриваться друг в друга, выискивая в каждом из нас что-то подозрительное, сомнительное и слабое. Ведь все мы на самом деле друг другу враги, и надо суметь это вовремя заметить и предотвратить. Вы всегда можете доверить мне самое сокровенное – например, вашу тайну или секрет вашего друга. Я сам сделаю нужные выводы. И не бойтесь доносить. На том свете всем воздастся, и чем больше, тем лучше. Теперь о том, что я собираюсь сделать. Я собираюсь укрепиться. Я хочу стать сильным и

защищённым от любых напастей, в том числе и от вас. Потому что если я слаб, то как же я буду вас защищать? А если силен, то разве вы сможете мне навредить? То-то же! Любите же меня, бояре и простой люд! Цените и лелейте!

Последние слова потонули в шквале аплодисментов, которые Дудиков внезапно смял рукой и отбросил в сторону, оставшись наедине с Рубелем посреди крохотной плохо оштукатуренной каморки без дверей и без окон.

- Ну что? – спросил он Рубеля. – Сойдёт?

- Весьма вдохновляет, - кивнул Рубель. – Мне даже самому захотелось дать вам денежку.

- За чем же дело стало? – хмыкнул Семён, снимая шапку Мономаха и протягивая демону словно чашу для подаяния. – Ладно, шучу. Ты лучше вот чего... Добудь мне часы такие, типа шахматных, только для одного. Чтобы время отмеряли и звонили каждые десять секунд.

- Эээ, - Рубель ошарашенно поднял брови.

- А, ладно, как хочешь. - Дудиков отмахнулся. – Где тут выход?

Он шагнул в случайную сторону, и в стене образовалась дверь, за ней залитый солнцем зелёный дворик, а в центре его огромный трактор, увешанный спойлерами, дефлекторами и прочими прибабасами, не говоря уж обо всех последних моделях оружия.

- Ну, здравствуй, - сказал Дудиков, сбрасывая с себя мантию и медленно обходя трактор кругом.

Он коснулся причудливо изогнутого заднего крыла, провёл ладонью по ряду зеркал и потрогал датчик Гейгера внутри выхлопной трубы.

- Только ты меня понимаешь, - произнёс он. – И не предашь никогда. Правда ведь?

Трактор промолчал, словно подтверждая сказанное.

- Куплю тебе ещё пушечку скоро, - продолжил Дудиков. – вон туда повесим, под брюшко. Не бойся, мешать не будет, она складная. Зато если вдруг и вправду найдётся супостат...

Голос Дудикова дрогнул, и на глазах заблестели слёзы.

А в это время персональный пенсионер планеты Земля Илья Владимирович Тюртеев брёл вдоль длинного ряда людей к мрачному сооружению, похожему одновременно на Дом Союзов и мавзолей Петера Второго Петровича-Негоша. Люди смотрели на старика хмуро, словно в чём-то не одобряли.

- И то правда, - пробормотал Илья Владимирович. – Куда уж мне... Какая от меня может быть обществу польза? Убытки одни.

Он грузно лёг в уже привычный гроб, который услужливо выплыл из тумана в центре помещения под злое шипение невидимых механизмов, положил усталые руки на грудь и закрыл глаза.

Перед его мысленным взором поплыла вся его никчёмная жизнь, потраченная на службу партии и народу. И, словно припев в песне, повторялась в этих видениях одна и та же мысль, не дающая старику покоя – мысль о том, что не бывает в Ираке белых медведей.

Глава 3. Тамара и демон

Как и большинство девушек, Тамара любила спать. Но немного не так, как все остальные. Она лучше высыпалась, если сон был беспокойным, с несколькими пробуждениями за ночь. Она любила проснуться среди ночи и лежать в полудрёме, разглядывая пятна света,двигающиеся на потолке. Ей представлялись странные образы, будоражащие фантазию и дающие пищу для размышлений. Примерно по той же причине она любила сны. Они, правда, ей снились не часто, зато яркие, трёхмерные, с цветом и звуком.

Как правило, наутро она их не помнила, но ощущение чего-то приятного, нереального, оставалось.

Так и в это утро. Она села в пижаме на край кровати и попыталась вспомнить сон. Но память упорно отказывалась ей помогать, так что Тамара могла быть уверена только в том, что сон определённо был, он приносил ей удовольствие, и в нём она летала.

А за окном уже вовсю светило летнее солнце, и пора было начинать новый день, поэтому Тамара отбросила мысли о сновидениях, впрочем, оставив себе то приятное настроение, которое было ей подарено сном.

Она босиком ступила на паркетный пол и прошла в ванную. Тщательно умыла лицо сначала водой, затем лосьоном. Потом с помощью скраба удалила частички ороговевшей кожи и умылась снова, не менее тщательно, чем в первый раз. Затем взяла в руки электрическую зубную щётку и принялась методично чистить зубы. На четвёртой минуте этой процедуры Тамаре показалось, что зубная щётка не просто жужжит, а издаёт некую заунывную мелодию. «В конце концов, ничего удивительного в этом нет, - подумала Тамара. – Это одно из проявлений сарвасаттвы, которая пронизывает все предметы». Прервав песню щётки, она воспользовалась зубной нитью, а затем ирригатором. Немного поразмыслив, сходила в туалет, после чего вернулась и умылась снова, чуть дольше и старательнее, чем в первые два раза.

Закончив с умыванием, Тамара вышла в комнату, встала точно в геометрическом центре пола и начала гимнастику. Сначала неторопливая разминка. Затем перевёрнутая поза, бумеранг, плуг, павлин. Усевшись в тугой лотос, Тамара ощутила небольшое покалывание в горле и совместила лотос с симхасаной, что не возбуждалось.

В планах Тамары сегодня значились чтение книг по экономике и знакомство с оригиналами английских поэтов девятнадцатого века. Сидя с полужакрытыми глазами, она попыталась подготовить свой разум к предстоящему поглощению знаний, расслабив его, а затем сосредоточившись на воображаемой красной точке впереди. Однако что-то не давало ей полностью погрузиться в медитацию. Она проанализировала ощущения и поняла, что на лоб её падает горячий солнечный зайчик.

«Середина лета, - подумала Тамара. – А я всё сижу за книжками и вдыхаю пыль. Даже не загорала ещё ни разу».

Открыв глаза, она попыталась принять взвешенное решение о том, стоит ли продолжать медитировать или сначала разобраться со своими потребностями в летних удовольствиях. Разбрасываться своим временем, чтобы тащиться на пляж, казалось Тамаре несусветной глупостью. В то же время она знала, насколько навязчивыми могут быть внезапно возникшие желания, и понимала, что проще их как минимум отчасти удовлетворить, чтобы затем полностью посвятить себя важным делам.

Итак, она поднялась с пола и в задумчивости подошла к окну. Внизу, покачивая рогами, проехал нелепый плюшевый троллейбус, а затем в сторону кинотеатра «Иллюзион» проследовало несколько гуманоидов с огромными лысыми зелёными головами и раскосыми глазами без век. Тамара не придавала этому большого значения, поскольку придерживалась широких взглядов и считала, что каждое существо имеет право на жизнь и свободу самовыражения.

Тут её взгляд упал на широкий мраморный карниз, опоясывавший здание между четвертым и пятым этажами, прямо под её окном. «Да ведь это как раз подходит для того, чтобы позагорать! - воскликнула Тамара мысленно. – И как я раньше этого не замечала?»

Карниз был залит солнечным светом и выглядел достаточно широким, чтобы улечься на нём с комфортом. Высоты Тамара не боялась - точно так же, как не боялась собак, воды и смерти. Поэтому через несколько минут она уже переоделась в купальник, прихватила полотенце и принялась возиться с рамой, пытаясь ее открыть. Наконец ей это удалось, и Тамара в воодушевлении забралась на подоконник, собираясь спуститься на заветный карниз.

В то же мгновение с одного из верхних этажей на карниз низвергнулся поток помоев,

и Тамара еле успела отшатнуться, чтобы увернуться от брызг. Её душевное равновесие было нарушено, а лучшие чувства поруганы.

- Мусоропровод же есть! – возмущённо произнесла она, не стремясь, впрочем, чтобы её кто-нибудь услышал.

Она уже хотела было закрыть раму, как вдруг снаружи послышался непривычный звук: словно невидимый великан быстро-быстро листал несколько огромных книг сразу. Тамара озадаченно выглянула в окно и посмотрела вверх, откуда, похоже, доносился шум.

Её взору предстал атлетично сложенный брюнет с кожей синеватого цвета, который, энергично махая крыльями, спускался с небес в сторону Тамары, при этом глядя ей прямо в лицо своими бездонными голубыми глазами.

В голове Тамары пронеслось несколько мыслей сразу. Во-первых, синие мужики не летают. Во-вторых, она вообще никогда прежде не видела синих мужиков, поэтому утверждать, что они не летают, с её стороны было самонадеянно и некорректно. В-третьих, синий мужик с крыльями, одетый в одни только плавки – это явная сублимация сексуальной неудовлетворённости, так что ей, пожалуй, стоило снова навеститься к психоаналитику Неверову. В-четвёртых, а мужчина-то был чрезвычайно симпатичным...

- Не разрешите ли присесть? – произнёс крылатый человек нараспев. – Устал от долгого пути, и вы окажете мне честь, позволив дух перевести.

- Ы, - сказала Тамара. – Да! Садитесь, конечно, о чём разговор?

- Спасибо, - поблагодарил синий красавец, опуская босые мускулистые ноги на карниз и складывая крылья. – Как вас величать, о вы, прелестное создание?

- Тамарой.

- Имя вам под стать, ведь вы само очарование. Я – Рубель, демон. Я летел по делу мимо ваших окон, и вдруг случайно разглядел волос чудесных русый локон. Вы что же, значит, на карниз хотели лечь, чтобы погреться? И не боялись рухнуть вниз? У вас отчаянное сердце.

«Какой, на фиг, локон? - подумала Тамара. – Я же коротко постриглась вчера. Да и рифма наглагольная не катит: летел - разглядел...». Но вслух сказала:

- Ну, всё равно ничего не получилось... - Она покраснела и пошевелила носом. – А вы откуда? Как здесь очутились? Никогда не встречала демонов.

- Откуда я? – Рубель улыбнулся. – Вопрос не прост. Как очутился здесь? По небу. Но вот стою тут в полный рост, готов служить вам на потребу. Что нужно вам, мадемуазель? Исполню всякое желанье. Вам нужно золота? Друзей? Познать все тайны мироздания?

- Золото – это хорошо, - заметила Тамара. – Однако же я знаю, что высшее счастье – уметь довольствоваться тем, что имеешь. Дополнительное богатство ничего не добавляет к счастью. Подруги и друзья у меня есть. Может, они и не идеальны, но идеала не бывает. Тайны мироздания – пожалуй, это самое ценное из того, что вы предложили. Но если вы их мне откроете, то они перестанут быть тайнами. Да и как мне убедиться в том, что вы открыли мне истину? Ведь у каждого об истине своё представление.

- Я покажу вам мира суть, - ответил Рубель, прохаживаясь по карнизу и чуть припадая на одну ногу. – Без кривотолков, без прикрас. Конечно, всё перевернуть возможно меньше, чем за час, и то, что истинно теперь, враньём окажется для вас. Но ваше дело – верить мне или не верить, а моё – представить в красках вам вполне сознание и бытие.

- Бытие, – поправила Тамара.

- Так не в рифму было бы, - возразил Рубель.

- А зачем вы говорите стихами? – спросила Тамара. – Это же трудно, да и смысл искажается. К чему эти ограничения – рифма, размер?

- Вселенная стихов полна, - ответил Рубель. – Услышит всякий, кто не глух. По венам пробежит волна – и ритм уже ласкает слух. И в каждом выдохе есть вдох, в зиме - весна, в морозе - жар, в поступках беса виден Бог, и рифмы – суть всех этих пар. Стихи и проза – всё одно, они рождаются не мной, и то, что мне сказать дано, не скажет кто-нибудь иной.

- Запутанно, но я вас поняла, - сказала Тамара. – Так что там насчёт тайн мироздания?

Рассказывайте.

- Глаза расскажут лучше слов, - сказал демон. - Мы с вами в небо полетим, и показать я вам готов, что движет мёртвым и живым.

- «Что движет мёртвым» звучит сомнительно, - заметила Тамара. – Это что-то из ужасиков про зомби. Но я согласна. Только не в купальнике же лететь.

- Во всех ты, душенька... Простите, плагиат, - поправился Рубель. – Красив купальник, что на вас надет. Но вы всегда вольны сменить наряд. Я подожду, спешить резона нет.

Тамара метнулась к гардеробу, затем в соседнюю комнату и через несколько минут предстала перед демоном в черных обтягивающих брюках, зелёной лёгкой блузке и туфлях на высоком каблуке. Она также взъерошила волосы и слегка накрасилась.

- Вы просто ослепительны сейчас, - торжественно произнёс демон, протягивая ей руку через окно. - Всё, что б вы ни надели, вам идёт. Теперь же пригласить позвольте вас в короткий просветительский полёт.

Тамара взяла Рубеля за руку и почувствовала, как её ноги отрываются от пола, словно она лишилась собственного веса.

- Простите, - возмутилась она. – А как же законы физики? Закон сохранения масс, в конце концов?!

- Забудьте на мгновение о нём, - ответил демон, поднимаясь вместе с ней. – И верьте лишь глазам своим и мне. Порой мы от законов устаём. Считайте, что летаете во сне.

Рубель взмахнул крыльями, хотя уже было ясно, что для полёта они ему не нужны, и они с Тамарой плавно поплыли прочь от здания, поднимаясь всё выше и выше.

- Совсем не страшно, - удивилась Тамара, болтая ногами в воздухе. – Но я не узнаю Москву. Вон там раньше была гостиница «Красные холмы», а там – Кремль... А сейчас там какие-то уродливые столбы и странные железяки.

- Всё зыбко – и природа, и пейзаж, - ответил Рубель. – Забудьте о надёжности вещей. Всё, что придумать может разум ваш, вполне увидеть может взор очей.

- Но почему? – не поняла Тамара. – Что произошло с миром?

- Есть только хаос. Мир – его мираж, - сказал Рубель. – По счастью, я умею чудеса. Я, словно на бумаге карандаш, умею рисовать на небесах.

Рубель взмахнул крылом, и небо резко помрачнело, покрывшись яркими звёздами.

- Мадемуазель, взгляните-ка туда, - продолжил он, указав рукой на юго-запад. – Нет-нет, чуть дальше, справа от горы. Сейчас я докажу вам, что всегда смогу влиять на правила игры. Вы видите, строительство идёт? Людишки тащат кто бревно, кто дверь, кто лист железный, и из года в год стена крепчает. Вдумайтесь теперь – как может быть, что хаос не сровнял её с землёй? Ведь всё вокруг дрожит, как призрак сквозь магический кристалл, меняет суть, строение и вид едва ли не ежеминутно?

Тамара прищурилась:

- Я вижу очень смутно, что происходит там.

- Летим тогда поближе к тем горам, к чему глаза-то портить?

- Топор? – не поняла Тамара. – Какой топор?

- Без топоров нельзя никак, не спорьте, - отозвался демон. – Ведь нужно и ломать, и созидать. Да, тяжело, но мы не на курорте, мы хаос поворачиваем вспять.

Тамара вгляделась в приближающийся пейзаж, силясь понять, что же имел в виду синий мужик с крыльями. Огромная равнина была заполнена людьми, которые суетились на ней, словно мухи, облепившие труп великана. В центре толпы, исполняя роль этого трупа, возвышался каркас исполинского сооружения, напоминающего одновременно пирамиду и противоракетный бункер. Люди носили различные стройматериалы, пилили, рубили, копали, варили, клали кирпичи, заливали бетон, забивали гвозди и красили. На первый взгляд работа выглядела полным сумбуром, но сооружение росло чуть ли не на глазах. По стройке ходили менее суетливые люди в чёрной форме, похожей на военную, с хлыстами в руках. Они вели себя надменно и периодически пользовались кнутами, подгоняя рабочих. Всё происходящее

освещалось прожекторами, установленными на нескольких деревянных вышках.

А вокруг этой равнины земля двигалась, шевелилась, то превращаясь в гору, то извиваясь в русло реки, то опускаясь глубоким ущельем, заросшим соснами. И только островок с железной крепостью оставался нетронутым, словно был заколдован.

- Но что они все строят? Зачем? – спросила потрясённая Тамара.

- Здесь будет жить правитель всей Земли, - певуче произнёс Рубель, лениво, но грациозно колыхая крыльями. – Царь Симеон Великий, полубог. Он строить этот замок всем велит, чтоб от врагов найти защиту смог.

- Что за царь? – Тамара выпучила глаза и чуть не выпустила руку демона от изумления. - У нас же тут вроде как демократия.

- Всё лишь иллюзия – и царь, президент, - отвечивал Рубель. – Нет времени, нет власти, есть лишь он – незримый Морген. Он лишь ждёт момент, чтоб показать, насколько он силен.

- Я вижу тут противоречие, - заметила Тамара. – Времени нет, а Морген – ждёт? И кто такой Морген вообще? Да и какова ваша роль в этой истории?

- Лишь я творить средь хаоса могу. А Морген – это хаос во плоти. Мы все - лишь миражи в его мозгу, и помогаем Моргену расти. У Моргена есть множество личин, и лишь одна из них в подлунном мире. Другие мы не видим без причин, хотя он весь сильнее, глубже, шире.

- Что-то уж больно сложно, - Тамара задумалась на мгновение. – Но летать мне нравится. И, поскольку раньше я не летала, то похоже, что я просто во сне. Так ведь?

- Мы все во сне с какой-то точки зренья, - согласился демон, и его лицо на мгновение стало грустным. – Но полетать и я совсем не прочь. Давайте плыть вот в этом направлении, где, кажется, чуть-чуть прозрачней ночь. Вы видите – вздымаются громады остовов ржавых? Множество ракет, орудий смерти мощных, величавых. Меня волнует их поносный цвет. Всё здесь моё – и люди, и ракеты, неизбежно, поскольку я силен. И если враг мой вступит на планету, он, несомненно, будет побеждён.

- А кто ваш враг? - спросила Тамара. - И я всё-таки не понимаю, в чём та тайна мироздания, о которой вы хотели мне рассказать?

- Мой враг – такой же блеф, как эти пушки, - лицо Рубеля осенила довольная и хитрая улыбка. – Он создан Моргеном, чтоб больше нам везло. Вы видите у ёлок там верхушки? Присядем. Что-то чешется крыло...

- Ваши стихи, - сказала Тамара, вместе с Рубелем опускаясь на мокрую скользкую ветку, - мне порядком надоели. Вы можете говорить более чётко?

- Ну что же, - Рубель отпустил руку Тамары и она, вскрикнув, заскользила по ветке вниз, цепляясь ногтями за хвою. Рубель в мгновение ока оказался рядом и снова схватил её за руку. – Никто не любит поэзию, - грустно произнёс он. – А в прозе всё это не звучит. Так вот, главная сила во Вселенной – это удача. Чтобы накопить больше силы, Моргену нужен хаос, но хаос управляемый. С созданием хаоса у Моргена всё отлично получается. А порядок в хаосе навожу именно я. Враг же выдуман Моргеном для того, чтобы дать людям повод поверить в нашу силу. Ведь именно вера силу и придаёт. Только не людям, как принято считать, а нам. Так что, как видите, я играю очень большую роль в этой истории. Вот, к слову, если бы я сейчас не дал вам руку, вы бы упали с высоты метров в пятьдесят. И заметьте – больше никто в этом мире не смог бы подать вам руку.

- А те люди, - проигнорировала Тамара последнее замечание, - которые строят дворец для царя, тоже подчиняются вам?

Рубель распрямился в полный рост, гордо балансируя на ветке.

- Надсмотрщики, конечно, служат мне. Все прочие внимания не стоят. Все то, что мною велено построить, бесспорно, исполняется вполне.

Рубель слегка почесал перья на изгибе крыла левой рукой, затем легонько оттолкнулся ногами от ветки и вновь повлёк за собой Тамару.

- Вы видите вдали широкий тракт? Он создан по веленью моему. Вокруг него всё

шатко – это факт. А сам он неподвластен ничему. Все оттого, что Морген – мой партнёр. Я делаю того, что хочет он. Я потому удачлив и хитёр, а он – непредсказуем и силен. Мы вместе создаём и свет, и тьму, и этот тракт среди лесов и нив. И каждый, кто проедет по нему, восславит нас, союз наш укрепив. Ещё и денег даст нам за проезд по той дороге, что построил я. Мы с Моргеном как Бог, что вас не съест, да и не выдаст, если не свинья.

- Какую же чушь вы готовы нести ради рифмы! – воскликнула Тамара. – Лучше бы свет включили, раз вы такой всемогущий.

Рубель нехотя взмахнул рукой, и наступил день – впрочем, мрачный, тусклый. Небо было заполнено тучами, готовыми вот-вот пролиться дождём.

- Я вот чего не понимаю, - заговорила Тамара. – Судя по вашим словам, вы можете создать чуть ли не что угодно. Почему бы просто не приносить добро тем людям, которые здесь живут? Вылечили бы больных, накормили бы голодных.

- Что до меня, то я бы и не прочь, - ответил Рубель. – У Моргена же цель совсем другая. И вряд ли он захочет всем помочь, своей нуждой при том пренебрегая. Но если то вразрез с ней не идёт, мы даже и добро творить готовы. Пример хотите? Полетим вперёд, туда, где пролетают три коровы. Вот дом стоит невзрачный, без затей. Жила семья в нём бедно и убого. Мужик пахал, жена блюла детей и торговала плюшками немного. Но Морген здесь устроил кавардак. Пахать что смысла? Земли уплывают, и плюшки не рождаются никак – то растекаются, то пригорают. Детей кормить на что? В семье беда. Судьба и хаос вместе правят круто. Но я принёс решение суда и деток забираю для приюта. Я словно света луч прорезал тьму и милость детям оказал бесплатно...

- Постойте, - перебила Тамара. – Я чего-то не пойму. Откуда суд? Зачем? Мне непонятно.

- Я сам себе и суд, и адвокат, - ответил Рубель. – Я так решил – раз мать с отцом не скоро добудут хлеб, так пусть сдадут ребят в приют, где дети будут под надзором.

- И что же там, в приюте? Что с ними стало? – спросил Тамара мрачно.

- Не знаю, - ответил Рубель, подлетая к огромной скале, возвышающейся над густым туманом. – Не люблю я те места. Я не суюсь в приюты городские. Наркотики, разврат и нищета. Там правит хаос, не моя стихия.

Они опустились на скалу, и Тамара, отступив от демона на пару метров, грустно поинтересовалась:

- А что родители? Неужели спокойно отдали детей?

- Они хотели помешать. Но как? – Рубель гордо прошёлся по краю скалы, усмехаясь. – Вокруг безумие, они рабы, не боле. Лишь я один способен сделать так, чтоб хаос отступил пред силой воли. Они должны быть благодарны мне, ведь к ним свобода от забот вернулась. Так нет бы жить спокойно, в тишине – муж спился, а жена совсем рехнулась.

Тамара хотела что-то возразить, но отвернулась и некоторое время глядела в туман.

- Я знаю, это сон, - сказала она, наконец, повернув голову в сторону Рубеля. – Поэтому нет смысла возражать. С другой стороны, сны часто раскрывают нам то, о чём мы боимся думать наяву. Так что вы хотели мне поведать о тайнах мироздания?

Рубель улыбнулся торжественно и расправил крылья.

- Ну, собственно, сказал я всё, что мог. Я правлю миром – вот и все секреты. К тому же я неглуп, красив, высок, да и в любви соперников мне нету. А посему, Тамара, я тебе хочу советовать не тратить время даром, а, покорившись благостной судьбе, заняться делом, в мире самым старым...

После этих слов Рубель неожиданно изобразил на лице выражение полного самоудовлетворения, при этом обнажив белоснежные зубы и кокетливо шевеля носом.

- Что за ерунда? – воскликнула Тамара. – Так вы затащили меня на эту уродливую скалу только для этого?

- О, уберите праведный ваш гнев, - сказал Рубель, на ходу начиная стаскивать с себя плавки. - Мы проведём отлично время с вами. Я ем как волк, в постели чистый лев, и властвую не только над зверями.

Когда демон приблизился к Тамаре на расстояние метра, она вдруг крутнулась на месте, выбросила вперёд ногу и ударила его в живот. Рубель отлетел назад, заскользил спиной по камню и полетел вниз со скалы, в густой туман.

- Да и на брудершафт мы не пили, - добавила Тамара, подходя ближе к краю и пытаясь разглядеть во мгле тело. Однако через мгновение, тяжело махая крыльями, из бездны поднялся сам Рубель, сверкая своим синим обнажённым срамом.

- Я испепелить вас мог бы так легко, - сказал Рубель, - что вы бы не успели даже охнуть. А впрочем, наплевать мне глубоко. Желаю вам скорее тут подохнуть.

Он развернулся в воздухе и медленно полетел прочь.

- Кретин! - прокричала Тамара. – Я хорошие стихи люблю!

Однако Рубель уже исчез в тумане, оставив Тамару одну. В первую секунду она обрадовалась, что наконец-то избавилась от мерзкого демона. Потом начала волноваться о том, как она спустится со скалы. Затем её осенила мысль, что она и вовсе не представляет, где находится и как добраться домой.

- Ничего, - пробормотала Тамара. – И не из таких мест выбирались. Да и вообще, это просто сон.

Она нашла относительно пологий спуск, по которому смогла, цепляясь за траву, потихоньку двигаться вниз, при этом пытаясь вспомнить, из каких это мест ей приходилось раньше выбирать. Самое трудное, что вспомнилось – путь домой из ресторана после празднования выпускного, когда она по причине количества выпитого заблудилась в переулках. Кроме того, Тамара начала сомневаться, что находится во сне, поскольку трава резала пальцы, а коленям было больно от острых выступов скалы.

Наконец она достигла относительно твёрдой поверхности, которая оказалась разбитой просёлочной дорогой, ведущей в туман.

- Нет, ну что за отвратительный тип! – пробормотала Тамара, после чего принялась решать, куда идти – налево или направо. Теоретически, можно было вспомнить весь предыдущий путь демона и таким образом определить направление к Москве, но это было нелегко. Да и картина постоянно меняющейся местности, которую они наблюдали во время полёта, подсказывала Тамаре, что никакого толка из этого не выйдет.

Она пошла направо и совсем скоро стала сомневаться в принятом решении. Туман становился всё гуще, грязь – всё жиже и глубже, а дорога превратилась в безбрежное море коричневой жижи, посреди которой кое-где торчали трухлявые деревья и жидкие кусты.

На один из кустов сверху спланировала тяжёлая чёрная птица с огромным клювом, уселась на прутик потолще и принялась разглядывать Тамару, склонив голову. Затем она раскрыла клюв и произнесла:

- Невре... Нервем... Тьфу!

- Простите, - Тамара, несколько опешив, попыталась обратиться к птице, – вы умеете говорить?

- В разумных пределах, - хрипло ответила птица. – Ваши лингвистические фантазии мне не по силам.

- Не подскажете ли, в таком случае, дорогу к Москве? – спросила Тамара, не вполне поняв, что её собеседница имела в виду.

- А что такое Москва? – ответила птица вопросом на вопрос, и её красный глаз уставился на Тамару, сверля взглядом.

- Это город, - ответила Тамара, соображая, как бы объяснить птице, что такое Москва и чем она отличается от других городов. – Очень большой город. Там людей много, Останкинская башня, Кремль...

- А! – птица, кажется, поняла. – Этот рассадник разврата! А что вам там нужно?

- Я там живу, - пояснила Тамара, улыбнувшись.

Птица качнулась на прутике, нахохлилась и вдруг закричала, широко раскрыв клюв:

- Лови её! Здесь вррраг!

Она метнулась прямо в лицо Тамаре, выставив вперёд когти. Тамара еле успела

прикрыться рукой. Она бросилась бежать так быстро, как могла, по грязи, отмахиваясь от стаи налетевших птиц: чёрных, жёлтых, рыжих. Все они норовили клюнуть её, оцарапать лицо, вырвать клочок одежды...

Внезапно всё кончилось. Птицы улетели прочь, яростно взмахивая крыльями и каркая на разных языках. А Тамара осталась стоять на берегу широкой реки, противоположный берег которой был почти полностью скрыт туманом. По лицу Тамары текла кровь из многочисленных царапин, глаза блестели от слёз, а в мозгу метались разные мысли, суть которых можно было передать примерно так: «Где я? Как отсюда выбраться? И что вообще происходит?»

Глава 4. Остров погибших обезьян

Никогда заранее не скажешь, куда повернётся жизнь. Вот и в языке человеческом этот факт отражён разными выражениями, представляющими жизненный путь в виде замысловатой геометрической фигуры – к примеру, «куда кривая вывезет». При этом ничего не говорится ни о том, какие могут быть варианты: влево или вправо, а может быть, и вовсе только вверх и вниз – ни о том, что это, собственно, за кривая. То ли жизнь – это эллипс, в обоих фокусах которого притягательные для человека сущности вроде любви и смерти, то ли парабола, которая собирает лучи из далёкого космоса в одну точку, то ли синусоида, которая то возносит человека вверх, то швыряет вниз, при этом сохраняя постоянство амплитуды. Должно быть, у каждого кривая своя. Не зря ведь говорят ещё «Закон – что дышло, куда повернёшь – туда и вышло». Если обратиться даже к простейшему первому закону Ньютона, то тело, которое находится в состоянии покоя, тоже не вечно будет в нём находиться, а лишь до тех пор, пока на него не подействует некая сила, а какая именно и с какой стороны, заранее неизвестно. И даже если не подействует, то невозможно точно предсказать, к каким последствиям это приведёт.

Тело Свази находилось в состоянии относительного покоя. Но при этом сам он в покое отнюдь не находился. Голова его, ударившаяся затылком об асфальт и существенно деформированная, была пронизана болью насквозь, отчего Свази пытался скрежетать зубами, при этом боль только усиливая. Боль продолжалась и ниже, по позвоночнику, и заканчивалась примерно в середине спины, поскольку ниже Свази абсолютно ничего не чувствовал, и осознание этого факта приносило больше страданий, чем сама физическая боль. Кровь растекалась под его телом огромным липким и тёплым пятном, и Свази понимал, что это означает приближение смерти. Он часто и тяжело дышал, глотая капли дождя, промочившего его кожу насквозь, и думал о том, что не хочет умирать. И о том, что он всё бы отдал, только бы жить дальше.

Внезапно он почувствовал, что боль начала утихать. Сначала чуть-чуть, затем практически полностью. Но Свази не обрадовался этому факту, решив, что именно таким образом к нему приближается смерть. И действительно, со стороны беспомощно раскинутых в стороны ног придвигалась некая расплывчатая серая фигура.

- Здравствуйте, Свази, - сказала существо низким хрипловатым голосом. – Умираете?
- Вы кто? – еле выдавил Свази, почувствовав, как булькает в горле кровь.
- Не тот вопрос вы задаёте, - ответил серый незнакомец, постепенно оформляясь в приземистого немолодого мужчину с невыразительным лицом. – Лучше спросили бы, что вам нужно сделать, чтобы не умереть.
- Что? – произнёс Свази, ощущая, что силы его вот-вот оставят.
- Обещайте, что остаток своей жизни вы будете служить мне и тому, кто стоит у вашего изголовья.

Свази чуть поднял взгляд. Над головой нависала синяя крылатая тень, большая и неясная.

- Где я? – пробормотал он.

- И охота же вам разговаривать в таком состоянии, - вздохнул Морген. – Вы и живы-то только благодаря моей близости. Отвечаю на вопрос. Вы лежите на грязном асфальте под дождём возле здания школы-интерната в некотором времени, которое остановилось и перестало существовать. Вас одолевают три желания: не умереть, избавиться от боли и страданий и причинить вред некому человеку по фамилии Ясоний, которого вы ненавидите. Я могу предоставить возможность исполнить все три ваших желания, если вы согласитесь работать на меня.

- Почему? – прохрипел Свази, и перед его глазами всё закружилось, а в затылок снова вцепилась боль.

- Что «почему»? – переспросил Морген. – Почему я выбрал вас? Потому что вы жадный, агрессивный, вы способны фантазировать, а ещё вы попали в затруднительное положение, из которого только я могу вас вытащить, и, следовательно, можете стать моим должником.

Свази закрыл глаза, вздохнул и, помолчав немного, выдавил:

- Хорошо.

- Тогда, - сказал Морген, – встаньте и идите.

- Вы издеваетесь?! – возмутился Свази, и от этого по позвоночнику пробежала такая мучительная волна, что он чуть не отключился.

- Не издеваюсь, - ответил Морген. – Всё, что вам нужно – это просто поверить, что вы абсолютно здоровы и способны встать и пойти. Но поскольку ваша фантазия всё ещё не позволяет этого сделать, то я вам помогу. Сделаю так, чтобы вам было проще поверить.

Дождь исчез. Затем пропало небо, а вместо него образовался белый потолок, увешанный люминесцентными лампами. Свази почувствовал, как его везут на каталке вдоль по коридору. Сзади раздался истерический женский вопль:

- Мы его теряем!

Однако тут же другой, уверенный, мужской голос возразил:

- Нет! Мы его находим!

Каталка въехала в ярко освещённую палату, заполненную людьми в белых халатах и марлевых повязках. Они окружили Свази, подняв руки, в которых были зажаты разные причудливые инструменты, и принялись бормотать:

- Скальпель!

- Тампон!

- Три кубика пургена!

- Четыре шарика пергидроля!

- И анестезию в жидком виде под язык!

Свази почувствовал, как в его волосатые лапы вонзилось несколько игл, и через пару секунд всё расплылось.

Очнувшись, он долго не решался открыть глаза. Ощущения говорили ему, что он сидит в кресле, и что одет он в сухую чистую одежду. Это одновременно и радовало, и озадачивало. Свази разлепил веки и понял, что находится в небольшой комнате, похожей на кабинет. Напротив него сидел тот самый серый человек, который спас его от смерти, а чуть в стороне прохаживался крылатый синий парень в плавках.

- Как вы себя чувствуете? – спросил Морген.

Свази осмотрел своё тело, облачённое в отличный костюм, пошевелил пальцами ног, скрытых внутри дорогих лакированных туфель.

- Очень хорошо, - ответил Свази. – Похоже, что я действительно жив и абсолютно здоров. Так кто вы такие и чего от меня хотите?

- Меня зовут Морген, - ответил серый мужичок, и его лицо пришло в движение, превращаясь в непрозрачное серое облако. – Я хочу всего лишь, чтобы вы стали мне помощником, выполняя те поручения, которые будет давать вам мой партнёр, Рубель.

Рубель чинно поклонился.

- Ну, это вы уже говорили, - усмехнулся Свази. – Но чем вы занимаетесь? И чем придётся заниматься мне?

- Я – сила, - ответил Морген. – И я же – бессилие. Никто со мной не может справиться. Но сам я не могу сотворить ничего надёжного и долговечного. Для этого мне и нужен Рубель. Его вера в себя позволяет ему созидать. Если вы будете выполнять его волю, у вас всё получится. А поручения – не беспокойтесь о них. Они найдутся. Считайте это государственной службой. Вы будете обеспечены всем необходимым, и полномочия свои считайте неограниченными... Но всё это потом. А сейчас я должен исполнить последнее моё обещание. Вы можете убить Ясония, если всё ещё этого хотите.

- Хочу, - подтвердил Свази.

- Тогда – вперёд! Рубель, обеспечь господина Свази всем необходимым.

После этих слов Морген превратился в густую серую тучу и приподнялся вверх, клубясь и образуя различные пространственные формы – то табуретку, то козлиную голову, то перевёрнутое ведро.

Синий демон развернулся лицом к Свази и заговорил:

- Что нужно вам, чтоб справиться с врагами? Конечно, меч, испытанный в боях, - он распахнул шкаф и достал из него замызганную лопату, - и верный конь с могучими ногами, чтоб мог на битву мчать на всех парах.

В дверь зашёл, спотыкаясь, тощий серый конь в грушах и яблоках.

- Заткнись, Рубель, - сказал Морген, превратившись на мгновение в схематичного человечка без лица, висящего под потолком. – Твои стихи с каждым днём всё хуже, и это вызывает моё беспокойство. Итак, Свази, я укажу вам самый простой способ расправиться с Ясонием. Скачите, куда глаза глядят. Как найдёте машину времени, отправляйтесь в ту временную точку, когда расстались с Ясонием, и ударьте его как следует по голове лопатой. Правда, должен предупредить. Через пару секунд после того, как вы его увидите, произойдёт конец света. Но это вас волновать не должно. Не обращайтесь внимания.

- Это что, шутка? – спросил Свази, заметно раздражаясь. – Что за бред? Скакать неизвестно куда? Не обращать внимания на конец света? Вы что, клоуны?

- Возможно, - добродушно ответил Морген. – Однако мы вас с того света вытащили. Так что советую, прежде чем отправитесь обратно, садиться на коня. Шпоры дай ему, Рубель.

Рубель обошёл Свази сзади и, сняв с пояса две сверкающие металлические полосы, бросил их на пол. Те поползли к туфлям Свази и набросились на них, вцепившись зубами в районе щиколоток.

- А! – завопил Свази, роняя из рук лопату. – Что вы делаете?

Шпоры выдвинули из себя длинные острые наконечники с шипами и ответили высокими звонкими голосами:

- Всё готово, повелитель!

Свази хмуро взглянул на Моргена, затем на Рубеля, хмыкнул и направился к коню. Он, кряхтя, поднял ногу, вставил её в стремя и попытался приподняться, чтобы сесть в седло. У него это не получалось – стремя болталось, мешал живот, а силы ног и рук не хватало, чтобы затащить наверх тяжёлую тушу. Тогда Рубель обхватил Свази за талию и подбросил вверх. Свази аккуратно приземлился в седло.

- И лопату держите, - добавил Морген, протягивая лопату обезьяне.

- Ездить на животных – варварство, - проворчал Свази. Однако натянул поводья, крикнул «Но!» и прищипорил коня. В ту же секунду комната размазалась в светящиеся полосы, а навстречу ему понеслось пространство. Или, скорее, гиперпространство, как показалось Свази.

Конь мчался так быстро, что Свази с трудом понимал, что пролетает вокруг. Он прижался почти вплотную к развевающейся по воздуху гриве и крепко обхватил бока коня своими ногами. Впереди маячило синее пятно – приближалось море.

- Э! – завопил Свази. – Ты куда? Утонем!

Однако конь не остановился, а продолжал лететь вперёд. Его копыта коснулись водной поверхности, словно асфальта, только брызги разлетелись во все стороны. Конь преспокойно скакал по морю не хуже, чем по земле.

Наконец навстречу прилетел покрытый деревьями остров. Конь взбежал на него и замер, как вкопанный, отчего Свази перекувыркнулся в воздухе и рухнул на землю спиной вниз. Он немного оправился от удара и почувствовал, что в спину впивается что-то острое, неудобное. «Кость, что ли, вылезла?» - подумал он. Свази пошарил лапой у себя за спиной и извлёк невесть откуда взявшийся полевой бинокль.

Он встал, отряхнулся и, приставив бинокль к глазам, стал осматривать окрестности. Между деревьями мелькнули чьи-то силуэты, и Свази принялся всматриваться в ту сторону, однако движение прекратилось.

- Машина времени, - пробормотал он. – Знать бы ещё, как она может выглядеть...

Он зашагал вперёд, периодически поднося бинокль к глазам. Вокруг перемещались пни, ходили, недружелюбно перешёптываясь, деревья, и вообще происходило много такого, что Свази раздражало.

- Ничего, - сказал он. – С такими могущественными союзниками я наверняка расправлюсь со всеми своими врагами, в том числе с Вам Кого. А дальше посмотрим, что будет...

На этих словах он замер, поскольку увидел впереди остов старого ржавого вертолёт.

- Никогда не видел вертолёт, - произнёс Свази вслух. – Так что, вполне возможно, это и не вертолёт, а, например, та самая машина времени.

Свази приблизился, открыл дверцу кабины и залез внутрь, убеждаясь при этом, что он прав. Вместо панели приборов он увидел устройство, которое отлично подходило в его представлении для того, чтобы управлять машиной времени.

- Вашу бабушку, - сказал он. – А какую же дату я должен здесь набрать? Да и координаты...

Он на мгновение задумался, а затем решился на эксперимент, выбрав случайные цифры и подтвердив своё решение нажатием клавиши “Enter”.

Вертолёт задрожал. Пространство вокруг растворилось, и Свази понял, что перемещается. Сначала он пытался представить, где сейчас окажется, но затем ему стало нехорошо, и он просто сжался в комок, чтобы легче перенести путешествие.

Внезапно всё прекратилось. Вертолёт замер в воздухе, посреди синего бескрайнего неба, а затем начал падать вниз. Свази в испуге попытался набрать на пульте новую комбинацию, но его швырнуло в стену салона, и он отключился.

Пришёл в себя он в полной темноте. Рядом пахло шкварками и дешёвым вином. Свази встал на четвереньки и пополз вперёд, пока не уткнулся мордой в нечто противное и липкое. Он фыркнул, развернулся и пополз обратно. Вдруг включили свет, и Свази понял, что ползёт по мраморному полу огромного зала, заполненного людьми в смокингах и вечерних платьях.

- Это ещё что за вертеп? – проворчал он, на всякий случай поднимаясь на задние лапы. В ту же секунду подлетел официант в малиновой форме с полотенцем на одной руке и подносом в другой.

- Что-нибудь ещё желаете? – спросил он у Свази.

- Что-нибудь вегетарианское, - сказал Свази. – И желательно без сахара.

- Мы такого не держим, - обиженно сказал официант. - Вот собачку можем для вас разделать под орех.

- Тогда ничего не нужно, - буркнул Свази и попытался пройти мимо официанта.

- А может, утереться? – жалобно, но без особой надежды спросил тот.

- Давайте, - Свази сорвал с руки официанта полотенце и вытер морду, которая оказалась сильно вымазана в шоколаде.

- Вот ведь мерзость, - ворчал Свази, пробираясь сквозь толпу. Со всех сторон его окружал негромкий, но навязчивый и неприятный шепоток. Свази прислушался.

- Как? – удивлялась находящаяся за пределами видимости молодая женщина. – Вы не

слышали, что Пугачёва сломала каблук? Да вы ничего не понимаете в российском шоу-бизнесе!

- Фу, - донёсся до слуха Свази другой голос. – Сюда и обезьян пускают...

Свази резко развернулся, злобным взглядом обшаривая помещение в поисках говорившего. Однако возле него оказались два вполне безобидных молодых человека в галстуках-бабочках, один из которых стучал по голове неким блестящим устройством.

- Видишь, - говорил он другому, - горилла-глаз!

При этом устройство рассыпалось, покрыв его волосы блестящими осколками.

- Извините, - сказал Свази, - это не вы ли сейчас высказались по поводу обезьян?

- Ну, что вы, - ответил второй. – Здесь нет обезьян. Вы же реликтовый гоминоид?

- Кхм! – возмущённо воскликнул Свази, но не нашёл, что возразить, и продолжил свой путь, тут же уткнувшись в запёртую дверь. Над ней висела круглая табличка с пиктограммой, изображавшей перечёркнутого человечка с дымящейся трубой на голове и надписью «Парохода нет».

Свази вздохнул, попробовал сорвать висячий замок, с помощью которого была запёрта дверь, потом ударил с размаху лопатой. Замок оказался прочным и не поддался, но дверь открылась.

Свази прошёл внутрь и оказался на лестнице, ведущей вверх. Он долго поднимался по ступеням, размышляя о том, как бы узнать, в нужное ли время и место он переместился, но тут как раз подвернулась ещё одна дверь. Свази распахнул и её, в тот же момент осознав – да, это то самое место.

Это был школьный класс, заставленный деревянными стульями и столами, а также заваленный старым бумажным хламом. Ясоний сидел за учительским столом лицом к Свази, но не видел его, словно смотрел в пустоту перед собой. Свази подошёл к нему, помахал перед носом рукой и злорадно усмехнулся. Всё оказалось проще простого. Свази схватил лопату наперевес, замахнулся и ударил Ясония штыком в висок как раз в тот момент, когда тот что-то произнёс вслух.

- Что? – переспросил Свази, глядя, как тело Ясония сваливается, словно мешок, со стула на пол.

Ответа он, впрочем, не получил, поскольку в это мгновение всё вокруг, включая воздух в комнате, покрылось кривыми шершавыми трещинами, разбегающимися со всех ног прочь от Ясония, а затем всё потемнело и потухло.

- Где я? – спросил Свази.

- Да тут вы, тут, - ответил Морген. – Глаза откройте.

- А. Ну да, - Свази открыл глаза и увидел, что вновь сидит в небольшом кабинете, где, кроме него, находятся Морген и Рубель.

- Что скажете? – спросил Морген, присаживаясь в кресло напротив.

- Всё отлично, - Свази поправил галстук. – Ваш конь, кстати, просто чудо. Где вы его взяли?

- Само собой – чудо, - Морген коротко хохотнул. - Он ведь на урановых рудниках кормился. Ну, я своё обещание сдержал. Готовы приступить к работе?

- С удовольствием, - согласился Свази.

- Тогда вот вам первое задание. Рубель, озвучь. У тебя карма лучше.

Демон прокашлялся и начал:

- У нас есть некий кандидат на пост серьёзный и высокий. Он услужить нам будет рад, но есть народец недалёкий, и надо, чтоб решил он сам, что выбором обеспокоен, и что лишь тот, кто нужен нам, руководить Землёй достоин.

- Эх, Рубель... - вздохнул Морген. – Твоё косноязычие превышает все разумные пределы. Значит, так, Свази – вам нужно постараться, чтобы наш человек получил на выборах больше всего голосов. Причём чтобы выглядело это естественно и достоверно. Сможете?

- Ну, я же всю жизнь политикой занимался, - Свази встал. – Мне только люди

понадобятся толковые.

Морген сунул в рот четыре щупальца и громко свистнул.

В комнату вошли два крепких небритых парня в одинаковых коричневых кепках, кожаных куртках и спортивных штанах.

- Подойдут? – спросил Морген.

- Думаю, да, - ответил Свази. – Как зовут?

- Трифилий, - ответил один и воткнул в рот мятую папироску.

- Варахасий, - сказал второй, переминаясь с ноги на ногу.

- А где же Дула? – спросил Рубель.

- Какое дуло? – не понял Варахасий. – А! Ствол-то? Ствол у меня всегда с собой.

Он извлёк из-за голенища сапога чёрный допотопный маузер, обмотанный скотчем.

- Сгодятся, - кивнул Свази. – Пошли.

И они вышли из помещения.

- Что скажешь? – спросил Морген у Рубеля.

- Ваш замысел мне ясен не вполне, - ответил Рубель. – Для вас построю я мечту любую – хоть войско, хоть дворец. Скажите мне, я всё в один момент реализую. Зачем нам этот глупый балаган? Что толку в президентах, кандидатах? Мы можем воплотить любой ваш план, без всяких политических дебатов.

- Послушай, Рубель, - сказал Морген. – Я – порождение беспорядка. Я кое-что понимаю в политике и в хаосе. Что мы можем построить? Предположим, дом. Сколько он простоит? Пока ты веришь в свою силу и пока верят в неё люди вокруг. А кто тебе поверит, когда ты синий, с крыльями и строишь всё мановением руки? У хаоса свои законы. Народ во что-то верит, если он этому сопричастен и сопереживает. Чем сложнее систему ты построишь из народных чувств, чем запутаннее она окажется, тем дольше прослужит. Я хочу, чтобы наш союз впитал из этих людей все соки, всю силу, какую возможно, и чтобы эта сила впредь только росла. Пусть они выбирают и верят тому, кого выбирают. Пусть они строят по велению того, кого выбрали, и верят, что строят то, что им нужно. Пусть они искренне презирают наших врагов и считают нас своими защитниками. А если уж гнев навлечём, то и тут будет на кого свалить.

- Слишком сложно, - покачал головой Рубель.

- А по-простому в хаосе нельзя, - отрубил Морген. – И советую больше об этом не спорить. Работай и наблюдай. Сам увидишь, что я прав.

...Свази в недоумении разглядывал сплетение бесконечного числа трубочек и шлангов, ведущих от приёмной воронки в сторону накопительного бачка и дальше, в пол.

- Простите, пожалуйста, - услышал он старушечий голос за своей спиной, - а где кровь сдавать? Тут у вас участок? Раньше вроде бы здесь его не было.

Свази обернулся и увидел пожилую женщину в очках. Она была одета в приятное пальто кремового цвета, шляпку с розочкой и перчатки.

- Доброе утро, - улыбнулся он так широко, как только мог. – Пожалуйста, сюда. Давайте ваш пальчик.

- А за кого эта воронка? – насторожилась старушка, снимая перчатку с левой руки. – Мне за Шмака. Я все его статьи читала. И про педофилов с Альдебарана, и про людоедов с обратной стороны Луны...

- Так и запишем – за Шмака, - кивнул Свази. – Вот сюда, в эту вороночку.

- А за остальных куда? – забеспокоилась старушка. – У вас что, одна воронка?

- И за остальных сюда, - улыбнулся Свази. – Там дальше разберутся. Мы же напишем, что за Шмака, а потом всю кровь рассортируют.

- Ну, смотрите, - старушка лукаво улыбнулась и протянула палец. Свази легонько уколол его ланцетом и выдавил капельку крови в воронку, после чего приложил к пальцу маленький комочек ваты.

- Благодарю вас, - поклонился он женщине.

Та кокетливо развернулась на каблуках и направилась к выходу.

Как только она скрылась за дверью, Свази обернулся к Трифилию и Варахасию, которые сидели на стульях в углу и дремали. На груди каждого был приколот значок с надписью «Наблюдатель».

- Хрен мы так чего насобираем, - злобно прошипел Свази. – Ещё, не дай Бог, кто сообразительный попадётся.

- Пока не попадались, - лениво отозвался Варахасий, приоткрыв один глаз и поправив съехавшую кепочку.

- Да и народу маловато, - задумчиво добавил Свази, покосившись на телевизор в углу, показывающий предвыборные дебаты. – Надо радикальнее проблему решать. А ну-ка, приведите сюда кого-нибудь.

- Кого? – встрепнулся Трифилий.

- Да по фигу, - Свази махнул лапой. – Алкаша какого-нибудь лучше всего.

- Это да, - сказал Трифилий. – Алкаши лучше всего.

Наблюдатели нехотя встали и вразвалочку направились на улицу.

- Да живее! – поторопил их Свази. - Через 10 минут результат уже нужен.

Он принялся нервно расхаживать по комнате, посматривая то на часы, то в телевизор.

Через пару минут Трифилий с Варахасием вернулись, волоча за собой лысого бомжа в драной кожаной куртке, одетой на голое тело.

Свази прикрыл нос рукой.

- А ну-ка, поднимайте его! Выше, выше! Ногами вверх.

Бомж открыл пьяные глаза и проворчал:

- Вы осторожнее... Не дрова грузите...

- Конечно, не дрова, - подтвердил Свази. – Из дров крови не добудешь. Нож есть?

- Есть, - кивнул Варахасий. – Под кепкой.

Свази проворно сунул лапу под кепку, выдернул из темечка Варахасия нож с резной ручкой и ткнул им в шею бомжа, который висел вниз головой, выпучив бессмысленные глаза, прямо над воронкой в крепких руках помощников. Кровь брызнула толстой струёй.

- Это уже кое-что, - довольно заметил Свази, но тут же отвернулся, наморщив нос. – Фу. Не люблю мясо.

Как только струйка ослабла, тело отбросили в сторону. Бомж пополз к выходу, бормоча:

- Вы бы хоть самогончику налили пустоту-то заполнить.

- Варахасий, - распорядился Свази, – выдели ему пару единиц на водку. А то ещё протрезвеет. И следующего давайте, время ещё есть.

Проворно расплатившись, Трифилий и Варахасий скрылись за дверью. Похоже, дело пошло.

- Ну что, соколики мои, - сказал, наконец, Свази, когда они вышли из помещения участка, вновь превратившегося в гнилую тыкву. – Давайте-ка ещё чуть порядок наведём.

Он постоял, подумал с минуту, затем шепнул что-то на уху Варахасию. Тот выслушал молча, кивнул, и они с Трифилием быстро исчезли за углом. А Свази направился через широкую площадь, мощённую брусчаткой, к небольшой группе людей, собравшихся у телекамеры.

- Добрый день, - обратился Свази к заторможенной девушке с микрофоном, волосы которой скрывали правую половину лица. – А где тот молодой человек, который тут что-то о справедливости говорил?

- Здравствуйте, - ответила Алёна Фуфло. – А вы кем уполномочены?

- Я кем надо уполномочен, - уверенно ответил Свази. – А, собственно, плевать. Я и сам уже его вижу.

Метрах в пятидесяти от камеры сидел на бордюре Задолнут Пакер, прикладывающий к разбитому носу мокрый носовой платок.

- Добрый вечер, - сказал Свази. – Неплохое выступление.

- А? – Пакер поднял голову и непонимающе воззрился на Свази.

- Не хотите ли принять участие в розыгрыше? – спросил гоминоид.
- В розыгрыше чего? – спросил Пакер, всё ещё не понимая.
- Ценных призов, - ответил Свази.
- Ну... Хочу, - согласился Пакер.
- Тогда вставайте за барабан.

Пакер, встал, шмыгнул носом и, пошатываясь, подошёл к барабану, на котором были написаны различные буквы и цифры.

- Вращайте, - сказал Свази. – Если выпадет крестик, вы выиграли. Если что-то другое, продолжим игру.

Пакер хмыкнул и крутнул ручку барабана. Мимо пронеслись лошадки, табуретка и рояль. Стрелка качнулась и остановилась на крестике.

- Поздравляю! – выкрикнул Свази. – Вы выиграли главный приз – автомобиль!

Две длинноногие девушки в ежовых рукавицах со скрипом выкатили из-за ширмы ржавое неказистое сооружение на колёсах.

- М, - удивился Пакер. – И это всё мне?

- Да! – торжественно воскликнул Свази. – Распишитесь тут.

Пакер принял предложенную ручку и черкнул на листе нечто похожее на подпись.

- Здравия желаю, - сказал возникший из толпы кругловатый мужичок, одетый в мешковатую полицейскую форму. – Вы владелец этого автомобиля?

- Теперь, получается, я, - улыбнулся Пакер.

- Слышь, Покобатько, он ещё и лыбится, - возмутился второй полицейский, подошедший с другой стороны. – Пройдёмте, гражданин.

- Куда? – не понял Пакер. - Что случилось?

- Данный автомобиль в розыске уже лет сорок, - ответил, шмыгнув носом, Покобатько и направил на Пакера крошечный пистолетик. – Сначала на нём задавили делегацию канадских монашек на международный фестиваль расизма и мазохизма. Годом позже из этого автомобиля открыли стрельбу по покойному на тот момент президенту Атлантиды, а затем автомобиль был уличён в перевозке наркотиков из гиперпространства в Интерпол, о чём была подана в посольство Мозамбика соответствующая нота.

- А я-то при чём? – воскликнул Пакер, пытаясь ускользнуть от захлопывающихся на его запястьях наручников. – Я же только что эту машину выиграл!

- Разберёмся, - заверил Покобатько. – По документам вы ей владеете с одна тысяча девятьсот тринадцатого. Да за вами наверняка ещё и других грешков много числится. Вот у вас на майке, к примеру, буква «Б» написана. А вы знаете, что с этой буквы начинается слово «бисексуал»? А пропаганда всяких таких вещей строго преследуется по закону...

- Где буква «Б»? – изумился Пакер, оглядывая футболку.

- Да вон, вон, на ярлыке, - ткнул пальцем Покобатько. – В надписи «футболка мужская».

- Да я же её здесь купил, у вас! – сказал Пакер.

- И ещё за лжесвидетельство посадим, - подтвердил второй полицейский, капитан. – Лжесвидетельством по новому законодательству считается любое показание, не подкреплённое документом за подписью президента Земли.

- Да это же бред! – заорал Пакер, отчаянно вырываясь из цепких лап полицейского.

- И расстреляем за неуважение к суду, - добавил Покобатько.

- Так нет же суда!

- Раз обвинение зачитано – суд есть, - отрезал Покобатько. – Хватит уже препираться.

А ну шнеллер!

Они потащили Пакера прочь, в тёмный переулок. Свази повернулся к подошедшему Варахасию:

- Где вы так быстро этих молодцев нашли?

- У Моргена всё схвачено, - ответил Варахасий. – Он вам просил передать, что доволен вашей работой и назначает вас заместителем президента по борьбе.

- По борьбе с чем? – насторожился Свази.

- Не уточнял.

Свази постоял с минуту, подумал.

- Ну что же, соколики, - сказал он. – Тогда давайте бороться. Пошли!

Он вразвалочку зашагал вдоль по булыжной мостовой. Мимо проплывали мелкие лавки и конторки с вывесками разных сортов: продуктовый супермаркет «Бабушка Канцероген», жилищно-строительный кооператив «Абонентский ящик», служба доставки «Рвотный рефлекс».

- Так, - сказал Свази. – Непорядок.

- Где? – уточнил Трифилий.

- Да вон, - Свази махнул рукой. – Слово «рефлекс» написано без мягкого знака.

Натравите на них Покобатьку, будем бороться за чистоту протоязыка.

- Это да, - сказал Трифилий. – Язык чистить надо.

Пока он по мобильнику отдавал указания, Свази двинулся дальше. Навстречу двигалась толпа разнокалиберных старух с кошёлками.

- А это что за бред? – возмутился Свази, озираясь. – Почему они все разные?

Привести всех к стандарту! Взять за основу классическое изображение из местной литературы и размножить в необходимом количестве экземпляров.

Варахасий записал в блокнотик и тоже принялся звонить. А Свази нёсся дальше.

- Это что? – спрашивал он, тыкая пальцем в целующуюся парочку. – Упорядочить! Урегулировать! Не допускать!

Пробежав ещё метров двести, он поднял взгляд вверх, в небо, и замер.

- Варахасий, - подозвал он. – Это что за птица?

- Это-то? – флегматично произнёс Варахасий, придерживая кепочку за козырёк. –

Кажись, угод.

- А та? – Свази показал в другую сторону.

- Не пойму, - признался Варахасий, прищурившись. – А! Да это ж суслик. Сейчас кто только не летает...

- Так, - сказал Свази сокрушённо. - Это не дело. Один туда летит, другой сюда. С этим мы тоже будем бороться.

- Как скажете, - Варахасий пожал плечами.

- Небо надо оприходовать и поделить, - продолжал Свази. - Без разрешений не летать. Каждой народности выделить квадрат, в котором можно находиться.

- А если не послушают? – уточнил Варахасий. – Если кто в чужой квадрат залетит?

- Так это же получается нарушение границы, - развёл руками Свази. – Пусть войну объявляют, что ли. И штраф в казну, само собой.

Он развернулся на месте и двинулся дальше, зыря по сторонам и выискивая объекты борьбы, пока вдруг не наткнулся на невзрачного человека в сером костюме, который стоял посреди площади и смотрел прямо на него.

- Господин Свази? – спросил человек.

- Так точно, - ответил Свази, нахмутив лоб. – Что-то мне ваше лицо знакомо.

- А я президент Земли, - ответил Семён. – Дудиков. Небось, видели по телевизору.

- Точно, - кивнул Свази. – Теперь узнал.

- Вы не могли бы с вашими помощниками поспособствовать мне в одном деле? –

Дудиков заглянул Свази в глаза, и Свази поёжился – настолько жалобным и одновременно жёстким оказался взгляд.

- Конечно, - ответил Свази. – Я же вроде как на вас работаю.

- Хорошо, - обрадовался Семён. – Поехали.

Возле него в воздухе образовалась длинная, чёрная, необычайно уродливая машина со множеством дверей. В одну из них они и вошли.

- Тяжело нынче президенту, - сказал Дудиков, доставая из-за пазухи огромную бутылку виски. – Надо о каких-то выборах заботиться, рейтингах. Кто-то всё время следит за каждым

твоим шагом – а вдруг ты сделаешь что не то? Другое дело раньше. Вот, к примеру, фараон...

- Фараон? – переспросил Свази, принимая протянутый Дудиковым рог с золотистой жидкостью, инкрустированный бриллиантами и рубинами.

- Ну да, фараон, - подтвердил Дудиков. – Ведь он же был наместник Бога. Никто в его авторитете не сомневался. Никто его действий не осуждал. Давайте выпьем.

Свази с подозрением понюхал содержимое рога, но всё же выпил.

- Хотя, с другой стороны, - продолжал Дудиков, - ведь я совершенно такой же наместник Бога, если подумать. Какой я, к чёрту, президент? Да и действия мои осуждать ни к чему, я так думаю. Согласны?

- Абсолютно, - сказал Свази.

- Приехали, - Семён распахнул дверь, и они оказались возле огромного жёлтого особняка в комическом стиле, возле входной двери которого стоял то ли швейцар, то ли албан.

- Господин Рудацкий дома? – спросил Семён у швейцара.

- А кто его знает, - ответил швейцар. – Входил, не выходил. А дома или нет – как я могу проверить?

- Это правильно, - согласился Дудиков. – Пойдём сами и проверим. Можно?

- Вам-то можно, - согласился швейцар. – А вот вашего зверька я бы попросил здесь оставить. С животными нельзя.

Свази покраснел сквозь шерсть.

- Какой я тебе зверёк?! – заорал он. – Я тут главный по борьбе!

- Успокойтесь. Свази, - Семён похлопал его по плечу. – Он со мной.

Они прошли мимо.

- Вам нужен знак отличия, - сказал задумчиво Дудиков. – От остальных обезьян.

- Я реликтовый гоминоид, - буркнул Свази.

- Это вы другим сказки рассказываете, - усмехнулся Дудиков. – Я вас насквозь вижу.

Вон у вас, к примеру, криво сросшаяся трещина в ребре.

Они оказались около тяжёлой дубовой двери, которую Семён и открыл.

Навстречу им из глубины комнаты торопливо вышел кругловатый улыбчивый мужичок в стёганом халате. По мере приближения к ним, однако, улыбка уступила место откровенно кислой мине.

- А, это вы, - пробормотал мужичок. - Я вообще-то жду кое-кого. Вы ненадолго, надеюсь?

- Здравствуйте, господин Рудацкий, - сказал Дудиков. – От вас зависит, как быстро мы решим все наши дела.

- А какие у нас дела? – уточнил Рудацкий. – Кстати, я не Рудацкий.

- А как же вас зовут? – поинтересовался Семён.

- Иванов я, Евгений Яковлевич, - ответил Рудацкий.

- Трудно запомнить, - сказал Дудиков. – Лучше уж будьте Рудацким пока. Дела у нас, Рудольф эээ... А как вас по батюшке?

- Рудацкого-то? Не помню, - нахмурился Рудацкий. - Вроде Феликсович. Только он не Рудольф, а Роберт, если мне не изменяет память.

- Ну, хорошо, - согласился Дудиков. – Роберт Евгеньевич, дело у меня к вам простое. Не могли бы вы деньгами поделиться?

Рудацкий сдвинул бровки и недоумённо уставился на Дудикова.

- Да вы что? – пробормотал он. – Какими деньгами? Я всего лишь актёр. Вы хотите мой гонорар, что ли, назад забрать? Так ведь это для вас мизерная сумма...

- Ну что вы, господин Иванов, - отмахнулся Семён. – Какой ещё гонорар? Зачем назад? Что я вам, грабитель, что ли, отбирать у бедного артиста последние деньги?

- Тогда о чём речь? – глаза Рудацкого часто заморгали – то ли удивлённо, то ли выжидательно.

- Речь о том, Евгений Феликсович, - сказал Семён, - что я кое-что понимаю в том, как устроен этот мир. Вы так убедительно вещали на миллионную аудиторию о своих несметных богатствах, что вам просто никак не могли не поверить. Поэтому мне кажется, что у вас должны быть некие сбережения, которыми вы обязаны, в том числе, той скромной роли, которую мы поручили вам сыграть.

Рудацкий сцепил руки перед грудью и тяжело задышал, уставившись взглядом в пол.

- Интересно-интересно, - сказал он, помолчал несколько секунд, затем развёл руками:

- Если следовать вашей логике, то Малофеев и вовсе дебил и ксенофоб.

- Не понял, - в свою очередь удивился Дудиков. - Кто такой Малофеев?

- Ну, как же, - пояснил Рудацкий. - Тоже актёр, Шмака играл.

- А, - кивнул Дудиков. - Понимаю. А разве же это не так?

- Кхм, - сказал Рудацкий. - Эээ... М-да. Ну, пожалуй. В чём-то вы правы. И что же, вы просто заберёте у меня все деньги?

- Ну почему же все? - возразил Семён. - Какую-то часть вы можете оставить себе, если вам позволит совесть.

- О, умоляю... - Рудацкий замахал руками. - Оставьте мою совесть в покое, раз уж вы уговорили меня принять участие в вашем цирке. А если я откажусь? Хотя да, я понимаю. Не зря же вы с собой притащили этих орангутангов...

- Что? - взревел Свази.

- Да нет, - Рудацкий поморщился. - Это я образно, обобщённо...

- Денег дайте, Рудольф Феликсович, - сказал Дудиков. - Потом можете разглагольствовать сколько угодно, тем более что мы с господином Свази уйдём.

- Эх, - сказал Рудацкий. - Нет, я же понимаю, что выбора у меня нет. Но хочется же что-то и взамен получить...

- А что мы можем дать? - Дудиков задумался. - А, Свази?

- Медаль, - ухмыльнулся Свази.

- Да нет, какую медаль, - Дудиков расстроился. - Медаль за заслуги дают, героям, за подвиги. А вы что за герой? Свази, выпишите ему почётную грамоту. Как раз успеете, пока он мне деньги переводит.

Свази достал из кармана смятую бумажку и начал ручкой царапать что-то на ней. Рудацкий вздохнул и проделал пару манипуляций с чёрной коробочкой, которую уже некоторое время держал в руках.

- Вот и ладненько, - сказал Семён. - Пожалуйста, товарищ Иванов, - он отобрал у Свази бумажку, мельком глянул на неё и передал Рудацкому.

Рудацкий расправил лист и прочитал вслух:

- «Почётная грамота. Дана господину Рудацкому в знак признательности за оказанные услуги государственной важности. Является символом, позволяющим надеяться на снисхождение. Заместитель наместника Бога по борьбе Свази». Хм. Ну, и на том спасибо...

В этот момент в комнату зашёл ещё один человек – заметно растолстевший, в красной мантии и меховой шапке набекрень, в котором, несмотря на все эти изменения, легко было узнать Семёна Дудикова.

- Здравствуйте, Свази, - сказал он, после чего повернулся к собственному двойнику и пожал ему руку. - И вам не болеть.

Немного оторопев, Свази переводил взгляд с одного Дудикова на другого.

- Вы не узнаете меня, что ли? - вывел его из оцепенения Семён, одетый по-царски. - Я император ваш. Приехал сообщить, что через двадцать минут состоится совещание глав министерств и ведомств. В главном зале моей хибарки. Жду.

Сразу после этих слов оба экземпляра Дудикова растворились в воздухе.

- Пошли, - сказал Свази помощникам, развернувшись на месте и не замечая Рудацкого, который всё ещё теребил в руках мятый листочек. - Вы знаете, где эта хибарка?

- А то, - ответил Варахасий. - На вагонетке надо ехать.

Они спустились по лестнице ко входу, где теперь располагалось глубокое ущелье.

Тропа привела их к узкоколейке, на которой стоял составчик из трёх открытых тележек.

- Чур, я в хвост, - сказал Варахасий. – А то я всё время башкой быюсь, когда первый еду.

- Это да, - подхватил Трифилий. – Я тоже.

Они вдвоём втиснулись в маленький кузов задней вагонетки. Свази перелез через бортик другого вагончика, среднего. Присел на корточки. Хотел опуститься на пол, но заметил, что дно вагонетки покрыто толстым слоем пыли, и поостерёлся.

- Вот ведь дикая планета ваша Земля, - проворчал он. – Хоть бы скамеечку какую поставили. Да чёрт с ней со скамейкой – хоть бы пыль протёрли! А я всё-таки не последний человек при президенте.

- Это да, - подтвердил Трифилий. – И не последний, и не человек.

- Ну, вагонетки-то не для вас построены, - возразил Варахасий. – При строительстве использовались, в них песок возили, кирпич, цемент.

- Но я-то не кирпич! – возмутился Свази.

- Это да, - поддакнул Трифилий. – И не кирпич.

Свази потоптался на корточках и вздохнул нетерпеливо:

- Ну, что не едем-то? Так и ноги затекут.

- Так управление-то в передней вагонетке, - сказал Варахасий. – Нажать некому.

- Тьфу! – Свази выбрался из своего вагончика и залез в передний. Там, кстати, оказалась и маленькая табуреточка, на которую он с превеликим удовольствием сел. Затем он нажал на красную кнопку на пульте, повернул рукоятку, и составчик неторопливо пополз по полотну, проложенному вдоль склона ущелья.

Дорога петляла и взлетала то вверх, то вниз, а ущелье становилось всё глубже.

Наконец, поезд достиг дна и оказался перед тяжёлыми металлическими воротами. Свази остановил вагонетку.

- А дальше что? – спросил он хмуро.

- Да сейчас откроют, - сказал Варахасий. - Там камера у них, они нас знают.

И правда, ворота с грохотом поползли вверх, пропуская поезд внутрь. Он въехал в мрачный тоннель, освещённый только редкими тусклыми лампами в потолке.

Свази повернулся назад, к Трифилию с Варахасием, и прокричал:

- А вы бывали там, куда мы едем?

- А то, - сказал Варахасий.

- И что там?

- Да знамо что, - ответил Варахасий. – Дворец.

- Это да, - подтвердил Трифилий. – Погреб.

- И там президент живёт? – выкрикнул Свази, но не услышал ответа, потому что сильно ударился затылком об прилетевшую спереди балку в потолке и потерял сознание.

Проснулся он от того, что кто-то надел на него шапку. Свази открыл глаза и в недоумении нашёл себя посреди огромного светлого помещения с высоким сводом. Под потолком располагалась, впрочем, причудливая сеть коммуникаций – трубы, провода. Кругом вдоль стен стояли столы, покрытые белыми скатертями, а в центре, словно ёлка, торчал он, Свази, и император-фараон Дудиков торжественно водружал на него вязаный жёлтый головной убор.

- ... награждается именной жёлтой шапкой, - закончил Семён. – Давайте похлопаем, господа.

- Благодарю покорно! – выпалил Свази, но его вряд ли кто услышал из-за громких аплодисментов, под которые он и направился к своему месту за столом, обозначенному табличкой «Заместитель императора по борьбе».

- Ну, господа бояре, министры и вельможи, давайте-ка продолжим, - заговорил Дудиков, взбираясь на высокий трон, установленный в разрыве круга из белых столов. – Я жду от вас интересных идей, особенно направленных на укрепление нашего авторитета и пополнение казны. Кто у нас следующий по кругу? Давайте вы, министр всеобщего

здоровья.

Он щёлкнул небольшим тумблером в подлокотнике трона, и все услышали негромкое ритмичное тиканье, а Дудиков опустил глаза в пол.

- Можно? – спросил худощавый мужчина в белом халате, под глазами которого нависали огромные синие мешки. – Я тут много думал... Слишком большие расходы получаются. Пенсии платим, льготы всякие. Опять же лечение. Надо бы это прекратить.

В подлокотнике трона раздался короткий звоночек, и Дудиков поднял взгляд на говорящего.

- Кхм, - сказал он. – Игорь Всеволодович, это идея хорошая, но ведь если не платить совсем, то нас любить не будут.

- Вы меня не поняли, - сказал Игорь Всеволодович. – Надо просто всех, кто получает от нас деньги, как-нибудь ликвидировать. Вот я сейчас попробую аргументировать цифрами.

Министр здоровья принялся копать в бумажках на столе. В этот момент у Дудикова в троне снова зазвенело.

- Смотреть мне в глаза! – заорал он диким голосом, переходящим в визг. – Каждые десять секунд смотреть в глаза!

- Виноват, - перепуганный министр уставился на Дудикова в таком напряжении, что мешки на его лице опустились до подбородка. – Я хотел только сказать, что мы тратим ежегодно на выплату пенсий и пособий сумасшедшую сумму, сравнимую со стоимостью всех дверных ручек в этом дворце.

- Но если мы всех будем, как вы говорите, ликвидировать, - возразил Дудиков, - разве же это не заставит народ от нас отвернуться?

- Этот вопрос не в моей компетенции, - замялся министр, - но хочу заметить, что речь идёт об определённой категории лиц. Это иждивенцы, старики, инвалиды, матери-одиночки...

Дудиков задумчиво смотрел в потолок до очередного звончка.

- Ну, инвалидов, пожалуй, можно, - произнёс он. – Надо будет подумать во время охоты... Спасибо за идею. Кто у нас следующий?

- Я, кажется, - взял слово бодрый краснощёкий толстячок слева от министра здоровья. – Я министр пива, если помните.

- Помню, конечно, Игорь Всеволодович, - сказал Дудиков. - Или это не вы Игорь Всеволодович, а министр здоровья?

- Я Полуэкт Григорьевич, - возразил министр здоровья.

- Странно, - заметил Дудиков. – А кто же тогда Игорь Всеволодович? Ну, вы продолжайте, Игорь Всеволодович, не отвлекайтесь.

- Я вот думаю, - сказал министр пива, - что надо бы водку запретить. Двойная выгода получится. Во-первых, мы сможем больше пива продавать. И себе заработок, и в казну перепадёт. Во-вторых, народу скажем, что о здоровье заботимся.

- Это моё дело о здоровье заботиться, - вставил министр здоровья.

- Да это ради Бога. Я же не о вашем здоровье, - отмахнулся министр пива.

- Ну, тогда ладно, - успокоился министр здоровья.

- Простите, что перебиваю, - сказал Дудиков, поправив левую корону. – В общем, мне нравится ваше предложение. Хотя, конечно, пьяный народ – это хорошо. Я люблю, когда весело, все морды друг другу бьют. От наркотиков, само собой, доход больше, но как-то это всё-таки не моё...

- У меня возражение, - послышалось с другой стороны зала, где зашевелился высокий худой мужчина сурового вида и с красным носом, уже не такой бодрый, как предыдущий. – Я министр водки.

- И вы тоже Игорь Всеволодович? - уточнил Дудиков. – Ну, да ладно.

- Я предлагаю сделать наоборот, - сказал министр водки. – Запретить пиво. Тогда водку будут покупать больше, опять же доход и о здоровье забота.

- Да что же все о здоровье заботятся, кроме меня? - проворчал министр здоровья.

- Так-так, - сказал Дудиков. – Это интересно. А что если сразу и пиво запретить, и водку? Хотя тогда прибыль упадёт, не годится... И куда мы тогда двух министров денем, непонятно.

- Разрешите мне сказать? – громогласно вмешался огромный бородатый мужик в драном треухе, сидящий далеко справа. – А давайте-ка разрешим всё только днём продавать, а ночью запретим.

- Простите, - сказал Дудиков, шмыгнув носом и поглубже надвинув корону. – А вы кто будете, я запомнил?

- Да я того, - сказал мужик. – Вроде как министр самогона.

- Это глупость какая-то получается, - возразил министр пива, поймав пролетающую мимо воблу и придавив её блестящим планшетом к столу. – Если ночью не продавать ни пиво, ни водку, то доход же снизится. А смысл в чём?

- Ну, во-первых, - хрипло пояснил министр самогона, - как полагается, о здоровье забота. А во-вторых, ночью-то всё равно ж люди будут покупать, только нелегально, поэтому за большие деньги.

- А! – просиял Дудиков. – Я понял. Мне нравится. Так и сделаем. Кто там у нас следующий?

- Я, - сказал уродливый хмырь в пальто, стоящий в проходе между столами. – Министр по авторским правам.

- Удивительно, - сказал Семён. – Сколько же у нас министров! Давайте вот как. Лучше на звоночки в глаза мне не смотрите. Надоели мне уже ваши пороссячьи глаза. Лучше, когда звончек прозвенит, переходите сразу к следующему, чтобы много времени не тратить. Ну, Игорь Всеволодович, говорите, что там у вас.

- Я Самуил Яковлевич, - недовольно заметил министр. – Мы новый закон подготовили. Об авторских правах.

- А старый куда дели? – спросил Дудиков. Тут прозвенел звончек, но он отмахнулся: - Да продолжайте, уж ладно. Интересно.

- Старый мало денег приносит, - сказал министр. – В старом как прописано – если мы написали песню или сняли фильм, то можем размножить в каком угодно количестве и продать, скажем, миллион раз, а кроме нас никто размножать не может.

- Ну, хороший же закон, - сказал Дудиков. – Вроде должен доход приносить.

- Нет, - сказал министр. – Сначала приносил, а потом все стали как-то обходиться без книг, музыки и фильмов. Или сами пишут, или вообще не читают. Не покупают у нас, в общем. В новом законе рекомендуется всё везде транслировать. То есть если есть песня, её обязаны все услышать и заплатить. Ну, и с книгами то же самое. Мы специально будем все песни вещать из специальных репродукторов над всеми площадями и книги с вертолётов разбрасывать, а потом собирать плату в качестве налога.

- Хм, - сказал Дудиков. – Изобретательно!

- Это ещё не всё, - сказал министр. – Ещё мы будем тщательно контролировать соблюдение указаний правообладателя. Скажем, слушаете вы музыку в туалете, а на этот счёт правообладатель никаких указаний не давал. Значит, занимаетесь запрещённой деятельностью, за это штраф и 10 лет бесплатных работ. Будут шпикам везде ходить, слушать.

- Хм, - сказал Дудиков. – Шпикам платить надо. Не окупится.

- Да вы что, - отмахнулся министр. – Это же золотое дно, если подойти творчески. Вот идёт человек по улице, насвистывает что-то. А ведь это публичное исполнение песни без разрешения правообладателя. Миллион э.е. можно содрать.

- Ну, это да, - кивнул Дудиков. – Но это же в пользу правообладателя.

- А как правообладатель узнает, если мы не скажем? – возразил министр. – Да и вообще – раз мы занимаемся авторскими правами, значит, мы и есть правообладатели.

- Здорово! – похвалил Семён, приподняв корону и почесав голову. – Утверждаю. Кто там у нас следующий?

- Я, - сказал смуглый и хмурый человечек со сдвинутыми густыми бровями,

окопавшийся на грядке возле выхода. – Министр региональной политики.

- Интересно, - восхитился Дудиков, проигнорировав очередной звонок. – У нас и такой, оказывается, есть. И какая же у нас политика?

- Это я пока вам сказать не могу, - ответил министр. – Мы её пока вырабатываем.

- Молодцы, - похвалил Семён. – Хоть кто-то делом занимается. Так какие у вас предложения?

- Да вот есть одна идея, - министр прокашлялся. – Давайте Северную Америку переименуем в Южную.

- Давайте, - согласился Дудиков. – Кто следующий?

Заговорил дёрганый молодой небритый парень в пёстрой рубашке:

- Я – министр без портфеля. У меня, как и на всех прошлых заседаниях, не предложение, а просьба. Выдайте мне портфель.

- Зачем? – усомнился Дудиков.

- Ну, непонятно мне, чем я должен заниматься, - сказал парень. – Да и несолидно без портфеля-то. Я и портфель себе в интернете приглядел, со стразами и замочками титановыми. Всего тысяча энергетических единиц, если со скидкой.

- Я возражаю, - послышался голос с левой стороны, и поднялась усатая фигура в коричневом мундире, застёгнутом на все пуговицы от шеи до щиколоток. – Это уже реформа правительства получается.

- А что же, господин прокурорный генерал, - переспросил Семён, – по-вашему, реформы нам не нужны?

- Это требует изменения конституции, - пояснил генерал.

- А у нас и конституция есть? – изумился Дудиков, чуть не уронив корону с головы.

- Была где-то, - ответил генерал, усаживаясь на место.

- Нет, это какая-то ерунда! – возмутился министр без портфеля. – Как, по-вашему, я должен деньги зарабатывать, если у меня ничего нет? Так бы я хоть портфель продал!

- Успокойтесь, - сказал Дудиков. – Кто у нас следующий?

- Не успокоюсь, - министр выскочил из-за стола и замахал руками. – Я хочу пользу приносить! А вот меня, между прочим, обижают, что вы на меня не смотрите, хотя у вас звонок звенел.

Семён поднял на министра хмурый взгляд:

- Царь я или не царь? – спросил он тихо. – Когда хочу – смотрю, когда не хочу – не смотрю. А ещё, - он повысил голос, - я казнить и миловать могу. Вот вас, например, надо бы казнить за дерзость.

Министр сразу сжался, и его рубаха потеряла яркость.

- Но я, - продолжал Дудиков, - вас не казню. Я вас помилую. И отправлю на вечное поселение в Антарктиду. Будете там портфели шить из белых медведей.

- Так в Антарктиде же... - заговорил министр, но замолчал и кивнул: - Слушаюсь, Ваше Величество.

- Между прочим, бороться с такими, как вы, обязанность моего заместителя по борьбе, - проворчал Семён.

Свази встрепенулся, поправил жёлтую шапку и, проворно подбежав к министру в тусклой рубашке, принялся выводить его из зала.

- Вот так-то, - Дудиков встал с трона и обвёл всех глазами. – Так кто же у нас следующий? Вы, министр войны?

- Ух, - сказал дряхлый старичок, спящий на полу в проходе. – Я думаю, надо границы укреплять...

- Гм, - удивился Дудиков. – Так у нас же нет границ на Земле. Мы всей планетой владеем.

- Надо построить, - пробормотал во сне министр войны. – Нарисовать по линейке, и укреплять.

- Одобрено, - сказал Дудиков. – Кто дальше?

- Я, - радостно поднял руку, словно первоклассник, низенький плешивый человечек прямо перед Семёном. – Я бывший министр финансов.

- Почему же бывший? – не понял Дудиков.

- Ну, как же? Вы же своим мудрым указом наше ведомство переименовали в министерство романсов. И мы, с вашего позволения, готовы вам представить наш первый продукт.

- Что за продукт? – всё ещё не понимал Дудиков.

Столы по обе стороны от министра романсов раздвинулись, и из паркета стали выдвигаться один за другим одетые в красивые одежды люди, мужчины и женщины.

- Мы исполним для вас романс, - пояснил, улыбаясь, министр. – Он называется «Мечты удачи».

Хор окончательно поднялся на поверхность и съехался в стройные ряды. Министр повернулся к нему и, выхватив из кармана карандаш, принялся дирижировать. Из-под пола грянула громкая, но плавная музыка, и хор запел:

- Паришь ты, словно птичка, в небесах,
Щебечешь на различных голосах,
Ты носишь восхитительный наряд,
И пёрышки сияют и блестят.

Голоса были сильными, зычными, музыка лилась уверенно и звонко, так что Дудиков невольно заслушался.

- Вокруг все красотой твоей пьяны,
Овации со всех сторон слышны.
И ты порхаешь в яркой кутерьме,
Не думая о вечности и тьме.

Песня набирала силу, упираясь в стены бункера, гуляя вод сводом купола, и трубы под потолком начали дрожать, вторя ритму музыки.

- Но годы нескончаемо летят,
Тускнеет твой изысканный наряд,
И голос всё слабее с каждым днём,
И волшебства всё меньше слышно в нём.

Столы затряслись, входя в резонанс от звука, многократно отражённого стенами и потолком. А песня всё нарастала, и воодушевлённые министры стали подпевать:

- Ты всё ещё способна на полёт,
Но целый мир тебя уже не ждёт,
Не слушают тебя, раскрывши рот,
На улицах никто не узнаёт.

Когда по потолку пробежала первая трещина, Дудиков слегка забеспокоился, пробормотав: «Что-то это уже чересчур...». Но песня всё лилась:

- Кто вспомнит о мгновениях былых?
Что у тебя останется от них?
Кто рядом будет, если в сильный дождь
Ты замертво на землю упадёшь?

Здание стало крениться, потолок задрожал, заморгал свет. И последний куплет ударил по ветхому строению всей оглушительной мощью, снося купол и вырываясь наружу:

- Паришь ты, словно птичка, в небесах,
Щебечешь на различных голосах...
Лети, родная. Милая, лети!
Ты сдохнешь всё равно, как ни крути!

Всё завертелось, заискрило, наступила почти полная темнота, мебель поползла вбок, и среди сего беспросветного бедлама раздался возмущённый голос Дудикова:

- Допелись, кретины! Рубеля зовите, срочно!

Глава 5. Сколько воды утекло

Моя лодка плыла в густом тумане по тихой реке. Я перестал грести, поскольку в этом было не больше смысла, чем просто сидеть на скамье, вглядываясь в дымку и раздумывая о судьбе.

Что я знал об этой реке? Не так уж и много. Текла она в никуда и вытекала из ниоткуда, если вообще текла. Вода её колыхалась, но было ли это течением, мне было неизвестно. Река разделяла мир на две части. Одна располагалась слева, а другая справа, а иногда наоборот. Я точно знал, что река делила именно мир, а не Землю, потому что она была намного больше Земли. Скажем, Земля продолжалась немного в прошлое и совсем чуть-чуть в будущее, а река была всегда.

Я и сам находился вне времени и, казалось бы, должен был знать всё, что могло произойти в прошлом и уж точно случится в будущем, но на самом деле всё являлось мне обрывками и довольно смутно. Почему так, я не знал. Скорее всего, дело в том, что я прожил долгую жизнь, и здесь, вне времени, на меня давили все эти годы, порождая ревматизм, маразм и склероз.

У реки было много имён. Мне их называли разные люди, которых я переправлял с одного берега на другой. Но в именах тоже не было никакого смысла, поскольку река начиналась раньше, а заканчивалась позже не только любого имени, но и всех тех, кто эти имена давал.

Впереди, в тумане, снова забрезжил берег. Мою лодку постепенно тянуло туда, а это значило, что меня ожидала очередная встреча с кем-то, кого надлежит перевезти.

И правда, на выступе скалы над водой виднелась одинокая тёмная фигура. Я знал имя этого человека, или мне только казалось, что я его знал.

- Здр'авствуйте, - сказал он, когда лодка подплыла совсем близко. – Вы не могли бы пег'евезти меня на пг'отивоположный бег'ег?

Я причалил к скале и встал в лодке, глядя ему в глаза.

- Здравствуй, - ответил я. – Я могу вас отвезти. Но зачем?

- Видите ли, - сказал Лейбниц, уже спускаясь в своих неуклюжих валенках к борту лодки. – Некотог'ое вг'емя назад я умег'. Я пг'едполагал, что нахожусь в загг'обном миг'е, но постепенно стал в этом сомневаться. Видимо, мне только пг'едстоит туда отпг'авиться.

- Садитесь, - сказал я, сел и положил руки на вёсла. – Я вас отвезу.

- Мне кажется знакомым ваше лицо, - сказал Лейбниц. – Я ведь шпион. У меня пг'офессиональная память на лица. Я совет'енно точно могу сказать, что вас г'аньше видел, но абсолютно не помню, где. То ли тогда у вас не было бороды, то ли наоборот – вы были с бог'одой, но лицо было дг'угое...

- Возможно, - ответил я, и некоторое время мы плыли молча, хотя он долго смотрел на меня, часто моргая глазами.

- А что там, - спросил вдруг Лейбниц, - на том бег'егу? Вы знаете?

- Только по рассказам тех, кто сажился мне в лодку, - сказал я. – Но все говорят разное.

- И что говог'ят? – настаивал Лейбниц.

- Кто-то говорит, что там рай, - вздохнул я. – Кто-то – что ад. Многие считают, что там обычная жизнь, скучная и монотонная. Кто-то считает, что попал в бред сумасшедшего...

- Постойте, - нетерпеливо перебил Лейбниц. – Вы о каком бег'егу говог'ите?

Я помолчал немного, глядя в его глаза:

- Да какая разница?

Лейбниц отвёл взгляд и, казалось, съёжился:

- Вы хотите сказать, что там то же самое, что и здесь?

- Это зависит от того, - ответил я, - во что вы верите.

- Я много думал об этом в последнее время, - кивнул Лейбниц, - и пришёл к выводу, что я всё-таки атеист. Я верю в темноту и в полное отсутствие смысла.

- Тогда с большой вероятностью вы это и получите, - сказал я, налегая на вёсла. -

Хотя я вам не верю. Как можно после смерти быть атеистом? И с чего вы взяли, что умерли?

- Я покончил с собой, - ответил Лейбниц. - Я вспом'ол себе живот. Я не смог бы жить после этого.

- Так вы сейчас в загробном мире? Или вы всё-таки живы?

- У меня нет ответа на ваш вопг'ос, - Лейбниц развёл руками. - Но г'аны мои зажили. Даже шг'ама не осталось.

- Тогда почему вы должны умереть? Почему для вас вообще должно что-то измениться?

Лейбниц хотел что-то сказать, но только часто-часто заморгал глазами. Лодка уткнулась носом в мягкий песок.

- Мы приехали, - сказал я.

- Вы мудг'ый человек, - сказал Лейбниц. - Ваша фамилия, случайно, не Дуг'ак?

- Нет, к сожалению.

Он тяжело встал со скамьи, перебрался через борт и вздохнул.

- Спасибо. И до свидания.

- Всего хорошего, - попрощался я и оттолкнул лодку веслом от берега.

Меня снова окружал туман, густой и влажный, словно селёдочное варенье. Лодка двигалась вперёд. Зачем? Я не знал. Был ли смысл в моей работе? В этом мире? В тумане вокруг? Меня окружало молчание, не готовое предоставить мне ответы на все эти вопросы.

Я вглядывался в блестящую гладь воды, в которой ничего не отражалось, кроме клубящегося тумана, но вместе с рябью это отражение порождало причудливые узоры, которые можно было принять за нечто живое. Или и вправду на меня из-под воды поднималось существо, которое уставилось на меня белёсыми бессмысленными глазами?

- Кто ты? - спросил я.

Рыба подплыла ближе, и я рассмотрел серую блестящую тушу и пасть, покрытую множеством мелких острых зубов. Но неприятнее всего был взгляд. Рыба смотрела на меня презрительно, словно знала обо мне нечто плохое.

- Я - супервизор, - прошипела она.

- Что тебе нужно? - спросил я.

- Душа твоя, - сказал супервизор и поднялся к самой поверхности воды, раскрыв свою пасть.

- Мне она тоже нужна, - сказал я. - Тебе придётся подождать.

- Больше не могу, - сказал супервизор, и резко выпрыгнул на меня из воды.

Я успел отбить его веслом. Удар получился хлёстким, сильным, и рыба разлетелась на мелкие сверкающие обломки.

- Эй, на лодке!

Я вздрогнул. Женский голос. Откуда?

Оглядевшись, я понял, что супервизора больше нет, да и следов от него не осталось - ни в воде, ни на весле.

- Вы меня слышите? - снова крикнули со стороны берега.

Я направился туда, сделав пару мощных гребков. Покачиваясь, берег приближался быстро, словно огромный зверь, плывущий по волнам.

На высоком обрыве стояла коротко стриженная девушка, в которой я с удивлением узнал Тамару. На её лице я разглядел следы недавних царапин, которые, впрочем, заживали прямо на глазах. Она выглядела испуганной и усталой, так что мне захотелось вылезти из лодки и прижать к себе. С другой стороны, я был на службе.

- Что вам угодно, мадемуазель? - спросил я, выпрямившись в лодке в полный рост.

- Здравствуйте, - сказала она, указывая рукой в воду. – Это, кажется, Лета?
- Здравствуйте. Каждый называет эту реку по-своему, - осторожно ответил я, внутренне обрадовавшись тому, что она меня не узнала.

- Но ведь вы можете отвезти меня на ту сторону? – спросила она.

- Могу, - сказал я. – Но я не думаю, что вам это нужно.

- Можно мне сесть к вам в лодку?

- Разумеется, - я помог ей спуститься, схватив за руку, и она легко спрыгнула на дно лодки.

- Что с вами произошло? – спросил я.

- С этим миром что-то не так, - сказала Тамара, усаживаясь на скамью. – Ещё вчера всё было обыкновенным и даже приятным. А сегодня мир стал жестоким. На меня напали птицы, меня чуть не изнасиловал ангел, а вокруг всё такое, словно я попала в кошмарный сон.

- Ангел? – переспросил я, чувствуя, как внутри меня всё сжалось.

- Неважно, - сказала она. – Я не хочу оставаться в этом мире. Мне здесь больше не нравится.

- Мир сам по себе не плох и не хорош, - сказал я. – В нём есть всякое. А как к нему относиться, каждый решает сам. Вы думаете, что, оказавшись где-то ещё, вы сможете относиться к жизни по-другому?

- Пока не попробую, не узнаю, - ответила Тамара.

- Я думаю, вы не правы, - покачал я головой. – Пробовать надо здесь. И если вы будете думать о мире лучше, это поможет ему стать и правда чуть лучше.

- Так вы не хотите меня возить на другой берег? – спросила Тамара. – Тогда куда мы плывём?

- Не знаю, - ответил я. – Это не мне решать. Река нас несёт. Хотя, похоже, Тамара, что мы уже приплыли.

Мы двигались вдоль красивой мраморной набережной, заплывая под причудливый гнутый мост с чугунными перилами. Над набережной возвышалось мрачное, но величественное здание со шпилем.

- Это же мой дом, - сказала Тамара. – Кстати, меня совсем не так зовут.

- Я дам вам совет, - сказал я, не обратив внимания на её замечание. – Идите домой и ложитесь спать, стараясь отбросить все мрачные мысли.

- Вы думаете, это поможет?

- Уж поверьте моему опыту.

Тамара взошла на парапет. Поднялась на пару ступеней и обернулась:

- Спасибо.

Я оттолкнул лодку от берега, глядя ей вслед. Я немного жалел о том, что сейчас был стариком, и о том, что не мог проводить её хотя бы до подъезда. Но меня ждала река.

Туман окутывал меня со всех сторон, было сыро, и спина начала ныть. Я помассировал её рукой, но это не очень помогало. Лодка плыла вперёд, туда, куда направляла её судьба. Мне было всё равно, куда. Я просто повиновался.

Вдруг до меня донеслась издали приятная мелодия. Это была песня, которую исполняло много голосов сразу – возможно, целый хор. Прислушавшись, я даже стал разбирать слова: что-то о птице, летящей в небе. Песня была далёкой, но я чувствовал её силу. И по реке побежала рябь.

Я понял, что трясётся земля. Лодку завертело на месте и подхватило внезапно возникшим потоком. Я вцепился в борта. Меня захлестнуло волной, затем больно ударило взлетевшим в воздух веслом по голове, и, наконец, выбросило из лодки. Я упал в воду и с удивлением обнаружил, что вода едва доходит мне до пояса и продолжает быстро убывать.

Лодка неслась далеко впереди, пока не легла на мель пузом. Я подошёл к ней, извлёк весло и сумку, в которой, кроме всего прочего, лежала Семнадцатая Плита, после чего осмотрелся.

Русло практически высохло. Последние ручейки убегали в трещины, змеящиеся по поверхности земли. А это значило, что два мира уже ничто не разделяло.

- Вот и кончилась Лета, - сказал я. Мне стало грустно на секунду, но я вдруг почувствовал прилив сил. Мне захотелось бегать и прыгать, и таскать тяжести – впрочем, я это и делал, ведь Плита весила добрых килограмма четыре. Я потрогал свой подбородок и понял, что бороды у меня больше нет. Спина не болела. Похоже, я сбросил несколько десятков лет.

Я бодро зашагал вдоль по бывшему руслу реки, которое скоро превратилось в ровную каменистую пустыню, утыканную редкими кустами. Я шёл только потому, что стоять на месте было глупо, никакой цели у меня не было. Скоро мне послышалось, что откуда-то сверху доносятся голоса. Повертев головой, я увидел в воздухе огромную светло-коричневую глыбу, которая летела справа от меня на высоте метров десяти.

- Эй! – крикнул я. – Эй!

С летающего острова спустился толстый канат, покрытый узлами. Я почесал в затылке, поплевал на руки для порядку и полез наверх. Очень мешали тяжёлая сумка и весло, но всё-таки через пару минут я выбрался на твёрдую каменистую поверхность.

На ней был разбит целый лагерь: большая туристическая палатка, приютившаяся за выступом скалы, скромный костерок, нехитрые пожитки, тряпки, постеленные прямо на камень, чтобы спать, и кучи мусора, основную часть которого составляли пустые бутылки. Посреди всего этого великолепия праздно развалились тела моих старых знакомых: Вам Кого, Сам Дурака и Конотопа Раха.

- Привет! – воскликнул я.

- Катастрофа, - сказал Сам Дурак, зевнув.

- Катастрофа? – переспросил я удивлённо.

- Арчибальд, - сказал Вам Кого. – Привет, Володя! Вы прямо как девушка.

- Дармудотур, - сказал Конотоп. – Привет.

- Что за Дармудотур? – спросил я. – Это на каком языке?

- Разящий, - сказал Сам Дурак. – Привет.

Я озадаченно смотрел не них, по-прежнему ничего не понимая. Умом, что ли, они тронулись?

- Йозефссон, - сказал Вам Кого.

- Был уже Йозефссон! – воскликнул Конотоп.

- Не было, - возразил Сам Дурак. – Была Йозефина.

- Нормамулька тогда, - отмахнулся Конотоп.

- Что ещё за Нормамулька? – возмутился Вам Кого. - Что за имя для верблюда?

- Имя как имя, - проворчал Конотоп. – Сам говорил – чем чуднее, тем лучше.

Я рассмеялся. Всё стало понятно. Это же они в верблюдов играли!

- Армстронг, - сказал Вам Кого.

- Гамадрил, - отреагировал Сам Дурак.

- Лехмантрюподикепастроп, - сказал Конотоп.

- Ага! – завопил Вам Кого. – Наконец-то! Был уже Лехмантрюподикепастроп! Ты проиграл!

- Как был? – удивился Конотоп.

- Был, - подтвердил Сам Дурак.

- Ну, - Вам Кого поднялся на ноги, - слава Богу, закончили. Трое суток уже играли без перерыва. Володя, я очень рад вас видеть! – Он подошёл ко мне и крепко обнял за плечи, а потом подобрал с земли выдавший виды пластмассовый стаканчик. – Держите.

Я занял место между Вам Кого и Сам Дураком, присев на рваное ватное одеяло. Вам Кого тоже сел и налил мне немного водки.

- И что вы делали всё это время? – спросил я, с подозрением разглядывая коричневые разводы на стакане.

- Да, в общем-то, ничего не делали, - сказал Вам Кого. - Вот, нашли островок

относительной стабильности, здесь и кукуем. Давайте выпьем за встречу.

Все чокнулись.

- Закуску там берите, в тарелке.

Я наклонился и подобрал с пластиковой тарелочки жареную тушку мелкой птички.

Вылил в себя жгучую водку и сказал «Кря!».

- Вы что это, Володя? – насторожился Вам Кого.

- Да читал в какой-то книжке, что после водки полагается крякать, - ответил я.

- Не те вы книжки читаете, - усмехнулся Вам Кого.

- Кстати, а почему я как девушка? – вспомнил я.

- Ну как же! – воскликнул Вам Кого. – Тоже с веслом.

Алкоголь растекался по телу, и ко мне начинало возвращаться ощущение реальности.

Итак, мы летим на каменной глыбе посреди Вселенной, которую поглотил маразм. Лечится ли это?

- Что вообще в мире происходит? – поинтересовался я.

- Да мы и сами толком не знаем, - ответил Конотоп. - Знаем, что уровень маразма на этом камне относительно низкий – в районе трёх.

- А как измерили? – уточнил я, вгрызаясь в птичью тушку.

- Да вон приборчик валяется, - махнул лапой Конотоп в сторону палатки. – Он с неба упал. Как и практически всё, что ты здесь видишь. А у тебя что новенького?

- Ммм, - сказал я. – Да ничего. Хароном вот поработал. А потом Лета кончилась, и миры соединились, так что теперь я опять свободен.

- Занятно, - сказал Конотоп, потягиваясь. – Ведь когда йокесы применили пароль, миры, собственно, разделились. Так что, получается, эффективность паролей в маразме – полный ноль.

- А зачем они вообще разъединялись? – спросил я, усиленно жуя вкусное мясо.

- Да кто их знает, - ответил Конотоп. – Я бы тут смысла не искал.

- Что ещё слышно? – спросил я.

- Ну, - сказал Вам Кого, – периодически птицы прилетают, рассказывают что-то. К примеру, один удад говорил, будто всей Землёй сейчас управляет один человек – царь, что ли - по фамилии Дудиков. Ещё я понял из его рассказа, что ближе к его резиденции маразм гораздо сильнее. Кстати, вы не того ли самого удодика едите? А, нет. Тот худенький был, а ваш вон какой жирный.

Я сглотнул кусок мяса и с некоторым содроганием отложил обглоданные кости в сторону.

- Интересно, - сказал я. – А почему тут маразм не такой, как там?

- Да вот сидим тут тоже, гадаем, - сказал Вам Кого, сняв шляпу.

- У меня есть на этот счёт теория, - заговорил Конотоп. – Возможно, весь маразм постепенно концентрируется в некий объект, который является его источником и воплощением. Потому что люди начинают искать причину всех необычных явлений, что происходит, и находят её в чём-то или ком-то.

- И это что-то находится в резиденции царя? – уточнил я.

- Возможно, - согласился Конотоп.

- Тогда почему вы здесь сидите? – не понял я. – Надо идти туда!

- А что мы можем сделать, Володя? – отозвался Вам Кого. – Что вообще может противостоять маразму? Мы же уже всё перепробовали.

Я не нашёл, что ответить.

- Давайте лучше выпьем, - предложил Вам Кого, и по его интонации я понял, что он пьёт уже давно.

Сидя на скале, мы продолжили поглощать алкоголь и пищу. Общее настроение, похоже, упало, поскольку воцарилось молчание.

- И всё-таки Володя прав, - сказал Сам Дурак через некоторое время. – Нужно что-то делать. Ну, не получилось с Плитой, но нельзя же на этом останавливаться. Теперь нужно

искать не Плиту, а способ остановки маразма. Вот, например, Конотоп говорит, что у маразма теперь есть реальное воплощение. Если его уничтожить, то что-нибудь ведь должно измениться?

- Что-то всегда меняется, - усмехнулся Конотоп, сплюнув кость. – Эх, как мне надоели ваши удода. Вот бы барашек какой свалился, что ли.

- Не знаю, - ответил Вам Кого. – Может, я просто уже стар, но на меня навалилась апатия и неверие в собственные силы.

Я немного разомлел и думал о всякой ерунде. Сначала вспомнил о несданном экзамене. С чего бы это профессор Тургенев в конце решил задать такой простой вопрос – про вероятность неизбежного события? Ведь я же много чего более сложного отвечал. Может, он просто таким образом проявил своё чувство юмора? Дескать, если бы я ответил бы сразу «единице», то он бы улыбнулся и сказал: «Ну, по крайней мере это вы знаете твёрдо», и поставил бы мне честно заслуженный трояк. Ну, или четвёрку даже.

Или вот сон мой про Варгнаттубогариттула, скажем, взять. Вот допустим на минуту, что так оно всё и было. И где он тогда сейчас? Погиб? Но ведь в маразме нет смерти. Развалился на мелкие частицы? Так и это не конец. Может, он просто распространился по маразму в виде чего-то невидимого и теперь пытается собраться в одном месте, в резиденции царя? Да нет, тоже не сходится. Конотоп ведь объяснил, что происходит воплощение маразма. А Варгнаттубогариттул был и до него. Или всё-таки не был?

- А как пишется, - спросил я вслух, - «прибудет просветление» или «пребудет просветление»?

- Это зависит от контекста, - ответил Вам Кого. – Если «к нам», то «прибудет», а если «с нами», то «пребудет».

- Да нет, - я махнул рукой. – Я же не про нас...

Внезапно с неба раздался шум – сразу и свист, и грохот, и рычание, так что все повскакивали со своих мест. Первое, что пришло мне в голову – что мечты Конотопа осуществились, и на нас падает баран, причём ещё и ревёт со страху. Но это оказалось не так.

В небе над нашим островком летело скопление таких же, как он, разного размера и формы. И по ним, перепрыгивая с одного на другой, нёсся сверкающий мотоцикл, на котором восседала крохотная фигурка. К рулю мотоцикла, постепенно приближающегося к нам, была прикреплена на манер древка длинная палка с развевающейся на ней белой тряпочкой. Мотоцикл достиг соседнего острова и рухнул вниз, на наш, совсем рядом с местом пикника, попутно сбросив седока, подпрыгнув и пару раз перевернувшись.

Где-то в середине этой кавалькады я узнал в наезднике Цирикс, которая торжественно шмякнулась о скалу, прокатилась пару метров и резво вскочила на ноги. На её лице был содран огромный кусок кожи с мясом, отчего стали видны блестящие металлические челюсти и пучки проводов.

- Здравствуйте, - сказала она. – Я к вам парламентёром от йокесов. Вы дадите мне минутку, чтобы привести себя в порядок?

- Э... - сказал Вам Кого.

- Ммм, - подтвердил я.

- Здравствуйте, - сказал Сам Дурак. – Конечно.

Цирикс подняла с земли свалившуюся с её плеча сумочку, извлекла из неё большую круглую металлическую баночку и открыла крышку. Затем извлекла из баночки губку и принялась намазывать на повреждённую часть лица нечто, напоминающее по консистенции густой крем. Субстанция шевелилась, заполняя разрыв и превращаясь в белую гладкую шёку улыбающейся Цирикс.

Затем она подошла к валяющемуся неподалёку мотоциклу, отделила от него импровизированный флаг, который при ближайшем рассмотрении оказался трусиками, и, нисколько не стесняясь, надела их на себя, а затем оправила юбку.

- Так, - сказала она, приближаясь. – На чём я остановилась?

- На йокесах, - ответил Сам Дурак. – Они что-то хотят нам предложить?

- Мы хотим предложить союз, - сказала Цирикс. – Временный. С одной конкретной целью.

- С какой же? - спросил Вам Кого.

- Ликвидировать источник маразма, - ответила Цирикс.

- Хм, - Вам Кого снял шляпу и почесал отверстие в голове. – Давайте присядем и выпьем.

- Хорошо, - сказала Цирикс, устраиваясь на том месте, которое только что занимал я.

- На меня водку можете не тратить, я не пьянею.

Все расселись вокруг Цирикс. Мне пришлось пристроиться возле хвоста Конотопа.

- Так что конкретно вы предлагаете? – спросил Сам Дурак.

- Вам известно, что сейчас происходит на Земле? – спросила Цирикс.

- Очень мало, - ответил Вам Кого.

- Тогда расскажу то, что знаем мы, - Цирикс скинула туфли-лодочки и поджала ноги.

- Наша разведка доложила, что Земля претерпела и продолжает претерпевать существенные изменения. Рельеф, природные условия – всё очень подвижно.

- Это не новость, - усмехнулся Вам Кого.

- Во всей Вселенной степень маразматичности снизилась до умеренных значений, - продолжила Цирикс. – Но на Земле, в восточноевропейской части России, есть зона, где она сильно повышена.

- И это мы знаем, - кивнул Вам Кого. – А вы знаете, почему?

- Да, - сказала Цирикс. – Там находится некое существо по имени Морген, которое является источником маразма. Маразм в зоне вокруг него постоянно растёт, и мы предполагаем, что постепенно он будет снова повышаться и во всей остальной Вселенной.

- Что ещё за Морген? – спросил Сам Дурак. – Что вам о нём известно?

- Немного. Он может менять свой облик, поскольку представляет собой просто концентрированный сгусток маразма. У него есть два помощника. Один из них – Рубель, бывший йокес. Второй – человек по имени Семён Дудиков, который сейчас провозглашён единоличным правителем Земли.

- Бывший йокес? – перебил Вам Кого. – Такое бывает?

Цирикс пожала плечом:

- С некоторых пор мы не считаем его одним из нас. Он появился у нас много лет назад и стал йокесом, но постепенно мы поняли, что он абсолютно неуправляем и не готов следовать нашим принципам.

- А у вас есть принципы? – удивился Вам Кого.

- Есть.

- Какие?

Цирикс посмотрела на Вам Кого одновременно сердито и насмешливо:

- А вам-то, сударь, что за печаль? Вряд ли вам суждено стать йокесом.

- Мне интересно, – сказал Вам Кого.

- Мы не разглашаем некоторые вещи, - ответила Цирикс. – В том числе наши правила.

Я думаю, это не помешает вам сотрудничать с нами?

- Для того, чтобы уничтожить маразм, я готов с чёртом сотрудничать, - прореагировал Вам Кого. – А вам-то это зачем?

- Не уверена, что вы поймёте, но попробую объяснить, - Цирикс вздохнула, и я вдруг подумал – вот эти человеческие детальки в её поведении, они обусловлены желанием выглядеть как человек, или для неё и вправду естественно вздыхать и улыбаться?

- Здесь есть несколько факторов, - сказала Цирикс. - Да, маразм нас во многом устраивает, но в нём, как выяснилось, есть и большие минусы.

- Дайте-ка угадаю, - подал голос Конотоп. – У вас уменьшилось ваше везение?

- Да, можно так сказать, - кивнула Цирикс. – Нам по-прежнему везёт, но вероятность успешности наших действий несколько снизилась, и нас это беспокоит. А как вы догадались,

если не секрет?

- Ну, - ответил Конотоп, усмехнувшись в усы, - во-первых, у меня есть теоретические умозаключения на этот счёт. Во-вторых, йокес, который падает с мотоцикла и разбивает себе лицо – это нонсенс.

- Вы правы, - Цирикс потупила взор. – И это именно та причина, по которой мы хотели бы видеть вас нашими союзниками. Вы лучше нас представляете, чего ждать от маразма. Во всяком случае, у вас есть то, что вы называете «теоретическими умозаключениями». Ещё мы хотели бы несколько улучшить наш образ в глазах людей, и помощь вам – хороший способ. Ну и, кроме всего прочего, нам безразлично, что в конечном итоге станет с миром. Оно понятно, что своя юбка ближе к попе, но, когда всё может разлететься в прах, странно сидеть и ничего не делать.

- Хорошо, - сказал Вам Кого. – Я готов действовать вместе с вами. Что вы предлагаете?

- Конкретный план можно обсудить, - ответила Цирикс. – Но мы хотим пробраться в бункер царя и уничтожить Моргена. Мы считаем, что если это удастся, то маразм будет ликвидирован. Во всяком случае, это единственный шанс, который мы видим.

- Допустим, - согласился Вам Кого. – Но как вы собираетесь его уничтожить?

- Это хороший вопрос, - Цирикс взъерошила ладонью ёжик волос на голове. – Но мы надеемся, что это будет ясно по ходу дела. Разного оружия у нас достаточно. Ещё у нас есть некоторые идеи по поводу нашего противника, которые я хотела бы вам изложить.

- Я слушаю, - сказал Вам Кого. – Разрешите только разлить выпивку, а то трубы горят.

- Закуска-то кончилась, - сказал я, ткнув пальцем в пустую тарелку.

В ту же секунду, однако, с неба именно туда, куда я показывал пальцем, свалилось несколько птичьих тушек, уже поджаренных и даже обмазанных каким-то соусом, капля которого незамедлительно попала мне в глаз. Вам Кого разлил водку себе, мне, Сам Дураку и Конотопу, мы чокнулись и продолжили разговор.

- Как мы представляем, - говорила Цирикс, – Морген усиливает маразм вокруг себя, потребляя каким-то образом подсознательные ожидания людей. Рубель как йокес может действовать в маразме и строит для Моргена вещи, благодаря которым на Земле всё ещё можно стабильно существовать. То есть он помогает Моргену реализовывать его планы даже в условиях высокого маразма. Они выстроили целый остров стабильности, в центре которого – дворец Дудикова. Всё, что делается с участием Рубеля, остаётся относительно надёжным. Сам Дудиков является просто подставной фигурой и играет роль правителя Земли. Ему разрешается практически всё, что угодно, чтобы поддерживать имидж власти и накапливать силу, в том числе в виде энергетических единиц.

- Тьфу! – сказал вдруг Вам Кого, поморщившись и погрозив небу кулаком. – Вы чего там, офонарели? Пересолили же удода!

- Извините, - спросил я у Цирикс. – А зачем им всем это нужно?

- Кому и что? – уточнила Цирикс.

- Ну, эти Морген и Рубель – чего они вообще хотят?

- Эх, Володя, - сказал Конотоп. – У любой власти всегда одна главная цель – ещё больше власти. Первый день на свете живёшь, что ли?

- Ну, я бы возразил, - встрепнулся Вам Кого. – Ты что же, Конотоп, к анархии призываешь?

- А что плохого в анархии? – парировал Конотоп. – Чем она хуже подавления личности какими-то уродами, которые считают себя выше других?

- Хватит! – вмешался Сам Дурак. – Вы потом сто раз успеете поспорить. Цирикс, что вы хотели сказать?

- Я думаю, что мы сможем устранить Дудикова и Рубеля, - ответила Цирикс. – Возможно, это как-то ослабит Моргена. Во всяком случае, будет понятно, что делать дальше.

- Звучит как план, - одобрил Вам Кого. – За это надо выпить. Когда выдвигаемся?

- Йок сейчас пытается собрать нескольких йокесов. Они сильно разбросаны по

Вселенной. Если всё пойдёт нормально, то через несколько часов они будут здесь.

Вам Кого заглотив рюмку водки и спросил:

- Что там ещё о Земле слышно?

- Полный бардак, - сказала Цирикс. – Никаких ориентиров, ничего невозможно предсказать.

- А Москва-то хоть существует? – испуганно спросил я.

- Существует, - ответила Цирикс. – Но сильно деформирована. Да, чуть не забыла. Я могу показать вам некоторые фотки, имеющие отношение к делу.

Она извлекла из сумочки нечто похожее на планшет, включила и открыла на нём фотографию, на которой ничего нельзя было разглядеть, кроме серого бесформенного пятна.

- Вот, - сказала она. – Это Морген.

- Бр-р, - сказал Конотоп. – Ну и морда.

- Это Рубель, - показала Цирикс следующее изображение.

- А почему со спины-то? – удивился Вам Кого. – И что это у него? Горб?

- Крылья, - ответила Цирикс. – А вот Дудиков.

- Хм, - сказал я. – Это же Мэрилин Монро.

- Да, точно, - согласилась Цирикс. – Извините, приборчик в маразме барахлит.

- А это кто? – я уставился на следующую фотографию.

- Это некто Моргилка, - ответила Цирикс. – Морген называет её внучкой. Она тоже обладает способностью каким-то образом распространять вокруг себя маразм, но толком мы о ней ничего не знаем.

- Володя? – Вам Кого помахал рукой перед моими глазами. – С вами всё в порядке?

Я молчал. В моей голове пыталась сложиться в картинку причудливая мозаика, кусочки которой никак не подходили друг к другу, и всё же место каждого мне теперь становилось понятно.

- Нет, - сказал я, очнувшись. Похоже, в задумчивости я пробыл очень долго. Вам Кого чистил тряпочкой свою мятую шляпу, Сам Дурак пытался подточить меч о камень, а Конотоп просто лениво лежал рядом со мной, покусывая свои усы, и ворчал:

- Анархия, блин, ему не нравится... Да это же единственный разумный строй.

- Володя, вы в себя, что ли, пришли? – спросил Вам Кого. – Что это вас так надолго вывело из равновесия?

- Да вспомнил кое-что, - ответил я, привстав и разминая отсиженный зад. – Дело в том, что я видел эту Моргилку. Давно, в Москве. И, кажется, примерно с того момента в моей жизни начали происходить всякие необычные вещи.

Мы молчали некоторое время, затем Конотоп выдал:

- Да уж. Интересная выстраивается картина. Вы, Володя, придумали нас, мы создали маразм, маразм создал Моргена, Морген Моргилку, а она заставила вас придумать нас. Так получается. Как там обычно говорят? Змея укусила хвост? В данном случае змея не только укусила себя за хвост, но ещё и обделалась с испугу и подавилась кашками.

- Фу, Конотоп! – воскликнул Вам Кого. – Ну что за мерзость!

- Я свободное существо, - сказал Конотоп. – Что хочу, то и говорю.

- Ну, есть же, в конце концов, какие-то рамки!

- У тебя, Вам Кого, тоже был принцип – с йокесами не связываться, - припомнил Конотоп. – И где он теперь?

- У нас нет выхода, - начал оправдываться Вам Кого, надев, наконец, на голову свою шляпу. – Кроме того, окончательное мнение о йокесах у меня так и не сложилось. Каждое существо для чего-то да нужно. Вот я как раз вспомнил одну историю. На Моуди когда-то очень давно жила одна семья. Отец был, по-вашему, наркоманом. На чиджанку подсел, шлялся где ни попадя. Мать была умственно неполноценной, толком не говорила, мычала только. Однако же с чьей-то помощью сумела подать на развод. Отец после этого совсем пропал, но при этом умудрялся исправно платить алименты. Старший сын страдал редким заболеванием, ускоренный рост тканей, короче, постепенно разваливался и глупел. При этом

успел воспитать младшего брата, который тоже был странноватым и не осознавал реальность вокруг, не мог о себе позаботиться. Примерно как аутисты у вас на Земле. Вот казалось бы – кому они все нужны? Так вот этот младший ребёнок – гениальный математик Штрудель Ем, который придумал полёты через гиперпространство. Мы все пользуемся его формулами при расчётах курсов. Если бы не он, прогресс бы остановился. А ведь каждый член семьи внёс свой вклад, чтобы младший ребёнок родился и выжил. Это даже не учитывая всякие факторы типа маразма, чистый материализм.

- Я тебе уже говорил, Вам Кого, что маразм не противоречит материализму, - вяло отозвался Конотоп.

- Ну, ты меня понял, - отмахнулся Вам Кого.

- А где Цирикс? – спохватился я. – Ушла, что ли?

- Да нет, - ответил Вам Кого. – Там она, за палаткой лежит. Раскрыла своё пузо, все кишки наружу, и меняет процессоры по очереди, плюс оружие какое-то устанавливает. Это у неё, оказывается, главная забава в жизни – перманентный апгрейд. Я рядом с ней, можно сказать, жил несколько лет и не подозревал даже, что за это время у неё частота в тысячу раз выросла.

Внезапно стемнело, и на небе стали одна за другой загораться звёзды.

- Эх, - сказал Конотоп, – Кентела бы сюда. Он бы сказал сейчас что-нибудь.

- Что именно? – спросил я.

- Ну, не знаю. Он всегда говорил то, что первое в голову приходило. Вот мне сейчас почему-то в голову пришло: «Ангел крылом взмахнул». Он бы тоже выдал что-то в этом роде. И где он сейчас?

- Слушайте, - Вам Кого опрокинул в себя остатки водки из почти пустого стаканчика, – у нас завтра трудный день. И как раз стемнело. Не пойти ли нам спать?

- Хорошая мысль, - сказал Сам Дурак, сложил свой меч и отправился в палатку.

Вам Кого и Конотоп тоже постепенно исчезли из моего поля зрения. А я сидел и думал о всякой всячине. Сначала о Моргилке, потом о Цирикс, потом о Тамаре.

Вокруг меня раскинулось безбрежное небо, полное звёзд. Они моргали и, кажется, двигались, образуя причудливые узоры, рисунки и даже надписи. Некоторые были смешными, некоторые серьёзными, а большинство бессмысленными, но именно они помогли мне понять, что я уже просто сплю и вижу сон.

Глава 6. Грудью проложим себе

Человек ли женщина? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется. Во-первых, он зависит от определений того, что есть человек и что есть женщина. Если, скажем, определять человека как двуногое существо без перьев, то женщина вряд ли признает, что она человек, поскольку никто не хочет выглядеть ощипанным петухом. Или вот, к примеру, если взять Цирикс, то я ни на минуту не сомневался в том, что она женщина, но человеком она однозначно не являлась. Я думаю, нет смысла вешать ни на кого и ни на что никакие ярлыки. Есть каждый отдельный субъект со своим внутренним миром, который кем-то себя считает. Кто-то думает, что он человек, а кто-то – что он женщина, ну и что? У каждого свои недостатки. Ну, и достоинства тоже. Вот, скажем, «жестокий убийца» - разве это обязательно мужчина? А слова «домохозяйка» и «машинистка» разве требуют, чтобы эти обязанности выполнял человек определённого пола? Отнюдь нет. С другой стороны, я не верю во все эти боевики, где в главных ролях играют красотки, только что ходившие по подиуму. У каждого человека есть свои способности и пределы возможностей. Либо ты фотомодель, либо крутой спецназовец. Универсалы теоретически возможны, но они почему-то не играют главные роли в блокбастерах.

Вот Цирикс – другое дело. Она не какой-нибудь очередной ангел Чярли, который

может только махать красиво ногами перед камерой и застывать в сексуальных позах, изображая карате. Она – симпатичная девушка, но при этом и машина для убийства. Впрочем, в каждом из нас, возможно, скрыто нечто такое, о чём мы и не подозреваем.

В моём воображении возник образ Цирикс, которая стояла за гладильной доской и водила утюгом по расстеленной на ней мужской рубашке. Она улыбалась и покачивала бёдрами, словно заигрывала. Потом из утюга пошёл густой пар, застилая всё вокруг, и я постепенно понял, что вижу не Цирикс, а Тамару, причём в руках у неё не утюг, а большой нож, которым она быстро-быстро шинкует большого оловянного солдата.

- А? – сонно спросил я, оторвавшись от скомканной тряпочки, игравшей роль подушки. Похоже, я проснулся от того, что меня трясли за плечо.

Это была Цирикс, сидящая передо мной на корточках и весело глядящая мне прямо в глаза. Костёр уже потух, и было довольно темно.

- Володя, извините, что я вас разбудила, - сказала Цирикс, - но если вы хотите заняться со мной сексом, то сейчас довольно удобная возможность.

- Эээ, - ответил я и потряс головой. Шея окоченела и плохо ворочалась.

- Да вы не волнуйтесь, - сказала она. – Всё когда-то бывает в первый раз.

- Я это, - сказал я. – Я лучше, пожалуй, воздержусь. Вдруг там у вас коротнёт ещё что-нибудь.

Цирикс рассмеялась.

- Ой, Володя, вы удивительный всё-таки кретин, - сказала она. – Нет, не обижайтесь, это же правда. Мне семьсот лет. Знаете, сколько у меня было мужчин? Пока ни разу не коротнуло, как вы выражаетесь. Зря вы отказываетесь, между прочим. Я много чего умею. Могу, кстати, менять свою ДНК прямо на ходу. Хотите, сделаю вот такие глаза?

Радужки её глаз стали красными, и от зрачков разбежались во все стороны оранжевые полосы.

- Или, если хотите - вот такие, - продолжила Цирикс, и её глаза на мгновение превратились в зелёные со зрачками в виде вертикальных щелей, а потом стали обычными, серыми, как у Тамары.

- Извините за вопрос, - я покраснел. – А у вас всё устроено как у обычных женщин?

- В общем, да, - ответила она. – Хотя я могу себя модифицировать как душе угодно. Но функционирует всё отлично, не сомневайтесь. Я уже знаете сколько детей нарожала за свою жизнь? Со счёту уже сбилась.

- Детей? – удивился я. – А где же они все?

- Да кто где, - ответила Цирикс. – Некоторых подбросила отцам, кого-то в приюты. Считаете, жестоко?

- Не мне вас судить, - сказал я.

- При моём образе жизни воспитывать детей нормально невозможно, к сожалению. Хотя, может быть, когда-то я и остановлю свой бег, чтобы создать нормальную семью. Может быть. Не знаю. Так как насчёт секса?

- Нет, - уверенно ответил я. – Извините.

- Ваше дело, - сказала Цирикс. – Собственно, я и сама не уверена, что этого хочу. Просто мне отчего-то стало вас жалко.

Я сел прямо и тупо уставился на угли бывшего костра.

- Может быть, просто посидим и поговорим? – предложил я. – Вот только костёр бы разжечь. Холодно.

Цирикс придвинулась к углям и протянула вперёд указательный палец левой руки. В кончике пальца раскрылось небольшое отверстие, и из него выстрелила струйка яркого оранжевого пламени. Угли вспыхнули, и от костра сразу повеяло теплом.

- Ох и ничего себе, - пробормотал я. – И вы ещё предлагали мне секс.

- Между прочим, - сказала Цирикс, - я считаю, что огнемёт – это вещь первой необходимости для любой женщины. Мне очень много раз пригождался. Так о чём вы хотели поговорить?

- Я бы хотел понять йокесов, - ответил я. – Чего вы хотите? Чего добиваетесь?

- Ну, вдаваться в какие-то подробности я бы не очень хотела, - Цирикс задумалась. – Но вот представьте себе, Володя, что вы можете всё. Чем бы вы занялись?

Я пожал плечами:

- Не знаю. Делал бы всякие добрые дела.

- Когда вы бы увидели, к чему это приводит, вам бы быстро это надоело, - покачала головой Цирикс. – Ну, то есть вы бы стали относиться к этому осторожнее. Добро творить нужно, это правда, но очень аккуратно и избирательно.

- Ну, тогда не знаю, - сдался я. – Может, просто бы дурака валял.

- Так вот йокесы по большей части этим и занимаются, - ответила Цирикс. – Стараясь не причинять серьёзного вреда и извлекать из этого по возможности пользу. Правда, приходится ещё думать о том, чтобы обезопасить себя, потому что нас многие не любят. Поэтому у нас везде разведчики, и мы стараемся держаться вместе. Если не вдаваться в подробности, то вот и всё.

- А откуда берутся йокесы? – спросил я.

- У всех это по-разному, - сказала Цирикс. – Некоторые с этим рождаются. Некоторые вдруг в середине жизни понимают, что они всё могут. А кто-то идёт к этому долго и мучительно, через страдания или самосовершенствование. У каждого свой путь.

- Везению можно обучиться? – усомнился я.

- Прецеденты были, - уклончиво ответила Цирикс.

Тут внезапно рассвело, так что я вынужден был зажмурить глаза от яркого света, а когда открыл их, то увидел, как из палатки на четвереньках выползает Вам Кого.

- Ага, - сказал он, поднимаясь на ноги. – Вот вы где, Володя. Я уж думал, вы сбежали или заблудились.

- Где же я мог тут заблудиться? – не понял я.

- Ну, вы это хорошо умеете, - ответил Вам Кого. – Впрочем, и девушек соблазнять, как я смотрю.

Вслед за Вам Кого вышел Сам Дурак.

- Доброе утро, - сказал он. – Если, конечно, это утро.

- Разумеется, - ответил Вам Кого. - Вон же, оба Солнца уже высоко.

Я только сейчас обратил внимание, что над нами висят и вправду два Солнца – одно чуть ярче, другое чуть крупнее.

- Эээ, - сказал я. – А откуда второе взялось?

- Ну как же! – воскликнул Вам Кого. – Когда ваша речка утекла, два мира же слиплись. И в каждом было по Солнцу.

- Обалдеть, - сказал я.

- Не понимаю, Володя, - хмуро заметил Конотоп, тоже выплывающий из палатки. – Как можно столько прожить в маразме и всё ещё чему-то удивляться?

В этот момент к моим ногам упала белая палка. Я машинально отпрянул, и вовремя, поскольку тут же упала вторая. Присмотревшись, я понял, что это кости – кажется, большая берцовая и ребро. Затем посыпались и другие, пока, наконец, передо мной не образовалась целая груда.

Кости лежали спокойно пару секунд, а потом вдруг взлетели. Покружившись немного в воздухе, словно танцуя, они постепенно стали соединяться друг с другом, пока не образовали полный скелет.

- Приветствую почтеннейшую публику, - сказал Йок Естер своим неприятным свистящим голосом, исходящим, как мне показалось, откуда-то из грудины. – Вы не видели мои перчатки? А, вот они!

С неба как раз спланировали две кожаные перчатки, которые сами собой наделись прямо на руки скелета.

- Кости мёрзнут, понимаете ли, - словно бы извинился Йок.

- Привет, - сказала Цирикс, вставая. – Ты что, один?

- Нет, - ответил скелет. – Но с помощниками не густо. Не всех нашёл, а кто и совсем не в форме.

Конотоп тем временем ходил кругами, придирчиво осматривая йокеса.

- А скелет-то женский, - заметил он.

- Да какая разница? – отреагировал Естер. – Какой на складе выдали, такой и ношу.

В этот момент рядом с ним в воздухе сверкнуло, и на площадке образовалось причудливое существо, больше всего напоминающее бело-зелёную замороженную соплю, перевёрнутую вверх тормашками. На том, что заменяло ему голову, виднелось три расположенных по кругу глаза, а на макушке шевелился длинный отросток, который непрерывно лазил по очереди в несколько отверстий на лбу.

- Здравствуй, Пых, - сказала Цирикс. – Давно тебя не видела.

- Само собой, Цирикс, - ответил Пых электронным голосом. – Я уже год никуда не хожу, у меня непрерывное самооплодотворение. Скоро буду споры выбрасывать. Видишь, какая уже башка?

- Да вижу, - ответила Цирикс. – Только зачем тебе это нужно, если ты в прошлый раз всё потомство сожрал?

- Так я же не могу остановиться, - пропищал Пых. – Если я мозг не буду оплодотворять, то думать не смогу.

- Ну, тогда продолжай, - согласилась Цирикс. – И это вся твоя команда, Йок?

- Я тоже тут, - послышался тихий жалобный голос из пустоты рядом со мной.

- Родиус! – воскликнула Цирикс. – А ты-то чего припёрся? Ты что, будешь воевать?

- В меру своих спо... - ответил голос и умолк.

- Ты что, опять умер? – спросила Цирикс, но ответа не последовало.

- А это кто был? – спросил я. – Невидимка, что ли, какой?

- Родиус, - сказал Цирикс. – Он мертвец. Просто он такой сильный йокес, что не смог умереть полностью. Иногда он может подать голос, иногда его тень проявляется. Иногда предметы двигает. Немножко. Йок! – повернулась она к скелету. - Мне кажется, ты в своём репертуаре. Опять издеваешься? Что за армия такая? Где ваше оружие хотя бы?

Раздался сильный грохот, и на летающий остров запрыгнул человек в камуфляжной форме, обвешанный боеприпасами. В одной руке он тащил огромную сумку, а другой придерживал базуку, лежащую на плече.

- Оружие тут, Цирикс, - сказал он, и я вдруг понял, что это тот самый Пахом, которого я уже знал, только словно бы накачавшийся анаболиков. – А! И ты тут, мил человек, - обратился он уже ко мне. – Ну, здравствуй.

- Здравствуйте, - сказал я. – У меня, между прочим, тоже вот оружие есть, - я снял с пояса флистер, мысленно ожидая, что йокесы будут надо мной смеяться. Но в окружившей меня тишине прочитал прямо-таки благоговение, с которым все рассматривали мой зелёный пистолетик.

- В умелых руках и лопата стреляет, - проскрипел Йок Естер. – Однако же, господа, все собрались. Давайте обсудим, что мы собираемся делать.

- Цирикс рассказала, что вы предлагаете отправиться во дворец Дудикова и уничтожить его, Рубеля, и, по возможности, Моргена, - сказал Вам Кого.

- Ну, если вы согласны, - сказал Йок, - то давайте и приступим.

- Погодите, - сказал Вам Кого, сняв шляпу и забравшись на булыжник. – Я уже здорово надрался смелости и поэтому хочу сказать речь.

- С интересом послушаем, - сказал Йок.

Вам Кого отхлебнул немного водки из стаканчика, который держал в руках, и заговорил:

- Вот кто бы мог подумать! Мы все такие разные, и цели у нас не то чтобы есть, но уж точно не совпадают. И несмотря ни на что, мы всё-таки взяли и собрались. И даже хотим идти драться. А всё почему? Потому что маразм. Все же понимают, что так жить нельзя, а как-то жить нужно. И поэтому все с нами: и тигры, и скелеты, и глиста вот эта, забыл, как её,

и даже Цирикс, уж на что, казалось бы, красавица по сравнению со всеми нами, и то тут. Так давайте пойдём и покажем всем Кузькину мать! Всё, я сказал.

Вам Кого слез с булыжника, допил стаканчик и бросил его на землю.

- Ну, поскольку вы меня повеселили, – скелет потёр перчатками друг о друга, – тогда уж и я скажу пару слов. – Он встал на освободившийся булыжник. – Господа! Будьте прежде всего собой. Если вам кажется, что нужно что-то сделать – делайте. И это единственная причина, почему мы здесь. И Моргена мы уничтожим именно поэтому. Вот так.

Он, пританцовывая, спустился с камня, а я рванулся вперёд:

- А можно и мне что-нибудь сказать?

- Володя, ну не позорьтесь, – пробормотал Вам Кого.

- Да пусть скажет, – снисходительно согласился Сам Дурак.

Я тоже поднялся на камень. От волнения у меня дрожали руки, но я всё-таки собрался с духом и заговорил:

- Я это... Я толком не знаю, кто такой Морген и чего он хочет, но тоже думаю, что надо с ним бороться. Вот. И даже не потому, что мне маразм не нравится. Может, кому-то он и нравится, а большинство его вообще не замечает. Но пока есть Морген, он же людей использует. Для него люди – просто ресурс. Если я неправильно понял, скажите. Но я так понимаю, что он силу у людей отбирает, чтобы самому расти и крепнуть. И это – неправильно. Каждый должен сам решать свою судьбу. Так что мы будем Землю освобождать. Если получится, конечно.

Я закончил и слез с камня.

Цирикс хлопала в ладоши.

- Володя, не ожидала от вас! – сказала она, улыбаясь. – Вы молодец.

- Да, неплохо сказано, – сказал Естер. – Ну, все уже закончили с речами? Тогда надо отправляться. Пахом, раздай оружие.

Пахом расстегнул свою необъятную сумку.

- Ну? – спросил он. – Кому чего?

- Мне что-нибудь лёгкое, – пропихнул Пых. – У меня щупальца много не удержат.

- Ну, вон, бластер, что ли, возьми, – Пахом протянул Пыху небольшой пистолет.

Пых выдвинул из своего основания тонкое подвижное щупальце, похожее на крысиный хвостик, и обхватил бластер за рукоятку, но тут же вернул назад.

- Тяжеловат, – сказал он. – А ножичка какого нет?

- Да смотри сам, – Пахом придвинул сумку к нему.

Пых растерянно попищал и засунул щупальце в сумку. Пошарив там немного, он извлёк опасную бритву.

- Вот это подойдёт, наверно.

- А бластер можно мне? – спросил Сам Дурак. – У меня есть меч, но это только для контактного боя.

- Само собой, – Пахом отдал бластер Сам Дураку.

- А это что у вас? – удивился Сам Дурак, заглянув в сумку. – Это же моя днехт-пушка!

- Значит, плохо лежала, – ответил Пахом. – Было ваше – стало наше.

- Это я возьму, – раздался тихий вкрадчивый голос в воздухе, что-то полупрозрачное проплыло к сумке, приподняло днехт-пушку и растворилось вместе с ней.

- Э! – возмутился Пахом. – Родиус, на черта тебе она? Тьфу!

Я робко приблизился к сумке и с сомнением стал перебирать разное оружие. Всё выглядело незнакомым, да и обращаться я ни с чем толком не умел. В конце концов я выбрал простую деревянную палку как наиболее безопасный предмет.

Йок Естер взял уже знакомый мне пистолет с длинным стволом и нечто вроде ятагана. Вам Кого прихватил два массивных револьвера с кобурами. Конотоп нашёл для себя длинный ремень, который обвязал вокруг шеи и под передними лапами, и закрепил с его помощью на спине большой пулемёт, а также кучу мелких подручных средств, в том числе приборчик для измерения маразма и несколько гранат.

- Как ты со своими лапами умудряешься всё так точно делать? – удивился я.
- Маразм мне в помощь, - ответил Конотоп. – И потом, я же был человеком раньше.

Руки-то помнят.

- Так у тебя же нет рук! – возразил я.
- Но ведь помнят, - сказал Конотоп.
- Что, все набрали, кто чего хотел? – спросил Пахом. – Тогда остальное мне.
- Ладно, - сказал Йок Естер. – Отправляемся.

Он зашагал к краю острова. Все последовали за ним, и Вам Кого, взглянув вниз, воскликнул:

- Чёрт побери! А как же мы спустимся?

Под нами расстилался бесконечный сверкающий океан, покрытый мелкой рябью.

- А в чём проблема? – не понял скелет. – Все за мной!

Он разбежался и прыгнул вниз солдатином.

- Банзай! – заорал Пахом и, сделав мощный прыжок, сиганул за Естером, размахивая над головой тяжелой сумкой.

- Потиеку! – пропищал Пых, и стёк с края в набегающий поток воздуха.

- Третий закон роботехники! – выкрикнула Цирикс и, сделав сальто, исчезла под краем острова.

- Хм... - сказал Вам Кого. – Страшновато, но если я не прыгну, то умру от позора. За Землю – вперёд!

И он шагнул с края, придерживая рукой шляпу.

- Гамарджоба! – крикнул Конотоп и пронёсся мимо меня в пропасть.

- Володя, давайте, - сказал Сам Дурак. – Я последним.

- Э... - сказал я. – Так я же не знаю, что кричать. Ну, ладно... Африка круче всех! – я подбежал к краю, запутался в ногах и полетел вниз головой в пустоту. Меня несколько раз перевернуло в воздухе, но наконец я с громким шлепком плюхнулся в толстый слой мягкого ила.

- Тьфу! – сказал я, приподнимаясь и пытаюсь прочистить от грязи нос, рот и глаза. – А море-то где?

Но через секунду я уже увидел, где море.

Вода вставала двумя стенами справа и слева от нас. Мы образовывали колонну, во главе которой, пританцовывая, шёл Йок Естер, затем уверенно шагал Пахом, за ним семенил своими коротенькими щупальцами Пых, потом гордо вышагивала Цирикс, следом бодро, хотя и слегка пошатываясь, двигался Вам Кого, а передо мной перебирал лапами Конотоп, покачивая пулемётом на спине. Я пошёл за ними, при каждом шаге утопая по щиколотку в противном мокром иле.

- Что, есть польза от везения йокесов? – сказал Сам Дурак за моей спиной. Видимо, он имел в виду расступившееся море.

- А ты что кричал, когда прыгал? – спросил я.

- Ничего, - ответил Сам Дурак.

- А я постонал немного, - раздался вкрадчивый шёпот возле моего уха. – Чтобы страшнее было.

Тут спереди донёсся бодрый возглас Йока Естера:

- А давайте нашу? – и, не дожидаясь ответа, он запел неожиданно громко и звонко:

- Жил король Едрён Второй!

Голоса остальных йокесов тут же подхватили слаженным хором:

- Едрён второй!

- Очень хмурый был и злой! – продолжал Йок

- Да, и злой! – вторили Пахом, Цирикс и Пых.

Под песню шагалось легче и веселей, так что я поневоле попытался запомнить слова. Не уверен, что всё запомнил правильно, но получилось вот что:

- Жил король Едрён второй,

Очень хмурый был и злой,
Правил, денежку копил,
А народа не любил.
У него был славный шут,
Весельчак, хохмач и плут,
Очень шустрый на язык,
Долго думать не привык.
Стал Едрёна он дразнить,
Шутки разные шутить,
Пародировать, и вот
Полюбил шута народ.
Разозлился тут Едрён,
Очень был обидчив он,
Приказал шута казнить,
Расстрелять и расчленить.
Только пуля палача
Не убила хохмача,
Пляшет и смеётся он,
Пулей яростной пронзён.
Стал палач его рубить,
Чтоб быстрее погубить,
Разрубили – тут как тут
Появился новый шут.
Долго машут топором,
А шуту всё нипочём.
День и ночь палач рубил,
Рухнул замертво без сил,
И тогда король Едрён
Прибыл сам вершить закон.
Он достал из ножен меч
И сказал такую речь:
«Я и властен, и силён,
Я – и правда, и закон,
Острый меч в моей руке,
Ты ж в дурацком колпаке.
Я решил тебя убить –
Значит, так тому и быть».
Шут в ответ ему сказал:
«Ты меня переиграл.
Я шучу уж день второй,\
А смеются над тобой».
Тут Едрён рассвирепел,
Меч в пространстве завертел,
На шута обрушил, но
Тот отпрыгнул уж давно,
И Едрён изо всех сил
Сам себе башку срубил.
Так погиб Едрён второй,
Распрощавшись с головой,
Шут же бродит до сих пор
Средь полей, лесов и гор.
А с обратной стороны,

Ведь шуты затем нужны,
Чтобы мы могли в веках
Вспоминать о дураках.
Кто б Едрёна помнил тут,
Если бы не вечный шут?

Когда песня закончилась, я услышал голос Сам Дурака:

- Между прочим, Едрён второй – реальный исторический персонаж. Как и Едрён семнадцатый, который убил этого шута.

- Ну, понятно, что реальный, - ответил я. – Иначе почему бы в его честь батон называли? Подожди – а как это он его убил? В песне же поётся, что он бродит до сих пор.

- Призрак бродит по Европе, - прошептало над моим ухом леденящим голосом, - призрак коммунизма...

В этот момент на нас с обеих сторон обрушились тонны воды, которой, похоже, надоело изображать из себя крепостные стены. В первую секунду меня парализовало от неожиданного холода, и я просто болтался в бурлящем потоке, как деревянный болван. Потом я понял, что захлёбываюсь, и начал беспорядочно бить ногами и руками, насколько это было возможно в толще воды. А потом я вдруг вспомнил, что беспокоиться мне совершенно не о чем. Во-первых, не могу я нормально умереть в маразме. А во-вторых, и умирать не было причин, ведь воздух мне был совершенно не нужен. Я прекрасно обходился без него даже в космосе, а уж здесь и подавно. Да и вообще, что такое вода? Кислород да водород. Кислородом можно дышать, а водород использовать как источник энергии. Когда все эти мысли протекли сквозь мою голову, я перестал дёргаться, медленно опустился на дно и потихоньку продолжил свой путь в колонне остальных, преодолевая сопротивление воды и вдыхая её так же, как вдыхал бы воздух.

Шли мы довольно долго, но, наконец, над нами стало светлеть. Наши головы постепенно приблизились к поверхности, а затем и показались наружу.

Я сплюнул накопившуюся во рту воду и устало вышел на песчаный пляж, где меня поджидали остальные.

- Хорошая шутка с водой, - сказал Йок. – Мне понравилось.

- А мне – нет, - возразил Вам Кого, со шляпы которого струйкой стекала вода. – Чуть шляпу не унесло. Да и не для моего радикулита эта сырость.

- Ничего, - сказал Конотоп. – Солнце так и палит. Сейчас просохнем.

Мы двинулись дальше уже посуху. Наша дорога проходила по пустынным местам – глинисто-каменная выжженная солнцем местность, на которой кое-где виднелись сиротливые клочки травы.

- А куда мы идём-то? – спросил я минут через двадцать.

- Куда йокесы, туда и мы, - ответил Сам Дурак. – Если им повезёт, придём куда нужно.

- Между прочим, - заметил, обернувшись, Конотоп, - маразм растёт. У меня на приборчике уже 5 рахов. Да и невооружённым глазом видно.

И правда, местность становилась всё более нереальной. Гигантские холмы, между которых пролежала тропинка, шевелились, то поднимаясь, то опускаясь, и издавали звуки сиплого дыхания. То там, то здесь суетливо пробегали жиденькие кустики, иногда посвистывая и сбиваясь в группы. Небо раскрасилось в разные цвета и текстуры, так что теперь стало совсем непонятно, где просто небо, где облака, а где и вовсе туча.

- Не нравится мне всё это, - сказал Конотоп. – Я ещё не до конца просох, а тут, похоже, дождь намечается. И спрятаться негде.

- Как же негде? – встрепенулся Вам Кого. – Вон вроде деревенька.

Действительно, с ближайшего холма в нашу сторону сползала кучка кривеньких деревянных домиков, окружённых полуразвалившимися заборами. Тут как раз начало быстро темнеть, и с неба закапал дождь с каплями подозрительного бурого цвета.

- Ну что, попробуем найти ночлег? – спросил Вам Кого.

- Если желаете, - развёл руками скелет Йока Естера.

Вам Кого временно выбился в лидеры, быстро зашагав в сторону деревни. Все остальные последовали за ним.

Скоро мы оказались между домиками, на улочке, которая представляла собой колею, полную жидкой грязи. У одного из заборов мы увидели двоих бородатых мужичков солидного возраста, которые стояли возле груды деревяшек, сваленных на земле, и дружно чесали в затылках.

- Э... - сказал Вам Кого. – Бог в помощь.

- Благодарствуем, - сказал один мужичок. – А вы в комбайнах козлоуборочных случайно не разбираетесь?

- Да вроде бы нет, - ответил Вам Кого, слегка растерявшись. – А вы что хотели узнать?

- Да вот, - ткнул мужичок пальцем в груды деревяшек. – Думаем, можно из этого комбайн построить или нет.

- Можно, - сказал Йок Естер.

- Нет, - ответил Вам Кого.

- Ну, вот и мы так же думаем, - кивнул мужичок и продолжил задумчиво смотреть на дрова.

- А не подскажете ли, - перешёл Вам Кого к делу, - здесь где-нибудь можно остановиться на ночь?

- О, - сказал второй мужичок. – Вас же много. У меня точно не получится. У меня всего полторы комнатки в доме, четверо детей, да все разного полу.

- У меня тем более, - подтвердил первый. – У меня вообще дом только по чётным дням появляется, а когда последний чётный день был, я уже и не вспомню. Уж год как в туалете живу.

- Это вам если только к Упалычу, - сказал второй. – У него дом большой, а их всего двое.

- Да, к Упалычу можно, - согласился первый, почесав бороду и достав из неё компас. – Вот, видите, куда стрелка показывает?

- Разумеется, - сказал Вам Кого.

- Вот в том направлении идти примерно две минуты сорок секунд, - объяснил мужичок.

- Эээ, - не понял Вам Кого. – Это с какой скоростью?

- Да неважно, - отмахнулся бородач. – Сразу видно, что вы не местные. Ну, ещё и амёба с вами, тут таких не водится.

- Кхм, - сказал Вам Кого. – Ну что же, спасибо.

И мы двинулись в указанную сторону. Через некоторое время прямо перед нами из грязи поднялся высокий забор, а в нём распахнулась калитка. Мы прошли во двор и увидели достаточно приличный, хотя и старый, бревенчатый дом в два этажа с мансардой, крашенный в синий цвет, слегка поблёкший со временем. Вам Кого снял шляпу, стряхнул с неё воду, поднялся на крыльцо и постучал.

Прошло около минуты. Толстая деревянная дверь скрипнула и отворилась. Появился человек лет сорока, брюнет, хотя на висках волосы уже начинали седеть. Одет он был в тёплые ватные штаны, валенки, свитер и меховую жилетку, словно на улице стояла зима. Он был среднего роста, подтянут, чисто выбрит, и лицо казалось интеллигентным, гармоничным, не считая выпуклых, больших, широко расставленных глаз, которыми он некоторое время рассматривал нашу пёструю компанию.

- Здравствуйте, - сказал Вам Кого. – Вас зовут Упалыч?

- Предположим, - ответил хозяин дома после паузы.

- Видите ли, - продолжил Вам Кого, – на улице стемнело, и погода не располагает к прогулкам... У вас не найдётся места, чтобы переночевать?

Упалыч ещё раз нас рассмотрел.

- А слизняк ваш не нагадит? – поинтересовался он.
- Нет, - ответил Пых. – Я не в той фазе.
- Ну, проходите, - вздохнул Упалыч. – Придумаем, что с вами делать.
- Большое спасибо, - сказал Вам Кого, вытирая свои металлические ноги о драный коврик.

- Только я Лаврентий Степанович, - заметил Упалыч, входя в дом.
- А мужики на улице почему-то называли вас Упалычем, - растерянно сказал Вам Кого.
- Почему, почему... - пробормотал Упалыч злобно. – Потому что жена моя слишком языком треплет.

Мы вошли и оказались в просторной прихожей. На полу лежал выдавший виды ворсистый ковёр с узорами, напоминающими множество козлиных морд, а на потолке висела люстра в форме осьминога. На невзрачной тумбочке в углу, на розовой салфеточке, стояла поносного цвета фаянсовая ваза, из которой торчало растение, похожее на большой репейник.

Из коридорчика вело три двери. Упалыч махнул рукой в левую сторону:

- Можете там разместиться. Я пока занят. Сейчас новости будут, а потом выступление Семёна Ивановича. Я смотреть буду. Но, если хотите, можете присоединиться.

Мы переглянулись.

- Спасибо, - сказал Вам Кого. – Да, было бы любопытно посмотреть.

Вместе с Упалычем мы вступили в мрачноватую комнату справа, заставленную старинной мебелью. На стуле в углу сидела неподвижная полноватая женщина в малиновом халате. Я сначала подумал, что это манекен, но она вдруг шевельнулась и произнесла «Здравствуйте», после чего опустила взгляд и более не подавала признаков жизни.

Упалыч махнул рукой в сторону уродливого кожаного дивана и двух косолапых кресел, стоящих вдоль правой стены:

- Располагайтесь.

Мы послушно расселись по местам. Конотоп разлёгся на диване, Сам Дурак и я втиснулись рядом с ним. Цирикс и Вам Кого заняли кресла, Йок и Пахом уселись на валики дивана, а Пых растёкся по спинке, выставив наверх свою распухшую башку с непрерывно шевелящейся тычинкой.

- А вы неплохо живёте, - заметил Вам Кого.

- Да, - сказал Упалыч. – Я крепко стою на ногах. Но если как следует тряхнёт, никто не удержится.

Он сел на основательный деревянный стул с высокой спинкой, придвинутый практически вплотную к телевизору, и нажал на кнопку под экраном. Тяжёлый телевизор в старинном резном корпусе зашипел, по увеличенному линзой экрану побежали помехи. Упалыч взял лежащие рядом пассатижи и принялся с их помощью щёлкать каналами, издавая переключателем громкий хруст.

- Ага. Идут уже новости, - сказал он и уставился в экран.

В телевизоре появилось мутное чёрно-белое изображение диктора, который вещал, читая лежащую перед ним бумажку:

- ... перевернулся и планирует пойти ко дну. Все сто тысяч пассажиров лайнера считаются пропавшими без вести. Его Величество император Семён Иванович Дудиков в кратчайшие сроки лично наказал всех виновных и распорядился спасти пострадавших. На помощь терпящему бедствие судну спешит трёхмачтовый ледокол "Пипец России".

Муть за спиной диктора поменяла узор – видимо, в студии сменился фон, хотя разглядеть рисунок на экране было невозможно.

- Надо же, - пробормотал Упалыч, обернувшись к нам. – Лично распорядился!
- Кхе, - сказал Вам Кого. – Интересно, как ещё он мог распорядиться.
- И лично наказал, заметьте! – заметил Йок.
- Неужто розгами? – предположил Пахом.
- Есть много способов, - вставила Цирикс.

Йок захихикал и чуть не свалился с валика. Упалыч приложил палец к губам и зашипел.

- На Удодинской птицефабрике удонов, - продолжал диктор, - побит рекорд по жирности птичьего молока утреннего удоа. Массовая доля жира в молоке достигла уже девяноста шести процентов. В планах руководства как минимум двукратное повышение этих показателей до конца текущего дня.

- Это же только представьте себе, какой темп! – восхитился Упалыч.

- Представляю себе молоко такой жирности, - сказал Вам Кого.

- Так у них удоны будут камнями скоро доиться, - поддакнул Йок.

- А что такое «доиться»? – спросил Пых.

- Как-нибудь покажу, - сказала Цирикс.

Упалыч зыркнул на нас недобро, но промолчал.

- А теперь к международным новостям, - сказал телевизор. – Планета Тяпи продолжает свою политику наращивания военной мощи. Как стало известно нашей внешней разведке, они выпустили очередной космический танк, способный летать на батарейках. Министерство внешних сношений Земли готовит ноту протеста.

- Агрессоры, - проворчал Упалыч. – Когда они уймутся, наконец?

- Что за планета такая – Тяпи? – не понял Вам Кого.

- Да нет такой планеты, - ответил Йок. – Я все планеты знаю. Так, надо же что-то в новостях рассказывать, вот и выдумывают названия позакковыристей.

- Я и чудней могу придумать, - вмешался Конотоп. – У меня же с верблюдами здорово получалось.

- Тише! – возмущённо воскликнул Упалыч. – Сейчас Семён Иванович будет выступать.

На экране возникло изображение человека, сидящего за тяжёлым дубовым столом в короне и мантии. Лицо было трудно рассмотреть, но было ясно, что царь небольшого роста и ничем особенным не выделяется.

- Сморчок какой-то, - проворчал Вам Кого, но, почуяв на себе недоброжелательный взгляд Упалыча, примолк.

- Граждане Земли! - заговорил Дудиков. – Наша планета находится в тяжёлом положении. Нас окружают многочисленные враги, цели которых нам неизвестны, но намерения открыто враждебны и агрессивны. Всё, что мы им можем противопоставить – это нашу сплочённость и умение работать. Чем больше мы будем трудиться на благо планеты, чем больше отдавать, тем прочнее будет наша броня, и тем дальше будут стрелять наши пушки. Я не исключаю провокаций, диверсий и саботажа. Поэтому призываю вас быть бдительными. Не только по отношению к чужакам, но и ко всем, кто проявляет слабость, позволяет себе сомневаться в наших великих целях или просто плохо работает. С такими людьми надо обходиться жёстко. Как минимум брать на заметку и сообщать в соответствующие органы. Объявлять общественное порицание, бойкот и унижать всеми возможным способами, а в некоторых случаях и уничтожать. Сейчас не то время, когда мы можем проявлять слабость. Мы все должны действовать как один, исполняя общую волю. И я здесь как раз для того, чтобы указать, в чём именно заключается эта воля. Сейчас нам нужно быть как можно сильнее. Конечно, придётся напрячься и как следует затянуть пояса. Но каждая единица, собранная в виде налогов и штрафов, пойдёт на укрепление нашей планеты и её устрашающей обороноспособности. Спасибо вам за понимание и поддержку!

- Ну до чего же мерзкий тип, - сказал Вам Кого.

- Зато обороноспособность просто-таки устрашающая, - подтвердил Конотоп. – Я бы даже сказал, феерическая.

- Слово интересное, - заметил Пахом. – Семь букв «о».

- Семён Иванович, - сказал Упалыч, нахмурившись, - великий человек. Он столько для людей сделал, что и не сосчитать.

- Что, например? – уточнил Вам Кого.

- Он защищает нас от врагов, - ответил Упалыч. – И хоть какая-то стабильность при

нём. Надежду он людям даёт.

- Надежду – это да, сколько угодно, - согласился Вам Кого. – Сейчас отдайте последнее, а потом, когда-нибудь, будет хорошо.

- Так ведь враги кругом! – Упалыч выпучил глаза и развёл руками с растопыренными пальцами. – Разве же не видите, что творится?

- Да уж вижу, - отмахнулся Вам Кого. – Ну что же, друзья, - он встал с кресла и потянулся. – Может, мы скажем гостеприимному хозяину спасибо да отправимся спать?

Все молча повставали со своих мест и побрели в коридор. Нас ожидала пустоватая, но большая комната с полом, крашенным в тёмно-коричневый цвет, огромной кроватью и наваленной на ней кучей тряпья.

- Так, - сказал Вам Кого. – Чур, я на кровати. А матрацы и одеяла на пол побросаем, места много будет.

- Господин Председатель, - сказал Сам Дурак. – А зачем мы сюда пришли?

- Переночевать и дождь переждать, - простодушно ответил Вам Кого.

Сам Дурак указал мечом в сторону окна, где сквозь тюль пробивалось яркое солнце:

- Мне кажется, нам это уже не нужно. Я бы посоветовал убираться отсюда подальше.

- Отчего же? – не понял Вам Кого.

- Хозяин настроен недружелюбно, - объяснил Сам Дурак. – Кроме того, мне кажется подозрительным, что он неплохо выживает в маразме. Он же не йокес. Если я правильно понимаю, так здесь может существовать только тот, кто связан с Рубелем.

- Я тоже думаю, что снаружи нас ждёт хорошая драка, - скрежетнул Йок. – Я люблю драки.

- А не боитесь, что мы окажемся в меньшинстве? – спросил Сам Дурак.

- А чего мне бояться? – не понял Йок. – Смерти, что ли?

И он громко захохотал.

- Хорошо, - нехотя согласился Вам Кого. – Пошли отсюда. Вроде бы и вправду дождик прошёл.

Он зашагал к выходу и распахнул дверь на крыльцо, однако тут же отпрянул. Всё пространство до самого горизонта было забито вооружёнными людьми, которые быстро двигались в нашу сторону. Люди были разными. Среди них виднелись древние греки, фашисты вроде тех, которых мы уже встречали, полицейские в серой форме и многие другие, но подавляющее большинство толпы составляли высокие крепкие мужские фигуры в чёрных блестящих комбинезонах и шлемах с непрозрачными стёклами.

Во главе этой массы людей семенил Упалыч вместе с жирным полицейским, в котором я с удивлением узнал капитана Покобатько.

- Вот они, вот, - говорил Упалыч, остервенело вращая глазами. – Явно не нашенские, из подрывных. И каракатица с ними!

- Разберёмся, - сказал Покобатько, поправляя пояс на брюхе. – Ребята, взять их!

Упалыча и Покобатько обогнали несколько вооружённых щитами и дубинками людей в шлемах. Они запрыгнули на крыльцо, явно собираясь атаковать нас.

- Вперёд! – завопил Йок Естер и понёсся на врагов с ятаганом наперевес. От первого же его удара несколько фигур рухнули и сдулись, как воздушные шары.

Мы все резко рванулись вперёд, поспрыгивали с крыльца и ввязались в драку.

И, надо признать, меня охватил азарт. Возможно, потому, что битва оказалась знатной.

Больше всех впечатлял Йок Естер. Он играючи скакал между врагов, словно танцевал, а его ятаган между тем рубил целые ряды. Когда поблизости никого не оставалось, скелет поднимал пистолет и начинал стрелять в удалённые цели, а затем, когда прибывали новые противники, рубил и их.

Цирикс в основном стреляла из пистолетов, перезаряжая их каждые несколько секунд, а иногда использовала свои вакуумные заряды, разбрасывавшие нападающих по сторонам. Пахом кидался гранатами и пулял из базуки. Пых, раскрыв бритву, вращал ей в воздухе так

быстро, что она размывалась в сверкающие полосы, и вспарывал животы тем, кто пытался к нему приблизиться. Сам Дурак орудовал мокрым мечом, при этом параллельно постреливая бластером с левой руки. Конотоп поливал толпу врагов пулемётными очередями, а тех, кто подходил слишком близко, разрывал лапами на части. Вам Кого больше стрелял издалека, хотя порой ему приходилось пользоваться ногами или рукоятками пистолетов, чтобы ударить особо наглых, и я в очередной раз подивился его энергии и ловкости, которые не убыли ни от возраста, ни от гектолитров выпитой водки.

Ну, а что же я? Я держал палку двумя руками и раскидывал противников как мог. Два шага направо и применил цуки. Шаг вперёд – ути. Ещё один хараи, и двое в шлемах рухнули, как подкошенные.

- Володя! – воскликнул Вам Кого, пулей снеся голову подбежавшему фрицу. – Где вы так научились драться?

- Книжки читал про дзё-до, - выкрикнул я. – Правда, помню только слова, но в маразме и они работают.

- Вы молодец, - ответил Вам Кого, пробив дырку в чьём-то шлеме. – А я как-то пытался заняться айкидо. Но недолго, так что юбку не дали поносить.

Мы дрались отчаянно и решительно. Однако очень скоро мне стало ясно, что сила не на нашей стороне. Атаковавшие нас существа в чёрных комбинезонах прибывали гораздо быстрее, чем мы успевали с ними расправляться. Кольцо вокруг нас постепенно уплотнялось и начинало сжиматься.

- Володя! – позвал Вам Кого, всматриваясь вдаль и при этом наугад стреляя через плечо назад. – Вы видите всадника там, на холме? Меня зрение подводит или...

- Да, - ответил я, отпихивая очередного болвана тычком в шею, - это Свази. Сидит на страшной худой кобыле и смотрит в бинокль прямо на нас.

- Вот скотина, - прошипел Вам Кого. – Как бы до него добраться да придушить...

Он пальнул пару раз вперёд, но тут же чертыхнулся – в одном из револьверов закончились патроны.

- Пахом, - крикнул Вам Кого. – Есть патроны для револьвера?

- Нет, - отозвался Пахом, отбрасывая базуку и доставая из сумки помповое ружьё. – Как и снарядов для базуки.

- С пулемётом та же фигня, - отозвался Конотоп из кучи малы навалившихся на него фигур в чёрном. Через секунду он их раскидал, заодно сбросив с себя и ставший ненужным пулемёт.

Я отвлёкся на него и получил дубинкой полицейского по уху. Пара движений палкой, и противник превратился в лопнувший воздушный шарик.

Однако же их было слишком много, и я еле успевал отбиваться.

- Позвольте-ка, - послышался тихий шёпот возле моего уха, и в пространстве нарисовалась неясная тень с днехт-пушкой.

Родиус выстрелил, забрызгав красной тягучей жидкостью всё вокруг, а потом снова растворился в воздухе.

- Ложись! – закричал Сам Дурак, и первым сиганул лицом на землю, отпрыгивая подальше от красного пятна. Я последовал его примеру. Громыкнуло.

- Ага! – воскликнул Вам Кого за моей спиной. – Путь свободен!

Я вскочил и метнулся вслед за ним, в сторону Свази, однако на моём пути встал улыбающийся капитан Покобатько.

- Сбежал из-под ареста? – ехидно спросил он. – А мы тебе ещё сейчас пару пожизненных накатим...

Я стрельнул из флистера, но увидел, что зелёный огонёк отскочил от невидимого защитного поля, окружающего Покобатько. Он тем временем направил на меня пистолет, и я лихорадочно начал соображать, что мне известно про защитные поля. Однако внимание капитана Покобатько привлекло нечто за моей спиной, отчего он отвёл пистолет в сторону и отшатнулся. Я обернулся и увидел, что в паре метров от меня, справа, покачивается Пых с

головой, раздувшейся до диаметра полутора метров.

- Ааа! – пищал он. – Я не могу больше! Рожая!

Голова его лопнула, прорвавшись по периметру и выплеснув мощные брызги зеленовато-белой липкой жижи.

Я успел прикрыть лицо рукой, но от запаха это меня не спасло. Воняло как из выгребной ямы. К тому же мои ступни тоже забрызгало слоем слизи, и я прилип к земле.

Часть белой гадости стекала по защитному полю Покобатько, полностью закрыв ему обзор, а ещё немного попало внутрь, покрыв пятнами его форму и коробочку на поясе, излучающую поле. Посыпались искры, и сфера защитного поля замерцала в воздухе, становясь периодически видимой.

Я воспользовался моментом и резко ткнул палкой в сторону Покобатько, который тоже, похоже, надёжно приклеился подошвами. Палка легко преодолела поле, а затем без всякого сопротивления, словно в масло, воткнулась в его брюхо. Оно неожиданно лопнуло, и Покобатько рухнул наземь, а из его живота выпрыгнул маленький козлёнок.

- О Боже, что за безумие... - пробормотал Вам Кого.

Сначала я подумал, что его слова относились к козлёнку, но, взглянув в его сторону, понял, что у Вам Кого были другие поводы возмущаться: во-первых, он стоял по щиколотку в луже спор Пыха, а во-вторых, отчаянно отбивался с помощью рукояти револьвера от нападающих на него разнокалиберных птиц.

Из туловища Покобатько выпрыгнуло ещё несколько козлят, которые попытались прошмыгнуть между прилипшими к земле чёрными истуканами, но прилипли и сами. Ближайший ко мне противник попытался достать меня дубинкой, но не дотянулся, а лишь рухнул на землю и приклеился теперь уже коленями и ладонями. Я видел, как Цирикс включила огнёмёт в палец и хочет выжечь землю вокруг себя, чтобы освободиться.

- Не надо! – запищал Пых, который уже собрал свою уменьшившуюся голову в комочек и ползал по собственным выделениям. – Они же живые!

- Если мы все сейчас не освободимся, то будем мёртвыми, - возразила Цирикс, хотя огнёмёт отключила.

И правда, сквозь строй приклеившихся к земле врагов пыталась пробиться целая толпа новых. Они спотыкались друг о друга, роняя шлемы и выпуская воздух, лезли друг другу по головам и снова приклеивались.

Вам Кого, наконец, отбилась от птиц и, запыхавшись, спросил:

- А это ещё что такое?

Над нами нависала огромная чёрная тень. Я поднял голову и с первого взгляда узнал «Лакеру», которая была нами уничтожена в космосе, кажется, месяц назад. Хотя почему я решил, что прошёл именно месяц? В каждой точке маразма, для каждого населявшего его существа и предмета время шло по-своему. Может быть, «Лакера» оказалась целой просто потому, что для неё момент гибели ещё не наступил?

Лаки дали мощный залп по равнине перед нами. Раздались взрывы, в воздух взлетели ошмётки от наступавших кукольных полицейских.

- Папа! Папа! – послышалось из-под моих ног. Я ошарашенно поглядел на землю и увидел множество маленьких пищущих зеленоватых существ, похожих на комочки слизи. Прямо на глазах липкая субстанция, покрывающая землю, превращалась в тысячи живых подобий Пыха, которые лезли к своему отцу, а он протягивал им навстречу свои щупальца.

- Здравствуй, Володя-кирдык, - сказали рядом.

Я повернулся, радуясь тому, что мои ноги уже свободны, и увидел зависшую передо мной чёрную блестящую чашу. Из неё высовывалась голова с огромными белёсыми глазами.

- Олакур! - удивился я. – Ты же погибла! Или это было в другой временной ветке?

- Нет, Володя-кирдык, - ответила Олакур. – Ты, должно быть, забыл, что я умею предсказывать будущее. Я знала, что «Лакера» будет уничтожена, и покинула её сразу после разговора с тобой.

- Ты же не умеешь летать, - вспомнил я.

- Я не умею, - согласилась Олакур, - а вот моё инвалидное кресло отлично летает.

- А Лаки? – не понял я. – Всех же истребили. Я видел, как «Лакера» развалилась на куски.

- Это новая кладка, - сказала Олакур. – У Лаков всегда в запасе много законсервированных яиц. «Лакеру» мы воссоздали по чертежам. Зато теперь я одновременно и Олакур, и старейшина. Я сама определяю, как лакам следует поступать. И поэтому мы здесь.

Сполохи взрывов, производимых «Лакерой», удалялись, и я видел, что пространство перед нами стало практически свободным от врагов.

- Иди, Володя-кирдык, - сказала Олакур. – Тебе надо продолжать драку. Это помогает верить, что наступит победа. А я вернусь к своим соплеменникам.

- Спасибо, - сказал я.

Чаша взмыла вверх, а я побежал вслед за Вам Кого, который бодро двигался вперёд в сторону Свази, отпихивая ногами и кулаком попадающихся противников.

Я присоединился к нему, помогая палкой и флистером.

- Я доберусь до этого лохматого уroda, - проворчал Вам Кого. – У меня ещё есть пара патронов...

«Лакера» летела чуть впереди нас, почти приблизившись к холму, где на лошади восседал гордый Свази. Я уже очень хорошо мог его разглядеть. Свази взял мегафон, услужливо поданный ему высоким крепким помощником в кепке, и сказал в него:

- Слушайте меня все! Я советую прекратить огонь. У меня в руке бомба, которая может уничтожить всё на расстоянии ста километров вокруг. Она собрана самим Рубелем, так что я не сомневаюсь в её эффективности. Если вы через десять секунд не сложите оружие, я нажму кнопку.

Свази поднял над головой чёрную пластиковую коробку, на которой выделялась полусферическая красная кнопка.

- Неужели он это сделает? – пробормотал Вам Кого, остановив свой бег.

Внезапно невысокая фигурка, одетая в такой же чёрный комбинезон со шлемом, как и большинство врагов, подпрыгнула рядом с лошадьё Свази и мастерским ударом меча снесла ему голову.

- Вот ведь чудеса! – воскликнул Конотоп. – Да это же Кентел! Кентел, молодчина!

- И правда, отлично сработано, - подтвердил Вам Кого.

И в самом деле, это был Кентел. Он скинул с себя шлем и поднял с Земли мегафон и чёрную коробочку.

- И всё-таки, - сказал он многократно усиленным голосом, - очень интересно...

Кентел нажал на красную кнопку.

Оглушительный взрыв пролетел сквозь нас, размазав по пространству и принеся ослепительную темноту.

Глава 7. Свой среди своих

Уж не знаю, как там с точки зрения официальной медицины, но чисто на бытовом уровне мне давно уже было понятно, что психические отклонения – штука заразная. Вы никогда не работали в коллективе, где заикается несколько человек? Практически невозможно не начать заикаться. А, скажем, коррупция? Если все поголовно берут взятки, даже самый честный человек может начать их или брать, или хотя бы давать. Что уж тогда говорить о маразматическом пространстве? Невозможно прожить в этом безумии даже пару часов и хоть немного не тронуться. Впрочем, нет, возможно, если ты уже был не вполне нормален.

Я очнулся на чёрной обгорелой земле, усыпанной клочьями чёрных комбинезонов, осколками шлемов, перьями, рогами и копытами. Голова гудела, всё тело казалось чужим и тяжёлым. Рядом бормотал Вам Кого:

- Всё-таки хорошо, что вас два брата. У одного идеи кретинические, а другой всё, что хочет, то и делает. А представьте, если бы был один брат?

- Что-то я после взрыва плохо тебя понимаю, Вам Кого, - отозвался Конотоп. – Ты о чьём брате говоришь?

- Да о вашем с Кентелом, - ответил Вам Кого.

- У нас нет брата, - возразил Конотоп.

- Так и я об этом! – Вам Кого встал с земли и попытался отряхнуть весь перепачканный пеплом белый костюм. – Володя, что вы валяетесь? Поднимайтесь. Экий вы у нас впечатлительный.

Я встал. Голова закружилась. Вокруг всё ещё витали клубы дыма. Насколько я мог видеть, все наши уцелели. Цирикс снова правила свою внешность с помощью набора баночек. Кентел сидел рядом с Конотопом, обняв его за шею. Пых образовал из своего тела нечто вроде горки, по которой катались тысячи его маленьких копий. Пахом проводил ревизию своей сумки с оружием. Сам Дурак держал на кончике меча голову Свази, которая корчила рожи и клацала зубами. Йок Естер стоял на небольшом возвышении, жонглируя несколькими полицейскими дубинками.

- А лаки где? – спросил я, не увидев нигде корабля.

- Полетели на разведку, - ответил Вам Кого. – Поскольку нас здорово потрепало и ресурсы наши ограничены, не хотелось бы лезть на рожон.

- Пых, - сказал Йок, - я думаю, тебе нужно улетать. У тебя теперь потомство, тебе воевать нельзя.

- К сожалению, да, - пропищал Пых. – Вынужден буду вас оставить.

Я задумчиво наблюдал, как Пых трансформируется в большой плоский блин, давая возможность забраться на него многочисленным отпрыскам, а затем сворачивается в узелок.

- Желаю вам удачи, - пискнул он. – И чтобы этот маразм, наконец, закончился. Не лучшая среда для воспитания. Пока!

И образовавшийся бело-зелёный шар резко взмыл в воздух.

- Он ещё и летать умеет, - пробормотал я.

- Вами я тоже восхищаюсь, Володя, - сказал Вам Кого. – Так здорово дрались, да ещё и с тяжелой сумкой!

Я только сейчас вспомнил, что у меня за спиной болтается сумка с Семнадцатой Плитой. Я вообще воспринимал происходящее вокруг словно сквозь дымку. Может, сказывались последствия взрыва. Может, я устал от нашей бестолковой беготни. А может, я просто потерял ощущение реальности, и от этого мне стало всё равно. В конце концов, что мне за дело до того, каким числом выражается текущая степень маразматичности? Живу ведь, ставлю себе разные цели, выполняю их с переменным успехом. Примерно как в обычной жизни. В чём разница?

- Верните мне моё тело! – заорала голова Свази, насаженная на кончик мокрого меча. – И прекратите шею щекотать!

- Заткнись, - сказал Вам Кого. – Сам Дурак, а куда ты его тело дел?

- Похоронил, - ответил Сам Дурак.

- А голову что оставил? – не понял Вам Кого.

- Так задохнётся же, - сказал Сам Дурак. – Мы ж не садисты.

В небе появилась чёрная треугольная тень.

- Лаки пожаловали, - проворчал Вам Кого. – Ни у кого нет случайно водки?

Пахом достал из сумки бутылку и протянул Вам Кого.

- Благодарствую, - сказал Вам Кого и принялся откручивать пробку.

Тем временем «Лакера» снизилась, и от неё в районе днища отделилась чёрная точка, летящая к нам. Это была Олакур в своей инвалидной чаше.

- Здравствуйте, - сказала она. – Как я и предполагала, нам очень непросто будет подобраться к дворцу. Очень много войск разбросано вокруг, у дворца установлены зенитки, целый аэродром перехватчиков и боевых кораблей, а непосредственный периметр охраняют несколько гигантских человекоподобных роботов.

- Понятно, - сказал Йок Естер. – Пахом, что у нас с оружием?

- Бритва затупилась, патроны практически все закончились, - ответил Пахом. – Так что осталось холодное оружие, один флистер и два бластера.

- У меня ещё пара гранат, - сказал Конотоп, зевнув.

- А у меня шнурки! – выкрикнул Кентел диким голосом.

- Если бы не ваш маразм, я бы, не задумываясь, пошёл на штурм, - сказал Йок Естер. – А теперь, кажется, в лоб не получится. Есть какие-то идеи?

- Есть, - сказал Сам Дурак. – Свази, вы бывали во дворце царя?

- А вам-то какое дело? – нахмурилась голова. – Да, был один раз.

- Вы знаете способ пробраться туда в обход охраны? – спросил Сам Дурак.

- А если скажу, вернёте мне тело? – спросил Свази.

- Да, - сказал Сам Дурак. – И голову сжигать не будем.

- Хорошо, - сказала голова. – Я покажу.

- Выдвигаемся! – крикнул Вам Кого, сделав большой глоток.

- Что нам делать? – спросила Олакур, покачиваясь в полуметре над землёй.

- Думаю, ничего, - сказал Йок. – Ждите нас здесь. При необходимости мы вас вызовем.

- Каким образом? – уточнила Олакур.

- Ха-ха! – Йок Естер подпрыгнул и закрутился в воздухе. – Я думаю, что мы найдём способ устроить фейерверк.

- Прошу прощения, - послышался голос из-за моей спины.

Я обернулся и увидел Упалыча, который стоял перед нами весь чистенький, словно в воздухе не витали густые клубы пепла и пыли.

- Кто заплатит мне компенсацию за повреждённый дом? – спросил он.

- Ну, знаете! – возмутился Вам Кого, надевая испачканную и помятую шляпу. – Уж на нас нечего валить. Вы сами эту бойню устроили со своими поделниками.

- А мне кажется, - сказал Йок Естер, - что Лаврентий Степанович в чём-то прав. Ну, насчёт компенсации за дом, конечно, перебор, но за гостеприимство мы обязаны отплатить.

Он отбросил в сторону дубинки и, пританцовывая, приблизился к Упалычу. Справа и слева от него возникли Пахом и Цирикс, словно по мысленному приказу Йока схватив Упалыча за руки.

- Что вы делаете? – беспокоился Упалыч, неуверенно пытаясь вырваться.

- Благодарим вас от души, - сказал Йок.

Он поднял с земли обгорелую воронью тушку и засунул за шиворот Упалычу. Затем набрал в горсти пепла попеременно с грязью и высыпал ему на голову. Потом осыпал его перьями, отчего Упалыч стал похож на ощипанную подгоревшую курицу.

- Я буду жаловаться, - дрожащим голосом пролепетал Упалыч. – У меня связи...

- Это пожалуйста, - согласился Йок. – Нам реклама будет.

Затем он внезапно схватил Упалыча руками за жилетку, легко оторвал от земли и швырнул. Фигура Упалыча со свистом скрылась за горизонтом.

- Куда ты его? – спросила Цирикс.

- В открытый космос, - ответил Йок. – Пусть там крепко постоит на ногах. В маразме всё-таки есть положительные стороны. Здесь никого нельзя по-настоящему убить, так что шутить можно вволю.

- Может, отправимся уже? – спросил Вам Кого.

- Я не прочь, - кивнул Йок.

- Куда нам идти? – спросил Сам Дурак у головы Свази.

- Нужно ущелье, - сказал Свази. – Глубокое, подходящее близко к горе, на которой

построен дворец.

- Мы видели его, - подтвердила Олакур. – Это в том направлении, - она махнула плавником направо от меня. – Что ж, мы остаёмся. Удачи вам.

- Пока, - сказал я.

И мы двинулись по обгорелой земле в сторону, указанную Олакур. Впереди всех шагал Йок, неся в руках ятаган и несколько дубинок. Постепенно дымка рассеивалась, и мы вышли на слегка заросший травой просёлок. Здесь я потёр глаза, потому что очертания дороги стали расплывчатыми. Однако через секунду я понял, что дело не в глазах. Собственные руки и своих спутников я видел чётко, а вот окружающее пространство потеряло резкость.

- Что происходит? – спросил я, остановившись. – Вам Кого, у вас тоже дорога расплывается?

- Ну, если эту грудку камней можно назвать дорогой, - вздохнул Вам Кого, - то да.

- Грудку камней? – не понял я.

- Любопытно, - заметил Йок. – А я вижу песчаный пляж и поверхность океана. Тоже не вполне резко.

- Ну, учитывая, что у тебя нет глаз, это хорошо, что ты вообще что-то видишь, - заметила Цирикс. – А я нахожусь в городе.

- А я глаза закрыл, - хихикнул Кентел, сидящий верхом на Конотопе.

- Мы спускаемся в ущелье, - сказала голова Свази. – Так что мы почти пришли.

Как только Свази это произнёс, просёлок растворился в воздухе, и я отчётливо увидел, что мы спускаемся по тропинке в глубокое ущелье между поросших мхом скал.

- Что-то мне неуютно от этих оптических иллюзий, - пожаловался я.

- Маразм зашкаливает, - сказал Конотоп, приближаясь ко мне сзади. – Вон, видите, что на приборчике?

Я наклонился над ошейником Конотопа, где был закреплён прибор, но тут с экрана на меня вылезла зубастая собачья морда и отрывисто сказала «Гав!»

- Чёрт! – выкрикнул я. – У меня чуть сердце не лопнуло.

- Володя, да перестаньте, - отмахнулся Вам Кого. – Сколько уже можно так переживать из-за ерунды?

- Пришли, - сказал Свази. – Вот эти вагонетки доставят нас во дворец.

По дну ущелья пролежала ржавая колея железной дороги, на которой стояло три маленьких вагончика, предназначенных скорее для песка или цемента, чем для людей. Мы рассредоточились по вагонеткам.

Сам Дурак, расположившийся вместе с головой Свази и Вам Кого в переднем вагончике, нажал кнопку, и составчик пополз вперёд.

- Вот объясни мне, Свази, - заговорил Вам Кого. – А ты ради чего оказался на службе у Моргена? Он тебе денег, что ли, заплатил? Или ты решил встать на сторону сильного?

- Ну, не на вашу же сторону мне вставать, - огрызнулся Свази. – Ваш Ясоний меня уколошил. А Морген, наоборот, оживил.

- Тоже мне услуга в маразме – оживить, - хмыкнул Вам Кого.

- Между прочим, я вас не убивал, - возразил я. – Вы сами с крыши свалились.

- С моей точки зрения – убил, - буркнул Свази. – Если хочешь, выскажи свою.

- Так я же и высказал... - пробормотал я.

Мы опускались всё глубже в ущелье, и вдруг я увидел, куда мы едем. Далеко впереди над горами возвышалось огромное сооружение, очертаниями напоминающее пирамиду.

- Если оно отсюда кажется таким громадным, - сказал Вам Кого, - то какое же оно вблизи?

Аналогия с египетскими погребальными сооружениями напрашивалась сама собой. Я вспомнил многочисленные теории о том, что пирамиды построены то ли пришельцами, то ли могущественной древней цивилизацией. Уж не знаю, кем они на самом деле построены, но совсем не нужны пришельцы, чтобы воздвигнуть таких исполинов. Рабский труд и

неограниченная власть способны сотворить что угодно. И как раз в подобных монстров вкладывают много сил и жертв. Вот, скажем, здание Московского университета выше пирамиды Хеопса...

- Ворота, - перебил Сам Дурак мою мысль. – Как они открываются?

Колея железной дороги уткнулась в перекрытый тяжёлой железной створкой въезд в тоннель.

- Их изнутри открывают, - объяснила голова Свази. – Смотрят, кто едет, и открывают. А ну-ка, подними меня повыше.

Сам Дурак поднял меч с насаженной на него головой высоко вверх и повернул голову лицом к воротам.

- Эй вы, там! – крикнул Свази. – Открывайте уже. Вы не видите, что ли, что это я?

Ворота скрипнули и неторопливо поползли вверх. Вагонетки тронулись, заползая в мрачноватый туннель в недрах горы.

- Э! – забеспокоился Свази. – Опустите меня, а то задену опять потолок.

Сам Дурак послушно опустил меч, и затем мы долго ехали по туннелю, который вился самым причудливым образом, словно был прокопан пьяным червём-эпилептиком.

Вас, уважаемый читатель, должно быть, раздражает, когда я вдруг посреди действия обращаюсь к вам вот так, но иногда мне приходят в голову мысли, которыми я просто не в состоянии с вами не поделиться. Вот, сейчас, к примеру, мелькнула у меня в голове некая мысль, но я её забыл.

- Дальше куда? – спросил Сам Дурак, остановив поезд.

Дорога разветвлялась, и возле путей виднелся длинный рычаг механической стрелки.

- Я дальше не знаю, - сказал Свази. – Я тут без сознания ехал.

- Вот чёрт, - возмутился Вам Кого. – Всё-таки зря я не купил сушёных червяков! Сам Дурак, езжайте уж, куда стрелка включена. Будем надеяться, что они тут ездят иногда.

- Как скажете, Председатель, - Сам Дурак пустил поезд вперёд.

Постукивая колёсами по стыкам рельсов, мы плыли в полумраке дальше. Скоро тоннель стал потихоньку расширяться, образуя обширную пещеру с низким и причудливо плоским потолком. Позади меня что-то громко лязгнуло. Я обернулся и увидел, что за поездом закрылись тяжёлые ворота, похожие на те, которые впустили нас внутрь горы.

- Что-то не нравится мне это, - сказал Сам Дурак.

Не успел он это сказать, как состав дёрнулся и замер.

- Путь кончился, - заметил Сам Дурак. – Придётся вылезать.

Я выпрыгнул из вагонетки на каменистый пол пещеры. Или это был всё-таки зал?

Кстати, вспомнил. Я хотел сказать, уважаемый читатель, что плавание на моей утлой лодочке по Лете в роли Ясония – тьфу, в роли Харона, я хотел сказать - не прошло для меня даром, и иногда в моей голове рождалось смутное предчувствие того, что должно вскоре произойти. И вообще, я стал более спокоен – может быть, потому, что подсознательно я знал, что нас ждёт впереди. Интересно, между прочим, что значит слово «утлой»? Надо будет посмотреть в Википедии. Ну, или в словаре Ожегова, раз тигры против Википедии возражают.

- Ладно, - сказал Вам Кого, - пойдём дальше пешком. Свази, а вам тоже пришлось поезд бросать, когда вы в прошлый раз ехали?

- Да не знаю я! – огрызнулся Свази.

Мы побрели вглубь пещеры, вглядываясь в сумрак.

- Что-то я ничего не понимаю, - пробормотал Вам Кого. – Мы в правильную сторону идём? Сзади же был наш поезд.

Я обернулся. Со всех сторон нас окружала совершенно одинаковая темнота. И тут над потолком заверещал, заскрипел огромный механизм.

- Ага! – раздался сверху громкий, усиленный динамиками низкий голос. – Попались, голубчики...

Потолок пещеры, отливая металлическим блеском, уверенно двигался вниз.

- Кто это там вякает? – крикнул Вам Кого.

- Меня Калюжа зовут, - ответил голос. – Я начальник этого пресса. Он специально сделан для таких, как вы, которые вынюхивают и подрывают.

Потолок стукнул меня по голове, так что мне пришлось сначала пригнуться, а потом и плюхнуться на четвереньки.

- Так он, пожалуй, нас раздавит, - пробормотал я.

- Да чёрта им лысого! – сказал Йок Естер. Он сел рядом со мной и отделил от своей ноги самую крупную кость. – Большая берцовая кость обычного человека выдерживает вес в полторы тонны. Посмотрим, сколько может выдержать моя.

Он поставил кость торчком. Потолок пресса через несколько секунд коснулся её и замер. Было слышно, как лязгают шестерёнки, что-то скрипит. Пресс трясся и больше не двигался вниз.

- Погодите! – раздался голос Калюжи. – Сейчас я давление подбавлю.

Раздалось шипение, затем потолок дрогнул, а потом стал крениться набок. От уткнувшейся в него кости пролегла извилистая трещина. Затем хрустнуло ещё, и половина потолка поползла вверх, а сквозь трещину хлынул поток воды.

- Ну, всё, - подвёл итог Йок, возвращая кость на место. – Доказано, что я круче, чем этот идиот с прессом. Пошли.

Мы вскочили и двинулись по колено в набегающем потоке воды к дальнему концу пещеры, где я разглядел вход в очередной коридор.

- Что ж вы наделали? – заорал Калюжа из динамиков. – Вы самый главный пресс испортили! Меня же теперь премии лишат!

- Если попадёшься мне, ещё и башки лишишься, - пробормотал Вам Кого. – Как некоторые.

- Это вы на меня намекаете? – поинтересовалась голова Свази. – Зато у меня мозги есть, в отличие от вас.

- Мне не нужны мозги, - ответил Вам Кого. – Да и вам не оченьгодились, смотрю.

- Сейчас увидим, - сказал Свази.

Внезапно из тёмного коридора, к которому мы приближались, выскочило крупное волосатое существо, покрытое комьями грязи. Оно метнулось к Сам Дураку, молниеносно сорвало голову Свази с кончика его меча и, перекатившись, словно акробат, отбежало в сторону. Только тогда я понял, что это и было туловище Свази. Оно приставило голову на место, и получившаяся в результате обезьяна усмехнулась, глядя на нас:

- А теперь, ребята, в атаку!

Из коридора повалили уже знакомые нам бестелесные полицейские в шлемах. Йок с Сам Дураком синхронно взмахнули оружием, уложив не менее десятка врагов. Я прицелился было флистером в то место, где только что стоял свежесобранный Свази, но тот уже успел куда-то исчезнуть.

Из коридора наступали всё новые болваны. Я стрельнул пару раз флистером, затем перешёл на дзё-до. Цирикс дралась руками и ногами, срывая врагам шлемы и раздирая комбинезоны. Кентел тоже махал мечом, правда, чаще разрубая пустоту, а не врагов. Потихоньку мы продвигались, и скоро вошли в коридор. Похоже, противники на этот раз закончились быстрее.

- Интересно, однако, - сказал Сам Дурак, - доберёмся ли мы этим путём до Моргена?

- Если будем верить в результат, - ответил Вам Кого, - то непременно.

И мы уверенно понеслись вперёд с оружием наготове. Скоро тоннель вывел нас на огромный висячий мост, проложенный через пропасть, по дну которой бежала ярко-оранжевая в полоску вулканическая лава. Я поднял голову вверх и увидел, что такая же река лавы течёт и над нашими головами, словно гравитация на этом участке действовала в обоих направлениях.

Сам Дурак подошёл к краю моста и осторожно попробовал наступить на него ногой. Мост качнулся, и составляющие его доски дружно столпились у нашего края.

- Что-то здесь нечисто, - сказал он. – Не доверяю я этому мосту. Володя, у вас сохранилась ваша верёвка?

- А то, - сказал я, извлекая из сумки замызганную грязью верёвку.

Сам Дурак привязал к концу верёвки небольшой камушек и швырнул его на противоположный берег пропасти. Камень достиг дальнего края моста и полетел обратно.

- Что-то здесь с силой тяжести неправильно, - сказал Сам Дурак, поймав камень. – Вам Кого, вы уверены, что нам надо туда переправиться?

- Ну а куда же ещё? – не понял Вам Кого.

Сам Дурак швырнул камень ещё раз, заставив его застрять между выступами скалы на другом берегу.

- Ну, - сказал он, - тогда хватайтесь.

Он взялся за верёвку и ступил на мост. Похоже было, что гравитация действует навстречу нам, поскольку Сам Дурак наклонился вперёд и упёрся носками ног в разъезжающиеся доски моста.

- Осторожно, - сказал он. – Здесь не так-то просто удержаться.

И он пополз через пропасть, обхватив верёвку ногами.

- Эх, - Вам Кого поплевал на руки. – Вспомним молодость! Давненько я по канатам не лазил.

- Как это давненько? – пробормотал я. – Нам же в космосе приходилось.

Я тоже ухватился за верёвку и начал карабкаться по ней, постепенно понимая, что верх находится как раз там, куда я двигаюсь, а пропасть лавы окружает нас со всех сторон. Сила тяжести, похоже, не только действовала в неправильном направлении, но и была чрезвычайно большой, поскольку я еле мог из последних сил подтянуться на верёвке. Я посмотрел вниз. Под моими ногами болтались, словно лампочки на гирлянде, все остальные. Особенно комично выглядел Конотоп, вцепившийся в верёвку когтями, зубами и хвостом.

- Володя, - сказала Цирикс, высунувшись из-за моих кроссовок, – что вы там застряли? Вам помочь?

- Не надо, - просипел я и напрягся.

Я подтянулся вверх и вдруг почувствовал, что направление гравитации изменилось на девяносто градусов. Ноги мои оторвались от верёвки, и я повис, болтая ими в воздухе. Далеко под ними переливалась, булькая и пузырясь, пятнистая дымящаяся лава. Рядом висел Вам Кого, ухватившись за верёвку ногами и одной рукой, а второй пытаясь надеть на голову свалившуюся шляпу.

- Чёрт знает что, - проворчал он. – Никакой стабильности!

- Что опять происходит? – услышал я вдруг шипящий голос рядом с собой.

Я взглянул на край пропасти, куда мы пытались двигаться, и увидел, что верёвка, извиваясь, пытается освободиться из расщелины, куда её забросил Сам Дурак. Чёрт побери, да это, похоже, была та самая живая верёвка, которой я был связан в сарае у Рахов!

Она высвободила голову с чёрными глазками-угольками и, словно змея, заструилась в воздухе, унося нас в бездну.

- Вы опять хотите меня сжечь? – прошипела она. – Ничего не выйдет.

Мы летели в пропасть, ухватившись за безумную шевелящуюся верёвку, а впереди нас ждало горячее море лавы.

- Белеет ворон одинокий! - выкрикнул Кентел, отпуская руки и приземляясь ногами в лаву. - В тумане голубя морском!

Он стоял на лаве как ни в чём ни бывало, будто это был твёрдый пол. Увидев это, я тоже отцепился от верёвки и плавно опустился вниз. Мои ноги ощутили твёрдую надёжную поверхность, которая выглядела и вела себя совершенно как лава, но при этом оказалась на ощупь холодной и прочной.

- Фу! – сказал Вам Кого, приземляясь рядом со мной. – А я уж думал, что опять умирать...

Верёвка извилистой молнией разрежала воздух и прямо сквозь стену упорхнула прочь.

Я потрогал стену рукой и убедился, что рука сквозь неё не проходит: для меня стена вполне существовала. Мы находились в большом бесформенном помещении, которое всё целиком было образовано этим странным лавоподобным материалом. Нигде не было видно ни двери, ни люка, да и того моста, с которого мы только что упали, уже не наблюдалось.

- Ноги вытирайте! – раздался грозный старушечий голос сверху.

По выбитым прямо в лаве ступеням к нам спускалась коротенькая толстая бабка в синем рабочем халате и потрёпанной косынке неопределённого цвета. В одной руке она несла ведро, а в другой – огромную швабру.

- Э... - промямлил Вам Кого. – Обо что же их тут вытирать?

- Шляются тут, - проигнорировала его замечание уборщица. – Одна грязь от вас. Тот здесь намусорят, то там. И ведь ходят все в сапожищах. Прямо с улицы так и прут.

Она макнула швабру в ведро и принялась остервенело тереть лаву возле моих ног.

- Извините, - покраснел я, заметив, что мои кроссовки, и правда, не очень чистые.

- Уж скорее бы все люди вымерли, - продолжала ворчать уборщица. – От них одна только грязь. И хоть бы кто за собой подтёр. Нет, все без тряпок ходят. Одни только сопли, слюни, жвачки да окурки. А то ещё, не приведи Бог, фантики от конфет.

- Простите великодушно, - обратился к женщине Сам Дурак. – Если вы так людей не любите, то, должно быть, и царя тоже?

- А за что его любить? – встрепелась бабка. – Ничем не лучше других. От него грязи ещё больше. Вы и представить не можете. Ночью на подушку слюни пускает, в унитаз гадит, потеет, сморкается... Фу! А тут ещё недавно кость от рябчика на пол уронил. Так бы и убила.

- Может, вы покажете к нему дорогу? – поинтересовался Сам Дурак. – Мы уж с ним разберёмся.

- А что тут показывать? – буркнула уборщица. – Прямо по коридору.

Она ухватила рукой за выступ лавы в полу, который внезапно оказался дверной ручкой, открыла мгновенно появившуюся дверь, и мы увидели длинный коридор.

- Спасибо! – сказал Сам Дурак, но уборщицы уже не было. Мы стояли посреди тёмного коридора, бесконечно уходящего в обе стороны.

- Интересно, прямо – это куда? – спросил Вам Кого. Он метнулся сначала направо, потом, резко развернувшись, налево.

- Тихо! – скомандовал Сам Дурак. – Слышите? Нам туда.

Из правого конца коридора раздавался тихий шипящий звук, словно бы из воздушного шарика выходил воздух. Мы двинулись в том направлении. Нам навстречу пахнуло холодом, и в воздухе завертелись снежинки вперемешку с шоколадным драже, которое довольно болезненно стучало меня по голове, так что я поймал несколько штук и злобно съел.

Коридор становился всё уже. Мы протискивались боком, по одному. Впереди Сам Дурак, потом я, затем йокесы и Кентел, в конце Конотоп и Вам Кого. Конотоп рычал и сердито проклинал маразм, в котором существуют такие коридоры.

- Да у меня тут голова скоро не пролезет, - говорил он.

- Нам не впервой головы отрубить, - отвечал Естер.

Коридор закончился. Мы с Сам Дураком вышли в огромный зал со сводчатым полупрозрачным куполом. На стенах один за другим загорались большие телевизионные экраны. Некоторые показывали абстрактные картины природы, другие – цифровой шум, а на одном из них я разглядел рекламу: «Первый гибрид фуа гра и трюфеля, выращенный в неволе». После текста мелькнул логотип, на котором мне померещились слова «Не солоно зажрамшись».

Справа от меня зашипело. Я повернул голову и увидел источник звука – аппарат из большого количества причудливых труб, который надувал воздухом чёрную блестящую фигуру со шлемом. Несколько таких же, неподвижных, стояло возле стены, как манекены.

- Эй! – крикнул Пахом, пытающийся вылезти из коридора. – Да подвинься же!

Я чуть подвинулся, открывая проход, и Пахом занял моё место, перекрывая выход теперь уже Йоку Естеру. Впрочем, тот легко справился с ситуацией, разобравшись на отдельные косточки и вновь собравшись уже посреди зала.

- Кого я вижу! – воскликнул незнакомый звонкий голос под куполом. – Все здесь собрались – и йокесы, и люди, и кретины. Сейчас мы будем прекращать вам жизнь. Представить сложно красочней картины.

Под потолком висел молодой синеконный мужчина в чёрных плавках, который лениво взмахивал огромными, похожими на птичьи, крыльями. Он повёл рукой, словно совершая магический пасс, и чёрные фигуры ожили, подняв дубинки и двинувшись на нас.

Йок Естер рубанул ятаганом, разом выпустив из всех надувных болванов воздух. Сам Дурак обрушил мокрый меч на машину, которая готовилась надуть ещё одного, и та после пары ударов рассыпалась на запчасти.

- Ну что же, впечатляет, - певуче проворковал Рубель, опускаясь чуть ниже и осеняя нас слегка высокомерной улыбкой. – Только вот со мной, боюсь, вы справиться не в силах. Энергию не воздух мне даёт, и не вода в моих струится жилах. Взгляните, - он снова взмахнул рукой, и экраны на всех стенах отображали различные сооружения. – Эти стены строил я, и, несмотря на хаос во Вселенной, питает их энергия моя и избегут они навечно тлена. Я всё могу, - Рубель поднял арбалет и вложил в него стрелу. – И даже вас убить, да так, что вы вовек не оживёте. Поэтому прошу – умерьте прыть. А впрочем, вот пример моей работе...

Стрела выпорхнула из арбалета, сверкнула в воздухе и ударилась мне в грудь, сбивая с ног. Боль, такая страшная, какой я никогда прежде не испытывал, вспорола мою грудную клетку и перехватила дыхание. Я упал навзничь. Вокруг меня всё закружилось. Горячая жидкость убегала из груди, а сознание погружалось в чёрный туман. Я в панике пытался приподняться, но сил не было, а боль всё нарастала, ещё больше затуманивая рассудок, и я понял, что это конец. Я провалился в пустоту и перестал чувствовать.

Прошло какое-то время, которое я не смог бы оценить даже приблизительно. Словно сквозь слой ваты до меня донёлся размытый, трудно различимый голос Вам Кого:

- Да пропустите же меня... Абы... Как ты здесь оказался? Ты не волнуйся, мы тебя сможем вылечить. У нас много знакомых хороших психиатров. Дядя Убрать лечился от маниакально-депрессивного психоза у тёти Ни, а той, в свою очередь, помог избавиться от панических атак её двоюродный брат Малоли, которого мучала страшная депрессия и синдром хронической усталости, пока он не лёг в клинику к ныне покойному Чебуру Раху...

Я вырвался из темноты. Похоже, что боль отпустила, и я смог, чуть приподнявшись, сфокусировать взгляд на Вам Кого и Рубеле. Что за бред нёс Вам Кого?

- О ччччём ты, Вам? – спросил Рубель, весь съёжившийся и приземлившись на пол.

- Ну, я же вижу, что с тобой творится, - продолжал Вам Кого. – Навоображал непонятно чего. Крылья, арбалеты, мышцы вон какие... Тебе же за семьдесят! Я знаю, что с тобой случилось. Я всегда подозревал. Когда тебя окружили в храме полицейские, ты упал в Синее Пламя и представил себе, что оно забрало тебя и дало силы.

- Да ведь так оно и есть, - неуверенно произнёс Рубель, и я увидел, что его крылья рассыпаются в мелкие клочья и опадают на пол.

- Да как будто ты не знаешь, что в храмах никогда не зажигают настоящего Синего Пламени! Священники – просто люди! – воскликнул Вам Кого. – Это обычная газовая горелка.

- Так, значит, - промямлил Абы, - я не демон...

Я присел на полу. Голова всё ещё слегка кружилась, но это была ерунда. На экранах, окружавших меня, рушились дворцы, мосты и тоннели.

- Вам! – заплакал вдруг Абы, быстро превращаясь в бледного сухого старика с лицом, покрытым глубокими морщинами. – Как я рад, что ты меня нашёл! Забери меня отсюда...

- Конечно, Абы, конечно, - Вам Кого обнял своего брата и крепко прижал к себе. – Тебе нужен покой и хороший уход. Сам Дурак, - позвал он, - можно организовать какие-

нибудь носилки?

- Сейчас сделаем, - отозвался Сам Дурак, проходя мимо меня. – А вы, Володя, вставайте. Неужто вас так сильно ударило этой палочкой?

Я заметил, что к моей футболке прицепилась пластмассовая стрела от игрушечного лука. Я повертел её в руке, отбросил в сторону и поднялся на ноги.

Абы прижимался к Вам Кого, трясся и норовил упасть на пол. Ему явно было нехорошо.

- Вот носилки, - сказал Сам Дурак, выкладывая на пол сооружение из нескольких труб, позаимствованных из разломанного аппарата по надуванию полицейских, и останков одного из этих самых полицейских, натянутых на каркас.

Вам Кого помог брату улечься на носилки. Пахом и Цирикс ухватились за них и легко оторвали от пола, что было неудивительно – Абы сильно исхудал и весил, наверно, килограммов сорок.

- Представляю, каково ему сейчас, - пробормотал Сам Дурак. – Узнать, что последние тридцать лет твоей жизни просто вымысел – это нелегко.

- А что с ним на самом-то деле случилось? – спросил я.

- Как я понимаю, он сгорел, - ответил Сам Дурак, заставив меня задуматься.

Абы подал голос с носилок:

- Вот лежишь целыми днями, слушаешь, кто там ходит за стеной, и чаще всего оказывается, что это просто нервы, и лишь иногда – что это исполинский слонишка.

- Зато он здорово топает! – подтвердил Кентел.

- Да-да, и трубит вот так, - согласился Абы и издал громкий непередаваемый звук при помощи носа.

Внезапно помещение тряхнуло. Пол под нами стал выгибаться, а в стене появилась трещина.

- Надо бы отсюда бежать, - сказал Сам Дурак. – Этот дворец ведь тоже Рубель строил.

- Согласен, - сказал Вам Кого. – Вроде бы вон там выход.

Мы поспешили в дверь в дальнем углу комнаты. За ней оказался мрачноватый извилистый коридорчик, который всё вёл нас неизвестно куда и никак не хотел заканчиваться. Я увернулся от пролетевшего мимо меня синего заводного медведя с жёлтыми клыками и нагнал быстро шагающую вперёд фигуру Вам Кого.

- Интересно, - подумал я вслух, - а почему Рубель?

- Не знаю, - ответил Вам Кого.

- Да просто картинку такую видел давно, - раздался голос с носилок впереди. – Называлась «Рубель – демон летящий».

- Тьфу! – сказал Вам Кого. – Ну и балбес ты, Абы.

- Вам Кого, - спросил я, понизив голос, – а ты не жалеешь, что рассказал брату всё это? Ведь из-за тебя он стал таким...

- Ты не представляешь, насколько жалею, - тихо ответил Вам Кого, на ходу отхлебнул последний глоток из бутылки и отбросил её в сторону. – Но для меня он всё равно был уже мёртв. То, что сейчас – это в любом случае шаг вперёд. И хорошего врача я ему найду. Если, конечно, всё это когда-нибудь закончится.

Насчёт всего я не был уверен, но коридор закончился точно. Мы оказались в небольшом дворике, окружённом со всех сторон особнячками, производящими впечатление одновременно и старинных, и только что отстроенных. Один из особнячков как раз зашевелился, охнул и начал плавно оседать вниз, выдыхая белую известковую пыль.

Посреди двора стоял огромный агрегат с несколькими колёсами, парой гусениц, крыльями и вертолётным винтом, который я бы, пожалуй, мог назвать трактором-мутантом. Рядом с ним суетился мужчина невысокого роста с животиком, который помогал усаживаться в аппарат женщине и двум маленьким детям. Я внезапно понял, что это и есть тот самый Семён Дудиков, уничтожать которого мы пришли.

- Я знаю, кто вы, - сказал он, выпрямившись. – И не буду сопротивляться. Не я всё это

придумал, хотя, конечно, я во многом виноват с вашей точки зрения.

- А с вашей? – спросил Йок Естер.

- Не знаю, - ответил Дудиков. – Все мы – жертвы обстоятельств, и действуем мы каждый по-своему. Но сейчас я просто хочу уехать отсюда и жить спокойно, если получится.

- Учитывая, что вокруг маразм, - сказал Йокес, - я бы вас убил несколько раз, а потом отпустил на все четыре стороны. Но я тут не один. Что думаете, коллеги?

- Да хрен с ним, - ответил Конотоп. – Пусть убегает. Что мы, звери? Всё равно от него уже никакого толку.

- Согласен, - сказал Вам Кого. – Не до него сейчас.

- Спасибо, - сказал Дудиков и посадил в кабину трактора румяную девочку в сверкающем розовом платице. Затем села жена с крохотным мальчиком на руках. Мальчик улыбался ртом с четырьмя зубками и сжимал в руке погремушку в виде ракеты с надписью «Аполлон-11». Семён хмуро взглянул на нас, словно извиняясь, и приготовился встать на подножку.

В это мгновение воздух в центре двора вдруг начал резко густеть, превращаясь в неясную серую тень.

- Добрый, - произнесла тень хриплым низким голосом. – А также день.

Существо приняло вид низенького крепкого мужчины неопределённого возраста с полупрозрачным серым лицом, внутри которого кишели постоянно меняющиеся причудливые формы, то высовывающиеся из лица коготь, то поигрывающие щупальцем.

- Покидаешь, значит, нас, - сказал Морген. – Дурак ты, господин царь. Куда ты можешь от меня деться? Ты что же, думаешь, я не знаю, что ты собираешься сделать? Твои водолазы прокопали тебе туннель в Турцию, а там тебя ждёт заправленный самолёт на Венеру, где ты построил себе домик с банькой, гаражом и системой очистки воздуха. А ты хоть понимаешь, что без моего участия не было бы никакой Венеры и уж тем более домика? И если я захочу, то и тебя не будет?

- Понимаю, - кивнул Дудиков.

- И какой смысл бежать? – продолжал Морген, сделав шаг в сторону Семёна. – Ты, что же, думаешь, что я тебя хватать буду, а ты достанешь твоего виртуального скорпиона и от меня отошьёшься? Сразу скажу – не отошьёшься. Да и не нужен ты мне. Одним президентом больше, одним меньше – какая разница? Ты, небось, и не знаешь, сколько у Земли правителей, кроме тебя? Свою службу ты мне сослужил отлично. Я теперь сильный как никогда. Что смотришь так грозно? Всё ещё думаешь бежать? От меня же не убежишь.

- И всё-таки я попробую, - сказал Дудиков, залезая в кабину и захлопывая за собой дверь. Трактор завёлся с громким рычанием и сорвался с места, совершив в воздухе вираж и скрывшись за углом одного из особняков.

- Дурень, - сказал Морген. – Кто его ждёт на Венере, кроме меня? И вы тоже, - он повернулся к Вам Кого, - такие же кретины. Вы что пришли? Меня убить?

Он захохотал. Из лица высунулись несколько щупальцев, которые долго дёргались в такт его хохоту, а затем обвисли, словно усы.

Все стояли и не двигались, и я вдруг подумал – а почему, собственно, мы не набрасываемся на Моргена и не вырываем ему сердце? Всего пара шагов, и маразм может остановиться. Может, он просто всех загипнотизировал, и поэтому мы не верим в свои силы. Но я-то стою прямо перед ним в более или менее здравом уме, у меня есть голова, глаза и руки...

Я выхватил флистер, направил в грудь Моргену и выстрелил. Зелёный плазмоид достиг серой субстанции, составляющей Моргена, и исчез в ней, словно его и не было.

- Что-то мне страшно, - послышался возле моего уха тихий шёпот Родиуса.

- И у меня мороз по коже, - ответил я.

- Вы до сих пор ничего не понимаете, - сказал Морген. – Я сильнее и больше всего, что вы до сих пор видели. Я – тот хаос, из которого состоит всё, включая пустоту. Я – воздух, которым вы дышите. Я – каждый из вас и весь мир. Вы называете мою суть словом

«маразм», и это слово мне нравится. Только вот настоящего маразма вы ещё не видели.

Морген стал прозрачнее и словно бы заполнился изнутри дымом, а потом вдруг начал стремительно расти.

- Бежим! – крикнул Вам Кого, но мы не успели. Серая туча накрыла двор, поглотив нас и всё, что нас окружало.

Глава 8. Истинный маразм

Что есть абстракция? Раньше я понимал это примерно так. Если есть какой-то предмет в реальном мире, и его можно увидеть, понюхать или почувствовать, то это не абстракция. Если же я точно знаю, что есть некая штуковина, могу её описать или определить, но ни увидеть, ни почувствовать не могу – вот это абстракция. На самом-то деле, тогдашнее моё объяснение даже в реальном мире не выдерживало критики. Вот, скажем, вероятность – это абстракция, но её почувствовать на своей шкуре вполне можно, не говоря уже о проделанной работе по перемещению рояля с первого на девятый этаж. А уж в маразме понятия абстрактного и реального настолько размылись, что нельзя стало с уверенностью назвать что-то уж точно абстрактное. Чем сильнее маразм, тем больше вероятность увидеть в чистом виде синусоиду, или понюхать интеграл, или потрогать недоверие к прогнозу погоды на завтра.

Кроме того, поскольку мир постоянно строится заново, то и свойства всех идей, которые одновременно и предметы, меняться могут абсолютно радикально. Был предмет идей, а через мгновение смотришь – уже нет идеи, а есть только предмет, да и непонятно, смотришь ты вообще или как-нибудь по-другому это всё ощущаешь.

Меня всегда подобные вещи впечатляли. Наверно, каждый человек испытывал нечто подобное, изучая теорию функций комплексного переменного. Вот вроде бы на что виртуальная штука эти мнимые числа, а сделаешь с ними что-нибудь эдакое, глядишь – числа-то уже совершенно себе действительные, а то, не приведи Бог, и вовсе натуральные.

Это я, собственно, не просто так рассказываю. Я испытал на себе абстракцию в полном смысле этого слова, когда на меня накатил превратившийся в тучу Морген. Я не потерял способности мыслить и воспринимать окружающий мир, но что за мир меня окружал, я понять никак не мог.

Вокруг меня что-то находилось, и я мог различить отдельное нечто с одной или с другой стороны. Однако назвать эти объекты или хотя бы с уверенностью заявить, что это именно объекты, а не ерунда какая-то, я не мог.

Вот, к примеру, прямо спереди от меня висело вроде бы облако. Однако лишь только я попытался его рассмотреть и понять, какое оно, это облако, то тут же понял, что это не облако, а сомнение. Оно как раз во мне и зародилось по поводу облака, поскольку облака не бывают оловянными, а сомнение излучало оловянный блеск. С другой стороны, такой блеск вполне могло отбрасывать и стекло, и, выстроив в голове все эти слова в ряд, я отчётливо увидел, что сомнение стало вполне себе уверенностью, созданной из твёрдого и увесистого дерева. Это был рубленый дом.

Я не то шёл, не то парил к нему в густой дымке, которая и возникла-то, должно быть, как раз потому, что я именно парил, а дымка была похожа на пар, потом споткнулся, чертыхнулся и дошёл до ручки. Я дёрнул за ручку и увидел за дверью сумрачное помещение, освещавшееся двумя свечами и одной тусклой желтоватой лампочкой, которые были свалены в одну бесформенную кучу на столе, лежащем вверх ножками слева, у распахнутого настежь окна, за которым стоял солнечный летний денёк, уныло скрипя подошвами.

На скамье посреди комнаты восседали три-четыре человека. Я никак не мог сосредоточиться на них, поэтому не мог точно назвать их количество. Попытался посчитать

по головам – голов оказалось семь, отчего я и решил, что людей то ли три, то ли четыре.

- Здравствуйте, - сказал один из обитателей дома, сверкнув пенсне из розовой пластмассы. – Заходите, гостем будете.

- Здравствуйте, - сказал я. – А вы, простите, кто? И где я оказался?

- Как же это вы не знаете? – ответил другой голос – женский, но низкий, словно мужской, откуда-то снизу, из-под пола. – Вы с Луны, что ли свалились?

- Не знаю, - честно ответил я. – Точнее, не помню.

- Вы на корабле, - ответил первый голос, и говорящий внезапно оформился в плешивого неказистого мужичка, который висел передо мной в воздухе и дрыгал ногами. – Корабль сейчас начнёт погружение под землю, а там нас ждёт двуликий анус.

- Кхм, - сказал я. – А можно не погружаться? Я вообще-то друзей своих искал.

- Можно и не погружаться, - ответил мужичок. – А вот насчёт друзей не скажу, я не по этой части. Это вы лучше у сынка моего спросите, он у нас ума палата. Всё о здоровье своём заботится, метавитамины какие-то пьёт. Недавно вычитал где-то про сыроедение и стал сыр жрать тоннами.

- И где же ваш сын? – не понял я.

- Да что же вы, ослепли? – спросила женщина из-под пола. - Вон же он, в кастрюле спрятался.

Я присмотрелся и увидел, что справа, на лавке, стоит большой бак, из которого валит пар.

Я осторожно приблизился к нему и заглянул внутрь. Вместо дна у кастрюли открывалась бесконечная пропасть, на краю которой болтался в петле человек, одетый в потрёпанный старомодный костюм. Он внезапно улыбнулся и открыл один глаз, оказавшийся вращающимся диском в сине-зелёный горошек. Я инстинктивно дёрнулся, отстраняясь от повешенного, и свалился вниз, полетев в пропасть. Однако сразу же понял, что это не пропасть, а висящая в пустоте железнодорожная платформа, украшенная табличкой «Дно».

Я как-то сразу осознал, что платформа политическая, а на ней изготовлена обувь – видимо, красные сапоги, поэтому тут же подошёл бронепоезд, в борту которого приветливо распахнулась дверь.

Из двери показался бледный и очень светловолосый человек в старой военной форме и спросил:

- Едете?

- А куда этот поезд? – спросил я.

- Это не поезд, - с каменным лицом ответил военный. С лица при этом осыпались крошки гранита, поскольку для произнесения фраз лицу приходилось хоть немного, но двигаться.

- А что же это? – спросил я.

- Космический корабль, - ответил каменный человек. – Не видишь, что ли, паруса?

Я поднял глаза и увидел над бронепоездом несколько полосатых кусков резины, натянутых на сложную паутину из верёвок.

- Вижу, - ответил я. – Тогда еду, если космический.

Однако мой собеседник ничего мне не ответил, поскольку оказался скульптурой, привинченной к носу корабля. Я еле успел запрыгнуть на борт, как корабль тронулся и погрузился в воду своим тяжёлым каменным носом.

- Что-то дрянной у вас корабль, - сказал я в пустоту. – Не плавает.

- А он и не должен, - ответила пустота, отчего у неё появился рот, а затем и все остальные части тела, образовав не вполне чёткое изображение человека, загорелого, почти как московский бомж. – Зато ему красная цена семь вёрст не крюк.

- Мне бы друзей своих найти, - пробормотал я.

Изображение повернулось ко мне боком, отчего я увидел, что человек абсолютно плоский, толщиной в миллиметр.

- К вящему удовольствию, - сказал он, - это в ваших силах. Обжигают горшки, а не Боги.

- И как же мне их найти? – спросил я.

- Никак – моё второе имя, - ответил плоский человек и исчез совершенно, вместе с кораблём и остатками воды, оставив после себя только сушу. Правда, мокрую.

Я зашагал по грязи к единственному выделяющемуся впереди ориентиру – высокому деревянному забору, окружавшему тенистый и ароматный черничный сад. Когда я подошёл совсем близко, забор покосился глазом и отъехал в сторону, пропуская меня вперёд.

Справа колосился непрозрачный синий снег. Слева капали бессовестные слуховые аппараты крупного калибра. Где-то на заднем плане тошнило нескольких овец. Туда я и направился, должно быть, поскольку задний план неожиданно стал передним.

- Мееексус, - проблекала одна из овец, и из её зловонной зубастой пасти вылетел блестящий дорогой предмет непонятного назначения.

Тут я задумался. Как я могу так долго находиться в этом безумии и не сходить с ума? Пожалуй, это невозможно. Следовательно, существуют два варианта. Может быть, я постепенно схожу с ума, но в маразме этого не замечаю. А может быть, я сошёл с ума гораздо раньше, поэтому мне всё это и мерещится. Тут уж выбирайте – либо терциум, либо нон датур.

Да нет, это уже совершенное безумие. Не может всё, что со мной произошло, быть плодом моей фантазии. Я не настолько творческая личность. Вот если считать, что это плод нашей общей фантазии – тогда да, могу поверить. Я вспомнил о Вам Кого, Конотопе и Сам Дураке и преисполнился решимости их найти.

А кругом тем временем вертелись различные предметы – газированная лошадь, огненная дрель, лесная горбуша и кольцо со сверкающим циститом. Я полетел вперёд, вглядываясь в клубящуюся вокруг дымку, и чуть не столкнулся со стадом козлов, которые летели навстречу с диким воем. За ними на сложном деревянном сооружении мчались два бородатых мужика, которые показались мне знакомыми.

- Собрали-таки! Козлоуборочный! – орал один из них, а другой щёлкал бичом в форме горчицы.

Я запрыгнул на облучок, но, поскольку не знал, что такое облучок, то промахнулся и повис на заднем бампере.

- Уважаемые! – крикнул я. – Вы не видели, случайно, старика с дырявой головой?

- Нет, - ответил первый мужик.

- Никогда, - ответил второй.

Тут вдруг один из козлов взвился в воздух, и на мгновение его морда превратилась в тигриную.

- Володя! – крикнул тигр. – Нам всем надо держаться вместе!

Однако уже в следующую секунду он снова превратился в козла и исчез за поворотом дороги.

Под шлемом потела голова, и я отбросил его в сторону. Трасса вилась как сумасшедшая, и я еле вписывался на виражах.

- А зачем я еду? – пробормотал я. – Гораздо удобнее напрямую.

Я потянул на себя ручки управления, и самолёт оторвался от полосы. Я пронизал облако и накренился влево, разворачиваясь.

Этот мир отчасти зависел и от моего подсознания. Я хотел в данный момент встретиться со своими друзьями, и где-то они тоже в моём подсознании упоминались. Как их можно было оттуда достать? С чем у меня ассоциируется Вам Кого? С дырой в голове, с белыми костюмами и бородой. Что я должен делать? Встретить эти три предмета? Представить их? Или это одно и то же?

Самолёт летел прямо на огромные щёлкающие ножницы, одним кольцом вмёрзшие в глыбу льда, зависшую над небом. Я сделал «бочку», еле уклонившись от смыкающихся лезвий, и услышал зловещий металлический голос, которым ножницы попытались меня

остановить:

- Я музыкант! – кричали они. – Я всегда должен быть в форме, поэтому постоянно слушаю звонки и пишу смс!

- Господи, - пробормотал я. – Ну почему ножницы-то?

- Володя, - слышалось из-за моей спины, – нам срочно нужно как-то всё это ликвидировать. Я уже чувствую, как у меня крыша едет.

Я обернулся. На заднем сиденье моего самолёта сидел растрёпанный Вам Кого.

- Вам Кого! – закричал я. – Как здорово, что вы здесь! А я думал, это одноместный самолёт...

В ту же секунду Вам Кого исчез вместе с задним сиденьем.

- Что за бред! – воскликнул я, разозлившись, и почувствовал, как самолёт сотряс страшный удар. Похоже, я во что-то врезался. Тело моё разлетелось в мелкие осколки, и я на какое-то время потерял ориентацию, а затем понял, что снова цел. Я летел в пустоте, отдалённо напоминающей космос, только сиреновой, с крылышками, и толстой, как помидор. Мимо сновали разных размеров метеориты и моральный ущерб в размере семисот шестидесяти одного рубля.

- Так, - произнёс я вслух. – Что я должен сделать, чтобы все собрались вместе? Может быть, просто подумать о них?

Я закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, но почему-то так и не перестал видеть безумие, окружающее меня. Наверно, я всё это видел не глазами. Да и я ли это видел?

Внезапно я понял, что смотрю на самого себя со стороны. Ясоний висел впереди, чесал нос и искал ногами опору, которой не было. Но если он висел там, то кто же был я?

- Эй! – крикнул я и удивился мощности своего крика. – Володя! Скажи, кто я такой?

Ясоний вздрогнул, открыл глаза и посмотрел в мою сторону.

- Конотоп! – обрадованно закричал он.

В ту же секунду в моём сознании щёлкнуло, и я вернулся на прежнее место, в собственное тело. В сиреновой субстанции передо мной плавал Конотоп.

- Слушай, Володя, - сказал он. – Степень маразматичности настолько высока, что её уже невозможно измерить. Я думаю, сейчас очень важна уверенность. Надо верить, что всё кончится хорошо. Вот видишь, мы с тобой уже смогли встретиться. Это показывает, что у нас что-то да получается.

- Ну конечно, получается, - отозвался скрипучий голос сверху, и я увидел, как из одной из тучек спускается в очередной раз собирающийся из костей скелет Йока Естера. – Я же йокес.

Сиреневая субстанция стала менять цвет на серый. Она клубилась и густела, хотя при этом оставалась прозрачной на очень большом расстоянии. Не знаю, как уж такое могло быть, но маразм он и есть маразм.

Рядом со мной раздался сильный хлопок, и появился сердитый Вам Кого.

- Володя! – крикнул он. - Вы уж контролируйте свои мысли в следующий раз. Уши вам надо оторва...

Я перестал что-либо слышать. Вам Кого изменился в лице, подплыл ко мне и приставил оторвавшиеся уши назад.

- Простите, - сказал он, покраснев. – Я не хотел.

Он осмотрел собравшихся, а точнее, нас, как попало болтающихся в сером смоге, прокашлялся и произнёс с торжественной интонацией:

- Позвольте уж мне как Председателю Конгресса сказать. Да, ситуация тяжёлая. Но я уверен, что у нас есть все возможности уничтожить Моргена. Надо просто всем объединиться и нанести сокрушительный удар.

- Согласен, - слышалось из-за моей спины. Из-за ближайшего метеорита, который при внимательном рассмотрении оказывался слегка модернизированным и украшенным золотыми шишками черепом гигантского козла, выплыл Сам Дурак с мокрым мечом в руке. – Давайте покажем этому уроду. Вот только как его найти?

- Я думаю, - сказал Вам Кого, - что Морген везде, ведь он – просто воплощение маразма в нашем сознании. Но у него наверняка есть – не знаю, как это точно назвать – центр, средоточие. Короче, у него есть самое уязвимое место и, как мне кажется, это вот там, - палец Вам Кого указал в случайном направлении справа от него, и там за клубился густой серый дым, всё плотнее и плотнее.

- Тогда вперед! – крикнул Сам Дурак и, выставив вперед меч, полетел к сгустку маразма.

- Супермен! – заорал я, выставил вперед кулак и полетел за Сам Дураком. Азарт захватил меня с головой, обогнал меня и теперь летел впереди, постепенно трансформируясь в Цирикс. Она скрестила ноги, взмахнула рукой с включённым огнём и, выпрямившись, устремилась вдаль, на мгновение напомнив мне не то Сейлормун, не то кого-то из Винкс.

Уворачиваясь от метеоритов, мы уверенно летели к серому облачку впереди, которое сгущалось и выглядело зловещим, всё более чёрным пятном на холсте Вселенной или того, что от неё осталось.

Я внезапно увидел, что далеко слева от меня летит «Лакера». Йок Естер, который нёсся рядом со мной, умудряясь ещё и пританцовывать в полёте, уловил направление моего взгляда и прокомментировал:

- Я же говорил, что мы найдём способ устроить фейерверк.

Туча приближалась. Мы ворвались в неё стремительно, один за другим, и я вдруг почувствовал, что моё сознание рассыпается. Уже не было меня, не было предметов и идей, а были какие-то отдельные обрывки, вроде фраз, слов и образов, заполняющих собой всё.

Я на мгновение ощутил в своей руке палку, попытался взмахнуть ей, чтобы ударить по одному из клубов смога, но смог смог смогу смога отец Гамлет поколебал отстои нашего общества.

Ещё одно последнее усилие я приложил к тому, чтобы броситься ещё глубже, в самую пучину бессмысленных фраз и раствориться в ней. Я хотел крикнуть что-то, но передайте Задохлику, что синий слепой медведь всегда ходит и бормочет «сиськи, письки, ля-ля-ля». Сарай не содержит информации, а от аспирина я плачу. Как вам не стыдно? Да я осуществляю жизнедеятельность с семнадцатого года! Не казнить, а помиловать, не судью, а виновного, не немедленно, а условно. Всё птишки склюют. Немые мопеды дарёному коню палец в рот не кладут. Вы не похожи на Агату Кристи, она же мёртвая. Город N улетел в космос. Жертв и разрушений нет. Белокурая бестия по имени Чучмек и розовый капот из бумажейки. Would you be so заяц to точная science? Сколько раз говорить - не ешь кашки и работала на почте сторожевой крысой. Его до нашей эры разобрали на части, а он опять сидит, как тупоголовье крупного рогатого скота. Чаю! Воскресения! Мёртвых! Для того, чтобы лекарства помогали, надо их пить! А ты что делаешь? Запрещено притворяться неподвижными частями эскалатора! Неудобопроходимый баба-начальник Аристотель и мать его Фиораванти, купи жене сапоги покамест давеча бестволоской. Защитите ваших дёсен усохшая цапля новости православия живородящий лифт. Не преумножайте сущностей, Володя! А уверены ли вы в том, что ваши дети неукоснительно сссссссссссоблюдают правила пользования электропоездами? А где вы взяли такую мерзкую кость triangulated drums! Перекоп покопали, колпак перевыкопали, my baby это было не зимой это было в ice Крым troubled eggs миср мае саляма яваш конушабилир мисиниз в дребадан увешанный интесными приборами бесграмодный фундоок ссть-сскр 7 не готится _:>* ещё правее to the left жж надо жж так же ж aaa bang нетути &&&qwertu к йцукену пришолпришёл МНЕЕТСЕРТИЕДНРОАРОК

Яркая вспышка сменилась городской улицей. Я протёр глаза, привыкая к реальности, и увидел, что вся наша странная компания стоит на тротуаре посреди шумного города. Прохожие шли мимо, некоторые косились подозрительно и сторонились, но не задерживались, спеша по своим делам.

Цирикс оправила юбку и усмехнулась:

- Володя, вы такой удивлённый, что на вас без улыбки смотреть нельзя. Рот хотя бы

закройте.

- А что случилось-то? – спросил я. – Где мы?

- Кажется, Воздвиженка, - сказал Вам Кого. – Тут, кстати, был неплохой ресторанчик...

- Хи-хи, - сказал Абы. – Ресторанчик.

Я только сейчас его заметил. Стоял рядом с Вам Кого, вполне себе бодренький, хотя и старый, потирал руки в предвкушении удовольствия. Одет был в неизвестно откуда взявшийся чёрный костюм, хотя во дворце Дудикова я видел его практически голым. Сейчас хорошо было видно, насколько они с Вам Кого похожи. Один чёрный, другой белый, как инь и янь.

- Да не пустят нас в ресторан с тигром, скелетом, роботом, железными ногами и дырявой головой! – возмутился я. – Вы объясните, что произошло!

- Всё закончилось, - сказал Сам Дурак. – Мы победили.

- И что, теперь мы в настоящем мире? – спросил я. – Вот так, ни с того, ни с сего маразм закончился? Да нет, не верю.

Вам Кого резко повернулся ко мне. В его глазах плясал весёлый огонёк. Он наклонился к моему лицу, и я заметил, что он просто настолько светится счастьем, что даже кончик носа шевелится от возбуждения.

- Нет уж, Володя, вы поверьте, постарайтесь, - сказал Вам Кого. - Мне уж больно надоел весь этот маразм. И, кстати, ваше сомнение по поводу того, пустят ли нас в ресторан, лишний раз доказывает, что мы в реальном мире.

- Пустят, - сказал Йок Естер. – Мне всегда везёт.

Глава 9. Зарождение

Есть одно такое умное слово – диалектика. Я не до конца понимаю, что оно значит. Я о нём где-то читал или слышал, не более того. Как мне кажется, его смысл примерно в том, что не бывает чисто чёрного или белого, бывают лишь оттенки серого, темнее или светлее. Точно так же не бывает красного или синего, а есть только фиолетовый, в котором часть красного, а часть синего. Но и фиолетового не бывает, поскольку он смесь красного и синего, а каждого из них не существует. Тьфу! Опять меня куда-то не туда понесло. Короче говоря, диалектика в моём неправильном понимании состоит в том, что абсолютно верных утверждений не бывает, и это одно из них.

Поэтому никогда нельзя точно сказать, что именно произошло и почему. В какой-то степени верны все варианты.

Когда мы после окончания маразма сидели в ресторанчике, я долго расспрашивал остальных о том, что они думают о произошедшем. Как именно остановился маразм и почему? Каждый высказывал собственную версию, но ни одна не казалась мне убедительной. Должно быть, истина находилась где-то посередине или в суперпозиции всех этих вариантов.

Одна версия утверждала - мы сильно поверили в то, что победим, и победили, неважно как. Я бы сказал, это версия скорее религиозная, чем научная, хотя и она, с учётом маразма, имеет право на жизнь. Ещё говорили, что «мнеетсерттиеднроарок» - это ещё один, неизвестный ранее, пароль Седьмой Плиты (как вариант – одной из Плит), и, когда мы дошли до абсолютного словесного бреда, он подобрался случайным образом, сам собой. Мне эта версия не нравится тем, что вероятность подбора конкретного слова из девятнадцати символов очень мала, а подобралось оно довольно быстро. Это примерно как зарождение жизни – ну кто же поверит в то, что молекулы могут в доисторическом бульоне сами слепиться в нечто, из чего возникает самоорганизующаяся и способная воспроизводить себя

субстанция? Третья версия – что создатели нашего мира и Плит, кем бы они ни были, заложили в систему некую защиту от дурака, которая сработала, когда система пошла вразнос, и её перезагрузила. Были и другие гипотезы, но они в какой-то степени сводились к перечисленным трём.

У меня же была своя идея на этот счёт, но я её не высказал, поскольку оформилась во что-то сознательное она несколько позже. Мне кажется, что Варгнаттубогариттул – существо, которое я видел во сне – развалился на мелкие частички в момент создания нашего мира, но не исчез абсолютно, а все ещё существует в некой нематериальной форме и может на мир влиять. Возможно, он и есть та пустота, которая находится между молекулами и атомами. Или ещё что-нибудь в этом духе, я не силён в физике. И вот именно Варгнаттубогариттул смог в нужное время произнести нужный пароль Плиты, чтобы навести порядок. Я сам не уверен в этой гипотезе, но мне почему-то хочется в это верить. Тогда во всём появляется некий смысл и надежда на лучшее.

С другой стороны, если всё так и есть, как я описал, то Варгнаттубогариттул становится чем-то похожим на Бога, а в него я поверить по-настоящему так и не смог. Короче, я не знаю, как всё было на самом деле. Наверно, все эти версии – правда. В конце концов, мир всё равно каждое мгновение создаётся заново, и в каждом новом мире своя правда. Это при условии, что правда, мир и мгновения вообще существуют.

Мы долго праздновали победу, сначала в одном ресторане, потом в другом, а дальше я уже не очень хорошо помню. Где-то в середине первого ресторана выяснилось, что энергетические единицы уже никто не принимает, и нужны рубли, но у меня в кармане неизвестно откуда взялась огромная пачка денег, и мы продолжили пьянствовать.

Постепенно мы теряли собутыльников. Сначала откололись йокесы, сославшись на дела. Собственно, они с самого начала держались несколько особняком, говорили мало, а Цирикс и Йок Естер вообще не пили и не ели. Они захватили с собой Абы, поскольку тот окосел с пары рюмок, стал лезть на стол и громко, на весь ресторан, декламировать стихи Баркова. Йокесы обещали его забросить в указанную Вам Кого лечебницу. Потом нас покинул Сам Дурак. Он договорился с Вам Кого о первом отпуске за несколько лет службы, и за ним прилетел военный катер, чтобы отвезти домой. Затем улетели Рахи. Им не терпелось заняться какой-то новой теорией о перпендикулярности Вселенных. Я ничего не понял в том, что они мне рассказали, но звучало ещё более жутко, чем маразм, так что я не стал даже пытаться вникать в детали.

Остались мы с Вам Кого. Я был уже очень сильно пьян, когда Вам Кого тоже решил остановиться. Он позвонил на Эгозон и попытался вызвать для себя корабль.

- Алло! – кричал он в трубку, и проходящий официант в сомнительном заведении, где мы на тот момент находились, посмотрел на нас недружелюбно. – Вы можете выслать челнок для меня? Я – Председатель Конгресса Вам Кого. А кто может? Ну, сообщите Нибудю, он же у вас за главного... Арестован? А кто же исполняет обязанности... Ле Сист?! О Боже! Да, да, хорошо, жду.

Вам Кого убрал телефон и стряхнул головой.

- Надо трезветь, - сказал он, наливая себе очередную рюмку. – Там у них чёрт знает что творится на Эгозоне. Срочно нужно наводить порядок.

Он допил, мы расплатились и вышли из забегаловки на улицу. Московский воздух казался таким свежим и родным, что хотелось летать, а звёзды над головой порхали и кружились, как сумасшедшие.

- Володя, - подхватил меня Вам Кого, – да вы еле на ногах держитесь! Хватайтесь уж за меня.

Я повис на его шее, так что Вам Кого крикнул от моего веса и надулся.

- М-да, - сказал он. – Ну, да ничего, вот сейчас до скамеечки дойдём.

Я помню, как он оттащил меня на скамейку и сам ушёл куда-то, а когда вернулся, долго тряс меня и будил.

- Пойдёмте, прощаемся, - сказал он. – Улетаю я.

- Ага, - кивнул я. – Жалко.

Мы двинулись по тропинке незнакомого мне сквера, затем продрались сквозь кусты, и я увидел небольшой кораблик, очень похожий на тот, в котором мы в прошлый раз улетали с Земли, только золотистого цвета и немного расплывчатый.

- Как он сюда попал? – промямлил я.

- Прислали, - ответил Вам Кого. – Новинка. Полностью автоматический челнок, даже переход в гиперпространство сам просчитывает.

Вам Кого пожал мне руку:

- Володя, спасибо вам за всё, что вы сделали. Извините, что я вас иногда шпынял и часто недооценивал. Вы молодец.

- Спасибо вам, что выбрали меня, - сказал я. – Пусть и случайно.

- Эх! Вы же знаете теперь, - ответил Вам Кого, – что случайностей не бывает. Ну, я полечу. Мы ещё обязательно встретимся. Кстати, вы же почётный член Конгресса, так что в любой момент можете принять участие в заседании, если пожелаете.

- Это здорово, - я кивнул и пошатнулся. – Как-нибудь обязательно.

Вам Кого обнял меня за плечи, потом пожал руку и открыл дверь кораблика. Там, за дверью, стояли стопки картонных коробок, заполняющих собой чуть ли не всё свободное пространство. Приглядевшись, я понял, что в коробках банки с маринованными огурцами.

- Ох и ничего себе, - сказал я. – Когда вы их успели погрузить?

- Да пока вы на лавочке отдыхали, - простодушно ответил Вам Кого. – Тут рядом магазинчик. Ну, до свидания. Удачи вам.

- И вам удачи, - сказал я.

- Вы отойдите, Володя, - сказал Вам Кого, - а то двигатель сейчас включится.

- Ага, - согласился я. – До свидания.

Вам Кого вошёл в корабль и закрыл за собой дверь. Я отошёл шагов на двадцать и увидел, как кораблик, выбросив не такой уж большой сноп пламени, взмыл вверх. На земле от него остался только кружок опалённой травы.

Я постоял немного, собираясь с мыслями, и вдруг понял, что у меня не осталось даже телефона Вам Кого. Правда, я вроде бы помнил номер йокесов. Ну, тогда ладно, как-нибудь можно связаться через них.

Я долго шёл разными тёмными тропинками неизвестно куда. Помню, что ещё что-то пил, и много чего не помню. К утру я нашёл себя на очередной скамейке, встал и побрёл дальше. Хорошо ещё, что хватило мозгов сумку подложить под голову, а то бы точно спёрли. Когда ориентация в пространстве начала восстанавливаться, я понял, что нахожусь возле «Парка культуры».

- Почему опять здесь? – не понял я и направился ко входу в станцию, но меня остановило смутное ощущение, что я слышу знакомый голос. И правда, в нескольких метрах от меня как всегда небритый Антипов разговаривал с неким хмырём ещё более замызганного вида, чем он сам.

- Ну что за херня? – говорил Антипов. – Ты ж обещал принести мотор.

- Обещал, - соглашался хмырь.

- Ну и где он? – спрашивал Антипов.

- Не помню, - отвечал его коллега, теребя в руках папироску, - у меня два последних дня из башки выпало.

Я сдержал свой первоначальный порыв подойти и поздороваться, поскольку понял, что это однозначно ведёт к продолжению банкета, а мне пора было завязывать. Сценка навела меня сразу на две мысли. Во-первых, надо прекращать пить окончательно и бесповоротно, чтобы не превратиться в такого, как эти двое. Во-вторых, те люди, которых я встречал в маразме, никуда не подевались. Они такие же реальные, как я или вы, мой читатель. Существует где-то капитан Покобатько, живёт на свете Дудиков с семьёй, твёрдо стоит на ногах Упалыч. Ну, конечно, они в реальности немного другие. В маразме то, что внутри человека, в душе, сильнее выползает наружу. Так что вполне может быть, что

капитан Покобатько – вовсе не капитан, а если и капитан, то не такой мерзкий и первого ранга. Упалыч наверняка не знаком с Рубелем, да и Дудиков уж точно не президент. Однако это мало что меняет. Если в душах у людей грязь, то скорость её распространения зависит только от степени маразматичности, да и то не так уж сильно, ведь маразм никто не отменял.

Мы все живём в маразматическом мире, и мир этот очень зависит от нас, от того, какие мы, о чём мы мечтаем и думаем. Наша фантазия, слава Богу, ограничена, но не настолько, чтобы с ней уж совсем не считаться. Ведь придумали же мы атомную бомбу, напалим и авторские права...

Я вдруг понял, что прошёл через турникет метро, забыв приложить карточку. При этом турникет открылся. Сам. Видимо, техника тоже иногда даёт сбои, не только человеческий мозг.

Чувствовал я себя, мягко говоря, не очень хорошо. С одной стороны, опьянение ещё не прошло, с другой, симптомы похмелья уже были налицо – голова гудела, подташнивало. В метро я оказался в самый час пик. Полно народу, и практически всем я со своей пьяной рожей мешался. Одному плохо нарисованному хмурому пассажиру я наступил на ногу, другой расплывчатой девушке зацепился за зонтик сумкой, отчего она завопила: «Уроды! Обижаете меня опять!» - и стукнула меня по ноге пакетом. Потом я споткнулся о чужой чемодан и, падая, чуть не уронил ещё двоих. Кое-как протиснувшись, пристроился возле двери. Пока ехал, мне казалось, что я чувствую желудком, как колёса проезжают стыки рельсов. Хотя какие уж в метро стыки, смех один.

Мой взгляд привлекла надпись в конце вагона: «Отключите стояночный тормоз». Мне на мгновение стало не по себе. Уж больно это напоминало безумные вывески, которые постоянно попадались в маразме. Впрочем, когда я немного напряг мозг, понял, что ничего особенного в этой фразе нет. Она относилась не ко мне, а к работникам метро, вот и всё. Я потряс головой, чтобы от меня отвязалось раз и навсегда это дурацкое ощущение, что я нахожусь в маразме. Голова закружилась, и я снова чуть не упал, успев ухватиться за поручень.

Вышел на «Кунцевской», чтобы дальше идти пешком. Автобуса я бы уже не вынес. А так ветерок помогал понемногу приходить в себя. Правда, вонь от проезжающих машин с похмелья чувствовалась особенно остро. Не знаю уж, сколько я времени шёл от метро до дома, но, когда подходил к дому, сил вообще не было. Я посмотрел пьяным взором на свой балкон и подумал, что он так близко – рукой подать, да и балконная дверь открыта, а мне ещё надо отпирать подъезд, подниматься по лестнице...

Я прыгнул. Тяжело стукнулся грудью о перила балкона, повис.

- Блин, что же я за идиот-то... - проскрежетал я зубами, пытаясь вскарабкаться наверх. Если бы меня кто увидел, наверно, вызвали бы милицию. Но мне повезло. Я перевалился через перила, чуть ли не на четвереньках вполз в комнату, плюхнулся на диван и отключился.

* * *

Внимательный читатель, увидев эти мои три звёздочки, возмутится: «Ну как же так! Опять эти три козявки! Ну, в прошлый раз ещё понятно – там было некое оправдание. Но сейчас-то ничего особенного». И будет прав. Однако, как я уже говорил раньше, я имею право ставить звёздочки где угодно в этом тексте, поскольку именно я его пишу. Так что можете возмущаться сколько душе угодно, звёздочки всё равно уже есть. Ну, нравятся они мне просто, вот и всё.

Уж не знаю точно, сколько я проспал, но, когда я проснулся окончательно, снова было утро. Яркое солнышко било в окно, сквозь незапертую балконную дверь веяло свежестью, да и чувствовал я себя, как ни странно, отлично.

Я встал и пошёл в ванную, где умылся, побрился, почистил зубы, помылся и

переоделся – короче, привёл себя в порядок. Потом вернулся в комнату и решил разобрать сумку, которая валялась возле дивана. Вообще, судя по её виду, мне нужно было решить, то ли её как следует постирать, то ли просто выкинуть, но я отложил этот вопрос на потом.

Первое, что мне попало под руки – моя зачётка. Она вернула меня к суровой правде жизни. Мне предстояло готовиться к осенней пересдаче. Правда, оставалось ещё почти два месяца, как мне подсказывал календарь в моих часах, но это радовало только отчасти. Я раскрыл зачётку, полистал. На последней заполненной странице стояла подпись профессора Тургенева и оценка «хор». Я не мог поверить своим глазам. Оказывается, я сдал экзамен, да ещё и на четвёрку! Болван, я ведь тогда даже в зачётку не посмотрел, решив, что там уж точно «неуд»!

Я немного попрыгал от радости по комнате, повыкрикивал разные междометия, потом успокоился и продолжил выкладывать вещи из сумки. В фонарике села батарейка. Ножик отчего-то слегка заржавел. Может, после прогулки по дну моря, уж точно не скажу. Потом я достал Семнадцатую Плиту. По-хорошему, её нужно было бы вернуть в хранилище Конгресса, но у меня на волне эмоционального подъёма мелькнула другая озорная мысль.

Я взял Плиту и, выйдя из квартиры, позвонил в дверь напротив. Выглянул насторожённый Шура.

- Привет, сосед. Ты чего в такую рань?

- Я это, - ответил я. – Кирпич вот принёс. В уплату за соль.

- А. Спасибо, - Шура взял кирпич и вдруг вперился в меня взглядом: - Э, друг! А ты где его взял?

- Купил, - оторопел я, вспомнив нашу сделку с йокесами. – А что?

- Да это мой кирпич, - ответил Шура. – Я эти буквы запомнил. Увели его у меня.

Приходил один ханыга, тощий такой, прямо скелет. Говорит, хочу у вас кирпич один купить, с буквами на нём. Я его стал расспрашивать – откуда, мол, знает, да зачем ему кирпич, а он не отвечает, «надо» говорит. Скользкий какой-то, не понравился он мне. И вообще странная история. Короче, прогнал я его, а потом стал искать этот кирпич – нету. Уж не знаю как, но утащил он его. Может быть, даже раньше утащил, чем приходил.

- Ничего не понимаю, - сказал я. – А у вас-то этот кирпич откуда взялся?

- Купил в магазине, - сказал Шура. – Потом заметил, что он необычный, сильно гладкий, да и надпись непонятная.

Я молчал. Не сходилась в моей голове вся эта история с кирпичами. Семнадцатую Плиту взяли из хранилища, а потом отвезли в магазин стройматериалов, где её купил Шура? Бред. Да и по времени наверняка не стыкуется.

- Ладно, сосед, - махнул рукой Шура. – Ты же тут ни при чём, правда?

- Правда, - согласился я.

- Значит, мы в расчёте, - Шура посмотрел на меня пристально. – А ты что бледный такой? Всё учишься, что ли? Шёл бы лучше погулял, погода хорошая.

- Ага, - сказал я. – Обязательно.

- Ну, бывай, - Шура закрыл дверь, и я остался наедине со своими мыслями.

Я ничего вразумительного насчёт Плиты не придумал и махнул на это рукой. В конце концов, всё это происходило в маразме, где концы вполне могли и не сойтись. Там что угодно могло произойти, и для всего нашлось бы объяснение. Но насчёт прогулки мне идея понравилась, и минут через пятнадцать я уже шёл по залитой Солнцем улице, кусая мороженое. На этот раз оно крепко держалось на палочке, и я был абсолютно доволен жизнью. И всё-таки мороженое чуть не оказалось на асфальте снова, на этот раз потому, что я чуть не выпустил его из рук от удивления. Навстречу мне шёл улыбающийся Фёдор.

- Привет, - сказал он.

- Привет, - ответил я. – Наши с тобой случайные встречи меня начинают настораживать. Здесь-то ты что делаешь? Здесь букинистов нет, да и до ближайшей станции метро далеко.

- Ты не поверишь, - сказал Фёдор, - но я решил, что плохо знаю Москву, расчертил её

на мелкие квадратики и пометил те из них, где ещё не бывал. Знаешь, сколько их оказалось?

- Догадываюсь, - ответил я. – Семьсот шестьдесят один?

Теперь пришла очередь удивляться Фёдору:

- Точно. Только не понимаю, откуда ты можешь знать. Я не говорил никому ещё.

- Все наши мысли на самом деле не только наши, - уклончиво ответил я.

- Это правда, - согласился Фёдор. – Хотя, признаться, я, перечитав множество философских книг, в последнее время всё больше склоняюсь к диалектическому материализму. Мне кажется, вся остальная философия возникает там, где люди ищут какие-то чудеса. Между прочим, в эту сторону ты меня подтолкнул.

- Когда это? – не понял я.

Фёдор склонил свою голову чуть набок, прищурился:

- А помнишь, в прошлую нашу встречу ты всему удивлялся? И машины у тебя необычные, и слоны не к месту, и название у магазина чудное.

- А, помню, - кивнул я. - Ну и что?

- Я понял, что перестал удивляться чудесам, - сказал Фёдор, и улыбка его стала немного грустной. – На самом-то деле, всё вокруг нас – чудо. Рождение человека – чудо, мыслительный процесс – чудо из чудес, а уж как чудесно устроен микромир! Мы просто привыкли. Как только чудо происходит в реальности, мы перестаём считать его чудом, только и всего.

- Да, - согласился я. – Я тоже об этом думал, только сформулировать не мог. И ты, значит, теперь все эти свои квадратики обходишь?

- Ага, - Фёдор ткнул пальцем в моё мороженое. – У тебя течёт. Сейчас на штаны капнет.

Я поймал каплю ртом:

- Ы! Да, спасибо.

- Ну ладно, бывай, - сказал Фёдор, усмехнувшись.

- Пока, - сказал я и пошёл дальше.

Совершив довольно большой круг, я решил двинуться домой. В конце концов, меня ждали десятки дел, которые я хотел бы успеть за лето. Впереди оказался мой дом. И я вдруг вспомнил, как вчера в пьяном бреду запрыгивал на свой балкон. Это что, мне приснилось? Привиделось под действием алкоголя?

Я стоял, поражённый. Балкон располагался на пятом этаже, и это было настолько высоко над землёй, что о прыжке не могло быть и речи. Я поскрёб в затылке, побормотал по привычке немного вслух, а потом понял, что ответа не нахожу, да и пошёл домой. Как сказал один видный политический деятель: «В маразме лучше не задумывайтесь о таких вещах – свихнётесь». Я и не стал задумываться.

В моём почтовом ящике что-то белело. Я нахмурился. У меня возникло ощущение дежа вю, к тому же не предвещавшее ничего хорошего. Если бы это оказался конверт без обратного адреса, а письмо внутри начиналось со слов «Каранзима ременди», я бы, наверно, начал биться головой об стену. Скрепя сердце я открыл почтовый ящик. Обратный адрес, и правда, отсутствовал, а адрес получателя гласил: «Планета Земля. Ясонию».

- Чёрт, - пробормотал я. – Только не опять...

Меня, правда, слегка обнадеживало, что прислали мне скорее бандероль, потому что конверт был большим, пухлым и увесистым. Я спешно вскрыл его и увидел пачку листов, исписанных корявым почерком. Хотя нет, похоже, сразу тремя. Однако в следующую секунду я вздохнул с облегчением. Послание начиналось со слов «Я достал из почтового адреса конверт и заметил, что на нём нет обратного адреса». В этом, однако, тоже чувствовалось нечто знакомое.

Я поднялся к себе в квартиру, не отрываясь от текста. Сначала я вообще ничего не понимал. Чтение заняло у меня около получаса, и только в конце оказался ещё один листочек с кратким пояснением, а откуда, собственно, взялся этот текст.

Некоторое время я сидел и размышлял. В принципе, ничего особенно это не

обозначало. То, что трое молодых идиотов по некоторой замысловатой технологии написали рассказ, описывающий примерно то, что со мной случилось на самом деле, доказывало всего две вещи. Во-первых, их технология работала и в некоторой степени моделировала маразматическое пространство, во-вторых, причинно-следственная связь возникновения маразма, которую Конотоп грубо описал с помощью подавившейся экскрементами змеи, оказалась ещё чуточку сложнее. Ну, и что мне с этим оставалось делать? Ничего.

Зато это напомнило мне, что я не окончил свой собственный труд по описанию наших приключений. Я взял тетрадь, исписанную уже примерно до половины, и продолжил свои писательские экзерсисы.

Близился вечер. Я писал практически без перерыва и дошёл до того момента, когда Цирикс сидела со мной у разведённого ей костра. Тут я оторвался от тетради и вспомнил ту сцену. Сейчас Цирикс представлялась мне нереальной, фантастической. Её просто не могло быть. Но даже когда она была рядом, и я точно знал, что она существует, она всё равно была чем-то чужеродным в моей жизни, синтетическим, словно героиней компьютерной игры или фильма. Не потому, что она робот, ведь все люди разные. У кого нет руки, у кого ноги, а у неё почти всё тело протез, не в этом дело. Просто она была слишком идеальной. Красивая, умная, сильная, быстрая и практически вечная. Кому нужно совершенство? Ну, уж точно не такому, как я. А, впрочем, всё это ерунда. Я снова опустил глаза в тетрадь и взялся за ручку.

Зазвонил мой мобильник. Я вздрогнул от звука. Должно быть, потому, что он редко звонил, и я отвык от этого дребезжания ползущего по столу аппарата. Определился номер Тамары. Я удивился и снял трубку.

- Привет, - сказала она, слегка картавя. – Можешь говорить?

- Да. Привет, - ответил я. – Очень рад слышать.

- Как у тебя дела? – поинтересовалась Тамара.

- Отлично, - сказал я. – Представляешь, я, оказывается, экзамен сдал. Я думал, что не сдал, а, оказывается, сдал. Я в зачётку не посмотрел тогда – ну, думаю, Тургенев же. А, оказывается, сдал. Вот.

- Поздравляю, - сказал Тамара. – А мне тут на днях такой сон снился необычный. Реалистичный очень и жуткий. Про ангела. Будто он летает со мной и всякую гадость про мир рассказывает. Причём стихами. Ты прикинь, мне даже стихи эти снились, с рифмой и размером. Жалко, сейчас не помню, можно было бы записать. Хотя, по ощущениям, вроде бы дрянные стихи были. Ну, а потом стал ко мне приставать. Вот бред-то!

- Да уж, - сказал я.

- А ещё там был дедушанчик один добрый. На тебя, кстати, слегка похож, только умный такой. На лодке плавал и меня подбадривал. А потом я проснулась и никак не могла понять, сон это был или нет. А давай в кино сходим?

- Э... М... - сказал я. – Давай. А на что?

- Да наплевать, - ответила Тамара. – Я не знаю, что сейчас идёт. Можно даже специально вслепую пойти, наугад. Приехать в кинотеатр да пойти, на что попадётся. Мне кажется, по приколу будет.

- Хорошо, - сказал я. – Я с удовольствием. Когда?

- Давай завтра, часов в шесть? – предложила Тамара.

Я согласился. Договорились о месте встречи и попрощались. Тамара повесила трубку. Я положил телефон на стол и попытался осознать свалившееся на меня счастье. С чего бы это? И что мне делать теперь, чтобы всё не испортить? В моей голове стали выстраиваться пронумерованные списки различных возможных причин её звонка, моих дальнейших пошаговых действий и предосторожностей, но я, усмехнувшись, отбросил их сторону.

Я встал и подошёл к окну, взглядевшись в вечернее небо. В конце концов, что толку планировать всё наперёд, если каждое мгновение мы живём в абсолютно новом, только что родившемся мире?

Над шпилем МГУ медленно плыл флаер. Смеркалось. На Эйфелевой башне зажглись габаритные огни.

1991-2013

Москва – Конаково – Солнечногорск – Сходня – Мытищи – Сахл Хашиш